

Правительство Республики Бурятия
Министерство культуры Республики Бурятия
Государственный архив Республики Бурятия
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ – 95 ЛЕТ

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2018

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2P54)
Р 438

Научный редактор
академик РАН *Б. В. Базаров*

Редакционная коллегия
С. Б. Дагаева, д.ф.н. *Е. В. Сундуева* (отв. ред.), д.и.н. *Б. Ц. Жалсанова*,
д.и.н. *Л. В. Курас*, д.и.н. *А. М. Плеханова*

Р 438 **Республике Бурятия – 95 лет:** сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 344 с.: цв. вкл.

ISBN 978-5-7925-0521-6

Сборник содержит статьи Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию образования Республики Бурятия (30 мая 2018 г., г. Улан-Удэ). В них анализируются проблемы национально-государственного строительства, экономической модернизации национальных районов Сибири, социально-политического и демографического развития Бурятии, ее духовной и религиозной жизни, становления и изменения институтов культуры, образования и науки. Представлены результаты этнологических, археологических, языковедческих исследований, а также научных работ в области фольклора народов Бурятии.

Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей и современной жизнью региона.

Republic of Buryatia – 95: volume of articles / editor in chief B. V. Bazarov. – Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center, 2018. – 344 p.

The volume includes papers of the international scientific conference, devoted to 95th anniversary of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude, May 30, 2018). The subject of the articles encompasses a wide range of the questions connected with the national and state construction, economic modernization of the national areas of Siberia, socio-political and demographic development of the Republic of Buryatia, its spiritual and religious life. The attention is paid to formation and development of institutes of culture, science and education in the republic are published in the collection, results of ethnological, archaeological, linguistic researches and researches in the field of folklore of the people of Buryatia.

The volume is addressed to readers who are interested of history and modern life of the Republic of Buryatia.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках реализации Государственной программы Республики Бурятия «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России в Республике Бурятия»

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2P54)

ISBN 978-5-7925-0521-6

© Правительство РБ, 2018
© ГАРБ, 2018
© ИМБТ СО РАН, 2018
© Кол. авт., 2018
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2018

РАЗДЕЛ 1

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

DOI 10.30792/978-5-7925-0521-6-2018-3-6

Базаров Борис Ванданович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация
bazarov60@mail.ru

БУРЯТИЯ В XX–XXI ВВ.: ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ К СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹

В статье рассматриваются основные этапы и достижения Республики Бурятия в деле национально-государственного строительства за 95 лет. За этот период республика прошла сложный путь от автономной республики до современной Республики Бурятия – субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская Советская Социалистическая Республика; национально-государственное строительство; социально-экономическое развитие; агропромышленный комплекс; научно-образовательный потенциал; межэтническое взаимодействие; местное самоуправление.

Bazarov Boris Vandanovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

BURYATIA IN 19-20th CENTURIES: FROM NATIONAL AUTONOMY TO MODERN REPUBLIC

The article examines the main stages and achievements of the Republic of Buryatia in the national-state building for 95 years. During this period, the Republic of Buryatia has passed difficult way from the autonomous republic to the modern Republic of Buryatia.

Keywords: Buryat-Mongolian Soviet Socialist Republic; national-state building; socio-economic development; agricultural sector; scientific and educational potential; inter-ethnic cooperation; local self-administration.

В Конституции Российской Федерации определены базовые принципы национальной политики государства, ее основные цели и задачи на современном этапе, конкретные направления и механизмы реализации. Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1999 г. № 909 была принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [Указ Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909]. В 2012 г. на смену Концепции пришла Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Но при этом отсутствует четкая структура и механизмы по реализации национальной политике. Так, с 2004 до 2014 г. национальной политикой ведало Министерство регионального развития Российской Федерации. А после его ликвидации полномочия по национальной политике и вовсе были переданы министерству культуры России. Лишь в 2012 г. было создано Федеральное агентство по делам национальностей, не имеющего соответствующей вертикали в регионах федерации [Указ Президента РФ от 31 марта 2015 г.]. Все это заставляет нас обратиться к ленинской национальной политике, получившей реальное воплощение в Союзе Советских Социалистических Республик, а также в социалистической автономии, прошедшей проверку временем.

30 мая 1923 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял постановление: «Объединить в одну Автономную Советскую Социалистическую Республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске». В состав БМАССР почти полностью была включена Прибайкальская губерния. Тем самым в соответствии с ленинской национальной политикой впервые в истории Российского государства была создана принципиально новая государственность, объединенная единой территорией, экономической целостностью, историческими связями всех проживавших здесь народов.

31 июля 1923 г. состоялось первое заседание революционного комитета БМАССР. Бурисполком Сибири и Бурревком Дальнего Востока подлежали роспуску, а иные областные органы были реорганизованы в соответствующие наркоматы республики. На этом же заседании ревкома было принято «Временное положение» о государственном устройстве БМАССР, назначены народные комиссары и члены коллегий народных комиссариатов.

9–11 сентября 1923 г. было проведено совещание работников ревкома республики, Прибайкальского губернского исполкома, председателей уездных и аймачных исполкомов и секретарей уездных и аймачных комитетов РКП(б) по вопросу об организации районов БМАССР. Совещание постановило провести объединение уездов и аймаков, оставив открытым вопрос об объединении волостей и сельских обществ. На территории БМАССР было решено образовать: аймаки Тункинский, Эхирит-Булагатский, Боханский, Аларский, Хоринский, Троицкосавский, Баргузинский, Агинский и Верхнеудинский уезд. Аймаки делились на хошуны, а уезд — на волости.

В сентябре 1923 г. все учреждения и организации бывших автономных областей переехали из Иркутска и Читы в Верхнеудинск. 12 сентября 1923 г. ВЦИК утвердил «Положение о государственном устройстве БМАССР», по которому Бурят-Монгольская Республика входила в состав РСФСР как ее федеративная часть с центром в городе Верхнеудинск. В «Положении» указывалось, что аппарат государственной власти БМАССР организуется, согласно Конституции РСФСР, из местных Советов, их съездов и исполкомов, Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета.

Для управления делами БМАССР были учреждены народные комиссариаты: автономные – внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

лия; директивные – труда, финансов, совет народного хозяйства, рабоче-крестьянская инспекция. Кроме того, были созданы Бурят-Монгольский военный комиссариат, орган уполномоченного ГПУ РСФСР при Народном комиссариате внутренних дел Буреспублики и статуправление при СНК БМАССР. Бурятский и русский языки стали равноправными на территории БМАССР.

В декабре 1923 г. Президиум ВЦИК утвердил решение комиссии ВЦИК по установлению границ Бурят-Монгольской АССР. В состав БМАССР из Прибайкальской губернии были включены: Баргузинский уезд полностью, из Верхнеудинского уезда – 22 волости, из Троицкосавского уезда – 11 волостей. Из оставшихся не включенными в состав БМАССР волостей Верхнеудинского и Троицкосавского уездов Прибайкальской губернии был образован Петровский уезд Забайкальской губернии с центром в городе Петровск-Забайкальский. Из Читинского уезда Забайкальской губернии в состав БМАССР были включены волости: Погромнинская, Романовская и часть Беклемишевской. Были определены также границы Агинского аймака.

4–9 декабря 1923 г. состоялся I съезд Советов Бурят-Монгольской АССР, который избрал ЦИК БМАССР из 35 членов и 11 кандидатов, 5 членов Совета национальностей ЦИК СССР и 2 кандидатов, 2 членов ВЦИК, 2 делегатов и 1 кандидата на съезд Советов СССР, 5 делегатов и 3 кандидатов на съезд Советов РСФСР. На первой сессии ЦИК БМАССР был образован Президиум ЦИК, председателем которого избран М. И. Амагаев. Сессия ЦИК образовала Правительство во главе с М. Н. Ербановым. Тем самым было завершено образование БМАССР: сформированы органы власти и управления, создана единая автономная республика с новым содержанием национальных и межэтнических отношений, гарантом которых выступала система социализма.

К 1927 г. БМАССР состояла из 16 аймаков и 374 сомонных, сельских Советов, в том числе: 140 бурятских, 159 русских, 16 эвенкийских, 1 украинского и 68 смешанных. [Санжиев, 2003, с. 33–34]. В апреле 1927 г. III съезд Советов БМАССР принял Конституцию Бурят-Монгольской АССР, которая, как и конституции других автономных республик, не была утверждена ВЦИК и съездом Советов РСФСР [Третий съезд, 1927]. Поэтому жизнедеятельность республики в это время продолжала определяться Конституциями СССР и РСФСР, а также Положением о государственном устройстве БМАССР [Базаров, 2013, с. 13].

В 1936 г. после реорганизации Восточно-Сибирского края в Восточно-Сибирскую область, БМАССР вышла из его состава и получила самостоятельность. К этому времени республика состояла из 21 аймака и 252 сомонных, сельских и 1 поселкового Совета [Санжиев, 2003, с. 33–34]. Все это стало прекрасной иллюстрацией ленинской формулы: «Не народ для государства, а государство для народа» [Ленин, т. 26, с. 69].

11 августа 1937 г. Чрезвычайный VII съезд Советов Бурят-Монгольской АССР принял Конституцию БМАССР, разработанную в полном соответствии с новыми Конституциями СССР и РСФСР [История БМАССР 1959, с. 341]. Конституция закрепила статус республики и завоеванные ею достижения. Ст. 15 Конституции гласила, что ее границы не могут быть изменены без согласия республики. Но 26 сентября 1937 г. ВЦИК СССР и ВЦИК РСФСР приняли постановление о передаче 6 бурятских аймаков в состав вновь образуемых Иркутской и Читинской областей и создании в их границах Усть-Ордынского и Агинского бурятских национальных округов. Активное национально-госу-

дарственное строительство было свернуто, утвердился курс на унификацию и интернационализацию всех сторон общественной жизни многонационального государства. В стране вновь возобладали имперские традиции: экономический централизм и политический унитаризм, ассимиляторские тенденции в национально-культурной сфере, великодержавный шовинизм в идеологии [Переверкин, 1991, с. 60]. Прекратили созываться съезды Советов, в качестве высшего органа власти был утвержден Верховный Совет БМАССР. Первые выборы в Верховный Совет БМАССР состоялись в июне 1938 г., в июле прошла его первая сессия, на которой был избран Президиум Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР во главе с Г. С. Будаевым.

В то же время именно в эти годы закладываются основы промышленности Бурятии: если в 1923 г. в республике было 17 предприятий, на которых работали 854 человека, то в 1937 г. в БМАССР насчитывалось 140 крупных и средних промышленных предприятий, на которых трудились 17 тысяч рабочих, 1523 инженера и техника. Среди них особенно выделялись: стекольный (1932 г.), паровозовагоноремонтный заводы (1937 г.) и мясокомбинат (1938 г.), которые стали флагманами промышленности Бурят-Монголии [Потапов, 2003, с. 4]. Тогда же осуществляется коллективизация сельского хозяйства, которая, к сожалению, привела к сокращению поголовья скота и ликвидации многих сотен трудовых крестьянских хозяйств, хотя в это время появились первые крупные коллективные хозяйства с серьезной материально-технической базой.

В эти же годы были достигнуты серьезные успехи в культурном строительстве: ликвидация неграмотности населения, осуществление всеобщего начального образования, организация подготовки кадров специалистов и научных работников, развитие художественной литературы и профессионального искусства, культурно-просветительных учреждений, книжно-издательского дела, появление национальной интеллигенции [Потапов, 2003, с. 5]. В 1956–1957 уч. г. в школах республики работали 6 тыс. учителей, из них более 2 тыс. бурят [История БМАССР. Т. 2, 1959, с. 571].

В годы Великой Отечественной войны Бурятия внесла достойный вклад в достижение победы над врагом: 120 тыс. чел. – уроженцев БМАССР воевали на фронтах Отечественной войны: из них 40 тысяч погибли на полях сражений и 6 с половиной тысяч вернулись с войны инвалидами. 43 уроженца республики удостоились звания Героя Советского Союза, 11 воинов – трех степеней ордена Славы [Емельянов, 1999, с. 21–22].

17 июля 1958 г. по инициативе обкома КПСС VII сессия Верховного Совета БМАССР 4-го созыва рассмотрела вопрос «О внесении изменений в текст Конституции республики», в соответствии с которым республика была переименована в Бурятскую АССР [VII сессия 1958, с. 4].

В 1960–1970-е гг. были введены в эксплуатацию заводы «Электромашина», «Теплоприбор» и приборостроительное объединение, что привело к бурному росту машиностроения. Еще в военные годы были заложены основы авиационной промышленности и судостроения, а в начале 1950-х строительством Тимлюйского цементного завода было положено начало стройиндустрии республики. Вступили в строй новые предприятия пищевой и легкой промышленности.

В 1974 г. начинается строительство Байкало-Амурской магистрали, проходившей по территории Иркутской, Читинской, Амурской областей, Бурятской и Якутской АССР, Хабаровского края [КПСС в резолюци-

ях, 1978]. Это стало событием большой исторической, экономической и политической важности, крупнейшей общесоюзной программой, направленной на форсирование социально-экономического и демографического развития восточных районов СССР. Кроме того, строительство было обусловлено стратегическими приоритетами и укреплением обороны и усиления советского присутствия на Дальнем Востоке. Существенные изменения произошли и в сельском хозяйстве, возросло сельскохозяйственное производство. Особенно выдающимися были достижения в области образования, культуры и науки.

30 мая 1978 г. на VIII сессии Верховного Совета БАССР была принята новая Конституция (Основной закон) Бурятской АССР, в которой закреплялись достигнутые успехи во всех областях жизни народа и общества [Елаев, 2000]. С середины 1980-х гг. началась «перестройка» политической, социально-экономической и духовной жизни. В этих условиях национальные автономии стали все острее ощущать ограниченность своих прав и полномочий. При существовании в СССР административно-командной системы, централизации всей политической и экономической жизни полномочия и предметы ведения автономий постоянно ограничивались.

8 октября 1990 г. вторая сессия Верховного Совета Бурятской АССР признала статус автономии не отвечающим целям и задачам государственного, социально-экономического и культурного развития Бурятии и приняла Декларацию о государственном суверенитете республики, в которой получили закрепление новые концептуальные положения: народовластие, государственная власть в республике, территориальная неприкосновенность, экономическая самостоятельность, экологическая безопасность и национально-культурное развитие народов Бурятии. Наряду с союзными республиками Бурятия стала субъектом союзной федерации – Союза ССР. Бурятская АССР стала Бурятской ССР [XX сессия 1990, с. 27], а народ Бурятии – носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в республике [Хышиктуев, 1996, с. 80]. С учетом произошедших перемен Верховный Совет республики внес в текст действующей Конституции ряд поправок, направленных на закрепление и развитие демократических преобразований. Был расширен круг вопросов, решаемых парламентом, и усилены его контрольные функции. Однако провозглашение суверенитета произошло не в результате созревших политических и экономических условий в республике, а под влиянием политических событий, происходивших в стране в начале 1990-х гг.

Самый трудный этап в развитии республики пришелся на 1992–1994 гг., когда либеральные реформы в экономике сопровождались высокими темпами инфляции, полным обесцениванием сбережений граждан и изъятием оборотного капитала предприятий. Это была ломка психологии и судеб тех, кто лишился устоявшегося образа жизни, потерял привычную работу. В 1990-е гг. Бурятия по основным параметрам социально-экономического развития находилась в ряду замыкающих. Экономические преобразования сопровождались значительным спадом промышленного производства, который начался еще в 1990 г., и в 1996 г. его объем составлял 45 % от уровня 1990 г. [Республика Бурятия, 1998, с. 25]. Сокращение производства потребительских товаров в 1997 г. достигло 26 % от уровня 1990 г. [Республика Бурятия, 1998, с. 26]. Либерализация цен, неразвитость инфраструктуры рынка привели к разрушению сложившихся ранее хозяйственных связей в аграрном

секторе Бурятии: в 1996 г. валовая продукция сельского хозяйства составила 46 % по отношению к 1990 г., поголовье скота сократилось вдвое [Республика Бурятия, 1998, с. 32]. Экономика Бурятии потеряла более 85 тыс. человек, что было вызвано миграцией экономически активного населения, потерей рабочих мест, ростом безработицы и наличием теневого сектора занятости [Абзаев, 2002, с. 73].

Тем не менее эти годы стали важнейшим этапом становления Республики Бурятия как субъекта Российской Федерации со своей Конституцией, гербом, гимном и флагом, со своим законодательством, регулирующим ее социально-экономическое развитие [Потапов, 2003, с. 7]. К началу 1994 г. завершилась работа конституционной комиссии, созданной Верховным Советом Бурятской ССР, и 22 февраля 1994 г. Верховный Совет принял новую Конституцию Республики Бурятия, которая основывалась на ценностях демократии, принципе разделения властей, на других гарантиях прав и свобод граждан, направлена на стимулирование рыночных отношений и закрепляла равенство всех форм собственности. Конституция стала актом прямого действия, дающим возможность каждому защищать свои интересы в суде.

Конституция Республики Бурятия закрепила кардинальные изменения общественного и государственного строя республики. Бурятия стала президентской республикой: Президент является главой республики и одновременно, будучи председателем правительства, возглавляет исполнительную власть. Законодательную власть осуществляет Народный Хурал, судебную – Конституционный, Верховный и Высший арбитражный суды.

Наиболее принципиальным изменением в государственном устройстве республики стало то, что новая Конституция определила в качестве источника власти весь ее многонациональный народ [Елаев, 2000, с. 283]. Важным этапом дальнейшего развития и укрепления вертикали власти на уровне федерации и на уровне республики стало принятие закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Республике Бурятия».

На рубеже XX–XXI вв. совершенствовались государственность и федеративные отношения, в Конституцию республики были внесены изменения и дополнения в соответствии с положениями Конституции и законодательства Российской Федерации. Следует особенно подчеркнуть, что при любом варианте развития будущей Бурятии зависит от ее экономического, трудового, производственного, природного и финансового потенциалов. В этой связи конкурентными преимуществами являются наличие достаточного научно-образовательного и кадрового корпуса со значительными резервами их наращивания, квалифицированных трудовых ресурсов при относительно низкой стоимости рабочей силы.

Сегодня слабым местом экономики республики является отсутствие широкомасштабных инвестиций в реальный сектор и несоответствие структуры вложений потребностям экономики в будущем. Поэтому первоочередной задачей правительства стало обеспечение структурного маневра в сторону повышения доли отраслей, производящих потребительскую продукцию с высокой степенью переработки. И уровень и возможности научно-технического базиса, развитие инновационной экономики во многом будут определять роль и место Бурятии в межрегиональном разделении труда. В реальном секторе экономики важнейшими для нас являются проблемы модернизации, технического перевооружения, ввода новых производственных мощностей и

развитие инженерной инфраструктуры. Сегодня республика располагает достаточным научно-образовательным потенциалом для решения этих проблем. В частности, получили развитие прикладные исследования в области нетрадиционных методов в медицине, энергетике, фармации. Все это позволило выработать стратегию, которая заключается в обеспечении динамичного развития хозяйственного комплекса Бурятии для достижения устойчивого роста уровня жизни населения на основе модернизации экономики, повышения эффективности и конкурентоспособности производства с учетом требований экологизации хозяйственной деятельности. В 2002 г. в рамках реализации стратегии правительство республики оказало государственную поддержку инвестиционным проектам на сумму 1 млрд. руб. Однако этих мер оказалось недостаточно: нерешенной проблемой остается создание механизма реализации Федерального закона «Об охране озера Байкал». Ситуация усугубляется тем, что наибольшая нагрузка «байкальского фактора» приходится на предприятия, традиционно относящиеся к отраслям специализации экономики Бурятии: сельскому хозяйству, лесопромышленному комплексу и промысловым хозяйствам.

Создавая и умножая экономический потенциал, мы не забываем и о духовности, чем по праву гордится наш народ: сохранение и развитие исторических и культурных ценностей является приоритетным направлением в деятельности Правительства Республики Бурятия. Но главное наше достижение за 95 лет – это национальные отношения, под которыми следует понимать весь комплекс устойчивых контактов и взаимодействий между этносами в едином социальном пространстве, в структуре экономических, социальных, политических, культурно-духовных процессов, конституирующих социальную организацию общества [Рандалов, 2003, с. 83]. Итогом развития национальных отношений за 95 лет существования республики стали существенные

демократические преобразования государственной и общественной структуры республики, в результате чего были созданы благоприятные условия для активизации деятельности коренного населения по возрождению национального языка и культуры, формированию организаций и объединений гражданского общества для инициативы и самореализации личности [Рандалов, 2003, с. 84]. Одновременно с этим активизировалась деятельность государственных органов в области образования, науки и культуры, творческой интеллигенции по возрождению всех этносов, проживающих на территории Бурятии. Этому во многом способствует реализация закона Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия», который создал нормативную базу и условия для сохранения и развития как государственных языков, так и языков всех народов, проживающих на территории Бурятии.

В Бурятии зарегистрированы и действуют в настоящее время почти 200 религиозных объединений, деятельность которых регламентируется действующей концепцией государственно-церковных отношений и законом «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». Все это позволяет не только налаживать и укреплять контакты между представителями разных конфессий, но и решать социальные задачи современного общества.

Таким образом, сегодня Республика Бурятия демонстрирует большой политический, экономический и социальный потенциал общегосударственного федерализма, который будет постоянно развиваться и совершенствоваться, что является прямым наследием национальной политики, заложенной советской властью после победы революции 1917 г. И задача новой России в области национальной политики заключается *в том, чтобы продолжить многотрудный путь от унитаризма к федерализму.*

Литература

- VIII (внеочередная) сессия Верховного Совета Бур. АССР 9 созыва. 30 мая 1978 г.: стенографический отчет. Улан-Удэ, 1978.
- XX сессия Верховного Совета Бурятской АССР: стенографический отчет. Улан-Удэ, 1990.
- Третий съезд Советов Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1927.
- VII сессия Верховного Совета БМАССР 4-го созыва, 17 июля 1958 г.: стенографический отчет. Улан-Удэ, 1958.
- Указ Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации».
- Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
- Указ Президента РФ от 31 марта 2015 г. № 168 «О создании Федерального агентства по делам национальностей».
- Абзаев П. Б., Батомункуева Е. П. Процессы трансформации социальной структуры российского общества на пороге XXI века (на примере РБ) // Интеграционные процессы постсоветской экономики и стран АТР на рубеже XX–XXI вв.: состояние, проблемы, перспективы: материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. 1. С. 72–75.
- Базаров Б. В. От автономии к советской федерации: Республике Бурятия – 90 лет // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 2 (10). С. 1–18.
- Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: РАГС, 2000. 132 с.
- Емельянов В. И. Воины Бурятии на фронтах Великой Отечественной войны // Бурятия в годы Великой Отечественной войны. Улан-Удэ, 1999. С. 21–22.
- История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. 643 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1978. Т. 11.
- Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 64–72.
- Переперкин Л. С., Шкаратан О. И. Переход к демократии в полиэтническом обществе // Полис. Политические исследования. 1991. № 6. С. 55–69.
- Потапов Л. В. Республика Бурятия на рубеже столетий // Республике Бурятия – 80 лет. Улан-Удэ, 2003.
- Рандалов Ю. Б. Современные национальные отношения в Бурятии // Республике Бурятия – 80 лет. – Улан-Удэ, 2003.
- Республика Бурятия – 75 лет: стат. сб. Улан-Удэ: Комгосстат, 1998.
- Санжиев Г. Л. История образования и функционирования автономной республики // Республике Бурятия – 80 лет. Улан-Удэ, 2003. С. 31–37.
- Хышиктуев О. В. Конституционно-правовой статус Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1996. 126 с.

СИБИРСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИДЕОЛОГИИ ОБЛАСТНИКОВ

В статье рассматриваются взгляды областников на основные проблемы общественно-политического и экономического развития Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; окраина; политика; областники.

Dameshek Irina Lvovna
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

SIBERIAN PROBLEMS IN THE IDEOLOGY OF REGIONS

The article examines the views of regional officials on the main problems of socio-political and economic development of Siberia.

Keywords: Siberia; suburbs; politicians; regional activists.

Областничество – значимое и оригинальное явление в истории Сибири. Оно представляло собой систему взглядов части местной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. на прошлое, настоящее и будущее края как специфической области (территории) в составе российского государства, а также общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать и реализовывать на практике эти идеи. Это движение зародилось в стенах петербургского университета, где обучались будущие идеологи областничества – Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Они явились одними из основателей сибирского студенческого землячества. Главной задачей областников, по мысли Потанина был «переворот умов (в Сибири) и пополнение пустоты в (сибирских) головах» [Потанин, 1987, т. I, с. 65].

Непосредственно складывание идеологии сибирского областничества происходит в период 60-70-х гг. XIX в. В 1862 г. идеолог областничества Г. Н. Потанин сформулировал цели областнического движения: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по своему собирать налоги и тратить их только на себя же». При этом Потанин уточнял, что «Областничество включает в себя сепаратизм не только в области культуры, но и в области политики, за исключением только самого крайнего акта (покушение на целостность государства), который на обычном общепринятом языке называется политическим сепаратизмом; последний недопустим с государственной точки зрения; но областнический сепаратизм не угрожает целостности государства, хотя может заходить очень и очень далеко» [Потанин, 1987, т. I, с. 59; Шиловский, 2003, с. 8].

Общественно-политические взгляды областников оформились в годы первой революционной ситуации под непосредственным воздействием революционно-демократического лагеря. Серьезное влияние на формирование программы и идеологии областничества оказали декабристы, петрашевцы, польские политические ссыльные, а также работы П. А. Словцова [Шиловский, 1995, с. 13].

Заметим, что преобладающее влияние на идеологию и взгляды областников оказывали, наравне с идеями «шестидесятников» – народников, истории западноевропейских колоний, политических и экономических теорий того времени. Через всю жизнь Н. М. Ядринцев пронес свое увлечение Северо-Аме-

риканскими Штатами и уверенность, что Сибири уготовано столь же прекрасное будущее. В 1893 г. он писал Потанину во время своей американской поездки: «Пишу вам 4 июля — праздник независимости: представьте мои чувства... Сердце замирает, и боль и тоска за нашу родину. Боже мой! Будет ли она такою цветущей» [Ремнев, 1997, с. 142].

Сравнивая колониальные процессы в США и Сибири, областники признавали, что «Сибирь завоевана и населена народом; она открыта Ермаком и занята казаками. Все главные предприятия в ее колонизации исполнены частными лицами без правительственного участия», – утверждал в 1860 г. Г. Н. Потанин [Потанин, 1860, с.196]. Его полностью поддерживал Н. М. Ядринцев, который считал колонизацию Сибири исключительно заслугой народа: «Покажите мне другой народ в истории мира, – восклицал он, – который бы в полтора столетия прошел бы пространство, больше пространства всей Европы и утвердился на нем? Нет, вы мне не покажите такого народа» [Томские губернские ведомости, 1965, 5 марта].

В 80-е гг. XIX в. областники активно пропагандировали достижения западной колониальной науки на страницах своего печатного органа – в газете «Восточное обозрение». В частности, в 1884 г. в «Восточном обозрении» вышла статья Н. М. Ядринцева «Переписка между колонией и метрополией», в которой он четко указал целый ряд специфических черт, указывающих на схожесть Сибири с земледельческими колониями европейских государств. К этим характерным признакам Ядринцев (публиковался под псевдонимом «Колонист») отнес отсутствие аристократии и четко разграниченных сословий. Стремление к наживе, характерное для всех колоний, влечет за собой преобладание материальных интересов – «все ценят копейку и больше ничего». Отсюда проистекают безнравственность и масса злоупотреблений. Однако именно в колониях, по мнению Ядринцева, человек обретает свободу, поскольку всем людям здесь предоставляются равные возможности в поисках счастья. Подобно США, сибирская окраина пробудила в русском человеке дух предприимчивости. Основываясь на учении А. Смита, Н. М. Ядринцев приходит к выводу о том, что «На этих отношениях зиждется главная суть внутренней колониальной жизни, и при посредстве их устанавливаются чувства, расположение и неразрывность связей, которые отражаются в последующей исторической жизни [Восточное обозрение, 1884, 13 сент., 4 окт.; Ремнев, 1997, с. 144].

Находясь на позициях жесткой критики колониального характера имперской политики в отношении Сибири, областники, тем не менее, признавали, что без патронажа метрополий общее развитие колоний шло бы крайне медленно. Они справедливо считали, что проблема заключается не в собственно политике, а в ее правильной организации. Это четко видно из писем Ядринцева к Потанину: «Обличая Англию, мы должны помнить, что ее политика была все-таки прогрессивнее многих государств, как, например, Испании». Не случайно в 1872 г. в журнале «Дело» Н. М. Ядринцев опубликовал работу «Очерки английской колонизации». Вслед за ним Г. Н. Потанин печатает в столичной «Неделе» свою статью «Где наш рынок сырья?», в которой представлен детальный анализ истории правительственной политики в отношении Сибири. Автор заключает, что «несмотря на то, что отношение России к ее колониям перешло в фазу, аналогичные с теми, чрез которые прошла история колониальной политики и на Западе, есть, однако же, основания более верить, что эти аналогии явились без определенного плана, которого бы держалось правительство, что они были неизбежным результатом хода самих обстоятельств» [Неделя, 1872, № 39–40]. Таким образом, областники критиковали правительство за то, что оно не смогло разработать разумной модели колониальной системы и, соответственно, не смогло умело воспользоваться Сибирью.

Исключительно важное значение для областников представлял экономический аспект колониального вопроса. Только при условии развития собственной промышленности становилось возможным повышение ценности труда и освобождение от «мануфактурного ига» столицы. Г. Н. Потанин справедливо замечал по этому поводу, что правительственное покровительство «мануфактурным провинциям внутренней России, подавало повод последним наложить на Сибирь торговое ярмо» [Известия Западно-Сибирского отдела РГО, 1925, т. 4, вып. 1, с. 95]. Подобная ситуация была обусловлена низким уровнем развития промышленности в крае: «Сибирь пользуется всем привозным, у нас нет мануфактур, изводы ничтожны, мы не пьем, едим и одеваемся чужими произведениями, мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы, простяки-труженники, наддуваемые разными спекулянтами, вроде московских мануфактуристов» [Томские губернские ведомости, 1865, 8 янв.].

Таким образом, будущее Сибири областники связывали с ее промышленным развитием: «страны, развивающие мануфактуры, развиваются и во всех функциях жизни... Помогайте же жизни в ее переходах, способствуйте... Облегчите только переход, направляйте, но не препятствуйте ему, это бесполезно» [Сибирские записки, 1917, № 4, с. 63–64]. Общую эконо-

мическую платформу, на которой стояли областники, можно выразить словами С. С. Шашкова: «для успешного заселения и обработки земли, для рационального устройства и всестороннего развития *Сибирской колонии* (курсив наш. – И. Д.), необходимо отбросить старые принципы и покориться новому духу жизни, который уже пронесется над землей, сметая вековую удушливую пыль невежества, сваливая старых идолов и вливая новую жизнь в одряхлевшие от сна народы» [Шиловский, 1995, с. 28].

В реализации своей общественной деятельности, областники исходили с просветительских позиций. В основу большинства их теоретических построений был положен тезис о распространении знаний как основы прогресса. Поэтому не случайно, что вопрос об открытии в Сибири университета был для областников одним из принципиальных. Заметим, что мысль об открытии вуза посещала не только областников. В 1860 г., еще до назначения на должность генерал-губернатора восточной Сибири, в одном из писем М. С. Корсакову проводилась та же мысль: «Нигде так не легка реформа, как в Сибири: там всего возможнее отрешиться от рутинности и внести во все сферы свободно-разумные начала. Разумеется, нужна общая система в действиях, строго обдуманная, построенная на самых широких принципах и *нужен еще университет* (курсив наш. – И. Д.), хотя с одним факультетом, – в нем крайняя потребность! Пора же сознать необходимость развитых людей и образования их на месте. Вызов чиновников будет теперь очень затруднителен: Россия страшно нуждается в честных деятелях, а потому весьма не мешает подумать о средствах образования таковых из местных жителей...» Я вам ручаюсь устроить университет... и многие не уедут из Сибири...!» [Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 109. 3-е отд. Оп. За. Д. 1313. Л. 1–1об.] Вопросу создания в Сибири университета посвятил одну из последних своих статей «Какие факультеты необходимы в Сибирском университете» А. П. Щапов. Автор считал необходимым открытие в планируемом университете как минимум четырех факультетов: медицинского, юридического, естественнонаучного и историко-филологического [Сибирь, 1875, 13 июля, с. 1–2]. Необходимость открытия в Сибири университета рассматривается и в статье М. В. Загоскина «Что нам необходимо в особенности» [Иркутские губернские ведомости, 1863, 30 марта].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в рассматриваемый период представители областнического движения (прежде всего Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин, С. С. Шашков и М. В. Загоскин) смогли оформить программу дальнейшего развития Сибири. Одним из основополагающих ее элементов выступало воспитание местной интеллигенции, которое было невозможно без открытия университета.

Литература

- Потанин Г. Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9.
- Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. Потанин Г. Н. Письма. Иркутск, 1987. Т. 1.
- Ремнев А. В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997.
- Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1995.
- Шиловский М. В. Областиничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI вв. Иркутск, 2003.
- Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. 5 марта.
- Ядринцев Н. М. Сибирь в 1-е января 1865 г. // Томские губернские ведомости. 1865. 8 янв.

СПЕЦИФИКА НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ССЫЛКОЙ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Статья посвящена одному из неизученных вопросов – особенностям формирования документов тюремного ведомства царской России, ставших нормативами для обязательного применения ведомством и основой формирования законодательной базы для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: законодательство; орган власти; ссылка; Сибирь.

Kuras Sofia Leonidovna

Irkutsk State University of Railroad Transport, Irkutsk, Russian Federation

SPECIFICITY OF NORMATIVE ACTS OF EXILE GOVERNING BOARD IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The author describes the peculiarities of documents of imperial Russia's prison department, which have become standards for the department and the base for its further development's legislative framework.

Keywords: legislation; regulatory body; exile; Siberia.

Сегодня, как и полтора столетия назад, правоохранительные органы страны в целом и пенитенциарная система, в частности, проходит очередной этап реформирования. Одной из задач, стоящих перед центральной властью при проведении тюремной реформы в России как во второй половине XIX в., так и сегодня, является усовершенствование системы нормотворчества, регулирующей работу мест заключения. Приоритетным для дореволюционной и современной России является создание и развитие четкой, удобной системы нормативных документов, на основании которых ведомство продолжит успешно работать. Поэтому как в современной, так и царской России задачи по проведению либеральных реформ второй половины XIX в. ставились очень масштабно. В большей степени они были направлены на демократизацию всех институтов власти и общества, реализацию прав и свобод населения, отказ от излишней бюрократизации аппарата управления и др. С определенной долей уверенности мы можем констатировать, что отмеченные направления реформ сохраняют свою актуальность и на сегодняшний день.

Проблема излишней бюрократизации и нагромождения нормативов отмечалась уже в трудах дореволюционных исследователей пенитенциарной и судебной систем. В исследованиях юристов начала XX столетия отмечалось, что до введения в действие Судебных Уставов 1864 года имела место излишняя волокита вследствие того, что «дореформенные следователи и иные чиновники, заведовавшие уголовным процессом, были совершенно поглощены формой» [Давыдов, 1900, с. 83]. Именно поэтому чем больше формализма было в деятельности властей, тем меньше времени оставалось на реализацию задач, которые перед ней ставились. Однако это не означает, что делопроизводство и создание новых нормотворческих актов не должно иметь своих четких необходимых форм, но самое главное было определить практическую значимость каждой записи в том или ином документе.

Основной массив законодательных норм по управлению ссылкой и тюремной системой страны разрабатывался Главным тюремным управлением (ГТУ) и принимался Сенатом как законодательный акт, обязательный к применению на всей территории империи. При всей масштабности, объемности данного нормотворческого массива он не всегда учитывал региональную специфику тюремного ведомства, например, вопросы пересылки преступников, организации мест заключения осужденных и др. Именно поэтому сибирским губернским тюремным инспекциям требовались раз-

ясняющие, регламентирующие документы. При этом необходимо отметить одну из специфических черт дореволюционного законодательства России – отсутствие современного и уже ставшего классическим деления нормативных актов на законы и подзаконные акты. Именно это дает понимание юридической силы нормативного акта, уровня и географии его распространения. В связи с этим в местных тюремных инспекциях зачастую возникали проблемы с применением тех или иных нормативов, когда вновь принятые ведомственные акты вступали в противоречие с ранее принятыми общеимперскими нормативами. Зачастую сибирские тюремщики вынуждены были приоритет отдавать уточняющему регламенту, а не общеимперскому закону.

При этом обращает на себя внимание некая двойственность и противоречивость в процессе формирования нормативных актов для пенитенциарной системы: с одной стороны, недостатки регламента ссылки, касавшиеся и вопросов порядка размещения осужденных по политическим уголовным составам и особенностей отбывания наказания, требовали от местного тюремного начальства постоянного участия в переписке с ГТУ, что создавало ту самую бюрократическую нагроможденность, с другой стороны, именно благодаря обширной, подробной переписке и создавались новые нормативные регламенты, позволяющие улучшить условия отбывания наказания осужденными.

Помимо документооборота с центральными властями местным тюремным инспекциям необходимо было согласовывать часть неурегулированных проблем ведомства с губернаторами, так как вопросы строительства, благоустройства, ремонта мест заключения находились в ведении сибирских властей. Эти вопросы способствовали появлению отдельного пласта нормативов.

В целом, тюремное ведомство дореволюционной России имело сложную структуру подчинения и в связи с этим усложненный порядок регламента. Изначально созданное в системе МВД в 1879 г. ГТУ имело целью противодействовать нарастающему в стране уровню преступности и организацию системы исполнения наказаний для лиц, совершивших преступления. Новое ведомство должно было упорядочить существующие взаимоотношения между МВД и судебным ведомством государства. При этом также властью ставилась задача уменьшить число направлений, находившихся в поле зрения МВД.

Именно поэтому реформирование тюремного ведомства продолжилось и, несмотря на уже имеющиеся успехи в деятельности тюремного ведомства, было

принято решение о продолжении межведомственных изменений. Так, в соответствии с Указом императора, в 1895 г. ГТУ вошло в структуру Министерства юстиции. В связи со структурными изменениями происходило и внедрение единых стандартов документооборота, вступали в силу новые нормотворческие документы. В целом, по проведенным управленческим преобразованиям организационная структура Главного тюремного управления включала в себя 15 делопроизводств [Детков, 1999, с. 59]. Со всеми у сибирских тюремных властей велась делопроизводственная переписка. Например, в Управлении Нерчинской каторгой поднимался вопрос, адресованный и к ГТУ, и к областным властям о регламенте формирования комиссии для приема и освидетельствования 76 шуб, доставленных для Нерчинской каторги нерчинским купцом 1-ой гильдии Рифом [Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 29. Оп. 5. Д. 20. Л. 4]. Таким образом, тюремным инспекторам необходимо было согласовывать большой круг вопросов, касавшихся ссылки.

Кроме того, в ведомственной переписке заведующий Нерчинской каторгой указывает на то, что смотрители тюрем часто пренебрегают формой и расчетами при составлении требований по провианту, одежде и обуви для осужденных, что создавало излишние необоснованные траты казны [Там же. Д. 9. Л. 37]. Поэтому тюремные ведомства стремились сохранить баланс между обоснованными требованиями к форме документа и отсутствием излишней его нагроможденности.

Еще одной важной проблемой дореволюционной пенитенциарной системы, тормозившей процесс законотворчества и развития делопроизводства, оставаясь актуальной и для современного Российского документопотока, была необходимость дублирования отчетов и их отправка в несколько инстанций. На сегодняшний день эту проблему с успехом решает электронный документооборот, а для той эпохи эта ситуация отнимала у сотрудников время, которое можно было потратить на более актуальные проблемы ссылки.

Само Главное тюремное управление отмечало недостаточный уровень взаимодействия между сибирскими тюремными и губернскими властями на местах, который старались изменить. Действительно благодаря их более активному взаимодействию удавалось сформировать четкую систему финансовой отчетности по затраченным на благоустройство мест заключения, помощи родственным, следующим за осужденным в ссылку преступником. Помимо этого, из губернских тюремных отделений в центральный аппарат приходили не точные сведения, касавшиеся отчетности по потраченным деньгам на одежду, обувь, содержание ссыльного и другие вопросы. Это было связано с отсутствием четкой структуры взаимодействия всех уровней властей, определенной формы и единообразия в заполнении документов и отчетов.

Материалы фонда Нерчинской каторги, хранящиеся в ГАРФ, наглядно демонстрируют наличие слишком большого объема различных видов документов, формировавшихся тюремным ведомством, посвященных ссылке. Ведомству необходимо было оформить и списки ссыльно-каторжных с полным перечнем данных о сроках наказания, и приказы о наличии оснований для

сокращения срока и даты причисления к ссыльнопоселенцам, а также множество других документов. Кроме этого, например, необходимо было вести учет родившихся у ссыльных детей, чему тоже были посвящены отдельные формуляры. Так, у родившей ссыльно-каторжной Мальцевской тюрьмы Софьи Солдатовой была зарегистрирована и внесена в соответствующие формуляры дочь Анастасия [ГАРФ. Ф. 29. Оп. 5. Д. 27. Л. 5]. Такие многочисленные документы загромождали документооборот тюремного ведомства.

Эти и иные выявленные недостатки как в системе ГТУ, так и в целом во всем судебном делопроизводстве послужили основанием для издания 1895 г. Циркуляра г. Министра юстиции «О сокращении и упрощении в судебных и иных местах их делопроизводства, путем уменьшения письменности». Документ определял, что такое нововведение в документопотоке должно быть установлено в должностной переписке между всеми инстанциями, а также с частными лицами. Кроме того, изменения вносились в существовавший порядок ведения различного рода канцелярских книг, реестров, ведомостей, указателей целью которых была регистрация и отчетность ведомства.

Помимо самого ГТУ существовала Тюремная инспекция, на которую возлагались обязанности по осуществлению ревизий местных тюремных учреждений, руководству их деятельностью, полному контролю как за жизнью самих арестантов, так и за работой сотрудников. Итогом их работы помимо ужесточения вопросов контроля за осужденными и более строгом отношении к работе тюремных служащих также становится появление новых регламентов, совершенствовавших деятельность тюремного ведомства.

Благодаря более активному налаживанию взаимодействия между инстанциями осуществлялось решение задач тюремного ведомства, увеличение новых регламентирующих денежных сумм в вопросах занятости осужденных. Ведь отсутствие стабильного заработка не давало возможности осужденному в ссылку обеспечивать свою семью и себя. ГТУ разрешало заказывать новое оборудование для прядильных работ, расширения кузнечных, столярных мастерских.

Сегодня проблема дублирования отчетности в правоохранительных органах уже не является столь сложной и неразрешимой ввиду обеспечения подразделений соответствующей компьютерной и копировальной техникой, развития электронного документооборота, однако до сих пор затрачивается большое количество времени на документационный обмен между ведомствами.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XIX в. государственные органы впервые столкнулись с таким новым явлением, как тюремное дело в масштабах страны. Реформирование системы, создание нового пласта нормативных документов, регламентирующих вопросы ссылки, все это осуществлялось благодаря активному взаимодействию центральных и местных сибирских властей. Можно констатировать, что вопросы усовершенствования, систематизации и унификации документов были актуальными в период проведения структурных реформ власти в дореволюционной России и остаются значимыми по сей день.

Литература

Давыдов Н. В. Значение формы в уголовном процессе по судебным уставам императора Александра // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 10. С. 83–85.

Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Изд-во Вердикт-1 М, 1999. 448 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ И СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БУРЯТ НАКАНУНЕ И В 1917 Г.

Анализируется разработка бурятской интеллигенцией национальной программы в начале XX в. Существенное воздействие на этот процесс оказали: землеустройство «инородцев» юга Азиатской России, массовые переселения, опасения утраты национальной идентичности в ходе ассимиляции и христианизации. Ситуация усугубилась во время Первой мировой войны в целом неудачной попыткой реквизиции «инородцев» на тыловые работы. Непривычные условия жизни и климат, плохое питание, тяжелый физический труд породили массовые заболевания, высокую смертность и в качестве ответной реакции побеги. На позиции бурятских интеллектуалов, кроме того, повлиял опыт революции 1905–1907 гг. и концепты сибирских областников, прежде все Г. Н. Потанина. Поэтому сразу же после Февральской революции лидеры бурятского национального движения выдвигают требования национально-территориальной автономии.

Ключевые слова: национальное движение; национально-территориальная автономия; бурятская интеллигенция; реквизиция «инородцев»; сибирское областничество; Первая мировая война.

Shilovskiy Mikhail Viktorovich
Novosibirsk State University
Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

PREREQUISITES AND SPECIFICITY OF THE BURYAT NATIONAL MOVEMENT ON THE EVE AND IN 1917

The paper analyzes development of the Buryat national program in the early 1917. The process was significantly impacted by land organization among the "inorodtsy" (aboriginal peoples) in the south of Asian Russia, mass migration, the risk of loss of ethnic identity in the course of assimilation and Christianization. During World War I the situation worsened due to a rather unsuccessful attempt of "requisition of inorodtsy" for work in the rear areas. Unusual living conditions and climate, malnutrition, hard physical labour caused mass diseases, high mortality rate and desertions as a response. The views of the Buryat intellectuals were also influenced by the experience of the revolution of 1905–1907 and concepts of the Siberian regionalists, first of all, G. N. Potanin. For that reason immediately after the February revolution the leaders of the Buryat national movement put forward the demand for the national-territorial autonomy.

Keywords: national movement; national-territorial autonomy; Buryat intelligentsia; requisition of "inorodtsy"; Siberian regionalism; First World War.

Национальное движение бурят в обозначенных хронологических рамках умеет устойчивую историографическую традицию (А. П. Гирченко, П. Т. Хаптаев, Н. Д. Шулунов, В. Б. Базаржапов, Л. В. Курас, С. В. Балдано и др.). Большая часть их была написана представителями титульного этноса, анализировавших события рассматриваемого периода в парадигме стремления отдельных народов к достижению национально-территориальной автономии. Последовательным противником обозначенного подхода выступил В. А. Демидов, столкнувшийся с мощным противодействием партийного руководства и историков Бурятии, Якутии, Горного Алтая. Причиной стала его квалификация позиций и деятельности видных представителей национальной интеллигенции (Э.-Д. Ринчино, М. Богданов, А. Кулаковский, Г. Гуркин и др.) как буржуазно-националистических и антисоветских [Демидов, 1983, с. 17]. Действительно поименованные деятели ориентировались на либеральные и неонароднические (эсеровские) концепции решения национального вопроса и являлись противниками большевиков. Но они внесли громадный вклад в развитие национальных культур и пострадали в борьбе за национальную идею. Гуркин сидел и при «белых», и при «красных», а Богданова замучили в семеновских застенках. Позиция же В. А. Демидова отсекала их от помещения в национальный пантеон как противников социалистического строительства и буржуазных националистов.

Опираясь на исследования по проблеме, введенные в научный оборот и выявленные мною источники,

я попытаюсь определить особенности национального движения бурят накануне и в 1917 г. в сопоставлении с аналогичными процессами в других национальных районах Азиатской России.

К 1917 г. продолжались перевод бурят, казахов, алтайцев, хакасов на 15-тидесятинный надел и введение порядка управления как у русских крестьян. Это сопровождалось увеличением податных обязанностей, а самое главное, в представлениях аборигенов, утратой национальной идентичности. Поэтому они стремились сохранить сословную принадлежность и всячески сопротивлялись нововведениям.

Курс на приобщение аборигенных этносов к западной модели цивилизационного развития совпал с формированием национальной интеллигенции, возглавившей борьбу за сохранение закрепленных еще в 1822 г. за инородческими обществами земель и создание оптимальной системы самоуправления. По данным переписи 1897 г., в Сибири насчитывалось 184 «инородца» с высшим образованием. У бурят в 1917 г. «насчитывалось ок. 200 учителей и работников просвещения, ученых и врачей; ок. 150 чел. обучалось в высших и средних учебных заведениях; к ним нужно прибавить некоторое количество служащих, миссионеров, лам) группу образованных людей, составляющих элиту бурятского народа, осознававшую свое предназначение» [Балдано, 2005, с. 142].

Центрами концентрации бурятской национальной элиты стали Чита: М. Н. Богданов (1878–1919), Р. Б.

Бимбаев (1876–1921), Ж. А. Бадмаев (1849–1920), Э.-Д. Ринчино (1888–1938), Ш. Б. Базаров, Ц. Ж. Жамцарано (1880–1942) и Иркутск: А. Р. Коняев, И. Г. Салтыков, А. А. Убугунов, И. С. Дурхисанов, И. И. Тунуханов и др. Несмотря на свою немногочисленность, так же как у казахов и якутов, эта группа европейски образованных интеллектуалов обладала пассионарной активностью и организаторскими способностями, позволившими им внести большой вклад в создание основ современной национальной культуры и возглавить общественно-политическое движение «своего» народа. У малочисленных этносов такую функцию пытались выполнить отдельные личности, например, С. Д. Майнагашев у хакасов и Г. И. Гуркин у алтайцев.

Молодые интеллектуалы негативно оценивали деятельность властей в национальных районах. «В течение ряда столетий местная русская администрация в лице Похабовых, Пестелей, Трескиных и др. своим безудержным произволом, насилием и грабежами принизила свободный дух сибирского инородца до постыдного сервиллизма и холопства, – писал в 1917 г. Э.-Д. Ринчино, – Миссионеры в Сибири испакостили и изгадили религиозную совесть инородцев, прививая при помощи кулаков и нагаек земской полиции православие и крепостничество» [1994, с. 41].

Отмечая негативные последствия землеустройства и гонения на национальную культуру, Ринчино в письме к Г. Н. Потанину (1910) констатировал: «Нас, монголо-бурят тангут, давят, хотят превратить в тук для удобрения почвы во имя псевдорусских или китайских интересов. Правительство прямо, буквально душит все наши культурные начинания, а само палец о палец не ударяет для просвещения бурят... На долю нынешней бурятской интеллигенции выпала трудная, но интересная историческая роль: она должна начать, наметить новые пути истории своего народа, под ее эгидой, руководством народ идет к известному и неизвестному будущему, в котором мерещатся то светлые и радостные блики, то зловещие грозные тучи» [РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 139а. Л. 4–5].

Еще одной характерной особенностью национальных движений в регионе в начале XX в. являлось взаимодействие ее лидеров с сибирскими областниками, прежде всего с Г. Н. Потаниным. Во время празднования его 80-летнего юбилея в 1915 г. от имени бурят в национальном костюме Григория Николаевича приветствовал И. Пирожков, а Ринчино назвал его «нашим идейным отцом, дедушкой общесибирской областной интеллигенции без различия национальностей...» [Шиловский, 2004, с. 212]. Идеолог областничества рассматривал национальный («инородческий») вопрос как часть процесса областного самоопределения. В 1908 г. он писал: «Право культурного и даже национального самоопределения... за нерусскими народами надо признать, во-первых, в узких интересах самих этих племен, для них необходимо общественное возрождение для своей защиты в борьбе за существование; во-вторых, умственная и общественная деятельность этих племен развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа». Помимо общесибирской Думы, интересы отдельных этносов должны будут защищать соответствующие национальные представительные органы. Например, «все бурятские «ведомства» и «степные думы» должны быть интегрированы общей бурятской думой; киргизы (казахи) должны получить свою думу, алтайцы объединиться в алтайской думе» [Потанин, 1908, с. 267, 285].

Среди национальных движений аборигенных этносов Азиатской России буряты, на мой взгляд, к 1917 г. имели уже наработанные программные положения. На съезде их представителей в Чите 26–30 апреля 1905 г. принимается проект, предусматривающий создание автономных от русских крестьян и казахов органов местного самоуправления. 31 мая делегация от бурят вручила иркутскому генерал-губернатору П. И. Кутайсову выработанные на форуме предложения. На съезде бурят Иркутской губернии 20–26 августа 1905 г. большинство проголосовало за создание у аборигенов отдельного от русских уездного земства. Избирательные права получали мужчины, достигшие 21 года, и женщины, самостоятельно ведущие хозяйство или имеющие стабильные источники доходов [Шиловский, 2012, с. 81]. Образованная в апреле 1906 г. Ч. Иролтуевым и Г. Цыбиковым партия «Прогрессивных бурят» высказалась за консолидацию бурят, равенство прав с русскими, получение образования на родном языке, «право полной общинной неотъемлемой собственности на землю» и т.д. [Сибирские вопросы, 1907, № 6, с. 38–41].

Среди факторов, обусловивших нарастание оппозиционных настроений среди бурят, следует упомянуть высочайшее повеление от 26 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения на работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ». В Сибири призвали оседлых и кочевых «инородцев в возрасте от 19 до 43 лет из числа бурят, хакасов и алтайцев, в том числе 20878 бурят, которые использовались на разгрузочных работах в Архангельском порту, сооружениях подъездных путей, на железных дорогах, заготовке дров, на промышленных предприятиях Сибири [История Бурятии, 2011, с. 21; Курас, 2017, с. 168]. Непривычные условия жизни и климат, плохое питание, тяжелый физический труд породили заболевания, высокую смертность и в качестве ответной реакции массовые побег. Секретарь Сибирского заводского совещания И. И. Серебренников так охарактеризовал ситуацию с привлеченными на тыловые работы непосредственно в Сибири: «С реквизируемыми инородцами по всей Сибири идет кутерьма: они бегут и бегут с предприятий... Буряты сбежали с Урала, из Вологды и Архангельска» [Серебренников, 2008, с. 300].

Коллективная позиция бурят Иркутской губернии по этому вопросу излагается в их записке, предназначенной для депутатов IV Государственной думы, членам Сибирской парламентской группы. В ней формулируются пять аргументов в пользу сохранения льготы от призыва. Они сводятся к признанию факта благополучного существования аборигенов «только в обстановке степной жизни». Оторвавшись от степей буряты в огромном большинстве случаев становятся жертвами легочных болезней и либо гибнут, либо возвращаются в свои улусы полукалеками. Далее просители указывают на неразвитость в своей среде отхожих промыслов, превращающих их в «весьма малоценный материал в качестве рабочих». Обращается внимание, что «на их труде зиждется хозяйственное благополучие огромного района». «Улусы, перешедшие к земледелию (Балаганский уезд), останутся при этом вообще без работников, так как религиозные верования запрещают бурятским замужним женщинам занятие хлебопашеством». А в кочевом скотоводстве они не могут заменить мужчин «вследствие непривычки и физической слабости». Наконец, призыв мужчин на тыловые работы нанесет

смертельный удар «самоу существованию бурятской народности» [Вестник, 2015, с. 248–250].

В результате, «начавшаяся Первая мировая война, – утверждают Л. В. Курас и В. Г. Жалсанова, – затем реквизиции бурят на тыловые работы внесли огромные изменения в уклад жизни бурят... И это объективно способствовало политизации общества, росту национального движения, выразившегося в образовании Бурятского национального комитета» [Курас, 2017, с. 174]. Перечисленные обстоятельства сыграли роль детонатора национальных движений в Азиатской России в 1917 г. В долгосрочной перспективе негативная реакция бурят и других аборигенных этносов юга Сибири обуславливалась массовым переселением на их земли русских крестьян и политикой властей на ускоренное «обрусение» «инородцев» путем перевода их на оседлость и приобщение к православию [Шиловский, 2017, с. 159–160].

Разъясняя сложившуюся ситуацию, Э.- Д. Ринчино уже в 1917 г. заявляет, что призыв бурят на тыловые работы ускорил их вымирание. «Разумеется, – декларирует он, – при тех слышимом ненормальных взаимоотношениях, которые существуют между русским и инородческим населением Сибири, не приходится рассчитывать, что мероприятия по борьбе с вымиранием инородцев найдут активное сочувствие и поддержку со стороны русско-крестьянского большинства в смешанных земствах. Для выполнения такой задачи крестьянство слишком заражено ядом ненависти к инородцам и слишком темно» [Ринчино, 1917, с. 45]. Выход из положения заключается в создании автономных бурятских органов самоуправления. Таким образом, бурятская политизированная интеллигенция на основе реального развития этнополитической ситуации на юге Сибири в начале XX в. и во время Первой мировой войны вы-

шла на понимание насущной необходимости организации территориальной автономии. Эту позицию лидеры национального движения четко проводили в течение 1917 г. Первый общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии 23–25 апреля в Чите утвердил временный «до выделения особой бурятской национальной территории» Проект бурятской национальной автономии: «В области национальной автономии буряты Иркутской губернии и Забайкальской области объединяются в одно целое. Основной территориальной единицей автономии является обособленная земельная единица (сомон), которая, объединяясь с соседними, организуется в хошуны, а хошуны, объединяясь, организуют аймак. Верховным органом бурятской национальной автономии, объединяющим все части бурятского народа в одно целое, является бурятская национальная дума...» В качестве временного руководящего органа избирается Бурятский национальный комитет (Бурнацком) [Съезды... Забайкальская обл., 1991, с. 27].

Альтернативный проект по решению национального вопроса в регионе принимается на Краевом съезде исполнительных комитетов общественных организаций Восточной Сибири 25–29 июля 1917 г. в Иркутске. Его делегаты высказались «за самую широкую культурно-национальную автономию», а «создавшиеся в процессе национального строительства самунные, хошунные и аймачные организации съезд рассматривает как начальные основные единицы культурно-национального объединения бурят» [Съезды... Иркутская губ., 1991, с. 68]. Вслед за бурятами, первоначально выдвигая лозунг культурно-национальной автономии, другие аборигенные этносы (хакасы, алтайцы, якуты, казахи) заявляют о необходимости достижения территориально-национальной автономии.

Литература

- Балдано М. Н. Формирование и развитие национальной интеллигенции Бурятии в первой трети XX века // Национально-культурная политика и практика ее реализации в сибирском регионе в первой трети XX в. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2005. С. 132–175.
- Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3. С. 241–260.
- Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири 1917–1923 гг. Изд. 2-е. Новосибирск: Наука, 1983. 318 с.
- История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 2.
- Курас Л. В., Жалсанова В. Г. Бурятское общество в годы Первой мировой войны // Восстание 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном. М.: Русский импульс, 2017. С. 161–174.
- Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 261–288.
- Ринчино Э.-Д. Великая революция и инородческая проблема в Сибири // Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 34–74.
- Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 592 с.
- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1991. 204 с.
- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1991. 205 с.
- Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке...» Г. Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: Изд. дом «Сова», 2004. 244 с.
- Шиловский М. В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 320 с.
- Шиловский М. В. Особенности применения Высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения...» в Сибири // Восстание 1916 г. в Азиатской России. 2017. С. 161–174.

В. И. ЛЕНИН И БУРЯТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

Наряду с деятельностью национальных органов местного самоуправления (Бурнацком-Бурнардума) и ее лидеров (Э.-Д. Ринчино, Б. Барадийн, Ц. Жамцарано, М. Н. Богданов), сыгравших важнейшую роль в деле становления бурятской национальной государственности, показаны место и роль основателя и руководителя Советского государства В. И. Ленина в национально-государственном строительстве и создании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

Ключевые слова: Ленин; Ринчино; Бурнацком-Бурнардума; СССР; БМАССР.

Kuras Leonid Vladimirovich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

V. I. LENIN AND BURYAT STATEHOOD: TO THE PROBLEM OF THE HISTORICAL JUSTICE

Within the activity of the national local authorities (Burnatskom-Burnatsduma) and its leaders (Rinchino E.-D., Baradin B., Zhamtsarano Ts., Bogdanov M. N.), who played a great role in the establishment of the Buryat national statehood, the place and role of V. I. Lenin, the founder and the leader of the Soviet state, in the national-state building and the foundation of Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialistic Republic are examined.

Keywords: Lenin; Rinchino; Burnatskom-Burnarduma; USSR; BMASSR.

Февральская революция в России стала мощным катализатором национального движения в России и внесла серьезные изменения в саму постановку национального вопроса. Именно тогда начали вызревать тенденции реализации идеологии национальной государственности на востоке России на основе национально-территориальной автономии [Культурно-национальная автономия..., 1998], в том числе и в условиях монгольского мира [Курас, 2015; Съезды, конференции, совещания, 1991]. Эти тенденции, различные подходы и теоретические взгляды как на исторические аспекты, так и на проблемы реформирования этнополитики получили достойное освещение в современной историографии как на общероссийском [Национальная политика..., 1997], так и на региональном уровне [Курас, 2016]. Эти подходы и взгляды наиболее выпукло проявились в деятельности бурятских демократов, когда, по словам Э.-Д. Ринчино, «требования автономного управления» стали «волей и желанием всего бурят-монгольского народа, его трудового большинства» [Ринчино, 1994, с. 81]. Следует заметить, что такие же процессы происходили на территории всей вчерашней царской империи, а затем, после февраля 1917 г., самой свободной, самой демократической страны мира. Но события в Забайкалье имели свои особенности, суть которых выражалась в следующем:

Во-первых. Первым кирпичиком в национально-государственном строительстве следует считать Устав Сперанского 1822 г., на основании которого возникли органы местного самоуправления – степные думы. Именно они что стали школой местного самоуправления, через которую прошло абсолютное большинство автохтонного населения. Хотя, конечно, система местного самоуправления в империи осуществлялась по родоплеменному принципу, что не способствовало выработке единого этнического сознания бурят.

Во-вторых. Появление социокультурного и политического феномена, каковым является панмонголизм, обретает ресурс политической мобилизации.

В-третьих. После революции 1905–1907 гг. отношение к идее панмонголизма со стороны официальных властей начинает обретать позитивное отношение. Это обуславливалось двумя факторами – внешним и внутренним. Внешний фактор был обусловлен внешнеполитическими

интересами Российской империи на Востоке и, особенно в Тибете, а также близостью бурят и калмыков к тибето-буддийской духовной традиции и ее влияния на культуру монголоязычных народов, проживавших на территории Российской империи [Дамдинов, 1999; Павлов, 2007]. Внутренний фактор проявился благодаря возникновению, по словам Б. Барадина, «определенного стремления к национальному объединению и организации, чего раньше в истории бурят-монголов не было» [Барадин, 1927]. При этом сторонники идеи единения монголоязычных народов приступили к теоретическому осмыслению этнических общностей на основе экстерриториальной национально-культурной автономии как формы самоопределения народов. Ее суть заключается в том, что она позволяет удовлетворить интересы личности, этнонации и государства, не нарушая территориальной целостности страны и не препятствуя развивающимся интеграционным процессам [Ульянищев, 2009].

В-четвертых. Особенностью осмысления проблемы автономии бурятскими демократами стала попытка достичь единения монгольских народов на основе единства религии, связывая свои надежды с буддизмом. Именно поэтому Ц. Жамцарано рассматривал буддизм как «атеистическую религию» способную объединить все монгольские народы и приобщить бурят к «общемонгольской культуре» [Жамцарано, 1905, с. 167–184; Он же, 1905, с. 48–49].

В-пятых. Важной особенностью этого этапа стал поиск единения монголоязычных народов на основе общности языка, дискуссия о перспективах развития которого, стала базовым элементом будущего национально-государственного строительства, вышла за пределы собственно бурятского ареала и сделала ее достоянием широкой общественности Российской империи [Сенина, 2005; Ледовских, 2008].

В-шестых. В начале XX в. оформляется новая светская бурятская интеллигенция, которая мыслила уже общенациональными категориями и смотрела на буддизм как на «убежище национального духа, национальной индивидуальности и солидарности» [Rurpen, 1962, p. 34], способной объединить и сплотить разрозненные бурятские племена.

В-седьмых. В результате победы Синьхайской революции в Китае был установлен республиканский строй, а

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

Халха получила независимость. На ханский престол был возведен Богдо-гэгэн, в Монголии установилась теократическая монархия, под знаменем Богдо-хана собирались все этнические объединения монгольского мира, и вызревали основы полиэтнического государства.

Все это способствовало тому, что 25 апреля 1917 г. решением I Всебурятского съезда был образован Центральный национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнацком) – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти бурят в 1917–1919 гг. Его задачей была организация выборов в Учредительное собрание и подготовка бурятского населения к введению земского самоуправления. Бурнацком сформировал систему национальных административно-территориальных образований (аймак, хошун, сомон). Тем самым Бурнацком стал органом бурятской национальной автономии, в которую включались земли вокруг Байкала, заселенные бурятским населением. Наряду с официальным материалом поступали и наказания с мест. Это способствовало возникновению эмпирического материала, на основании которого председатель Бурнацкома М.Н. Богданов подготовил проект бурятской национальной автономии. 23–25 апреля 1917 г. на I всебурятский съезд этот документ был рассмотрен. 7–15 октября 1917 г. в Верхнеудинске «на общенациональном съезде монголо-бурят Забайкальской области и Иркутской губернии» с докладом «О выделении национально-обособленного аймачного земства», в основу которого был положен проект М. Н. Богданова, выступил Э.-Д. Ринчино. При этом аймачное земство рассматривалось как административная ячейка будущей монголо-бурятской автономии, проект которой будет внесен во Всероссийское Учредительное собрание. Тем самым проблема бурятской автономии не рассматривалась с точки зрения немедленной, практической ее реализации, а напрямую связывалась с решением будущего Учредительного собрания [Кажаров, 2011, с. 113].

Вообще в этих условиях большое значение приобретает роль и место национального вопроса в политике Временного правительства. Так, в Декларации о составе Временного правительства и его задачах от 2 марта 1917 г., подчеркивалась необходимость отмены всех национальных ограничений, хотя к проблеме автономии это не имело никакого отношения. Таким образом, проблемы административно-политического устройства являлись делом будущего. Более того, анализ программных установок политических партий по национальному вопросу свидетельствует об их негативном отношении к любым национальным автономиям. Решение проблем государственного строительства на новых принципах, даже если бы этого и хотело Временное правительство, в условиях продолжавшейся мировой войны было невозможно. С этой точки зрения Временное правительство представляется прямым коллективным преемником императора Николая II. Временное правительство, как и Петроградский совет, недооценивали остроту национальных проблем. Проволочки в этом вопросе привели лишь к нарастающей радикализации национального движения [Капеллер, 1996, с. 293–294]. Поэтому не случайно всебурятский съезд единогласно принял резолюцию: «...твердо настаивать перед Временным правительством и местными комиссарами, чтобы положение об уездных земствах было временно введено среди бурятского населения Забайкальской области и Ир-

кутской губернии в пределах существующих аймаков... воздержаться от участия в выборах в смешанные уездные земства» и принял «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии» [Монгольский мир, 2017, с. 40].

Временное правительство не поддержало эти требования. Партия большевиков периода первой советской власти отнеслась также индифферентно к идее бурятской автономии. Более того, приход большевиков к власти заметно осложнил ситуацию с формированием института национально-культурной автономии в России, ибо В. И. Ленин отвергал идею «культурно-национальной автономии» как буржуазную и вредную с точки зрения «пролетарского интернационализма». Видимо, поэтому национальные лидеры в регионах России не приняли советскую власть, а Бурнацком не был представлен ни в Центральном исполнительном комитете Советов Сибири (Центросибирь), ни в списке делегатов II Съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов Сибири в феврале 1918 г. В то же время на совместном совещании Президиума IV Всебурятского съезда (21–29 ноября 1917 г., Верхнеудинск) были названы делегаты Чрезвычайного съезда областников в Томске [ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 48. Л. 221]. Это обстоятельство побудило большевиков пересмотреть свои позиции в национальном вопросе. Они мучительно переходили от идеи унитарного «пролетарского» государства, по сути игнорирующего национальный фактор, к государству федеративному, объединяющему различные народы [Закиров, 2007, с. 342].

Таким образом, деятельность Бурнацкома-Бурнардумы в 1917–1918 гг. способствовала проявлению бурятской этничности в рамках становления национальной автономии, а I съезд Бурнацкома стал отправной точкой национальной государственности бурят. Но все это происходило явочным порядком, в состоянии эйфории и в большей мере напоминает договор о намерениях. Дальнейшее формирование национальной автономии и особенно после 1919 г. шло под непосредственным влиянием внешней и внутриполитической обстановки в стране, на которые Бурнардума уже не имела никакого влияния.

Однако ситуация изменилась кардинально только после Бакинского съезда народов Востока¹, состоявшегося 1-7 сентября 1920 г. [Ленин, примечания, т. 41, с. 534–536], значение которого В.И. Ленин поставил вровень со II Конгрессом Коминтерна [Ленин, т. 41, с. 357]. Одним из делегатов Бакинского съезда был лидер бурятского национально-государственного движения Э.-Д. Ринчино. 13 октября 1920 г. состоялась встреча 27 делегатов Бакинского съезда в Политбюро ЦК РКП(б) с В. И. Лениным. Э.-Д. Ринчино вместе с известным буддийским и общественным деятелем Агваном Доржиевым был приглашен для обсуждения бурятского и монгольского вопросов. На заседании Политбюро Э.-Д. Ринчино сделал доклад и подал две докладные записки: «Иородческий вопрос и задачи советского строительства в Сибири» и «Условия постановки и задачи революционной работы на Дальнем Востоке». По результатам этой встречи уже 13 или 14 октября «В. И. Ленин пишет проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами; намечает ряд конкретных мероприятий, которые необходимо там осуществить для проведения в жизнь основных принципов

¹ Первый съезд народов Востока состоялся 1–7 сентября 1920 г. в Баку. На съезде присутствовали 1891 делегат, представители 37 национальностей (Кавказ, Средняя Азия, Афганистан, Египет, Индия, Иран, Китай, Корея, Сирия, Турция, Япония и другие страны). 1273 делегата были коммунистами. Были утверждены тезисы «Тезисы о Советской власти на Востоке». По национальному и колониальному вопросам съезд решил не принимать специальной резолюции, а выразить солидарность с тезисами II Конгресса Коминтерна по этим вопросам [Ленин, примечания, т. 41, с. 534–536].

национальной политики Советского государства» [Ленин. Биохроника. Т. 9, с. 366], принятого 14 октября 1920 г. «Обсудив доклады и сообщения, сделанные на совещании Политбюро Цека с 27 делегатами Бакинского съезда народов Востока 13.X.1920, Политбюро Цека постановило:

1. Усилить работу Совета национальностей при Наркомнаце и поставить доклад об этой работе в ближайшем заседании СНК.

2. Назначить строжайшее расследование злоупотреблений и насилий, совершенных местным русским населением по отношению к восточным народностям (в особенности калмыкам, бурят-монголам и т.д.), и подвергнуть виновных наказанию.

3. Издать от имени высшей Советской власти манифест, который бы подтвердил основы национальной политики РСФСР и установил более действительный контроль над ее полным проведением в жизнь.

4. Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов, поручив НКНацу.

5. По вопросу аграрному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них великорусами, за счет кулацкой части казачьего населения и поручить СНК немедленно подготовить соответствующие постановления.

6. Выработать инструкцию для всех уполномоченных Цека и центральной Советвласти, посылаемых из Москвы

в области, населенные восточными народностями. В этой инструкции центром тяжести сделать разъяснение обязанности уполномоченных действовать только через местные органы, состоящие из представителей трудящегося местного населения, и главной своей задачей считать борьбу против буржуазных и лжекоммунистических групп местного населения наряду с поддержкой действительно коммунистических групп и элементов» [Ленин, т. 41, с. 342-343].

Уже в апреле 1921 г. в составе Дальневосточной республики (ДВР) была создана Бурят-Монгольская автономная область в составе Агинского, Баргузинского, Хоринского и Чикойского аймаков с центром в Чите. 9 января 1922 г. на территории РСФСР была создана Бурят-Монгольская автономная область в составе Тункинского, Эхирит-Булагатского, Аларского, Боханского и Селенгинского аймаков с центром в Иркутске. После самоупражнения ДВР были созданы условия для объединения автономных областей и 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК принял решение об образовании на их базе единой Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики [Бурят-Монгольская авт. обл., 2009, с. 269].

Таким образом, не умаляя заслуг лидеров бурятского национального движения и особенно Э.-Д. Ринчино, историческая справедливость состоит в том, что определяющая роль в создании бурятской государственности принадлежит правящей большевистской партии и ее лидеру В. И. Ленину.

Литература

- Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. В. Г. Зыкова. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 204 с.
- Барадин Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк. Формирование бурят-монгольской народности. Верхнеудинск, 1927.
- Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. Июнь 1920-январь 1921. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1978. 366 с.
- Дамдинов А. В. Агван Доржиев: дипломат, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. 148 с.
- Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопросы: периодический сб. СПб.: В. П. Сукачев. 1905. № 2. С. 167-184.
- Жамцарано Ц. О том, как развивалось самосознание и правосознание сибирских инородцев-бурят // Право. 1905. № 48-49.
- Закиров Р. З. Татарское национальное движение в 1917-1918 гг. // Известия УрГУ. 2007. № 52. С. 342.
- Ильиных В. А. Бурят-Монгольская автономная область // Историческая энциклопедия Сибири. А-И. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009.
- Кажаров А. Г. Союз объединенных горцев и проблема автономии народов Северного Кавказа в 1917-1920 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад: Пер. с нем. М.: Традиция – Прогресс – Традиция, 1996. 344 с.
- Культурно-национальная автономия в истории России. Т. 1: документальная антология / авт.-сост. И. В. Нам. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 308 с.
- Курас Л. В. Монгольский мир в условиях революционного процесса в первой четверти XX в. // Власть. 2015. № 8. С. 190-195.
- Курас Л. В. Бурятская национальная автономия 1917 года в транснациональной истории // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 84-92.
- Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016.
- Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 26 с.
- Ленин В. И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросам о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 342-343.
- Ленин В. И. Примечания // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 334-336.
- Ленин В. И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 344-361.
- Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Внутренней Азии в XX-XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 204 с.
- Национальная политика в России: история и современность / сост. Н. И. Наумова. М.: Русский мир, 1997. 680 с.
- Павлов П. А. Духовные связи российских буддистов с Тибетом в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
- Ринчино Э.-Д. Инородческий вопрос и задачи советского строительства в Сибири // Элбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ: РИО Министерства печати РБ, 1994. С. 71-89.
- Сенина Е. А. «Инородческий» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 29 с.
- Ульянищев П. В. Автономия как конституционно-правовая гарантия прав народов в многонациональном государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 30 с.
- Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. В 3 ч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. Ч. 1-2. 337 с.
- Rupen R. A. Mongols of the 20th century. Vol. I. Bloomington: Indiana University, 1964.

«НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ БЫТЬ...»**(о выставочном проекте Государственного архива Республики Бурятия к 100-летию съезда хоринских бурят, первого общенационального съезда бурят в г. Чита и Центрального Бурнацкома)**

В статье раскрываются результаты исследовательской работы архива, проведенной в рамках подготовки выставочного проекта по документам архива, посвященного 100-летию съезда хоринских бурят, первого общенационального съезда бурят в г. Чита и Центрального Бурнацкома.

Ключевые слова: февральская революция; национальная автономия; общенациональный бурятский съезд; Бурнацком.

Zalsanova Butit Cydypmunkuevna

State Archives of the Republic of Buryatia Ulan-Ude, Russian Federation

"THE NATIONAL AUTONOMY, IT WILL BE ..."**(on the exhibition project of the State Archives of the Republic of Buryatia to the 100th anniversary of the Congress of Khori-Buryats, the first National Congress of the Buryats in Chita, and the creation of the Central Buryat National Committee)**

The article contains the results of preparing the exhibition project on archival documents dedicated to the 100th anniversary of the Congress of Khori-Buryats, the first National Congress of the Buryats in Chita, and the creation of the Central Buryat National Committee.

Keywords: February revolution; national autonomy; National Buryat Congress; Buryat National Committee.

Статья основана на результатах работы Государственного архива Республики Бурятия по подготовке выставочного проекта, посвященного 100-летию съезда хоринских бурят, первого общенационального съезда бурят в г. Чита, создания Центрального Бурятского национального комитета (Бурнацкома), состоявшейся 25 апреля 2017 г. Надо отметить, что 2017 г. являлся знаковым годом в российской истории, связанным с юбилейной датой – 100-летием Великой российской революции, неотъемлемой части национальной истории, на десятилетия определившей развитие нашего государства. Революции 1917 года положили начало преобразованиям, в ходе которых бывшие инородческие окраины Российской империи, в том числе и буряты, получили возможность создания своих автономий и государственности.

Безусловно, такие юбилеи являются поводом для осмысления нашей прошлой истории и архивистам, хранящим документальное историческое наследие России, необходимо показать документы тех переломных времен, чтобы ни у кого не оставалось возможности, как отметил В. В. Путин в своем послании Федеральному собранию в декабре 2016 г., «тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России».

Задачами данной статьи является анализ состава и содержания хранящихся в Государственном архиве Республики Бурятия документов за период с 1917 по 1923 гг., именно за эти семь лет бурятские общества прошли путь от Февральской революции до создания Бурят-Монгольской республики.

На государственном хранении в архиве находится комплекс документов о том, как встретили бурятские общества февральскую революцию, как бурятские лидеры ставили перед собой первоочередную задачу – обретение национальной автономии, как строилось управление бурятскими обществами, как проходили съезды, совещания, как образовался Бурнацком, а также протоколы его заседаний и т.д.: 1) Ф. Р-483 «Центральный бурятский национальный комитет» – 77 дел за 1916–1921 гг. Это документы о реквизиции бурят на тыловые работы, о созыве общепурятского съезда, протоколы заседаний Бурнацкома о поддержке Временного правительства, восстановлении Степных дум, о введе-

нии земства, об образовании национальной гвардии (милиции) «Улан-Цагда», организации Бурятского училищного совета и т.д.;

2) Ф. Р-467 «Бурятский национальный отдел при Гражданском управлении Временного правительства» – 11 дел за 1918 г., это приказы атамана Г. Семенова, протоколы собраний бурят Агинского аймака, докладные записки об устройстве бурят-эмигрантов в Монголии и Китае;

3) Ф. Р-305 «Народная дума бурят Восточной Сибири» (Бурнардума) – 46 дел за 1917–1921 гг.: документы о призыве бурят в армию атамана Г. Семенова, протоколы заседаний Народной думы по земельным вопросам, о недовольстве бурят советской властью и т.д.;

4) шесть фондов бурятских Комитетов общественной безопасности (Селенгинский и Хоринский аймачные, Аргада-Мургунский, Койморский, Оронгойский, Чикойский хошунные) – 68 дел за 1917–1918 гг.: протоколы заседаний комитетов, сведения об образовании культурно-просветительских учреждений, хозяйственно-экономической деятельности, статистические сведения и т.д.;

5) три фонда бурятских аймачных дум (Агинская, Селенгинская, Хоринская) – 323 дела за 1917–1920 гг.: протоколы заседаний дум, сведения о хозяйственной деятельности и т.д.;

6) шесть фондов бурятских аймачных, 17 фондов хошунных земских управ (Ангарская, Баргузинская, Селенгинская, Тункинская, Хоринская, Эхирит-Булагатская аймачные, Агинская, Аларская, Аргада-Мургунская, Булагатская, Гочитская, Дэдэгольская, Капсальская, Койморская, Окинская, Оронгойская, Торская, Хамниган-Бурятская, Ходайская, Хори-Бурятская, Цугольская, Чикойская, Мондинская хошунные) – 1012 дел за 1917–1920 гг.: протоколы заседаний земских собраний, документы о бюджете управ, статистические сведения и т.д.

Первый раздел выставочного проекта архива получил название «Выражаем твердую уверенность, что отныне отойдут в область прошлого все национальные и религиозные ограничения», которое выражает дух того революционного времени, наставшего после свержения царизма в феврале 1917 г. Бурятские общества оказались готовы к этим революционным изменениям, потому и сами документы пропитаны революционным духом. Надо отметить, что к 1917 г. бурятские общества были достаточно политизированы, чему способствовали следующие события:

1) непринятие волостной реформы 1901–1904 гг., ликвидировавшей местное самоуправление бурят в виде трехступенчатой системы: Степная дума – инородная управа – родовое управление, которой они управлялись в течение почти столетия; некоторые бурятские лидеры подверглись наказаниям, вплоть до арестов, заключения в тюрьмы, ссылки на север;

2) болезненное восприятие бурятскими обществами реквизиции на тыловые работы под Минском и в порт Архангельск на севере, когда по величайшему распоряжению от 25 июня 1916 г. было призвано более 20 тысяч молодых работоспособных мужчин. После Февральской революции молодые бурятские мужчины, впервые увидевшие Россию, начали возвращаться домой, при этом это были уже не простые кочевники, а «зараженные» самыми разными революционными идеями от анархизма до большевизма;

3) бурятские общества имели опыт общественной деятельности в рамках Общебурятского общества по сбору пожертвований под руководством Пандито-хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова. 2–4 марта 1915 г. в г. Верхнеудинск работает общебурятский съезд, на котором было принято решение об учреждении Общебурятского комитета по сбору пожертвований, впервые объединившего бурят, проживавших в двух разных административных регионах – Забайкальской области и Иркутской губернии. Надо особо отметить, что членами Общества могли быть все правоспособные лица обоого пола, без различия вероисповедания, общества и учреждения, входящие в район деятельности Общества. Так, почетными членами Общества были избраны Д.-Д. Итигэлов, Ч.-Д. Иролтуев, Агван Доржиев, Базар-Садо Ямпиллов, Цырен-Жаб Бадмажапов, Радна-Жаб Бимбаев, Цыден Аюшиев, Ирдыни Вамбоцыренов, В. Л. Егоров, М. Н. Богданов, Э.-Д. Ринчино, М. П. Трубачева, также российские ученые Ф. И. Щербатской, А. Д. Руднев и В. Л. Котвич, попечитель городских лазаретов А. Н. Щеглов.

После известия о Февральской революции и создании Временного правительства в Петрограде активизируется деятельность бурятских общественников. Февральская революция стала ожидаемым событием для бурятских обществ, жаждущих возвращения своих сыновей, отцов, находившихся на тыловых работах и возврата своей автономии, дарованной Уставом М. М. Сперанского 1822 г. В памяти бурят еще были свежи воспоминания о своей автономии, к тому же у бурятских обществ появились свои лидеры, как Э.-Д. Ринчино, М. Н. Богданов, свои ученые, как профессора Цыбен Жамцарано, Гомбожаб Цыбиков и Базар Барадин.

Прошло всего несколько дней после свержения царя в Петрограде, и уже с 6 по 12 марта 1917 г. в г. Чита на частное совещание собираются бурятские представители, на котором решаются вопросы о подготовке населения к съезду, составлении обращения к бурятскому народу о текущих событиях, а также о представительстве во всех общественных организациях от частного совещания бурят. На совещании был учрежден Временный организационный комитет по созыву общебурятского национального съезда: «Обсудив вопрос об отношении бурят к текущим событиям политической жизни России и находя необходимым организовать бурятский народ в целях поддержки нового правительства России, подготовки народа к выборной кампании, защиты и представительства национальных бурятских интересов – совещание постановило: учредить Организационный комитет по созыву общебурятского национального съезда...» [ГАРБ. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 48. Л. 7]. Председателем комитета был избран М. Н. Богданов, секретарем Д. Ринчино, казначеем Ш. Базаров [ГАРБ. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 48. Л. 8].

12 марта 1917 г. в заседании совещания принимает участие делегация под руководством Пандито-хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, прибывшая из Западного Забайкалья [ГАРБ. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 48. Л. 12]. В протоколе отмечается, что хоринские буряты «волнуются в связи с государственным переворотом и не хотят признавать власть нового правительства», в связи с чем совещание принимает решение отправить телеграммы ширетую Эгитуйского дацана Зодбоеву, бывшим тайшам Э. Вамбоцыренову и Ц. Аюшиеву «с просьбой разъяснить местному бурятскому населению о недопустимости волнений во имя интересов народа и блага его» [Там же. Л. 11].

На этом же заседании М. Н. Богданов объявляет, что от имени бурят Забайкальской области отправлена телеграмма в Петроград председателю Совета министров, в которой буряты приветствуют «новое правительство, выражают твердую уверенность, что отныне отойдут в область прошлого все национальные и религиозные ограничения и выражают готовность оказать всемерную поддержку в решении нового правительства созвать учредительное собрание для решения вопроса о форме правления России, народы которой должны сойтись в едином желании совместной и дружной работы на основах братства, равенства и свободы» [Там же. Л. 5].

Второй раздел выставочного проекта также носит поэтически-революционное название «Чтобы был услышан и наш бурятский голос...» в виде цитаты из архивного документа. В череде революционных событий, проходивших после Февральской революции 1917 г., огромное значение имеет съезд хоринских 11 родов бурят, состоявшийся 27–31 марта 1917 г. в селении Анинском. Именно на этом съезде были заложены основы для проведения будущих общебурятских съездов в 1917 г., принимались программы, решения и т.д.

В архиве хранится особо ценный документ – протокол съезда под названием: «Протокол заседания 11 родов Хоринских бурят, бывших под ведением 8-ми инородческих волостей, Верхнеудинского уезда Забайкальской области 27–31 марта 1917 г. в селении Анинском (где бывшая Хоринская Степная дума)» [Там же. Д. 71. Л. 31–37].

Съезд работал в течение пяти дней, в нем приняли участие 119 делегатов, председателем был избран Ирдыни Вамбоцыренов. На съезде было рассмотрено 17 вопросов: об отношении к Временному правительству, о призванных на тыловые работы, о создании системы управления, народном просвещении, народном здравии, о налогах и т.д. После обсуждения этих вопросов хоринские буряты приняли постановление о признании Временного правительства и отправке приветственных телеграмм в адрес Родзянко, Львова и Керенского.

Еще одно важное решение делегатов съезда касалось восстановления национальной автономии бурят, функционировавшей в XIX в.: «Принимая во внимание, что буряты ведомства Хоринской думы, как и все буряты Забайкальской области и Иркутской губернии, пользовались на основании положения 1822 года национальной автономией, которая была насильственно отнята старым самодержавным правительством и что Временное правительство нашло возможным отменить ограничительные законы старого Правительства по адресу автономии Финляндии и восстановить независимость Польши, общее собрание 11 хоринских родов ведомства Хоринской Степной думы находит крайне необходимым во имя справедливости и осуществления этих идей, кои провозглашены новым правительством, обратиться к правительству с петицией от лица всех бурят о немедленном восстановлении особым актом национальной автономии бурят с учреждением постоянно

функционирующего выборного общенационального бурятского собрания» [ГАРБ. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 8. Л. 91–92].

Съезд принял важное решение о развитии национальной школы, учреждении в Верхнеудинске педагогических курсов и национальной учительской семинарии, организации комиссии по составлению учебников и пособий для школ. Интересным представляется решение о развитии курортов для лечения населения, о беспощадном ввозе китайско-тибетских медикаментов.

Примечательно, что хоринские буряты предлагали называть органы местного самоуправления на бурятском языке: *Аймагун Чоулган* 'Центральный комитет', председателей сумонных, хошунных и аймачных комитетов: *зайсан, захирагчи, тайша*, товарищей председателей *дид-захирагчи, дид-тайша*, а членов – *тушимэс*.

Третий раздел выставки был посвящен Общенациональному бурятскому съезду, проходившему 23–25 апреля 1917 г. в г. Чита, а также еще трем общепурятским съездам, прошедшим в 1917 г. Название соответствует содержанию: «Общенациональные съезды как высшие революционные органы». К открытию съезда многие бурятские общества и лидеры направили телеграммы. Так, 23 апреля 1917 г. Даши Сампилон отправляет приветственную телеграмму съезду из Минска, где находился как представитель бурятского общества при реквизируемых на тыловые работы бурятах: «Шлю привет. Верю, съезд внесет благие начала свободы жизни нашего народа. Скоро начнется эвакуация рабочих» [Там же. Д. 48. Л. 18]. Другая телеграмма из Балаганска Иркутской губернии: «Шлем искренний восторженный привет съезду своих братьев с освобождением от векового гнета и рабства желаю плодотворного труда на свободное самоопределение своей нации, и ее духовного и культурного преуспеяния в будущем» [Там же. Л. 20].

24 апреля 1917 г. на съезде с докладом «Проект Бурятской национальной автономии» выступил М. Н. Богданов. После двухчасового обсуждения принято решение об учреждении Бурятской национальной думы «Бурят улусун чулуган» в компетенциях Устава об управлении инородцев 1822 г., в области гражданских и уголовных преступлений руководствоваться нормами обычного права, об исключении телесных наказаний, о введении на содержание самоуправления подоходного прогрессивного налога на доходы и капиталы, на наследование. По вопросу о территориальной автономии съезд вынес резолюцию о применимости и целесообразности вплоть до выделения особой национальной бурятской территории.

В этот же день состоялось вечернее заседание съезда, на котором с докладом «Организация временного бурятского национального комитета» выступил М. Н. Богданов. После обсуждения было принято решение: «Для подготовки бурятского населения к предстоящему введению земского самоуправления, организации выборов в Учредительное собрание и организации следующего общепурятского съезда образуется Временный Бурятский национальный комитет» [Там же. Л. 77].

В архиве хранятся документы еще трех общенациональных бурятских съездов, состоявшихся в 1917 г., на которых рассматривались самые разные вопросы: школьный, культурно-просветительский, земельный, о выборах в Учредительное собрание, о налогах, о положении дел в Баргузинском аймаке, о переселении в Монголию и т.д.: 1) июль 1917 г. при Гусиноозерском дацане; 2) октябрь 1917 г.; 3) ноябрь 1917 г. [Там же. Оп. 1. Д. 7, 48].

Четвертый раздел выставки с заголовком «Бурнацком – объединяющий и руководящий орган всей национальной жизнью бурят» посвящен деятельности Бурнацкома, созданного на первом общенациональном съезде бурят 25 апреля 1917 г., как высшего органа управления в период

между съездами. Документы свидетельствуют об активной и многогранной деятельности Бурнацкома, о том, как комитет проводил политику поддержки Временного правительства, добивался организации самоуправления бурят в пределах образовавшихся после Февральской революции 1917 г. аймаков, решения земельного вопроса, постановки школьного дела и т.д. Всего в фонде Бурнацкома хранится 27 протоколов заседаний только за 1917 г.

25 апреля 1917 г. на утреннем заседании были избраны первые члены Бурнацкома: от Агинского – Гомбо Ринчинэ, Хоринского – Жамьян Шойванов, Селенгинского – Жалсарай Самбуев, Баргузинского – Элбэк-Доржи Ринчино, кандидатами Дашидондуб Банзаргашин, Бато Ирдыниев и Цыренжаб Батомункуев, от съезда М. Н. Богданов в качестве кандидата и Георгий Гомбоев в качестве члена [Там же. Д. 48. Л. 81].

О важности вопросов народного просвещения свидетельствует то, что уже на первом заседании был создан Училищный совет, его председателем был избран профессор Гомбожаб Цыбиков, товарищем Базар Барадин. Одной из первоочередных задач Бурнацкома было приобретение типографии, причем рассматривался вариант покупки типографии у П. А. Бадмаева.

В это же время Бурнацкомом был подготовлен и принят Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии, в котором были определены функции и задачи Бурнацкома, общенациональных съездов [Там же. Д. 1. Л. 1–2].

Заслуживают внимания решение Бурнацкомом таких вопросов, как организация бурятских курсов в с. Агинскот с 1 июня по 15 июля 1917 г. Лекторами были определены: М. Н. Богданов – по бурятоведению, Д. Ринчино – по обычному праву бурят и государственному праву, Г. Цыбиков – по монгольскому языку, Ц. Жамцарано – по религии, обычному праву, Б. Барадин – по языковедению и буддизму, Н. Дылыков – по земельному вопросу бурят, А. Тугултуров – по кооперации бурят, Л. Жабэ – по народному здравью.

На заседаниях обсуждались вопросы подготовки общенациональных бурятских съездов, бурятского учительского съезда в г. Иркутск (созываемом 26 мая 1917 г.), об организации Бурятского кооперативного союза, об организации судов, земельный вопрос, вопросы эмиграции бурят в Монголию и т.д. Интересным представляется обсуждение проводом известной российской революционерки М. А. Спиридоновой: Бурнацком принял решение «выразить благодарность М. А. Спиридоновой от имени бурятского народа и поднести ей на память серебряный блокнот» [Там же. Д. 67. Л. 6].

Таким образом, в ходе подготовки выставочного проекта архивом была подготовлена подборка архивных документов и фотодокументов за 1917 г., начиная с протоколов мартовского частного совещания, заканчивая протоколами Бурнацкома. Эти документы свидетельствуют о том переломном моменте в российской истории, когда представители разных слоев российского общества решали свое будущее. Документы, представленные в выставочном проекте, помогут всем тем, кто интересуется историей, исследователям, занимающимся этой темой, объективно представить историю революционного 1917 г. в Забайкалье. С выставочным проектом можно ознакомиться на сайте архива gbu-garb.ru. На наш взгляд, назрела необходимость издания сборника документов по истории национального движения бурят, начиная с 1904–1905 гг., которое, в конечном счете, привело к созданию Бурятской автономной республики в 1923 г.

РОЛЬ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛА БУРНАЦКОМА В ОБРАЗОВАНИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В СОСТАВЕ РСФСР

В статье рассмотрена деятельность Иркутского отдела Бурнацкома по созданию национальной государственности – Бурят-Монгольской автономной области в составе РСФСР, которому пришлось добиваться своей цели в условиях установления советской власти, затем в годы гражданской войны.

Ключевые слова: Бурнацком; Иркутский отдел; национальное самоопределение; автономия.

Sanzhieva Tatyana Efremovna
 Buryat State University
 Ulan-Ude, Russian Federation
 sanj_te@mail.ru

ROLE OF THE IRKUTSK BRANCH OF BURNATSKOM IN FORMATION OF BURYAT-MONGOLIAN AUTONOMOUS REGION AS PART OF RSFSR

The article examines the activities of the Irkutsk branch of Burnatskom on the creation of the Buryat-Mongolian Autonomous Region as part of the RSFSR. It had to achieve its goal in conditions of Soviet power and the Civil War.

Keywords: Burnatskom; Irkutsk department; national self-determination; autonomy.

История образования автономной области бурят в западной части расселения народа достаточно изучена Н. Д. Шулуновым, А. А. Баргановой, П. Т. Хаптаевым, Н. П. Егуновым, Г. Л. Санжиевым, Б. Д. Цыбиковым, Д. Г. Бажеевым и др. Советская историография искажала политику Бурятского национального комитета (Бурнацкома) в образовании национальной государственности бурят. Хотя именно Бурнацком и его признанные лидеры М. Н. Богданов, Э.-Д. Ринчино, Б. Барадин, Ц. Жамцарано и др. стояли у истоков создания автономного управления бурятами. В постсоветский период исследователи национального движения Б. Б. Батуев, Г. Л. Санжиев, Т. М. Михайлов, А. А. Елаев, В. В. Бабаков и др. дали высокую оценку деятельности Бурнацкома и его Иркутского отдела в национальном самоопределении бурят.

Некоторые участники создания первой национальной государственности – автономных областей – начинали свой путь в политике в рядах Центрального бурятского национального комитета (Бурнацком) и его Иркутского отдела. В состав Иркутского отдела вошли А. У. Убугунов (председатель), Ц. Алсаханов (товарищ председателя), И. С. Рампилун (инструктор), А. Р. Кошняев (секретарь), М. П. Трубачеева (казначей). Членами комитета стали И. И. Тунуханов, И. С. Вампилун, Б. Вампилун. С декабря 1917 г. в него входили Д. В. Манзанов, М. Н. Забанов, В. Л. Егоров, И. Ильин, И. И. Никоров, И. Н. Трубачеев, В. А. Михайлов, М. Н. Ербанов. Затем в комитет вошли П. Н. Данбинов, Д. А. Абашеев и Д. Иванов. На заседаниях комитета присутствовал губернский земский гласный М. И. Амагаев. Эти фамилии взяты из списка присутствующих на заседаниях. Состав комитета менялся, что было характерно и для Бурнацкома. В задачи Бурнацкома кроме подготовки созыва съезда входили: 1) выделение бурят в самостоятельную административно-хозяйственную единицу; 2) национализация школ; 3) представительство в Государственной думе.

Реализация национального самоопределения бурят началась с I общебурятского съезда, состоявшегося в апреле 1917 г. По основному докладу, сделанному М. Н. Богдановым, был принят проект положения о национальной автономии. Съезд принял решение «1. выделить бурят в особые аймачные административно-

хозяйственные единицы, применительно к территории прежних степных дум; 2. предоставить аймакам право распоряжения земельными угодьями на их территории...» [Бурят-Монгольская автономная область, 1922, с. 10]. Съезд постановил ввести аймаки явочным порядком. Бурнацком провел работу по разделению территории, населенной бурятами на аймаки, хошуны и сомоны / булуки.

В сложном положении оказались Бурнацком и его Иркутский отдел в связи с установлением советской власти в Иркутске и Иркутской губернии (в то время в Забайкальской области советская власть не была признана). Отдел Бурнацкома должен был выстроить отношения с советскими органами власти. 7 января 1918 г. на заседании, заслушав доклад подпоручика Н. М. Махочкеева, было принято постановление: «1. Не принимать активного участия в тактике политической борьбы русской демократии, проводить в жизнь бурятского народа принципы, провозглашенной русской революцией «без аннексии и контрибуции»... на основах широкого самоопределения народов» [Национальное движение в Бурятии, 1994, с. 95–96]. На следующем заседании 10 января был поставлен вопрос о представительстве в советских организациях Восточной Сибири. Большинство голосов было принято временное представительство в комитете советских организаций. Временным представителем был выбран Р.-Д. Рампилун [Там же, с. 96].

В течение 1917–1918 гг. Бурнацком и его Иркутский отдел считали, что «нейтральное положение бурятского народа в политической борьбе двух течений в русской демократии имеет чисто тактическое и практическое значение...» [ГАРБ. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 55. Л. 22].

В январе-феврале 1918 г. были созданы аймаки: Ангарский (в него вошли ныне действующие Аларский, Нукутский, Боханский и Осинский районы), Эхирит-Булагатский, Тункинский, Селенгинский (в него вошли Оронгойский, Селенгинский, Сартуло-Гегетуйский и Закаменский хошуны, позже включен Кудара-Бурятский хошун). 17 мая 1918 г. Иркутский отдел направил в комиссариат Советского управления Центросибири Временное положение о национальном самоуправлении бурят Иркутской губернии, в котором аймаки и хошуны определялись как местные органы государственной власти [Там же. Д. 52. Л. 40]. На этот запрос ответ не был

получен. За шестимесячный период Советской власти, добиваясь своей цели, члены Иркутского отдела участвовали в мероприятиях, проводимых большевиками. Например, в работе общегубернского съезда рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов, открывшегося 30 мая 1918 г. в г. Иркутск. Когда делегаты разъезжались, белочехами был занят Нижнеудинск.

Задачи сохранения и дальнейшего развития народа ставили членов Иркутского бурятского национального комитета перед политическим выбором. Сначала установившаяся власть советов предопределила выбор, но гражданская война и установление власти Временного Сибирского правительств в г. Омск внесли коррективы. 16 февраля 1918 г. Центральный Нацком обратился с воззванием к гражданам-бурятам, хошунным управам и аймакам Иркутской губернии о прекращении гражданской войны, «пагубной для дела свободы и всеобщего демократического мира, об образовании центральной и местной власти, опирающейся на соглашение всех социалистических партий, представленных в Советах и Учредительном собрании» [Национальное движение в Бурятии, 1994, с. 100]. В воззвании говорилось о сохранении хошунных земских организаций, создании национально-аймачных земств и формировании верховного органа автономии – Бурятской национальной думы. Комитет просил моральную и материальную поддержку у бурят Иркутской губернии. К тому времени состав комитета обновился: председателем стал Д. Сампильон, появились новые члены – С. Романов, А. Панзырев, О. Х. Харахинов, Г. Данчинов.

К марту 1918 г. обстановка стала еще более напряженной, поэтому 10 марта прошло объединенное заседание членов Иркутского отдела Бурнацкома и губернских земских гласных от бурятского населения. На этом заседании рассматривался вопрос об органах управления бурятами. На эту тему были выдвинуты две резолюции: Забанова – за создание советов бурятских крестьянских депутатов и Егорова – за «установление контактов с Советскими органами власти с условием сохранения в неприкосновенности существующих национальных органов управления» [Батуев, 1989, с. 22]. Большинство голосов была принята резолюция В. Л. Егорова. В этой связи большевик Г. Г. Данчинов заявил о выходе из Иркутского отдела Бурнацкома [Национальное движение в Бурятии, 1994, с. 104]. За ним последовал левый эсер Забанов [ГАРБ. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 55. Л. 32].

На заседании также присутствовали губернские земские гласные М. Онбоев и М. Амагаев, будущей руководитель БМАССР, активный член Коминтерна. На заседании был обсужден вопрос «о нападении вооруженных групп людей на отдельные улусы под видом реквизиции продуктов и конфискации имущества» и об эмиграции бурят в Монголию [Там же. Л. 20]. Было решено обратиться в центральные и местные органы советской власти для предотвращения нападения и организации охраны населения улусов.

Гражданская война заставила переориентироваться Бурнацком и его Иркутский отдел: Временным сибирским правительством был поднят вопрос о ликвидации аймаков как порождения советской власти, оно с недоверием относилось к Бурнацкому и не признавало право бурят на самоопределение, видя в этом угрозу унитарному государству [Бабаков, 2012, с. 119]. Члены Иркутского отдела Бурнацкома представлялись в Сибирской областной думе и участвовали в мероприятиях и через них пытались достичь своей цели – ав-

тономии. Органы самоуправления бурят существовали фактически и действовали явочным порядком [Егунов, 1989, с. 15]. 29 октября 1918 г. на заседании Иркутского отдела был поставлен вопрос «о возбуждении ходатайства перед Временным Сибирским правительством об утверждении аймачных учреждений на правах уездных административных единиц» [Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 55. Л. 40]. Для этого в Омск был направлен И. Тунуханов с докладной запиской, которую он должен был составить. Бурнацкому удалось в условиях гражданской войны отстоять национальное самоуправление, что впоследствии облегчило формирование административной структуры автообласти.

В начале 1919 г. в Иркутске образовалась подпольная группа бурятских коммунистов, в которую вошли А. Маркизов, М. Атанов, С. Николаев, Г. Данчинов и М. Ербанов. В ноябре 1919 г. работа по формированию организации бурятских коммунистов завершилась созданием Бурятская секция Иркутской организации РКП(б) [Шулунов, 1972, с. 41, 49].

С начала 1920 г. в аймаках началось формирование ревкомов, этот процесс был достаточно тяжелым из-за отсутствия обученных кадров и неподготовленности населения, а также отрицательного отношения к аймревомам со стороны уездных ревкомов. Так, в начале февраля 1920 г. руководство Балаганского уезда не считалось с Ангарским аймревкомом как органом советской власти, реквизирировало скот у населения аймака, назначало русских комиссаров в хошуну [Там же, с. 65–66].

В борьбе за автономию большой вклад внес М.Н. Ербанов – будущий председатель Совнаркома Бурят-Монгольской АССР, затем секретарь Бурят-Монгольского обкома партии, ему удалось пройти путь от идеи до создания государственности бурят. Начав работу с Иркутского отдела Бурнацкома, М. Н. Ербанов продолжил работу по созданию автономии в Бурсекции. С ноября 1917 г. в протоколах заседаний Иркутского отдела он отсутствует.

Иркутский отдел делал попытки сотрудничества с Бурсекцией. Однако коммунисты не приняли это предложение. «Не решившись ликвидировать Национальный комитет, Бурсекция направила свои усилия на вытеснение его представителей из органов самоуправления и перестройку управления аймаками и хошунами по советскому типу» [Елаев, 2000, с. 145].

9 января 1922 г. Декретом ВЦИК была образована Монголо-Бурятская автономная область, в которую вошли Боханский, Селенгинский, Тункинский и Эхирит-Булагатский аймаки. Селенгинский аймак был разделен при создании ДВР, граница была установлена по решению реввоенсовета Пятой Красной Армии [Шулунов, 1972, с. 58].

«В истории общественного движения бурят-монгольского народа выделение его в самостоятельную автономную единицу является одним из ярких и крупных исторических моментов его жизни», – писал М. Н. Ербанов в 1922 г. Там же он оценивает лидеров национального движения как «националистически настроенную и свободомыслящую» [Бурят-Монгольская автономная область, 1922, с. 9]. Действительно, Бурнацком и его Иркутский отдел провели значительную работу по созданию национальной государственности бурят: во-первых, разработали концепцию бурятской автономии, во-вторых, после Февральской революции ввели органы национального самоуправления бурят, в-третьих, сохранили национальное самоуправление в годы гражданской войны. Они были реальной силой, обладали воз-

возможностями руководства и добивались национального самоопределения для своего народа в разных условиях.

Политическая ситуация, сложившаяся в Иркутской губернии, кардинально отличалась от Забайкальской области, поскольку сильная большевистская организация смогла организовать работу по установлению власти

Советов практически сразу после Октябрьской революции. В результате в Иркутске возникло два национальных центра: Иркутский отдел Бурнацкома и Бурятская секция при Иркутском губкоме РКП(б), которая завершила дело, начатое Иркутским отделом по созданию национальной государственности бурят Предбайкалья.

Литература

Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. 147 с.

Батуев Б. Б. О некоторых вопросах национально-освободительного движения в Бурятии в 1917–1919 гг. / Национально-освободительное движение бурятского народа: тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1989. 105 с.

Бурят-Монгольская автономная область (Экономическое и статистическое исследование) Отчет Совету труда и обороны на 1-ое октября 1922 года. Иркутск: Первая Государственная типография, 1922. 202 с.

Егунов Н. П., Андреев Ч. Г. Национально-освободительное движение в Бурятии в начале XX века / Национально-освободительное движение бурятского народа: тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1989. 105 с.

Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. 198 с.

Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 492 с.

РОЛЬ БУРЯТСКИХ КОММУНИСТОВ В ОБРАЗОВАНИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР¹

В статье рассматривается роль бурятских большевиков в создании Бурят-Монгольской автономии. Показано, что они рассматривали республику не столько в качестве института, способствующего развитию и сохранению этнической специфики бурят, сколько в качестве инструмента, с помощью которого бурятский народ получает возможность интегрироваться в общесоветское социополитическое пространство. В этом смысле приверженцы коммунистической идеи объективно стали выступать в качестве представителей гражданского национализма, а их сверхзадачей стало создание новой «многонациональной» нации.

Ключевые слова: буряты; этничность; нациостроительство; национальное движение; бурятские коммунисты; автономия.

Varnavskiy Pavel Kondratyevich

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

THE ROLE OF BURYAT COMMUNISTS IN THE CREATION OF BURYAT-MONGOLIAN ASSR

The article is devoted to the role of the Buryat Bolsheviks in creation of the Buryat-Mongolian autonomy. It is shown that they considered the republic not as an institution that promotes the development and preservation of the ethnic specifics of the Buryats, but rather as an instrument through which the Buryat people get the opportunity to integrate into the all-Soviet sociopolitical space. In this sense, the adherents of the communist idea objectively began to act as representatives of civic nationalism, and their supermission was the creation of a new “multinational” nation.

Keywords: Buryats; ethnicity; national building; national movement; Buryat communists; autonomy.

Начиная с октябрьского восстания, влияние коммунистов на политическую жизнь в России постоянно росло. В Бурятии в 1917 г. оно было пренебрежительно мало, но по мере укрепления политического положения большевиков их контроль над национальным движением бурят неуклонно возрастал. Обретение лидирующего положения в обществе подталкивало бурятских коммунистов к разработке собственной концепции этнонационального развития бурятского народа. С самого начала эта концепция содержала в себе серьезные противоречия, преодолеть которые самостоятельно, без вмешательства высших партийных органов, ее создатели, фактически, не смогли.

Уже через неделю после падения временного правительства в России появился первый законодательный акт новой большевистской власти, специально касавшийся национального вопроса – «Декларация прав народов России», в которой объявлялись основные принципы национальной политики Советского государства: «1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение вплоть до полного отделения и образования самостоятельного государства... 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [Революция..., 1921, с. 3–4]. Однако приверженцы коммунистических идей, принимавшие активное участие в создании в 1917–1918 гг. органов советской власти в Забайкалье и Иркутской губернии, отрицательно относились к бурятскому национальному самоуправлению. Так, III съезд представителей рабочих, крестьян, казаков, бурят и эвенков (24 марта – 5 апреля 1918 г., Чита) с энтузиазмом принял «предложение об упразднении аймаков и подчинении бурят уездным совдепам...» [Жабаева, 2001, с. 106]. На съезде Советов Западного Забайкалья (июнь 1918 г.) при обсуждении земельных проблем был поставлен вопрос о существовании у бурят административной автономии в форме аймаков. В принятой резолюции указывалось, что «самоопределение бурят, ввиду вкрапленности их в русское население, следует распространить только на духовное развитие этой народности. Админи-

стративная автономия в форме аймаков для разрешения земельных вопросов является только тормозом, поэтому аймаки... в разрешении земельных вопросах никакого участия принимать не должны» [Хаптаев, 1964, с. 310]. Таким образом, руководители советов западного Забайкалья также стояли на позиции ликвидации аймаков, а самоопределение бурят предлагали ограничить только вопросами культуры.

В то же время большевистское руководство понимало, что укрепление положения коммунистической партии во многом зависело от того, насколько лояльно будут относиться к их политике влиятельные среди своего народа органы национального самоуправления. Поэтому Исполнительный комитет Забайкальского областного совета решением от 3 июля 1918 г. постановил «признать органы управления и суда бурят-монголов в сомонах, хошунах и аймаках и области – Центральный Бурятский Национальный Комитет – публично-правовыми учреждениями Советской власти... и действующими на территории бурят-монголов автономно» [Жабаева, 2001, с. 118].

Негативное отношение Советов к бурятскому самоуправлению не было недоразумением и обуславливалось, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, сторонники советской власти, исходя из классовых позиций, расценивали аймачные учреждения бурят как «национальные органы буржуазии» [Хаптаев, 1964, с. 153], которые стремятся «отвлечь трудящихся бурят-монголов от общей революционной борьбы» [Кузнецов, 1933, с. 15]. «Советская власть может и должна не доверять существующим бурятским национальным организациям, – говорил один из лидеров Центросибири П. Ф. Парняков, – потому, что они построены не на советском принципе, а являются представительством цензовых элементов бурятского населения...» [Демидов, 1981, с. 31]. Во-вторых, этому способствовала позиция бурятских большевиков, которые в то время отрицали необходимость предоставления бурятам самоуправления в какой-либо форме. Их мнение было определяющим и не могло не учитываться съездами советов, в работе которых большевики занимали лидирующее положение.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Уверенность большевиков в ненужности автономии для бурят не раз высказывалась их лидерами. Об этом говорила М. М. Сахьянова на губернском съезде иркутских бурят в апреле 1918 г.; эта идея была основным содержанием тезисов, принятых Бурсекцией Иркутского губкома РКП(б) в феврале 1920 г.; такая же позиция была отражена в докладе В. И. Трубочеева на губернском съезде иркутских бурят в октябре 1920 года [История..., 1959, с. 52, с. 154; Бартанова, 1964, с. 47–48].

Изменение позиции бурятских большевиков в вопросе об автономии связано с принятием Политбюро ЦК РКП(б) постановления от 14 октября 1920 г. В нем признавалось «необходимым проведение в жизнь автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов...» [Образование..., 1964, с. 43]. Бурсекция признала «постановление Центра делом первостепенной важности» и постановила «немедленно приступить к... созданию благоприятных условий для осуществления его в жизнь в общепурятском масштабе» [Там же, с. 44–45]. С этого момента бурятские коммунисты активно приступают к организационной работе по созданию автономии для бурят Восточной Сибири. С 5 по 10 июня 1921 г. в Иркутской губернии проходили уездные и аймачные съезды Советов, на которых обсуждался вопрос об автономии, и выбирались делегаты на Учредительный съезд бурят-монголов Восточной Сибири. С 28 октября по 5 ноября 1921 г. прошел Учредительный съезд бурят-монголов Восточной Сибири. На нем со всей очевидностью стало видно, что коммунисты превратились в господствующую общественно-политическую силу среди иркутских бурят. Под их полным контролем съезд утвердил проект положения об автономии, а также принял документ под названием «Обращение съезда к бурят-монгольскому народу». В «Обращении» подчеркивалась исключительная роль Советов в деле освобождения народов, и содержалось напоминание о необходимости мировой революции: «Помните, что только победа Советской власти, окончательная победа рабочих и крестьян над буржуазией всего мира обеспечит и гарантирует трудящимся и угнетенным свободу в дальнейшем» [Образование..., 1964, с. 54]. Через два месяца после съезда образование бурятской автономии закончилось признанием ее легитимности со стороны верховной власти Советской России и юридическим оформлением этого факта Декретом ВЦИК от 9 января 1922 г.

Образованная Бурят-Монгольская автономная область РСФСР, так же как и БМАО ДВР, не была территориально целостной [О БМАО ДВР см. подр.: Буряты, 2017, с. 133–142]. На этом сходство двух бурятских автономий, пожалуй, заканчивалось. Территории аймаков, вошедших в состав БМАО РСФСР, были изменены «в смысле устранения чересполосицы путем причисления отдельных русских поселений, вкрапленных в сплошную территорию бурятского населения, к этим аймакам, и, наоборот, причислением отдельных бурятских поселений, вкрапленных в сплошную массу русского населения, к административному делению этого последнего» [Бартанова, 1964, с. 53]. Таким образом, население бурятской автономии в РСФСР не являлось однородным в этническом отношении, собственно буряты составили в ней 70 % населения [данные взяты из: Елаев, 2000, с. 153–154].

Согласно принятому на Учредительном съезде положению, вся полнота власти в автономной области передавалась «съезду Советов автономной области и избранному им исполкому, коему присваиваются все права губернского исполнительного комитета» [Бартанова, 1964, с. 54]. На местах власть сосредотачивалась в аймачных и хошунных исполкомах, которые создавались «на очередных съездах

депутатов данного аймака или хошуна на основании избирательных законов РСФСР» [Там же]. Причем из трех членов, составляющих исполком «двое... должны были быть обязательно коммунистами» [Образование..., 1964, с. 23]. Как совершенно справедливо отмечает В. А. Демидов, «организация в улусах и хошунах Советов и включение их в общую систему Советской власти через уездные и губернские Советы в наибольшей степени отвечала задачам приобщения бурятских масс к советскому строительству, вела к разрушению национальных перегородок...» [1981, с. 31].

Специфика проекта национализма в версии бурятских большевиков заключалась в следующем. Во-первых, они отвергли принцип этнической однородности, который был одним из основополагающих при строительстве БМАО ДВР. Во-вторых, хотя они, так же как и бурятские националисты, стремились к объединению всех бурят в рамках единой территории (что особенно ярко проявилось чуть позже – при создании автономной республики), однако основным мотивом, толкающим их на это, была общая установка на овладение бурятским национально-автомонистским движением, и, в частности, желание встроить в общеполитический контекст бурятское население Дальнего Востока, где автономия стала принимать «совершенно нежелательную» для коммунистов форму. Бурятские большевики рассматривали автономию в качестве инструмента политической мобилизации масс и, добросовестно выполняя указания высшего партийного руководства Советской России, пытались с ее помощью втянуть бурятский народ (и даже шире – монголоязычные народы Зарубежного Востока) в планировавшуюся ими мировую революцию. В этом контексте можно говорить о том, что коммунисты заняли особое место в бурятском этнонациональном движении: *участвуя в националистическом дискурсе они, фактически, стремились подчинить его логике идеологического дискурса мировой социалистической революции*. Для этого им было необходимо легитимизировать свой проект национализма, что и превращало их, кстати говоря, в неизбежных участников националистического дискурса.

Тенденции, проявившиеся при строительстве БМАО РСФСР, получили свое максимальное выражение в созданной к концу 1923 г. Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике. Процесс организационного оформления республики длился с ноября 1922 по декабрь 1923 г. В ноябре 1922 г. состоялись съезды трудящихся бурят Агинского, Хоринского, Баргузинского аймаков (причем насколько можно судить по документам – все в один день! Во всяком случае, телеграммы от имени съездов на имя Бурмонавтоупра датируются одинаково – 10 ноября 1922 г.). На них прозвучали требования распустить Бурмонавтоупр БМАО ДВР [Образование..., 1964, с. 149]. 14 ноября 1922 г. заседание общественных представителей БМАО ДВР постановило потребовать от Бурмонавтоупра самораспуститься и образовать Ревком [Там же, с. 150]. 21 декабря 1922 г. созданный вместо Бурмонавтоупра Бурревком сообщал: «...народ тяготился оторванностью от Соверсии и с нетерпением ждал момента, когда рухнет преграда, мешающие тесному общению и совместной работе в общем строительстве искусственно разделенного народа» [Там же, с. 159]. На состоявшемся 6–11 декабря 1922 г. I областном съезде советов БМАО РСФСР также прозвучали пожелания объединения: «Мы были оторваны от своих сородичей и вынуждены были существовать в виде двух автономных областей. Теперь этого не должно быть, должно состояться объединение» [Там же, с. 64].

20 ноября 1922 г. президиум Бурят-Монгольского обкома РКП(б) принял решение «Принципиально высказаться за объединение двух автономных областей...» [Елаев,

2000, с. 157]. В начале декабря 1922 г. Бурбком РКП(б) отправил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой мотивировалась необходимость слияния бурятских автономных областей. Наконец, 30 мая 1923 г. вышло постановление Президиума ВЦИК, в котором говорилось: «объединить в одну БМАССР автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске» [Образование..., 1964, с. 34]. 31 июля 1923 г. Ревком БМАССР вынес постановление: «на основании постановлений ВЦИК от 30 мая 1923 года Революционный Комитет БМАССР... с 1 августа сего года принимает на себя всю полноту власти в объединенных автономных областях бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока» [Шулунов, 1972, с. 417]. 1 августа он обнародовал декларацию, в которой провозгласил образование БМАССР.

Съезд Советов Бурят-Монгольской АССР (декабрь 1923 г.), проходивший под полным контролем бурятских коммунистов, сформировал республиканские органы управления. В постановлении съезда подчеркивалось: «...трудящиеся Буреспублики считают мирную политику своего правительства и линию поведения как в области внешней, так и внутренней политики отвечающей интересам трудящихся...» [Образование..., 1964, с. 230].

Бурят-Монгольская автономия представляла собой целостную территорию, за исключением Аларского аймака на западе и Агинского на востоке, которые были оторваны от основного территориального массива республики. Территориальная целостность была достигнута путем «включения в бурятские аймаки русского населения, вкрапленного среди бурятских улусов...» [Санжиев, 1971, с. 96], причем бурятское население республики составило 56,3 %, а русское – 43,7 % [Шулунов, 1972, с. 400; Санжиев, 1971, с. 100]. Таким образом, идея создания этнически однородной автономии, которую в свое время разработали и пытались осуществить бурятские националисты, не смогла реализоваться на практике в силу конкретных условий социального, экономического и политического характера. Официальная бурятская власть, несомненно, расценивала образование БМАССР как акт «формального и фактического завершения стремлений бурятского народа к национальному самоопределению» [Бартанова, 1964, с. 86]. Эта позиция была озвучена лидером бурятских коммунистов М. Н. Ербановым: «создание Буреспублики есть фактическое осуществление основных требований бурят-монгольского народа как в области политической, так и хозяйственной самостоятельности» [1925, с. 5].

Нельзя не согласиться с тем, что возникновение национальной государственности являлось положительным фактором этнонационального развития бурятского народа. Ее наличие создавало если и не идеальные условия, то важные предпосылки для «сохранения культурной самобыт-

ности этноса». Сам факт образования автономной республики нес большую эмоциональную нагрузку и позволял бурятскому населению, поднявшись над родоплеменными различиями, отчетливо осознать свое этнополитическое единство, которое материально выражалось именно в наличии собственной государственности. И все же коммунисты планировали использовать ее для достижения своих идеологических целей, не имеющих прямого отношения к проблеме самоопределения бурят. Благодаря своему радикальному экстремизму, они начали постигать более высокий уровень социальной идентификации в терминах революционного марксизма и через понятие интернационализма вплотную подошли к созданию идеологического конструкта «советский народ». Соответственно, они рассматривали автономную республику не столько в качестве института, способствующего развитию и сохранению этнической специфики бурят, сколько в качестве инструмента, с помощью которого бурятский народ получает возможность интегрироваться в общесоветское социополитическое пространство, которое, в свою очередь, конструировалось в контексте революционной марксистско-ленинской парадигмы. Так, в обращении Бурнарревкома к бурятскому народу указывалось: «Трудящиеся массы Буреспублики должны самым тесным образом связаться с рабоче-крестьянской массой и правительством РСФСР в деле восстановления и укрепления своего хозяйства и защиты своих классовых интересов» [Образование..., 1964, с. 166].

В этом смысле образование автономной национальной республики выглядит, скорее, не как акт самоопределения бурятского народа, а как сформулированный бурятскими большевиками компромисс, который заключался в следующем: буряты признавали легитимность советской власти и за это получали собственную государственность. В результате им удалось овладеть национально-автономистским движением, реализовать свою концепцию автономного строительства и, таким образом, интегрировать бурятский социум в общероссийское (советское) социополитическое пространство. Автономия стала представлять собой не этнополитическую, а территориально-политическую общность, а бурятские большевики, являясь последовательными сторонниками и проводниками политики РКП(б), фактически приступили к конструированию социально-политической общности более высокого порядка, общности, которую впоследствии коммунистические лидеры обозначат как *советский народ*. Таким образом, приверженцы коммунистической идеи объективно стали выступать в качестве представителей *гражданского национализма* (эта их функция тоже чуть позже обретет свою дефиницию в форме идеологемы «советский интернационализм»), а их сверхзадачей стало создание новой «многонациональной» нации.

Литература

- Базаров Б. В., Балдано М. Н., Варнавский П. К., Бураева О. В., Кириченко С. В., Курас Л. В., Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 320 с.
- Бартанова А. А. Образование Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1964. 128 с.
- Демидов В. А. Советское национально-государственное строительство в Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1981. 84 с.
- Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2000. 349 с.
- Ербанов М. Н. Строительство Красной Бурятии. Верхнеудинск: издание редакции журнала «Жизнь Бурятии», 1925. 38 с.
- Жабаева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. 334 с.
- История Бурят-Монгольской АССР: в 2 томах / глав. ред. П. Т. Хаптаев. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. Т. 2. 1959. 643 с.
- Кузнецов И. А., Воронов И. В. Партия во главе рабочих и крестьян в борьбе за Советы в Бурятии // Бурят-Монголия в борьбе за Советы. Иркутск: Востсибкрайиздат, 1933. С. 5–32.
- Образование Бурятской АССР: сб. архивных документов / сост. Г.М. Семина и др. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 270 с.
- Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1930). Улан-Удэ, 1971. 175 с.
- Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 335 с.
- Шулунов Н. Д. Становление Советской национальной государственности в Бурятии. Улан-Удэ, 1972. 492 с.

**БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРИ ВЦИК РСФСР КАК СЕГМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА¹**

Анализируется место и роль представительства БМАССР в Москве при ВЦИК РСФСР в 20–30-е гг. XX в. в деле национально-государственного строительства, а также основные направления его деятельности.

Ключевые слова: Наркомнац РСФСР; ВЦИК РСФСР; Бурят-Монгольское представительство; БМАССР; механизм государственной власти; национальная политика.

Zhalsanova Butit Tsydypmunkuevna
State Archives of the Buryat Republic
Kuras Leonid Vladimirovich

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Shapoval Evgeniy Yurievich
State Archives of the Buryat Republic
Ulan-Ude, Russian Federation

**BURYAT-MONGOLIAN REPRESENTATIVE OFFICE AT VTSIK
OF RSFSR AS THE PART OF THE NATIONAL-STATE BUILDING**

The paper deals with the place and role of the representative office of BMASSR in Moscow at All-Russian Central Executive Committee of RSFSR in the national-state building in 1920–1930s. In addition the authors examine its main directions of activities.

Keywords: Narkomnats RSFSR; VTsIK RSFSR; Buryat-Mongol representative office; BMASSR; mechanism of the state power; national policy.

10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов была принята Конституция РСФСР, в результате чего была создана правовая база для последующего развития советского законодательства, формирования механизма государственной власти и ее структур. Конституция РСФСР закрепила принцип национально-территориальной аедерации, на основе которого в течение 1918–1920 гг. на территории советской республики возникло более 20 национально-автономных образований (республик, областей). В Наркомате по делам национальностей РСФСР (1917–1924) были созданы его подведомственные учреждения – представительства 21 договорных и автономных образований. 1 декабря 1920 г. были учреждены уполномоченные Наркомнаца РСФСР при правительствах автономных и договорных республик и при исполкомах автономных областей, а в самом Наркомате был создан Совет национальностей из председателей национальных представительств. При Наркомнаце РСФСР имелось и представительство Бурят-Монгольской автономной области [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 4. 24 ед. хр. за 1921–1922 гг.]. Вполне естественно, что главной задачей Наркомнаца РСФСР стало политическое, экономическое и культурное развитие народов России.

Следует отметить, что в Конституции РСФСР 1918 г. автономии в составе РСФСР и, соответственно, их представительства не получили четкого правового оформления. Не были определены и их полномочия и формы федеративных связей национальных автономий с РСФСР. Это объясняется тем, что у молодого социалистического государства отсутствовал опыт национально-государственного строительства.

30 декабря 1922 г. на I съезде Советов Союза ССР был образован Союз Советских Социалистических Ре-

спублик (СССР). В этой связи 9 апреля 1924 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР был упразднен, а его функции были переданы Всесоюзному центральному исполнительному комитету (ВЦИК) [Декрет ВЦИК и СНК от 9 апреля 1924 г., ст. 51].

Важным шагом на пути конституционного закрепления автономных республик стало принятие Конституции СССР 1924 г., в которой было прописано правовое положение автономных республик: Конституция включила главу «Об автономных советских социалистических республиках и областях» [Конституция СССР, 1924, 1925]. Постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г. была принята Конституция РСФСР, в которой был установлен порядок образования автономных республик [Там же]. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 29 апреля 1929 г. было принято «Положение об уполномоченных по делам национальных меньшинств». С этого времени институт уполномоченных получил официальный статус и стал формироваться из кадровых советских работников. Так, согласно «Положению» уполномоченные выдвигались из состава президиумов исполкомов автономных республик, областных, краевых, окружных исполнительных комитетов или из числа членов соответствующих исполкомов [Положение об уполномоченных, 1999, с. 36, § 1–3]. Уполномоченные работали среди всех национальных меньшинств, проживавших на территории РСФСР. И, наконец, Постановлением ВЦИК от 4 ноября 1930 г. было принято «Положение о представителях автономных республик и автономных областей РСФСР при Президиуме ВЦИК». Тем самым было завершено юридическое оформление правового статуса представительств во ВЦИК РСФСР. В «Положении» подчеркивалось, что представительства «имеют своей задачей

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

представительствовать во всех центральных учреждениях РСФСР по главнейшим вопросам, имеющим политическое, национальное или важное хозяйственное и социально-культурное значение для представляемой автономной республики или области, а равным образом информировать как центральные учреждения РСФСР по перечисленным вопросам, так и органы автономных республик и областей о законодательных постановлениях, предположениях и мероприятиях, проводимых центром» [Постановление ВЦИК от 04.11.1930, 1930, с. 100]. Тем самым представительствам отводилась важная функция в деле осуществления национальной политики национально-государственного строительства.

Сразу же следует отметить, что в первые годы советской власти лидеры молодого социалистического государства предполагали строительство унитарного государства. В этой связи в российской историографии осмысление национальной политики партии традиционно носит прикладной характер. Именно поэтому работа представительств национальных автономий сначала при Наркомнаце, а затем при ВЦИК РСФСР были своеобразной «витриной социализма», призванной демонстрировать достижения советской власти в социально-экономической и культурных сферах национальных окраин [Малютина, 1979]. Кроме того, по мнению специалистов по поставленной проблеме, на современном этапе развития российской историографии отсутствие аналитических публикаций по истории деятельности представительств автономий при Президиуме ВЦИК объясняется не сформировавшейся источниковой базой и отсутствием понимания самой проблемы как практической функции [Манаев, 2015]. Поэтому поставленная проблема стала предметом исследования на уровне диссертационных сочинений лишь национальных автономий Северного Кавказа, где национальный вопрос традиционно стоит наиболее остро [Батыров, 2008; Манаев, 2017; Шихавцова, 2005]. Лишь на заре перестройки была депонирована рукопись И. Т. Гришук, в которой была сделана позитивная попытка на теоретико-правовом уровне рассмотреть деятельность института национального представительства [1986]. Автор выделил три периода в истории развития института представительства, сформулировав задачи, характерные каждому из них:

Первый период – зарождение института представительства национальных автономий в 1918 г. на основе национальных отделов Наркомнаца;

Второй период – весна 1920 г., когда при Наркомнаце появились представительства национальных республик и областей, задача которых была связана с защитой интересов своих национальных автономий и осуществлением всесторонних связей с всероссийскими органами власти и управления;

Третий период – с 1924 г. до середины 30-х гг. – характеризуется непосредственной деятельностью представительства. Но поскольку представительства национальных автономий рассматривались И. Т. Гришук как «проводники интернациональной дружбы», то с развалом СССР тема не получила дальнейшего развития.

Что касается национальных субъектов Сибири, то здесь наиболее полно по проблеме представлены материалы по Южной Сибири [Мамышева, 2009; Белозерова, 2008; Митюков, 1986]. Относительно Бурят-Монгольской АССР историография располагает статьей Е. Т. Протасова, в которой лишь продекларирована данная проблема [Протасов, 2014]. Между тем наличие в Госархиве Республики Бурятия корпуса документов

убедительно свидетельствует, что Бурят-Монгольское представительство при ВЦИК РСФСР являлось важнейшим сегментом национально-государственного строительства, участвовало в разработке и вносило на рассмотрение высших органов государственной власти и управления законопроекты, которые были направлены на укрепление и повышение политического статуса республики, социально-экономического и культурного уровня населения БМАССР. Представительство имело право получать во всех органах государственной власти РСФСР необходимые для решения поставленных задач справки, материалы, возбуждать ходатайства по вопросам, относящимся к их компетенции, участвовать в работе всех центральных органов власти РСФСР с правом совещательного голоса при решении вопросов, касающихся Бурят-Монголии [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1.248 ед. хр. Оп 2. 90 ед. хр. за 1923–1933 гг.].

Во главе представительства стояли полномочный представитель и его заместитель, которые назначались ЦИК БМАССР и утверждались Президиумом ВЦИК. Представительство находилось в непосредственном подчинении ЦИК республики, от которого получало инструкции и указания и перед которым отчитывалось. Одновременно с этим деятельность представительства контролировалась и со стороны Центра. Каждые три месяца оно отчитывалось о своей работе перед Президиумом ВЦИК и ежемесячно передавало информационные и статистические отчеты. Штаты и смету представительства устанавливал ЦИК БМАССР, но средства на его содержание проходили через смету ВЦИК.

Кроме того, Бурят-Монгольское представительство выражало интересы и конкретных граждан, а также национальных меньшинств, проживавших на территории республики: тунгусы (1 %), татары (0,5 %), поляки (0,26 %), евреи (0,85 %), украинцы (0,41 %), прочие народности (0,86 %). При этом органы законодательной и исполнительной власти национальной автономии и их представительство накапливали опыт партийного, советского, национального, хозяйственного и культурного строительства.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. были создан и функционировал институт представительства БМАССР во ВЦИК РСФСР. Его организация свидетельствует о стремлении центра выстроить «вертикаль» власти, а его формирование осуществлялось как «сверху» – в форме представителей и уполномоченных от ВЦИК в Бурят-Монголии, так и «снизу» – в форме полномочного представительства при ВЦИК. В местных органах власти уполномоченными становились кадровые советские и партийные работники – представители этноса, проживавшего на данной территории. Посредством этих институтов Центр претворял в жизнь основную политическую линию в деле национально-государственного строительства и развития социалистической экономики, и через институты представителей и уполномоченных по делам национальных меньшинств автохтонные этносы интегрировались в структуру модернизируемого общества. Это проявилось в том, что полномочные представительства и представители, уполномоченные по делам национальных меньшинств работали по заданиям своих автономных образований, участвовали в подготовке вопросов по социально-экономическому и культурному развитию автономии. С другой стороны, через эти органы Центром осуществлялся контроль над ситуацией в автономиях. Все это способствовало усилению централизации, которая вводилась и в политической, и в экономической жизни страны.

Наличие в Государственном архиве Республики Бурятия фонда Бурят-Монгольское представительство при ВЦИК РСФСР (Бурпредставительство) г. Москва [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. – 248 ед. хр. Оп 2. – 90 ед. хр. за 1923–1933 гг.] позволяет взвешенно и скрупулезно изучить деятельность представительства и оценить его роль в национально-государственном строительстве. Так, первоначально на постоянное хранение в ГАРБ поступило 772 ед. хр. В ходе макулатурных компаний было изъято 248 ед. хр., 55 ед. хр. находится в других фондах. Сегодня фонд «Бурпредставительство» состоит из двух описей: опись первая – 347 ед. хр., опись вторая

– 90 ед. хр. Фонд представлен постановлениями и проектами постановлений, приказами, распоряжениями, обращениями, циркулярами, правилами, положениями, протоколами, бюджетами, сметами, программами, планами, докладами, списками, договорами и перепиской. В этих документах находит отражение вся многогранная деятельность Бурят-Монгольского представительства в Москве, в руках которого сосредотачивались вся оперативная информация и все планы социалистического строительства в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике.

Литература

- Батыров А. Е. Представительство Северо-Осетинской Автономной области при Президиуме Всероссийского Центрального исполнительного комитета / дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. 21 с.
- Белозерова М. В. Деятельность представительств и уполномоченных по делам национальных меньшинств Наркомнаца в Южной Сибири (1920–1930-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 4/4. С. 16–21.
- Гришук И. Т. Проводники интернациональной дружбы (из истории деятельности института национального представительства) // Деп. ИНИОН РАН № 28 414 от 23.07.1987. Воронеж, 1986. 99 с.
- Декрет ВЦИК и СНК от 9 апреля 1924 г. «О ликвидации Народного Комиссариата по Делах Национальностей» с последующим дополнением // СУ. № 39, ст. 358; 1925. № 8, ст. 51.
- Конституция СССР 1924. Большая Советская Энциклопедия. Издание 2-е. Т. 22. М.: Гос. науч. изд-во «Большая Советская Энциклопедия» 1953. 628 с.
- Конституция РСФСР 1925 // СУ РСФСР. 1925. № 30.
- Малютина А. В. Историография проблем Народного комиссариата по делам национальностей // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1979. № 1. С. 59–63.
- Мамышева Е. П. Документы региональных архивов о деятельности представительств Ойротской и Хакасской автономных областей (1924–1938) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 96–101.
- Митюков М. А. Представительство Хакасской автономной области при Президиуме ВЦИК (1930–1938 гг.) // Из истории Советской Хакасии. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1986. С. 42–49.
- Манаев М. А. Национальные представительства в системе советской власти (на примере Чеченской автономной области (1922–1934 гг.) / дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 2017. 28 с.
- Манаев М. А. Представительство Чеченской Автономной области при президиуме ВЦИКа (1922–1934 гг.): проблемы историографии // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 4 (29). С. 54–58.
- Положение об уполномоченных по делам национальных меньшинств. Утверждено Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 29.04.1929 г. // Статус малочисленных народов России: правовые акты. М., 1999.
- Постановление ВЦИК от 04.11.1930 «Об утверждении Положения о представителях автономных республик и автономных областей РСФСР при Президиуме ВЦИК» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 г. № 52. Сб. материалов и документов. М.: Управление делами СНК СССР и СТО, 1930.
- Протасов Е. Т. Институт бурятских представительств в системе органов управления Республики в начале XX века // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 7 (90). С. 231–235.
- Шихавцова В. М. Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в процессе национально-государственного строительства в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 20 с.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦВРК ИМБТ СО РАН ПО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ СОВЕЩАНИЮ 1926 Г.¹

В статье дан обзор архивных документов по национально-культурному совещанию 1926 г., хранящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ, являющихся одними из важнейших источников по изучению истории становления бурятской государственности и его основных институтов. Материалы раскрывают сложную картину формирования государственной системы научных, образовательных и культурных учреждений новой республики, большую часть которых занимают дискуссионные вопросы, связанные с проблемой создания новой бурятской письменности.

Ключевые слова: Буручком; национально-культурное совещание; история Бурятии; ЦВРК; архивные материалы.

Ayusheeva Marina Vasilyevna, Vanchikova Tsymzhit Purbuevna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
 of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

ARCHIVAL DOCUMENTS OF THE COMX ON THE 1926 NATIONAL AND CULTURAL CONFERENCE

The article gives an overview of archival documents of the national-cultural conference held in 1926. These documents are stored in the Center of Oriental manuscripts and xylographs of the IMBTS. They are one of the most important sources for the study of the history of the Buryat statehood and its main social institutions. The materials reveal a complex picture of the formation of the state system of scientific, educational and cultural organizations of the new republic, most of which are connected with controversial issues related to the problem of creating a new Buryat script.

Keywords: Buryat scientific committee; national and cultural conference; history of Buryatia; COMX; archival materials.

Целью данной работы является введение в научный оборот корпуса архивных материалов совещания по национально-культурному строительству 1926 г. и их предварительное описание [ОАФ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 327, 329, 330].

Национально-культурное совещание, организованное под эгидой Бурятского ученого комитета и Наркомпроса, проходило с 19-го по 27 сентября 1926 г. в г. Верхнеудинск. В архивном фонде ЦВРК представлены разные документы: протоколы совещаний, анкеты участников, проекты резолюций, тексты докладов, а также материалы о подготовке к проведению данного совещания. Объединение двух бурятских республик ДВР и РСФСР, организация Буручкома, становление государственного аппарата, потребность в формировании новых учреждений культуры и образованных кадрах вызвали необходимость в проведении мероприятия, на котором могли быть затронуты вопросы культуры, образования и языка бурятского народа. Согласно протоколам совещаний СНК, первоначально проведение национально-культурного совещания планировалось весной 1925 г., но по разным причинам дату неоднократно меняли. Была проведена большая подготовительная работа: утверждались списки приглашенных докладчиков и участников, под роспись рассылались Буручком «Материалы к первому культурно-национальному совещанию БМАССР». Например, в Агинский район было выслано 19 брошюр с указанием списка лиц, которым необходимо передать материалы. Особо подчеркивалась необходимость возврата не розданных экземпляров. Предполагалось, что от каждого района должно быть командировано от 5 до 8 делегатов. Количество делегатов от районов можно установить на основе «Списка участников культсовещания,

получивших "Материалы" к данному совещанию. Издания Бурят-Монгольского ученого комитета» с пометкой «мандаты от 18/IX за № 1571 розданы всем участникам переч.<исленным» в этом списке» [ЦВРК. ОАФ. Д. 317. Л. 1-2]. Список состоит из 109 фамилий (100 – напечатаны машинописным способом, 9 – вписаны от руки). Напротив большинства фамилий стоят личные подписи участников.

В то же время, согласно «Карточке по учету Съездов, конференций, совещаний и т.п. (Республиканского масштаба)», составленной по итогам работы культсовещания, всего участников было 97 человек (90 мужчин и 7 женщин), из них с правом решающего голоса было 94 делегата, с совещательным – 3. По национальному составу делегаты культсовещания были представлены следующим образом: 2 русских, 1 еврей, 91 бурят. По образовательному цензу: 33 человека имели высшее образование, 42 – среднее и 19 – низшее [ЦВРК. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 21. Л. 2]².

Более подробную информацию об участниках национально-культурного совещания содержат анкеты [ЦВРК. ОАФ. Д. 328]. Всего представлено 96 анкет, заполненных на русском, бурятском и старописьменном монгольском языках. Помимо биографических сведений (ФИО, место и дата рождения, национальность, образование) в анкете имеются следующие графы, необходимые для заполнения: «партийность и стаж», «социальное положение», «в каком профсоюзе состоите», «по какой специальности желали бы работать». Графа «С какого года находитесь на общественной работе и на каких должностях» имеет временные градации: до революции, за время революции и после революции 1917 г. Всего в анкете 16 пунктов. Участники культурно-национального совещания также ответили на ряд вопросов о степени владения родным языком: «владее-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4 «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

² В заключительном протоколе вечернего заседания от 27 сентября 1926 г. зафиксирован, согласно докладу Секретариата, следующий состав членов совещания: «присутствуют на совещании с решающим голосом 95 человек и с совещательным – 4 человека, итого 99 участников, которые разбиваются: 1) по национальности так: бурят 88 чел., русских – 3 чел., евреев – 1 чел., 2) по партийности: членов и кандидатов комсомола и партии – 46 чел., беспартийных – 47 чел., 3) по образованию: с высшим образованием – 21 чел., со средним образованием – 39 чел., с низшим – 21 чел., и с домашним – «...» чел.» [ЦВРК. ОАФ. Д. 329. Л. 77].

те ли разговорно-бурятским языком и на каком диалекте», «знаете ли монгольскую письменность», «каким языком (русским, бурятским) лучше владеете».

Согласно анкетам участников совещания, 29 человек отметили, что не знают родного языка, 21 – что одинаково владеют и русским, и бурятским языками, 41 – владеют только бурятским (по диалектам – восточным, западным, эхирит-булагатским, всеми диалектами и т.д.). 55 человек указали, что не знают или плохо знают (начали изучать) монгольскую письменность. На вопрос анкеты «Владеете ли (кроме русского) иностранным языком, каким именно и в какой степени», как правило, членами Буручкома и преподавателями (Б. Барадин, Г. Цыбиков, П. Хороших и др.) были указаны: немецкий, английский, тибетский, французский, китайский, латинский языки.

Совещание открылось в 18.00 вечера 19 сентября 1926 г. в Межсоюзном клубе под председательством председателя Оргбюро по созыву совещания М. Н. Ербанова. Всего было проведено 16 заседаний, последнее заключительное состоялось 27 сентября. Согласно повестки были заслушаны следующие доклады: 1) Культурно-национальное строительство Буреспублики (М. Н. Ербанов); 2) Доклад о деятельности Буручкома (Б. Б. Барадин); 3) Монгольская письменность как орудие культурного строительства Бурятии (Г. Ц. Цыбиков); 4) Вопросы квалификации монгольской языковой культуры (Б. Б. Барадин); 5) Бурят-монгольская национальная школа и ее задачи (Б. Б. Барадин); 6) Роль и значение родного языка в бурят-монгольской школе (Г. Р. Ринчино); 7) Перспективный 5-летний план национализации бурят-монгольской школы (А. Г. Бажин); 8) Вопросы национально-художественного строительства и перспективы его развития (П. Н. Дамбинов); 9) Отчеты Бурпредтехникума, Агинской и Хоринской семилеток.

В первый день был принят регламент работы, и заслушан ряд приветствий. В последующие дни проходила интенсивная работа созданных комиссий (алфавитной, по культурно-национальному строительству, по искусству и национальной школе), шли обсуждения докладов. В работе совещания принимали участие в качестве почетных членов представитель Всесоюзной академии наук Н. Н. Поппе, руководитель Байкальской экспедиции проф. Верещагин, проф. П. К. Козлов, а также гости-представители партийных, советских, профессиональных организаций и учреждений, бурятской части Красной Армии.

Большинство участников совещания выступало на русском языке. Тем не менее, некоторые участники совещания предпочли говорить на бурятском языке – Х. Намсарев, Д. Барадин, Поликарпов и др. – тексты их выступлений, вопросы и прения представлены в архивных документах в переводе на русский язык, как и доклады приглашенных гостей из Монголии – Буяннэмэху и Ишидоржина.

Наряду с вопросом о национальной школе, языковой вопрос явился одним из самых острых и обсуждаемых. Так, П. Дамбинов, выступая в прениях по докладу М. Ербанова, отмечал: «в вопросе культурно-национального строительства нужно, прежде всего, исходить из основного положения: на кого ориентироваться, т.е. на интеллигенцию или на массу. Мы ориентируемся на массу. Масса сохранила свое родное, она говорит на родном языке. Если интеллигенция ушла от родного языка, то это не значит, что за нею следует идти. Отход от массы не допустим. ... Нужно ориентироваться на язык массы, так как он сохранил свою прелесть.

Письменный язык приходит после» [ЦВРК. ОАФ. Д. 330. Л. 169]. Следует отметить, что П. Н. Дамбинов, будучи сотрудником художественной секции Буручкома, занимался редактированием работ и публикаций на монгольском письме.

В ходе совещания также была рассмотрена деятельность Бурят-Монгольского ученого комитета, дана критическая оценка его работам, определены наиболее важные направления дальнейшего национально-культурного строительства. В плане реализации постановлений культсовещания касательно работы БУКа было предписано: пополнить Совет БУКа ответственными работниками, обязать Буручком регулярно отчитываться перед соответствующими органами, усилить работу Совета Учкома.

В «Очерке о деятельности Бурят-Монгольского Ученого комитета за 1923/24 – 27/28 оп. год» дан краткий анализ работы совещания. Отмечено, что одним из важных результатов явилось выявление существующих среди национальной интеллигенции взглядов на основные вопросы культурно-национального строительства: образование, национальная школа, язык и письменность. Также было намечено сотрудничество между Бурятией и Монголией в деле развития культуры [Бурят-Монгольский ученый комитет, 2017, с. 151].

Материалы данного совещания предполагалось опубликовать в виду важности мероприятия и значимости поднятых проблем. Однако полная публикация материалов совещания была отклонена как дорогостоящая (4-5 тыс. руб. на обоих языках) и не представляющая особого интереса для «среднего читателя активиста». Было принято решение издать на монгольском языке в популярном изложении доклад тов. М. Н. Ербанова «Культурно-национальное строительство Бурятии» с приложением резолюции Пленума Обкома 12-ого съезда партии, резолюции культсовещания и практических мероприятий по проведению данных резолюций в жизнь [ЦВРК. ОАФ. Д. 326. Л. 42].

Рассмотренные архивные документы, протоколы заседаний первого национально-культурного совещания представляют научную ценность как источник по истории многих вопросов национального и культурного строительства БМАССР. Выступления ораторов затрагивают являющиеся до сих пор спорными и актуальными вопросы сохранения и развития языка. Резолюции и выработанные меры вполне могут быть востребованы в современном бурятском обществе для решения ряда практических задач в деле изучения и сохранения культуры, языка, истории. Роль и значение данного совещания отражены в заключительном выступлении председателя Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской АССР и Центрального Исполнительного комитета БМАССР М. Н. Ербанова (1889-1938): «Не было такого момента, когда весь авангард культурно-национальных работников Бурятии собирался и обсуждал все те вопросы и задачи, которые имели не только узко-национальный характер, но и политическое значение, выходящего далеко за пределы Буреспублики, в частности для всего Монгольского Востока. Единство работы и единство действий нами уже достигнуто и мы имеем его. Данное совещание, практически на основе учета всех работ, наметило определенные и твердые вехи в области культурно-национального строительства и возрождения бурят-монгольской народности» [Там же. Д. 329. Л. 77].

Литература

- Базарова В. В. Национально-культурное совещание 1926 года: курс на модернизацию образования в Бурят-Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 1 (17). 2015. С. 25–31.
- Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В., Ринчинова О. С. Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 248 с.
- Образование Бурятской АССР: сб. архивных документов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 270 с.

ИСТОРИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В НАУЧНЫХ ТРУДАХ А. А. БАРТАНОВОЙ¹

В данной статье рассмотрена научная деятельность А. А. Бартановой. Одним из главных ее трудов стал исторический очерк «Женщины советской Бурят-Монголии», в котором на примере биографических данных ряда женщин ярко прослеживается история развития БМАССР.

Ключевые слова: краеведение; женщины; Великая Отечественная война; источники.

Tsybilova Snezhana Sergeyevna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

HISTORY OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE SCIENTIFIC WORKS OF A. A. BARTANOVA

This article describes the scientific activities of A. A. Bartanova. One of her main works was the historical essay "Women of the Soviet Buryat-Mongolia". The history of the development of the BMASR is shown in example of biographies of a number of women.

Keywords: local history; women; Great Patriotic War; sources.

Агриппина Андреевна Бартанова родилась в августе 1910 г. в улусе Алзабей Аларской волости Иркутской губернии в семье бедняка-крестьянина. В 1923 г. вступила в ряды ВЛКСМ. В 1924–1925 гг. училась в советско-партийной школе в г. Иркутск и окончила 1-ю ступень обучения. В 1925–1926 гг. работала ликвидатором неграмотности среди взрослого населения. В 1927 г. вступила в кандидаты ВКП(б) Аларской парторганизации. С августа 1927 г. по июнь 1928 г. обучалась в Улан-Удэнском педагогическом техникуме. В июне 1928 г. была принята в члены ВКП(б) в г. Улан-Удэ. С августа 1928 г. по июль 1929 г. работала учителем Сутойской начальной школы Мухоршибирского района. С августа 1929 г. по декабрь 1930 г. была зав. женсектором райкома ВКП(б) Закаменского и Эхирит-Булагатского аймаков. С января 1931 г. по январь 1932 г. – зав. отд. народного образования Эхирит-Булагатского района. С февраля 1932 г. по сентябрь 1933 г. работала начальником полит-просветительского управления Народно-комиссариата просвещения БМАССР (Наркомпрос БМАССР). С сентября 1933 г. по сентябрь 1934 г. работала заместителем наркома просвещения БМАССР. В 1934 г. поступила в Московский институт востоковедения, но из-за его реорганизации в 1935 г. перешла в Московский юридический институт, который окончила в 1939 г. Затем в течение года работала юрист-консультантом Улан-Удэнского горсовета. В сентябре 1940 г. поступила в аспирантуру Московского юридического института, а в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны была эвакуирована в Башкирскую АССР, где с ноября 1941 г. по ноябрь 1943 г. работала заведующей делопроизводством военно-морского факультета Военно-политической академии им. Ленина [Научный архив Бурятского научного центра СО РАН. Д. 1694. Л. 1–18].

В марте 1943 г. А. А. Бартанова вернулась в г. Москва и продолжила учебу в аспирантуре Московского государственного университета им. Ломоносова. В августе 1945 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Правовое положение бурятской женщины до Октябрьской социалистической революции». С января 1946 г. по

октябрь 1948 г. являлась докторантом Института истории АН СССР [НА БНЦ СО РАН. Д. 1694. Л. 19]. С 1948 г. работала в должности научного сотрудника сектора истории Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. С августа по декабрь 1951 г. возглавляла Заиграевский отряд историко-этнографической экспедиции.

В годы работы в БМНИИК плановой темой ее научной работы являлось «Образование БМАССР». В ходе разработки данной темы был собран обширный фактический материал. При обсуждении рукописи работы был сделан ряд замечаний. В частности, в своем отзыве на работу А. А. Бартановой «Образование БМАССР» Б. Д. Цибилов писал, что работа основана на использовании известных литературных источников и пособий. Основными из них являются книги Ф. А. Кудрявцева, П. Т. Хаптаева. Было указано на неправильную трактовку исторического процесса Бурят-Монголии, работа требовала переработки [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1550. Л. 1]. Заведующий сектором истории БМНИИК П. Т. Хаптаев писал, что работа носит компилятивный характер, написана без соблюдения хронологического порядка и также рекомендовал ее переработать [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 1440. Л. 3–4].

В 1952 г. А. А. Бартанова опубликовала исторический очерк «Женщины советской Бурят-Монголии». Данная работа остается одним из значительных монографических трудов того периода, посвященных истории женщин Бурят-Монгольской АССР. Временные рамки охватывают период с конца XIX до середины XX вв. Рассматривая положение женщин в дореволюционный период, автор отмечает, что «над бурятской женщиной тяготели пережитки патриархально-родового быта» [Бартанова, 1952, с. 12]. Особенности религиозно-бытовых традиций, ограничения в имущественных правах, социальное неравенство создавали тяжелые условия для жизни женщины. Характеризуя период Октябрьской социалистической революции и первые годы становления советской власти, описывается участие женщин в гражданской войне, приводятся факты из жизни и деятельности М. М. Сахьяновой, Ф. М. Осодоевой, М. Т.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4 «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

Сагадаровой и др. Интересны воспоминания женщин о работе, которая проводилась для вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь через сеть красных юрт / чумов, домов бурятки, передвижных женских консультаций, красных женских уголков.

Коллективизация, развитие промышленности в республике, культурная жизнь – женщины становятся активными участницами во всех сферах деятельности. Подтверждением тому служат частые и подробные биографии женщин, которые трудились как в общественно-политической и культурной, так и в производственной сферах деятельности БМАССР. Не меньшей значимостью обладают приведенные в работе статистические данные о количестве работниц и инженерно-технических работников-женщин на предприятиях БМАССР, о доле женщин, занятых в сельском хозяйстве.

Отдельная глава посвящена женщинам БМАССР в годы Великой Отечественной войны. И. В. Гордина отмечает в диссертационной работе, что монография А. А. Бартановой «Женщины Советской Бурят-Монголии» является единственным на сегодня специальным исследованием по истории женщин в годы войны [Гордина, 2005]. В данной главе описаны основные направления деятельности женщин в период войны. А. А. Бартановой в данной работе показана женская история общественно-политического, промышленного, культурного развития БМАССР, важная роль женщин в социалистическом строительстве республики.

В 1952 г. Ученый совет БМНИИК вынес решение присвоить А. А. Бартановой ученое звание старшего научного сотрудника и просил Высшую аттестационную комиссию утвердить ее в данном звании. Имея юриди-

ческое образование и ученую степень кандидата юридических наук, она не могла быть утверждена в ученом звании старшего научного сотрудника по истории. А. А. Бартанова принимала активное участие в общественно-политической жизни Института, выступала с лекциями, руководила кружком по изучению истории ВКП(б). Ниже приводится список трудов А. А. Бартановой, характеризующий круг ее научных интересов:

Бартанова, А. А. Борцы за власть Советов в Бурятии: краткие биографии участников Октябрьской революции и гражданской войны / А. А. Бартанова, Н. А. Миронов, Г. Г. Нелюбина; предисловие А. А. Бартановой; ред. коллегия: Д. Ц. Цыремпилов и др.; Партийный архив Бурятского обкома КПСС. [2-е изд., доп. и перераб.]. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 312 с.

Бартанова, А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики / А. А. Бартанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 132 с.

Бартанова, А. А. О деятельности Бурятского филиала Географического общества СССР / А. А. Бартанова // Краеведение Бурятии / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Геогр. о-во СССР. Бурят. фил.; Отв. ред. Б. Р. Буянтуев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. С. 206–116.

Бартанова, А. А. К образованию Бурят-Монгольской автономной области РСФСР / А. А. Бартанова // Зап. БМ НИИК. 1954. Вып. 18. С. 3–22.

Бартанова, А. А. Женщины Советской Бурят-Монголии: Исторический очерк / А. А. Бартанова. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952. 120 с.

Бартанова, А. А. Славная дочь бурятского народа (о М. М. Сахьяновой) // Женщины советской Бурятии. Улан-Удэ, 1969. С. 3–9.

Литература

- Бартанова А. А. Женщины советской Бурят-Монголии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952. 120 с.
Бартанова А. А. Славная дочь бурятского народа (о М. М. Сахьяновой) // Женщины советской Бурятии. Улан-Удэ, 1969. С. 3–9.
Гордина И. В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005.

**ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ МОНГОЛЬСКОЙ ЭТНОСФЕРЫ
 В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ 1911–1924 ГГ.
 В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Историография проблемы государственности монголоязычных этносов, территориально и административно входящих в многовековой геополитический треугольник Россия – Монголия – Китай, в первой половине XX в. переживает высококачественный теоретический и практический перелом.

Ключевые слова: монголы; буряты; революция; государство; нациестроительство.

Dugarov Vladimir Dorzhievich
 Buryat State University
 Ulan-Ude, Russian Federation

**GENESIS OF STATEHOOD OF PEOPLES OF MONGOLIAN ETHNOSPHERE
 IN PERIOD OF REVOLUTIONARY UPHEAVALS 1911–1924
 IN MODERN MONGOLIAN HISTORIOGRAPHY**

Historiography of the problem of statehood of Mongolian ethnic groups, which are territorially and administratively included in centuries-old geopolitical triangle Russia – Mongolia – China in the first half of the 20th century is experiencing a high-quality theoretical and practical revolution.

Keywords: Mongols; Buryats; revolution; state; nation-building.

В современной отечественной ориенталистике общетеоретические проблемы истории монгольского этномира в XX – начале XXI вв., многочисленных этносов Республики Бурятия, в первой четверти XXI в. характеризуются публикацией рядом фундаментальных исследований, которые во многом обогатили историю бурятского этномира, незаслуженно принижаемого в период идеологического диктата царского правительства (цивилизационная отсталость, отсутствие и неспособность создать национальную государственность инородцами, отсутствие письменности, культуры в целом), в советское время выступлениями с большими оговорками ортодоксальных теоретиков марксизма-ленинизма о переходе ранее отсталых народов от феодализма, минуя капиталистическую стадию развития, к социализму. Это квалификационное положение в настоящее время необходимо, на наш взгляд, характеризовать как формирующийся в отечественной науке теоретический термин «нациестроительство».

Обращаясь к проблеме конференции, следует отметить, что в работе «Бурятия. XVII–XIX вв. История» бурятские ученые Г. Л. Санжиев, Е. Г. Санжиева писали: «До присоединения к России бурятские племена не имели собственной государственности, Бурятия не представляла собой самостоятельного государственного объединения. Буряты жили отдельными племенами во главе с князьями» [Санжиев, 1999, с. 11]. Эти противоречия практически пришлось решать на рубеже XIX–XX вв. кровавыми и репрессивными методами, имеющими свою насыщенную историографию.

В современном мировом востоковедении при изучении истории бурятского этноса необходимо выделять три основных направления изучаемой проблемы: историография отечественная (дореволюционная / советская / российская) и западная. Изучение бурятской истории западными коллегами достаточно ограничено и требует своего отдельного крупного исследователя, источниковед, историографа, такого же, как российский монголовед М. И. Гольман, который квалифицированно трудится более 50 лет на ниве изучения западноевропейского и иного монголоведения. В таком же исследователе нужда-

ется огромный массив китайских источников по истории бурят-монгольского этноса, изучаемого еще Иакинфом Бичуриным и его соратниками. Думается, что ученые и сотрудники Бурятского госуниверситета, Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, других академических и учебных учреждений продолжат успешно справляться с этой сложнейшей задачей.

В формирующихся методологических условиях современной отечественной востоковедной науки история стран Северо-Восточной Азии в новейшее время, история монголоязычного мира, Бурятии, проблемы приграничных регионов, цивилизационно входящих в орбиту формирующихся в ориенталистской науке России альтернативных дискуссионных теорий: нациестроительства, евразийства, кочевниковедения, фронтира, Великого Лимитрофа, требуют своей проработки и обоснования. История и перспективы развития геополитического азиатского фронта Россия – Монголия – Китай, исторически входящего в орбиту «межцивилизационного пояса» Великого Лимитрофа, тесно связанного с трансграничными кардинальными изменениями в начале XXI в., является приоритетным направлением во внешнеполитической стратегии и науке российского государства.

В современных методологических условиях в рамках формирующихся новых методологических принципов изучения истории народов монгольской этносферы небезуспешную попытку провел коллектив научных сотрудников ИМБТ СО РАН под руководством доктора исторических наук, профессора, академика РАН Б. В. Базарова опубликовавший фундаментальный научный труд «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии». В этом труде квалифицированно анализируется история трансформации кочевых сообществ Центральной Азии после распада монгольской империи, этапы борьбы за политическую и экономическую самостоятельность монгольских народов, история этих этносов в составе Цинской и Российской империй [Базаров, 2016].

Авторы введения Б. В. Базаров, М. Н. Балдано неслучайно отмечают, что «важнейшим аспектом постав-

ленной проблемы стали базовые концепты мировоззрения монголов. Именно они обеспечили сохранность и воспроизводство социальной организации монгольского общества, политической культуры Великой монгольской империи вплоть до XVII в. [Базаров, 2016, с. 5]. В главе VII «Проекты нациестроительства в монгольском мире: реальность и иллюзии (XX – начало XXI вв.)» авторы исследования провели коренной отход от преобладающей в советской монголоведной историографии «теории некапиталистического пути развития» Монголии, монголоязычных этносов в XX в. [Базаров, 2016, с. 419–447]. Публикация такого рода монголоведных работ является квалифицированным отражением происходящих в отечественном монголоведении методологических преобразований.

В современной ориенталистской науке дискуссионные процессы вхождения монголо-бурятских-тюркских этносов в состав российского государства тщательно проанализированы в коллективном сборнике под редакцией Б. В. Базарова «Бурятия: к 350-летию вхождения Бурятии в состав Российского государства: Энциклопедический справочник. В 2-х томах», получивший научное признание в среде востоковедов [Бурятия..., 2011].

В рамках дальнейшей трансформации отечественного бурятияведения и монголоведения на современном этапе существенный методологический вклад в историю бурят-монгольского этноса внес авторский коллектив ученых под руководством академика РАН Б. В. Базарова, подготовивший объемный и информативно насыщенный сборник «История Бурятии» в трех томах, в которых удалось изложить основные вехи и события региональной истории, определившие их суть [История Бурятии, 2011]. В квалифицированном сборнике, восполнившем огромный методологический вакуум в написании истории бурят-монгольского этноса после издания в двух томах в советское время «Истории Бурят-Монгольской АССР», на формирующейся новой мето-

дологической базе продолжены исследования истории монгольского этномира.

Хронологические рамки третьего тома «Истории Бурятии» включают XX и XXI в. и во многом отвечают заданной проблематике настоящей конференции. Этот относительно короткий промежуток времени оказался насыщенным масштабными событиями, сыгравшими значительную роль в истории страны и региона: революционные потрясения начала XX в., социальные трансформации советского и постсоветского периода, Великая Отечественная война, достижения Бурятии в экономике и культуре. Творческому переосмыслению подверглись многие проблемы: история национального движения бурятского народа, перегибы коллективизации, культурная революция, репрессивная политика государства по отношению к крестьянству, интеллигенции.

Наиболее полным на сегодняшний день собранием сведений по этнической истории и культуре бурят, которые рассматриваются на исконной территории расселения – Предбайкалье и Забайкалье, – явился выход в серии «Народы и культура» издания «Буряты», проанализировавшего историю бурят после присоединения Восточной Сибири к России. Авторы квалифицированного труда профессора Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская рассматривают диалекты и говоры бурятского языка, относящегося к северной группе монгольских языков алтайской семьи, прослеживают численность народа с 1851 г. по настоящее время, дают обстоятельную характеристику скотоводческого хозяйства этноса, исследуют традиционную религию – шаманизм, а также распространившийся в Бурятии с XVII в. буддизм. В монографии прослеживается развитие культуры бурят до наших дней [Буряты, 2004]. В коротком сообщении невозможно даже перечислить многие квалифицированные сочинения, и это свидетельствует о том, что отечественное бурятияведение и монголоведение находится на теоретически правильном научном пути.

Литература

- Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 633 с.
Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 623 с.
Бурятия: к 350-летию вхождения Бурятии в состав Российского государства: Энциклопедический справочник. В 2-х томах / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Экос, 2011. Т. 1. 328 с. Т. 2. 300 с.
История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1951. 627 с.
История Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 643 с.
История Бурятии в 3-х томах // гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1. 337 с. Т. 2. 630 с. Т. 3. 473 с.
Санжиев Г. Л., Санжиева Е. Г. Бурятия. XVII–XIX вв. История. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 1999. 356 с.

РОЛЬ БУРЯТСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ МОНГОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

В статье рассматривается деятельность бурятских общественных деятелей, которые внесли значительный вклад в становлении монгольской государственности и национально-освободительное движение монгольских народов.

Ключевые слова: Монголия; бурятские общественные деятели; автономия; самоопределение; национально-освободительная борьба; государственность.

Batunaev Eduard Vladimirovich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

THE ROLE OF BURYAT PUBLIC FIGURES IN THE FORMATION OF THE MONGOLIAN STATEHOOD

The article examines the activities of Buryat public figures who have made a significant contribution to the formation of the Mongolian statehood and the national liberation movement of the Mongolian peoples.

Keywords: Mongolia; buryat public figures; autonomy; self-determination; national-liberation struggle; statehood.

Начало XX в. стало поворотным моментом в борьбе за автономию, национальное и культурное строительство монголоязычных народов. Этот период характеризуется ростом самосознания, формированием национальной интеллигенции, способной вести борьбу за свои гражданские и политические права. Аграрно-административная реформа, проводимая царским правительством в отношении бурят, привела к обострению земельного и национального вопроса, ставила под угрозу дальнейшее существование хозяйственного уклада коренного населения. Выдающиеся бурятские общественные деятели М. Н. Богданов, Ц. Жамцарано, Э. Д. Ринчино, Б. Барадин, Г. Цыбиков, А. Доржиев стали поистине лидерами национально-освободительного движения как в Бурятии, так и Монголии. В марксистской историографии они, на наш взгляд, необоснованно получили ярлыки «буржуазных националистов» и «панмонголистов».

Революционные события 1905–1917 гг. стали катализатором национального движения, способствовали консолидации всех прогрессивных общественных сил. Бурятские деятели стали объединяться в общественные организации и движения для отстаивания своих земельных, политических и гражданских прав. Осуществление столыпинского землеустройства, введение волостной реформы и института крестьянских начальников отрицательно сказались на состоянии бурятского хозяйства – сокращение поголовья скота, уменьшении запашки итд. [Национально-освободительное..., 1989, с. 13]. В 1917 г. состоялись общепурятские съезды, на которых были приняты проекты положения о национальной автономии, культурно-национального строительства, вопросы представительства в органах Временного правительства и создания Бурятского национального комитета. В январе 1918 г. в Иркутске образовалась первая бурятская группа большевиков, в состав которой вошли М. М. Сахьянова, Г. Г. Данчинов, С. Х. Николаев, Ф. М. Осодоева, В. И. Трубочаев, М. Н. Ербанов, И. В. Ченкиров. В идейном плане они выступали против Бурнацкова и ставили задачи по сплочению революционных сил бурятского и русского народа. Таким образом, в этот период образовались два направления с противоположными взглядами на развитие

национально-освободительного движения в Бурятии. Необходимо признать, что эти направления, хотя и имели серьезные разногласия, но все же внесли свой вклад в образовании бурятской автономии.

Политическая деятельность лидеров бурятского национального движения в Монголии длительное время замалчивалась и не получила должного освещения в рамках советской историографии [Жабаева, 2002, с. 5]. К работе с монголами были привлечены представители бурятской интеллигенции, которые были хорошо подготовленные, прекрасно владеющие языком, имеющие тесные связи с Монголией, знающие страну и искренне желающие возрождения Монгольского государства. Весомый вклад в развитие монгольских событий оказали прогрессивные бурятские деятели, которые трудились в области просвещения, медицины, ветеринарного обслуживания, в научно-просветительской и революционной деятельности. Они участвовали в демократических преобразованиях, занимали ответственные, крупные посты и оставили значительный и неизгладимый след в истории национального возрождения Монголии. По линии Коминтерна Монголии оказывалась существенная помощь финансами, военными инструкторами из числа бурят и калмыков, а также поставками оружия и другими материальными средствами. Помимо стратегических соображений при анализе монгольского фактора советское руководство учитывало и обстоятельство революционной целесообразности. Внешнеполитический курс Советской России в 20-30-е гг. XX в. был направлен на распространение идей мировой революции и борьбой с международным империализмом. В связи с поражением революционного движения в Европе азиатское направление революционизации стало наиболее перспективным. Коминтерн выступал в роли своеобразного коридора идей мировой революции на Восток, в первую очередь, в Китай. В политике Коминтерна Монголия и связанный с ней «монгольский вопрос» занимали важную роль в плане продвижения революционных идей с использованием национально-освободительного движения монгольских народов, панмонголизма. Вместе с

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

тем монголы пытались проводить свою этнорегиональную политику, которая заключалась в поддержке национально-освободительного движения во Внутренней Монголии. Выполняя интернациональный долг, в Монголии в качестве сотрудников монголо-тибетского отдела работали: Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано (Бегзеев), Ц. Е. Дашбалын (Гочитский), С. Жамбалон, Б. Цэрэнэй (Аюр Ванчиков), Г. Д. Данчинов, Э. Бутухан. Многие из них были незаконно репрессированы, но в дальнейшем реабилитированы. В современной российской историографии подчеркивается, что все они активно приняли участие в исторических монгольских событиях 1921 г., а затем работали на благо новой Монголии. Венцом работы всех советских организаций, чья деятельность была направлена на развитие революционной борьбы на Востоке, стала победа народной революции на Востоке [Курас, 2010, с. 152]. Мы сделаем краткий обзор бурятских общественных деятелей, ученых, революционеров, работавших в Монголии и оказывающих помощь в становлении монгольской государственности.

Э.-Д. Ринчино – видный общественный деятель Бурятии, стоявший у истоков создания национальной автономии Бурят-Монгольской Республики, первый председатель Бурятского национального комитета, советник монгольского правительства, председатель Реввоенсовета МНР, автор многих работ о международном и внутреннем положении Бурятии и Монголии. Э.-Д. Ринчино поднимал вопрос о «восстановлении прежнего монгольского государства в его национальных рамках...» [Ринчино, 1927, с. 70], который находил продолжение в идеях Ц. Жамцарано, ратовал «за настоящую независимость Монголии», за превращение Халха-Монголии в притягательный центр всех монгольских народов, проживающих в других регионах (южных монголов, бурят-монголов, калмыков, монголов Тувы и Синьцзяна)» [Жабаева, 2002, с. 272]. Выступая на одном из заседаний ЦК МНРП, Ринчино подчеркнул, что «в наших руках общемонгольская национальная идея, опасное и острое революционное оружие» [Элбек-Доржи..., 1988, с. 104]. Он пытался совместить интересы Коминтерна с интересами монголо-бурятского национального движения. Одновременно Э.-Д. Ринчино подчеркивал, что «нельзя считать монголов детьми и полностью подменять их на ключевых постах советскими специалистами. Влияние Коминтерна должны проводить сами монголы» [Лузянин, 2000, с. 288].

Цыбен Жамцарано являлся крупнейшим деятелем национального движения бурят-монголов. Вся его жизнь по существу была посвящена делу национального возрождения своего народа, его просвещения и духовного развития. Он был избран председателем Бурятского национального комитета (Бурнацкома). С 1920 г. через Дальневосточный секретариат Коминтерна включился в народно-революционное движение Монголии. После победы народной революции в Монголии Ц. Жамцарано входил в руководящий состав монгольского правительства и народной партии. Ц. Жамцарано принимал участие в разработке программы Монгольской народной партии (платформы), где в одном из пунктов указывалось создание единого монгольского государства. Работал товарищем (заместителем) министра внутренних дел, членом Экономсовета, Совета Госбанка, ученым секретарем Комитета наук Монголии, возглавлял Центральную контрольную комиссию МНРП. Особенно большую роль он сыграл в развитии культуры, народного образования, которое, по существу, приходилось организовывать заново. Являясь советником в мини-

стерстве народного образования, принимал деятельное участие в подготовке учительских кадров, публикации учебников [Жабаева, 2002, с. 241]. Ц. Жамцарано вошел в историю как выдающийся ученый исследователь, непревзойденный собиратель фольклора и крупнейший деятель национального движения монгольских народов.

Цэдэн-Еши Дашбалын (Гочитский) участвовал в работе I съезда МНРП, работал советником по финансовым вопросам, занимался учетом и распределением товарных запасов, отвечал за их хранение. После победы Народной революции 1921 г. принимал активное участие в работе партийных и государственных органов новой Монголии. Работал заведующим контрольно-ревизионной комиссии ЦК партии, членом экономического совета страны, председателем правления монгольских кооперативов, торговым представителем МНР в СССР.

После победы народной революции в Монголии Э. Батухан работал переводчиком Министерства иностранных дел и советником по образованию. В ноябре 1921 г. Э. Батухан в составе правительственной делегации выезжал в Москву. Он выполнял обязанности советника и переводчика делегации. Педагог по образованию Э. Батухан после революции активно включился в работу по закладыванию фундамента народного образования Монголии. Заведовал школьным отделом при министерстве внутренних дел. С образованием в 1924 г. самостоятельного Министерства просвещения стал его первым министром. С целью изучения опыта других стран монгольские делегации во главе с министром посетили СССР, европейские страны – Германию, Францию, Италию. В результате за основу системы школьного обучения была взята советская система просвещения.

Г. Г. Данчинов – один из основателей большевистской организации и советской власти в Бурятии. В 1921–1922 гг. Данчинов являлся секретарем монгольского отдела Секции восточных народов Сиббюро РКП(б), секретарем монгольской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна (ИККИ). По поручениям этих органов помогал монгольским революционерам в период пребывания в Иркутске. Участвовал в разработке и выполнении мер в борьбе с белогвардейскими бандами Унгерна. За активное участие в монгольском революционном движении Г. Г. Данчинов был награжден орденом Боевого Красного знамени МНР.

Б. Цэрэнэй (Аюр Ванчиков), старший брат Цэдэн-Еши, в младенчестве отданный в другую семью. С 1920 г. Б. Цэрэнэй работал в секции восточных народов Сибирского РКП(б), оказывал помощь революционерам Монголии, занимался пропагандой революционных идей. Б. Цэрэнэй – участник I съезда МНРП, разрабатывал вместе с делегатами программные документы съезда, выполнял функции секретаря.

Санжимитеб Цыбыктаров – первый из бурят доктор с высшим образованием, крупный общественный деятель начала XX в. С 1909 г. работал в Монголии врачом при Российском консульстве в Монголии, заведовал лечебницей. Благодаря хорошему знанию монгольского языка и высокой врачебной квалификации Он завоевал авторитет и доверие среди монгольского населения, с. Цыбыктаров был не только врачом, но и активным общественным деятелем. Он сблизился с монгольской интеллигенцией, деятельно занимался научно-просветительской деятельностью среди монгольского населения. В феврале 1921 г. Урга была оккупирована белогвардейскими частями Унгерна, который начал преследовать прогрессивно настроенных российских и монгольских граждан. В результате террора, развязанного Унгерном, погибли многие деятели, в том числе и С. Цыбыктаров. В Монголии в качестве инструкторов в Мон-

гольской народной армии работала большая группа бурят и калмыков. Среди бурятских инструкторов были К. Баторун (Баторов), Г. Далбаев, Г. Очиров, Л. Ринчинов и др.

Таким образом, бурятские деятели сыграли большую роль в становлении и развитии революционных процессов и монгольской государственности. Среди ключевых фигур

стоит отметить Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, Д. Сампилона, Б. Барадина, М. Н. Богданова, Г. Цыбикова, которые стояли у истоков национально-демократического движения монгольских народов, борьбы за независимость и образования государственности.

Литература

Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.

Выдающиеся бурятские деятели. Т. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2010. 328 с.

Жабаева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. 300 с.

Курас Л. В. М. М. Сахьянова, Э.-Д. Ринчино и Монгольская революция 1921 г. // Власть. 2010. №6. С. 150–152.

Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. 268 с.

Национально-освободительное движение бурятского народа: тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. 107 с.

Ринчино Э. К вопросу о национальном самоопределении Монголии в связи с задачами китайской революции // Революционный Восток. 1927. № 2. С. 70–75.

Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. 299 с.

Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ, 1988. 180 с.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЭРДЭНИ БАТУХАНА (К 130-ЛЕТИЮ)¹

В работе приводятся известные факты биографии Эрдэни Батухана с некоторыми дополняющими штрихами: уточненными сведениями по году начала монгольского этапа в его жизни, а также дополнительными свидетельствами его вклада в культурное строительство республики.

Ключевые слова: Эрдэни Батухан; Монголия; общественно-политический деятель; просвещение; кинематография.

Madadaeva Galina Ivanovna
Chimitdorzhieva Gunsema Nimbuevna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

UNKNOWN TRAITS TO ERDENI BATUKHAN'S BIOGRAPHY (TO THE 130th ANNIVERSARY)

The article contains known facts of Erdeni Batukhan's biography with such complementary traits as updated information on the beginning year of the Mongolian stage in his life, additional evidence of his contribution to the cultural construction of the republic.

Keywords: Erdeni Batukhan; Mongolia; social and political figure; education; cinematography.

В этом году отмечается 130-летний юбилей Никиты Федоровича Бутуханова, или Эрдэни Батухана (1888 – 06.01.1942), известного политического и общественного деятеля, министра просвещения Монголии, педагога, ученого, киноактера, внесшего значительный вклад в становление дружественных отношений России и Монголии.

В биографических работах о жизнедеятельности Эрдэни Батухана дается картина становления и жизни государственного деятеля широкого масштаба. В основном это такие факты его биографии, как судьбоносная встреча в Тамчинском дацане с Цыбенем Жамцарано, после которой он оказался в Монголии, работа заведующим школьным отделом при МВД, ответственным переводчиком на встрече монгольской делегации с В. И. Лениным 5 ноября 1921 г., его личное знакомство и переписка с М. Горьким. Он выступал переводчиком, советником и консультантом экспедиции И. М. Майского, был секретарем съезда Монгольской народной партии, ответственным секретарем Временного революционного Правительства Монголии, первым наркомом просвещения Монголии. Перечисленные моменты его биографии были уже в той или иной степени отражены в научной и публицистической литературе. В этой работе хотелось бы представить некоторые архивные материалы, дающие представление о его корнях и родословной, уточненные сведения о годе начала монгольского этапа в его жизни, а также дополнить сведения свидетельствами о его вкладе в культурное строительство республики.

В книге «Идинские буряты: документы и родословные» [2013, с. 163–164] представлена родословная Н. Ф. Бутуханова: Эхирит – Зонхи – Хэрхэн – Хуудал Сагаан – Сэхир – Олзон – Баянгаза – Ивалга – Убгэн – Хамнухан – Хахай – Бутухан – Федор – Никита. В архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН имеется его родословная, составленная И. Н. Мадасоном, где перечислены Баянда – Шаглаа – Бутуухэн (1798) – Пёдор [Фёдор] – Михиитэ [Никита] (Бата-хаан, б. мин. проsv. МНР) – Оюун

(в МНР) [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 275. Л. 18; 12, С. 76–81]. Интерес представляет и родословная У. А. Трубачеевой, супруги Н. Ф. Бутуханова: Будша – Шоно – Холхо – Пеэтрит – Туруусэб – Тугэд – Поони – Ууля. Ярким представителем в ее линии (Туруусэб – Тэгшэхэн (Тимофей) – Андрей) является А. Т. Трубачеев, первый нарком здравоохранения Бурятии [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 268. Л. 44]. Информация о детях и потомках супружеской пары имеется в трудах [Чимитдоржиев, 1994, 2004; Ломакина, 1975].

В своей автобиографии и анкете, приложенных к заявлению от 22 октября 1929 г. в коллегия научно-исследовательского института народов Востока, он пишет: «Родился в 1888 г. в пределах теперешней Бурят-Монгольской Советской Социалистической Республики в семье бедного крестьянина (буряты). До 20-летнего возраста выполнял в семье отца все сельскохозяйственные работы. Ввиду того, что в детстве получил начальное образование, в 20 лет поступил в школу для подготовки учителей, каковую окончил. До революции в течение 5-ти лет был народным учителем. С 1916 по 1920 гг. был учителем средней школы в Урге (Монголия). С 1921 по 1929 гг. работал по линии народного образования (МНР). С 1921 по 1924 гг. состоял заведующим делами Народного образования Монгольского Народного Правительства и секретарем Правительства. С 1924 г. по 1-е января 1929 г. – Минпросом. За время пребывания учителем средней школы в Урге и в период своей работы по организации народного образования занимался изучением монгольского языка и письменности. Составлял и переводил учебники на монгольский язык, работал в качестве преподавателя в учительской и партийной школе. Между прочим, мною составлены и переведены учебники по географии: «Азия», «Начальный курс географии» (первый из них напечатан). Составлены 2 книжки хрестоматии для чтения в школах, задачник и пр. Эти книги составлены на монгольском языке. На русском языке работ не имею. Подпись Э. Батухан» [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 17. Л. 13–15].

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

Конечно, нужно многое добавить к этой краткой биографии интересного, разностороннего человека. В мае 1902 г. он окончил Идинское двухклассное училище, потом Кутуликскую двухклассную школу. В 1907 г. поступил в Иркутскую церковно-учительскую семинарию, был уволен заведующим церковно-учительской семинарией архимандритом Иоанном за крамолу и вольнодумство. С 1912 по 1914 гг. работал учителем Еланцинской миссионерской церковно-приходской школы Ольхонского края. Осенью 1914 г. уехал в Забайкалье с женой Ульяной Афанасьевной Трубачевой. Работали в Ичотуйском начальном училище на родине Доржи Банзарова [Аюшеева, 2015, с. 77]. Там же, в улусе Ичотуй, они организовали потребительскую кооперацию им. Д. Банзарова, поскольку опыт создания общества потребителей уже имелся у Н. Ф. Бутуханова в 1912 г. при открытии в улусе Бохан «Готольского общества потребителей». В инициативную группу ее создания входили учителя: С. П. Балдаев, А. И. Герасимова (мама К. М. Герасимовой), К. С. Бардамов, Н. Ф. Бутуханов и др. [Идинские буряты..., 2013, с. 28].

В Национальном Архиве РБ в фонде народного образования в документах (приказы, переписка) о назначении, перемещении и увольнении учителей есть приказ № 34 дирекции народных училищ Забайкальской области от 16 сентября 1916 г. По нему увольняются с 1 сентября 1916 г. учительница Джидинского 1-классного начального училища Ульяна Трубачева согласно прошения, учитель Ичетуевского 1-классного начального училища (инородческого) Никита Федорович Бутуханов согласно прошения [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 211. Оп. 1. Д. 196. Л. 88]. Согласно этим документам, а также вышеуказанной автобиографии, с 1916 г. жизнь Н. Ф. Бутуханова в течение многих лет будет связана с просвещением и образованием в Монголии, хотя во многих изданиях указывается 1914 г. как год начала его монгольского периода жизни.

Об этом свидетельствует также почтовая карточка от 26 октября 1916 г. Его Высокородию Господину инспектору народных училищ 8-го района Забайкальской области, Троицкосавск: «Имею честь просить Ваше Высокоблагородие добавочные и прогонные деньги перевести на мое имя по адресу Урга Монгольская правительственная школа учителю Н. Ф. Бутуханову для передачи мне. У. Трубачева» [ГАРБ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 268. Л. 110].

В мае 1919 г. Никита Федорович приглашен в экспедицию Всероссийского Центрального союза потребительского общества, которую возглавлял И. М. Майский. Задачей экспедиции было исследование экономического состояния Монголии, сбор материалов государственного устройства, политической жизни, бытового уклада. Никита Федорович официально был переводчиком, но приходилось работать советником, консультантом. На основе собранного материала И. М. Майский издал две монографии «Современная Монголия» и «Монголия накануне революции» [Майский, 1921, 1960], в предисловии которых автор выражает благодарность Н. Ф. Бутуханову: «Чрезвычайно полезным членом экспедиции был переводчик Эрдени Батухан. Прежние исследователи Монголии неоднократно жаловались на то, что трудно достать хороших, надежных переводчиков. Мне в этом отношении посчастливилось: в лице Батухана, преподавателя из монгольского училища в Урге, я нашел опытного и интеллигентного переводчика, который оказал экспедиции серьезные

услуги» [Майский, 1921, с. 11], «в немалой степени способствовавшего успеху нашей работы. Ему, как и всем остальным участникам экспедиции, приношу искреннюю благодарность за понесенные вместе труды» [Майский, 1960, с. 7].

В документах Коминтерна (1919–1934 гг.) в записке Г. В. Чичерину от 19 октября 1921 г. Б. З. Шумяцкий сообщает краткие характеристики членов монгольской делегации, где он пишет и о Н. Ф. Бутуханове: «Бутухан (Батухан) – управделами Нарправительства и главный переводчик делегации. Бурят по происхождению, по профессии учитель. В политическом отношении особенного ничего не представляет, к Советской власти относится благожелательно и даже восторженно» [Монголия в документах Коминтерна..., 2012, с. 73–74].

В своем докладе уполномоченный Коминтерна молодежи в Монголии Зорикту (А. Г. Старкова) о I съезде МНП и первых мероприятиях ЦК после съезда 24 ноября 1923 г. по вопросу о необходимости систематической политико-просветительской работы отмечает, что в партии для этого имеются силы – «на положении ответственных работников состоит целый ряд интеллигенции европейски образованных, великолепно владеющих монгольским языком бурят. Взять хотя бы Ринчино, Жамсарано, Бутуханова и других. Все они могли бы ближе подойти к партийной работе, но все они отклоняются от нее» и упоминается, что для ее реализации необходимы технические средства, в связи с чем «неоднократно поднимался вопрос о приобретении типографии» [Монголия в документах Коминтерна..., 2012, с. 93–94].

С образованием Министерства просвещения МНР Эрдэни Батухан был назначен министром, как пишет в своей автобиографии, работал в этой должности до 1 января 1929 г. Но вот в своих очерках о Монголии Б. Барадин пишет: «Министерство Народного просвещения, организованное только в этом году, возглавляется одним старым монголом. Мне не пришлось познакомиться с ним, так как его в это время не оказалось в Урге. Заместитель минпроса – Эрдыни Батухан, по происхождению бурят Аларского аймака Бурреспублики, является фактически руководителем Министерства. Батухан – человек еще молодой, энергичный и отличается пониманием задач своего ведомства» [Барадин, 1926, с. 10]. В этих же очерках Б. Барадин отмечает, что необходимость в пишущих машинах давно осознана монголами, поскольку их отсутствие заставляет держать большой штат писцов. Были даже попытки заказать машины в Германии, но дело не состоялось [Барадин, 1926, с. 12]. Трудно сказать, чем дело с пишущими машинами закончилось бы, но усовершенствованные машины для типографии приобретены исключительно Э. Батуханом во время поездки за границу. Это отмечает в своем дневнике Г. Цыбиков, в котором он особенно выделил издательство Министерства просвещения, где активную деятельность для оснащения типографии новейшим оборудованием внес именно Э. Батухан [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4.].

Из дневника Г. Цыбикова, который он вел, находясь в Монголии в 1927 г. в командировке для согласования вопросов терминологии и орфографии с Монгольским ученым комитетом, можно отметить, что Э. Батухан оказывал всяческую поддержку во время пребывания Г. Цыбикова в Улан-Баторе. В частности, Э. Батухан снабдил его последними изданиями Минпросвещения, в том числе и 22 номерами правительственного «Вестника» (бюллетеня). 7 мая 1917 г. они вместе осмотрели типографию, а также народный театр, который распола-

гался в деревянном здании вместимостью в 1500 человек. По словам Э. Батухана, он настаивал на постройке каменного здания, однако из-за сроков правительство воздвигло деревянное, которое впоследствии сгорело [Цыбиков, 1991, с. 122].

Находясь в Монголии Эрдэни Батухан не забывал о своей родине. В мае 1917 г. он участвовал в первом съезде бурятских учителей Иркутской области [Цыбикдоржиев, 2004, с. 11]. В Национальном архиве РБ имеется телеграмма интересного содержания: «Чита обл. союз кооператива Даши Сампилову Нац. Бур. Комитету, из Урги, принято 14 марта 1917 г. Найдете ли нужным принять во внимание наше мнение при решении нац. вопросов. Цыбиктаров, Батуханов, Данчинов, Бордамов, Абашеев, Вампилова, Трубачеева» [ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 48. Л. 31]. Телеграмма является свидетельством участия нашего героя в решении национального вопроса в Забайкалье. В ноябре 1917 г. избирается членом Центрнацкома [ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 48-а. Том 2. Л. 233], но уже 23 марта 1918 г. выбывает [ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3. Л. 3]. В Национальном архиве Бурятии обнаружен мандат гр. С. З. Зодбоева – ему предписано выявить местонахождение груза учебной литературы в трех ящиках весом в 11 пудов Монгольского МНП через транспортную контору в г. Урга, а также акт Ургинконторы от 18 июня 1924 г. [ГАРБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 54. Л. 58, 59, 61]. В это время Э. Батухан уже работал в Монгольском министерстве просвещения и знал, что в Бурятии нуждаются в учебной литературе.

В конце 1920-х гг. обострилась борьба двух противоположных взглядов на дальнейшее развитие Монголии. К руководству МНПР пришли левые деятели, сторонники ускоренного строительства социализма, в 1929 г. Э. Батухан был выслан из страны. В период после Монголии и до своего ареста (1937 г.) он окончил в 1934 г. Институт истории, философии и лингвистики в г. Ленинград и работал доцентом Ленинградского Восточного института, как указано в протоколе допроса и анкете арестованного.

В этот период помимо преподавательской и общественно-политической деятельности Н. Ф. Бутуханов сыграл весьма значительную роль в развитии послереволюционной культуры в Бурятии. Здесь хотелось бы упомянуть о его интересе к одному из видов искусства, раскрывающем широту его взглядов, высокий уровень образованности и многогранность его талантов, – непосредственном участии в становлении бурятского кинематографа, история которого ведет свое начало с 1926 г. Никита Федорович снимается в трех художественных фильмах – «Наместник Будды», «Ущелье Аламасов» и «Девушка западной юрты» [Борькин, 1986].

В этом плане большой интерес представляет его переписка и встреча с А. М. Горьким в августе 1926 г. в Сорренто [Кочетова, 1962, с. 137–143]. В письме от 28 мая 1935 г. Э. Батухана указывает Ялтинский адрес и сообщает, что приехал помогать делать картину «Наместник Будды» (1934 г.). В фильме роли исполнили артисты бурятского театра: Николай Дылгиров, Чойжинима Генинов, Владимир Халматов, Ульяна Болдонова. Э. Батухан сыграл роль японского шпиона. Известно, что к концу 1934 г. «Наместник Будды» был сдан в производство, однако фильм так и не вышел на большой экран из-за начавшегося в 1936 г. процесса по троцкистско-зиновьевскому делу и борьбе с «врагами народа». Любое упоминание о буддизме каралось.

Что касается другого фильма, то известно, что на бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) 7 января

1933 г. решался вопрос о выпуске кинокартины «Девушка западной юрты», что свидетельствует о важности показа. В постановлении говорится: «Учитывая, что выпуск первой кинокартины на Бурят-Монгольском материале имеет для БМАССР важное значение, в особенности в связи с предстоящим 10-летием Бурятии и что положение с к-картиной «Девушка западной юрты» создает опасение о не выпуске ее в срок. Бюро ОК ВКП(б) постановляет:

1. обязать Бурпредставительство в срочном порядке продвинуть вопрос о выпуске к/к «Девушка западной юрты»;

2. просить Союзкино представить вне очереди для треста «Востокфильм» павильон для заканчивания съемки указанной картины;

3. обязать правительственную комиссию по 10-летию взять под свое наблюдение выпуск кинокартины» [ГАРБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 1907. Л. 101].

По некоторым данным, 1936 г. указан как год производства «Девушки западной юрты», и в числе актеров фильма называется имя Н. Ф. Бутуханова, однако исполненная им роль нам неизвестна. В газете «Бурят-Монгольская правда» от 5 июля 1933 г. имеется упоминание об этой кинокартине. В ней опубликована программа празднования 10-летия БМАССР в г. Верхнеудинск и Парке культуры и отдыха на Верхней Березовке (рядом с кумысолечебницей), где указано, что будут демонстрироваться на свежем воздухе с 10 ч. до 1 ч. ночи 10 и 13 июля такие фильмы, как «Киножурнал Б-М АССР за 10 лет», «Приезд Буденного в Верхнеудинск» и кинокартина «Девушка западной юрты». Таким образом, в 1933 г. фильм был показан жителям республики.

В 1937 г. киностудией «Союздетфильм» был снят фильм «Ущелье Аламасов», где Никита Федорович исполняет роль профессора Джамбона, в титрах указывается как Б. Эрдэни. В примечаниях к своей книге А. М. Решетов представил историю создания фильма. Историю эту, изложенную в сюжете фильма, рассказал как-то сценаристу Михаилу Розенфельду Ц. Жамсарано в Монголии, и тот вывел его в картине под именем проф. Джамбона [Решетов, 1998, с. 54]. В вышеуказанной книге А. М. Решетова даны очень подробное описание ареста и протоколы допросов Ц. Жамсарано в 1937 г., обвиняемого в организации контрреволюционной панмонголистской деятельности. На страницах следственных материалов фамилии многих известных общественно-политических деятелей того времени, в числе которых и Э. Батухан [Решетов, 1998, с. 32, 34, 45, 47].

На запрос в Управление по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области ФСБ России был дан ответ (письмо от 04.12.2015 г. № 10/21-М-4625/647), что «Батухан Э. был арестован 22 сентября 1937 г. УНКВД по Крыму в г. Гурзуфе, направлен 3 октября 1937 г. в распоряжение в УНКВД по Ленинградской области. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 г. осужден к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Отбывая срок наказания в Вятлаг НКВД, умер 6 января 1942 г. Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 25 мая 1956 г. постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 г. отменено, дело производством прекращено на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР (за отсутствием состава преступления). Батухан Э. реабилитирован».

За этими сухими словами ответа сложенная и загубленная судьба уникального человека, который получил признание таких великих людей, как Гомбожап Цы-

биков, Юрий Рерих, Базар Барадин, Цыбен Жамсарано, Элбек Ринчино, ему был благодарен Иван Майский за помощь в экспедиции в 1919 г. Академик Академии наук Монголии Ц. Дамдинсурэн писал, что «после 1921 года традиционная дружба между народами Монголии и России стала укрепляться. Среди них было много бурят, в числе первых советских специалистов, приехавших в Монголию, были ученый историк Ц. Жамсарано, учителя Абашеев, Батухан и другие. Оказали монголам большую помощь в тяжелый период их истории, мы гордимся этим и благодарны им» [Цэндийн Дамдинсурэн..., 2008, с. 517].

Литература

- Аюшеева М. В. Документы академических архивов РАН о жизни и деятельности Эрдэни Батухана // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3. С. 76–81.
- Барадин Б. Очерки Монголии // Жизнь Бурятии. 1926. № 6.
- Борькин Б. Верный друг Монголии // Правда Бурятии. 1986. 1 июня. № 127.
- Идинские буряты: документы и родословные. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2013.
- Кочетова И. П. Горький и монгольские литераторы // БКНИИ. Вып. 8. Сер. Востоковедение. Улан-Удэ, 1962. С. 137–145.
- Ломакина И. Белые юрты в степи. М., 1975. 144 с.
- Майский И. М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. 332 с.
- Майский И. М. Монголия накануне революции. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. 310 с.
- Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
- Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамсарано // Orient. Вып. 2-3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. СПб., 1998. С. 5–55.
- Цыбикдоржиев В. Угай зам. Спецвып. № 10. Май 2004.
- Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1991. 241 с.
- Цэндийн Дамдинсурэн: к 100-летию со дня рождения. М.: Вост. лит., 2008.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Эрдэни Батухан // Выдающиеся бурятские деятели (XXVII – начало XX вв.). Ч. 1. Улан-Удэ, 1994. С. 126–130.
- Чимитдоржиев Ш.Б. Уроженец из Бохана – Эрдэни Батухан – первый министр просвещения МНР // Байкал. 2004. Спецвып. № 10.

**РОЛЬ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ
В ИСТОРИИ БУРЯТИИ**

В статье говорится об образовании и деятельности Советов, о решении вопросов социалистического строительства.

Ключевые слова: революция; Советы; Бурятия.

Barданov Nima Stanislavovich

State Archives of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russian Federation

**THE ROLE OF THE SOVIETS OF WORKERS', SOLDIERS' AND PEASANTS'
DEPUTIES IN THE HISTORY OF BURYATIA**

The paper deals with formation and activity of the Soviets, the solution of problems of socialist construction.

Keywords: revolution; Soviets; Buryatia.

Целью данной статьи является освещение важной и исключительной роли Советов в демократических преобразованиях, произошедших на территории Бурятии в 1917–1918 гг., среди которых введение восьмичасового рабочего дня, создание Красной гвардии для защиты интересов революции, национализация предприятий и многое другое.

Следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. Бурятия оставалась отсталой национальной окраиной и имела свои особенности: многоукладность экономики, обилие пережитков, наличие сильных буддийских институтов – дацанов, кроме того широко использовались наемный труд, аренда земли, купля и продажа сельскохозяйственных продуктов [История Бурятии, т. 3, с. 7]. Мировая война, политика царского правительства обострили классовое противоречие, а усиление национального гнета способствовало распространению демократических идей среди учащейся бурятской молодежи. На рост революционного самосознания коренного населения Забайкалья и Иркутской области оказали «Союз Сибирских рабочих», созданный в Иркутске в 1915 г. Важную роль в развитии революции играли политические ссыльные М. В. Фрунзе, В. М. Серов, Н. С. Кабашов, Е. А. Петров, В. А. Чашин, А. М. Буйко [История Бурятии, т. 3, с. 22].

К началу 1917 г. в Бурятии, как и во всей России, сложились объективные и субъективные условия для смены политического строя. 27 февраля 1917 г. вооруженные рабочие, солдаты и матросы Петрограда свергли царское самодержавие. В ходе Февральской революции образовались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые, опираясь на поддержку вооруженных сил народа, имели реальную возможность взять власть в свои руки [История Бурятии, т. 3, с. 28].

В Бурятии Советы были созданы с самого начала Февральской революции. Так, 6 марта 1917 г. был образован Верхнеудинский совет во главе с видными большевиками – председателем В. М. Серовым, депутатом II Государственной думы и участником V Лондонского съезда партии, товарищем председателя, А. М. Буйко, бывшим Путиловским рабочим и членом Петербургского комитета РСДРП(б). В его состав было избрано 115 депутатов от 13000 избирателей. Депутатами являлись представители рабочих, ремесленников, солдат городского гарнизона и интеллигенции [Борьба за власть Советов..., 1957, с. 4]. В работе Совета принимали участие депутаты от рабочих железной дороги, Тарбагатайских каменноугольных копий, солдат Березовского городского и парковского гарнизонов [История Бурятии, т. 3, с. 15].

Верхнеудинский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – наиболее влиятельный и деятельный Совет, он сыгравший важную роль в дальнейшем развитии революции во всем Западном Забайкалье. Его распоряжением были арестованы агенты царского правительства, под контролем Совета находилась деятельность местных представителей Временного Правительства и Комитета общественных организаций, и они без санкции Совета не могли проводить какие-либо важные мероприятия [Борьба за власть Советов..., 1957, с. 4].

Для исследования деятельности Верхнеудинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов весьма значим протокол заседания съезда делегатов Верхнеудинского района от 18–19 мая 1917 г. Из него видно, что были обсуждены, в числе прочих, и такие вопросы, как отношение к войне и Временному Правительству, национальный и земельный вопросы.

По отношению к войне съезд постановил, что «война необходима до тех пор, пока нашей свободе угрожает германский царизм, могущий при нашем поражении восстановить в России самодержавие». Съезд, поддерживая Временное Правительство по национальному вопросу, постановил, что «Революционная демократия признает право на полное самоопределение за всеми национальностями, населяющих Россию и даже право на определение территориально-обособленных наций» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 24. Л. 10–12].

17 сентября 1917 г. состоялось очередное заседание Верхнеудинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где был обсужден вопрос о восстании в Петрограде. Резолюция этого заседания также вызывает интерес: «Частичные выступления, не связанные с организованной революционной борьбой народных масс, вредны как бесцельно растрачивающие революционные силы народа».

В отношении Временного Правительства было отмечено, что «с момента свержения самодержавия, в течение (так в документе) 7 месяцев революции, Временное Правительство не предприняло решительных шагов к скорому созыву Учредительного Собрания, к передаче земли в руки крестьян, введению контроля над производством, планомерной работе в продовольственном деле и вообще в области улучшения быта широких народных масс. <...> Особенно ненормальна была в этот период внешняя политика Временного Правительства России, направляемая к затягиванию позорной войны между народами ради корыстных целей богатых классов, в то время как страна, в конец измученная власто-

ванием монархической династии, не могла и не может вести войны при общем хозяйственном развале и усталости. <...> В стране должна быть немедленно создана власть, однородная социалистическая на принципе всех течений революционной демократии, организованной в социалистические партии, Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов и органы местных самоуправлений. Только такая власть способна осуществить революционную программу в интересах широких народных масс и довести страну до Учредительного Собрания, которое обязательно должно собраться в назначенный срок, и при организованной поддержке народных масс вывести страну из тяжелого кризиса» [ГАРБ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. Из представленных выше документов видно, как изменилось отношение Верхнеудинского Совета к Временному Правительству и к Первой мировой войне.

В начале 1918 г. в Забайкалье с фронта вернулись революционно настроенные полки Забайкальского казачьего войска, руководимые командирами-коммунистами Ф. Балябиным, Г. Богомяковым и В. Бронниковым. Верхнеудинский Совет 5 февраля 1918 г. при их поддержке взял в свои руки всю полноту власти, и то же самое 26 марта 1918 г. сделал Троицкосавский Совет: «Обсудив положение, создавшееся бегством из города в Маймачен представителей власти..., Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: принять всю полноту власти в городе в свои руки и объявить власть Городской думы низложенной» [ГАРБ. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 53. Л. 43]. Так в городах Бурят-Монголии была установлена Советская власть.

На крупных станциях Забайкальской железной дороги были организованы Советы рабочих депутатов, в уездах создавались Советы крестьянских депутатов, в казачьих станицах упразднялись станичные управления, и создавались Станичные советы. Среди бурятского населения образовывались Советы крестьянских и бурятских депутатов, которые принимали различные решения, в том числе и о создании Красной гвардии для защиты интересов революции. В протоколе № 5 от 13 мая 1918 г. общего съезда волостных крестьянских депутатов Тимлойской области говорится: «Оповестить гражданское население волости о добровольном и бесплатном кого-либо из них желая вступить на местах в ряды Красной гвардии, о желающих составить списки, а потом затребовать нужное количество винтовок с боевым снаряжением» [ГАРБ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 77. Л. 43].

О важности создания Советов можно проследить из письма Верхнеудинского исполнительного комитета Цаган-Усунскому исполнительному комитету от 10 мая 1918 г.: «Земский отдел В.С.О.¹ просит немедленно сообщить, организован ли у Вас Совет согласно проекту, утвержденному Всесибирским съездом Советов; если Совета нет, то какая существует административная организация в каждом городе и селении, и какие препятствия имеются к созданию Советской власти» [ГАРБ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 77. Л. 43]. Однако в отдельно взятых случаях организация Советов носила напряженный характер, и это видно из постановления заседания Ново-Селенгинского волостного Совета от 7 июня 1918 г.: «За последнее время от сельского населения приходится

слышать иногда заявления о слабости на местах Советских организаций и их недостаточно ясной и определенной конструкции. ... Приходится согласиться, что такие заявления имеют некоторые основания и оспаривать их нельзя ... Вообще же о всех затруднениях при организации местных Советов и налаживании их работы следует сноситься с уездными Советами, которые и помогут в создании на местах действительно прочных, необременительных и целесообразных Советских организациях» [ГАРБ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 77. Л. 70–71об.].

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов также проводили мероприятия по развитию социалистической культуры. Например, в Верхнеудинске издавалась газета «Вестник Советов Прибайкалья», освещавшая и популяризирующая постановления и решения Советской власти. Советы в крайне трудных условиях решали важные вопросы по социалистическому строительству, например, о введении 8-часового рабочего дня. В протоколе заседания Верхнеудинского исполнительного комитета общественных организаций говорится «ввести 8-часовой рабочий день во всех торговых и промышленных предприятиях города и всего Прибайкалья, обнимающего Селенгинский, Верхнеудинский, Троицкосавский и Баргузинский уезды. ... Сокращение часов труда ни в коей мере не может влиять на уменьшение заработной платы» [Борьба за власть Советов..., 1957, с. 31]. Контроль над исполнением был возложен на секцию по охране труда, что видно из переписки с правлением Онохойского лесопильного завода от 29 мая 1917 г.: «Согласно постановления Верхнеудинского Комитета общественных организаций, можете и должны производить уплату рабочим и служащим всех категорий, равно как и рабочим по сплаву из расчета 8-и часового рабочего дня с уплатой сверхурочных часов в полноторном размере» [ГАРБ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 23. Л. 18].

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов также национализировали крупные промышленные и другие частновладельческие предприятия с разрешения центральной власти, что видно из текста телеграммы из Москвы в Читу № 3422 от 24 мая 1918 г.: «Никакие реквизиции заводского имущества государственных национализированных секвестрированных заводов недопустимы и не могут быть произведены без разрешения центральной власти. Все уже реквизированное должно быть возвращено. Местные налоги с государственных национализированных секвестрированных заводов взыскивайте на этих заводах, а с тех центральных народных комиссаров, которым эти заводы подчинены. Окладные листы присылайте соответственным центральным комиссарам» [ГАРБ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 15. Л. 8].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Бурят-Монголии в чрезвычайно трудных условиях борьбы с внутренними и внешними врагами решали важные вопросы по социалистическому строительству и проводили мероприятия по развитию социалистической культуры, сыграв огромную роль в строении социалистического общества и оказали большое влияние на развитие Бурят-Монголии.

Литература

Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918 гг.): сб. документальных материалов. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1957.

История Бурятии. В 3-х томах. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

¹ Восточно-Сибирский округ.

**ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ЛЕГИОН НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(МАЙ 1918 – ФЕВРАЛЬ 1920 ГГ.)**

«Новый» этап гражданской войны связан с выступлением чехословацкого корпуса. Именно эти события оказали большое влияние на ход гражданской войны в регионе. В статье рассмотрено влияние чехословацкого выступления на ход гражданской войны в Забайкалье.

Ключевые слова: гражданская война; Россия; Забайкалье; Австро-Венгрия; Чехословацкий легион.

Minaeva Vera Yurievna
State Archives of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russian Federation

**CZECHOSLOVAK LEGION ON THE TERRITORY OF TRANSBAIKALIA IN CIVIL WAR YEARS
(MAY 1918 – FEBRUARY 1920)**

The "new" stage of the civil war is connected with warfare of the Czechoslovak Corps. These events had a great impact on the course of the civil war in the region. The author considers the influence of the Czechoslovak warfare on the course of the civil war in Transbaikalia.

Keywords: civil war; Russia; Transbaikalia; Austria-Hungary; Czechoslovak Legion.

В 1918 г. в России разгорелась гражданская война. Октябрьская революция, приведшая к власти большевиков во главе с Лениным, фактически расколола население России на два лагеря: сторонников социалистической революции и ее противников. Выступления против новой власти начались практически сразу же. Но антибольшевистские выступления носили очаговый характер, и большевикам удавалось с ними справляться. У противников большевиков оставался последний аргумент – Учредительное собрание. Противники советской власти сделали ставку на вооруженное свержение власти большевиков. Однако сил для этого им было недостаточно. Именно тогда их взоры обратились на вооруженные чехословацкие части.

Поворотным моментом, определявшим новый этап гражданской войны и формирование ее восточного фронта, стало выступление чехословацкого корпуса.

Чехословацкий корпус был сформирован в составе российской армии осенью 1917 г., в основном из пленных чехов и словаков, участвовавших в войне против Германии и Австро-Венгрии. В декабре 1917 г. была организована автономная Чехословацкая армия во Франции, и чехословацкий корпус в России получил указание о необходимости отправки во Францию. Это было возможно лишь через территорию России, где к тому моменту была установлена власть Советов, по Транссибирской магистрали до Владивостока и далее через Тихий океан в Европу. Взаимное недоверие красноармейцев и вооруженных чехословацких легионеров, слухи о том, что советские власти намерены разоружить и выдать чехословаков в качестве военнопленных Австро-Венгрии и Германии, привели к столкновению эшелонов с красноармейцами. Они захватили станции вдоль Транссиба, и с помощью других антибольшевистских сил советская власть за Уралом была свергнута.

Мятеж Чехословацкого корпуса в 1918 г. против советских органов власти на Сибирской железнодорожной магистрали, вне сомнения, явился контрреволюционным актом против советской власти. Но среди солдат и офицеров Чехословацкого корпуса имелось большое количество революционно настроенных элементов, которые дружелюбно относились к советской власти и решительно выступали против контрреволюционных действий своих офицеров.

С началом Первой мировой войны среди чехословаков оживились никогда не прекращавшиеся попытки добиться национальной независимости. Значительное их число, проживающее в пределах Российской империи, было готово с оружием в руках сражаться за свободу своей Родины.

Почин в создании воинских частей из представителей славянских народов Австро-Венгрии принадлежал «Чешскому национальному комитету» (ЧНК) – организации чехоколонистов в Российской империи. Уже 25 июля 1914 г., в день официального объявления войны, ЧНК принял обращение к императору Николаю II, в котором отмечалось, что «на русских чехов падает обязанность отдать свои силы на освобождение нашей родины и быть бок о бок с русскими братьями – богатырями...» 7 сентября во время аудиенции у царя чешская делегация вручила ему меморандум, в котором подчеркивалось, что «свободная и независимая корона Святого Вацлава скоро будет сиять в лучах короны Романовых...» Тем самым основатели будущего чехословацкого корпуса с начала войны активно подчеркивали свою готовность не только в борьбе с немцами в составе Российской империи, но и включению освобожденной Чехии в состав Российской империи [Салдугеев, 2005, с. 89].

Во время Первой мировой войны, когда Чехословакия являлась составной частью Австро-Венгрии, чехословацкие трудящиеся, ненавидя угнетения австрийских князей и баронов и не желая воевать на стороне Австро-Венгерского блока, большими отрядами переходили на сторону русской армии. В 1917 г. из чехословацких военнопленных был организован специальный чехословацкий корпус [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) Ф. П-20. Оп. 4. Д. 195. Л. 2].

Руководство чехословацкого корпуса играло значительную роль в планах британской разведки, разработанных задолго до мая 1918 г. «Военно-полицейская миссия», которую должен был выполнить чехословацкий корпус, означала не контроль над соблюдением порядка на улицах российских городов, а осуществление государственного переворота в интересах Великобритании [Емельянов, 2007, с. 223]. Чехословацкий корпус был не единственной организованной силой, участвовавшей в исполнении замыслов Лондона.

В августе 1914 г., в первый месяц мировой войны, началось формирование Чешской дружины в составе русской армии. Это подразделение формировалось из чехов и словаков, проживавших или работавших до войны на территории Российской империи. Штат дружины составлял 34 офицера (из них было 8 чехов) и 921 унтер-офицера и солдата. Первым командиром дружины был русский подполковник Лотоцкий. В конце октября 1914 г. дружина была отправлена на Юго-Западный фронт в состав 3-й армии, которой командовал болгарин, генерал Радко Димитриев.

С марта 1915 г. в дружину стали зачислять чехов и словаков из перебежчиков и пленных.

Командование Юго-Западного фронта высоко оценило чешскую дружину и рекомендовало развернуть ее в полк. Штат дружины был увеличен до 2 090 человек, а 27 декабря 1915 г. дружина была переименована в 1-й Чехословацкий стрелковый полк. Летом 1916 г. была создана Чехословацкая стрелковая бригада в составе двух полков, всего около 5 тысяч офицеров и нижних чинов, под командованием полковника Троянова. В наступлении русской армии в июле 1917 г. в Галиции Чехословацкая бригада прорвала фронт в районе Зборова, взяла в плен более 3 тысяч, потеряв до 200 убитыми и до 1000 ранеными. За этот успех командир был произведен в генерал-майоры.

Бригада была развернута в дивизию, а осенью 1917 г. был создан 1-й Чехословацкий корпус в составе 39 тысяч солдат и офицеров. Планировалось создание 2-го корпуса. Возможно, поэтому во многих источниках указывается, что «мятежных» чехословаков было 60, 70 или даже 80 тысяч. 20 августа 1918 г. филиал чехословацкого Национального совета объявил мобилизацию находившихся на территории России чехов и словаков. В сентябре – декабре 1918 г. в корпус вступило 18 440 чехов и словаков. 15 февраля 1919 г. в Красноярске была сформирована 3-я Чехословацкая дивизия, а общая численность корпуса достигла 50 997 солдат и офицеров. После большевистского переворота были и перешедшие из состава корпуса в Красную армию – всего 218 человек, т.е. 0,56 %. Самый известный пример – Ярослав Гашек, перешедший из легиона на службу к большевикам в 1918 г.

2-й корпус так и не был создан, поскольку грянул Октябрьский переворот. Большевики заключили сепаратный мир с Германией, и Чехословацкому корпусу пришлось отправиться через Сибирь во Владивосток, чтобы оттуда добраться до Европейского фронта, где чехословаки намеревались воевать за независимость своей родины от Австро-Венгерской империи.

Ещё в феврале советское правительство вело переговоры с руководством чехословацкого корпуса, в которых было решено помочь перевезти чехов и словаков во Францию. До сих пор неясно, кто внес предложение переправлять корпус через Сибирь, а далее морским путем в Западную Европу. Хотя очевидно, что любой путь в обездель центральных держав был не ближним, все же дороги через Каспий и Персию или через Скандинавию и Северное море, и даже через Баренцево море были бы короче. Однако именно о сибирском маршруте шла речь в соглашении между руководством корпуса и советскими властями, достигнутом 26 марта 1918 г. [Емельянов, 2007, с. 224].

Иностранные интервенты осуществляли план использования чехословацкого корпуса в борьбе с Советской Россией, обсуждение которого было начато ещё в апреле 1918 г. на специальном совещании во французском консульстве в Москве при участии полковника французского генерального штаба Корбейля, начальника французской военной миссии генерала Ловарнэ, начальника английской военной миссии генерала Локкарта и представителей русских белогвардейцев. Чехословаков соблазняли большими материальными выгодами: каждого рядового пытались подкупить высокой платой, а на нужды корпуса в целом обещали отпустить 15 000 000 рублей. Все расходы по финансированию чехословацкого корпуса, а равно и белогвардейских отрядов, брали на себя США, Англия и Франция.

В обращении, напечатанном в газете «Центросибирь», говорилось: «Теперь нам остается только одно: брать в руки винтовку и в этот действительно грозный час, когда может погибнуть наша свобода, защищаться до по-

следней капли крови, до последнего издыхания». В этот же период ЦИК Советов Сибири направлял свои усилия на упорядочение денежного обращения, продовольственного дела и снабжения [Курас, 1989, с. 19].

Одновременно советские представители на переговорах с чехословаками настаивали на том, чтобы из корпуса были удалены русские офицеры, занимавшие враждебную позицию к новой власти. Кроме того, чехи и словаки должны были ехать в поездах не как военнослужащие, а как частные лица. Советские власти также требовали разоружения корпуса, хотя и признали, что небольшое количество оружия для личной безопасности легионерам можно иметь. Хотя эшелоны с чехословаками уже двинулись по Транссибирской дороге, споры по поводу того, сколько оружия им иметь, продолжались.

Чехословацкий корпус был разделен на четыре группы: пензенская, челябинская, сибирская (она находилась в эшелонах на Транссибирской дороге от Кургана до Иркутска) и дальневосточная (уже прибывшая в район Владивостока). В корпусе упорно распространялись слухи, что чехов и словаков везут на каторгу в Сибирь. А так как 90 % солдат были крестьянами, не слишком хорошо разбиравшихся в российских делах, то этим слухам многие верили.

Представляет интерес оценка Л. Д. Троцким передвижения чехословацких частей по территории России в обращении Советской республики к чехословакам: «Солдаты чехословаки, рабочие и крестьяне! Вам обещали английскую, французскую, американскую и японскую помощь, но вас обманули. Английским и японским буржуям нужна ваша кровь, чтобы покорить себе русский трудящийся народ и выжимать из него золото. Русские белогвардейские офицеры прячутся за ваши спины и заставляют вас умирать за дело буржуазии. Вы видите теперь силу нашей Красной армии. Нами взята Казань, взят Симбирск, завтра падут Самара, Екатеринбург и другие города, временно захваченные буржуазией при помощи вашей крови. Вы погибнете все за интересы богачей, банкиров и королей. Вас обманывают. Протрите глаза: русские рабочие и крестьяне борются за свою свободу и власть против русской и иностранной буржуазии. Не становитесь на нашем пути!

Торжественно, перед лицом рабочего класса всех стран, объявляю вам: «Всякий чехословацкий солдат, который добровольно сдаст оружие, будет помилован и получит возможность жить в России наравне со всеми трудящимися гражданами Советской Республики. Солдаты чехословаки! Вспомните, что вы сами в большинстве – рабочие и крестьяне. Арестовывайте ваших контрреволюционных офицеров, объединяйтесь с рабочими и крестьянами Советской России, и в этом ваше спасение!» [Троцкий, 1923, с. 260]. Таким образом, Л. Д. Троцкий предлагал чехословацким частям сложить оружие и мирно жить на территории России.

Однако немало чехов и словаков, находившихся в России, осуждали действия командования и выражали солидарность с советским народом. Так, в газете Верхнеудинского Совета «Вестник Советов Прибайкалья» доктор Шемак писал: «Братья русские! Я чехословак, доктор, интернационалист, хочу открыть вам глаза на те события, которые развертываются перед вами, на те черные тучи, которые двигаются со стороны Никольска. Мои соотечественники, чехословаки, по своей алчности и несознательности, соблазненные 40-рублевой платой в день, подкупленные вашими капиталистами, задались целью задушить русскую революцию, занять Сибирь и втянуть русский народ в кровавую бойню с Германией, дабы этим дать возможность капиталистам всего мира душировать трудовой народ» [Борьба за власть Советов, 1957, с. 286–287]. На основании

представленного документа, можем предположить, что революционно настроенные солдаты, подобно доктору Шемаку, покидали корпус и вступили в ряды Красной гвардии и Красной Армии.

Поводом к мятежу чехословацкого корпуса послужили события на челябинском вокзале, которые произошли 14 мая 1918 г. Из отходившего со станции эшелона с австрийскими и венгерскими военнопленными в находившихся на станции солдат чехословацкого корпуса вылетел железный слиток, которым был ранен в голову чешский легионер. Разъяренные чехи, ненавидевшие Австро-Венгрию и особенно венгров, остановили эшелон и вытащили пленных из вагонов. Десять из них были избиты, а того, на которого было указано как на виновника инцидента, закололи штыками. Этому столкновению, в котором ни с той, ни с другой стороны не участвовало ни одного российского подданного, суждено было сыграть колоссальную роль в истории гражданской войны в России [Прайсман, 2012, с. 78].

Таким образом, части чехословацкого корпуса захватили 25–26 мая Мариинск и Новониколаевск, 27 – Челябинск, 29 – Пензу, 30 – Сызрань, 7 июня – Омск, 8 – Самару, 5 июля – Уфу. Отряды чехословаков, находившиеся во Владивостоке, 29 июня при содействии интервентов и местной буржуазии, меньшевиков и эсеров произвели в городе переворот и, захватив власть, арестовали членов Совета рабочих и солдатских депутатов.

Чехословацкий корпус двигался с запада на восток и от Владивостока к Хабаровску. Чехословаки, имея превосходство в вооружении и численности, быстро занимали один за другим города по линии Сибирской железной дороги. В начале июля 1918 г. после упорного боя ими был взят Нижнеудинск. Первая попытка захватить Иркутск потерпела неудачу. 26 мая на станции Иркутск были разоружены два чехословацких эшелона.

Иностранная интервенция приняла широкие размеры. Так возник в 1918 г. Восточный фронт. В Забайкалье вновь появились банды Семенова. В ночь с 14 на 15 июня в Иркутске вспыхнул белогвардейский мятеж. Центросибирь и военное командование приняли решение провести эвакуацию из Иркутска. 2 июля началась эвакуация важнейших учреждений из Иркутска в Верхнеудинск. В Иркутске, оставленном советскими войсками 11 июля, чехословаки и белогвардейцы творили дикую расправу, проводили массовые аресты и казни коммунистов и революционных рабочих [Магистраль у Байкала, 2004, с. 42]. В связи с захватом чехословаками значительной части Сибирской железнодорожной магистрали нормальная связь Восточной Сибири и Дальнего Востока с центром советской России в июне 1918 г. была прервана.

Отряды Красной гвардии и формировавшиеся при содействии пролетарских центров России части Красной Армии были достаточно сильны для подавления внутренних врагов и разгрома белогвардейцев, но в начавшейся борьбе с мятежным чехословацким корпусом, поддержанным войсками интервентов, сказались их малочисленность и отсутствие боевого опыта. Кроме того, Сибирь оказалась отрезанной от центральных районов России, снабжавших ее вооружением. Одновременное выступление чехословаков в ряде городов и крупных железнодорожных станций изолировало отряды Красной гвардии и затруднило мобилизацию призывных возрастов в ряды Красной Армии.

Обстановка в стране, в том числе в Восточной Сибири, крайне обострилась. Приближение чехословаков к Иркутску окрылило контрреволюционные элементы, начиная с меньшевиков и эсеров и заканчивая самими отъявленными монархистами. В Иркутске контрреволюционеры в ночь на 15 июня 1918 г. начали восстание, взяли тюрьму и освободили арестованных. Через несколько часов вос-

стание энергичными мерами партийных и советских организаций было подавлено. Попытки поднять мятежи были также в Чите и Верхнеудинске.

Трудная военная обстановка, сложившаяся в крае, оказала влияние на настроение среднего крестьянина, колебавшегося между революцией и контрреволюцией. Следует отметить, что среднее крестьянство здесь не знало помещичьей эксплуатации, так как в Сибири не было помещичьего землевладения, за исключением земель монастырей, дацанов и земель Кабинета на Алтае и в Забайкалье.

8 июля после сражения с белогвардейцами и чехословаками у реки Белой части Восточносибирской Красной Армии отступили на восток в район Кругобайкальской железной дороги для защиты подступов к Забайкалью. Центросибирь 10 июля 1918 г. была эвакуирована из Иркутска в Верхнеудинск [История Бурятской АССР, 1959, с. 74].

Воинские части чехословацких войск вступили в Иркутск 12 июля 1918 г. Появились местные газеты антибольшевистского толка: «Известия отряда чехословацких войск, действующих восточнее Омска» (позже «Известия Восточно-сибирского фронта»), «Дело» и др. 13 июля 1918 г. состоялся банкет в честь войск Сибирского Временного правительства и чехословацких отрядов, принесших городу освобождение от большевиков. 21 июля 1918 г. по инициативе жителей города на Тихвинской площади около Казанского собора состоялось всенародное празднование низложения советской власти. В августе 1918 г. на братской могиле Глазковского кладбища был установлен памятник чехословацким легионерам, уничтоженный в 30-х гг. XX в. В начале 1920 г. чешские эшелоны покинули Иркутск и в город вступили регулярные части Красной Армии [Календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области, 2012, с. 160]. Таким образом, взятие Иркутска чехословацким корпусом происходило несколько раз. За Иркутск шла ожесточенная борьба между большевиками и чехословацкими вооруженными частями.

После иркутских событий военные действия в перенесли в район Кругобайкальской железной дороги, где образовался Прибайкальский фронт, для укрепления которого была переброшена часть красногвардейских отрядов Забайкальского фронта под командованием волевого командира, бывшего казачьего офицера З. И. Метелицы. Главнокомандующим Прибайкальским фронтом в первые дни был П. Голиков, затем – Хлебников, позднее – Морозов – Сенотрусов, начальником штаба – М. Триллисер, позднее – З. Метелица, членами штаба – Ф. Лыткин и интернационалисты Швабергаузер и Д. Фрид.

После занятия Иркутска основные силы белогвардейцев и чехословаков двинулись не по железной дороге, а по Тункинскому тракту. Они вышли в районе Култука в тыл частям Прибайкальского фронта и вынудили их отойти к Слюдянке. В начале августа 1918 г. белогвардейцы и чехословаки высадили десант около станции Посольская и отрезали советские войска от тыла. В районе Мысовая – Посольская произошел бой, обе стороны понесли потери. Группа окруженных красногвардейцев численностью в 400 человек прорвалась в направлении к Верхнеудинску. Остальные ушли в леса Хамар-Дабана. Белогвардейцы и чехословаки при занятии Мысовой открыли артиллерийский огонь по ледоколу «Байкал», подожгли и потопили его. 20 августа чехословаки и белогвардейцы заняли Верхнеудинск. Советские учреждения эвакуировались в Читу, а 26 августа была оставлена войсками Чита.

5 января 1920 г. в Нижнеудинске Колчак подписал отречение, передав «верховную всероссийскую власть» Деникину, а на территории восточной окраины – атаману Семенову. По указанию командования иностранных интер-

вентов Колчак перешел под охрану чехословаков, рассчитывая добраться до Дальнего Востока. Поезд с Колчаком под охраной чехословаков двигался к Иркутску. За ним следовал другой поезд, где везли золото, платину, серебро и другие драгоценности, похищенные чехословаками в августе 1918 г. в Казани, куда в связи с наступлением немцев были перевезены все золотые запасы из Петрограда. Колчак часть золота, захваченного чехословаками и являвшегося достоянием народов России, передал интервентам в счет расчетов за полученное вооружение и военное снабжение, а остаток намеревался вывезти за границу.

О движении обоих поездов стало известно партийным организациям Иркутска и Черемхово, которые под угрозой прекращения снабжения паровозов углем, всеобщей забастовки по линии железной дороги и разрушения пути партизанскими отрядами предъявили требование о выдаче Колчака и государственного золотого запаса. Интервенты пошли на уступки. 15 января 1920 г. Колчак и председатель его Совета министров Пепеляев были выданы, а поезд с золотом поставлен в тупик на ст. Иркутск. Колчак и Пепеляев были посажены в Иркутскую тюрьму.

Особую оценку действий чехословацких вооруженных формирований давал в своих работах В. И. Ленин на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1919 г. говорил, что «чехословацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение советской России систематической политикой англо-французских империалистов» [Ленин, 1973, с. 1].

Документы архива подтверждают, что разбойничьи действия чехословацкого корпуса оплачивались. Так, например, если до выступления корпуса против советской власти солдатам платили по 5 рублей в месяц, то после выступления – 200 рублей, а офицерам по 40 рублей в день. Большое количество солдат и офицеров не поддались этим подачкам и решительно выступили против реакционной части офицерства [ГАРБ Ф. П-20. Оп. 4. Д. 195. Л. 206.]. Об острой борьбе революционно настроенной массы против реакционного офицерства внутри самого Чехословацкого корпуса свидетельствует воззвание чехословацкого доктора-интернационалиста Шемака к русским: «Братья русские! Я чехословак, доктор, интернационалист, хочу открыть Вам глаза на те события, которые развертываются перед Вами, на те черные тучи, которые двигаются со стороны Никольска. Мои соотечественники, чехословаки, по своей алчности и несознательности, соблазненные 40-рублевой оплатой в день, подкупленные Вашими капиталистами, задались целью задушить русскую революцию, занять Сибирь и втянуть русский народ в кровавую бойню с Германией, дабы этим дать возможность капиталистам всего мира задушить трудовой народ. Ваши бывшие офицеры, надев золотые погоны, с музыкой, играющей «Боже, царя храни», идут восстанавливать свои права, чтобы в будущем угнетать народ и получать деньги, ничего не де-

лая; им блеск своих погон и звон шпор дороже всего на свете. Я со своими товарищами чехословацкими интернационалистами не могу празднично смотреть на эту вопиющую несправедливость и поехал на фронт защищать русскую свободу и дрался до тех пор, пока не был ранен и эвакуирован. Здесь я тоже не хочу празднично смотреть на события и настоящим возмущением решил рассказать Вам о положении дела. Братья русские, если Вы будите празднично смотреть на беспричинные расстрелы рабочих и крестьян этой разбойничьей бандой, если Вы будите празднично смотреть на порабощение Вашей свободы, Вас закабалят, Вас заставят воевать с Германией и Вас заставят работать на помещиков, и опять застонет русский народ, опять польется святая невинная кровь трудящихся, опять польется кровавый пот на нивах помещиков. Братья русские, к оружию, на защиту свободы. Чехословак доктор-интернационалист Шемак» [ГАРБ Ф. П-20. Оп. 4. Д. 195. Л. 3–30б.]. Можно сказать, что Шемак был не одинок. Таких как он в чехословацком корпусе были тысячи.

Действия чехословацких войск вызвали возмущение и ответную реакцию, поэтому для проведения агитации и пропаганды среди частей чехословацкого корпуса было направлено 25 агитаторов, которыми в 1918 г. было проведено 105 специальных собраний с охватом 11 052 человека. В результате такой работы солдаты чехословацкого корпуса в конце 1918 г. стали отказываться воевать против Красной Армии, и командование корпуса вынуждено было отвести их в тыл [ГАРБ Ф. П-20. Оп. 4. Д. 195. Л. 3–30б.]

Чехословацкие солдаты, готовы были «воевать не на жизнь, а на смерть против ненавистной, гнилой Австрии». Приведем фрагмент из воспоминаний чешского легионера В. Каплицкого: «Из здания Совета пленных ввели на вокзал. Одним из последних шел седой солдат в австрийской гимнастерке, со свалившимися усами. Он выглядел больным и раненым: передвигался с большим трудом. Конвой, шедший сзади, постоянно его подгонял. Пленный то ли не мог, то ли не хотел идти быстрее. Что-то буркнул по-венгерски. – Мадьяр? – удивился конвоир, и длинный русский штук вонзился в спину пленному. Его острие вышло из груди венгра». В. Каплицкий писал, что чехословацкие добровольцы «относились к большевикам с презрением, однако ненависти, которую они испытывали по отношению в венграм, немцам и особенно к чехам, не было» [Валиахметов, 2013, с. 33]. Данный случай не был единичным.

По нашему мнению, чехословацкий корпус в России весной 1918 г. стал жертвой сложившихся обстоятельств и был втянут в военные действия против советской власти благодаря политическим интригам руководства Антанты и большевистского правительства. Все вышесказанное позволяет нам рассматривать данный факт, скорее, не как политическое, а как национально-политическое движение и считать, что выступление чехословацкого корпуса стало поворотным моментом, определявшим новый этап гражданской войны в формировании Восточного фронта.

Литература

- Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918 гг.): сб. документальных материалов / ред. П. Т. Хаптаев. Улан-Удэ : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1957. 301 с.
- Емельянов Ю. Мифы о чехословацком мятеже // Наш современник. 2007. № 9. С. 220–232.
- История Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1959. Т. 2. 643 с.
- Календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2014 г. Иркутск, 2013. С. 160–161.
- Курас Л. В. Мятеж белочехов (Прибайкалье в первые годы гражданской войны и иностранной военной интервенции) // Политический собеседник. 1989. № 5. С. 19–20.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1973. Т. 30. 783 с.
- Магистраль у Байкала / Ю. В. Астраханцев [и др.]. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. 308 с.
- Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103.
- Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 1, № 2. С. 88–98.
- Троцкий Л. Д. Как вооружалась Революция. М., 1923. Т. 1. С. 199–200.

БОРЬБА С ТУБЕРКУЛЕЗОМ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1920-Е – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)¹

Статья посвящена борьбе с туберкулезом в Бурят-Монгольской АССР в период становления и развития в республике современной системы здравоохранения и в рамках кампании против социальных болезней. Рассмотрена деятельность туберкулезных отрядов, противотуберкулезных диспансеров, научно-исследовательских экспедиций по изучению этого заболевания в городах и аймаках БМАССР. Выделена роль Наркомздрава РСФСР и центральных органов власти в организации противотуберкулезных мероприятий в молодой национальной автономии.

Ключевые слова: туберкулез; заболеваемость; смертность; туберкулезные отряды; противотуберкулезные учреждения; экспедиции.

Bashkuev Vsevolod Yurievich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

THE FIGHT AGAINST TUBERCULOSIS AT THE FORMATIVE STAGE OF HEALTHCARE IN BURYAT-MONGOLIA (1920S – EARLY 1930S)

This paper reflects upon the fight against tuberculosis at the formative stage of modern healthcare in the Buryat-Mongolian ASSR and within the frameworks of a campaign against social diseases. It describes the activity of tuberculosis detachments, medical establishments and research expeditions to study and fight tuberculosis in towns and districts of Buryat-Mongolia. The paper highlights the role of the People's Commissariat of Health of the RSFSR and other central authorities in the organization of anti-tuberculosis measures in the newly established Buryat autonomy.

Keywords: tuberculosis; prevalence; mortality; tuberculosis detachments; tuberculosis clinics; expeditions.

Туберкулез был серьезной проблемой здоровья бурятского народа, которую предстояло решить советской власти. Вопрос о его распространенности в республике, особенно среди автохтонов, стал подниматься вскоре после образования Бурят-Монгольской АССР. В начале 1927 г. наркомат здравоохранения БМАССР направил в Аларский аймак обследовательский отряд главного врача Верхнеудинского противотуберкулезного диспансера Г. А. Нагибина. В его задачи входило выяснение масштабов заболеваемости туберкулезом и сифилисом. В число обследованных попало 14,8 % русских, проживавших в бурятских улусах, однако основной целевой группой врачей были буряты [Нагибин, 1928, с. 80–81].

Отряд обследовал 3257 (85,2 %) бурят и 566 (14,8 %) русских. У бурят обследованию подверглось 1016 мужчин, 940 женщин, 646 мальчиков и 655 девочек. Было обследовано 148 русских мужчин и 161 женщина, 126 мальчиков и 131 девочка. У бурят туберкулез был обнаружен у 1149 чел. (35,2 %), сифилис – у 213 чел. (6,8 %). У 566 русских туберкулез был обнаружен в 219 случаях (38,7 %), сифилис – в 50 случаях (8,8 %). Г.А. Нагибин отмечал, что в число русских вошли «ясашные», т.е. русско-бурятские метисы, в бытовом отношении принципиально не отличавшиеся от бурят. Он обращал внимание на тяжелые жилищно-бытовые условия обследованных русских и «ясашных», среди которых было много батраков [Нагибин, 1928, с. 80–81].

Материалы отряда Г. А. Нагибина показали, что более трети обследованных аларских бурят страдали явными формами туберкулеза. Эти данные не отражали полной картины заболеваемости, так как начальные формы болезни диагностируются с трудом и требуют специальных рентгенологических и серологических исследований. Туберкулезом страдали в основном женщины.

Распространенность туберкулеза среди детей была еще выше. По этому поводу Г. А. Нагибин писал: «Если

мы средний процент туберкулеза, показанный в национальном разрезе, расшифруем, то увидим, что туберкулеза с явными проявлениями у детей будет 51,8 % (бур.) и 63,4 % (рус.), что должно каждого врача и просто гражданина, интересующегося судьбой малых народностей, поразить до крайней степени. Статистика больших промышленных районов должна поблещать в сравнении с приведенными цифрами...» [Нагибин, 1928, с. 82]. Врач отметил, что у русских детей туберкулезная интоксикация была выражена в большей степени. Это объяснялось более тяжелыми бытовыми условиями и худшим питанием, однако устойчивость к туберкулезу у них была выше, чем у бурятских детей. По мнению Нагибина, фактором распространения инфекции были антисанитарные условия: «Жилое помещение заплываается как своими, так и приходящими по делу и без дела соседями, не расстающимися с трубками» [Нагибин, 1928, с. 82].

Масштабы туберкулеза в Верхнеудинске демонстрирует исследование доктора А. К. Оборина. В качестве статистического материала он использовал данные ЗАГСа, основанные на врачебных справках о причине смерти. Оборин отметил возрастание смертности от туберкулеза к 1926 г. и стабилизацию к 1927 г. Причины роста заболеваемости он определил гипотетически, выделяя разруху и голод гражданской войны, и наплыв в городские медицинские учреждения хронических больных со всей республики, которые, умирая в городе, пополняли статистику смертности от туберкулеза [Оборин, 1929, с. 95].

Проблема туберкулеза в Верхнеудинске имела следующие тенденции: рост заболеваемости происходил за счет туберкулеза легких; смертность была выше среди мужчин; наиболее высокий уровень смертности наблюдался в возрастной группе от 20 до 40 лет, наиболее высокая смертность от болезней органов дыхания при-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630.

ходила на февраль и март. По сравнению с Иркутском (19,9 на 10,000 в 1925 г. и 16,7 на 10,000 в 1926 г.) и Бийском (17,7 на 10,000 и 20,0 на 10,000) смертность от туберкулеза в Верхнеудинске оказалась выше (25,2 на 10,000 и 30,9 на 10,000 в 1925 и 1926 гг. соответственно) [Оборин, 1929, с. 98].

Бурнаркомздрав вел борьбу с туберкулезом при- близительно по той же схеме, что и с венерическими болезнями. В республике организовывались специализированные противотуберкулезные учреждения, отряды и экспедиции. Велась санитарно-просветительная работа с населением и противотуберкулезная пропаганда в печати. Одним из крупных достижений стало открытие в 1925 г. Верхнеудинского противотуберкулезного диспансера. По состоянию на октябрь 1926 г. в его штат входили два врача (включая заведующего), три медицинские сестры и один санитар. В том же году нарком А. Т. Трубочеев ходатайствовал перед туберкулезной секцией Наркомздрава РСФСР об увеличении штатов диспансера. Медучреждению требовались детский врач, сестра-обследовательница, санитар и переводчик [Батоев, 2009, с. 127].

Основными проблемами организации борьбы с социальными болезнями в Бурят-Монгольской АССР оставались дефицит и текучесть врачебных кадров. Второй проблемой была загрузка специализированных медучреждений в сельских районах амбулаторными больными, не относившимися к профильным специальностям. Решение этой проблемы правительство видело в отделении венерологических и туберкулезных пунктов от врачебных амбулаторий и их укомплектование вторыми врачами [Отчет правительства БМАССР, 1930, с. 82–83].

Наркомат здравоохранения РСФСР и другие ведомства оказывали Бурят-Монгольской республике посильную помощь в борьбе с туберкулезом. В 1929 г. Деткомиссия ВЦИК и Сектор охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава РСФСР организовали экспедицию в Агинский аймак БМАССР под руководством доктора Е. Е. Гранат. Одной из ее важнейших задач было изучение конституции детей и их заболеваемости разными формами туберкулеза. Две экспедиции направил Центральный государственный туберкулезный институт (ЦГТИ). Первая, под руководством С. Е. Невзлина, работала в 1929 г. в Тункинском аймаке; вторая, под руководством М. А. Клебанова – в Аларском аймаке

в 1930 г. В 1933 г. в порядке шефства Моссовета над Бурят-Монгольской АССР и на средства Мосгорздра- воддела в республику была направлена научно-исследо- вательская экспедиция по изучению туберкулеза под ру- ководством приват-доцента И. Б. Бейлина. Она работала в Селенгинском аймаке и Верхнеудинске.

Научно-исследовательские туберкулезные экспеди- ции были нацелены на оказание действенной помощи Бурят-Монгольской АССР в деле снижения заболева- емости и смертности от туберкулеза. Они работали по нескольким направлениям, включая выявление эпиде- миологии и особенностей клинического течения разных форм туберкулеза, изучение возможности применения и внедрения в практику некоторых методов лечения, например, искусственного пневмоторакса, а также про- филактической вакцинации, исследование социально- гигиенических условий и общего санитарно-гигиени- ческого фона для установления социально-патологи- ческих особенностей туберкулеза в Бурят-Монголии. В задачи экспедиций входили санитарно-просветительная работа по вопросам туберкулеза и создание кадрового ядра для противотуберкулезной помощи путем органи- зации семинара по дифференциальной диагностике и терапии туберкулеза для медицинских работников раз- ных специальностей и категорий. Специалисты из Мо- сквы оказывали консультации в деле организации сети противотуберкулезных учреждений и постановки в них лечебного и профилактического дела. Одной из их задач являлось установление постоянной связи с ЦГТИ и ту- беркулезной организацией г. Москва для взаимного об- мена информацией, консультаций по поводу отдельных вопросов и даже отдельных больных. Важным аспектом туберкулезных экспедиций была научная разработка и публикация материалов, собранных во время полевой работы, а также полученных от местных медицинских работников [Броннер, 1936, с. 375–376].

В целом, в процессах строительства здравоохране- ния в БМАССР и улучшения здоровья, быта и условий жизни бурят формировалась долгосрочная повестка со- циалистического развития региона, включавшая созда- ние бурят новой социалистической генерации, а также разрабатывались и апробировались стратегии, методы и практики оздоровления и социокультурной трансфор- мации кочевых монгольских народов, сразу же переносимые в соседние Монгольскую и Тувинскую Народные Республики.

Литература

- Батоев Д. Б., Демкова Н. П., Батоев С. Д. Первый нарком Андрей Тимофеевич Трубочеев в истории здравоохранения Буря- тии. Улан-Удэ: Изд-во РЦМП, 2009. 342 с.
- Броннер В. М., Бейлин И. П. Научно-исследовательские работы в области здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 368–387.
- Нагибин Г. А. Туберкулез и сифилис среди бурят и русских Аларского аймака // Жизнь Бурятии. 1927. № 11–12. С. 80–87.
- Оборин А.К. Смертность от туберкулеза в г. В.-Удинске за 1922–1927 гг. // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 94–98.
- Отчет правительства Бурято-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики 1928–1930 гг. Издание ЦИК и СНК БМАССР. М.: Типография ВЦИК, 1930. 96 с.

ВНЕДРЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1930-Е ГГ.¹

Предметом исследования данной статьи являются аспекты идеологизации Бурятии в первой половине 1930-х гг., которые позволяют понять, что при общесоветской динамике социокультурного развития существовали и специфические черты, присущие региону. Советская власть учитывала особенности бурятского региона, что проявилось разработанной в 1930-х гг. Б. Барадиным латинизированной бурятской письменности, появлении специфических культурных учреждений (красные юрты) и т.д.

Ключевые слова: советская идеология; институт шефства; детские организации; культурные походы; буддизм; шаманизм.

Khomyakov Sergey Vasilievich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

INTRODUCTION OF SOVIET IDEOLOGY IN BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN 1930S

The paper deals with the aspects of ideologization of Buryatia in the first half of 1930s. In conditions of general Soviet socio-cultural development the region had its features. Soviet power took into account the peculiarities of Buryatia. It could be revealed in Romanized Buryat writing, developed in 1930s by B. Baradin, in specific cultural institutions (red yurts), etc.

Keywords: Soviet ideology; institute of patronage; children's organizations; cultural trips; Buddhism; Shamanism.

Внедрение элементов советской идеологии в БМАССР выражалось, прежде всего, в общественном контроле, который затрагивал практически все возрастные и профессиональные социальные группы. Публичная критика недостатков в работе, представленная широкому кругу читателей (например, в газете «Бурят-Монгольская правда»), часто носила конструктивный характер и, безусловно, способствовала улучшению работы учреждений и сотрудников. Учитывая вполне возможное наказание за плохо выполненную работу, советские граждане руководствовались формирующимися представлениями о социально одобряемом поведении – коммунистической нравственности, в основе которой лежал принцип служения идее построения социализма и коммунизма. Наряду с патриотизмом и готовностью погибнуть за завоевания революции, добросовестный труд на благо советской Родины (несмотря на тяжелые условия труда) был компонентом морального облика советского человека, хотя свод принципов коммунистической морали был принят значительно позже, на XXII съезде КПСС в 1961 г.

Дети в БМАССР, как и во всем СССР, были октябрятами, затем переходили в пионерскую организацию, молодежь жила в тесном взаимодействии с комсомолом, а затем и партийными органами. Рабочие и служащие были объединены в общую сеть профсоюзов. Вся деятельность этих общественных институтов была направлена и на то, что уже к концу 1930-х гг. рабочие бурятских предприятий на собраниях (в том числе, посвященных печально знаменитым московским процессам против «троцкистского объединенного центра») в резолюциях уже упоминали термин «советский народ», причисляя себя к нему: «Стеклозавод. Не хватает слов, чтобы передать чувство всего негодования, которым переполнены сердца рабочих Улан-Удэнского стекольного завода, когда они узнали о троцкистско-контрреволюционном «параллельном центре». Товарищ Стаканов: «Фашист-

ские выродки, которые хотят восстановить власть помещиков и капиталистов, должны быть стерты с лица земли. Мы требуем уничтожить всех до одного, кто поднял руку против советского народа»» [Бурят-Монгольская правда, 1937, 25 янв., с. 4]. Отметим, что к 1937 г. в массовом сознании населения Бурятии уже вырабатывалась идея о причислении себя к единой советской нации.

Вовлечение человека в ряды пионерии, комсомола и профсоюзов носило фундаментальное значение для государственной идеологии и вырабатывало у человека чувство коллективной ответственности (и сознания), подчинения строгой дисциплине, но в то же время требовало и постоянного проявления инициативы, активности, участия в жизни других людей. Нарушение же дисциплины вело к значительным последствиям для провинившегося, могло сильно повлиять на дальнейшую жизнь: «Тов. Дондубон (Нарком по просвещению). Установлен факт дезертирства с работы с Верхнеудинской школы 10-летки Т. Г. Буяева. Это недостойный для советского учителя поступок. Рекомендовано не принимать на работу в школы республики, без разрешения НКП, привлечь Т. Г. Буяева, к ответственности по комсомольской и профсоюзной линиям. Направить телеграмму в Иркутский пединститут, куда поступил Буяев, с требованием немедленного исключения из числа студентов» [Бурят-Монгольская правда, 1934, 1 мая, с. 3].

Кроме строгого контроля, которым отличались советские общественные организации, их общая деятельность (что особенно касается пионерии и комсомола) оказала существенное благоприятное влияние на формирование морального облика, прочного социального статуса, твердой жизненной позиции советских людей, что являлось одним из базовых элементов воспитания «нового» человека. Это находило свое отражение еще в детстве, когда к пионерам предъявлялись строгие требования по части дисциплины и хорошей успеваемости. Об этом можно судить по речи В. В. Золотухина, пред-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

седателя Центрального бюро пионерии, приуроченной к празднованию 17-й Международной детской недели в октябре 1934 г.: «Нам необходимо провести работу за лучшую успеваемость в учебе, отряде, звене. Не должно быть ни одного пионера, отстающего в учебе, никаких опозданий на уроки, никакого отсева» [Бурят-Монгольская правда, 1934, 3 окт., с. 4]. Значение пионерского движения для советской системы образования, по праву считавшейся одной из лучших в мире, было значительно.

В сельских районах БМАССР шли аналогичные городским процессы идеологического воздействия. Это проявлялось в подчеркнутом освещении положительных аспектов жизни людей (строительство культурных объектов, рост уровня грамотности и др.). Недостатки и недоработки списывались только на несознательность отдельных элементов. Шла широкая пропаганда достижения колхозниками зажиточной и культурной жизни, которой они никогда бы не достигли при прежних условиях: «с. Мухоршибирь. В колхозе имени Ленина Цаган-Челутайского сельсовета построен образцовый культурный стан. Есть специальные дома под кухню и столовую, дома для женщин и мужчин, есть красный уголок, украшенный лозунгами и плакатами» [Там же, 1935, 4 мая, с. 3]. Отмечаются сходные успехи на западе республики: «Колхоз Улан-Торы, Тункинского аймака. Культурная работа развивается. Построено 3 бани и 2 красных уголка, как и многое другое» [Там же]. Особенностью культурной революции в Бурятии в данном случае становится появление во многих аймаках (районах) красных юрт – аналогов изб-читален для степной местности. Традиционный для кочевника контур юрты, внутреннее расположение предметов в ней создавали привычные и комфортные условия для проведения курсов ликвидации неграмотности, читок газет, постановок спектаклей.

По материалам фольклорной экспедиции Л. Гомбина в Еравнинский аймак в 1934 г., отметим, что население сельских районов Бурятии становится все более лояльным к советскому строю: «...современные песни характеризуются большой политической злободневностью. Бытуют песни антирелигиозные, антикулацкие. Таким образом, песенный репертуар в основном революционный. Долго я бился над тем, чтобы добиться контрреволюционных песен, и в итоге мое мнение относительно того, что местное население их скрывает, изменилось. Их не оказалось» [Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 518. Л. 4]. Эта же экспедиция отметила благоприятные культурные сдвиги в Эгитуйском сомоне: «имеются прекрасно оборудованные школы. Дети поголовно учатся. Избычитальни построены образцово» [ЦВРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 518. Л. 3]. Он же отмечает светский характер образовательной системы и будничной жизни в сомоне: «Религиозность населения сильно понизилась. В квартирах колхозников почти не встречается бурханов» [Там же. Л. 4]. В оппозицию цитата стоит отметить, что хотя в Бурятии (особенно в 1920-е гг.) были отдельные случаи публичного отречения шаманов и лам от своей деятельности, но в отличие от православия и других религий, с которыми велась планомерная борьба в СССР, шаманизм и буддизм практически не утратили своих позиций в мировоззрении бурят даже в период 1930-х гг. Это объяснялось удаленностью районов, где они преобладали, а также (в случае с шаманизмом) более древними традициями почитания в народе. Что же касается буддизма, то по мнению Н. В. Цыремпилова: «буряты видели в буд-

дизме самый мощный стержень, вокруг которого они могли мобилизовать свою этническую идентичность» [Цыремпилов, 2013, с. 115].

Новым направлением в идеологической и культурной работе с сельским населением для комсомольцев становится организация и проведение двух-трехмесячных культурных походов в те регионы Бурятии, которые еще не были охвачены сетью изб-читален, красных юрт и ликпунктов, либо охвачены были в недостаточной степени, где ощущался острый недостаток просвещенческих кадров: «с 10 июня по 1 августа 1929 г. ВЛКСМ объявил культурный поход в восточные бурятские улусы, под лозунгами ликвидации неграмотности, развития политграмотности, антиламской пропаганды. Кадры для культпохода формируются из учащихся педтехникума, советской партийной школы. Задача, которая перед ними стоит: обучить 1500 неграмотных, усиленно работать над улучшением быта улуса. К концу похода должны быть организованы конкурсы на лучшего ликвидатора и комсомольскую ячейку по массовой работе» [Бурят-Монгольская правда, 1929, 15 марта, с. 3].

Стоит сказать, что подобные культурные походы оказались эффективными и в достаточной степени помогли плану достижения сплошной грамотности населения республики, что отмечалось республиканскими властями в отчетах о деятельности в сфере просвещения по итогам первой пятилетки в 1932 г. Специфичной чертой Бурятии здесь является то, что ликвидация неграмотности населения, во время культурных походов осуществлялась, в том числе, на основе старомонгольской письменности и нового латинизированного бурятского алфавита, введенного в БМАССР в 1930 г. Учитывая, что уже в 1939 г. алфавит был переделан на основу кириллицы, это создавало дополнительные трудности в освоении грамотности, что выражалось в частом переучивании.

В 1930-е гг. продолжается и выходит на новый уровень институт шефства, который в данном случае выражался в помощи более образованных и политически грамотных, сознательных коллективов предприятий столицы населению деревень и улусов. В шефскую работу начинает включаться студенчество, которое нередко проводило как долгосрочные культурные походы в отдаленные места республики, так и краткосрочные – в более близкие районы: «Молодежь Бурятского педтехникума с успехом провела работу в подшефных улусах по ликвидации неграмотности. В Нижне-Иволгинском сомоне по плану обучились грамоте 58 человек» [Там же, 1930, 21 мая, с. 3]. Особенностью шефства города над селом в Бурятии стала усиленная борьба со старообрядческой религией, поскольку села, где проживали «семейские», располагались в непосредственной близости от г. Верхнеудинск и проводить там выездные собрания было легко.

Поскольку в советском государстве многие элементы жизнедеятельности общества и организации носили иерархичный характер (пионерия шефствовала над октябрятами, комсомол над пионерами, коммунистическая партия над комсомолом), шефская иерархия и взаимопомощь расширялись географически и охватывали всю страну. Город Верхнеудинск помогал в культурном развитии сельской местности республики, а самому городу (и Бурятии) пришла помощь от Ленинграда: «Шефство над Бурят-Монголией принимают ленинградские рабочие фабрики “Скорород”. В Верхнеудинск выезжает делегация скороходцев для подписания

договора, в работе в целом будут принимать участие 105 человек. Одним из направлений сотрудничества между БМАССР и ленинградской фабрикой стало откомандирование в Ленинград работников: «Мобилизуем 50 лучших колхозников на постоянную работу на фабрике “Скороход” – выполним заключенный договор» [Бурят-Монгольская правда, 1930, 6 июня, с. 3]. Кроме этого, очевидным плюсом шефства фабрики для республики становится помощь в проведении коллективизации и культурной революции: «Рабочие фабрики “Скороход” посылают в Бурятию трактор и кинопередвижки» [Бурят-Монгольская правда, 1930, 29 янв., с. 1].

Внимание власти было уделено и общественно-политическому воспитанию детей и молодежи, общий контекст которого был сведен к мысли о том, что оно не должно закачиваться в стенах школ: «Система общественно-политического воспитания детей должна у нас делиться на 2 части:

1. общественно-политическое воспитание, проводимое методами школьной работы (классные часы, внеурочные мероприятия);

2. общественно-политическое воспитание, проводимое методами внешкольной работы (лекции, экскурсии, читки, вечера самодеятельности, выходы в кинотеатры и т.д.)» [Там же, 31 июля, с. 5].

На классные часы можно было приглашать передовиков производства, которые рассказывали о своей трудовой деятельности, культурных работников, которые могли агитировать детей посещать избы-читальни, библиотеки, записываться во всевозможные кружки. Классный руководитель проводил беседы, направленные на укрепление политграмоты детей. На внеурочных мероприятиях дети сами читали доклады о внешнеполитическом положении СССР, растущей фашистской

угрозе, японской агрессии и т.д. Внешкольное общественно-политическое воспитание в республике было еще более разнообразное. Это уже охарактеризованное включение детей в антирелигиозную деятельность, митинги, походы совместно с учителями. Кроме того, внеклассная работа включала посещение лекций в Центральной библиотеке, экскурсии на заводы и другие предприятия, коллективный просмотр кинофильмов о подвигах революционеров в 1905 г., о революции 1917 г., о героизме РККА в период гражданской войны и интервенции американских и японских солдат. Такой комплекс деятельности при правильной и систематической ее постановке способствовал формированию советского типа личности.

В качестве вывода можно отметить, что культурное строительство в Бурятии в первой половине 1930-х гг. имело не только те черты, которые были присущи общесоветским тенденциям становления гомогенного общества: коллективная ответственность в учреждениях и дисциплина в детских и подростковых организациях, общественно-политическая работа с детьми и взрослыми, развитие института шефства (как на уровне государство – республика, так и город – район), практические меры, направленные на повышение культурного уровня сельских районов республики и их отхода от религиозного мировоззрения. Советская власть, продвигая идею о создании гомогенного общества, не могла не учитывать и особенности бурятского региона, что проявилось в разработанной 1930-х гг. Б. Барадиным латинизированной бурятской письменности, появлении специфичных культурных учреждений (красные юрты), достаточно устойчивого положения бурятских религии – шаманизма и буддизма.

Литература

Цыремпиллов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 196 с.

ОРГАНЫ ВЛАСТИ БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 ГГ.)

Отражены вопросы деятельности государственных и хозяйственных органов власти в период Великой Отечественной войны. Во многом благодаря их настойчивой и самоотверженной работе осуществлялась огромная помощь тыла фронту. В условиях мобилизации значительных материальных и кадровых ресурсов в основных отраслях народного хозяйства республики без существенных капитальных вложений и расширения основных фондов возросли основные производственные показатели.

Ключевые слова: органы власти; мобилизация; перестройка народного хозяйства.

Protasov Evgeniy Tarasovich
 Buryat State Agricultural Academy
 named after V. R. Filippov
 Ulan-Ude, Russian Federation

AUTHORITIES OF BURYATIA IN WARTIME (1941–1945)

The paper is devoted to activity of state and economic power structures during the Great Patriotic War. Mostly due to their persistent and dedicated work colossal help to the front has been organizing. In terms of mobilization of considerable material and human resources in key sectors of the national economy main operational indicators were increased without significant investments and expansion of main funds.

Keywords: authority; mobilization; restructuring of the economy.

В период военного времени наряду с обычными конституционными органами были образованы временные чрезвычайные органы управления. 23 июня 1941 г. была создана Ставка верховного главнокомандования. 30 июня был учрежден Государственный комитет обороны СССР (далее – ГКО) совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР [КПСС в резолюциях..., 1988, т. 6, с. 20], в котором отмечалось: «В руках ГКО сосредоточится вся полнота власти в государстве. Все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного комитета обороны». Он возглавлял все государственное, военное и хозяйственное руководство в стране, его компетенции были чрезвычайно обширны. ГКО назначал и смещал высшее военное командование, занимался подготовкой резервов для действующей армии, решал все военно-стратегические вопросы. Налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжение населения и армии, занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по производственным объектам, обеспечивал государственную безопасность страны [Коржихина, 1974, с. 169]. Был также создан Совет по эвакуации, в котором образовано управление по эвакуации населения, а также Комитет по учету и распределению рабочей силы, Главное управление материальных ресурсов, Комитет по разгрузке транзитных грузов. Несмотря на то, что общего плана эвакуации не было, она носила организованный и планомерный характер [Кузнецов, 1974, с. 87]. Наркоматы и другие центральные ведомства и организации исполнительной власти перешли на военный режим работы. Их решения, задания также подлежали неукоснительному выполнению [Вознесенский, 1948, с. 34].

Государственные и партийные органы Бурятии развернули огромную и целенаправленную работу. В первые же дни войны обком партии, Совет министров, Президиум Верховного Совета, органы военного управления на основании директив и решений центральных

органов власти определили главные направления и конкретные задачи коллективов предприятий, учреждений и организаций по коренной перестройке работы тыла. Усилившимися полномочиями стали обладать партийные органы, Советы различных уровней. Как подчеркивал председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин война не только затруднила деятельность местных Советов, но и поставила перед ними ряд новых задач [Калинин, 1975, с. 282–283]. Региональные, городские, районные органы власти приблизили свою работу к производству, повысили ответственность партийных организаций, трудовых коллективов за выполнение плана и состояние хозяйственной деятельности [Федоров, 2006, с. 105]. В целях обеспечения оперативного и конкретного руководства отраслями народного хозяйства в партийных комитетах создавались отраслевые отделы во главе с секретарями обкома. В обкоме были организованы новые отделы: военный, лесной, рыбной, местной промышленности, транспорта, торговли, животноводства, каждый из которых возглавлял секретарь обкома партии [Очерки истории Бурятской организации..., с. 362]. Был расширен и укреплен кадрами институт парторгов ЦК ВКП(б), а также парторгов обкома на важнейших предприятиях оборонного значения. Так, в республике они действовали на паровозогазном, авиационном, судостроительном, стекольном заводах, а также мясоконсервном и Джидинском вольфрамовом комбинатах. В повестках дня заседаний органов власти стали преобладать вопросы перестройки производства, освоения оборонной продукции, усиления оборонно-массовой работы, мобилизации трудящихся на досрочное выполнение производственных заданий.

Активно переводилась на военную специфику работа отраслей промышленности. Важной задачей при перестроении предприятий региональной промышленности было бесперебойное обеспечение топливом. С учетом оккупации врагом Донецкого и подмосковного бассейнов страна теряла 63 % угледобычи. Организация работы Гусиноозерских шахт для оборонных потребностей происходила в крайне трудных условиях. Мобили-

зация проходчиков в армию и сокращение механизации угледобычи привели к заметному снижению производительности труда и объемов производства. Не в полной мере использовалась часть оборудования из-за нехватки соответствующих специалистов, а также недостаточной квалификации работников. Бюро обкома партии 25 сентября 1941 г. приняло развернутое постановление [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3778. Л. 84–85, 87–89] по значительному увеличению ежемесячной добычи до 18 тыс. тонн угля, ускорению строительства производственных объектов, обеспечению и пуску новых врубных машин, конвейеров, электрооборудования, направлению специалистов и представителей рабочих профессий, организации геологоразведочной партии для изыскательских работ, улучшению организации и условий труда. Также было обращено особое внимание на обязательное выполнение задания первого заместителя председателя Совнаркома СССР Л. П. Берии по сдаче железнодорожной ветки до трассы Улан-Удэ – Наушки к 15 ноября 1941 г. [Там же. Л. 86].

Огромный патриотический подъем людей позволил республиканской власти в сжатые сроки практически решить военно-мобилизационные задачи. В военкоматы, райкомы партии и райисполкомы, сельсоветы, комитеты ВЛКСМ, редакции газет поступали тысячи заявлений от добровольцев, причем многие из них коллективные [Такм же. Д. 232. Л. 279]. Целенаправленная работа в Бурятии проводилась по массовой мобилизации военнообязанных различных возрастов и призывников 1922–1923 годов рождения, объявленной 10 августа 1941 г. Более 80 % призываемых являлись сельскими жителями, крестьянами. Плечом к плечу на защиту страны поднялись представители всех наций и народностей. Свыше 80 дивизий были сформированы в национальных республиках. В одном ряду со всеми мужественно сражались более 120 тысяч призванных из Бурят-Монголии, непосредственно в боевых действиях участвовало более 93 тысяч человек, из них не вернулось 34,2 тыс. человек, а также 6,5 тыс. военнослужащих стали инвалидами войны [Книга памяти, 2005, с. 18]. Так, шесть братьев Полоновых ушли на фронт, двое погибли, а в семье Бояновых из четырех участников войны сложили свои головы трое [Там же, с. 55].

В ноябре 1941 г. обком партии направил на руководящую партийно-политическую работу в действующую армию большую группу ответработников, в числе которых были нарком пищевой промышленности М. Г. Тюков, первый секретарь обкома ВЛКСМ В. А. Сахьянов, секретари райкомов партии, прокурор города Улан-Удэ А. Г. Хмелев, начальник политотдела милиции БМАССР А. Н. Иволгин, начальник спецчасти Управления связи Я. В. Карпов, начальник Бурстройтреста В. Б. Носкин, парторг Селенгинского пароходства И. Е. Фомин и др. [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3780. Л. 101–102]. Следует отметить, что мобилизация проходила на высоком патриотическом уровне. Секретарь обкома партии того периода Б. С. Санжиев отмечал, что по решению ЦК ВКП(б) были также отправлены на фронт на руководящую политработу слушатели ленинских курсов, бывший второй секретарь обкома партии Д. Ц. Цыремпилов, слушатели ленинских курсов ВПШ при ЦК партии от Бурят-Монголии М. С. Багадаев, А. В. Башинов, Ч. Д. Доржиев, Б. Н. Новолоцкий, Ж. Д. Сампилов, М. М. Сыденов, И. И. Точилов, М. М. Черных [Санжиев, 1975, с. 57]. Они отличились в боях на полях сражений, были награждены государственными наградами. Некоторые из них погибли на фронте.

Возрастание организаторской и оперативно-хозяйственной роли бюро региональных организаций ВКП(б) как единого политико-государственного органа позволяло преодолевать межведомственные барьеры, затруднявшие полноценное и комплексное использование местных ресурсов и возможностей. Во-первых, в состав бюро кроме секретарей обкома входили первые руководители Президиума Верховного Совета, Совнаркома, города Улан-Удэ, регионального НКВД, военного гарнизона, а также два представителя директорского корпуса. Во-вторых, усилилась тенденция по принятию совместных постановлений бюро обкома и Совнаркома. За почти четырехлетний период войны их было около 30 % от общего количества решений обкома. Бюро Бурят-Монгольского обкома, горкома, райкомов партии нередко, даже без соответствующих решений наркоматов, а руководствуясь указаниями ГКО и ЦК ВКП(б), а также необходимостью, брали на себя ответственность по созданию новых производственных мощностей, перепрофилированию и перемещению существовавших производств, расположению и использованию эвакуированных объектов, привлечению рабочих и служащих и другим срочным вопросам. При обкоме партии часто создавались чрезвычайные оперативные комиссии, группы которые занимались самыми важными и трудными задачами.

По итогам первого военного года следует отметить, что благодаря настойчивой организаторской и политической работе партийных, государственных, хозяйственных органов, самоотверженного труда рабочих, колхозников, служащих автономная республика успешно справилась с заданиями 1941 года по производству промышленной продукции. Годовой план паровозовагонный завод выполнил на 108,6 %, мясокомбинат – на 128,9 %, стекольный завод – 100,4 %, мелькомбинат – 102,9 %, Джидинский вольфрамовый комбинат – 120,5 %. Значительно лучше, особенно в четвертом квартале, работал авиационный завод, увеличивший выпуск боевых самолетов [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3772. Л. 9–13]. Досрочно, к 10 октября, были выполнены планы поставки государству мяса, 1 ноября – молока и рыбы, 20 октября – овощей и картофеля, 5 декабря – зерна и натуроплаты. К лету 1942 г. перестройка работы промышленности и транспорта республики была в основном завершена [Очерки истории Бурятской организации..., с. 363]. 6 июля 1943 г. в городе Улан-Удэ состоялось шестая (юбилейная) сессия Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР, посвященная 20-летию республики [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3772. Л. 9–13].

Вместе с тем государственные, партийные органы повышали ответственность руководителей за порученный участок работы. Как не обеспечившие необходимую работу в соответствии с требованиями военной обстановки были освобождены от должности первый секретарь айкома партии и председатель исполкома Баргузинского аймака Д. Ц. Будаев и А. В. Бертунов [Там же. Д. 3991. Л. 78–80], начальник политотдела отделения железной дороги В. А. Фоменко, редактор газеты «Стахановец» Джидинского аймака Б. Д. Хогоев [Там же. Д. 3989. Л. 108], объявлены выговоры директору Торейской МТС А. М. Брянскому и начальнику политотдела Цаган-Усунской МТС Н. С. Мирошниченко [Там же. Д. 3696. Л. 54–55]. Такие же меры и партийные взыскания были приняты в отношении и некоторых других руководящих работников.

Таким образом, в условиях мобилизации значительных материально-технических и кадровых ресур-

сов, основные отрасли народного хозяйства республики за четырехлетний военный период без существенных капитальных вложений и расширения основных фондов повысили выпуск валовой продукции на 24,5 %. Уверенно увеличили производственные показатели предприятия машиностроения и металлообработки, энергетики, транспорта, связи, горнорудной и золотодобывающей промышленности, местной, топливной, рыбной и пищевой промышленности. Несмотря на огромные

трудности, неурожайные годы, сельскохозяйственное производство в регионе добилось выполнения ежегодных обязательств, за исключением сбора пшеницы. Многогранная и результативная деятельность партийных, государственных, хозяйственных органов власти и управления, общественных организаций республики обеспечили достойный вклад в победоносное завершение тяжелейшей войны.

Литература

- Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 178 с.
- Калинин М. И. Статьи и речи (1941–1946 гг.). М.: Политиздат, 1975. 672 с.
- Книга памяти. В 8 т. Т. 8. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2005. 348 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М.: Политиздат. Т. 6. 492 с.
- Коржихина Т. П. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917–1972. М.: Изд-во РГГУ, 1974. 310 с.
- Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. 276 с.
- Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 612 с.
- Санжиев Б. С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и в годы Великой Отечественной войны (Странички воспоминаний: люди и события). Иркутск; Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1995. 180 с.
- Федоров А. Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 7 (47). С. 104–107.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ В 1990-Х ГГ.¹

В статье рассмотрены процессы национально-культурного возрождения в Бурятии в 1990-е гг. и их институциональный аспект на примере Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК), ее становления и развития. Особое внимание уделено проблеме актуализации бурятской этничности.

Ключевые слова: национально-культурное возрождение; панмонголизм; республика; суверенитет; Всебурятская ассоциация развития культуры.

Baldano Marina Namzhilovna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

ETHNOCULTURAL AND ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN BURYATIA IN THE 1990s

In the article the processes of national-cultural revival in Buryatia in the 1990s and their institutional aspects on the example of the All-Buryat Association for the Development of Culture, its formation and development are considered. Particular attention is paid to the problem of actualization of Buryat ethnicity.

Keywords: national cultural revival; Panmongolism; republic; sovereignty; All-Buryat Association for the Development of Culture.

Постсоветская история 1990-х гг. прошла под знаком бурной активности этнических меньшинств («парад суверенитетов» российских республик, процессы «национально-культурного возрождения» и т.д.). В актуализации этничности отчетливо прослеживаются две основные грани: политическая (борьба за власть, ресурсы) и культурная (язык, традиции, история). Как они соотносились друг с другом? Были ли они автономны или даже независимы друг от друга или неразрывны?

Это не только российская проблема, и по этому поводу можно сказать, что существует разное ее понимание. К примеру, М. Хрох считает, что политика и культура в данном случае неразделимы, это проявления одного феномена, а культурное возрождение может реализоваться политически. Исследуя взаимоотношения между культурными, политическими и социальными задачами национальных программ, он подчеркивает: «... едва в национальной программе получают отчетливое выражение политические требования, движение неизбежно становится полем битвы за власть, и не только в рамках борьбы против правящей нации, но и в рамках борьбы за лидерство внутри национального движения как такового» [Хрох, 2002, с. 133]. Есть представление о том, что это разные феномены, которые могут соприкасаться и взаимодействовать или существовать вполне обособленно. Д. Амоголонова отмечает, что «националистический дискурс уделяет большое внимание идее толерантности, акцентируя ее происхождение из традиционной культуры: ресантимент способен направить этническую мобилизацию... в совершенно нежелательное и предсказуемо обреченное на неудачу политическое русло, в то время как пропагандируемая толерантность способствует удержанию этнонационализма в законных рамках и одновременно всегда подразумевает существование этнокультурных границ» [Амоголонова, 2008, с. 29].

В Бурятии в 1990-е гг. процессы национально-культурного возрождения шли бурно, опираясь на бо-

гатые интеллектуальные традиции конца XIX – начала XX в., когда Бурятия вступила на путь модернизации. Для обоснования политических задач были запущены в ход модифицированные идеи «панмонголизма». По мнению А. Елаева, «общественная мысль идеологов бурятского возрождения была обращена преимущественно в прошлое. Осмысление будущего – редкое исключение. В этом кроется одна из причин отсутствия в начавшемся процессе возрождения перспективных идей этнического развития бурятского народа. После некоторой активизации, не получив должного развития, процесс пошел на спад» [Елаев, 2000, с. 309].

Если заглянуть в историю, то очевидно одно – движение шло по синусоиде: всплеск – спад – снова всплеск. В настоящее время наблюдается спад, но это вовсе не значит, что оно исчезло совсем. При новых обстоятельствах оно может актуализироваться. Поэтому, на мой взгляд, локальная ситуация в Бурятии может стать замечательной площадкой для изучения этих процессов не только в России, но и в мире.

В данной статье мне хотелось бы рассмотреть институциональный аспект проблемы на примере Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК), ее становления и развития. С конца 1980-х гг. актуализировались проблемы языка, культуры, исторических мифов, призванных по-новому обосновать истоки происхождения бурятского народа, поднять значение в истории бурят монгольского наследия (империи и роли Чингисхана), интерпретировать проблемы современной истории народа. Изучение истории привело к Ц. Жамцарано, Б. Барадину и другим культуртрегерам, а это неизбежно выводило на политическую составляющую. Напомню, что суть политической доктрины «панмонголизма» по Ц. Жамцарано заключалась в том, что «объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно само-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

стоятельное, суверенное государство» [Чимитдоржиев, 2000, с. 15–16].

Среди лидеров «панмонгольского» движения существовало несколько объединительных проектов. Еще один проект, в котором автор с легкостью подходил к таким сложнейшим вопросам, как переселение целых народов, создание государств, принадлежал Э.-Д. Ринчино. Он писал: «Монголия южная, северная и западная с включением бурят образуют самостоятельное, нейтральное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуться к границам Забайкалья с обменом земель. И если не удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, причем Юг будет находиться под протекторатом Японии... Монголы и другие народы Центральной Азии слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом, они мало годятся как активный материал для создания этого государства. Здесь мы, буряты, как сравнительно наиболее культурная нация сыграли бы и сыграем, по-видимому, большую роль» [Ринчино, 1994, с. 143; Пронькинов, 2001, с. 107].

В начале 1990-х гг. проекты «панмонголистов» изучались и обсуждались в различных кругах бурятской интеллигенции. В это время в России шло становление новой государственности, а призыв Б. Ельцина в августе 1990 г. к автономным республикам «проглотить» столько суверенитета, сколько они смогут, стимулировал мощные политические проекты, в том числе и на этнической основе.

В Бурятии, как и на всем постсоветском пространстве, ключевой была проблема суверенитета нации, причем чаще в ее этническом, а не гражданском понимании. Отсюда прямо вытекал вопрос о статусе государственности Бурятии и / или государственном статусе бурятского народа. Среди части приверженцев «этнонации» были сильны представления о том, что она не может и не должна ограничиваться рамками существующих государственных границ. В борьбе вокруг Конституции, суверенизации, места Бурятии в стране и мире, ее политического устройства и власти принимали участие представители как власти, так и формировавшихся оппозиционных партий и движений.

В 1990 г. была создана Бурят-Монгольская народная партия (БМНП) – политическая организация, организаторами и идеологами которой были представители научной и творческой интеллигенции, преподаватели вузов, инженерно-технические работники. В качестве основного лозунга партия выдвинула «возрождение бурят-монгольского народа через духовное и территориальное воссоединение, воссоздание единой Бурят-Монгольской Республики». Появление БМНП, по оценке И. Пронькинова, «вызвало самую неоднозначную реакцию в обществе – от яростных нападок, до восторженных приветствий. Наибольшую озабоченность создание национально-ориентированной организации вызвало у официальных властей» [Пронькинов, 2001, с. 198–201]. Можно сказать, что тогда имела место политизация этничности и превращение национальных партий и движений в оппозиционную силу по отношению к властям.

Властные структуры, попытавшись перевести этнополитическое движение в этнокультурное, выступили организаторами I Всебурятского съезда (22–24 февраля 1991 г.). Несмотря на попытки удержать разговор о нации в рамках обсуждения только национально-культурных вопросов, съезд обсудил и политический вопрос о незаконном разделе Бурят-Монгольской АССР в 1937 г. и воссоединении. Иными словами, и культурная, и по-

литическая составляющая имели место на съезде. Тогда же была создана Всебурятская ассоциация развития культуры для реализации на практике принципов национально-культурной автономии в условиях разделенности, экстерриториальности и дисперсного проживания бурят в России. Ассоциация была призвана возрождать традиции, обычаи, язык, культуру бурятского народа. Известный художник, председатель Союза художников Бурятии, Народный художник СССР, России и Бурятии, член-корреспондент Академии художеств России Даши-Нима Дугаров был избран президентом ВАРК. Вице-президентом был избран Заслуженный деятель культуры России, впоследствии доктор филологических наук Бата Баяртуев.

А в это время, вплоть до принятия Конституции 1994 г., общественно-политическая жизнь республики проходила вокруг обсуждения и принятия проектов национально-государственного переустройства, необходимости конституирования идей, прав и свобод как бурятского народа, так и всего населения республики. После развала СССР в декабре 1991 г. вопрос национально-государственного, национально-федеративного строительства приобрел для национальных регионов Российской Федерации еще большее значение. Так было и в Бурятии. Основные идеологические столкновения развернулись вокруг острых этнополитических вопросов: о суверенитете республики и его отношении к суверенитету России, о верховенстве законов республики по вопросам ее ведения и т.д. В зависимости от понимания национально-государственного статуса республики и стремления его конституционно закрепить, а также в условиях начавшейся борьбы за лидерство, обусловленной предстоящими выборами президента республики, произошло разделение политизированной общественности Бурятии. Противостояние исполнительной и законодательной власти переросло в противостояние властных группировок, получившее кроме политической еще и этническую окраску. Велика была роль субъективности – очень многое зависело от позиции и энергии отдельных людей. К примеру, отказ безусловного лидера В. Саганова баллотироваться в президенты резко изменил расстановку политических сил в республике, а также снял практически все противоречия в дальнейшем обсуждении Конституции. После принятия Конституции, определившей источником власти не этнос, а многонациональный народ республики, публичные столкновения и дебаты политических организаций и политиков перешли в русло парламентских слушаний, которые стали новой формой связи парламента с народом.

В 1992 г. возникла общественно-политическая организация – движение национального единства (ДНЕ) «Нэгэдэл» (бур. *нэгэдэл* 'единение'). Одним из наиболее крупных политических мероприятий ДНЕ стал Всебурятский съезд, проведенный 17–19 ноября 1992 г. в Улан-Удэ. В работе съезда приняли участие представители различных партий, организаций и коллективов Бурятии, Монголии, Демократической партии России. Делегаты съезда осудили не только раздел республики в 1937 г., но и антибурятскую политику тоталитарного режима в целом. Однако предложения о реабилитации бурятского народа получили негативную оценку в статье членов Совета ВАРК Г. Санжиева и В. Найдакова. Они также оспорили право ДНЕ созывать съезд, отдавая его только ВАРК, в соответствии с ее Уставом [Найдаков, 1993].

На Всемирном форуме монголов в Улан-Баторе (1993 г.) лидер движения «Нэгэдэл» В. Хамутаев пред-

ложил рассмотреть вопрос всемерного углубления интеграции центрально-азиатских народов: «В экономическом отношении мы все в Центральной Азии объективно идем и должны идти к конфедеративному союзу, содружеству. Алтай, Хакасия, Бурят-Монголия, Монголия, АРВМ, Восточный Туркестан, *Иркутия, Читиния* могут суммировать свои ресурсы, резервы, потенциалы, создать единое экономико-правовое поле. То есть от гуманитарного сотрудничества монголов нужно идти дальше, к поддержке рыночно-демократических преобразований в России, в Центральной Азии, затем к интеграции, причем широкой и глубокой, по всем вопросам обустройства жизни, т.е. к конфедеративному союзу, сообществу, объединенному на общих интересах мира и стабилизации в Центральной Азии. Объединив наши интересы и плюсы, откинув наши разногласия, убеждения, границы» [Хамутаев, 2000, с. 59].

Давая оценку данному выступлению, А. Елаев подчеркнул: «...создается общественное движение национальной ориентации и радикального толка – «Нэгэдэл» (Единение), которое стало выступать за выход Бурятии (с отторгнутыми районами) из России, консолидацию монголоязычных народов и создание Центрально-Азиатской конфедерации, в которую, кроме Бурятии и Монголии, должны были войти Тыва, Калмыкия и два автономных района КНР» [Елаев, 2000, с. 271]. А в 2005 г. В. Хамутаев написал: «идея постепенной интеграции близкородственных народов, соседствующих субъектов, причем с русскоязычными Иркутской и Читинской областями... ошибочно понята А.А. Елаевым как попытка сецессии» [Хамутаев, 2005, с. 257].

Эти вопросы обсуждались в ВАРК, в Совет которой входили представители научной и творческой интеллигенции, чиновники, главы новых общественных объединений – землячеств этнической Бурятии. Ассоциация представляла собой значительный ресурс, с ней заигрывали традиционные политики и маргиналы из партий. На общей площадке общались и реалисты, и радикалы.

В 1996 г. состоялся Второй Всебурятский съезд, на котором был заслушан отчет ВАРК и проведены выборы ее руководства. Президентом вновь был избран Д.-Н. Дугаров. Был создан Конгресс бурятского народа, цели которого были во многом аналогичны целям ВАРК, но более политизированы.

Что касается ВАРК, то в ожесточенных дискуссиях выявлялись как культурные, так и политические проблемы – проблемы языка, его статуса и др. Попытки трансформировать ВАРК в политическую организацию не имели успеха. Тем не менее, политическая составляющая в деятельности ВАРК была весьма значительной. Так, на международной конференции Организации Непредставленных Народов (ОНН) в Гааге в 1998 г. президент ВАРК Д.-Н. Дугаров обратился к Комиссии ООН

по правам человека с просьбой оказать давление на Российскую Федерацию с тем, чтобы она официально признала бурят репрессированным народом, объясняя это так: «Одной из проблем бурятского народа является раздел бурятской территории в 1937 г. По сегодняшний день буряты страдают от последствий этой акции. В качестве меньшинства в своей республике они имеют слабое влияние на принятие решений и политическую ситуацию...» [Дугаров, 1998, с. 2]. Он предложил следующие меры: а) политическое воздействие Комиссии ООН по правам человека на российские органы власти с целью обратить внимание на проблему реабилитации бурятского народа; б) распространение юрисдикции российского закона «О реабилитации репрессированных народов» на бурятский народ.

Позже В. Хамутаев напишет о нем: «В силу общего развития этнополитического правосознания народа, под влиянием роста национального движения, *вынужденно сотрудничая* с бурятскими деятелями, в том числе и из Конгресса бурятского народа, ДНЕ «Нэгэдэл», БМНП, встречаясь и беседуя с учеными-обществоведами, не ограниченными только этнокультурным развитием нации, Д.-Н. Дугаров объективно поднялся... в своем развитии на главную ступень – политико-правового понимания этнобурятских проблем, осознания бурятской проблемы в целом, необходимости комплексной государственной реабилитации нации: политической, экономической, социально-культурной и территориальной» [Хамутаев, 2005, с. 203]. В многочисленных беседах с автором этой статьи Д.-Н. Дугаров больше говорил о консолидации народа, его духовном возрождении, с болью отмечая, что до сих пор наблюдается деление на восточных и западных бурят.

К концу 1990-х гг. политические проблемы были в целом решены. Этнокультурные проблемы приняли новые формы – появились новые профессиональные и любительские фольклорные коллективы, театральные постановки и кинофильмы на темы истории и культуры бурят, замечательные произведения изобразительного искусства с этническими и историческими мотивами и т.д. *Mainstream* пошел мимо ВАРК. Однако, когда началось объединение Усть-Ордынского бурятского автономного округа с Иркутской областью, снова произошла политическая активизация. Когда и эта проблема ушла в прошлое, ВАРК вновь отошла в тень.

Ушло ли в прошлое национальное возрождение? И каковы перспективы политической стороны феномена? Уроки ВАРК, упорно отстаивавшей свое право на культурный, неполитический характер, говорит об иллюзорности надежд на возможность раздельного существования и развития этнокультурного и этнополитического процессов.

Литература

- Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. 290 с.
- Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. 309 с.
- Дугаров Д.-Н. Д. О содействии ООН в реабилитации бурятского народа. Обращение ВАРК в Комиссию ООН по правам человека // Вестник Организации Непредставленных Народов. Гаага, март-апрель 1998 (на рус. яз.). С. 2.
- Найдаков В. Ц., Санжиев Г. Л. Бурятский вопрос и как видит его решение движения «Нэгэдэл» // Бурятия. 1993. 13 янв.
- Пронькинов И. Т. Этнополитические процессы в РБ // Политология и социология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2001. С. 198–201.
- Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. 143 с.
- Хамутаев В. А. Бурят-Монгольский вопрос. История, политика, право. Ч. 1. Улан-Удэ, 2000. 188 с.
- Хамутаев В. А. Бурятское национальное движение. 1980–2000 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 292 с.
- Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Панмонгольское движение – это общемонгольское национальное движение // Монголоведные исследования. Вып. III. Улан-Удэ, 2000. С. 15–16.

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ

Автор в своей статье ставит проблему изучения новой политической закономерности, появившейся в традиционной системе смены власти в Бурятии. Выделяются следующие параметры, по которым определялся политический лидер республики: возраст, этническая и территориальная принадлежность, пол, прежний род занятий. Главный из них – подбор лидера в советской и постсоветской действительности – почти всегда определялся центром. В нынешних условиях выборов главы республики центр сохранил за собой это право, однако при этом он вынужден учитывать запросы и ожидания граждан республики.

Ключевые слова: смена власти; политический центр; политический лидер; глава республики; управленец.

Dagbaev Erdem Danzanovich
 Buryat State University
 Ulan-Ude, Russian Federation

REFORMATTING OF POWER IN MODERN BURYATIA

The author analyzes the new political regularity which has appeared in traditional system of the power's change in Buryatia. The following parameters by which the political leader of the republic was determined are considered: age, ethnic and territorial origin, gender, former occupation. The main one – the selection of the leader in the Soviet and Post-Soviet reality – in most cases was defined by the center. In present conditions of elections of the head of the republic the center has reserved this right, however at the same time it takes into attention inquiries and expectations of citizens of the republic.

Keywords: change of the power; political center; political leader; head of the republic; manager.

В феврале 2017 г., в общем-то, неожиданно для многих (но не для политологов), заявил о внезапной отставке глава Республики Бурятия. В тот же день был показан телесюжет, о том, что врио главы назначен заместитель транспорта России Алексей Самбуевич Цыденов. И на завтра он уже был представлен депутатам парламента, членам правительства и общественности в качества лидера республики. Стало понятно, что президент России сделал свой выбор. Цыденов должен был идти на выборы главы. 12 сентября этого же года он был триумфально избран на высший в Бурятии пост, набрав 87 % голосов избирателей. И сейчас завершено формирование новой команды правительства. Смена власти в республике произошла практически безболезненно и без эксцессов.

Чем примечательна такая смена власти? Если прежние крупнейшие политические изменения происходили либо путем выборов (по сути, состоялись только три выбора президента республики), либо путем фактического назначения (наделения полномочиями / другая форма, но в любом случае по предложению центра). Нынешняя смена власти носит промежуточный характер, в ней есть элементы как кооптирования, так и назначения, закрепляемого впоследствии через выборы. И это очень интересно, потому что требует новых черт политического функционирования и, прямо скажем, новых качеств политики.

Чтобы понять весь драматизм ситуации, вспомним, что являвшийся президентом, а затем главой республики Бурятия В. В. Наговицын ни разу не избирался населением Бурятии на этот пост. Он вообще фактически ни разу за свою политическую карьеру не проходил через процедуру выборов, что многое объясняет как в личном поведении, так и в карьере политика. У него был шанс «проскочить» и в третий раз. В июле 2017 г. истекал его второй срок, но он никак не успевал оказаться среди тех, кто еще мог продлить свои полномочия без выборов.

Правда, он имел возможность досрочно уйти в отставку и выдвинуться в качестве кандидата на прямых

выборах еще в 2016 г. Однако Президент В. В. Путин отказал ему, в то время как Шолбану Кара-оолу, коллеге из Тывы, срок которого также заканчивался в 2017 г., разрешил. Стало ясно, что в Наговицына в Кремле не особо верят. И чем ближе становилось время выборов главы республики, тем меньше становилось в него веры.

В открытую, конечно, ни в Кремле, ни кто-либо из ответственных лиц не высказывали претензий Наговицыну, но все понимали, в чем дело. Во-первых, Наговицын был втянут в так называемые межэлитные конфликты. Вернее, сам втянулся, совершив ряд кадровых и прочих ошибок. И так испытывая критику с разных сторон, особенно активно со стороны официальной оппозиции – КПРФ и его регионального лидера В. М. Мархаева, – действующий глава республики вызывал на себя серьезную критику со всех сторон. Его стали обвинять в коррумпированности, нежелании взаимодействовать с общественными силами, привлекать в правительство способных людей.

А. С. Цыденов был среди пяти молодых глав регионов, которых сразу окрестили «молодыми технократами Путина». Они получили его личную поддержку, в связи с чем региональная элитная структура резко изменилась. Тот же В. М. Мархаев сразу после назначения А. С. Цыденова потерял основные козыри, с которыми собирался бороться с В. В. Наговицыным. Затем он вообще не прошел муниципальный фильтр и был снят с выборов. В итоге А. С. Цыденов победил с рекордными 87 процентами голосов, имея при себе лишь двух записных, но никак не могущих оказать достойного сопротивления соперников.

Итоги выборов следует рассматривать как поддержку курса на формирование нового поколения управленцев. Замена глав регионов была продолжена, осенью того же года в отставку были отправлены главы еще десяти регионов. Среди первой волны «молодых технократов» губернаторы семи регионов: Пермского края, Новгородской, Рязанской области, Бурятии, Марий Эл, Карелии и Удмуртии. Речь идет о Максиме Решетникове, Андрее Никитине, Николае Любимове,

Алексее Цыденове, Александре Евстифееве, Артуре Парфенчикове и Александре Бречалове. Все они, как показали дальнейшие события, победили в первом туре губернаторских выборов.

Выборы показали, что у людей есть запрос на обновление. Сделав ставку на новых людей, прошедших сложную систему тестирования, президент дал сигнал, что начал формировать новое поколение управленческой элиты. Кремль продолжает омоложение и обновление губернаторского корпуса. При этом Кремль не ставил задачу нарастить явку на региональных выборах, и этот подход, как считают в администрации президента, себя оправдал: показатели явки практически во всех регионах оказались в пределах средней нормы.

За 94 года в Республике Бурятия, при грубом анализе, сменилось десять руководящих команд. Алексей Цыденов возглавил одиннадцатую по счету. Конечно, это достаточно условные политические циклы при разных формах власти. На наш взгляд, самой первой политической командой является та, что сформирована на первой сессии ЦИК БМАССР в 1923 г. Тогда председателем президиума ЦИК был избран М. И. Амагаев, его заместителем – М. Д. Иванов. В состав СНК – высшего исполнительного органа, сформированного ЦИК, вошел М. Н. Ербанов, которого избрали председателем, а его заместителем утвердили М. Д. Бермана. Однако в соответствии с политологическим анализом политическим лидером республики мы считаем в первый период существования Бурят-Монгольской АССР (с 1923 по 1928 г.) М. М. Сахьянову, лидера партийной организации. Центром политической власти, безусловно, выступает партия, в недрах которой принимались ключевые решения.

Вторым по счету руководителем республики, на наш взгляд, следует считать М. Н. Ербанова, он стал лидером партийной организации республики в период с 1928 по 1937 г. Что случилось в 1937 году, думаю, рассказывать излишне. На смену ему ЦК ВКП(б) прислал из Москвы С. Д. Игнатъева. Его сменил на посту первого секретаря Бурятского обкома партии А. В. Кудрявцев, проработавший восемь лет с 1943 по 1951 г. После А. В. Кудрявцева политическим лидером Бурятии, а именно первым секретарем обкома КПСС стал А. У. Хахалов, в 1960-1962 гг. – первым секретарем партийной организации работал В. Р. Филиппов, с 1962 по 1984 г. – партийным лидером стал А. У. Модогоев, с 1984 по 1990 г. первым секретарем трудился А. М. Беляков. В 1990 г. на альтернативной основе первым секретарем Бурятского рескома КПСС был избран Л. В. Потапов, он же с 1992 г. после устранения из власти коммунистической партии был избран председателем Верховного Совета Республики Бурятия, а в 1994 г. был избран первым президентом Бурятии. Затем дважды переизбирался в 1998 и 2002 гг. С 2007 г. по представлению президента России Народный Хурал РБ наделил полномочиями президента Бурятии В. В. Наговицына. В 2012 г. его полномочия были продлены еще на пять лет. Надо заметить, что в 2011 г. пост президента республики ликвидируется, и вместо него вводится пост главы республики.

Так, до А. С. Цыденова можно насчитать десять политических циклов. И мы можем видеть определенные политические закономерности. Первый из них касается временных границ в соответствии со сменой власти. Если посмотреть на то, в течение какого времени продолжались эти циклы, то увидим следующую картину: руководство М. М. Сахьяновой – 5 лет, М. Н. Ербанова – 9 лет, С. Д. Игнатъева – 6 лет, А. В. Кудрявцева – 8 лет,

А. У. Хахалова – 9 лет, В. Р. Филиппова – 2 года, А. У. Модогоева – 22 года, А. М. Белякова – 6 лет, Л. В. Потапова – 17 лет, В. В. Наговицына – 10 лет. Цикл, как мы видим, в среднем насчитывает 10 лет, и только два политических цикла выбиваются из этого ряда. У «долгожителей» А. У. Модогоева и Л. В. Потапова правление насчитывало двадцать два года и семнадцать лет, и если не брать их в расчет, то среднее время цикла значительно сокращается – 5-6 лет. Каков будет временной политической цикл команды А. С. Цыденова сказать трудно, но, вероятно, следует учитывать среднее время.

По параметру источников наделения властью – кто или какие политические силы определяют политических лидеров Бурятии – совершенно очевидно, что кандидатура политического лидера всегда определяется центром (Кремлем, Старой площадью независимо от того, как называется центр власти), за исключением периода 1990-х гг., когда президентом Бурятии трижды подряд избирался Л. В. Потапов. В любом случае в истории лидером Бурятии (даже при Л. В. Потапове) был человек – креатура центральной власти. Еще одно важное обстоятельство. В большинстве случаев бывший руководитель республики уезжает за ее пределы, если он из числа местных, то остается, а его команда переходит к преемнику, за исключением самых долговременных членов команд. В том случае, если руководитель не из выходцев республики и затем уезжает за пределы республики, то, как правило, он теряет тесные связи с самой республикой.

В 9 из 10 случаев решение о том, кому быть на политическом олимпе Бурятии принимала руководящая партия, действовавшая сначала на протяжении нескольких десятилетий в однопартийной системе, а затем тоже «партия власти», но уже при формально многопартийной системе.

В национальной республике важнейшим признаком становится этническая и территориальная принадлежность политического лидера. Как правило, здесь могут встречаться две модели: «бурят – русский» и «местный – варяг». Или вариант «бурят – варяг», поскольку буряты не рассматриваются как варяги.

Какие закономерности мы видим здесь? 5 раз политическими лидерами республики являлись буряты, 5 раз – русские. Из бурят в их числе А. У. Хахалов, В. Р. Филиппов, А. У. Модогоев, М. М. Сахьянова и М. Н. Ербанов. Условно говоря, среди них трое являются фактически назначенными лидерами, а двое М. М. Сахьянова и М. Н. Ербанов – условно говоря, избранными. Из числа русских 4 назначенцев – С. Д. Игнатъев, А. В. Кудрявцев, А. М. Беляков и В. В. Наговицын. И только один выигрывал выборы, но зато какие – президентские! И он единственный местный – это Л. В. Потапов. При желании А. М. Белякова тоже можно отнести к местным, учитывая длительное пребывание на посту первого секретаря Улан-Удэнского городского комитета партии, но прибавь сюда он переводом по партийной линии.

Что касается линии «местный – варяг», она возникла в силу безусловного недоверия Москвы к региональной политической элите. Очевидно, что это недоверие существовало всегда, и если в советские времена это преодолевалось тем, что избранника сначала «готовили» в аппарате ЦК партии, то в условиях выборов повлиять на это практически невозможно.

Еще один параметр – так называемый род занятий, под коим мы у политиков понимаем первичное профессиональное образование и сферу начала трудовой деятельности, что имеет большое значение с точки зрения

того, к какой корпоративной группе он принадлежит. К первым четырем руководителям Бурятии трудно применить эти признаки: они, по сути, профессиональные партийцы, революционеры, начинали свою трудовую деятельность в революционных организациях. А вот по оставшимся шести руководителям стоит сказать особо. До начала 1980-х гг. явно доминируют аграрии по профессиональной деятельности (А. У. Хахалов, В. Р. Филиппов, А. У. Модогоев). Они начинали свой трудовой путь в этой сфере и, скажем прямо, являются специалистами именно в ней. Более того, В. Р. Филиппов стал первым доктором ветеринарных наук, возглавил и создал нынешнюю Бурятскую сельскохозяйственную академию. Трое последних руководителей – промышленники и по образованию, и по профессиональной деятельности. А. М. Беляков – инженер-строитель, Л. В. Потапов – инженер-железнодорожник, В. В. Наговицын – также инженер, все они возглавляли или находились в руководстве крупных промышленных предприятий. Соответственно (и эта тенденция хорошо прослеживается), основу команд, сформированные ими, составляют представители тех секторов экономики, откуда они сами являются выходцами.

Возраст также является принципиальным признаком, способным указать на политические закономерности. Обратившись к биографическим данным, мы увидим, что в Бурятии лидерами становятся люди в зрелом возрасте. Так, если не брать во внимание первых лидеров, пришедших к власти на волне революционных событий, то мы увидим, что самым молодым из послевоенных лидеров стал руководителем республики В. Р. Филиппов – в 45 лет. А. У. Модогоеву было 47 лет, А. М. Белякову – 51 год, Л. В. Потапову – 57 лет, когда он стал председателем Верховного Совета Республики Бурятия, В. В. Наговицыну – 51 год.

Посмотрим, что принципиально изменилось и что сохранилось из того, что принято называть параметрами смены власти. Центр не изменил себе в главном: после того, как В. В. Наговицын перестал устраивать Кремль (вернее, центр не был уверен в его победе на выборах), у местных политиков шанса не появилось. Принципиально высоким уровнем доверия никто из них не обладал, да и сам Наговицын старался назначать на высокие посты людей, которые не могли стать его конкурентами. Но, самое главное, при этом центру нужно было подобрать такую фигуру, которая могла гарантированно выиграть выборы, а значит, получить доверие у основных политических групп республики, а затем начать предвыборную борьбу.

Об общем тренде омоложения состава политической элиты уже было сказано, Бурятия органично подходила под него. В целом, традиционно возрастной

лидер республики был впервые обменен на человека очень молодого, которому было всего 41 год. Во-вторых, безусловно, был учтен такой параметр, как этническая и территориальная принадлежность нового лидера. На наш взгляд, это был принципиальный момент, и центр потратил основные усилия для того, чтобы соответствовать важнейшему запросу региона. А запрос заключался в том, чтобы национальной республикой после большого перерыва руководил бурят по национальности. И был своим, местным. В республику приехали, по меньшей мере известные мне, две группы экспертов и аналитиков из Москвы, представлявшие сотрудниками социологических научно-исследовательских служб, которые выясняли потенциальную силу этого запроса в обществе.

По иронии судьбы (тут, конечно, ничего поделать было невозможно), принятое решение оказалось половинчатым. Как заявил сам А. С. Цыденов, он метис: отец – бурят, мать – русская. Конечно, это был не самый удачный ответ. А выходец он из соседнего региона, но воспринимающегося, в общем, как близкий и родственный. Он родился в г. Петровск-Забайкальский, совсем рядом с границей Республики Бурятия.

Главный козырь центра заключался в том, что новый глава республики был человеком, имевшим серьезный опыт работы в федеральных структурах власти, а именно на таком важном посту, как заместитель транспорта России, будучи потомственным железнодорожником. Иначе говоря, по роду предыдущих занятий – промышленник. Федеральные связи, как совсем скоро убедились граждане Бурятии, вещь весьма серьезная. Это ощущалось и по уровню его взаимодействия с руководителями федеральных структур, поддержке с их стороны, сразу участвовавшим, пусть и в связи с выборами, приездом руководителей на уровне министров и заместителей министров России. Чего стоит один из мемов, популярный в местных СМИ, когда во время одного из совещаний при десятках свидетелей ему позвонил председатель правительства России Д. А. Медведев и сообщил о том, что Бурятия принята в одну из федеральных программ.

Таким образом, произошло реформирование системы смены власти в Бурятии. Создан определенный синтез назначаемого и выборного элементов, который соответствует запросам как со стороны центра, так и самого региона. Именно этим, в первую очередь, объясняется высокий уровень надежд на нового лидера Бурятии. Опыт политического функционирования лидеров республики говорит о том, что оптимальным вариантом является, когда он является «своим» и для центра, и для Бурятии. Но это доверие нужно будет оправдать.

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
 И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
 ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Обоснована необходимость принятия специальных мер по развитию Республики Бурятия на основе решений органов власти Российской Федерации. Определены ключевые проблемы, требующие рассмотрения на Совете по вопросам развития Дальнего Востока и Байкальского региона при Совете Федерации.

Ключевые слова: региональная политика; Республика Бурятия; Совет Федерации.

Dondokov Zorikto Bato-Dugarovich
 Buryat Scientific Center
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

**ON INTERACTION OF AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
 AND THE REPUBLIC OF BURYATIA ON THE ISSUES OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
 OF THE FAR EAST AND THE BAIKAL REGION**

The necessity of taking special measures for the development of the Republic of Buryatia based on the decisions of the authorities of the Russian Federation is substantiated. The key problems that need to be considered at the Council for the Development of the Far East and the Baikal Region under the Federation Council are identified.

Keywords: regional policy; The Republic of Buryatia; Council of the Federation.

Республика Бурятия является регионом с низким уровнем социально-экономического развития. В последние годы отставание республики от других субъектов Российской Федерации по ключевым макроэкономическим показателям увеличилось. Экономические трудности Бурятии усугубляются жесткими экологическими ограничениями на осуществление хозяйственной деятельности, обусловленными «байкальским фактором».

В сложившихся условиях Республика Бурятия не способна самостоятельно выйти на режим устойчивого развития. Необходимо принятие специальных мер по ускоренному развитию региона, включая оказание целенаправленной финансовой помощи Правительства Российской Федерации, принятие соответствующих нормативных правовых актов, включая федеральные законы, разработку отдельных программ и подпрограмм, создание организационных механизмов по реализации предусмотренных мероприятий.

В настоящее время для Республики Бурятия важной задачей является максимальное использование возможностей развития в рамках реализации региональной политики Российской Федерации по ускоренному развитию Дальнего Востока и Байкальского региона. Одним из механизмов взаимодействия органов исполнительной власти России и Республики Бурятия в этой сфере является Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Она является координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий федеральных и региональных органов исполнительной власти при решении вопросов социально-экономического развития восточных регионов Российской Федерации. Вместе с тем использование ее возможностей для решения задач по развитию Республики Бурятия ограничено. Это связано с тем, что полномочия Министерства по развитию Дальнего Востока в настоящее время не распространяются на терри-

торию Байкальского региона: Республику Бурятия, Иркутскую область и Забайкальский край.

Новые возможности по лоббированию развития Бурятии на федеральном уровне появляются с созданием Совета по вопросам развития Дальнего Востока и Байкальского региона при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Одной из ключевых задач этого Совета будет обсуждение и решение актуальных вопросов законодательного обеспечения развития Дальнего Востока и Байкальского региона. В состав Совета от Республики Бурятия включены пять человек: два члена Совета Федерации, по одному представителю от Правительства республики, Народного Хурала и Бурятского научного центра СО РАН.

В план работы Совета, на наш взгляд, необходимо включить рассмотрение следующих вопросов:

- распространение полномочий Министерства по развитию Дальнего Востока на субъекты Российской Федерации: Республику Бурятия, Иркутскую область и Забайкальский край;
- законодательное обеспечение социально-экономического развития Байкальской природной территории и Республики Бурятия;
- проект Федерального закона «Об ускоренном развитии Дальнего Востока и Байкальского региона»;
- ход реализации Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» на территории Дальневосточного федерального округа за 2015–2017 гг.;
- ход реализации Государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и внесение изменений в данную программу.

Отдельно следует рассмотреть вопросы о развитии отраслей инфраструктуры и социальной сферы: энергетики, транспорта, науки, образования, туризма, жилищно-коммунального хозяйства и т.п.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АГИНСКОГО И УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКИХ ОКРУГОВ)

Настоящая статья посвящена анализу изменения статуса автономных округов России с момента их учреждения как национальных округов до обретения ими статуса субъектов Российской Федерации и до признания некоторых из них административно-территориальными единицами с особым статусом. Эволюция статуса округов исследуется в контексте развития государственности бурятского народа.

Ключевые слова: федеративное устройство; статус субъекта Российской Федерации; административно-территориальное устройство; территориальная автономия; особый статус.

Damdinov Bato Dashidondokovich
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF AUTONOMOUS DISTRICTS IN THE RUSSIAN FEDERATION (ON EXAMPLE OF AGINSKI AND UST-ORDA BURYAT DISTRICTS)

This article is devoted to the changes in the status of autonomous districts of Russia since their establishment as national districts until they acquire the status of subjects of the Russian Federation and the recognition of some of them as administrative-territorial units with special status. The evolution of the status of districts is investigated in the context of the development of the statehood of the Buryat people.

Keywords: federal system; status of a subject of the Russian Federation; administrative and territorial system; territorial autonomy; special status.

Проходившие в течение 2004–2009 гг. процессы объединения «сложносоставных» субъектов Российской Федерации, где в составе области (края) находились автономный округ (округа), привели к образованию в границах прежних автономных округов административно-территориальных единиц с особым статусом – новое для российского права явление, породившее проблемы как практического, так и теоретического характера. К сожалению, за исключением соответствующих федеральных конституционных законов об образовании новых субъектов Российской Федерации в результате объединения, никаких актов федерального уровня, хоть каким-то образом детализирующих особый статус этих административно-территориальных единиц, на данный момент нет. Фактически федеральные власти переложили бремя правового регулирования особого статуса административно-территориальных единиц на сами объединяющиеся субъекты. Случай сам по себе в современных российских политико-правовых реалиях сверхцентрализации достаточно уникальней.

Представляется, что для решения возникающих концептуальных и практических проблем немаловажное значение имеет осмысление динамики правового статуса автономных (национальных) округов, на территории которых учреждены административно-территориальные единицы с особым статусом.

1. Для решения проблем малых народностей Севера административный округ был признан наиболее оптимальной формой их национального районирования. Это закреплялось Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». К концу 1930 г. в составе РСФСР было 9 национальных округов, включая ранее образованный Ненецкий национальный округ.

Анализ правового положения национальных округов в период их становления указывает на их следующую специфику:

Национальные округа не имели конституционных основ, но учреждались специальным актом высшего органа государственной власти РСФСР.

Национальный округ трактовался как национально-административное образование и входил в состав края (области).

Национальный округ считался формой национально-самоопределения, как правило, нескольких родственных между собой народностей; обозначал и закреплял границы территории их расселения и выражал особый статус указанных народностей.

Впервые на конституционном уровне статус национальных округов был определен Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией РСФСР 1937 г., хотя принципиально положение национальных округов не изменилось, оставаясь административно-территориальными образованиями краев (областей), национальные округа лишь имели определенные формальные атрибуты автономности.

Конституция СССР 1977 г. и Конституция РСФСР 1978 г., переименовав национальные округа в автономные, определяли, что автономный округ находится в составе края или области РСФСР. Закон РСФСР «Об автономных округах РСФСР» в части 3 ст. 1 в императивном порядке определял, какой автономный округ находится в составе той или иной области (края). Почти весь советский период национальный округ как административно-территориальная единица с элементами автономии входил в состав области (края) как административно-территориальной единицы более высокого уровня. С момента признания округов автономными образованиями и, следовательно, с точки зрения теории советского конституционного права, субъектами советской федерации – РСФСР, сложилась парадоксальная ситуация, когда субъект федерации находится в составе и подчиняется административно-территориальной единице.

Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» от 15 декабря 1990 г. кардинально изменил ситуацию. Норма о вхождении автономных округов в состав края или области из императивной превратилась в диспозитивную, теперь автономные округа могли находиться в составе РСФСР непосредственно или в составе края или области опосредованно. Вместе с расширением полномочий органов власти автономных округов данная диспозитивная норма указывает на существенное повышение статуса автономных округов.

Анализ положений Федеративного Договора, заключенного 31 марта 1992 года, показывает, что общее повышение статусности выразилось в том, что автономный округ, в частности, как квазигосударственная автономия

оказался в составе областей (края) как квазигосударственной автономии более высокого уровня. При этом отношения между ними строятся уже на договорной основе.

В соответствии с законом Российской Федерации «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» от 21 апреля 1992 г. автономные округа из квазигосударственных автономных образований превратились в один из видов субъектов Российской Федерации. Конституция Российской Федерации 1993 г. наделила автономные округа всеми юридическими признаками субъектов Российской Федерации. В ч. 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации упоминается об автономных округах, входящих в состав области (края). Это дает возможность утверждать о сохранении диспозитивности нормы о вхождении автономных округов в область (край), тем более что как равноправные субъекты РФ автономные округа вправе самостоятельно определять свое положение. Таким образом, возникла политико-юридическая конструкция «сложносоставности» субъектов Российской Федерации, породившая массу коллизий.

2. Проблемы «сложносоставности» в силу его положения пришлось решать Конституционному Суду Российской Федерации, который в серии своих актов фактически сформулировал федеральную доктрину статуса автономных округов в «сложносоставных» субъектах Российской Федерации. Ожидаемо позиция Конституционного Суда стала крайне противоречивой. Формально подтвердив статус автономных округов как равноправных субъектов Российской Федерации, фактически Суд признал их квазисубъектами федерации, находящимися в подчинении областей (краев) в состав которых они входят. Именно позиция Конституционного Суда стала правовой основой для последующего умаления статуса автономных округов в «сложносоставных» субъектах Российской Федерации. Если ранее можно было говорить о различных моделях взаимоотношений в «сложносоставных» субъектах Российской Федерации, то сейчас в силу требований Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» установлена четкая субординация между областью (краем) и входящим в состав округом. Более того, округа лишились существенной части своих полномочий в пользу «включающих» субъектов Российской Федерации. Очевидно, что на уровне текущего федерального законодательства закрепляется положение, прямо противоречащее конституционному принципу равноправия субъектов Российской Федерации. Логичным завершением данной тенденции стала ликвидация большинства автономных округов как субъектов Российской Федерации в рамках «объединительных» процессов.

3. С точки зрения теории территориального устройства федеральные конституционные законы об образовании новых субъектов Российской Федерации учредили в их составе такие административно-территориальные единицы, особый статус которых выражается в гарантиях их территориальной целостности и единства, так как для их ликвидации необходимо внести изменения в соответствующие ФКЗ. Эти гарантии продублированы в уставах и законодательстве вновь образованных субъектов Российской Федерации. Иные дополнительные права и обязанности закрепляются в законодательстве субъектов Российской Федерации, в которых видение особого статуса существенно отличается от субъекта к субъекту. С другой стороны, фактическое состояние административно-территориальных единиц с особым статусом, образованных в границах бывших автономных округов как национальных (этнических) публично-территориальных образований, получило

закрепление в законодательстве вновь образованных субъектов Российской Федерации. Остается наполнить категорию особого статуса реальным юридическим содержанием, что, по всей видимости, одним субъектам Российской Федерации не под силу.

Представляется, что в условиях внешних ограничений со стороны федерального законодательства, не говоря уже об отсутствии специального правового регулирования на федеральном уровне, субъекты Российской Федерации, по сути, интуитивно «нащупали» юридически корректный в нынешних политико-правовых рамках, путь наполнения особого статуса реальным юридическим содержанием.

Между тем, с методологической точки зрения, понятие административно-территориальной единицы с особым статусом дает основание предполагать, что решение возможно в двух направлениях. Первое направление сводится к акцентированию на том, что административно-территориальная единица с особым статусом как публично-территориальное образование это, прежде всего, административно-территориальная единица как формально, так и фактически. Как показывает практика, административно-территориальные единицы с особым статусом во вновь образованных субъектах Российской Федерации отличаются от иных административно-территориальных единиц именно специальным режимом осуществления в них публичной власти. В дальнейшем, этот достаточно стихийный процесс в случае принятия специализированного федерального законодательства может быть более углублен и стандартизирован. Во втором направлении акцент делается на особом статусе как таковом, который выводит административно-территориальные единицы с особым статусом из категории административно-территориальных единиц в автономные территориальные образования.

Основанием для таких рассуждений может стать анализ соответствующих объединительных федеральных конституционных законов и уставов, соответствующих вновь образованных субъектов Российской Федерации, который позволяет сделать следующие обобщения:

1. Административно-территориальные единицы с особым статусом учреждаются федеральными конституционными законами, этими же законами сохраняется их территориальное единство в границах соответствующих бывших автономных округов – субъектов Российской Федерации.

2. Статус этих административно-территориальных единиц устанавливается федеральным законодательством (на данный момент это соответствующие объединительные федеральные конституционные законы), уставами и законами вновь образованных субъектов Российской Федерации.

3. В рамках особого статуса эти административно-территориальные единицы получают дополнительные права и обязанности по сравнению с обычными административно-территориальными единицами: наличие специальных органов государственной власти, представительство в законодательном органе субъекта Российской Федерации, отдельные разделы в программах социально-экономического развития соответствующего субъекта Российской Федерации и т.д.

4. Закрепление дополнительных прав и обязанностей в уставах и законах субъектов Российской Федерации означает, что их изъятие возможно лишь в порядке внесения изменений и поправок в указанные правовые акты.

Приведенные обобщения, в свою очередь, позволяют сделать вывод о том, что административно-территориальные единицы с особым статусом ближе к автономным территориальным образованиям в их административной форме, нежели к обычным административно-территориальным единицам.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлен анализ проблем модернизации системы здравоохранения Республики Бурятия. Анализируются управленческие, материально-технические, кадровые проблемы и предложены меры по их решению. Выделены ключевые направления перспективного развития регионального здравоохранения – информатизация отрасли, расширение межрегионального и международного сотрудничества, реализация инновационных проектов, развитие государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: здравоохранение; медицинская помощь; модернизация; проблемы, перспективы, Республика Бурятия.

Bashkueva Elena Yurievna
 Buryat Scientific Center of SB RAS
 Ulan-Ude, Russian Federation

MODERNIZATION OF THE HEALTH CARE SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA: PROBLEMS AND PROSPECT

The article presents an analysis of the problems of modernization of the health care system of the Republic of Buryatia. Management, material and technical personnel problems are analyzed and measures for their solution are proposed. The key directions of long-term development of regional healthcare are identified - informatization of the industry, expansion of interregional and international cooperation, implementation of innovative projects, development of public-private partnership.

Keywords: health care system, medical assistance, modernization, problems, prospects, Republic of Buryatia.

В настоящее время в значительной степени актуальны проблемы модернизации российского здравоохранения, совершенствования системы его управления, повышения доступности и качества медицинского обслуживания населения. Как отмечают авторы новейшей коллективной монографии «Здравоохранение: необходимые ответы на вызовы времени», состояние системы здравоохранения вызывает тревогу в российском обществе, и степень этой тревоги усиливается. Именно сферу здравоохранения россияне считают одной из трех основных проблем страны, причем доля граждан, которые называют проблемы здравоохранения наиболее значимыми, растет в последние годы самыми высокими темпами (увеличение в 2,4 раза в 2014–2016 гг.) [Здравоохранение...]. Кризис отечественной системы здравоохранения как важнейшей социально-экономической отрасли обусловлен сразу несколькими факторами: неэффективной работой органов управления, нерациональным использованием финансовых, материальных и кадровых ресурсов в условиях их хронического дефицита. В связи с этим необходим комплексный анализ системы здравоохранения как на федеральном (макро), так и на региональном (мезо) уровнях.

В Республике Бурятия крупномасштабная модернизация системы здравоохранения началась с 2007 г., отправной точкой чего стала реализация федерального приоритетного национального проекта «Здоровье». В соответствии с Постановлением Правительства Республики Бурятия от 14.08.2007 г. № 258, «с 1 января 2008 года в республике началась реализация мероприятий по модернизации системы здравоохранения, направленных на повышение качества услуг в сфере здравоохранения», а также на реорганизацию первичного звена [Кожевников]. Модернизация системы здравоохранения реализовывалась по двум направлениям:

- перевод учреждений здравоохранения на преимущественно одноканальное финансирование через систему обязательного медицинского страхования;
- внедрение элементов частичного аккумулирования средств на уровне амбулаторно-поликлинического

учреждения (частичное фондодержание) путем финансирования по подушевому нормативу с созданием системы межучрежденческих взаиморасчетов» [Кожевников].

Всего по состоянию на 01.01.2018 г. в республике функционируют 66 лечебно-профилактических учреждений (юридических лиц), в том числе 22 – в сельских районах республики, 21 – в г. Улан-Удэ и 23 республиканских учреждения, находящихся в государственной собственности. Кроме того, на территории республики функционируют негосударственные учреждения здравоохранения ОАО «Российские железные дороги», федеральные казенные учреждения здравоохранения МВД РФ по Республике Бурятия, Министерства обороны РФ, УФСИН по Республике Бурятия.

В настоящее время в Бурятии, как и во многих других субъектах федерации, формируется модель здравоохранения с одноканальной системой финансирования, с трехуровневой системой оказания медицинской помощи, которая предусматривает более высокий уровень специализированной помощи населению на последующем этапе по сравнению с предыдущим.

Следует отметить, что 2013 год стал первым годом, когда здравоохранение республики стало единым – 43 муниципальных учреждений перешли в государственную собственность. В полномочия министерства здравоохранения Республики Бурятия вошла организация оказания медицинской помощи на всей территории республики. Сегодня структурные преобразования системы здравоохранения республики осуществляются на основе организации трехуровневой системы оказания медицинской помощи с переходом от принципов районирования оказания медицинской помощи к принципу зонирования территории республики с формированием 7 больничных округов.

Проблемы управления. На наш взгляд, в отрасли не хватает грамотных медиков-управленцев, прошедших профессиональную подготовку по специальности «организация здравоохранения и общественное здоровье». Главные врачи центральных районных больниц

– в основном высококвалифицированные клиницисты, которым не хватает управленческих компетенций. Необходимо существенно повысить квалификационные требования к руководителям медицинских учреждений, организовать их постоянную переподготовку и повышение квалификации. Республиканское министерство здравоохранения нуждается в серьезной структурной реорганизации. Предлагаем ввести в структуру министерства следующие отделы: сельского здравоохранения, межведомственного, межрегионального и международного сотрудничества. В здравоохранении Бурятии недостаточно развиты межрегиональные и международные связи. Сайты учреждений здравоохранения Бурятии имеет смысл продублировать на английский язык для привлечения иностранных клиентов.

Материально-технические проблемы. В республике назрела необходимость модернизации материально-технической части здравоохранения (оборудование, транспорт и т.д.) и информатизации сети медицинских учреждений. Отмечается дефицит современного высокотехнологичного медоборудования, высокий износ транспортных средств (особенно карет «скорой помощи»). Медицинское оборудование по отрасли изношено на 60 %. Для труднодоступных территорий Бурятии перспективным и востребованным направлением является развитие санитарной авиации с целью своевременной эвакуации пациентов в профильную медицинскую организацию.

Кадровые проблемы. На наш взгляд, в региональном здравоохранении следует возродить целевую подготовку кадров, особенно для сельского здравоохранения. Крайне важно усилить меры социальной поддержки будущих медиков в форме выплаты стипендий в период обучения, обеспечения общежитием, выплаты подъемных при трудоустройстве и обеспечения жильем. Кроме того, необходимы дополнительные расчеты потребностей в трудовых ресурсах и планирование отраслевого прогноза на долгосрочную перспективу.

Еще одним важным звеном модернизации здравоохранения Бурятии должна стать грамотная маркетинговая деятельность и информационная политика. Сегодня во всех крупных учреждениях здравоохранения региона функционируют маркетинговые службы, ориентированные в основном на привлечение платных пациентов и т.п. Например, в Республике Бурятия Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко – крупнейшее региональное учреждение здравоохранения, имеющее международные сертификаты качества оказания

медицинской помощи, разработала современные программы диагностики и лечения пациентов «Здоровое сердце» и т.п., которые оказались очень востребованы местным населением. Необходимо наладить продвижение не только медицинских услуг, но и лекарственных препаратов, медицинских технологий, оборудования, научных идей и т.д. Все это позволит привлечь дополнительные средства для наращивания ресурсной базы здравоохранения СФО.

Отдельно следует отметить необходимость реализации инновационных проектов, которые могли бы стать флагманом модернизации. Сегодня в мире особенно успешно развиваются технологии в области генетики, клеточной и молекулярной биологии, которые способны в будущем коренным образом поменять представления о методах лечения самых опасных заболеваний. Будущее медицины – это компьютерная диагностика, интерактивные системы самоконтроля и самодиагностики, замена органов, 3D-печать тканей органов и протезов, генная терапия, бионические импланты и синтетические органы. Все эти инновации потребуют не только модернизации оборудования, но и совершенно иной кадровый состав специалистов. Об этом стоит задуматься уже сегодня. В Бурятии с ее развитой системой тибетской и традиционной бурятской медицины вполне реально было бы реализовать успешные проекты на основе синтеза традиционной медицины и новых фармацевтических и диагностических инновационных технологий.

Таким образом, развитие системы здравоохранения на региональном уровне является сложным процессом, требующим научно-организационного обоснования, оценки и сопровождения. Анализ текущей ситуации состояния системы здравоохранения Республики Бурятия показал, что Министерству здравоохранения Республики Бурятия и подведомственным организациям предстоит большая кропотливая работа по решению всех существующих проблем. Это, в свою очередь, позволит повысить качество и доступность оказываемой населению медицинской помощи. Для повышения эффективности проводимых мероприятий по модернизации отрасли необходим постоянный мониторинг статистических показателей, анализ отчетных материалов органов управления здравоохранением, так и проведение независимых социологических исследований – анкетирования населения и медицинских кадров с целью углубленного выявления проблем модернизации регионального здравоохранения.

Литература

Здравоохранение: необходимые ответы на вызовы времени // URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/02/Doklad_zdravoohranie_Web.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

Кожевников В. В. «Основные направления оказания медицинской помощи сельскому населению» // URL: http://www.minzdravrbr.ru/files/doklad_selsk.doc (дата обращения: 09.08.2017).

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ НАРОДНЫЙ ФРОНТ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ¹

В статье рассматриваются история формирования, организация и направления деятельности регионального отделения ОНФ в Республике Бурятия в контексте развития Общероссийского общественного движения «Народный фронт «ЗА РОССИЮ».

Ключевые слова. Общероссийский народный фронт; Республика Бурятия.

Anisimov Ivan Victorovich
 Regional office of the All-Russia People's Front
 in the Republic of Buryatia
 Buryat State University
Nolev Evgeniy Vladimirovich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

THE ALL-RUSSIA PEOPLE'S FRONT IN THE REPUBLIC OF BURYATIA: ORGANIZATION AND DIRECTIONS OF ACTIVITY OF THE REGIONAL OFFICE

The article deals with the history of the formation, organization and directions of activity of the regional office of All-Russia People's Front in the Republic of Buryatia.

Keywords: All-Russia People's Front; the Republic of Buryatia.

Предложенная 6 мая 2011 г. на пленарном заседании межрегиональной конференции региональных отделений партии Единая Россия в Южном Федеральном округе инициатива Владимира Владимировича Путина о необходимости создания нового политического объединения стала основой формирования уникального общественного института – Общероссийского Народного Фронта [Сергеев, 2011, с. 63]. До 2013 г. на основе представительства и взаимодействия различных патриотично настроенных социальных объединений и общественных организаций формировалась концепция и функциональное наполнение будущего движения, ставшего к тому же плацдармом для предвыборной компании В. В. Путина в 2012 г.

11–12 июня 2013 г. в Москве состоялся учредительный съезд Общероссийского общественного движения «Народный Фронт «ЗА РОССИЮ». В ходе съезда были приняты основные учредительные документы, включая Устав, закрепляющий надпартийный характер движения. Лидером ОНФ был избран действующий Президент Российской Федерации. В качестве целей движения было обозначено содействие единению и взаимному доверию, сотрудничеству и гражданской солидарности во имя исторического успеха России, ее свободы, процветания, благополучия и безопасности за счет развития гражданского общества, поддержки и обеспечения прямого и постоянного диалога между обществом и властью, вовлечения граждан в постоянную совместную работу по определению приоритетов и решению важнейших вопросов развития страны [Устав..., 2013, с. 2–3].

В рамках реализации одной из основных целей движения – гражданского контроля над исполнением

законов, президентских инициатив и иных приоритетных государственных решений и программ – ОНФ осуществляет общественный мониторинг Указов Президента, принятых 5 мая 2012 г.: «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»; «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»; «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»; «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»; «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»; «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». Так называемые «майские» указы стали основой для функционального наполнения ведущих направлений деятельности ОНФ и формирования структуры организации в виде следующих тематических площадок: «Общество и власть: прямой диалог», «Социальная справедливость», «Качество повседневной жизни», «Образование и культура как основы национальной идентичности», «Честная и эффективная экономика».

Управление центральным штабом и региональными отделениями осуществляется тремя сопредседателями, каждый из которых отвечает за тематический блок направлений. Со временем региональные отделения ОНФ организованы во всех субъектах Российской Федерации. Общее количество членов региональных штабов составляет 2 585 человек.

Закономерно, что этот значимый общественно-политический тренд был реализован и в Республике Бурятия. Координатором создания ОНФ в Бурятии стал председатель Президиума Бурятского научного центра

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

СО РАН Б. В. Базаров. Учредительное собрание регионального отделения ОНФ состоялось 2 октября 2013 г., в ходе которого был сформирован региональный штаб движения, избраны сопредседатели и ревизионная комиссия. В состав учредителей регионального отделения ОНФ вошли руководители общественных организаций, представители учреждений социальной сферы, производственных предприятий и бизнеса, выдающиеся деятели науки и культуры, а также видные политические деятели Республики Бурятия. Среди них первый президент Республики Бурятия, доктор экономических наук Л. В. Потапов; председатель Президиума Бурятского научного центра СО РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, академик РАН, депутат Народного Хурала РБ Б. В. Базаров; депутат Народного Хурала РБ, Заслуженный тренер России И. В. Марковец; профессор Бурятского государственного университета, доктор социологических наук Э. Д. Дагбаев; депутат Народного Хурала РБ, доктор сельскохозяйственных наук А. Г. Кушнарев; председатель республиканского совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Р. Б. Гармаев; председатель профсоюзов Республики Бурятия, кандидат исторических наук Д. В. Колмаков; исполнительный директор «Союза промышленников и предпринимателей Республики Бурятия» Н. С. Зайцев; руководитель казачьего народного ансамбля «Станица» Г. В. Григорьев и др. Сопредседателями регионального отделения были избраны проректор по учебной работе Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктор технических наук П. К. Хардаев; председатель Ассоциации национально-культурных центров – Дом Дружбы, кандидат педагогических наук С. Р. Баталова; директор по финансам и экономике АО «Вертолеты России» С. С. Желтиков. В рамках произошедшей в дальнейшем ротации в состав сопредседателей вошли главный врач городской поликлиники № 2 В. В. Колмакова и депутат Государственной Думы Российской Федерации Н. Р. Будувев. В 2014 г. был сформирован региональный исполком ОНФ в Республике Бурятия, руководителем исполкома назначен И. В. Марковец. В 2017 г. руководителем исполкома стала Ю. В. Ким, занимавшая ранее должность координатора по организационной работе.

Региональный штаб движения регулярно обновляется в рамках проведения ежегодных отчетно-выборных конференций. С 2013 г. в состав штаба вошли: народная артистка России Д. Л. Линховоин; главный врач городской поликлиники № 4 Т. Г. Бидагаева; профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктор экономических наук – В. Г. Беломестнов; заведующий лабораторией геохимии и рудообразующих процессов Геологического института СО РАН, кандидат геолого-минералогических наук Е. В. Кислов; доцент Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат экономических наук Н. Ю. Сандакова и др. Деятельность регионального отделения обеспечена поддержкой многих неравнодушных людей, занимающих активную гражданскую позицию в столице и муниципальных образованиях Республики Бурятия.

Структура регионального отделения была сформирована по аналогии с центральным штабом ОНФ. Основными направлениями деятельности тематической площадки «Общество и власть прямой диалог» стали совершенствование системы государственного управления; внедрение эффективных механизмов об-

щественного контроля; повышение информационной открытости органов власти; развитие и поддержка социально ориентированных НКО; защита прав журналистов и господдержка СМИ. Руководство рабочей группой тематической площадки последовательно осуществляли Э. Д. Дагбаев и Н. С. Зайцев. Совершенствование бюджетной политики, повышение эффективности бюджетных расходов и государственных закупок; государственная поддержка малого и среднего предпринимательства; снижение импортозависимости в реальном секторе экономики; развитие сельских территорий; развитие туризма; повышение доступности, эффективности и прозрачности мер господдержки для сельхозпроизводителей и субъектов малого и среднего предпринимательства являются приоритетами рабочей группы «Честная и эффективная экономика» под руководством В. Г. Беломестнова. В сферу направлений работы тематической площадки «Социальная справедливость», последовательно возглавляемой В. В. Колмаковой и Т. Г. Бидагаевой, входят: повышение качества оказания медицинских услуг в учреждениях здравоохранения; создание условий для улучшения социального самочувствия людей; контроль за качеством социальных услуг, оказываемых населению; развитие физической культуры и массового спорта; повышение условий жизни многодетных семей; создание доступной среды для людей с инвалидностью и маломобильных групп населения; развитие и информатизация в медицине. Совершенствованием государственной политики в сфере строительства, жилищно-коммунального хозяйства и развития территорий; созданием условий для участия граждан в благоустройстве среды проживания; общественным контролем над реализацией программ капитального ремонта и переселения из аварийных домов, качеством оказания жилищно-коммунальных услуг занимаются члены тематической площадки «Качество повседневной жизни» под руководством Н. Г. Борхоновой. Основными направлениями работы тематической площадки «Образование и культура как основы национальной идентичности», возглавляемой Н. Ю. Сандаковой, являются: обеспечение права на доступное и качественное образование; снижение административной нагрузки в образовании; духовно-нравственное и трудовое воспитание; доступность социальной и культурной инфраструктуры; мониторинг строительства школ и центров культурного развития; совершенствование среднего профессионального образования, помощь в создании центров профессиональной компетенции.

Наряду с тематическими площадками, осуществляющими комплексную деятельность в обозначенных сферах, в Республике Бурятия реализуются следующие проекты ОНФ: «Карта жизни» (руководитель Д. С. Брянский), «Народная оценка качества» (руководители Н. Ю. Сандакова, Т. Г. Бидагаева); «За честные закупки» (руководитель Е. Е. Занданова); «Равные возможности – детям»; «Профстажировки» (руководитель Н. Ю. Сандакова); «Зеленый щит» (руководитель А. Я. Сукнев); Центр общественного мониторинга по проблемам экологии и защиты леса (руководитель Е. В. Кислов); Центр мониторинга благоустройства городской среды (руководитель Р. К. Санжицыренова); патриотические проекты (руководитель М. В. Аникьева).

Расширение федеральной повестки в деятельности ОНФ предопределило формирование новых направлений и механизмов работы регионального отделения. Так, в 2015 г. был сформирован региональный центр мониторинга по проблемам экологии и защиты леса,

что было особенно актуально в Республике Бурятия в условиях роста числа пожаров в засушливые годы. Благодаря развитию интерактивных инструментов общественного контроля и активному их внедрению в практику ОНФ посредством интернет-ресурсов были расширены возможности участия граждан в улучшении качества жизни. Так, в рамках созданного в 2017 г. проекта ОНФ «Дорожная инспекция ОНФ / карта убитых дорог» реализация участия граждан в формировании дорожной политики и улучшении качества дорог определяется наличием возможности оперативного сообщения о дефектах дорожного покрытия на сайте проекта dorogi-onf.ru, что стало основанием для запуска процедуры ремонта отмеченных дорог. К марту 2018 г. на карте проекта в Республике Бурятия отмечен 61 проблемный участок дорожного покрытия, требующий ремонта, из них 5 отремонтировано, на 14 произведен ямочный ремонт, 2 определены в планах ремонта в 2018 г., остальные находятся на рассмотрении. Подобный механизм гражданского участия положен в основу другого проекта ОНФ – «Генеральная уборка», направленного на повышение эффективности общественного контроля со стороны граждан над санитарным состоянием своего региона. На открытом сетевом ресурсе «Интерактивная карта свалок» на территории Республики Бурятия по состоянию на март 2018 г. обозначены 95 несанкционированных свалок, 25 из которых ликвидированы, по остальным объектам подготовлены и направлены соответствующие запросы.

Следует отметить, что деятельность регионально-го отделения общероссийского Народного Фронта не ограничена федеральной повесткой, актуализируя стратегически важные вопросы развития Республики Бурятия. Одним из важнейших направлений работы ОНФ в Республике Бурятия стал вопрос об охране озера Байкал и социально-экономическом развитии Байкальской природной территории, предполагающий разработку концепции развития Республики Бурятия в условиях действия природоохранных ограничений. Данный вопрос неоднократно обсуждался в рамках конференций ОНФ в докладах Б. В. Базарова, Л. В. Потапова, Е. В. Кислова, Е. В. Нолева. Принятие Правительством РФ распоряжения № 368-р «Об установлении водоохранной зоны озера Байкал», затронувшего население четырех прибрежных районов республики, вызвало рост социальной напряженности. В этих условиях произошло расширение внутренней повестки работы ОНФ, были организованы тематические заседания с участием активистов ОНФ, руководителей администраций прибрежных поселений, представителей министерств и ведомств, призванные разработать компромиссные механизмы обеспечения охраны озера Байкал без ущерба для интересов местно-

го населения и сохранения возможности дальнейшего социально-экономического развития прибрежных районов.

Эффективность деятельности регионального отделения ОНФ определяется исполнением ряда общественных предложений, сформированных на основе мониторинга реализации указов президента и государственных программ, а также решением большого числа вопросов местного значения и реализацией региональных инициатив. Примеры положительных результатов работы регионального отделения приведены на официальном сайте движения [Республика Бурятия]. Следует отметить, что неоднократно результаты деятельности ОНФ в Республике Бурятия позиционировались как лучшие региональные практики в ежегодных отчетах Народного Фронта. Так, в отчете за 2016 г. отмечено, что в Республике Бурятия после вмешательства ОНФ Федеральная антимонопольная служба РФ приняла решение о снижении стоимости электроэнергии для жителей региона во втором полугодии 2016 г. на 6 % – до 2,87 руб. [Территория ОНФ. Итоги работы, 2016, с. 53]. По итогам 2017 г. одним из показательных примеров реализованных общественных предложений была названа инициатива регионального отделения о возмещении 65 % стоимости пребывания детей в частных детских садах на условиях государственно-частного партнерства [Территория ОНФ. Итоги работы, 2017, с. 70].

За время своего существования Народный Фронт стал значимым институтом формирования кадрового потенциала политической элиты России. Не стала в этом плане исключением и Республика Бурятия, где двое представителей ОНФ заняли высокие посты в структурах федеральных и региональных органов власти. В 2016 г. Н. Р. Будувев был избран депутатом Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, заняв пост заместителя председателя Комитета по экологии и природным ресурсам. В 2018 г. Е. И. Малыгин, став победителем конкурса «Лидеры России», был назначен заместителем министра туризма Республики Бурятия.

Таким образом, региональное отделение ОНФ в Республике Бурятия стало в полной мере консолидирующим надпартийным общественным движением, осуществляющим общественный контроль и мониторинг исполнения важнейших государственных указов и реализации государственных программ в республике. Работа регионального отделения ОНФ основана на принципах конструктивного диалога и взаимодействия власти и общества, участия граждан в деле решения актуальных проблем Республики Бурятия в целях содействия реализации комплексного развития Российской Федерации.

Литература

- Сергеев С. Г. Особенности институционализации и политический потенциал Общероссийского народного фронта // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 3. С. 62–71.
- Республика Бурятия // Общероссийский народный фронт. Официальный сайт // URL: https://onf.ru/region/buryatia_republic (дата обращения: 01.03.2018).
- Территория ОНФ. Итоги работы. М., 2016. 63 с.
- Территория ОНФ. Итоги работы. М., 2017. 77 с.
- Устав Общероссийского общественного движения «Народный фронт «ЗА РОССИЮ». М., 2013. 13 с.

РАЗДЕЛ 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI 10.30792/ 978-5-7925-0521-6-2018-70-73

Гармаев Эндон Жамьянович, Андреев Сергей Геннадьевич
Байкальский институт природопользования СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
garend1@yandex.ru, baikal.andreev@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ¹

В данной работе рассмотрены климатические предпосылки развития неблагоприятных экологических ситуаций на примере режима увлажнения, который выступает в регионе основным фактором, лимитирующим многие природные процессы. Наблюдаемый затяжной засушливый период, который сформировал ряд экологических проблем в регионе, в историческом плане не уникален. Природа циклично восстанавливает прошлые климатические параметры в границах устойчивости системы. Отмечена важность рационального использования климатического фона в тот или иной период времени.

Ключевые слова: климат; маловодный период; пожары; природопользование.

Garmaev Endon Zhamyanovich, Andreev Sergey Gennadievich
Baikal Institute of Nature Management of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

CURRENT ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The paper deals with climatic preconditions for development of disadvantaged ecological situations on example of the moisture regime, which acts is the main factor that limits various natural processes in the region. The observed steady dry period, which formed a number of environmental problems in the region, historically is not unique. Nature cyclically restores past climatic parameters within the limits of system stability. It is important to make efficient use of the climate background from period to period.

Keywords: climate; low water period; fires; nature management.

В современном мире выделяется ряд основных проблем человечества: дисбаланс в мировой демографической ситуации, продовольственная проблема и проблема окружающей среды. К глобальным проблемам окружающей среды в современности относятся: изменчивость климата, опустынивание, обезлесение, уменьшение биоразнообразия, истощение сырьевых ресурсов, проблемы загрязнения и др. На региональном уровне в бассейне оз. Байкал на территории Бурятии эти экологические проблемы в той или иной степени проявляются, имея в своей основе природные процессы и процессы антропогенного характера: пожары, наводнения, малый уровень рек и озер, техногенные сбросы, выбросы, твердые бытовые и промышленные отходы, дефицит питьевых ресурсов, рубка леса, сокращение флоры и фауны и т.д. В данной работе остановимся на климатических предпосылках развития неблагоприятных экологических ситуаций на режиме увлажнения, который выступает в регионе основным фактором, лимитирующим многие природные процессы.

Бассейн оз. Байкал, охватывающий основную часть территории республики, расположен почти в центре крупного азиатского материка, где около 73 % речных вод формируется на территории России, 27 % – в Монголии [Гармаев, 2017]. С конца 1990-х гг. регион бассейна «вошел» в затяжной маловодный период, который является рекордным по продолжительности за весь период инструментальных наблюдений. Но подобный период не уникален, нами зарегистрированы продолжительные засухи и в прошлом. Так, например, из исторических хроник и данным дендроклиматического анализа можно отметить продолжительные 20-25-летние маловодные периоды – практически вся первая четверть XVIII в.

была охвачена «Засухой великой» [500-летняя..., 2003], в результате которой деревья находились в крайне угнетенном состоянии, также в середине XIX в. с 1835 по 1854 г. отмечено обмеление рек, пожары и неурожай. В среднем на каждые 130-140 лет приходится по 1-2 затяжных засушливых периода.

Нарушение уровня режима оз. Байкал вследствие продолжительного маловодного периода приходится на июнь 2014 г., и эта отрицательная тенденция продолжается по настоящее время. За летний сезон 2017 г. озеро Байкал приняло минимально малый объем воды за весь период инструментальных измерений. В прошлом году уровень озера поднялся всего на 37 см, что ранее никогда не отмечалось. Есть вероятность, что маловодный период может продолжиться и в последующие годы [Dabaeva, 2016].

Процесс маловодья происходит на фоне глобальных изменений климата, что подтверждается многолетними данными станций сети Всемирной метеорологической организации и национальных сетей. В Северном полушарии изменения в сторону повышения температуры воздуха выражены сильнее, чем на Земле в целом, а на территории Байкальского региона и Забайкалья – еще сильнее, на 2-2,5°C. Надо отметить, что в последнее десятилетие среднегодовая температура в Забайкалье становится устойчиво положительной, что ранее отмечалось эпизодически. При этом необходимо уточнить, что повышение температур идет пока только за счет зимних температур, где летние температуры остаются в относительной стабильности.

В среднегодовых переменах состояниях климата в весенний период выделяется период полупустынного развития природных процессов, приуроченного к апрелю-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований IX.137.2 «Природные и социально-экономические процессы в зоне влияния Великого Шелкового и Чайного пути в условиях глобализации и изменения климата» и финансовой поддержке проекта РФФИ 17-29-05083 «Ретроспективная оценка водности бассейна озера Байкал по данным дендроклиматического анализа».

мая-июню [Дамбиев, 2000]. По полученной нами климатограмме пожароопасности по Вальтеру и Лиз, этот период закономерно совпадает с наиболее пожароопасным сезоном, охватывая апрель-май (рисунок 1). Весенние и летние засухи различной интенсивности наблюдаются ежегодно с пиковой периодичностью раз в 6-12 лет. Иногда число засушливых дней доходит до 40. Коэффициент увлажнения по Н. И. Иванову близок к показателям зоны полупустынь – 0,1-0,2. По данным Гослесфонда Республики Бурятия ежегодно пожары проходят в среднем 117 536 га в год за последние 20 лет.

Данные по лесным пожарам представлены на рисунке 2, на котором прослеживаются циклические колебания и некоторые закономерности. Известно, что при прочих равных условиях (наличие горючего материала в лесах, частота природных источников возгорания – молний) вероятность возникновения лесных пожаров увеличивается в сухие и жаркие годы, плюс человеческий фактор [Фуряев, 1996; Фугаев, 2001].

Пики катастрофических лесных пожаров приходились на 1943–1944, 1953–1954, затем 1996, 2003, 2008–2009, 2014–2015 гг. (рис. 2). В 2015 г. произошли самые масштабные пожары как по количеству (1573 ед.), так и по площади

сгоревших лесов (890 тыс. га) за весь период наблюдения. Интересен ход статистических кривых, где визуально выделяется период с конца 1950-х по конец 1980-х гг. (на графике выделен голубой стрелкой). В данный период при относительно высоком уровне количества зарегистрированных пожаров распространение по пораженным площадям составляло в среднем лишь около 14 000 га. Последующий период (90-е гг. прошлого столетия) совпадает с развалом СССР и системы природоохранного управления в целом, развалом службы авиалесоохраны и т.д., что, как можно предположить, привело к резкому росту количества возгораний и площадей, сходных с периодом довоенно-послевоенного уровня. Средние значения площади пожаров за период с 1990 по 2017 гг. составляют уже 117 536 га, что превышает советский период в более чем в 8 раз! Но в данном случае современный период осложняется, как было отмечено выше, затяжным засушливым периодом с конца 90-х гг. прошлого века по настоящее время, которое не имеет аналога за инструментальный период, кроме как в историческое время XVIII и XIX вв.

Кросс-спектральный анализ дендрохронологических рядов и динамики лесных пожаров выявил циклическую структуру взаимных спектров, где цикличность интенсив-

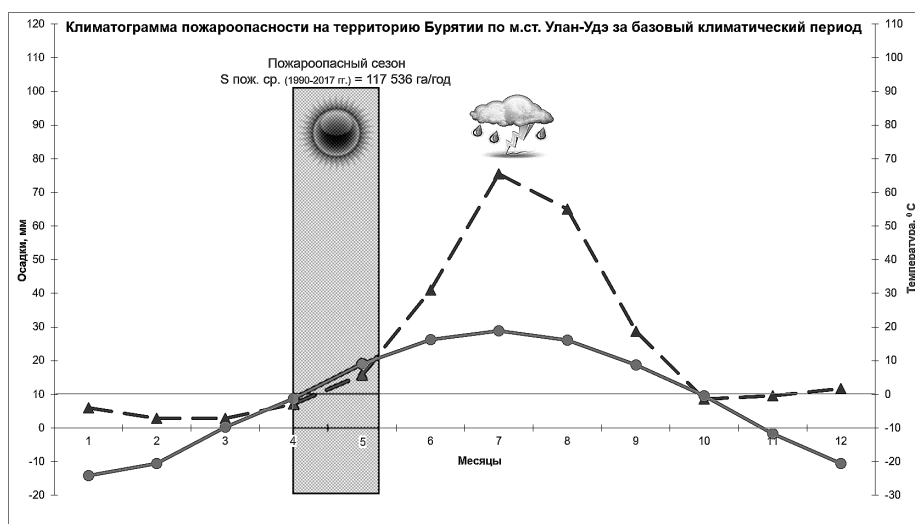


Рис. 1. Климатограмма пожароопасности для Республики Бурятия

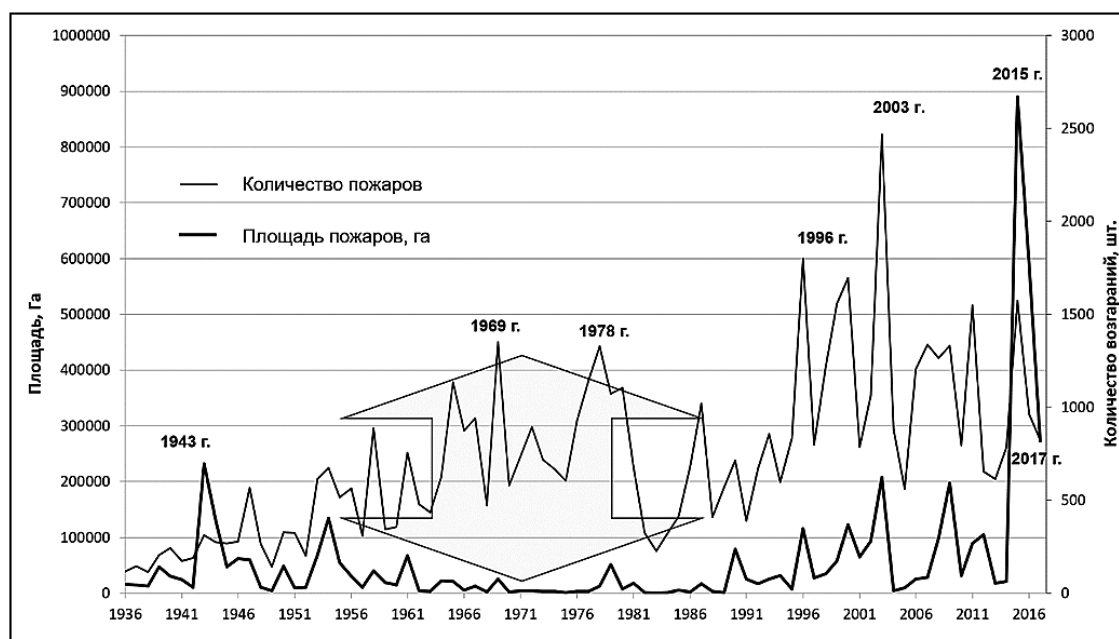


Рис. 2. Динамика лесных пожаров на землях Гослесфонда (ГЛФ) Республики Бурятия в 1936–2017 гг.

ности возникновения пожаров совпадает с режимом увлажнения в бассейне оз. Байкал [Андреев, 2016]. Пики спектров приходятся на 6,5 лет, 13 лет и на 26,5 лет (рисунок 3).

Засушливый период последних десятилетий очень сильно отразился на многочисленных, но в то же время мелководных водоемах Бурятии, где ярким примером действия климатических факторов является бассейн Еравно-Харгинской системы озер. По данным анализа спутниковых данных с сайта Global Forest Watch [www.globalforestwatch.org] за период с 2000 по 2017 гг., потери лесопокрытой поверхности бассейна (90 731 га) от лесных пожаров и рубок всех категорий составили 6 019 га или 6,6 % лесопокрытой территории. Дополнительно был проведен пространствен-

но-временной анализ распределения лесных пожаров и рубок по спутниковым данным низкого разрешения MODIS, который выявил схожие результаты (рисунок 4). Методика обработки представлена в статье [Sodnomov, 2018].

При этом лесовосстановление в бассейне произошло на площади всего 211 га, что составляет 3,5 % от площади всех лесопотерь за последние 18 лет. На рисунке видно, что потери лесного покрова охватывают в том числе верховья питающих рек, что усугубляет современную ситуацию – это в комплексе закономерно ведет к уменьшению и исчезновению стока малых рек. В свою очередь, питаемые озера с малой глубиной 3-6 м реагируют прямолинейно и за сезон могут полностью исчезать. На апрель 2018 г. в ходе поле-

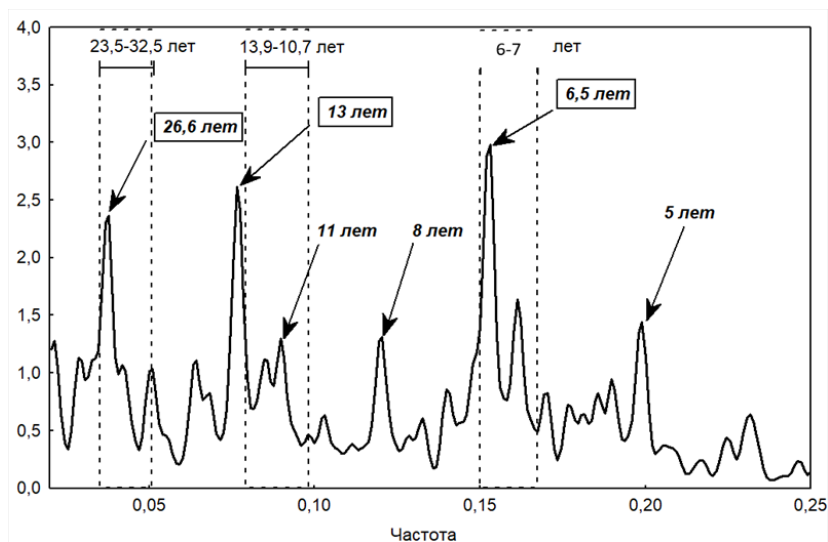


Рис. 3. Спектральный анализ. График кросс-спектрального анализа ряда выпавших колец хвойных деревьев с рядом частоты возникновения пожаров в Республике Бурятия

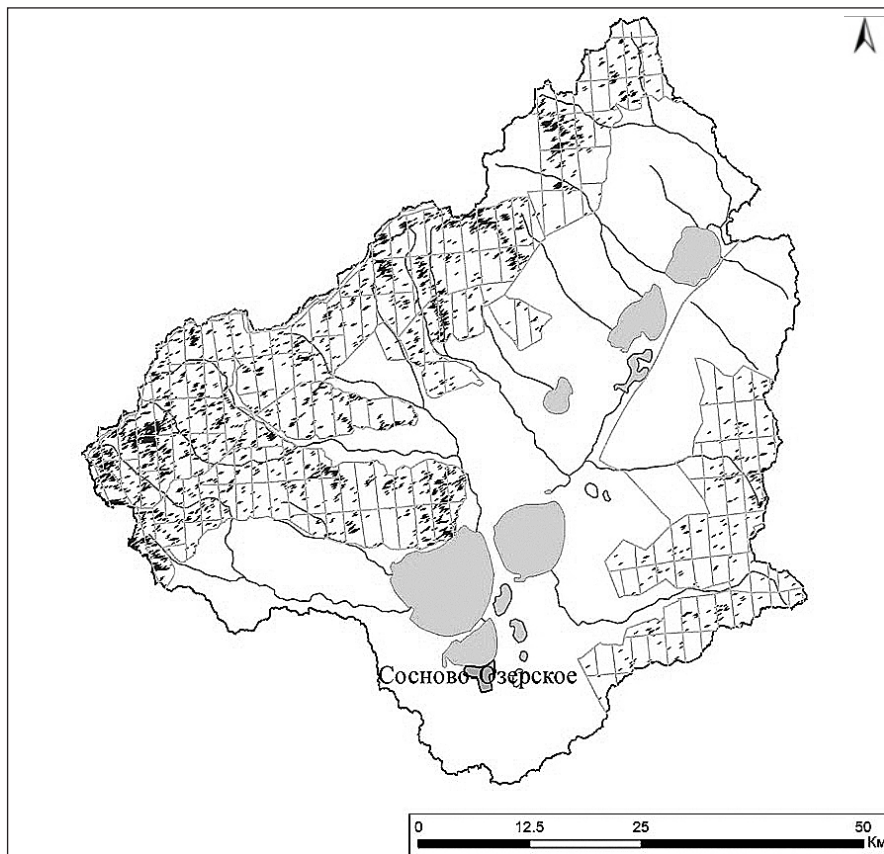
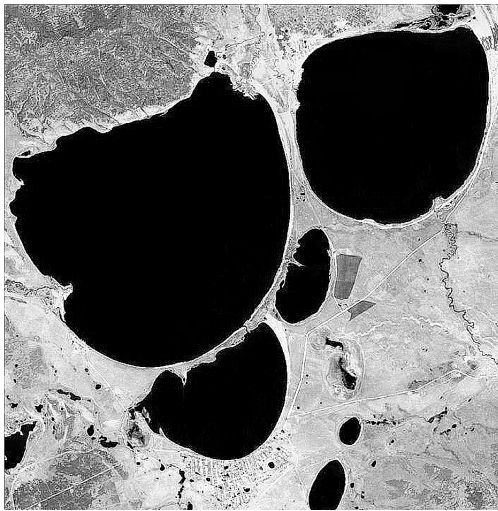
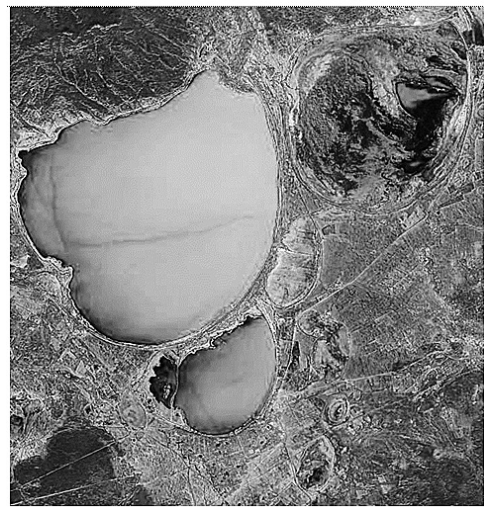


Рис. 4. Потери лесопокрытой поверхности бассейна Еравно-Харгинской системы озер за 2000–2017 гг. Темные пятна – суммарные площади потерь (6 019 га), выделенные сегменты – территория лесничеств



А



Б

Рис. 5. Космоснимки: А – снимок Landsat-5 от 20.05.10 г.; Б - снимок Landsat-8 от 24.03.18 г.

вых обследований и спутниковых данных зафиксировано, что за последние годы произошло практически полное пересыхание озер Малое Еравное, Хаймисановское, Хоготуй, Хорхойта, Холинка и др. (рисунок 5).

Отметим, что подобные явления фиксировались и ранее. Так, «в 1870 г. озера Еравнинской группы настолько высохли, что вода сохранялась только в глубоких ямах и бороздах некоторых из них. Огромные площади бывших озер превратились в луга. Ванна мелководного оз. Укыр в 1927 г. была сухой и служила пастбищем, в 1931 г. начала затопляться; в 1946 г. озеро имело площадь 4,8 км²» [Предбайкалье..., 1965]. В настоящее время дно оз. Малое Еравное служит пастбищем для скота, которое поедает прошлогодние водные растения, оставшиеся еще в достаточном количестве.

Таким образом, наблюдаемый затяжной засушливый период, сформировавший ряд экологических проблем в регионе, в своей основе не уникален. Природа циклично восстанавливает прошлые климатические параметры в границах устойчивости системы. Другой стороной проблемы является рациональное использование климатического фона в тот или иной период времени. В маловодные периоды необходимо строго регламентировать промышленные и частные рубки. В пиковый по пожарам 2015 год из общей площади сгоревших лесов более половины находились в Центральной экологической зоне БПТ, где запрещены сплошные рубки по ФЗ «Об охране озера Байкал». Поэтому

необходимо внести дополнения, предусматривающие проведение сплошных санитарных рубок на лесных участках Центральной экологической зоны БПТ, где насаждения погибли от верховых и интенсивных низовых пожаров. Также нужно активно проводить мероприятия по лесовосстановлению на нарушенных участках.

Для обеспечения населения качественной питьевой водой необходимы комплексные гидрогеологические обследования территорий и рациональное гидротехническое планирование на водных объектах. В неблагоприятные периоды совершенно недопустимо «играть» уровнем режимом оз. Байкал в угоду сиюминутных целей энергетиков и других водопользователей. Форсирование в пределах сезона верхней планки уровня воды в период паводков до 457,85 м обрекает восточный берег Байкала на подтопление, абразию береговой линии и перестройку прибрежной экосистемы. В опасности окажутся дельта реки Селенга, Чивыркуйский перешеек, соединяющий «большую землю» с полуостровом Святой Нос, а также Верхнеангарский сор, острова архипелага Ярки на севере озера. В силу инерционности пострадает экосистема оз. Байкал, устоявшаяся за многие годы маловодья, закрепленная законодательно в рамках околосредних колебаний. С другой стороны, в маловодный период чрезмерное понижение уровня воды до 455,54 м в целях выработки энергии также несет в себе катастрофические последствия на многие десятилетия.

Литература

- 500-летняя хронология аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии. «Современная геодинамика и гелиодинамика». Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 383 с.
- Андреев С. Г., Гармаев Е. Ж., Аюржанаев А. А., Батоцыренов Э. А., Гуржапов Б. О. Реконструкция водности рек и исторические хроники экстремальных природных явлений Байкальской Азии // Научное обозрение. 2016. № 5. С. 35–39.
- Гармаев Е. Ж., Цыдыпов Б. З., Дабаева Д. Б., Андреев С. Г., Аюржанаев А. А., Куликов А. И. Уровненный режим озера Байкал: ретроспектива и современное состояние // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2017. № 2. С. 4–18.
- Дамбиев Э. Ц. Степные ландшафты Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2000. 198 с.
- Предбайкалье и Забайкалье. М.: Наука, 1965. 492 с.
- Dabaeva D. B., Tsydyrov B. Z., Ayurzhanaev A. A., Andreev S. G. and Garmaev Y. Zh. Peculiarities of Lake Baikal water level regime // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. IOP Publishing, 2016. Vol. 48. № 1. 012014.
- Sodnomov B. V., Ayurzhanaev A. A., Tsydyrov B. Z., Garmaev E. Zh. Algorithm of assessment of the MODIS NDVI long-term variations // J. Sib. Fed. Univ. Eng. Technol. 2018. № 11 (1). P. 61–68.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БУРЯТИИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ЛИКИ БУДУЩЕГО**

Рассмотрены основные проблемы социально-экономического развития Республики Бурятия. Описаны ключевые факторы, определявшие стратегию развития республики в прошлом. Исследованы глобальные вызовы, актуальные для Российской Федерации и возможности ответа на них с позиций Республики Бурятия.

Ключевые слова: Бурятия; развитие; стратегия; глобальные вызовы.

Dondokov Zorikto Bato-Dugarovich

Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**THE STRATEGIC DIRECTIONS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF BURYATIA:
PAST, PRESENT AND FACES OF THE FUTURE**

The main problems of social and economic development of the Republic of Buryatia are considered. The key factors determining strategy of the republic's development in the past are described. The global challenges that are relevant for the Russian Federation and possible answers from the positions of the Republic of Buryatia are explored.

Keywords: Buryatia; development; strategy; global challenges.

Республика Бурятия является регионом с низким уровнем социально-экономического развития. В последние годы отставание республики по основным макроэкономическим показателям от других регионов России увеличивается (см. таблица 1).

К сожалению, нет особых оснований полагать, что негативные тенденции в экономическом развитии республики в ближайшем будущем будут преодолены. Значительная часть предприятий первичного сектора экономики Бурятии, включающего сельское хозяйство, рыболовство, лесозаготовку, добычу полезных ископаемых, не имеет особых перспектив развития. В определяющей степени это связано с особым режимом хозяйственной деятельности на Байкальской природной территории.

Нет устойчивости в развитии обрабатывающих производств, включая крупнейшие промышленные предприятия Республики Бурятия – локомотивово-ремонтный завод, авиационный завод, приборостроительное объединение. Пик их развития, по всей видимости, прошел. Вызывает тревогу ликвидация в Бурятии предприятий легкой и пищевой промышленности. В условиях стагнации и спада большинства предприятий первичного и вторичного секторов экономики сфера услуг республики не стала «локомотивом» экономического развития республики. Для преодоления отставания от большинства регионов России Республика Бурятия должна развиваться более высокими темпами. Вместе с тем Бурятия самостоятельно не сможет решить проблемы развития. Нужна федеральная помощь, в том числе путем включения республики в государственные и федеральные целевые программы.

Стандартный подход, когда при разработке документов стратегического планирования показывают преимущества региона (богатые природные ресурсы, выгодное географическое расположение, включая бли-

зость к рынкам сбыта, наличие портов, железнодорожных магистралей, других объектов инфраструктуры и т.п.), Бурятии не подойдет: по большому счету у республики этих преимуществ нет или они недоступны. Нам нужен другой путь, другой подход, связанный с решением не только своих региональных проблем, а проблем федерального уровня. Ключевой вопрос: как доказать руководству страны значимость решения проблем нашей республики?

Для поиска оптимальных путей развития территории в будущем важно знать ее прошлое. Сделаем небольшой экскурс в экономическую историю республики и рассмотрим ключевые факторы ее развития. Развитие Бурятии в 1930-е гг. характеризовалось масштабной индустриализацией, которая проходила по всей стране. Вместе с тем ключевым фактором, определившим строительство крупнейших промышленных предприятий республики, включая авиационный завод, ЛВРЗ, мясокомбинат, стала нарастающая угроза со стороны милитаристской Японии. Это определило высокую стратегическую значимость Бурят-Монгольской АССР для руководства СССР. Второй раз геополитический фактор проявился в Бурятии в 1970-е гг. в связи с резким ухудшением отношений между СССР и Китаем. Развернулось строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, были созданы крупные промышленные предприятия, включая завод металло-мостовых конструкций, Гусиноозерскую ГРЭС, Тугнуйский угольный разрез. Получили развитие предприятия машиностроения республики: приборостроительное объединение, «Теплоприбор», «Бурятферммаш» и др.

Рассмотрим глобальные вызовы, стоящие сегодня перед Российской Федерацией и возможности ответа на них с позиций стратегических направлений развития Республики Бурятия. Резкое ухудшение отношений со странами Запада начиная с 2014 г. определяет геополити-

Таблица
Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.

	1998 г.	2007 г.	2007 г. к 1998 г., в разах	2016 г.	2016 г. к 2007 г., в разах
Российская Федерация	15,3	195,8	12,95	472,1	2,41
Сибирский федеральный округ	14,6	154,7	10,59	369,1	2,38
Республика Бурятия	10,9	111,3	10,21	202,6	1,82

тическую важность задач по ускоренному развитию восточных регионов России и укреплению международного сотрудничества с динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В этих условиях Бурятия снова становится стратегически важным регионом. Приграничное расположение республики обеспечивает возможность реализации в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия проектов по развитию транзитного транспорта, расширению сотрудничества в промышленном, энергетическом, туристическом, образовательном и научно-техническом секторах.

Второй вызов заключается в исчерпании возможностей экономического роста Российской Федерации, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов. Основным фактором развития мировой экономики являются новые производственные технологии. России необходим постепенный переход от «сырьевой модели» с высокими антропогенными нагрузками на окружающую среду к инновационной экономике, базирующейся на использовании достижений науки и передовых технологий.

Ключевой особенностью Республики Бурятия, оказывающей влияние на ее социально-экономическое развитие, является «байкальский фактор». Экономика Бурятии несет значительные экономические потери, обусловленные особым режимом хозяйственной деятельности, действующим на большей части территории республики. Введены ограничения на деятельность по добыче полезных ископаемых, лесозаготовкам, рыболовству, сельскому хозяйству. В силу этого проблемы перехода на новую модель экономического развития для Республики Бурятия имеют исключительную актуальность. В определенной степени ситуация в республике аналогична проблемам развития Японии и т.н. «новых индустриальных стран» – Республики Корея, Сингапура, Тайваня, не имеющих значительных природных ресурсов. В Бурятии, напротив, таких ресурсов достаточ-

но много, но воспользоваться ими республика в полной мере не может из-за жестких экологических ограничений. Выходом из этой ситуации может стать получение Бурятией статуса пилотного региона по апробации новых механизмов создания и развития современных несырьевых производств.

Третий вызов связан с новыми внешними и внутренними угрозами национальной безопасности, включая угрозу утраты национальной и культурной идентичности российских граждан, обусловленную проникновением и распространением в России нетрадиционных идеологических концепций. Республика Бурятия является уникальным субъектом Российской Федерации – в стране больше нет таких полиэтнических и многоконфессиональных регионов. Высокий уровень толерантности населения республики при сохранении традиционных ценностей проживающих на ее территории народов может и должен стать примером для других регионов России. На наш взгляд, у Республики Бурятия есть все предпосылки стать пилотным регионом Российской Федерации в сфере сохранения национальной и культурной идентичности и хороших межнациональных отношений.

Четвертый вызов обусловлен наличием значительными различиями в уровне социально-экономического развития регионов России, неравномерным размещением производительных сил и низкой плотностью населения на Востоке страны. Это определяет необходимость отработки организационных механизмов ускоренного развития отстающих, депрессивных регионов, таких как Республика Бурятия.

В целом, подводя итоги, можно сделать следующий вывод: Республике Бурятия необходим специальный документ стратегического планирования – отдельная федеральная государственная программа, на примере которой следует отработать и затем распространить на другие субъекты РФ новые формы и механизмы социально-экономического развития российских регионов.

«ПОКУПАТЕЛЕЙ... СЪЕХАЛАСЬ МАССА, И ТОРГОВЛЯ БЫЛА ОЖИВЛЕННОЙ»¹

(Забайкальская ярмарочная торговля в последней четверти XIX – начале XX в.: динамика и специфика)

Анализируется процесс трансформации ярмарочной сети в Забайкалье. Необходимость в фабричных товарах при слабом развитии транспортной инфраструктуры обеспечила ярмарке ведущую роль в торговле, сохранившуюся и после проведения Транссибирской магистрали.

Ключевые слова: ярмарка; товар; торговые обороты; предмет торга.

Kalmina Lilia Vladimirovna

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

«CUSTOMERS... WERE QUITE A LOT AND THE TRADE WAS LIVELY»

(Transbaikal fair trade in the last quarter of 19th – beginning of 20th centuries: specific and dynamic)

Fair network transformation process is analyzed. Need for factory goods provided the leading role in the trade and remained after Transsiberian railway construction because the transport infrastructure was developed rather weak.

Keywords: fair; goods; trading circulation; subject of trade.

В рассматриваемый период экономика Забайкалья все еще имела «колониальный» характер, что выразилось в ее отраслевой структуре. Слабое развитие местной промышленности и рост потребностей в товарах фабричного производства обусловили доминантное положение торговли. При отдаленности Сибири от промышленных центров и неразвитости путей сообщения основными формами торговли оставались ярмарочная и базарная.

Во второй половине XIX в. в Забайкалье сложилась сеть ярмарок со сроками проведения в зависимости от торговой специализации. Первую строчку в ярмарочном рейтинге занимала учрежденная в 1768 г. Верхнеудинская зимняя ярмарка, на которую съезжались торговцы из Иркутска, Нерчинска, Читы, Кяхты, Баргузина, с Амура. Время ее проведения – с 25 января по 10 февраля – определялось зависимостью от установления прочной дороги через Байкал. На ярмарке торговали кожевенными, бакалейными, «колониальными», москательными товарами, парфюмерией, пушниной. Но главным предметом торга была мануфактура – до 20 % торгового оборота [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 236. Л. 10]. Возможность получать товары московских, варшавских и зарубежных фирм, с которыми приезжающие на ярмарку иркутские купцы имели прямые коммерческие связи, обеспечивала ей значимость среди ярмарок Восточной Сибири и роль главной составляющей местной торговли [Экономическое состояние..., 1882, с. 337].

Вокруг Верхнеудинска как одного из узловых межрегиональных ярмарочных центров выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [Шахеров, 2011, с. 135–136]. Наиболее крупными из них были Спасо-Преображенская, Агинская и Онинская. Главным предметом торга Спасо-Преображенской ярмарки был соленый омуль, время улова которого совпадало со сроками проведения ярмарки – с 1 августа до 20 сентября. На Агинской ярмарке, учрежденной в 1864 г., «обращались местные сырые произведения», китайские ткани и предметы, необходимые в инородческом быту. Проводилась она в первую неделю декабря. Теми же товарами торговали на Онинской (Анинской) ярмарке в ведомстве Хоринской Степной думы. Открытая в 1801 г., она проводилась с 25 декабря по 7 января. Предметом торга Иргенской яр-

марки, проводившейся на девятой неделе после Пасхи, преимущественно были изделия Петровского железодельного завода [Обзор Забайкальской..., 1908, с. 41].

Ниже мы приводим таблицу ярмарочных оборотов за два с половиной десятилетия. В отчетах 1880-х гг. значились просто «обороты» – без деления на привоз и продажу. По логике приведенные цифры касаются продаж, ибо, скорее, по этому показателю, чем по объему привезенных товаров можно судить об успехе или неудаче ярмарки. Однако утверждать это с полной уверенностью нельзя. В 1890-е гг. в отчетах стали указывать обе цифры, хотя впоследствии они опять стали обозначаться одной. При наличии данных об объемах привоза и продаж товара в таблице мы разделили их косой чертой.

Первое, на что обращаешь внимание при анализе статистических данных, – отсутствие в ряде случаев точных цифр ярмарочных оборотов. В частности, в отчете о Верхнеудинской зимней ярмарке 1884 г. их диапазон слишком уж широк – от 1,5 до 3 млн руб. Учесть точный объем товаров и впрямь было очень сложно. Городская управа неоднократно выражала тревогу по поводу того, что «главные оптовые торговцы в доставленных ими... сведениях показали об обороте своей торговли на половину менее против действительного произведенного ими...» [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 520. Л. 42; Д. 1038. Л. 18; Д. 2702. Л. 7]. Наблюдавший за ярмаркой 1895 г. полицейский чиновник, произведя собственные подсчеты по числу подъехавших подвод, объему погруженного на них товара, количеству занятых мест на постоянных дворах и числу ночевков каждой подводы, сделал вывод: «Самые сведения, представленные некоторыми, даже очень значительными, фирмами, уменьшены от 2 до 4 даже раз против действительности». «Нежелание многими обнаруживать размеры своего дела» чиновник объяснял страхом уплаты процентного сбора, «усиленного у некоторых вкоренившимся убеждением, что действительный оборот их может в будущем быть обложен процентным сбором за старые года» [Забайкальские областные..., 1895]. Поэтому в ярмарочной статистике весьма приблизительные данные с припиской «обороты простираются до...» встречаются постоянно, а их полное отсутствие скрывается за расплывчатой формулировкой «объем незначительный».

Вторая обнаруживающаяся по данным таблицы

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Динамика ярмарочных оборотов (в тыс. руб.)

год проведения/ название ярмарки	1884	1888	1893	1898	1902	1907
Верхнеудинская зимняя	1500-3000	1835	1713,4/1154,8	2912,6/1645,1	1076/604,1	1122,1/552,1
Спасо-Преобра- женская	1000	591	750/600	812,4/489,3	13,5/6,1	нет данных
Агинская	150- 175	127,6	141,9/68,7	не проводилась	нет данных	60,7
Онинская	40	38,4	нет данных	90,4/ 53,1	120/100	нет данных
Иргенская	25	24,5	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Верхнеудинская летняя	–	–	–	–	–	433,8/147,4
Акшинская	–	–	–	–	нет данных	45
Зюльзинская	–	–	–	–	нет данных	36

Сост. по: Обзоры Забайкальской области, 1885, с. 25; 1888, с. 5; 1894, с. 10; 1899, с. 8; 1903, с. 60–61; 1908, с. 41–42.

тенденция – нестабильность ярмарочных оборотов: резкий подъем мог смениться спадом, который кардинальным образом видоизменял расклад в ярмарочном «ряде». Обороты Спасо-Преображенской ярмарки, в течение многих лет уступавшие лишь Верхнеудинской, в начале XX в. резко упали, тогда как Онинская, напротив, постепенно их наращивая, вырвалась вперед. На объемы продаж влияли многие факторы. Во-первых, низкая покупательская способность в результате неурожая или неудачного промыслового сезона. Именно это, к примеру, стало причиной «неудовлетворительной» торговли на Верхнеудинской ярмарке в 1876 и 1889 гг. Существенно повлияла на ярмарочные обороты доставка товаров морским путем в Амурскую и Приморские области, а также в Восточное Забайкалье, после чего отпала необходимость их закупки на ярмарке [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 774. Л. 3]. Третьей причиной снижения ярмарочных оборотов в Верхнеудинске в начале 1890-х гг. стала, пусть и медленная, модернизация форм торговли, проявившаяся в развитии в Верхнеудинске сети стационарных магазинов А. Второва, Е. Цыгальницкого, В. Сегельмана и др. [Восточное обозрение, 1894]. К примеру, уменьшение на ярмарке 1897 г. сбыта товаров на 215, 4 тыс. руб. по сравнению с предыдущим годом объяснялось развитием в городе оптовой торговли мануфактурой купца Второва. Горожане, получившие возможность постоянного приобретения самого ходового товара, уже не стремились к большим разовым закупкам и, хотя привезено мануфактуры было даже на 82,1 тыс. руб. больше, чем в прошлом году, продано на 43,4 тыс. руб. меньше [Забайкальские областные..., 1897]. Влияла на интенсивность ярмарочной торговли и политическая ситуация, сложившаяся в регионе. «Причиной малого привоза товаров» в 1905 г., – указывалось в отчете городской управы о проведении Верхнеудинской ярмарки, – служит недостаточная провозоспособность железной дороги, вызванная обстоятельствами военного времени». Тем не менее, как отмечал автор отчета, «покупателей... съехалась масса, и потому торговля была весьма оживленной» [ГАРФ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1939. Л. 70, 138]. Причиной падения ярмарочных оборотов могли стать болезни и эпизоотии: в 1897 г. отмечено значительное снижение объема продаж из-за «отсутствия приезда бурят на ярмарку вследствие существовавшей в округе оспы на людях, т.к. буряты сильно боятся оспы» [Забайкальские областные..., 1897]. Из-за болезней скота снижала обороты, а то и вовсе не проводилась «ранее значительная» Агинская ярмарка в Читинском округе. «...в настоящее время обороты ее настолько уменьшились, что инородцы ходатайствуют даже об ее закрытии», – писал в отчете за 1893 г. военный губернатор

Е. О. Мациевский [Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп.1. Д. 3354. Л. 54]. В 1898 г. ярмарка не проводилась из-за свирепствовавшей в ведомстве чумы рогатого скота [Обзор Забайкальской..., 1899, с. 8]. Однако в дальнейшем Агинская ярмарка продолжала работу, даже увеличивая объемы продаж: в 1902 г. они не указаны ввиду их незначительности, а в 1908 г. составили 60,7 тыс. руб. По классификации Б. Н. Миронова, она относилась к средним ярмаркам с объемом продаж от 11 до 100 тыс. руб. – с превышением нижнего порога «средних» ярмарок более чем в пять раз [Миронов].

Резкое – почти в три раза! – падение оборотов Верхнеудинской ярмарки в хронологическом отрезке 1898–1902 гг. объясняется проведением Транссибирской железнодорожной магистрали. С появлением рельсового пути упростилось приобретение товаров из первых рук, и отпала необходимость закупать их на целый год на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, которые раньше были главными «снабженцами» Забайкалья мануфактурой и готовым платьем [Иванов, 2012, с. 110]. Но пессимистические прогнозы ее превращения в местный торжок, «который будут посещать буряты, семейские, китайцы и т.п. мелкий местный покупатель», и ее сохранение лишь на короткое время как результат «нашей неподвижности и привычки к старине» [Забайкальские областные..., 1898] не оправдались. Стресс от изменения контуров торгового пространства прошел быстро, тем более что ситуация не была совсем уж незнакомой. Некоторые верхнеудинские купцы и ранее практиковали самостоятельную закупку товаров в Иркутске по более низким, чем на ярмарке, ценам [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 763. Л. 35]. Приспособившись к новым условиям товарного обмена, Верхнеудинская ярмарка стала вновь набирать обороты. Более того, на торговой «карте» появились новые субъекты ярмарочного предпринимательства. В 1901 г. открылась Акшинская ярмарка, которая уже на втором году работы успешно соперничала с Спасо-Преображенской: ее оборот составлял 30 тыс. руб. В январе этого же года заработала Зюльзинская (инородческая) ярмарка. Предметами ее торговли были продукты скотоводства и охоты [Обзор Забайкальской..., 1904, с. 59]. В 1903 г. в Верхнеудинске начала торговлю летняя ярмарка для зимнего снабжения золотых приисков. Сроки ее проведения – август-сентябрь – определялись временем, когда уже «выясняется местный урожай, и определяются виды на рыбные и звериные промыслы и скотоводство». Постоянными участниками ярмарки стали монголы, пригонявшие для продажи гурты скота и скупавшие прибывшие к этому времени из Москвы товары [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д.

1710. Л. 3]. Железнодорожная магистраль не привела к полному уничтожению ярмарочной торговли, а просто раздробила ее. Вместо крупных ярмарок возникла масса мелких по селам и деревням, так как городская торговля из-за своей отдаленности не могла удовлетворить растущий спрос сельского населения.

Наконец, таблица демонстрирует неравномерность распределения ярмарок в области: в восточной части Забайкалья ярмарочная торговля была развита значительно слабее. Здесь не было столь крупного торгового центра, как Верхнеудинск, формировавшего и подпитывающего товарной массой ярмарочное пространство, в то время как главной экономической задачей востока области оставалось снабжение дальневосточных окраин России. Появившиеся здесь в начале XX в. ярмарки имели местное значение и на роль ярмарочных центров не претендовали.

Особенностью крупной забайкальской ярмарочной торговли было абсолютное доминирование приезжих торговцев. Продуктами местного производства торговали только на мелких ярмарках, снабжавших население товарами первой необходимости. На Верхнеудинской ярмарке первые позиции захватили иркутские купцы, бывшие одновременно представителями московских и других фирм и фабрик. «...от местных жителей и крестьян торговали очень мало, вся торговля была от приезжих на ярмарку», – такая фраза то и дело появлялась в отчетах городской управы [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 763. Л. 21]. Корреспондент «Восточного обозрения», посе-

тивший ярмарку, опубликовал о ней язвительную заметку: «Из обзора ярмарки я вынес полное разочарование: эта ярмарка не была выражением культуры края, так как кой-какие продукты местной производительности утопали в наплыве издалека пришедших товаров... многие приезжают лишь затем, чтобы... воспользовавшись удобным случаем пораспродать кое-что из так называемой «завали». Распродадут с лихвою и уедут с блаженной мыслью, что сделали великое дело! Но и за это нельзя не сказать им большого спасибо, т.к. они дают возможность приехавшему из захолустья человеку позапасть на целый год тем и другим» [Восточное обозрение, 1894]. Постоянная зависимость от всероссийского товарного рынка была одной из особенностей экономики региона [Асалханов, 1963, с. 446].

Таким образом, в исследуемый период ярмарка играла главную роль в формировании торговых связей Забайкалья, что обуславливалось высоким спросом на фабричную продукцию и почти полным ее отсутствием в области. Ярмарочная сеть продолжала развиваться даже после проведения Транссибирской магистрали, которая раздробила ее и сократила объемы ярмарочной торговли, заменив универсальность предложения торговой специализацией. Забайкальская экономика еще не исчерпала до конца свой экстенсивный потенциал, свойственный региону с «колониационным» характером, и не смогла предложить форм торговли, альтернативных ярмарочной.

Литература

- Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 493 с.
- Восточное обозрение. 1894. № 44. 13 апр.
- Забайкальские областные ведомости. 1895. Приложение к неофициальной части № 11.
- Забайкальские областные ведомости. 1897. № 11. 14 марта.
- Забайкальские областные ведомости. 1898. № 121. 7 нояб.
- Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.). Иркутск: Оттиск, 2012. 300 с.
- Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // URL: http://statehistory.ru/books/V--N--Mironov_Vnutrenniy-rynok-Rossii-vo-vtoroy-polovine-XVIII--pervoy-polovine-XIX-v/14. (дата обращения: 27.02.2018).
- Обзоры Забайкальской области. Чита: Тип. Заб. обл. правления, 1885–1908.
- Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.
- Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Изд-во Хоз. деп-та МВД, 1882. 442 с.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ

Основные особенности становления и развития городов Забайкалья были связаны с их географическим положением. Российско-китайская трансграничность привела на первом этапе к возникновению крепостной линии и усилению оборонительных функций первых городских поселений на юге региона. В дальнейшем развитие российско-китайской торговли определяло экономическое положение забайкальских городских поселений. Тесная связь с китайским и монгольским порубежьем содействовала складыванию своеобразной бытовой культуры городского населения.

Ключевые слова: Забайкалье; Китай; города; граница; русско-китайская торговля; бытовая культура.

Shakherov Vadim Petrovich
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF A PRE-REVOLUTIONARY TRANSBAIKAL CITY IN THE CONDITIONS OF RUSSIAN-CHINESE TRANSBOUNDEDNESS

The main features of formation and development of cities of Transbaikalia were connected with their geographical location. At the first stage Russian-Chinese cross-border forced the appearance of a fortress line and the strengthening of the defensive functions of the first urban settlements in the South of the region. In future the development of Russian-Chinese trade determined the economic situation in Transbaikal urban settlements. A close relationship with Chinese and Mongolian borderline contributed the everyday culture of the urban population.

Keywords: Transbaikalia; China; city; border; the Russian-Chinese trade; everyday culture.

С началом российского продвижения в Забайкалье регион оказался втянут в сложное геополитическое положение трансграничности, обусловленное непростыми и противоречивыми политическими и экономическими взаимоотношениями России и Китая. В результате довольно долгое время первые городские поселения региона имели четко выраженные военно-оборонительные функции. В связи с событиями в Приамурье укреплялись крепостные сооружения в Удинском остроге, контролировавшем как долину р. Уды, так и заселенгинские степи. Одновременно башни Селенгинска были укреплены обрубками, а вокруг посада сооружены надолбы и ров. Очередной этап крепостного строительства в Забайкалье был связан с уточнением и укреплением южной пограничной линии в первой половине XVIII в. Были модернизированы укрепления Верхнеудинска и Селенгинска, а также построены новые крепости Петропавловская на Чикойской стрелке и Троицкая на речке Кяхта [Артемьев, 1999, с. 124].

Наиболее крупными городами Забайкалья были Верхнеудинск и Селенгинск. Объединяло их то, что они располагались на берегах одной и той же реки и были тесно связаны торговыми отношениями с Монголией и Китаем. Пока существовала караванная торговля с Китаем, центром которой был Селенгинск, город был на подъеме. Здесь находилась резиденция воеводы, при котором действовали канцелярия пограничных дел, таможенное управление, военные и артиллерийская команды. С отменой караванной торговли и переносом всех обменных операций в Кяхту Селенгинск постепенно теряет роль экономического центра Забайкалья, уступив Верхнеудинску в 1783 г. главенство и в административных делах. Росту Верхнеудинска содействовала учрежденная в 1768 г. ежегодная ярмарка, сыгравшая значительную роль в формировании торговых связей региона.

Дальнейшее своеобразие забайкальских городов было связано с появлением торговой слободы Кяхты как общероссийского центра международной торговли. В 1805 г. Троицкосавск провозглашается городом, а

Кяхтинская слобода, в которой могли проживать только сами участники китайского торгового дела, превращается в элитный пригород. Благополучие жителей и самого города всецело зависело от состояния торговых дел на границе. Эта взаимосвязь, несомненно, сказывалась на внешнем облике города и слободы. Как отмечали современники, трудно было не заметить, «что от многомиллионных оборотов на границе немало рублей перепадает и горожанам» [Минерт, 1994, с. 117]. В середине XIX в. Троицкосавск и Кяхта, объединенные одним экономическим пространством, административно были сведены в единое Кяхтинское градоначальство.

Развитие приграничной торговли и местоположение забайкальских городов у начала Чайного пути из Китая в Россию содействовали росту экономического благополучия и городской среды. Обслуживание оптового торгового дела, развитие мелочной и контрабандной пограничной торговли сказывались на социальном составе горожан, торговой инфраструктуре, застройке и внешнем виде городов. Особенно выделялся Троицкосавск, являвшийся своеобразной витриной страны. В дополнение к общим сборам на нужды города направлялись отчисления от таможенных сборов, в результате чего город имел возможность выделять значительные суммы на благоустройство и на представительские расходы (общественные угощения во время праздников, прием китайских делегаций, встречи и проводы духовных миссий в Пекин и т.п.). В конце 1850-х гг. акцидные суммы составляли до 51 тыс. руб. в год. Из них оплачивалось содержание кяхтинского училища и других общественных зданий, пожарной команды, ремонт дорог и т.п. В статьях расходов были и совсем экзотические – на поддержание дружественных связей с Китаем (300 руб.), на содержание оркестра (1,5 тыс. руб.), на угощение приезжих чиновников и китайских купцов (6 тыс. руб.), на коммерческих агентов в Пекине и других городах Китая (3 тыс. руб.) [Шахеров, 2011, с. 82].

Заметным своеобразием приграничных городов Забайкалья было проникновение восточной культуры,

прежде всего китайской. Наиболее рельефно это влияние ощущалось в бытовой культуре горожан. Отмеченный в начале XVIII в. И. Георги в иркутских домах «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз и посуды, статуэток, картин и других бытовых вещей, был характерен и для Забайкалья. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы и овощи. Китайская материя разных сортов и изделия из нее, чай, сахар имели повсеместное употребление. У многих горожан мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими.

В Кяхтинской торговой слободе составной частью домашнего обихода были частые встречи с китайскими торговцами, совместные обеды и переговоры, звучала китайская речь, зачастую в ее упрощенном варианте – кяхтинском пиджине. Жизнь кяхтинцев была неразрывно связана с китайским торговым поселением Маймачен, расположенным с другой стороны государственной границы. Постоянные и взаимные общения приводили к тому, что китайская бытовая культура и традиции постепенно проникали в повседневную жизнь местных купцов и мещан. Как, правило, все договоры заканчивались китайскими обедами, представлявшими собой целую церемонию. На обед подавалось до 40-75, а иногда и 120 блюд, с. Максимов вспоминал, что на самом плохом обеде подавалось 42 блюда, а маймаченский дзаргучай на официальном празднике «Белого месяца», начиная обед «вверх ногами» (со сладкого), кормил троицкосав-

ских чиновников 4 часа [Максимов, 1871, с. 584]. Со временем и кяхтинские купцы старались удивить своих гостей китайскими обедами и чайной церемонией. Так, китайский обед из 40 блюд, которым угощал Дж. Кенна и его спутников кяхтинский купец А. М. Лушников, занял около трех часов и явился для них «неизвестным прежде и любопытным событием» [Кеннан, 1999, с. 86].

Даже в деревянном декоре забайкальских городов был заметен причудливый восточный колорит, привнесенный близостью Китая и монгольских степей. В растительном и геометрическом орнаменте отчетливо просматриваются стреловидные узоры, остроконечные звезды и завитки, похожие на бараньи рога. На некоторых деталях деревянных украшений домов можно разглядеть фигурки львов, стоящих на задних лапах. Восточный колорит проявлялся даже в домашних интерьерах забайкальских городов. Проезжавший в 1811 г. через Верхнеудинск директор иркутской гимназии И. Е. Миллер отмечал чистоту и опрятность жилых помещений, а также несомненный китайский вкус в убранстве: «Комнаты по большей части украшены китайскими ландшафтами, историческими картинами, фарфором и другими китайскими художественными произведениями». [Путешествие, 1816, с. 102]. Образы Востока, сошедшие с китайских рисунков и миниатюр, нередко входили в повседневную жизнь, создавая причудливый сплав стилей и архитектурных элементов.

Литература

- Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв.: Изд-во ДВО РАН. Владивосток, 1999. 336 с.
- Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). Т. II. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 400 с.
- Максимов С. На Восток. Поездка на Амур. 2 изд. СПб.: Издание книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. 594 с.
- Минерт Л. К. Два памятника архитектуры города Троицкосавска-Кяхты // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. С. 117–121.
- Путешествие г. надворного советника И. Е. Миллера из Иркутска в Нерчинск // Дух журналов, 1816. Ч. 13. Кн. 29. С. 97–102.
- Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во гос. ун-та, 2011. 256 с.

КЯХТА В XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В статье освещены некоторые вопросы исторического развития г. Кяхта в период революций 1905 и 1917 гг. и гражданской войны в России: борьба троцкосавских социал-демократов с царизмом и белогвардейцами, массовая казнь в «Красных казармах». Также уделено внимание современному состоянию и перспективам дальнейшего развития г. Кяхта и Кяхтинского района.

Ключевые слова: Кяхта; большевики; революция; гражданская война; белогвардейцы; «Красные казармы»; современность; перспективы.

Kuras Leonid Vladimirovich, Tsybenov Bazar Dogsonovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

KYAKHTA IN 20th – THE BEGINNING OF 21 CENTURY: HISTORY, PRESENT, PROSPECTS

The article is devoted to the historical development of Kyakhta during the revolutions and the civil war in Russia. The authors studied the struggle of the Bolsheviks with the tsarist White Guards, the mass executions in the «Red barracks». They also discussed prospects of development of Kyakhta and Kyakhta regions of the Republic of Buryatia.

Keywords: Kyakhta; Bolsheviks; revolution; civil war; White Guards; «Red barracks»; present and future prospects.

После открытия кратчайшего морского пути в страны Азии через Суэцкий канал (1869 г.) Кяхта еще некоторое время оставалась главными «воротами» для чайной торговли. Но в начале XX в. сокращение торговли проявилось отчетливо: за 1900–1908 гг. количество чая, провозимого через Кяхту, сократилось с 1129 тыс. до 109,9 тыс. пудов, т.е. в 10,3 раза. Баланс внешней торговли стал пассивным, а Кяхта стала зависеть от Монголии: закупали дрова для отопления, сено и даже мясо.

В 1911–1914 гг. наблюдается возрастание роли Кяхты в связи с активизацией русско-монгольской торговли, поскольку предпринимаемые меры были искусственными, и оживление Кяхты не могло продолжаться долго. Окончательный удар по чайной торговле Кяхты нанесла постройка Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1903 г. По меткому выражению исследователя В. Воробьева, «железная дорога одновременно убила Кяхту и сделала Верхнеудинск независимым от Иркутска торговым центром» [Воробьев, 1959, с. 88]. Утрата торгово-посреднических функций привела к неизбежному экономическому угасанию Кяхты. Если немногие «чайные миллионеры» искали иные сферы вложения капиталов, выезжали в другие, более выгодные для ведения торговли регионы, то основная масса населения продолжала концентрироваться в городе. В 1913 г. в Кяхте насчитывалось 11226 чел., включая работников торговых фирм, государственных служащих. Около 400 чел. были рабочими промышленных предприятий.

Еще в 1903 г. в Кяхте начал действовать кружок прогрессивной интеллигенции, позже преобразованный в Троцкосавскую социал-демократическую группу. В конце октября 1905 г. они поддержали Всероссийскую октябрьскую политическую стачку и организовали две демонстрации. Активизация созданного комитета по организации народных собраний в декабре 1905 – январе 1906 гг. привела к аресту его членов и прекращению деятельности. Тем не менее, в 1909–1911 гг., с началом нового революционного подъема, Троцкосавская социал-демократическая организация укрепилась и расширила свою работу [Кравцов, 1977, с. 19–40].

К началу 1917 г. в Западном Забайкалье, как и во всей России, сложились объективные и субъективные условия для смены политического строя. 27 февра-

ля 1917 г. вооруженные рабочие, солдаты и матросы Петрограда свергли царское самодержавие. Падение царского режима открыло новый этап в развитии революционного, демократического и национального движения в России и на ее окраине [Иванов, 2012, с. 198]. После получения вести о Февральской революции были созданы Троцкосавский комитет РСДРП – исполнительный орган Советов – и Троцкосавский комитет общественной безопасности – исполнительный орган Временного правительства. Социал-демократы развернули агитацию в военном гарнизоне, который к весне 1917 г. насчитывал около 1500 солдат и до 200 казаков при управлении I военного отдела Забайкальского казачьего войска. Кроме того, к весне 1917 г. в районе «Красных казарм» находился лагерь военнопленных (3300 человек), в основном венгров и австрийцев [Кравцов, 1977, с. 56]. 19 февраля 1918 г. рабочие и солдаты Троцкосавска свергли власть Комитета общественной безопасности и городской думы и передали власть в городе и уезде Совету рабочих и крестьянских депутатов. В установлении Советской власти руководящую роль сыграла образовавшаяся в декабре 1917 г. группа социал-демократов – интернационалистов и большевиков во главе с членом партии большевиков К. А. Масковым [Иванов, 2012, с. 235]. Известно, что он происходил из семьи служащего с. Бичура, обучался в Читинской мужской гимназии, а затем в Казанском университете [Борцы..., 1967, с. 29]. В мае 1918 г. состоялся Троцкосавский уездный съезд рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов. На нем присутствовали представители городского Совета и 23 делегата от 18 станиц и волостей уезда. Среди представителей бурятского населения были Ц. Ц. Ранжуров, Д. Арабданов, Б. Чимбеев. Одним из наиболее идейных большевиков был первый бурятский революционер Ц.Ц. Ранжуров, чья революционная деятельность началась еще в 1905 г. Приняв участие в освобождении матросов транспортного судна «Прут» из Акатуевской каторжной тюрьмы, он был приговорен к расстрелу, позже замененному на 10 лет каторги. Прибыв в Троцкосавск в 1917 г., Ц. Ц. Ранжуров активно включился в работу. Хорошо зная особенности земельных и национальных отношений в регионе, он выезжал в хошуны, станицы и волости и на

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

месте добивался справедливого разрешения земельных конфликтов [Кравцов, 1977, с. 73].

Тем временем, в 1918 г. на территории Монголии (Иро, Шаамар, Эбициге) формировались белогвардейские отряды, совершавшие налеты на Троицкосавск и пограничные селения. В начале августа 1918 г. отряд есаула Надзорова занял пограничную станицу Большая Кудара с целью выхода в тыл Забайкальскому фронту и создания угрозы для власти Советов в Восточной Сибири. С помощью рабочих отрядов из Красноярска и Черемхово под командованием Д. М. Третьякова и В. М. Рагозина троицкосавским красногвардейцам удалось разбить отряд Надзорова и отбросить в пределы Монголии. Тем не менее, положение советской власти в регионе было исключительно тяжелым, наступали части белой Сибирской армии и Чехословацкого корпуса. В отличие от других районов, где Советы перешли на нелегальное положение, в районе Троицкосавска еще оставались сравнительно крупные силы сторонников новой власти (отряды Н. А. Каландаришвили и В. Рогозина), но они, очевидно, не намеревались противостоять противнику и ограничивались борьбой с анархистскими элементами в своих рядах (группа Лаврова). Группа Лаврова (Омский отряд интернационалистов) пыталась добиться у белогвардейских отрядов, засевших в Монголии, пропуска их группы на родину через Монголию и Китай. В ее составе находилось около 1000 человек, большинство из которых были венграми. В Троицкосавске к тому времени находились и другие отряды: венгры-интернационалисты из бывшего лагеря военнопленных под Верхнеудинском, отряд венгров-интернационалистов из бывшего Троицкосавского лагеря, бойцы-интернационалисты Ангарского батальона под командованием Унгара.

В ночь с 15 на 16 августа 1918 г. состоялось объединенное заседание советских сил для выработки плана действий в связи с подходом к городу белогвардейских и чехословацких войск. Из двух возможных направлений отхода (на восток или на запад) было выбрано западное, в район Черемхово. Отряды Н. А. Каландаришвили, Д. М. Третьякова, некоторые подразделения интернационалистов той же ночью отошли на Усть-Кяхту, чтобы переправиться на западный берег Селенги. Отряды Лаврова и Унгара решили принять условия интернирования, предлагаемые белогвардейцами, что явилось роковой ошибкой. Выполняя условия белогвардейцев, 16 августа 1918 г. интернационалисты выставили посты, перекрыв выходы из города, и начали аресты членов большевистской организации. Троицкосавские большевики перешли на нелегальное положение, тем не менее, более половины из 50-60 членов партии было арестовано [Кравцов, 1977, с. 96–101].

2 сентября 1918 г. в Троицкосавск торжественным маршем вошли отряды белогвардейцев и белочехов, встреченные хлебом-солью кяхтинскими купцами. Отряд интернационалистов – около 1000 человек (большая часть венгры) – сложил оружие, так как атаман Семенов обещал отправить их через Монголию на родину. Всю первую ночь в слободе шли гуляния офицеров и купцов, которые сопровождались салютами и фейерверками. В эту же ночь в «Красных казармах» были расстреляны все интернационалисты [Кургузов, 2016, с. 30; Кузькин, 2015, с. 30–31]. В ходе последовавших расправ с местными большевиками были расстреляны К. А. Масков, А. В. Назимов, Ц. Ц. Ранжуров, В. Д. Жданов, В. В. Арсентьев, И. Е. Обухов и др. Часть арестованных большевиков была переведена в Верхнеудинскую

и Читинскую тюрьмы. Более 300 человек содержались в старой городской тюрьме Троицкосавска и в одном из зданий «Красных казарм».

Новая подпольная большевистская организация в городе появилась лишь во второй половине 1919 г. после направления Прибайкальским комитетом РКП(б) в Троицкосавск опытного революционера Н. П. Калугина. Члены организации соблюдали строгую конспирацию, собрания устраивали на территории Монголии, в Маймачене. Тем временем «Красные казармы» по приказу атамана Семенова были переоборудованы под тюрьму. С конца сентября 1919 г. сюда были эвакуированы заключенные с колчаковских «эшелонов смерти», идущих с Урала и Западной Сибири. В основном это были заключенные из тюрем Челябинска, Перми, Златоуста, Кунгура, Красноуфимска, Орска, Троицка, Тобольска. В «Красных казармах» были также заключены и более 300 местных жителей [Хаптаев, 1957, с. 141–142; Кравцов, 1977, с. 112–113]. Когда же в Забайкалье развернулось партизанское движение, атаман Семенов распорядился ликвидировать всех узников тюрем и застенков, не только в Кяхте, а по всему Забайкалью. С 26 декабря 1919 г. по 9 января 1920 г. произошла страшная трагедия, которая вошла в историю гражданской войны под названием «Троицкосавской трагедии». За 14 дней в «Красных казармах» было уничтожено от 1500 до 1600 человек. Большинство арестантов было расстреляно большими группами. В краеведческом музее Кяхты есть пофамильный список 640 погибших. После расправы над заключенными семеновцы сдали город китайским интервентам, вошедшим в Троицкосавск 14 января 1920 г. [Кургузов, 2016, с. 30–31; Кузькин, 2015, с. 31].

До образования Бурят-Монгольской АССР в мае 1923 г. оставалось три года. Население Кяхты еще ожидали расстрел мирной демонстрации китайскими войсками в феврале 1920 г., первый съезд монгольской народно-революционной партии, освобождение соседнего Маймачена, бои с отрядом барона Унгера.

В советское время Кяхта превратилась в один из типичных гарнизонных городов, обеспечивающих стратегические интересы СССР, а затем и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отношения региональной власти с Монголией в советский период развивались на централизованной основе, что не предполагало каких-либо местных инициатив. К тому же железная дорога в Улан-Батор прошла в стороне от Кяхты через п. Наушки [Курас, 2014, с. 279]. Тем не менее, богатая история оставила глубокий след во внешнем облике города. В настоящее время он представляет собой средоточие памятников истории и культуры федерального и республиканского значения. В то же время для окраины города характерен интенсивный процесс рурализации. Ныне это явление обычное для малых российских городов, включая и столицу Республики Бурятия г. Улан-Удэ [Бреславский, 2013, с. 69–71]. Прибывающие на постоянное место жительства сельские жители и горожане застраивают деревянными домами окраины города, включая п. Суджа. Активно застраиваются земли, лежащие между Кяхтой и Слободой. В то же время наблюдается перспектива сужения городской территории, поскольку военные базы и другие территории, принадлежащие Министерству обороны, расположены в разных окраинах и не дают возможности для расширения города. Поэтому можно прогнозировать дальнейшее расширение Кяхты через освоение военных городков [Курас, 2014, с. 281].

По данным на начало 2010 г., в Кяхте проживало 19538 чел., наблюдалась положительная демографиче-

ская ситуация, среднегодовой естественный прирост населения составлял 140 человек, миграционный – 150 человек. Численность трудоспособного населения составляла около 12300 чел., или 63 % от общей численности населения города [Программа, 2010, с. 7]. В то время как в целом по Республике Бурятия в этот период наблюдалось уменьшение численности населения: в 2002 г. – 981,2 тыс. чел., в 2010 г. – 972,0 тыс. чел. [Петрова, 2014]. Таможня и военные гарнизоны остаются ключевыми факторами современного развития города. Самый большой налог НДС городская бюджет получает от госслужащих и военных; от Федеральной таможенной службы в бюджет Кяхты поступает около 10 % от подоходного налога служащих таможни, 20 % – в бюджет Кяхтинского района. В целом, снижение доходов населения, начавшееся в 90-х гг. XX в., сократило рыночную емкость Кяхтинского района, сузило возможности сбыта продукции на местном рынке. Бедность населения превратилась в самую острую проблему развития города и всего района. По многим социально-экономическим показателям район отстает от среднереспубликанского уровня [Программа, 2010, с. 24; Курас, 2014, с. 280]. Неблагоприятные изменения в экономической сфере, затронувшие Республику Бурятия в конце XX – начале XXI вв., полностью не преодолены, в некоторых сферах даже произошло их углубление: уменьшение промышленного производства, снижение темпов развития сельского хозяйства [Петрова, 2014]. Неутешительны и итоги работы в Кяхтинском районе научно-исследовательской группы Института экономики и управления БГУ под руководством профессора Н. И. Атанова. Разрабатывая проект стратегии социально-экономического развития Кяхтинского района РБ до 2030 г., бурятские экономисты коснулись и состояния дел в экономике района в 2012–2015 гг. Основные выводы, которые они сделали:

- 1) экономика района оставалась в вялотекущем процессе, со стагнацией в 2012–2013 гг., с рецессией 2014–2015 гг.: отсутствовало продвижение в ведущем звене экономики – сельском хозяйстве;
- 2) вопреки намерениям реформаторов, ведущими секторами стали не фермерские и не кооперативные или акционерные хозяйства, а семейные хозяйства в личных подворьях, обусловившие архаизацию способов производства, обострение социальных проблем;
- 3) занимая ведущую позицию в связях Республики Бурятия с аймаками Монголии, район не преуспел в развитии приграничного сотрудничества. Более того, монгольские предприниматели заняли практически большую часть ниши местного потребительского рынка. Местные же товаропроизводители не делают попыток выхода на рынки городов Дархан, Эрдэнэт и Улан-Батор;
- 4) социально-экономическую характеристику Кяхтинскому району дает следующий срез индикаторов по секторам жизнедеятельности:

- в экономике и бизнесе удорожание товаров и услуг при снижающемся их качестве;

- у населения спад доходов и потребления, рост безработицы, ограничение кредитования из-за перекредитованности заемщиков и повышения процентной ставки;

- у местного самоуправления сокращение доходов бюджета, сужение коридора кредитования дефицита бюджета и выдачи бюджетных обязательств, сокращение экономических и даже социальных программ [Атанов, 2016, с. 36–37].

После выявления указанных негативных явлений, группа экономистов во главе с Н. И. Атановым приступила к разработке собственно стратегии развития района, в результате чего были сформулированы следующие целевые установки:

- 1) превращение Кяхтинского района в современную опорную лимитрофную контактную зону России на восточно-азиатском направлении сотрудничества;
- 2) создание экспортно-ориентированного, конкурентоспособного хозяйственного комплекса;
- 3) восстановление былой славы и статуса г. Кяхта как «Вольного города»;
- 4) обеспечение высокого уровня жизни, человеческого капитала, культурно-цивилизационной идентичности и демографического благополучия. В качестве бренда города Кяхта бурятские экономисты предлагают «г. Кяхта – северные ворота Великого шелкового пути Евразии» [Атанов, 2017, с. 17–18].

Руководство Республики Бурятия и районные власти также возлагают особые надежды на строительство авто-туристического кластера «Кяхта», призванного стать местом рекреации для зарубежных туристов [Авто-туристический..., 2011, с. 2–3]. Проводятся работы по созданию объектов инфраструктуры, дорог на территории п. Слобода. Можно предположить быстрые темпы строительных работ в авто-туристическом кластере «Кяхта». Инвесторы представлены ведущими компаниями Республики Бурятия, включая торговые центры «Титан», «Абсолют», общества с ограниченной ответственностью «Данак», «Икат плюс», «СТАМстрой», «Роснефть», «Автоинвест-Кяхта» [Курас, 2014, с. 283]. Заметим, что по другую сторону границы уже второе десятилетие идет строительство свободной экономической зоны «Алтанбулаг» [Курас, 2013а, с. 141–144]. Продолжаются интенсивные строительные работы и в международном автомобильном пункте пропуска «Кяхта». В перспективе проходимость автотранспорта через границу должна увеличиться в два раза и составить 1000 автомобилей в сутки [Курас, 2013б, с. 190].

Кяхта и Кяхтинский район республики играли и играют важную роль в политической и социально-экономической жизни Республики Бурятия. Есть надежда, что в недалеком будущем город и район выйдут на ведущие позиции в жизни республики.

Литература

- Авто-туристический кластер «Кяхта» в Кяхтинском районе Республики Бурятия / сост. Н. Ю. Васильева. Кяхта, 2011. 12 с.
- Атанов Н. И., Мохун В. З., Цыренов Д. Д. Стратегия развития приграничного муниципального района на пересечении Евразийского экономического союза и Великого шелкового пути (на материалах Кяхтинского района Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 15–20.
- Атанов Н. И., Цыренов Д. Д., Лосева А. Ю. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Разработка проекта стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Кяхтинский район» на период до 2030 года». Улан-Удэ; Кяхта, 2016. 156 с.
- Борцы за власть Советов в Бурятии / отв. ред. Д. Ц. Цыремпило. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 313 с.
- Бреславский А. С. Субурбанизация в постсоветской Бурятии и особенности внутренних миграционных потоков // Ойкумена. 2013. № 3. С. 68–75.
- Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. 147 с.

- Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880-1920-е гг.). Иркутск: Оттиск, 2012. 300 с.
- Кравцов В. Т. Кяхта революционная (Из истории города Кяхты и южного Прибайкалья в 1905-1923 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 239 с.
- Кузькин А. П. По улицам Кяхты исторической. Путеводитель. Кяхта, 2015. 167 с.
- Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Монголия: «Алтанбулаг» – свободная торговая зона // Власть. 2013а. № 2. С. 141–144.
- Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Регионы Сибири и Монголия: проблемы и перспективы приграничного сотрудничества // Власть. 2013б. № 7. С. 188–192.
- Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Российско-монгольское приграничье: Кяхта в начале XXI в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 278–285.
- Кургузов В. Л. Интервенция в советской России глазами интервентов (1918–1922 гг.) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 4–5. С. 20–33.
- Петрова Е. В. Социально-демографическое развитие Республики Бурятия: тенденции и перспективы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5 // URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15045> (дата обращения: 14.03.2018).
- Программа социально-экономического развития муниципального образования «Город Кяхта» на 2011-2013 годы и на период до 2017 года «От былого величия к процветанию». Кяхта, 2010. 31 с.
- Хаптаев П. Т. Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 262 с.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1923 Г.)

В статье рассматриваются земельные отношения в период образования республики, задачи, стоявшие перед правительством Бурят-Монгольской АССР в области землеустройства. Проанализированы хозяйственные группы населения и их землепользование.

Ключевые слова: землеустройство; земельные отношения; скотоводы; земледельцы; реформирование.

Budaeva Tatiana Vladimirovna
 Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov
 Ulan-Ude, Russian Federation

LAND MATTERS IN BURYAT-MONGOLIAN ASSR (1923)

The article examines land matters during the formation of the republic, tasks of the government of the Buryat-Mongolian ASSR in the field of land tenure. The economic groups of the population and their land use are analyzed.

Keywords: land tenure; land matters; pastoralists; farmers; reforming.

Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика была создана в 1923 г. (Декрет ВЦИК РСФСР от 30 мая и 13 июня) из Бурят-Монгольской Автономной области ДВР, Бурят-Монгольской Автономной области РСФСР и некоторых районов Прибайкальской губернии [Сборник основных приказов и инструкций НКЗ СССР, 1939, с. 48]. В республику входило 9 уездов и 64 волости, центром стал город Верхнеудинск. Городское население составляло около 40 тыс., сельское примерно 400 тыс. человек. Всего в Бурят-Монголии в 1923 г. было 12 аймаков, затем в результате районирования они были доведены до 9 [Бартанова, 1964, с. 25].

Бурят-Монгольская АССР возникла в более благоприятных политических и экономических условиях, чем автономные области ДВР и РСФСР, создан управленческий аппарат, имелся двухлетний опыт автономного национального устройства. Перед вновь созданной республикой стояли такие задачи, как: организация и укрепление государственного аппарата; восстановление народного хозяйства; решение земельного вопроса (справедливое наделение землей, проведение землеустроительных работ); организация здравоохранения, народного образования. Однако первоочередной задачей стало решение территориального вопроса. Работы по землеустройству начались с восточных районов, поскольку земельные конфликты в них были наиболее острыми. Правда, если население в западных аймаках изъявляло желание провести работы по землеустройству, то частично они проводились за счет собственных средств населения [Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 436. Л. 9].

При образовании республики по общим сведениям площадь ее составляла около 35 млн дес., из них 29 млн дес. – леса и горы. Около 6 млн дес. находилось в пользовании населения, численность которого в 1923 г. составляла 466 тыс. человек, из них бурят-монголов 52 %, русских 48 % [ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436. Л. 12]. Из 6 млн дес. Земли, находящихся в пользовании населения, землеустроенными было только 2 636 909 дес., что составляло 35 %, необходимо было землеустроить еще 3 490 тыс. дес. (65 %) [ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436. Л. 14]. Существовали еще и земли свободного земельного фонда, более одного млн дес. Предполагалось, что земли фонда распределят между малоземельными крестьянами, но фактически выяснилось, что распределять почти нечего, так как половина земель – леса или мало-

пригодные для обработки участки, около 15 % фонда расхищено ранее, оставшиеся 35 % земель еще не были обследованы [ГАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 957. Л. 1].

Хозяйственные группы населения республики были представлены земледельцами и скотоводами. Земледельческое население использовало общинное, захватное и заимочное землепользование, товарищеский способ землепользования еще был редким явлением. В основном использовался общинный способ землепользования. Заимки в разных частях республики имели разное хозяйственное значение. Так, в западной части отдельный двор выселялся на окраину, используя пригодную для занятия земледелием места. В восточных районах заимки использовались как подсобные земли, все жилые постройки и хозяйство оставались в деревне.

Община порой сама вводила ограничения на захват земель, связано это было с отсутствием удобной земли. Там, где земельная площадь уже была освоена, вводилась передельная форма. В республике освоение угодий было нелегким занятием, территорию необходимо было очистить от кустарников, камней, вырубить лес и т.д. Чаще всего общины совместно пользовались выгонами, покотиной и сенокосами, проводили ирригационную сеть. Земельные участки использовавшиеся под пашню, также переделялись обществом. Пахотных угодий не хватало, из-за этого здесь раньше появилось уравнительность в землепользовании [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 531. Л. 243].

До революции сенокосные угодья делились на мужские души и скот и находились в уравнительном землепользовании. После образования БМАССР их стали делить по едокам. Бурятское население сенокосы не делило, они имели искусственный характер, так как эти участки поливались и удобрялись. Также население, как бурятское, так и русское, пользовалось утугами, приусадебными участками, находившимися в подворном пользовании. Утуги имели большое хозяйственное значение и ценились высоко.

Усадебные земли были разнообразными, чаще всего встречалась захватная форма. Крестьяне занимали незанятые земли и обустраивали усадьбу. В уже существовавших общинах усадьбы отводились по приговорам земельных обществ. Если мест пригодных для усадьбы в данном обществе не хватало, тогда применяли поравнение усадеб. Оно затрагивало не основные постройки, а только приусадебные земли.

Скотоводческое хозяйство, в силу специфики требовало гораздо больше земли. Часто у скотоводов было две усадьбы – зимняя и летняя, но встречались и четыре (весенники и осенники). Зимники имели оборудованные стойбища и располагались на покосах. Выгоны относились к угодьям общего нераздельного пользования. Если угодья переделывались, то пахотные делились на 10 лет и более, сенокосные в западной части республики большинство общин, около 75 %, делили ежегодно; остальные от 3 до 10 лет [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 531. Л. 243]. В восточных районах такая практика была незначительна, поскольку большая часть населения занималась скотоводством. Для сенокосов характерно было деление по количеству копен, т.е. делилась не площадь участка, а урожай.

До 1923 г. разверсточной единицей для земледельческих хозяйств была мужская душа, с образованием БМАССР введена новая – едок. В скотоводческих районах при разделе сенокосных угодий разверсточной единицей служил скот. Там, где основным занятием был извоз, разверсточной единицей стала лошадь. В 1927 г. Бурятский ЦИК в своем постановлении при разделе луговых, пахотных земель установил разверсточную единицу – едок, для скотоводческо-земледельческих и скотоводческих – едок и скот.

В земледельческой общине земли делились на 10 и более участков, из-за недостатка удобной земли применялось сортование. Наиболее обеспеченным удобной землей считался Агинский аймак, там приходилось около 119 дес. земли на хозяйство. Затем Баргузинский – 63,5 и Хоринский – 62 дес. В целом, на хозяйство приходилось 58 дес. земли, а и на человека примерно 13 дес.

Автономные республики при проведении землеустройства руководствовались Декретом ВЦИК, на основании которого действовал Земельный Кодекс РСФСР и специальным положением (18.01.1923 г.). Республика нуждалась в широкомасштабных землеустроительных работах. Необходимо было решить такие вопросы, как чересполосица, вклинивание, земельные конфликты, определить границы поселений, провести внутриселенное землеустройство. Помимо земель сельскохозяйственного пользования существовали и казенные земли, которые относились к государственному земельному имуществу. В годы гражданской войны эти земли и земли переселенческого фонда стали захватываться мест-

ным населением. Между тем по документам последние находились в составе госземимущества.

В республике при проведении масштабных землеустроительных работ учитывались: образ жизни бурятского населения, ведение скотоводческого хозяйства, плановое переселение русских крестьян, национальные особенности и необходимость сохранности территории. Таким образом, в специальном дополнении к кодексу были приняты следующие пункты: земельный фонд остается неприкосновенным; для населения, имеющего скотоводческий уклон, устанавливаются особые нормы; в районах с проживающим бурятским населением сохранить сплошной земельный массив, уничтожить чересполосицу [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 531. Л. 119]. Но для решения этих задач не хватало квалифицированных специалистов, большая часть из имевшихся землеустроителей закончила только краткосрочные курсы. Денежные ассигнования, отпускаемые на землеустройство, были небольшими, так в 1923 г. было отпущено 43 тыс. руб., в 1924 г. – 54 тыс. руб. [Там же. Д. 86. Л. 1].

Больше всего проблем в области землеустройства было сосредоточено на сельскохозяйственной территории. Там необходимо было провести межселенное землеустройство: определить границы хозяйствования, убрать дальнеземье, вкрапление, чересполосицу и т.д. Для земель трудового пользования приходилось заниматься внутривладельческим устройством: качество земли, размер аренды, доход и т.д.

Землеустройство началось с определения границ республики. На межевание выделено было 29 147 руб., из них местный бюджет – 9 652 руб., работы должны были пройти в тридцати сомонах и девяти аймаках на территории Бурят-Монгольской АССР, Иркутской губернии и Читинским округом [Шулунов, 1972, с. 97].

В целом, землеустроительные работы, которые начались с образованием Бурят-Монгольской АССР, должны были завершиться к 1932 г., но из-за недостатка финансирования план не был выполнен. К примеру, из государственного бюджета предусматривалось поступление средств в размере 170 тыс. руб., а землеустроителей – 71 человек. Выделено же 120 тыс. руб. и 64 землеустроителя. В итоге межселенное землеустройство было выполнено на 29 %, а внутриселенное всего на три процента [ГАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 11. Л. 150].

Литература

- Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ, 1964. 391 с.
- Бахтин М. И. Начало великого пути: из истории социалистических преобразований деревни 1917–1927 гг. М., 1979. 220 с.
- Белихин В. Г. Реформирование земельных отношений в России в XIX–XX вв. М., 2000. 261 с.
- Земельная реформа в Бурятии. К 50-летию со дня принятия декрета СНК РСФСР // Знаменательные и памятные даты по Бурятии на 1980 г. Улан-Удэ, 1981. 151 с.
- Мангутов Н. Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии (1917–1933 гг.) // Уч. зап. БКНИИ. Улан-Удэ, 1960. 215 с.
- Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности. Улан-Удэ, 1972. 492 с.
- Шунков В. Из истории земледелия Бурятии // Уч. зап. БМНИИ. Вып. 25. Улан-Удэ, 1958. 161 с.

ПЕРВЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВУЗЫ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

В статье освещена краткая история организации первых сельскохозяйственных вузов в Байкальском регионе – Читинского института, Бурят-Монгольского агропедического института, Иркутского сельскохозяйственного института.

Ключевые слова: институт; Чита; Иркутск; Бурят-Монголия; сельское хозяйство.

Zaitseva Lyubov Alekseevna, Dambaev Dmitry Nikolayevich
Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Philippov
Ulan-Ude, Russian Federation

FIRST AGRICULTURAL INSTITUTIONS IN THE BAIKAL REGION

The authors describe brief history of organization of the first agricultural universities in the Baikal region, which are the Chita Institute, the Buryat-Mongolian Agricultural and Pedagogical Institute, and the Irkutsk Agricultural Institute.

Keywords: institute; Chita; Irkutsk; Buryat-Mongolia; agriculture.

В 1920–1930 гг. в Байкальском регионе значительной была потребность в специалистах сельского хозяйства высшей квалификации. Так, в Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. из 44 специалистов сельского хозяйства с высшим образованием было всего 7 человек, в 1928 г. из 155 – 24 чел., в 1932 г. из 416 – 82 чел. [Подсчитано по: БМАССР за 10 лет ..., 1933, с. 65]. За период 1932–1933 гг. в эти районы, согласно постановлению СНК СССР, было переведено из центральных вузов страны только ветеринарных специалистов 232 человека, из них 193 через год покинули занимаемую ими должность и вернулись обратно [Подсчитано по: Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ-ИО). Ф. 123. Оп. 17. Д. 139. Л. 134]. Одной из основных причин крайней текучести кадров являлась их слабая приспособленность к местным условиям, незнание зональных качеств сельскохозяйственного производства, естественноисторических и хозяйственных особенностей восточных окраин страны. В связи с этим командированным специалистам требовалось долгое время приспособляться к местным условиям, что делало их на продолжительное время не активными в сфере сельского хозяйства.

Все эти обстоятельства, равно как и необходимость восстановления крайне разрушенного в ходе гражданской войны и интервенции сельскохозяйственного производства, способствовали созданию системы высшего сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе и местной подготовки кадров высшей квалификации. Был создан Главный комитет профтехобразования при Народном комиссариате просвещения РСФСР (Главпрофобр). Одним из результатов деятельности Главпрофобра стала организация сельскохозяйственных факультетов на базе отдельных вузов.

В Байкальском регионе впервые сельскохозяйственный факультет был открыт в составе Государственного института народного образования (ГИНО) в г. Чита, который был основан в результате преобразования Читинского учительского института. Последний был закрыт 1 мая 1921 г., и все штаты и ассигнования перешли к Государственному институту народного образования. 25 марта 1922 г. было созвано совещание, на котором обсуждался вопрос о необходимости и возможности учреждения при институте высших агрономических курсов или агрономического факультета. Уже в начале июля 1922 г. проект создания первого в Байкальском регионе агрономического факультета был передан в правительство и совет министров ДВР, и после принятия ими положительного решения факультет начал

свою работу с осени 1922 г. в составе одного курса и двух отделений – сельского и лесного хозяйства [Труды Государственного института..., 1922, с. 54–55].

С первых дней существования института общественность города выразила большой интерес к работе вуза. Помимо студентов на всех факультетах состояли вольнослушатели, которые допускались к слушанию отдельных курсов и лекций, но только с разрешения деканов факультетов [Труды Государственного института..., 1922, с. 25]. Поступить в ГИНО имели право все граждане Дальневосточной Республики (ДВР), даже те лица, которые находились в иностранном подданстве. Общежитие и государственная стипендия предоставлялась рабочим и крестьянам, которые были направлены на обучение партийными и комсомольскими организациями. Остальным студентам данные льготы не предоставлялись [Солонько, 1986, 4 мая].

В течение 1921–1922 учебного года число студентов и вольнослушателей резко сократилось. Так, если к 17 декабря 1921 г. в вузе числилось 1064 студента, то к январю 1922 г. их количество снизилось до 793, и это несмотря на открытие агрономического факультета. Количество вольнослушателей уменьшилось со 162 до 95 чел. Среди основных причин уменьшения контингента были неуплата за обучение, отсутствие на контрольной общестуденческой регистрации, неявка в местное воинское управление для постановки на воинский учет и т.д. Студенты, не прошедшие полный объем курса по неуважительным причинам, переводились в разряд вольнослушателей [Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-85. Оп. 2. Д. 4. Л. 5; Труды Государственного института..., 1922, с. 43–45].

Агрономический факультет находился в составе ГИНО непродолжительное время. В 1922–1923 гг. начался процесс сокращения вузов, вызванный уменьшением ассигнований Главпрофбром на высшее образование. В итоге количество вузов в стране сократилось по сравнению с предыдущим годом с 278 до 244, а число учащихся в них с 244 тыс. до 213 тыс. чел. [Народное просвещение ..., 1921, с. 6–8, Итоги десятилетия ..., 1927, с. 80]. Сокращение вузов происходило как в результате их полной ликвидации, так и вследствие слияния отдельных вузов и факультетов. Таким образом, на основании решения съезда Дальревкома 7 сентября 1923 г. ГЧУ был слит с Дальневосточным государственным университетом в одну высшую школу. 20 сентября 1923 г. весь профессорско-преподавательский состав в количестве 24 чел., 180 студентов, имущество Читинского университета прибыли в г. Владивосток [Культур-

ное строительство...», 1982, с. 77]. За время существования агрономического факультета в г. Чита не было произведено ни одного выпуска квалифицированных специалистов. Проблема подготовки кадров сельского хозяйства оставалась открытой. Байкальский регион почти десятилетие оставался без высших сельскохозяйственных учебных заведений. В 1930 г. в СССР насчитывалось 50 высших сельскохозяйственных учебных заведений, на долю Сибири приходился только один – Омский сельскохозяйственный институт, основанный в 1918 г. [Красота, 1967, с. 22].

23 июля 1930 г. ЦИК СССР принял постановление «О реорганизации вузов, техникумов, рабфаков», согласно которому в ведение соответствующих хозяйственных наркоматов и организаций передавались профессионально-технические учебные заведения и факультеты. На их базе создавались новые специализированные отраслевые учебные заведения, в том числе и вузы. В 1930 г. была произведена ликвидация Главпрофобра, который не справился с задачами подготовки кадров, вследствие чего все сельскохозяйственные вузы были изъяты из его ведения и перераспределены между различными наркоматами и их отраслевыми объединениями. СНК СССР для проведения реформы высшего и среднего сельскохозяйственного образования создал правительственную комиссию, которая совместно с НКЗ СССР подготовила конкретные практические мероприятия по перестройке школы, при этом особое внимание было уделено созданию учебных заведений нового типа, построенных по отраслевому признаку применительно к потребностям определенных отраслей сельского хозяйства. В большей степени благодаря реформированию системы профессионального образования стала возможной организация сельскохозяйственных вузов на окраинах страны, в том числе в Байкальском регионе.

В июле 1930 г. уполномоченным БМАССР по культурным и студенческим делам в г. Иркутск М. П. Хабаевым была подготовлена докладная записка в Бурят-Монгольский обком ВКП(б), где ставился вопрос об организации в г. Верхнеудинск агропедагогического института. В своем письме М. П. Хабаев отмечал, что организация высшего учебного заведения является вопросом назревшим [Хабаев, 1983, с. 20].

Вопрос об организации в Верхнеудинске Бурят-Монгольского вуза обсуждался 16 октября 1930 г. на заседании Бурят-Монгольского обкома ВКП(б). На нем было приняты следующие решения: считать необходимым и своевременным организацию Бурят-Монгольского вуза в Верхнеудинске; новый вуз должен являться агропедагогическим институтом; необходимо непременно поставить данный вопрос перед соответствующими органами центра на предмет практического размещения и санкционирования. Наркомпросу БМАССР было поручено составить докладную записку НКП и Госплану БМАССР разработать и включить контрольные цифры по строительству и содержанию института в государственный бюджет 1932 г. [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 181. Л. 194].

К апрелю 1931 г. была подготовлена вся необходимая документация об организации института, и вынесено предложение в Наркомпрос и Госплан РСФСР. В мае 1931 г. вопрос об организации агропединститута был решен положительно орготделом ВЦИК РСФСР, так и оргбюро ЦК ВКП(б). Вопрос об организации агропединститута был одновременно поставлен в Наркомате просвещения РСФСР и Наркомате земледелия СССР. Два Наркомата одновременно внесли собственные решения на своих коллегиях о необходимости организа-

ции агропедвуза в Верхнеудинске. 30 сентября 1931 г. состоялось совещание при учебно-методической группе сектора кадров НКЗ СССР, на котором обсуждался вопрос об организации агропединститута в БМАССР. На нем НКЗ СССР сообщил, что уже выделены три преподавателя, окончивших в 1931 г. Ленинградский агропединститут, определены структура института и контингент [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 494. Л. 20].

Организация агропединститута по линии Наркомзема СССР была вызвана вполне объективными причинами, в первую очередь, это было связано с начинавшимися мероприятиями по проведению земельной реформы в БМАССР и массовой коллективизацией в стране. В октябре 1931 г. в ОК ВКП(б) был предоставлен более развернутый проект организации вуза, который был принят окончательно. Согласно ему, Обком ВКП(б) постановил организовать вместо одного вуза – два: агропедагогический институт по линии Наркомзема СССР и педагогический институт по линии Наркомпроса РСФСР. Назначить директором обоих вузов М. П. Хабаева [ГАРБ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1630. Л. 493].

5 декабря 1931 г. был издан приказ по Наркомзему СССР: «Организуемый на основании Постановления коллегии НКЗ СССР от 13 августа 1931 г. № 38 Бурят-Монгольский государственный агропедагогический институт включить в систему Наркомзема СССР». В связи с практическим развертыванием его на конец 1931 г. было срочно ассигновано институту 35 тыс. рублей [Зайцева, 2001, с. 12]. Агропединститут НКЗ СССР начал функционировать раньше агропединститута НКП СССР, в конце 1931 г. был профинансирован и организован прием студентов. В это время вуз переживал большие трудности организационно-хозяйственного порядка. Оборудование для кабинетов и лабораторий, мебель для учебного корпуса и общежития было невозможно приобрести на месте, так как отсутствовали соответствующие предприятия и магазины, поэтому приходилось привозить все это из других регионов страны. Решением бюро ОК ВКП(б) для обоих вузов были выделены помещения, занимаемые ранее бурятским и русским педтехникумами. Под общежитие было выделено двухэтажное каменное здание бывшего дома крестьянина на ул. Коммунистической, а под жилой дом деревянное двухэтажное здание на ул. Ленина. Оба вуза осуществляли свою деятельность практически под одной крышей, в одних и тех же помещениях, общежитие являлось общим, преподавательский состав работал под руководством одного директора [ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1758. Л. 460].

С момента своего официального образования агропединститут НКЗ СССР до 1935–1936 учебного года в своей специализации не имел четкой определенности. Сначала он существовал как агропедагогический. Согласно постановлению СНК СССР от 25 декабря 1932 г., Бурят-Монгольский агропединститут был реорганизован в сельскохозяйственный институт с агрономическим и зоотехническим факультетами. Управление подготовки кадров НКЗ СССР в марте 1934 г. предложило реорганизовать Бурят-Монгольский агропедагогический институт в зоотехнический институт [Зайцева, 2001, с. 25]. В июне 1934 г. по предложению НКЗ СССР был ликвидирован агрономический факультет и открыт ветеринарный. В сентябре того же года по постановлению СНК СССР и распоряжению НКЗ СССР был закрыт ветеринарный факультет, и возобновлена работа агрономического факультета. Студенты ветеринарного факультета были переведены в Восточно-Сибирский сельскохозяйственный институт (г. Иркутск). В июне 1935 г. по по-

становлению союзного правительства агрономический факультет был вновь ликвидирован с передачей студентов Восточно-Сибирскому СХИ, вследствие чего институт был реорганизован в зоотехническо-ветеринарный (зооветинститут) с зоотехническим и ветеринарным факультетами, со сроками обучения на зоотехническом факультете 4 года 6 месяцев, на ветеринарном – 3 года 10 месяцев [ГАРБ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 13. Л. 121об.; Д. 2. Л. 19; Д. 129. Л. 4; Д. 7. Л. 28]. Основной задачей института была подготовка кадров для животноводства Бурят-Монголии – ветврачей и зоотехников высшей квалификации, преимущественно из представителей коренной национальности. Вопрос об организации в Бурят-Монголии сельскохозяйственного вуза сопровождался оперативностью и быстротой принятия решений со стороны правительственных структур на разных уровнях. Так, с момента обсуждения вопроса о необходимости учреждения вуза (июль 1930 г.) до его официального открытия (5 декабря 1931 г.) прошло всего полтора года.

Во время становления и развития сельскохозяйственного вуза в Бурят-Монгольской республике в период 1931–1936 гг. в Восточно-Сибирском крае в г. Иркутск шел процесс создания второго высшего сельскохозяйственного учебного заведения в Байкальском регионе. Вопрос об организации в Восточно-Сибирском крае сельскохозяйственных вузов, одним из первых поднимал секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумов. В январе 1934 г. в письме сельскохозяйственному отделу ЦК ВКП(б) он говорит об острой необходимости учреждения в крае подобных учебных заведений, отмечает, что «одним из узких мест в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства в крае, организационно-хозяйственного укрепления колхозов, проведения мероприятий по подъему урожайности и улучшению качества животноводства являются кадры сельскохозяйственных специалистов». Разумов приводит сведения, что в крае «...по самым скромным подсчетам ... не хватает специалистов сельского хозяйства: высшей квалификации – 480 чел., средней квалификации – 800 чел.». Кроме этого, он подчеркивает большую текучесть сельскохозяйственных кадров в крае. В силу этих обстоятельств, М. О. Разумов просит ЦК ВКП(б) дать указания НКЗ СССР и РСФСР о том, чтобы в 1934 г. организовать сельскохозяйственный и животноводческий вузы в Восточно-Сибирском крае и отпустить необходимые средства на их содержания [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 17. Д. 139. Л. 1]. Вопрос об учреждении Восточно-Сибирского сельскохозяйственного института, как и в случае с Бурят-Монгольским агропедагогическим НКЗ СССР, решался сравнительно быстрыми темпами. В январе 1934 г. состоялась вторая Восточно-Сибирская краевая партийная конференция, которая решила организовать в г. Иркутске Восточно-Сибирский сельскохозяйственный институт и незамедлительно поставить вопрос перед соответствующими органами центра на предмет его практического размещения и санкционирования

[Государственный архив Иркутской области (ГАИО, ф.р.-1826, оп.1, д.1, л.1)]. С января по май 1934 г. шли обсуждения на различных уровнях об организации высшего учебного заведения, в результате которых было издано постановление СНК СССР от 9 мая 1934 г. под № 1082 «Об организации сельскохозяйственного института в г. Иркутск». СНК СССР постановил: «1. Организовать в 1934 г. в г. Иркутске сельскохозяйственный институт с тремя факультетами: агрономическим, зоотехническим и механизации сельского хозяйства в составе НКЗ СССР; 2. Контингент учащихся на основных курсах вуза на 1934 г. установить в 250 человек, из них 150 человек на I курсе и 100 человек на II курсе. Контингент набора на подготовительные курсы установить в 120 человек; 3. Срок начала занятий в институте установить 1-е сентября и на подготовительных курсах – 15 апреля; 4. Обязать НКЗ СССР дополнительно ассигновать на содержание института на 1934 г. 369 тысяч рублей, за счет средств НКЗ СССР» [Архив Иркутского государственного аграрного университета (ИГАУ). Ф. 1826. Оп. 1. Д. 2. Л. 4].

Восточно-Сибирский СХИ на первых этапах своего становления столкнулся с тяжелыми материальными трудностями. Постановление Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета от 20 мая 1934 г. обязало до 1 июня того же года Президиум Горсовета г. Иркутск провести передачу усадьбы и здания, находящейся на ул. Тимирязева 71 сельскохозяйственному институту и не позднее 15 июня освободить эти помещения от организаций, ранее занимающих их (Городская контора Союзтранса, общежитие ВКСХШ) [ГАИО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 1. Л. 149–150]. Под институт было выделено старое трехэтажное деревянное здание, где был размещен учебный корпус. Требовался капитальный ремонт и работы по приспособлению помещений для учебных занятий. Под угрозу срыва начала учебного года ставило полное отсутствие необходимой мебели, лабораторий, кабинетов. На данное положение вуза незамедлительно отреагировал председатель Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию Г. М. Кржижановский. Он просил секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумова срочно оказать поддержку институту, указывая на его большое народохозяйственное значение [ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 17. Д. 139а. Л. 184].

Организация высшего сельскохозяйственного образования в регионе стала возможной только в условиях советской власти, когда для этой цели государством было централизованы значительные материальные и людские ресурсы. В Восточной Сибири, в частности Байкальском регионе, создание самостоятельных сельскохозяйственных вузов приходится на начало 1930-х гг.: 1931 г. – Бурят-Монгольский агропедагогический институт (г. Верхнеудинск), 1934 г. – Восточно-Сибирский сельскохозяйственный институт (г. Иркутск).

Литература

- БМАССР за 10 лет (материалы к докладу правительства БМАССР на 5-й юбилейной сессии ЦИК БМАССР о советском, хозяйственном, социально-культурном строительстве на 1923-1933 гг.). М.; Иркутск, 1933. 135 с.
- Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии. Очерки истории БГСХА. Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. 260 с.
- Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М., 1927. 448 с.
- Красота В. Подготовка кадров для села // Международный сельскохозяйственный журнал. 1967. № 3. С. 21–24.
- Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.). Документы и материалы. Владивосток, 1982. 496 с.
- Народное просвещение. Ежедельник-1921. № 85.
- Солонько В. Забайкальский университет // Забайкальский рабочий. 1986. 4 мая.
- Труды Государственного института народного образования в г. Чита. Кн. 1. Чита, 1922. 518 с.
- Хабаев М. П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования Бурятии. Улан-Удэ, 1983. 86 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ БМАССР (1920–1930 ГГ.)

Рассматривается формирование научно-исследовательской работы сельскохозяйственных учреждений БМАССР (1920–1930 гг.), имевшее большое хозяйственное и научно-практическое значение. Создание научных учреждений сельскохозяйственного профиля было необходимым и закономерным этапом развития научно-исследовательских учреждений в Бурят-Монгольской АССР.

Ключевые слова: сельскохозяйственные учреждения; наука; сельское хозяйство; лаборатории; животноводство; опытные станции.

Ikhenova Lyubov Robertovna
Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov
Ulan-Ude, Russian Federation

ORGANIZATION OF SCIENTIFIC RESEARCH WORK IN AGRICULTURAL INSTITUTIONS OF THE BMASSR (1920–1930)

The formation of research work of agricultural institutions of the BMASSR (1920–1930), which was of great economic and scientific and practical importance, is considered. The creation of scientific institutions of an agricultural profile was a necessary and regular stage in the development of scientific and research institutions in the Buryat-Mongolian ASSR.

Keywords: agricultural institutions; science; agriculture; laboratories; livestock; experimental stations.

Создание научных учреждений сельскохозяйственного профиля в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. XX столетия было вызвано конкретно-историческими причинами: одна из основных заключалась в достаточно невысоком уровне развития сельскохозяйственного производства, его экстенсивного характера. Среди прочих следует отметить: во-первых, отсутствие в республике научно-исследовательских опытных сельскохозяйственных учреждений; во-вторых, животноводству как главной отрасли сельского хозяйства республики наносился огромный ущерб, вследствие чрезвычайно сложной эпизоотической обстановки, принимавшей масштабы эпидемий. В-третьих, животноводство, будучи основным занятием населения Бурят-Монгольской республики, нуждалось в комплексе научно-производственных мероприятий, направленных на улучшение его состояния. Последнее, прежде всего, заключалось в малой продуктивности местных (аборигенных) видов сельскохозяйственных животных, поиске новых методов и преодолении экстенсивных форм ведения хозяйства, что, конечно же, не способствовало эффективному развитию данного сектора сельского хозяйства. В этой ситуации возникла необходимость реконструкции системы животноводства, сельскохозяйственного производства республики на качественно новой основе. На практическое решение этих проблем была направлена работа по созданию сети опытных сельскохозяйственных учреждений, станций, ветлабораторий.

Начало этому процессу положила организация Бурят-Монгольской опытной станции по животноводству «Иро» Селенгинского аймака в 1924 г. Станция была племенным хозяйством. Основное направление ее деятельности сводилось к производству племенных животных, приспособленных к местным природно-климатическим условиям, к производству репродукторов для массового распространения, к проведению селекционно-опытной работы среди местного и породистого скота. Племяхоз ввиду отсутствия других специализированных хозяйств принял универсальное направление: по крупному рогатому скоту симментальской породы, свиноводству белой английской (йоркширской) породы. Наряду с зоотехнической работой на станции были заложены опыты по посеву кормовых культур. В 1925 г. из хозяйства было реализовано 10 бычков Селенгинскому и Кяхтинскому крестьянским комите-

там и 16 бычков – Иволгинскому земельному отделу для распределения среди населения [Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 8. Л. 4].

В 1931 г. «Иро» были построены типовой скотный двор на 150 голов, 2 жилых дома на 15 квартир, маслозавод и овчарня на 1000 голов. Согласно постановлению бюро Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) от 10 ноября 1931 г. о строительстве животноводческих хозяйств, был утвержден план их развития в 1932 г. с указанием организации новых совхозов в системе «Скотовода» и расширением ранее существовавших, в числе которых был племяхоз «ИРО» с земельным массивом в 14 615 га и поголовьем 1 500 крупного рогатого скота симментальской породы и овец мериносовой [ГАРБ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 8. Л. 4].

Основой всех принимаемых решений правительственными и советско-партийными органами БМАССР в области животноводства было директивное постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. «О развертывании социалистического животноводства», в котором говорилось о том, что «... работа по созданию и укреплению социалистического сектора в области животноводства – совхозов и колхозных товарных ферм является центральной задачей ближайшего времени в области сельского хозяйства», что «... в 1931 году должен быть заложен твердый фундамент для дальнейшего быстрого развития социалистического сектора животноводства с тем, чтобы обеспечить ... победу действительно организованного, механизированного, основанного на последних достижениях науки крупного социалистического хозяйства». [Животноводство Бурятии, 1975, с. 105].

Говоря о значении этих директивных постановлений в развитии животноводства, было бы справедливым выделить в них две стороны. Положительным было то, что они способствовали организации научных опытных, сельскохозяйственных учреждений, призванных решать насущные проблемы сельского хозяйства с помощью научно обоснованных методов и рекомендаций. С другой стороны, в большей степени негативной, создание коллективных хозяйств, обобществление поголовья скота, проводившееся преимущественно насильственным образом, приводило к его сокращению. В 1931 г. оно по отношению к 1929 г. составляло 42,7 %, а в 1930 г. сократилось на 39 % [Галданов, 1974, с. 268].

Одной из главных проблем в развитии сельскохозяйственного производства была острая нехватка квалифи-

цированных специалистов. В 1923 г. в республике было всего 44 специалиста сельского хозяйства – агрономов, зоотехников, ветврачей и фельдшеров, землестроителей и гидротехников, из них только 7 с высшим образованием [Филиппов, 1974, с. 48]. Учебных заведений, готовящих этих специалистов, не было.

В 1929 г. в БМАССР было три средних учебных заведения: русский педагогический, бурятский педагогический и сельскохозяйственный техникумы. В 1930 г. было открыто еще шесть техникумов, среди которых один сельскохозяйственный в селе Кутулик. В 1931 г. начали работу Тамчинский сельскохозяйственный техникум Селенгинского аймака и Аларский ветеринарно-животноводческий. Однако специалистов по-прежнему не хватало. В 1931 г. во всех предприятиях и учреждениях сельскохозяйственного значения республики по штату имели животноводов – 39, из них высшей квалификации – 16, средней – 23; ветеринаров – 72, высшей – 26 и средней – 46. Должно было быть в 1932 г. на 1 января – 128 животноводов (всего) и 146 ветеринаров. Отсюда недостаток данных специалистов составлял соответственно по отраслям: в животноводстве 30 % и ветеринарии 49 %. [Филиппов, 1974, с. 49].

Данная ситуация во многом усугублялась отсутствием высших учебных заведений в республике. Первое высшее учебное заведение – Агропединститут – в системе НКЗ СССР был организован в декабре 1931 г. Бурят-Монгольский зоветеринарный институт первый выпуск специалистов зоотехников высшей квалификации произвел в декабре 1936 г. – январе 1937 г. [Зайцева, 2001, с. 26].

Кадровая проблема была существенным препятствием в успешном развитии научно-зоотехнической работы по племенному делу в деятельности опытной станции по животноводству «Иро». Изучением эффективности скрещивания местного скота с симментальским занимались научные сотрудники станции Н. С. Вахрушев, И. А. Хазагаев и др. Они внесли огромный вклад в улучшение породного состава крупного рогатого скота и овец в Бурят-Монгольской АССР. На станции осуществлялась селекционная работа по улучшению породного состава овец путем скрещивания грубошерстной аборигенной овцы с баранами мериносовой тонкорунной породы «Рамбулье».

В 1939 г. удельный вес породных овец в республике составил 37 %. Изменился видовой состав шерсти. К 1940 г. было заготовлено 6 % тонкой, 13,7 % полутонкой и 42,5 % полугрубой шерсти [ГАРБ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 6. Л. 65]. За счет улучшения породности, условий кормления и содержания значительно увеличилась продуктивность крупного рогатого скота и овец. Средний удой молока в колхозах и совхозах повысился с 364 кг в 1940 году и 451 кг в 1950 г., средний настриг с одной овцы соответственно – с 1,6 до 1,7 кг [Там же. Л. 67].

Еще одной проблемой являлось пограничное положение с Монголией: транзит через территорию республики скота и сырья из Монголии создавали постоянную угрозу распространения заболеваний сельскохозяйственных животных. В 1924 г. в прилегающих к ней аймаках в штате земорганов работало три ветеринарных врача, которые не могли решить проблему с заболеваниями сельскохозяйственных животных. Из общего числа заболевших животных ветеринарной службы охватывалось до 1927 г. не выше 45 %, фактически один ветфельдшерский участок был на 50-75 населенных пунктов, а на одного ветработника приходилось в среднем 35 000 голов животных.

Низкая организация ветеринарной службы, недостаток квалифицированных ветеринарных специалистов, ветеринарных учреждений, отсутствие в достаточном количестве необходимых лекарственных препаратов сказывались отрицательно на состоянии животноводства. В связи с этим в 1926 г. на основании постановления СНК БМАССР была организована ветеринарно-бактериологическая лаборатория. Ее руководителем и организатором был ветврач бактериолог Н. С. Остроумов. В ноябре 1929 г. ветлаборатория была реорганизована в Ветеринарный клинико-бактериологический институт НКЗ имени IV съезда Советов БМАССР [Труды Бурятской научно-производственной лаборатории, 1968, с. 10].

Институт имел четыре отделения: клиническое, научно-исследовательское, вакцинное и сывороточное. Организатором клинического отделения был Вениамин Яковлевич Суетин. Институт просуществовал до июля 1932 г., а затем был переведен в г. Иркутск, где объединился с краевым научно-исследовательским животноводческим институтом (НИЖИ).

В г. Верхнеудинск (с 1934 г. Улан-Удэ) осталась республиканская ветлаборатория, деятельность которой сводилась к проведению диагностических мероприятий, консультационной работы для сельскохозяйственных предприятий республики. Плановой научно-исследовательской работы лаборатория не вела, хотя занималась разработкой тем, которые имели как практическое, так и научно-теоретическое значение. Проводимые диагностические исследования сыграли положительную роль в процессе получения практических данных, которые послужили фундаментальной базой для последующих научно-обоснованных предложений и разработок в развитии ветеринарной науки. Помимо этого лаборатория занималась сбором и изучением материала об источниках, путях и методах распространения этих заболеваний сельскохозяйственных животных, ветеринарно-санитарном и эпизоотическом состоянии животноводства республики.

В 1936 г. ветеринарные специалисты лаборатории выезжали в районы республики для обследования на местах сельскохозяйственных животных на бруцеллез. Было обследовано 39 133 головы. [Труды Бурятской..., 1968, с. 14]. Отсутствие межрайонных лабораторий в пределах республики в этот период осложняло работу по борьбе с эпизоотическими заболеваниями. По существу ветлаборатория выполняла функции межрайонной. В указанный год ею было обслужено 18 районов, г. Улан-Удэ, военные части и 4 совхоза. В связи с этим работа республиканской ветлаборатории вплоть до 1939 г. не носила научного характера. Необходимость увеличения масштабов диагностических и научно-исследовательских работ в области ветеринарии, решение практических задач, направленных на борьбу с эпизоотическими заболеваниями, и поддержание должного ветеринарно-санитарного состояния сельскохозяйственных предприятий, учреждений в БМАССР потребовало реорганизации в сентябре 1937 г. республиканской ветлаборатории в Бурят-Монгольскую ветеринарно-опытную станцию (БМВОС). Крайне неблагоприятная эпизоотическая обстановка в БМАССР в 1920–1930 гг. обусловила необходимость значительного оживления научных исследований в области ветеринарии. В указанный период в республике были распространены такие заболевания, как сибирская язва, чума, повальное воспаление легких, сеп, пироплазмоз, оспа овец, инфлюэнца, холера птиц, рожа свиней и др.

Литература

- Галданов Ц. Б. Достижения сельского хозяйства // В братской семье народов. Улан-Удэ, 1974. 496 с.
Животноводство Бурятии. Улан-Удэ, 1975. 249 с.
Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии: Очерки истории БГСХА. Вып. 1. Улан-Удэ, 2001.
Труды Бурятской научно-производственной ветеринарной лаборатории. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968. 137 с.
Филиппов В. Р. История высшей школы и науки Бурятской АССР // В братской семье народов. Улан-Удэ, 1974. 496 с.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

В статье рассматриваются особенности сельского хозяйства Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: сельское хозяйство; война; колхозники; социалистическое соревнование.

Ilyina Natalia Aleksandrovna
 State Archive of the Republic of Buryatia
 Ulan-Ude, Russian Federation

AGRICULTURE OF BURYATIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

In the article features of agriculture of Buryatia during the Great Patriotic War 1941–1945 are considered.

Keywords: agriculture; war; collective farmers; socialist competition.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. вошла в историю страны как особая ее страница, вписавшая величайший подвиг и беспримерный героизм многонационального народа на фронтах и в тылу. Война стала серьезным испытанием для страны и всего народа. Она замедлила нормальное развитие экономики, социальной сферы и культуры. Интересы обеспечения победы в этой изнурительной войне подчинили все ресурсы государства и общества.

В годы войны народное хозяйство Бурятии было полностью направлено на обеспечение фронта продукцией промышленных предприятий и сельского хозяйства. Рабочие места мобилизованных на фронт мужчин заняли женщины и дети. Большая нехватка рабочих рук, ухудшение материально-технического снабжения, трудности с семенами, кормами для скота объективно привели к сокращению посевов, падению урожайности сельскохозяйственных культур, поголовья и продуктивности скота. Война явилась суровой проверкой колхозного строя, жизнеспособности сельского хозяйства Бурятии. Сельское хозяйство республики, как и все народное хозяйство страны, построенное по мобилизационному типу, в условиях войны оказалось способным выдержать суровые испытания.

Наркомату земледелия пришлось руководить сельским хозяйством в труднейших условиях. Уже с первого дня войны на селе обозначилась проблема кадров. Ведь повсеместная мобилизация в действующую армию вызвало сокращение квалифицированных кадров в колхозах, в совхозах, машинотракторных станциях. Особенно тяжело отразился уход на фронт механизаторских кадров. Так, по состоянию на 1 января 1942 г. на фронт из Бурятии ушло почти 1300 трактористов, комбайнеров и шоферов. К осени 1943 г. сменилось 65 % председателей колхозов и 40 % директоров МТС [Зайцева, 2011, с. 97].

В предвоенные годы Наркомат земледелия возглавлял А. В. Петряков. Наркому Петрякову необходимо было проявить все свои организаторские способности, смекалку и инициативу, чтобы преодолеть все эти трудности, связанные с отсутствием квалифицированных кадров. Большое внимание он уделял подготовке кадров массовой квалификации для сельского хозяйства. Так, с начала войны по июнь 1942 г. было обучено 622 человека. Готовились главным образом ветеринарные санитары, счетоводы колхозов, бригадиры овощеводческих бригад и т.д.

Труженики сельского хозяйства республики с первых же дней войны стали самоотверженно трудиться

над восполнением тех потерь сельхозпродуктов, которые образовались в результате оккупации фашистскими войсками плодороднейших областей в центральной части страны. С первых же месяцев войны расширился размах социалистического соревнования тружеников села, возникли новые его формы. Большое значение в подъеме трудовой активности в колхозах имело обращение членов сельхозартели им. XVII партсъезда Тункинского аймака ко всем колхозникам с призывом встать на трудовую вахту до полного разгрома врага. В сентябре 1941 г. эта инициатива была одобрена обкомом партии и обсуждена на колхозных собраниях. Так, собрание колхоза «Красный партизан» Прибайкальского района поддержало обращение тункинцев. Колхозники решили досрочно рассчитаться с государством по поставкам зерна и натуральной оплате за работу МТС. В колхозах Хоринского района решили встать на трудовую вахту. Каждая бригада, звено, ферма разработали конкретные обязательства и приступили к претворению их в жизнь [Бурят-Монгольская правда. 1941. 26 сент.].

От имени колхозников Бурятии секретарь обкома партии С. Д. Игнатьев писал И. В. Сталину: «Колхозники и колхозницы Бурят-Монгольской АССР, познавшие при Советской власти радость творческого труда и счастливой зажиточной жизни, с огромным патриотическим подъемом организовали сбор средств на строительство эскадрильи самолетов имени Социалистической Бурят-Монголии и внесли в отделения Госбанка 23 миллиона рублей. Поступление средств продолжается. Внося свои сбережения, заработанные честным трудом, колхозники и колхозницы Бурят-Монголии изъявляют готовность сделать все для ускорения разгрома и уничтожения ненавистного врага» [Бурят-Монгольская правда. 1942. 17 июня].

Заступившие на «трудовую вахту» сельские труженики показывали образцы высокой производительности труда. Член колхоза «Красный Оронгой» Иволгинского аймака Будаева, переключившись на круглосуточную работу, за один день убрала конной жаткой 10 га, в том числе 3 га ночью. Больше 10 га убрал Д. Цыбденов, около 8 га скосила В.-Ц. Жамсаранова. Для тех, кто встал на «трудовую вахту» была характерна круглосуточная работа. Например, в колхозе «XVIII партсъезд» Кабанского аймака с 7 часов утра до 8 часов вечера производилась молотья хлеба, а с 12 часов ночи до 4-5 часов утра колхозники были заняты на скирдовании [Бурят-Монгольская правда. 1941. 18 окт.].

Колхозники сельхозартели им. Кирова Баргузинского аймака, «Красный Заган» Мухоршибирского

аймака, «Красное знамя труда» и еще 11 колхозов Бичурского аймака и других колхозов взяли на себя социалистическое обязательства досрочно выполнить задания по поставке государству зерна и приступили к его сдаче. К 5 июля вывезли на зернопункты по 70-100 ц хлеба колхозы им. Фрунзе, «Голын Очи», «Социализм» Джидинского аймака, по 130 ц колхозы «Путь Ленина» и «Путь Октября» Мухоршибирского аймака, 7 колхозов Кижингинского аймака – по 1200 ц, 5 колхозов Хоринского аймака – 1000 ц [Санжиев, 1988, с. 15].

Из МТС республики для нужд Красной Армии было мобилизовано почти 17 % всех тракторов, в результате чего уровень механизации сельскохозяйственных работ снизился к концу 1944 г. до 34,5 %. Число грузовых автомашин, занятых в сельхозпроизводстве, сократилось с 1389 в конце 1940 г. до 382, а колхозных автомашин с 873 до 171. Количество рабочих лошадей в колхозах уменьшилось на 21879 голов, или на 37 %. В итоге нагрузка на рабочую лошадь на весенне-полевых работах увеличилась почти в два раза.

Одной из основных задач в сельском хозяйстве в первый период войны являлась задача резкого увеличения производства всех видов продуктов, для этого необходимо было значительно расширить посевные площади. Колхозники Бурятии взяли на себя обязательства увеличить посевные площади в 1942 г. на 9–10 %, посеять до 13000 га новых технических культур, перевыполнить государственный план по животноводству, отлично подготовиться к весеннему севу, образцово провести зимовку скота.

Массовый трудовой героизм, патриотический подъем работников сельского хозяйства дали возможность успешно выполнить план весеннего сева 1942 г. Сев был проведен значительно организованнее и лучше, чем в предыдущие годы. Колхозы республики расширили посевные площади. Посевная площадь зерновых культур в 1942 г. выросла против 1941 г. на 13,4 %, овощных – на 23,5 %, картофеля – на 16,1 %. В соответствии с требованиями военного времени была изменена структура посевов. Посевы пшеницы возросли на 10,7 %, гречихи – на 39 %, проса – на 176 %. Впервые в колхозах нашей республики в больших объемах был произведен посев табака и свеклы [История Бурятской АССР, 1952, с. 467–468].

Передовые аймаки и колхозы добились неплохих результатов в развитии животноводства. За 5 месяцев 1943 г. общее количество скота по колхозам республики возросло на 96 тыс. голов. Благодаря развитию животноводства, колхозы непрерывно увеличивали поставки государству мяса, молока, шерсти и т.д.

Колхозное крестьянство республики успешно справилось с сельскохозяйственными работами. Колхозы полностью рассчитались с государством по всем видам поставок. Хлеба было сдано государству на 750 тысяч пудов больше, чем в 1942 г. Колхозы досрочно выполнили поставки картофеля, овощей и сена для Красной Армии.

В январе-феврале 1942 г. на предприятиях, в колхозах и совхозах республики развернулось социалистическое соревнование в честь 24-ой годовщины Красной Армии. В ходе соревнования появились первые фронтовые бригады. Стахановцы колбасного цеха Улан-Удэнского мясокомбината создали фронтовую бригаду. Токарь Селендумской МТС Тогочеев, кузнец Доржиев дневные нормы выполняли на 250 %, 12 колхозов и МТС до 23 февраля завершили ремонт сельхозмашин. Колхозы, совхозы и МТС республики, включившись во

Всесоюзное социалистическое соревнование, успешно завершили весенний сев. Посевные площади были расширены по зерновым культурам на 13,4 %, овощным – на 23,5, а картофелю – на 16,5 % [Санжиев, 1988, с. 30]. За успехи, достигнутые в 1942 г., были награждены значком «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства» 286 колхозников.

В начале 1943 г. по всей Бурятии развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу 20-летнего юбилея республики. Колхозники, работники МТС и совхозов провели успешно весенний сев и добились увеличения продукции колхозного животноводства, его продуктивности. За пять месяцев 1943 г. общее количество скота по колхозам республики возросло на 96 тыс. голов. Благодаря развитию животноводства, колхозы непрерывно увеличивали поставки государству мяса, молока, шерсти и другой продукции животноводства. Колхозы республики досрочно выполнили поставки картофеля, овощей и сена для Красной Армии [Санжиев, 1988, с. 30].

Согласно справке обкома партии по итогам работы колхозов, совхозов и МТС в 1943 г. в Бурятии были организованы 14 аймачных и одна республиканская выставки, в которых участвовали более 2 тыс. кандидатов, в том числе 82 передовых колхоза, 3 МТС, 2 совхоза, 151 животноводческая ферма, около 4 тыс. передовиков, в том числе 607 школьников, добившихся лучших показателей в работе [Санжиев, 1988, с. 42].

В декабре 1943 г. члены колхоза «Улан-Эрхирик» Заиграевского аймака построили на свои средства боевой самолет и передали командованию авиационной части. На аэродроме авиационного завода состоялся митинг, на котором состоялась торжественная передача самолета [Бурят-Монгольская правда. 1943. 17 дек.].

Колхозники, работники совхозов и МТС Бурятии приняли активное участие в движении по оказанию добровольной помощи фронту. Оно развернулось в разнообразных формах. Сельские труженики вносили в фонд обороны свои личные денежные сбережения, облигации и драгоценности. Так, колхозники сельхозартели им. Ворошилова Мухоршибирского аймака взяли обязательства отчислять в фонд обороны страны до конца войны ежемесячно по 25 руб. с каждого трудоспособного члена артели [Государственный архив Республики Бурятия. ФП. 1. Оп. 1. Д. 229. Л. 321].

23 апреля 1944 г. была опубликована информация о присуждении Бурят-Монгольской АССР переходящего Красного знамени ГКО за успешное выполнение плана осенне-зимнего ремонта тракторов МТС и совхозов [Бурят-Монгольская правда. 1944. 23 апр.].

Почти до конца войны сельское хозяйство работало на износ, сокращались и разрушались его производственные силы, падали качество и плодородие земли. Крестьянство выполняло свой долг в условиях небывалого сокращения численности трудоспособного населения, проявляя невиданную трудовую активность, которое выразилось в увеличении среднегодовой выработки трудодней всеми категориями работников, занятых в общественном хозяйстве, в увеличении числа колхозников, выработавших больше установленного минимума трудодней, в высоких показателях массового социалистического соревнования.

В конце войны 7 августа 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Бурят-Монгольской АССР». В этом постановлении была изложена программа предстоящих работ, указаны пути развития сельского хозяйства и ме-

роприятия, обеспечивающие неуклонный рост и процветание колхозов, повышение материального благосостояния колхозников. Согласно постановлению Совнаркома основной задачей советских и земельных органов, МТС и колхозов Бурят-Монгольской АССР являлось всемерное развитие животноводства, увеличение его продуктивности, повышение урожайности сельскохозяйственных культур, своевременное выполнение обязательств по сдаче продуктов сельского хозяйства государству и увеличение выдачи колхозникам на трудодни хлеба, овощей и продуктов животноводства. Также предписывалось сосредоточить основное внимание при выполнении этих задач на укрепление кормовой базы, ликвидации яловости и падежа скота, на решительное улучшение качества обработки почвы, своевременной вспашке паров, подъеме зяби, борьбе с засоренностью полей, своевременном проведении всех сельскохозяйственных работ, особенно сева и уборки урожая, и коренном улучшении работы МТС» [Бурят-Монгольская правда. 1944. 18 авг.].

Колхозам республики был предоставлен ряд льгот по поставкам государству сельскохозяйственных продуктов. СНК СССР выделил для республики сельхозмашины, оборудование и племенных производителей. Благодаря принятым мерам, колхозники, работники МТС и совхозов добились хороших производственных результатов и в основном успешно выполнили свои обязательства перед государством за 1944 г.

Колхозное крестьянство республики досрочно выполнило годовой план поставок мяса, молока, яиц, брынзы, шерсти, кожевенного сырья. Государству было сдано авансом в счет 1945 г. свыше 190 тыс. пудов мяса, более 1 млн литров молока, около тысячи пудов шерсти, 365 тыс. яиц и 500 пудов брынзы. Большинство колхозов, несмотря на плохой урожай из-за засухи, выполнило свои обязательства перед государством по сдаче хлеба. Курумканский, Баргузинский, Закаменский, Кабанский и Тункинский аймаки, досрочно закончив годовой план хлебопоставок, большое количество хлеба сдали сверх плана в фонд Красной Армии. Однако годовой план хлебопоставок в целом по республике не был выполнен из-за большого неурожая.

В условиях военного времени подавляющее большинство колхозов объективно снизило набранные в довоенные годы темпы своего развития и сильно сократили производство. Особую сферу в жизни военной деревни занимала заготовка сельскохозяйственных продуктов. Основу исчисления заготовок составлял все тот же принцип обязательных поставок продукции колхозов с каждого гектара, закрепленной за ними пашни. На долю колхозного крестьянства выпала важнейшая задача – снабжать фронт, страну продовольствием. Война тяжелым грузом легла на плечи тружеников сельского хозяйства республики, но они с достоинством выполняли поставленные задачи.

Литература

Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2011.

История Бурятской АССР. Т. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959.

Санжиев Г. Л., Худугуев Н. А. Бурятская областная организация КПСС. Хроника. 1895–1987. В двух книгах. Книга вторая. Июнь 1941–1987. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОГО ТЫЛА В 1941–1945 ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается повседневность сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны в работах отечественных исследователей. Дан краткий обзор работ, посвященных социально-экономической и культурной политике в контексте повседневности сибирского тыла.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; повседневность тыла; историография; Сибирь.

Ochirova Valentina Nikolaevna
 Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov
 Ulan-Ude, Russian Federation

EVERYDAY LIFE OF SIBERIAN HOME FRONT DURING 1941-1945 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article deals with everyday life of Siberian home front during the Great Patriotic War in Russian historiography. Brief review of works devoted to social, economic and cultural policy of the state in the context of everyday life is given.

Keywords: the Great Patriotic War; home front everyday life; historiography; Siberia.

Великая Отечественная война вошла в историю как самая масштабная и кровопролитная. Изучение событий, произошедших на фронте и в тылу, в период войны является одним из важнейших и изучаемых направлений в истории страны. Особенно актуальным данное направление представляется в связи с появившейся тенденцией фальсификации и своеобразных интерпретаций многих исторических событий этого периода, а также необходимостью формирования и воспитания у подрастающего поколения патриотизма, уважения к своему Отечеству и чувства гражданской и культурной самоидентификации. В связи с возросшим интересом к событиям Великой Отечественной войны возникает вопрос: что такое «военная повседневность» как предмет исторического исследования? Согласно А. С. Сенявскому, Е. С. Сенявской, «... данная область исследований подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности в целом, хотя и имеет свою специфику, определяемую экстремальностью состояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн» [Сенявский, 2010, с. 199]. При этом, по мнению историков, «принципиальное значение имеет масштаб конфликта (от малых войн до мировых), от которых зависит степень вовлеченности общества, которое либо только «наслышано» о ходе военных операций (в случае малых масштабов войны), либо полностью подчинено ... ей» [Сенявский, 2010, с. 199]. События, произошедшие в период Великой Отечественной войны, отразились в первую очередь на повседневной жизни народа, так как от исхода войны зависела судьба общества, народа и государства.

Сбор материалов по истории Великой Отечественной войны начался практически с первых месяцев ее начала. В январе 1942 г. была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР с целью сбора и публикации материалов о действующих боевых частях, хронике войны по регионам, героическом труде советских людей на фронте и в тылу [Альтман, 1993]. К вопросу освещения различных аспектов и событий в период Великой Отечественной войны обращались многие: журналисты, писатели, партийные и хозяйственные руководители, общественные деятели. Работы, рассматривающие жизнь и деятельность советского народа во время Великой Отечественной войны в тылу, в основном касались социальной политики государства обозначенного периода. В них освещались материаль-

но-бытовые проблемы населения, вопросы здравоохранения, снабжения одеждой и предметами быта, трудности с топливом, продовольственные вопросы, помощь семьям военнослужащих и другие стороны повседневной жизни людей [Козлов, 2014].

Среди ранних советских работ, посвященных военным трудовым будням Сибири, нужно выделить монографию профессора В. Т. Анискова «Жертвенный подвиг деревни». Здесь автор, исследуя вопросы аграрной истории военного времени, уделяет большое внимание повседневной жизни крестьян Сибири. В своей работе историк раскрывает повседневную жизнь и быт сибирской деревни 1941–1945 гг., общественно-политическую жизнь на селе, социальное единение города и деревни. Также исследователь освещает широкий круг вопросов жизни, труда и борьбы крестьян, социально-психологические аспекты их духовной стойкости, физической и духовной жизни крестьянства в целом [Анисков, 1993]. Исследованиям В. Т. Анискова близки по направлению и содержанию труды историка Г. Е. Корнилова. На большом документальном материале в монографии «Уральская деревня в период Великой Отечественной войны» автор анализирует социально-демографическое, экономическое, политическое и культурное развитие уральской деревни в рассматриваемый период. В монографии рассмотрены трудовой героизм, самоотверженный вклад тружеников села в победу [Корнилов, 1990].

В монографии И. И. Кузнецова «Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», наряду с вопросами развития промышленности и рабочего класса Восточной Сибири, рассматривается повседневность деревни. Опираясь на широкую источниковую базу документальных материалов, собранных в архивах Москвы, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Читы, историк анализирует проблемы повседневности, включая решение проблемы кадров, количественные и качественные изменения в составе рабочего класса, развитие творческой и трудовой инициативы, материально-техническую базу сельского хозяйства, сельскохозяйственное производство, трудовую и политическую активность крестьянства [Кузнецов, 1974].

В настоящий момент тема роли женщин в Великой Отечественной войне не разработана в полной мере. Е. Ю. Волкова объясняет это тем, что, во-первых, для глубокого и полного исследования необходимо «ломать привычные стереотипы, устоявшиеся схемы, найти новые методы и научные подходы», во-вторых, в архивах

мало документальных материалов, освещающих трудовую и общественную деятельность женщин в годы войны [Волкова, 2008,; с. 120]. В связи с этим, по мнению историка, упор нужно делать на региональные исследования, так как на местном уровне легче обобщить разнообразность и выделить особенности деятельности женщин в военные годы. Среди региональных работ по теме «Женщина и война» следует отметить труды А. А. Бартановой, И. В. Гординой. В результате анализа различных источников истории показывают разнообразие повседневной жизни женщин в военный период, раскрывают различные аспекты деятельности: трудовой процесс, помощь фронту и мобилизация духовных ресурсов. Особое внимание уделено роли женщин в сохранении ценности семьи и высокой нравственности подрастающего поколения [Бартанова, 1952; Гордина, 2005]. Все чаще становятся объектом исследования становится изучение жизни миллионов советских детей и подростков, чье детство и отрочество пришлось на период войны. В своем обзоре трудов, посвященных детству военных лет, Е. Ф. Кринко отмечает, что «изучение военного детства в советской историографии находилось под сильным влиянием идеологии, что выразилось в выборе исследовательских приоритетов, самих способах интерпретации событий войны, использовании соответствующей источниковой базы и научной терминологии. Главное внимание уделялось, в первую очередь, героизму и патриотизму детей и подростков на фронте и в тылу» [Кринко, 2006, с. 25]. Современные исследователи берут в разработку ранее неизученные или малоизученные аспекты жизни детей и подростков. Так, диссертационное исследование Е. В. Банзаракцаевой посвящено охране детства в военные годы, рассматривается социальная политика государства по отношению детей, оставшихся без попечения родителей [Банзаракцаева, 2005]. Работ, непосредственно освещающих повседневность детей и подростков в военные годы, немного. Следует отметить статьи С. Г. Сизова,

А. В. Есаковой, рассматривающих повседневную жизнь школьников. Основой для написания исследовательских работ, помимо документов высших и центральных комсомольских органов, послужили источники личного происхождения (дневники, воспоминания, письма) [Сизов, 2014; Есакова, 2015]. Так, повседневная жизнь сибирского школьника Павла Капитонова рассмотрена в статье С. Г. Сизова. Основой исследования послужил дневник сибирского школьника, который мальчик вел в военные годы. Историк отмечает, что кроме продовольственных и бытовых трудностей в военном тылу, Павлом были описаны особенности школьной жизни и некоторые виды досуга в виде различных игр или посещение клуба. По мнению С. Г. Сизова, детский дневник дает прекрасную возможность узнать о некоторых особенностях жизни быта и культуры сибирского села военного времени [Сизов, 2014].

Для новейшей российской историографии повседневности характерны наличие различных концептуальных подходов, суждений и оценок, повышенный интерес к человеку, использование историко-антропологического подхода, обращение к повседневной жизни рабочих, крестьян, женщин и детей, других групп населения [Козлов, 2014]. Изучение повседневности тыла в период Великой Отечественной войны раскрывает новые аспекты, направленные на описание и более глубокое понимание форм поведения и стратегий выживания населения в экстремальных условиях войны, освещает бытовую жизнь людей, касается вопросов образования, здравоохранения, социального обеспечения, охраны материнства и детства.

В современной историографии изучения роли тыла предпринимаются попытки вскрыть новые аспекты проблемы, охарактеризовать стратегии выживания и формы поведения населения, характерные черты будничной жизни советского общества в экстремальной ситуации, осветить особенности повседневной жизни, показать многообразие и сложность военного времени.

Литература

- Альтман М. М. Комиссия по истории Великой Отечественной войны // URL: <http://iriran.ru/?q=node/405> (дата обращения: 15.03.2018).
- Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. 246 с.
- Банзаракцаева Е. В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: На материалах Бурят-Монгольской АССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005. 23 с.
- Бартанова А. А. Женщины Советской Бурят-Монголии: исторический очерк. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952. 120 с.
- Волкова Е. Ю. Новые методологические подходы в интерпретации роли женщин тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Научные ведомости. № 2 (42) Вып. 6. 2008. С. 117–122.
- Гордина И. В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 28 с.
- Есакова А. В. Повседневная жизнь школьников Хакасии в период Великой Отечественной войны // Саянский исторический ежегодник: сб. науч. ст. / отв. ред. М. Г. Степанов. Абакан: Бригантина, 2015. Вып. 7. С. 19–24.
- Козлов Н. Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. С. 30–43.
- Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 224 с.
- Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы изучения и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
- Кринко Е. Ф. Изучение Великой Отечественной войны в российской и украинской историографии: институциональный аспект // Былые годы. 2012. № 2 (24). С. 69–77.
- Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Иркутск, 1974. 510 с.
- Митрофанова А. В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны // Историография Советского тыла периода Великой Отечественной войны: сб. ст. М., 1976. С. 9–54.
- Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 3. С. 197–211. // URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/f3a100195cb9d5fa9969b124bcb05c712235443c.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).
- Сизов С. Г. Повседневная жизнь сибирского школьника в годы Великой Отечественной войны (По материалам дневника П. П. Капитонова) // Развитие дорожно-транспортного и строительного комплексов и освоение стратегически важных территорий Сибири и Арктики: вклад науки материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2014. С. 200–203. // URL: <http://elibrary.ru/download/14777352.pdf> (дата обращения: 20.03.2018).

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ ПО ИСТОРИИ
ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КУРОРТА «АРШАН» (1923–1990)**

В статье на основе архивных данных исследованы история создания и этапы развития курорта «Аршан» в Тункинском районе Республики Бурятия в период 1923–1990 гг.

Ключевые слова: Бурятия; курорт; Аршан; минеральные источники.

Zhalsanova Butit Tsydypmunkuyevna, Shapoval Evgeniy Yurievich
State Archive of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russian Federation

**DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA ON HISTORY OF
EDUCATION AND DEVELOPMENT OF THE RESORT OF "ARSHAN" (1923–1990)**

The authors on the base of archival data research the history of creation and stages of development of the resort of "Arshan" in Tunkinsky district of the Republic of Buryatia in 1923–1990.

Keywords: Buryatia; resort; Arshan; mineral sources.

Празднование 95-летия республики в 2018 г., а затем предстоящее 100-летие республики в 2023 г. побуждают исследователей к проведению интересных исследований по истории строительства республики, создания органов управления, развития народного хозяйства, просвещения, здравоохранения и т.д. Сегодня кажется удивительным, что в такое сложное время республика уделяла большое внимание вопросам развития курортного дела. В курортном строительстве республиканское руководство видело потенциал для развития здравоохранения, экономики, привлечения жителей из других регионов.

Данная работа посвящена изучению истории создания и развития известного горноклиматического и бальнеологического курорта Аршан в Тункинском районе Республики Бурятия. Государственный архив Республики Бурятия хранит фонды, в которых отложились интересные документы за разные годы, отражающие историю становления и развития знаменитого далеко за пределами республики курорта Аршан: ФР-248 Совет Министров Республики Бурятия; ФР-250 Бурят-Монгольское представительство при ВЦИК РСФСР; ФР-366 Тункинский аймачный исполком; ФР-475 Президиум Верховного Совета Республики Бурятия; ФР-1768 Бурятская республиканская организация СКУП «Байкал-курорт».

Минеральные воды Аршана были открыты в конце XIX в. По воспоминаниям Н. К. Котовщикова, уроженца ул. Талый, источник был открыт охотником Терентием Чемизовым, который сообщил об этом миссионеру Чистохину [Бурят-Монгольская правда. 1949. 10 июля]. Местное население знало об удивительных свойствах источника (эмпирическим путем) и активно им пользовалось, при этом об элементарных удобствах для посетителей речь не шла.

Первые серьезные исследования начались в 1908 г., когда по поручению Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и Общества врачей Восточной Сибири А. Львов и Г. Кропачев исследовали состав минерального источника. На основании исследований они пришли к следующему выводу: «Источник «Аршан» находится в Иркутском уезде в 116 верстах от селения Тунки на левом берегу реки Кынгырги. Источник расположен на высоте 3200 футов над уровнем моря у самой подошвы высокой террасы, примыкающей непосредственно к Тункинским Альпам. Дорога

к источнику в настоящее время довольно удобна, даже для автомобильного движения... Сравнивая же Аршан с источниками Забайкалья, за которыми уже признано общественное значение, мы находим следующее преимущество за Аршаном: 1) постоянная и сравнительно высокая температура +8,5° Ц, дающая возможность пить непосредственно из источника без боязни простуды. Ямаровка же с +1° Ц требует предварительного подогревания; 2) постоянство дебета, не зависящего от выпадения атмосферных осадков, тогда как Ямаровка, Дарасун и др. периодическими дождями до того разбавляются водой, что теряют характер минеральной воды; 3) превышающее количество сухого остатка и углекислоты; 4) большое содержание серно-кислых солей; 5) радиоактивность источника; 6) незамерзаемость источника круглый год». [Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 168. Л. 77а об.]

Доктор В. Н. Жинкин, изучавший курорты и минеральные источники Бурятии в 1924–1927 гг., на основании своих исследований пишет, что целебная сила любого минерального источника объясняется уровнем содержания солей кальция, которые стимулируют жизненные процессы, сердечную деятельность, понижают раздражительность нервной системы, усиливают обмен веществ и т.д. По его мнению, Тункинский Аршан по содержанию кальция стоит на первом месте среди всех забайкальских источников и целого ряда российских. Так выглядит Аршан в сравнении содержания солей кальция с минеральными источниками России (на 1000 cc/грамм): Аршан Тункинский – 0,8184; Ямкун Нерчинский – 0,2550; Липецк – 0,3332; Нарзан – 0,5417; Пятигорск – 0,6597.

Проведенные исследования показали, что Тункинский Аршан занимает первое место среди забайкальских источников также по количеству сухого остатка и содержанию магния и серно-кислых солей. Все эти данные о богатом содержании в источнике углекислых солей, наличии серно-кислых и хлористых солей, а также постоянная температура воды свидетельствуют о преимуществах Аршанского источника и его уникальности.

После революции 1917 г. с установлением советской власти начался учет имущества республики, в том числе и курортов. Весной 1920 г. курорт был объявлен лечебной местностью, и большая часть находящихся там частных дач была национализирована [ГАРБ.

Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 583. Л. 2–3]. Приказом Тункинського аймачного исполнительного комитета от 3 августа 1923 г. в Аршан были направлены специалисты для принятия на учет всего национализированного имущества и выяснения границ национализированного курорта «Аршан» [ГАРБ. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 162. Л. 30].

Надо отметить, что все это время курорт Аршан находился в ведении Сибздздрав Сибирского революционного комитета (Сибревкома), органа советской власти Сибири (1919–1925 гг.). Бурятская республика поднимала вопрос о передаче курорта в их ведение. Уже в январе 1923 г. Бурят-Монгольское представительство при Наркомате по делам национальностей РСФСР начал работу по передаче курорта республике. Согласно предписанию Бурревкома от 26 октября 1923 г., Тункинским аймисполкомом были приняты меры по охране движимого и недвижимого имущества курорта «Аршан» до передачи его в ведение Бурнаркомздздрова [Там же. Д. 192. Л. 85]. В конце 1923 г. курорт, видимо, был передан в ведение Наркомздздрова БМАССР.

В декабре 1923 г. большое имущество и аптека были перевезены в Кырен, хозяйственное имущество передано на хранение в Койморский хошун. Все национализированные дома были сданы под расписку жильцам, жившим в них, с подробным описанием имущества. Имущество, находящееся у служащих курорта, было изъято [Там же. Д. 194. Л. 6].

В справке, подписанной зав. лечебным отделом Кузьменко в 1926 г., отмечается: «С 1925 г. курорт эксплуатируется Бурят-Монгольским курортным управлением при Бурнаркомздздрове (Буркурупром). Содержится исключительно на хозрасчете. Дотация на благоустройство и курортное строительство из местного бюджета за время с 1924 года выразилась всего только в сумме 6000 руб.» [Там же. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 583. Л. 4].

В фонде «Бурят-Монгольского представительства при ВЦИК РСФСР» имеется дело за 1925 г., в котором поднимаются вопросы курортного строительства в Бурятии. В документе приводятся интересные сведения о климате, минеральных источниках на территории Бурятии: «Занимаемая Бурят-Монгольской Республикой территория по своему рельефу представляет горную страну, значительно приподнятую над уровнем моря. Здесь часто встречаются признаки бывше[й] вулканическо[й] деятельности, в виде остатков лавовых излияний. Надо полагать, что и озеро Байкал, находящееся на территории республики, имеет вулканическое происхождение. Геологические особенности обусловили здесь многочисленные выходы на дневную поверхность горячих минеральных источников и целый ряд холодных углекислых, углекисло-щелочных, сульфатных и других источников. Имеются минеральные озера с донным отложением прекрасно[й] целебно[й] грязи» [Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 1].

Особое место в документе уделено описанию климата Бурятии, который по своим особенностям является удобным для устройства здесь климатических станций. Известный климатолог профессор А. И. Воейков пишет: «Общее заключение то, что некоторые особенно таежные местности Забайкалья, при ... слабых ветрах и частых затишьях, можно считать пригодным для климатического лечения, несмотря на холода зимнего полугодия». Вполне логично, что хорошо устроенные санатории со всеми удобствами и в Забайкалье могут привлечь многих лиц из других местностей Сибири, а летом даже из Китая и Японии. В другом месте этот же автор пишет: «Хотя хребты Сибири и Туркестана слиш-

ком далеки от нас (от Москвы), но я не сомневаюсь в том, что их благоприятный климат будет использован. В настоящее время все бурятские минеральные источники в изобилии посещаются больными. На каждом из них в летнее время побывает несколько сотен чающих исцеления от своих недугов. Едут они к этим источникам без всякого отбора, даже врачебного осмотра и лечатся на них без медицинского наблюдения, пользуясь своими приспособлениями для утилизации минеральной воды». [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 2. Д. 11. Л. 1].

А. И. Воейков описывает, каким образом буряты и русские получают лечение на источниках: «Бурят тут же у источника ставит свою юрту для жилья, а деревянное полубочье у него изображает ванну. Степной простор или дремучая тайга, окружающая курорт, служат ему ванным помещением. Русский забирает воду в бочку и везет в ближайшую деревню и там в крестьянской избе или бане устраивает свои бальнеологические установки» [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 2. Д. 11. Л. 2].

Принимая во внимание популярность кумысолечебниц Бурятии и минеральных источников, на которые стекались больные с запада и востока Сибири, можно сделать вывод, что Бурятия в силу своих природных условий могла стать естественной лечебницей для всего Дальнего Востока Сибири. Исходя из таких соображений, стремление республики оборудовать соответствующим образом несколько курортов выглядит вполне рациональным и целесообразным. В документе приводятся статистические сведения о том, что за 1925 г. лечились на всех курортах Бурятии 1750 человек, из которых 20 % было приезжих из других губерний и областей [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–3].

В том же деле приводятся подробные сведения о курорте «Аршан»: «Курорт «Аршан» обладает двумя источниками, по классификации профессора М. Г. Курлова они принадлежат к минеральным гидрокарбонатно-сульфатным-известковым водам со значительной минерализацией. Сухой остаток после прокалывания в источнике № 1 составляет 2,1634 и в № 2 – 1,9618 в литре. Свободной углекислоты в воде 1-го источника на литр содержится 2,530 и во 2-ом 1,4520. Источники богаты кальциевыми солями и содержат железо в форме окиси. Температура воды держится в пределах 8,5° С. Вода на вкус необычайно приятна, напоминает собой столовую зельтерскую воду. Дебит обоих источников определялся много раз и в разные годы, при чем данные этих исследований давали величину близкую 5,000 ведер и более в сутки. В 1925 году он также определен начальником управления Иркутского горного округа, горным инженером Ковригиным, им найдено суточное количество обоих источников, равным 7620 ведром» [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–3].

Исследованиями было установлено, что здесь можно лечить такие заболевания: 1) различные формы желудочных страданий, 2) атония кишечника, 3) геморрой на почве запоров, 4) заболевания печени, 5) болезни почек, 6) нервные болезни, 7) болезни крови, 8) болезни обмена веществ (цинга и др.) 9) хронический катар бронхов, 10) туберкулез легких и костей только в зимнее и в весеннее время. Такое разнообразие заболеваний, в том числе такого распространенного, как туберкулез, настойчиво диктовало необходимость спешно строить и приспособлять курорт. [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 2. Д. 11. Л. 7–10].

Развитие курорта Аршан становится одним из направлений работы партийно-советских органов республики: в 1926 г. уже было построено новое ванное от-

деление для углекислых ванн (на восемь кабинок) и небольшая гидроэлектростанция мощностью 60 ампер [ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 583. Л. 4]. В 1930-е гг. были построены курортный зал, семь дач (из них две – зимнего типа) вместимостью 116 человек, гидролечебница, поликлиника, душевая, солярий, физкультурная площадка.

10 сентября 1939 г. на заседании бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) был заслушан доклад наркома здравоохранения Савельева о состоянии дел на курорте «Аршан». Бюро обкома партии приняло решение обязать Наркомздрав БМАССР предусмотреть выделить 200 тыс. руб. на благоустройство курорта, покупку двух автобусов ЗИС для перевозки больных и двух грузовых машин ЗИС для хозяйственных нужд. Тункинский райисполком и райком ВКП(б) обязали обеспечить ремонт и исправное состояние подъездных путей к курорту [ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 72. Л. 94].

Даже в тяжелые годы Великой Отечественной войны партийные и советские органы продолжали заниматься развитием курорта Аршан. Так, 30 октября 1942 г. Совмин БМАССР, рассмотрев вопрос о состоянии курорта «Аршан» Наркомздрава БМАССР, принял постановление, в котором говорится о том, что «в помещениях курорта можно развернуть 400 коек, но здания требуют капитального ремонта. Источники курорта находятся в запущенном состоянии... Отсутствие транспорта на курорте (одна газогенераторная автомашина) затрудняет доставку больных на курорт и продуктов питания». В связи с крайней важностью и необходимостью использования богатых источников курорта «Аршан» и его климата Совнарком постановил:

«1. Обязать Наркомзем БМАССР и Тункинский аймисполком выделить курорту в 1942–1943 гг. необходимое количество земли и сенокосных угодий для подсобного хозяйства.

2. Обязать Наркомздрав БМАССР – тов. Абыкова, не позднее 01.01.1943 г. представить на утверждение СНК БМАССР материалы по определению зоны санитарной охраны курорта.

3. Учитывая отсутствие специалистов бальнеологов и гидрогеологов в БМАССР, а также оборудования для производства каптажных работ, просить Наркомздрав Союза ССР: а) взять курорт «Аршан» на союзный бюджет в ведение Наркомздрава» [ГАРБ. Ф. Р-475, Оп. 7. Д. 412. Л. 121].

С 1951 г. курорт «Аршан» был переведен на круглогодичную работу [ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 6. Д. 47. Л. 20]. К 1958 г. курорт «Аршан» уже располагал следующими зданиями: главный корпус на 150 мест зимой и 200 мест летом, деревянный, рубленый, двухэтажный, с печным отоплением; столовая – одноэтажное деревянное здание, отопление печное; поликлиника – одноэтажное деревянное здание, отопление печное; ванное здание – одноэтажное деревянное здание, отопление печное, размещало 12 ванн летом, 6 ванн – зимой; клуб – деревянное здание с залом на 125 мест; котельная – одноэтажное здание из местного камня; электростанция – (два здания), деревянные, рубленые, брусчатые; контора – деревянное рубленое двухэтажное здание.

Имелись также прочие жилые и хозяйственные здания. Для размещения отдыхающих курорт имел 11 спальных корпусов, в том числе вышеперечисленный главный корпус. Всего на курорте можно было разместить до 350 человек [ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 6. Д. 1. Л. 173; Д. 47. Л. 20].

С 1950-х гг. координацией санаторно-курортной деятельности на территории Бурятской АССР занимал-

ся Читинский территориальный Совет по управлению курортами (в состав входили курорты Читинской области, Якутии, Бурятии), поэтому Государственный архив РБ архивными документами по деятельности курорта «Аршан» до 1970 г. не располагает.

Бурятский Совет по управлению курортами профсоюзов и здравниц был организован в марте 1970 г. [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 15. Л. 1]. Причиной его создания было то, что финансирование курорта осуществлялось централизованное, через Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), но, к сожалению, основная сумма уходила на строительство и развитие курортов в Читинской области (Дарасун), а курорты Бурятии финансировались по остаточному принципу [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 421. Л. 42–43].

В отчетном докладе Бурятского Совета по управлению курортами профсоюзов и здравниц отмечается, что «санаторно-курортная сеть нашего Совета, принятая от Читинского территориального Совета по управлению курортами профсоюзов, в ведении которого она находилась более 10 лет, представлена двумя курортами – Аршан с максимальным числом коек в летнее время 506 и Горячинском с 327 койками. Дом отдыха «Учитель» имеет 203 койки. Всего имеется 833 санаторных и 203 койки для отдыхающих» [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 15. Л. 2].

На протяжении десятилетней деятельности Читинского территориального Совета с конца 1950-х по 1970 гг. различными промышленными предприятиями и отдельными ведомствами сооружено и приспособлено восемь небольших и нетиповых зданий в Аршане. Из общего количества 183 палат на курорте Аршан двухкочечных палат имеется 103, в которых размещается только 32 % больных, а около 70 % вынуждены пребывать в общих палатах с 4-5 койками, во всех палатах не было туалетов, умывальников, ванных комнат. Курорт не имел очистных сооружений [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–4].

С 1971 г. курорт «Аршан» был признан курортом федерального значения, по линии ВЦСПС были выделены средства на проектирование и строительство санатория «Саяны» на курорте «Аршан» [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 421. Л. 42–43]. В 1985 г. на курорте «Аршан» числились: дача совпартактива (построена в 1965 г.); дача завода (1963 г.); дача ЛВРЗ (1963 г.); дача № 5 (1937 г.); дача № 6 (1937 г.); дача МВД (1967 г.); дача ВСЖД (1964 г.); главный спальный корпус (1935 г.); дача УМТС Восточно-Сибирского района (1970 г.); щитовые дома 4 (1976 г.); дача управления торговли (1975 г.); дача автохозяйства (1968 г.); дача Минсельхоза (1983 г.); зимний клуб (1961 г.); летний клуб (1945 г.); физиокабинет (1939 г.); поликлиника (1948 г.); кухня-столовая (1931 г.); ванный корпус (1959 г.); центральная котельная (1932 г.); холодильник (1961 г.) и т.д. [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 455. Л. 4об. –5].

По данным за 1987 г. на курорте «Аршан» было 11 корпусов, коечный фонд в которых составлял 699 мест. Из них 217 мест принадлежали шести застройщикам Бурятской АССР: Авиазапад – 25 мест (корпус № 1); ЛВРЗ – 26 мест (корпус № 2); обком КПСС – 32 места (корпус № 5); Агропром – 70 мест (корпус № 7); Минжилкомхоз – 50 мест (корпус № 8); МВД – 14 мест. 234 места принадлежали застройщикам Иркутской области: 52 места – Управление автодороги; 52 места – Управление материально-технического снабжения; 52 места – Управление строймеханизации; 52 места – ВСЖД (корпус № 23); 26 мест – Управление торговли (корпус № 4). Самому курорту принадлежали 248 мест.

Корпуса были переданы «на баланс объединения санаторно-курортных предприятий профсоюзов «Байкалкурорт» по их балансовой стоимости, которая в соответствии с заключенными договорами возмещалась им (застройщикам) выделением путевок на санаторно-курортное лечение. Балансовая стоимость корпусов возмещена полностью. Отдельные застройщики остались после взаиморасчетов должны (по состоянию на 01.01.1991), например, ЛВРЗ – 201 тыс. руб., Авиазапад – 205 тыс. руб., обком КПСС – 356 тыс. руб., долг отдельных учреждений превышал балансовую стоимость переданных объектов» [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 421. Л. 40].

Согласно справке Федерации независимых профсоюзов России, подписанной заместителем председателя В. С. Гончаровым, представленной председателю Совета профсоюзов Республики Бурятия С. А. Тимину от 29 сентября 1994 г., за период с 1971 по 1990 гг. на создание санаторно-курортных, туристских и других объектов социального назначения на территории Бурятии было израсходовано средств в сумме 36,1 млн руб. (в ценах 1984 г.).

Основным источником финансирования были средства организаций профсоюзов – 33,8 млн руб. или 93,6 % от общих затрат. Средства бюджета государ-

ственного социального страхования составили 2,3 млн руб. или 6,4 %. В список объектов, построенных и финансируемых за счет средств профсоюзного бюджета на курорте «Аршан», вошли: санаторный комплекс Аршан Бурятской АССР, санаторий «Саяны» на 500 коек, строился в 1967–1989 гг.; курорт Аршан, жилая зона обслуживающего персонала санатория, строился в 1970–1981 гг.; реконструкция автодороги к курорту Аршан (1990 г.) [ГАРБ. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 409. Л. 1–6].

Таким образом, курорт Аршан, развитием которого республика начала заниматься сразу после своего образования, на протяжении всего советского периода оставалась в зоне внимания партийно-советских органов, видевших в курортном строительстве огромный туристический потенциал со всеми вытекающими экономическими последствиями. Имея статус курорта федерального значения, Аршан получил новое здание, дорогу и значительную материально-техническую базу. В постсоветский период курортная система постепенно приходит в упадок, крупнейшие курорты Бурятии Аршан и Горячинск находятся в глубоком кризисе. Исследование истории развития курорта Аршан еще раз показывает, что развитие туризма в Бурятии невозможно без развития курортной системы, а само развитие курортов невозможно без инвестирования.

КНИГОТОРГОВЫЕ КАДРЫ БУРЯТИИ В 1960–1980-Е ГГ.

В статье анализируются количественные и качественные показатели кадровой ситуации в книготорговых учреждениях республики. Описаны формы подготовки и повышения квалификации кадров, приведены сведения о передовых работников книжной торговли, выявлены проблемные моменты в развитии кадрового корпуса отрасли.

Ключевые слова: книжная торговля; кадры; повышение квалификации; стимулирование труда.

Odorova Tatiana Leontievna
 East Siberian State Institute of Culture
 Ulan-Ude, Russian Federation

BOOKSELLING STAFF OF BURYATIA IN 1960–1980-S

The article analyzes the quantitative and qualitative indicators of the personnel situation in the book-selling institutions of the republic. Forms of training and raising the level of skills of personnel are described. Information on the best workers in book trade is given. Problematic aspects in the development of the personnel state of the bookselling branch are revealed.

Keywords: book trade; personnel; advanced training; labor stimulation.

В целях совершенствования книжного дела на рубеже 50–60-х гг. XX в., а также на протяжении 1960-х гг. в стране принимается ряд решений центральных и региональных государственно-партийных органов, повлиявших в дальнейшем и на состояние кадровой ситуации в книготорговой отрасли. Развитие торговой сети, внедрение новых способов обслуживания, специализация книжных магазинов по тематической направленности реализуемой литературы требовали обеспечения их квалифицированным персоналом.

Всего в системе Бурятского книготорга насчитывалось в 1957 г. 40 магазинов, 16 киосков. В том же году в результате реорганизации книготорговли 22 районных и 3 сельских магазина переданы потребительской кооперации. В 1983 г. функционировали 49 магазинов, 25 киосков [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1325. Л. 31].

Среди недостатков кадровой политики в книжной торговле того времени следует назвать слабый обмен передовым опытом, неотлаженную систему подготовки и переподготовки книготоргового персонала, частую сменяемость работников. В целом, сотрудники Бурятского книготорга имели низкий уровень как общего, так и профессионального образования. В 1949 г. в системе книготорга насчитывалось 28 работников; в 1950 г. – уже 100, в том числе в торговой сети – 72 человека [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 14. Д. 2944. Л. 16]. Количество работников несколько сократилось в связи с реформой 1957 г.

В 1960-е гг. продолжал ощущаться дефицит квалифицированных кадров в книготорговых учреждениях республики. В 1965 г. из 75 продавцов Бурятского книготорга только один человек имел специальное образование, а среди товароведов – пять человек. В периодической печати отмечалось, что «повышением квалификации работников книжной торговли никто не интересуется» [Преображенский, 1965, с. 3]. Отсутствие специальных мероприятий по закреплению кадров приводило к тому, что столь нужные для отрасли выпускники книготорговых техникумов уезжали из республики, как, например, несколько человек в 1964 г. Городские организации (в том числе партийные, совет депутатов трудящихся, министерства культуры и торговли) не считали нужным обеспечить жильем молодых специалистов.

Слабо пропагандировался передовой опыт, чаще всего ограничивались информацией о лучших работ-

никах на доске почета книготорга (которая к тому же находилась в «весьма запущенном состоянии») [Преображенский, 1965, с. 3]. Между тем, среди работников книжной торговли было немало опытных продавцов и заведующих магазинами, энтузиастов своего дела. Значительно перевыполнили план 1964 года коллектив магазина № 1 (директор Б. Б. Чимитов), № 5 (директор М. И. Мацедонская), работники прилавка Закаменска (Т. Ц. Раднаева, Л. И. Попова, Г. В. Кокорина, В. Ф. Будаева); Гусиноозерска (Р. Г. Мостовская), г. Кяхта (П. И. Будажапова), г. Бабушкин (Н. М. Сахарова).

В 1966 г. общее количество работников увеличилось до 164 человек, из них женщины составляли 140 человек [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 15. Д. 1459. Л. 78; Д. 1591. Л. 234]. Высшее, среднее специальное или общее среднее образование имели 38 % сотрудников. В определенной мере активизации деятельности книгораспространителей способствовало проведение республиканских совещаний работников книжной торговли (например, в июне 1964 г.), участие во Всесоюзных конкурсах на «Лучший книжный магазин» (март-октябрь 1964 г.), социалистических соревнований за звание «Лучшего продавца книги Бурятии» (по итогам одного из них в 1969 г. было вручено три премии). В последующие годы регулярно проводились конкурсы «Лучший магазин по распространению общественно-политической (сельскохозяйственной и др.) литературы».

В 1970–1980-е гг. улучшился кадровый состав республиканского книготорга, повысился образовательный и профессиональный уровень работников. Об этом свидетельствует таблица [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1103. Л. 42; Д. 1196. Л. 34; Д. 1488. Л. 27].

Как видно из таблицы, с конца 1970-х до конца 1980-х гг. количество лиц, имеющих высшее образование, возросло в системе книготорга в 2,7 раза, контингент работников со средним образованием вырос в 1,3 раза (в 1966 г. высшее образование имели 1,6 %, среднее специальное – 3,4 %). Среди лиц со средним специальным образованием 22 человека имели специальность «товаровед книги».

Помимо пополнения работающего состава выпускниками книготорговых техникумов, подготовка кадров осуществлялась путем направления работающих сотрудников на заочное обучение и курсы повышения квалификации при институтах и техникумах централь-

Кадровый состав работников Бурятского республиканского книготорга (1978–1989 гг.)

год	количество работников	лица, имеющие образование			
		высшее	в % к общему числу работников	среднее специальное	в % к общему числу работников
1978	318	26	8,2	57	17,9
1980	308	28	9	51	16,5
1989	297	72	24,2	79	26,6

ных городов страны. В республике имели место такие формы подготовки книготорговых кадров, как школы коммунистического труда, курсы повышения квалификации (где ежегодно обучалось 15 человек), кружки по изучению экономики книжной торговли. Бухгалтеры обучались на специальных курсах в школе Центрального статистического управления РСФСР.

В 1973 г. в институтах и техникумах заочно обучалось 13 человек, в 1980 г. – 35. Повышение квалификации при Московском полиграфическом институте и книготорговых техникумах прошли в 1978 г. 4 человека, в 1989 г. – 15. В 1970–1980-е гг. в 2-3 школах коммунистического труда обучалось ежегодно 80-115 человек. Магазины Бурятского книготорга являлись базой практики для студентов Новосибирского книготоргового техникума [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1103. Л. 43; Д. 1423. Л. 13]. Сумма средств, затраченных на мероприятия по повышению квалификации работников книготорга, составляла в эти годы 2-6 тыс. руб. в год. Руководители книготорга принимали участие во Всесоюзных совещаниях актива работников книжной торговли (например, в марте 1983 г.).

В 1989 г. из 297 работающих в книготорге человек 89 являлись руководителями и специалистами, остальные 208 человек составляли продавцы и обслуживающий персонал, выделенный в категорию «рабочие». В конце 1990 г. в Улан-Удэ работало 75 % всех сотрудников республиканского книготорга (224 человека), в остальных городах, рабочих поселках трудились 73 работника, в том числе в городах – 21 человек, поселках городского типа – 39 человек, поселках с населением менее 500 жителей – 13 человек [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1507. Л. 1, боб.].

На протяжении многих лет (с 1968 по 1985 гг.) руководителем Бурятского книготорга являлся С. А. Норбоев, с 1986 г. по 1991 г. книготоргом руководил В. Ф. Михайлов. Передовыми работниками в годы IX пятилетки стали коллективы магазинов № 3 (заведующая П. И. Будожанова), № 9 г. Бабушкин (Ю. П. Жамойцына), № 10 г. Кяхта (Л. И. Петрякова), № 16 п. Выдрино (Л. И. Колесова), № 17 (А. П. Самбарова), № 21 (Н. К. Бохач), № 22 (А. С. Книжина), коллективы библиотечного коллектора, отдела «Книга – почтой» (П. А. Пономарева) [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 15. Д. 2079. Л. 83].

На страницах республиканских газет упоминались фамилии отличившихся работников книжного дела. Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение заданий X пятилетки старший продавец книжного магазина № 10 (г. Кяхта) Л. И. Пе-

трякова в 1981 г. была награждена медалью «За трудовую доблесть». В годы XI пятилетки (1981–1985 гг.) неоднократными победителями социалистических соревнований становились коллективы магазинов № 1 «Знание» (Л. М. Перцева), № 2 Дом книги (Л. И. Байминова) [Хабитуев, 1976]. 125 человек в системе книготорга имели звание «Ударник коммунистического труда». Творческим отношением к делу проявили себя в 1980-е гг. работники магазинов п. Восточный (Улан-Удэ), «Политическая книга», «Букинист» [1, 2, 6]. В 1989 г. хорошей работой отличились магазины № 17 «Факел», № 21 п. Онохой, № 37 п. Горхон [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1482. Л. 39]. Вместе с тем проявлялись уже не столь заметные, как в начале изучаемого периода, но все еще не изжитые недостатки в кадровой ситуации. Уровень квалификации книготорговых работников не в полной мере соответствовал требованиям времени. Система подготовки высококвалифицированных специалистов книжной торговли практически отсутствовала [Трояк, 2006, с. 196].

Перевод отрасли на новые условия хозяйствования во второй половине 1980-х гг. предполагал сочетание централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью предприятий, усиление экономических методов управления. Улучшается планирование и использование фонда заработной платы работников, расширяются права книготорговой организации в использовании средств на оплату, поощрение трудовой деятельности [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1482. Л. 39]. К 1988 г. бригадный метод работы освоили 120 человек (21 коллектив). В книготорговой практике используются инновационные формы распространения литературы: книжный прокат, книжный аукцион и т.д. Новые векторы развития книжного дела способствовали повышению ответственности, развитию инициативы и творчества у каждого работника. Однако эти положительные тенденции в связи с изменением социально-политической обстановки, отсутствием экономической поддержки со стороны государства не получили дальнейшего развития.

В целом же, для рассматриваемого периода характерны постепенное улучшение кадровой ситуации в книжной торговле Бурятии: многократное расширение кадрового состава, увеличение доли лиц со специальным образованием, внедрение разнообразных форм подготовки и стимулирования труда сотрудников предприятий, применение персоналом новых методов профессиональной деятельности.

Литература

- Вторая жизнь книги (О работе книжного магазина «Букинист») // Правда Бурятии. 1983. 17 марта.
 Доржиева Л. Гордость поселка – книжный магазин (в пос. Восточный г. Улан-Удэ) // Правда Бурятии. 1984. 26 янв.
 Преображенский В. Книга, магазин, читатель // Правда Бурятии. 1965. 25 марта. С. 3.
 Трояк И.С. Книжное дело Сибири в 70-х – первой половине 80-х годов XX века: проблемы и тенденции // Макушинские чтения. 2006. № 7. С. 194–197.
 Хабитуев Д. О книжном магазине «Знание» // Буриад үнэн. 1976. 27 авг.
 Шулунов А. Идет книга в народ (О магазине «Политическая книга») // Правда Бурятии. 1976. 16 дек.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАДИКАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1991–1993 ГГ.)

В статье рассмотрена реорганизация отношений собственности в аграрной сфере в годы радикальных экономических реформ в начале 1990-х гг. Показаны ход разгосударствления и его результаты в Республике Алтай. Сделан вывод о завершении к 1994 г. аграрной реформы в сфере реорганизации сельскохозяйственных предприятий и создании к этому времени в аграрной сфере региона многоукладной экономики.

Ключевые слова: радикальные экономические реформы; аграрная сфера.

Katashev Maksim Stepanovich
 Scientific Research Institute of Altai Studies named after S. S. Surazakov
 Gorno-Altai, Russian Federation

REORGANIZATION OF AGRICULTURAL OF ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF ALTAI AT THE INITIAL STAGE OF RADICAL ECONOMIC REFORMS (1991–1993)

The author considers the reorganization of property relations in the agrarian sphere during the years of radical economic reforms in the early 1990s. The process of denationalization in the Republic of Altai and its results are shown. By 1994 the land reform in sphere of agricultural enterprises was completed and mixed economy was formed.

Keywords: radical economic reforms; agrarian sphere.

В начале 1990-х гг. Россия вступила в полосу радикальных экономических преобразований, одним из главных являлась аграрная реформа. В отечественной историографии достаточно подробно рассмотрена проблема реформирования и развития сельского хозяйства в 1990-е гг. Среди всего спектра отечественной историографии на данную тему следует выделить работы В. А. Ильиных О. Б. Дашинамжилова, И. Б. Карпуниной, А. П. Мелентьевой. В работах сибирских историков обстоятельно, на основе широкой документальной базы, рассмотрены различные аспекты сельскохозяйственного развития Сибири и сибирских регионов в 1990-е годы: проблемы реорганизации сельхозпредприятий, проблемы становления фермерских хозяйств, состояние личных приусадебных хозяйств, особенности социально-экономических процессов в аграрной сфере сибирских регионов [Дашинамжилов, 2009; Ильиных, 2015; Аграрная реформа, 2008; Карпунина, Мелентьева, 2009; Карпунина, Мелентьева, 2010; Карпунина, Мелентьева, 2011]. В данной статье предпринята попытка показать ход реорганизации сельхозпредприятий в Республике Алтай в начале 1990-х гг.

Аграрный сектор экономики традиционно занимал ведущее место в производственной структуре экономики Горного Алтая. Почти три четверти населения региона были заняты сельскохозяйственным трудом, который являлся основным занятием местного населения. Горный характер местности, структура земельных ресурсов, почвенно-растительные условия, сложившееся региональное разделение труда и ряд других факторов определили животноводческую специализацию аграрного сектора республики. Преимущественное развитие получило отгонное животноводство, в особенности такие виды, как овцеводство и козоводство. Обширные территории пастбищных угодий, навыки и опыт местного населения, способность использовать малодоступные для других видов животных высокогорные пастбища в сочетании с невысокой трудоемкостью создали благоприятные условия для развития данных отраслей.

Курс на радикальное реформирование сельского хозяйства был сформулирован Указом Президента РФ от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» [О неотложных

мерах..., 1992] и Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» [О порядке реорганизации..., 1992]. В последующие годы нормативно-правовая база в аграрной сфере непрерывно развивалась и совершенствовалась.

В Республике Алтай реорганизация осуществлялась в соответствии с федеральными законодательными актами, хотя и с некоторым отставанием. К концу 1991 г. в республике насчитывалось 23 колхоза и 43 совхоза, а также несколько государственных хозяйств. К концу 1992 г. было перерегистрировано 74 %, а к 1 июня 1993 г. уже 97 % всех хозяйств, или подавляющая их часть [Республика Алтай в 1993 году..., 1994, с. 36].

Реорганизация колхозов и совхозов имела три варианта: в первом сохранялась целостность и основная организационно-производственная структура предприятия; во втором – из предприятия выделялись семьи, которые создавали крестьянские (фермерские) хозяйства и их ассоциации; в третьем варианте предприятие делилось на несколько юридически самостоятельных производств [Аграрные преобразования..., 2008, с. 32].

В Республике Алтай при осуществлении реорганизации использовались все три перечисленные варианта. Так, сохранили свой статус, лишь поменяв устав, 42 колхоза и совхоза из 66, или большая их часть, а остальные 24 были акционированы. На их основе к 1 января 1994 г. были созданы: 9 акционерных обществ, 33 товарищества с ограниченной ответственностью и смешанных товариществ, 2 сельхозкооператива, 3 предприятия и организации, 15 ассоциаций крестьянских хозяйств [Республика Алтай в 1993 году..., 1994, с. 36, 37], было образовано 356 КФХ. Таким образом, реорганизация сельхозпредприятий сопровождалась их разукрупнением за счет выделения из структуры хозяйств ряда юридически самостоятельных производств. Об этом свидетельствует рост количества сельхозпредприятий с общественно-долевой собственностью: к концу 1992 г. на основе 66 колхозов и совхозов появились 74 предприятия с общественно-долевой собственностью, а к концу 1993 г. – 83 [Республика Алтай в 1993 году..., 1994, с. 277].

Результатом массовой приватизации в сельском хозяйстве стало распыление акционерного капитала. В связи с тем, что собственниками акционированных

предприятий стали трудовые коллективы, возможности для привлечения инвестиций были ограниченными. В сельхозпредприятиях наблюдалось падение производства – с 1991 по 1993 гг. (по состоянию на конец года) доля всей произведенной сельхозпродукции в них при общем снижении объема продукции в натуральном выражении снизилась с 65,0 до 39,1 %, в том числе в растениеводстве и животноводстве доля произведенной продукции среди всех категорий хозяйств упала с 76,9 до 47,2 %, и с 62,4 до 37,2 % соответственно [Республика Алтай..., 1993, с. 275].

У работников снижалась мотивация к труду, результатом чего стало перераспределение посевной площади и скота из сельхозпредприятий в хозяйства населения. С конца 1991 по конец 1993 гг. ЛПХ стали больше, чем другие категории хозяйств заниматься производством животноводческой продукции. ЛПХ прочно заняли свою нишу и в разделении труда: сельхозпредприятия в основном выращивали зерновые культуры, а личные подворья специализировались на производстве мяса и картофеля [Подкорытов, 2004, с. 4]. Производство в ЛПХ было направлено в первую очередь на самообеспечение семьи, поскольку возможности для реализации продукции становились затруднительными. Тем не менее, индивидуальный сектор к концу 1993 г. стал

основным производителем сельскохозяйственной продукции – к этому времени доля ЛПХ в произведенной продукции выросла за два года после начала преобразований – с 35,0 до 51,0 % [Республика Алтай...1993, с. 275].

Итак, к 1994 г. реорганизация сельскохозяйственных предприятий в Республике Алтай в основном завершилась. К этому времени в аграрной сфере региона утвердилась многоукладная экономика. В результате в сельском хозяйстве утвердились следующие формы собственности: государственные и акционированные сельхозпредприятия; крестьянские (фермерские) хозяйства, личные приусадебные хозяйства. Большая часть сельхозугодий продолжала оставаться в ведении сельхозпредприятий – бывших и действовавших колхозов и совхозов. Между тем в результате реформы утвердилась многоукладная экономика в аграрной сфере. В ходе реформирования аграрного сектора произошло перераспределение ресурсов от сельхозпредприятий в пользу хозяйств населения, в первую очередь, личных приусадебных хозяйств. В итоге в структуре сельхозпроизводителей преобладающая роль перешла мелким товаропроизводителям, а процесс натурализации аграрного производства приобрел постоянный характер.

Литература

- О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР: Указ Президента Российской Федерации от 27.12.1991. № 323 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 1. Ст. 53.
- О порядке реорганизации колхозов и совхозов: Постановление Правительства РСФСР от 29.12.1991 № 86 // Собрание Постановлений Правительства РСФСР. 1992. № 1. Ст. 9.
- Республика Алтай в 1993 году. Статистический ежегодник / Алтайстат. Горно-Алтайск, 1994. 415 с.
- Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. 308 с.
- Дашинамжилов О. Б. Структура и деятельность государственных органов Республики Бурятия в 1990-е гг. Новосибирск: Параллель, 2009. 251 с.
- Ильиных В. А. Сельское хозяйство Западной Сибири в 1950–1990-е годы: динамика, отраслевая структура // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 4. С. 655–678.
- Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Сельскохозяйственное производство Сибири в условиях аграрной реформы 1990-х гг. // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы. Оренбург, 2009. С. 130–136.
- Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Реформирование аграрной сферы Сибири в 1990-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 80–85.
- Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Фермерские и личные приусадебные хозяйства в аграрной экономике Сибири в 1990-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI вв.: материалы междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2011. С. 592–596.
- Подкорытов А. Т. Агропромышленный комплекс Республики Алтай: состояние и перспективы развития // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. докладов, сообщений. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2004. С. 3–8.
- Торшина В. Легка ли фермерская ноша? // Звезда Алтая. 1993. 10 дек. С. 3.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В статье рассматриваются этапы экономического развития Республики Бурятия с 1923 г. по настоящее время. Рассматриваются основные макроэкономические показатели, становление и функционирование основных отраслей экономики.

Ключевые слова: Бурятия; валовой региональный продукт; промышленность; сельское хозяйство; основные фонды.

Tsybenov Bair Ayurzanaevich
Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE STAGES OF DEVELOPMENT OF ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. The article deals with the stages of economic development of the Republic of Buryatia from 1923 to the present. The main macroeconomic indicators, formation and functioning of the main sectors of the economy are considered.

Keywords: Buryatia; gross regional product; industry; agriculture; fixed assets.

30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК принял решение об образовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Центром республики стал город Верхнеудинск, переименованный в 1943 г. в Улан-Удэ.

В конце 20-х – 30-е гг. в Бурятии начался процесс социалистической реконструкции народного хозяйства – коллективизации сельского хозяйства и индустриализации. Взятый курс означал создание всех необходимых предпосылок для превращения Бурятии из аграрной республики, в прошлом отсталой колониальной окраины Российской империи, в республику аграрно-индустриальную. Решение этих задач осуществлялось на основе пятилетних планов развития народного хозяйства: первого пятилетнего – 1928–1932 гг. и второго пятилетнего – 1933–1937 гг. Первая пятилетка по всем важнейшим отраслям народного хозяйства Бурятии, была выполнена в основном за четыре года. В новое промышленное строительство и реконструкцию существующих предприятий за этот период были произведены крупные вложения [Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет, 1933, с. 12].

Объем валовой продукции промышленности в 1932 г. более чем утроился по сравнению с 1923–1924 гг. За эти годы были создана материально-техническая база для дальнейшего развития промышленного производства.

В сельском хозяйстве переход к массовой коллективизации начался в конце 1929 г. К концу 1934 г. в 1266 колхозах состояло 75,8 % всех крестьянских хозяйств, было сосредоточено 91,2 % всех посевных площадей и 68,3 % поголовья скота. К концу второй пятилетки коллективизация была завершена. Колхозами были охвачены 91,6 % крестьянских хозяйств.

Во второй пятилетке развернулось строительство крупных промышленных предприятий: было построено 85 фабрик и заводов, в их числе стекольный завод, мясокомбинат, мелькомбинат. В 1937 г. вступил в строй паровозагоноремонтный завод. В начале 1938 г. в республике насчитывалось уже более 140 крупных про-

мышленных предприятий [350 лет с Россией, 2011, с. 109]. Развивались пищевая и легкая промышленность.

Во время Великой Отечественной войны многие предприятия республики перешли на производство вооружения и боеприпасов. На Улан-Удэнском авиационном заводе производились самолеты. Военную продукцию давали мясокомбинат, судоремонтный завод, Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат и другие предприятия.

Во время войны экономика региона в годы войны понесла большие потери. Так, в 1945 г. производство промышленной продукции составляло лишь 90 % к уровню 1940 г. [Народное хозяйство Бурятской АССР, 1963, с. 12]. В сельском хозяйстве значительно сократилось поголовье скота, снизилась урожайность.

Послевоенное восстановление проходило в трудных условиях: не хватало средств и материалов, трудовых ресурсов. В целом, промышленность республики задания пятилетки по выпуску продукции выполнила на 102, 8% и превысила уровень 1940 г. на 42 %. Восстановление сельского хозяйства также шло неудовлетворительно.

В области промышленности 1950-е годы отмечены вступлением в строй таких крупных предприятий, как Тимлюйский цементный завод, Тимлюйская и Баянгольская ТЭЦ, Улан-Удэнский молочный завод, Тимлюйский шиферный завод, реконструкцией действовавших предприятий: Улан-Удэнского ПВЗ, мясоконсервного комбината, мехстеклозавода, завода «Механлит», Улан-Удэнского судостроительного завода, Селендумского завода деревообрабатывающих станков, Онохойского лесокombината, Улан-Удэнской ТЭЦ.

В целом, в 1960–1980-х гг. в Бурятии сформировалась многоотраслевая современная экономика, ведущей отраслью которого являлась промышленность. Реконструкция и техническое перевооружение предприятий позволили перевести их на выпуск новых видов продукции. В промышленности возникли новые отрасли: машиностроение, электроэнергетика, угольная, горнорудная, лесная и деревообрабатывающая, легкая и пищевая промышленность.

Таблица 1

Капитальные вложения в экономику Бурятской АССР

	1928–1929	1930	1931	1931	Итого за 4 года
Капитальные вложения (тыс. рублей) всего	1002,7	1316,1	3861,5	12970,4	19150,7
в том числе в новое строительство	496,8	518,1	2961,8	11098,5	15075,2

К началу 1990-х Бурятия имела крайне неблагоприятные стартовые условия перехода к рынку. Следующие годы характеризовались углублением экономических преобразований в республике. В ходе реализации программы разгосударствления и приватизации в эти годы происходило акционирование предприятий, особенно активно этот процесс шел в сфере торговли и бытового обслуживания (немногим более 60 % предприятий). Почти половина всех колхозов и совхозов перешла на новые формы хозяйствования.

Наряду с факторами общероссийского характера (разрыв хозяйственных связей, инфляция, диспропорции цен, несовершенство налоговой политики и т.д.) имел место ряд таких негативных тенденций, как спад производства у большинства предприятий, рост взаимных неплатежей и задолженности, рост числа безработных, рост дефицита республиканского бюджета. Индекс физического объема промышленного производства, например, в 1997 г. составил 97,1 % к предыдущему году (в 1993 г. – 100,4 %). Но, несмотря на сохраняющиеся кризисные явления, процесс реформирования экономики постепенно привел к появлению ряда позитивных тенденций в развитии экономической ситуации в республике. Благодаря последовательному проведению жесткой финансовой политики темпы инфляции в середине 1990-х гг. устойчиво снижались. Наблюдалась активизация внешнеэкономической деятельности.

В середине 1990-х гг. происходило замедление темпов спада объемов капитальных вложений. Улучшались показатели по жилищному строительству. В эти годы получило развитие индивидуальное строительство. В Бурятии формировалась качественно новая ситуация в сфере занятости трудовых ресурсов. Структура занятости стала отражать все равноправно функционирующие формы собственности: государственную, смешанную, частнопредпринимательскую.

Наблюдалась большая изменения в частнопредпринимательском секторе. За период 1990–1994 гг. численность занятых в крестьянских и фермерских хозяйствах увеличилась в 14 раз. В связи с приватизацией и акционированием увеличивалась и численность занятых в акционерных предприятиях. Только за 1993 г. их численность возросла в 16 раз. Большое распространение получило мелкое предпринимательство в торговле, закупочной сфере. Появились целые сети различных частных, совместных предприятий и организаций, занимающихся посреднической деятельностью.

В результате структурной перестройки наблюдалось стабильное уменьшение численности работающих в отраслях материального производства. Кроме того, имела место скрытая безработица на предприятиях госсектора с использованием режима неполного рабочего времени и административных отпусков. В то же время существовали значительные резервы повышения занятости в непроизводственной сфере и других перспективных секторах.

Реформа внесла большие изменения в структуру основных фондов. В процессе приватизации появились новые собственники основного капитала. По материалам переоценки основных фондов на 01.01.1994 г. 12 % всего основного капитала находилось в частной собственности, муниципальной – 7 %, на долю смешанной формы собственности приходилось около 18 % основного капитала республики. В промышленности республики 46 % основных средств относились к собственности акционерных обществ. В сельском хозяйстве почти 70 %, а в торговле и общественном питании почти 60 % основных

средств перешли в частную собственность. Почти 70 % средств строительного назначения находились в организациях, имеющих смешанную собственность.

В 1990-е гг. в промышленном производстве наблюдались следующие особенности: спад в 1991–1992 гг., период его замедления в 1993 г., значительное углубление в 1994 г. и снижение темпов спада промышленного производства в 1995–1996 гг. Падение объемов производства началось в 1990 г., когда было произведено продукции на 4 % меньше, чем в 1989 г. [Республика Бурятия 80 лет, 2003, с. 161]. В 1996 г. было выпущено немногим более 40 % от объема продукции 1990 г. В связи с падением объемов производства повысилась доля неиспользуемых производственных мощностей, особенно низкой загрузка мощностей была в обрабатывающей промышленности (до 5 %). За годы реформ негосударственный сектор занял доминирующее положение в промышленности республики. Например, в 1997 г. на его долю приходилось более 90 % объема промышленной продукции против 5 % в 1991 г.

Реформирование аграрного сектора республики проходило с определенными трудностями. Либерализация цен, неразвитость инфраструктуры рынка привели к обострению диспаритета цен, разрушению сложившихся в течение многих лет хозяйственных связей. В ходе аграрной реформы 1991–1996 гг. произошел резкий спад сельскохозяйственного производства, которое снизилось до уровня 1971–1975 гг. Так, спад валовой продукции сельского хозяйства за 6 лет (с 1991 по 1996 гг.) составил более 40 % по отношению к 1990 г. В эти годы стала значительно возрастать роль личных подсобных хозяйств населения, коллективного садоводства и огородничества. Эти хозяйства обеспечивали более 60 % всей валовой продукции.

Развитие экономики в период с 2005 по 2008 г. характеризуется положительными изменениями, о чем свидетельствует рост основных макроэкономических показателей: валового регионального продукта, промышленного производства и инвестиций в основной капитал. Предкризисный 2007 год оказался самым результативным для Республики Бурятия. Темп роста ВРП в сопоставимых ценах составил 107,7 %, что на 1,9 процентных пункта превысил показатель предыдущего периода. К концу 2008 г. экономика республики, как и экономика России в целом, вступила в фазу экономического кризиса. Соответственно, в 2009 г. наблюдалось минимальное значение ВРП за весь анализируемый период (92,6 % к 2008 г.) [Индексы физического объема ВРП в % к предыдущему году (1998–2015гг.). Табличный материал].

С 2010 г. наблюдалось постепенное продолжение восстановления экономической активности после экономического кризиса 2008 г. Восстановлению роста в 2010 г. способствовало улучшение ситуации в целом в мировой экономике, а также восстановление внутреннего спроса, как инвестиционного, так и потребительского, стимулируемого антикризисными мерами, а также восстановление запасов. Возможность не упасть на самое «дно» была обеспечена благодаря трем отраслям: цветной металлургии (за счет золотодобычи в северных районах), электроэнергетике и угольной промышленности.

В 2014 г. обострение геополитической обстановки и усиление экономических санкций в отношении России привели к росту неопределенности и резкому ухудшению условий для экономического роста в целом по стране, в том числе и для Республики Бурятия. С 2014 г. динамика ВРП региона перешла в отрицательную

область и индекс физического объема ВРП в 2014 г. составил 98,3 %, в 2015 г. – 99,6 %, в 2016 г. – 93,5 %.

ВРП на душу населения Республики Бурятия составил около половины среднероссийского уровня производства ВРП на душу населения и около 60 % аналогичного показателя по СФО [Валовой региональный продукт в текущих основных ценах на душу населения (1998–2015 гг.). Табличный материал]. В динамике с 2007 г. лучшую позицию по уровню среднедушевого производства валового регионального продукта Республика Бурятия занимала также в 2007 г., находясь на 44 месте среди регионов России, в последующие годы, переместилась на 70–72 место. Столь значительное перемещение Республики Бурятия по уровню среднедушевого производства валового регионального продукта на более низкие позиции произошло вследствие замедления роста индексов физического объема ВРП относительно аналогичных индексов по России и Сибирскому федеральному округу.

В промышленном производстве за исключением 2016 г. сохранялась опережающая динамика республиканского индекса по сравнению с аналогичным показателем в среднем по России и абсолютного большинства регионов Сибирского федерального округа. По Республике Бурятия индекс промышленного производства составил 159,5 % к 2007 г., по Российской Федерации – 106,0 %, по Сибирскому федеральному округу – 140,6 % (таблица 3) [Статистический ежегодник, 2016, с. 288].

За последние годы произошла глубокая трансформация структуры промышленности Республики Бурятия. Ведущее место в ней теперь принадлежит производству транспортных средств и оборудования (36,9 % всего объема промышленности против 23,2 % в 2007 г.). Рост данного вида деятельности составил 2,4 раза к уровню 2007 г. Также ведущее место занимает производство и распределение электроэнергии, газа и воды (24,0 %), добыча полезных ископаемых (18,5 %) и производство пищевых продуктов, включая напитки и табак (9,0 %). Рост производства в этих отраслях составил 111,7 % и 159,5 % соответственно.

В сельском хозяйстве республики также произошли структурные изменения, связанные с усилением государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, активизацией земельной политики, направленной на обеспечение рационального и эффективного использования земельных ресурсов. Так, индекс производства продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств в 2016 г. к 2007 г. составил 108,6 % (Таблица 4) [Статистический ежегодник, 2016, с. 308]. Однако, несмотря на это, в структуре ВРП удельный вес

сельского хозяйства уменьшился и составил в 2015 г. 6,1 % против 8,5 % в 2007 г. в основном за счет более динамичного развития других отраслей экономики.

Основными производителями сельскохозяйственной продукции в республике по-прежнему остаются хозяйства населения. В настоящее время хозяйства населения производят более 68 % объема всей сельскохозяйственной продукции республики. В последние годы сельскохозяйственные предприятия начинают восстанавливать утраченные позиции, так доля сельскохозяйственных организаций в общем объеме произведенной продукции выросла с 14,6 % в 2007 г. до 26,5 % в 2016 г. Наряду с другими формами хозяйствования активно шло формирование крестьянских (фермерских) хозяйств, что в основном связано с реорганизацией колхозов и совхозов. В 2016 г. удельный вес крестьянских (фермерских) хозяйств в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции составил 4,9 %.

За период с 2007 по 2016 гг. во всех категориях хозяйств поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 8,5 %, свиней на 61 %, овец и коз на 24 %. При этом поголовье свиней выросло в 3,1 раза в сельскохозяйственных предприятиях, что связано с вводом в эксплуатацию АО Свинокомплекс «Восточно-Сибирский» в 2013 г. В крестьянских (фермерских) хозяйствах также увеличилось поголовье крупного рогатого скота в 1,7 раза, овец и коз – в 2,3 раза. Однако поголовье скота не достигло дореформенного уровня: численность поголовья крупного рогатого скота в 2016 г. достигла лишь 68,8 % уровня 1992 г., свиней – 46,2 %, овец и коз – 23,2 %.

Увеличение поголовья скота и птицы повлекло за собой рост производства основных продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий. Так, в республике производство мяса в 2016 г. в хозяйствах всех категорий по сравнению с 2007 г. увеличилось на 43,8 %, яиц – на 28,8 %. Тем не менее, производство молока ежегодно стабильно снижается (Таблица 3).

Значительную долю (более 70 %) объемов производства продукции растениеводства Республики Бурятия занимают зерновые и зернобобовые культуры, картофель, овощи. Основными производителями зерна и зернобобовых культур остаются сельскохозяйственные организации. Доля их в производстве зерна в 2016 г. составила 66 %. Картофель и овощи производятся преимущественно населением. В 2016 г. в хозяйствах населения выращено 86 % картофеля и 77 % овощей.

Несмотря на рост производства, сельское хозяйство пока не может полностью удовлетворить потребность республики в продуктах питания. Так, уровень само-

Таблица 2

Динамика промышленных производств (в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году)

	2007	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
промышленное производство	108,7	120,2	114,2	103,2	114,9	102,9	101,6	87,7
в том числе:								
добыча полезных ископаемых	99,9	97,5	118,2	98,5	103,6	112,9	92,9	103,7
обрабатывающие производства	111,9	132,3	116,6	104	118,4	100,9	103,5	82,7
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	111,1	110,5	96,9	104,9	102,6	99,3	106,0	98,9

Таблица 3

Динамика производства основных продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий

	2007	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
скот и птица на убой (в живом весе), тыс. тонн	47,7	49,9	48,8	51,6	57,1	69,9	68,1	68,6
молоко, тыс. тонн	245,4	229,5	227,3	227,9	223,2	208,7	205,6	200,5
яйца, млн штук	62,8	64,9	65	71,9	72,4	74,8	84,8	80,9

беспечности продукцией в 2015 г., несмотря на рост за последние годы, составил по мясу лишь 66,9 % (в 2007 г. 50 %), по молоку – 75,4% (90 %), по яйцам – 41,1 % (37 %), по картофелю – 79,1 % (102,0 %) и овощам – 76,3 % (84 %) [Потребление основных продуктов питания населением республики Бурятия, 2015, с. 7].

Таким образом, с момента образования республики и до наших дней произошли значительные структурные изменения в экономике региона. Бурятия из аграр-

ной республики, в прошлом отсталой колониальной окраины Российской империи, трансформировалась в промышленно развитую республику. Индустриальный облик республики стали определять машиностроение, электроэнергетика, угольная, горнорудная, лесная и деревообрабатывающая, легкая и пищевая промышленность. Немаловажную роль в экономике республики играет также сельское хозяйство.

Литература

350 лет с Россией: ист.-стат. сб. Улан-Удэ, 2011. 450 с.

Валовой региональный продукт в текущих основных ценах на душу населения (1998–2015гг.). Табличный материал // URL: <http://www.gks.ru> \ \ Официальная статистика \ Национальные счета.

Индексы физического объема ВРП в % к предыдущему году (1998–2015 гг.) Табличный материал // URL: <http://www.gks.ru> \ \ Официальная статистика \ Национальные счета.

Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. Улан-Удэ, 1963. 239 с.

Потребление основных продуктов питания населением республики Бурятия: стат. бюллетень. Улан-Удэ, 2015. 11 с.

Республика Бурятия 80 лет: стат. сб., юбилейный выпуск. 2003. 305 с.

Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. Экономический обзор и статистический справочник. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933. 149 с.

Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь-декабрь 2016 г. Улан-Удэ, 2017. 112 с.

Статистический ежегодник. 2016: стат. сб. Улан-Удэ, 2016. 494 с.

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В статье освещается социально-экономическое развитие региона в рамках общегосударственной национальной экономики и развития региона на основе использования потенциала титульной нации. Рассмотрены процессы освоения экономического пространства региона.

Ключевые слова: национальная экономика; регион; титульная нация; стратегия; инновации.

Belomestnov Viktor Georgievich

East-Siberian State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation

POTENTIAL OF DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The paper deals with the socio-economic development of the region within the framework of state national economy and development of the region on the basis of using the potential of the titular nation. The processes of development of the economic space of the region are considered.

Keywords: national economy; region; titular nation; strategy; innovations.

Социально-экономическое развитие регионов России, в первую очередь, основано на общегосударственной стратегии формирования и развития единого экономического пространства. Однако при этом каждый регион имеет свои специфические особенности, обуславливающие развитие в выбранной регионом собственной стратегии и формирование региональной структуры экономики. Особый интерес вызывает вопрос развития национальных регионов, которые изначально, по смыслу их определения ориентированы на наличие титульной национальности, в какой-то мере определяющей специфику развития экономики. Разумеется, в условиях федеративного государства и процессов межрегиональной интеграции во многих регионах титульные национальности не являются главенствующими по численности, тем не менее, они должны определять и определяют политическую среду развития экономики.

Традиционно существует деление экономики государства на собственно национальную и на региональную экономику, подразумевая то, что региональная экономика является неотъемлемой частью национальной экономики государства в целом. Связь между этими уровнями основана на принципах подчиненности региональной экономики национальной экономике государства, единства воспроизводственных циклов и политики пространственного развития [Кошелев, 2017]. В данном исследовании попробуем рассмотреть проблему развития национальных регионов через призму двух подходов: развития региона в рамках общегосударственной национальной экономики и развития региона на основе использования потенциала титульной нации.

В основу экономической деятельности бурят издавна входили скотоводство, земледелие, охота, рыболовство, ремесла, торговля. Хозяйственная деятельность бурят получила бурное развитие с появлением русского населения, которое начало осваивать край с XVII в. [Батуева, 2000]. Казачество и старообрядцы внесли свой колорит в экономическую деятельность. Большое влияние на развитие экономики оказали торгово-экономические связи Бурятии и Монголии, через регион пролегал «чайный путь» из Китая в Россию и Европу. Стимулом развития экономики регионов Сибири и Бурятии, в том числе, явилось строительство Транссибирской железной дороги.

До начала XX в. промышленное производство в республике практически не присутствовало. Однако после

революции республика активно включилась в процессы планового освоения экономического пространства государством. В советские годы в Бурятии был создан многоотраслевой народнохозяйственный комплекс. Основа этого комплекса была заложена еще в первые пятилетки, и к 1980-м гг. он практически был завершен. Он охватывал более 60 отраслей народного хозяйства, которые были связаны со всеми экономическими районами СССР [История Бурятии]. Лидером промышленного производства стал машиностроительный комплекс, включающий самолето- и вертолетостроение, ремонт подвижного состава, производство приборов, электродвигателей и др. Достаточно высокими темпами развивалась горнодобывающая промышленность, основой которой явились уникальные запасы многих руд и полезных ископаемых. Высокие темпы гражданского и промышленного строительства способствовали развитию строительной индустрии, производству цемента, шифера и другой продукции.

Большие площади лесов способствовали созданию комбинатов по их переработке. Основная часть древесины и изделий из нее (необработанные и обработанные лесоматериалы, небеленый крафт-лайнер и т.д.) уходили на экспорт. Наличие ресурсной базы способствовало развитию предприятий легкой промышленности, в основном занимающихся обработкой шерсти с высокой степенью ее передела. Получила также достаточно высокое развитие агроперерабатывающая промышленность, в том числе мясные и молочные комбинаты, птицефабрики.

Отраслевая структура промышленности за последние 30 лет претерпела существенные изменения. До начала перестройки более половины промышленной продукции производилось в легкой промышленности, машиностроении и металлообработке. В настоящее время ведущими отраслями промышленности являются машиностроение, электроэнергетика и добыча полезных ископаемых. За период экономических реформ утратили свои позиции легкая промышленность, стекольное производство, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, лесной комплекс. В то же время получили развитие такие отрасли промышленности, как добыча золота, угля, электроэнергетика.

Сельскохозяйственная направленность республики была подкреплена научной базой по развитию биотехнологий, вывода местных пород овец и устойчивых к засухе сортов сельскохозяйственных культур. Особое значение имели создание и сохранение генофонда пле-

менных овец бурятского типа забайкальской тонкорунной породы, хорошо адаптированных к круглогодичному пастбищному содержанию в экстремальных условиях. Значимой явилась поддержка оленеводства и яководства, что способствовало занятости коренного населения в отдаленных районах республики. Бурятия была и является в настоящее время одним из наиболее привлекательных регионов России в туристическом плане. Большинство из курортов республики также были построены еще в советское время, хотя, конечно, сейчас получили новый импульс к развитию. Наибольший вклад в формирование валового регионального продукта и раньше, и в настоящее время вносит рыночная и социальная инфраструктуры, транспортная и энергетические составляющие инженерно-коммуникационной инфраструктуры. Доля инфраструктуры в ВРП республики составляет около 60 %.

За последние годы в республике наблюдается нестабильная картина экономического развития. Так, доля республики в ВВП России в 1995 г. составляла 0,55 %, в 2000 г. – 0,35 %, в 2005 г. – 0,42 %, в 2010 г. – 0,35 % и в 2017 г. 0,22 % [Регионы России]. При этом численность населения республики примерно 0,65 % от численности населения России.

К ключевым проблемам развития республики можно отнести низкую долю высокотехнологичных отраслей (в регионе в основном доминируют отрасли, относящиеся к 4 технологическому укладу), исчерпывание пределов модернизации в отраслях с наукоемкими технологиями (машиностроение, транспорт, связь и т.д.), отсутствие финансовых ресурсов; низкую рентабельность и высокую длительность сроков окупаемости инноваций, проблемы экономической ответственности бизнеса за инновационное развитие и модернизацию и другие факторы.

В настоящее время стратегия развития республики, по нашему мнению, должна основываться на оптимизации структуры многосекторной экономики республики за счет инновационного развития и диверсификации. Ключевыми векторами развития экономики Республики Бурятия являются: позитивный рост промышленности с позиций сохранения существующих крупных производственных предприятий; развитие обрабатывающих производств, nano-, био- и других технологий, сельского хозяйства, лесного хозяйства и лесопереработки; усиление мобильности транспорта; создание транзитных логистических центров; поддержка и развитие бизнеса и туризма; развития экологической среды [Амбициозно и реалистично]. Стратегия диверсифицированного развития предполагает увеличение вклада отраслей матери-

ального производства и сферы услуг в ВРП, возрождение ряда отраслей, доказавших свою конкурентоспособность на рынке, появление новых видов экономической деятельности (производство органической продукции, питьевой и минеральной воды; сборочные производства машиностроения, фармацевтическая и медицинская продукция и т.д.), максимально учитывающих экологические ограничения в Байкальском регионе.

В Республике Бурятия большой потенциал развития, помимо реального сектора экономики, имеет сектор социальных услуг. Это связано с большими инвестициями в инфраструктуру здравоохранения, культуры, образования со стороны бюджета и частного инвестирования в последние годы. Развитие событийного туризма, фестивалей и других мероприятий в сфере культуры, закрепление в республике оказания высокотехнологичных медицинских услуг, получения послевузовского образования (аспирантура, докторантура, МВА) и другие мероприятия будут способствовать развитию финансовой базы региона.

Стратегия роста региона с позиции инновационной экономики определяется следующими принципами:

- формирование и развитие высокотехнологичных отраслей экономики;
- внедрение достижений новых технологических укладов через разработку и трансфер инноваций;
- инновационное использование региональных материальных и нематериальных активов;
- широкое использование предпринимательских и гуманитарных (экологических, социальных, интеллектуальных, духовных) ресурсов.

С позиции использования потенциала титульной нации в принципе можно говорить о тех же направлениях развития. Это, прежде всего, использование потенциала сельского хозяйства, где накоплен вековой опыт, подкрепленный современными инновационными разработками в области животноводства и в других секторах агропромышленного комплекса. Очень высок в регионе культурно-этнический потенциал, выразившийся в развитии литературы, балета, изобразительного искусства и др. Он, безусловно, может послужить важным фактором экономического развития. Также высок в регионе потенциал нетрадиционной медицины, который в совокупности с бальнеологическими курортами позволяет республике занять место восстановительного и рекреационного центра. Можно говорить и о высоком образовательном потенциале в регионе. Разумеется, существуют и другие возможности для повышения эффективности использования уникального потенциала Республики Бурятия.

Литература

- Амбициозно и реалистично // URL: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-730635/> (дата обращения: 12.03.2018).
- Батуева И. Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке: автореф. дис. ... доктора ист. наук. Иркутск, 2000. 29 с.
- История Бурятии // URL: http://region03.ru/istoriya_buryatii.html (дата обращения: 12.03.2018).
- Кошелев А.Н. Национальная экономика: конспект лекций http://www.e-reading.club/chapter.php/99883/32/Koshelev_-_Nacional%27naaya_ekonomika_konspekt_lekciii.html (дата обращения: 12.03.2018).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 12.03.2018).

ИННОВАЦИОННАЯ ЭТНОЭКОНОМИКА КАК ОСНОВА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ

В статье раскрыта роль этноэкономики в социально-экономическом развитии и формировании единого экономического пространства регионов. Показан вклад национальной культуры, в том числе национальных обычаев, в становление инновационной экономики регионов.

Ключевые слова: инновации; этноэкономика; регион; пространственное развитие; культура; обычаи.

Perova Elena Yurievna
East-Siberian State Institute of Culture Ulan-Ude, Russian Federation

INNOVATIVE ECONOMICS AS A BASIS OF SPATIAL DEVELOPMENT OF THE SIBERIA REGIONS

The article reveals the role of ethnoeconomics in socio-economic development and the formation of a single economic space of regions. The contribution of the national culture, including national customs, to the development of the innovative economy of the regions is shown.

Keywords: innovations; ethnoeconomics; region; spatial development; culture; customs.

Инновационная экономика основана на повышении эффективности использования экономических и социальных ресурсов в развитии регионов. Потенциал использования экономических ресурсов, особенно исчерпываемых природно-сырьевых, в настоящее время практически исчерпал себя.

Построение инновационной экономики регионов основано на диверсификации ее структуры. Структуру валовой добавленной стоимости РФ по отраслям экономики в среднерегionalном разрезе отражают: сфера услуг – 51,9 %, сфера материального производства – 44,1 %, сельское хозяйство – 4 % [Регионы России...]. В США сельское хозяйство – 0,9 %, сфера материального производства (добыча, переработка, промышленность) – 19,7 %, сфера услуг (финансы, торговля, наука, медицина, транспорт, связь и т.д.) – 79,4 %. В структуре ВВП выросла сфера услуг, образование, медицина, киноиндустрия, звукозапись и другие непроизводственные сферы [Сравнение...]. Это ярко выраженная структура постиндустриальной экономики, где главным параметром является эффективность в области знаний и услуг.

Экономика России по мировым критериям находится на переходном этапе к информационному обществу, уйдя от структуры слаборазвитых стран, но при этом еще не достигнув структуры развитых. Хотя, конечно, следует учитывать то, что высокая производительность труда в сфере материального производства развитых стран позволяет закрыть собственным производством практически все потребности в товарах. Передача производства некоторых групп товаров в другие регионы связана с поиском прибыли международными корпорациями либо реализацией стратегии эколого-ориентированного хозяйствования государств.

Россия и ее регионы в условиях жесткой международной конкуренции на рынках товаров и услуг, а также проблем с инвестиционными ресурсами вынуждена искать новые концепции регионального развития. В настоящее время все большую роль в развитии регионов играют социальные ресурсы общества, в том числе этнический потенциал, культура. Этноэкономика рассматривается как занятость людей по производству традиционных товаров и услуг, характерных для определенной территориальной единицы. Необходимо добавить в расширенную трактовку инновационную компоненту, что позволит по-новому взглянуть на традиционные формы хозяйствования, придать им новый вид или осуществлять производство этнических товаров в соответствии с новейшими технологиями [Клочко, 2017].

Этническая экономика основана на широком использовании возможностей и традиций экономической деятель-

ности коренного населения региона с учетом адаптации традиционных укладов жизнедеятельности к современным экономическим процессам, а также формировании нового этноса с использованием инновационных технологий и оборудования.

Этнос представляет собой сложную систему взаимосвязей, сплачивающих население в устойчивые совокупности людей по объективным (национальности, языку, территории проживания, религии и др.) или субъективным (менталитету, культуре, предпринимательской и инновационной активности, работоспособности и др.) признакам [Этнос].

Автор считает, что этнос является динамичной, постоянно адаптирующейся к инновационным изменениям системой, где традиции и обычаи коренного населения в определенной степени консолидируются с обычаями и традициями мигрирующего населения. При относительной обособленности основных ценностей этносов и наличии множества негативных факторов взаимодействия этносов на территории региона следует отметить и положительные моменты взаимообогащения. К ключевым позитивным моментам относятся как раз формирование новой экономической культуры и трудового менталитета населения и бизнеса. Этноэкономика во многом строится на традициях, обычаях и обрядах национальностей. Если традиции формируют образ жизни и набор потребляемых продуктов и услуг, то обычаи обуславливают поведение групп населения, в том числе покупательское поведение, а обряды формируют комплекс «проектов», связанных с символическими для этноса датами и событиями. В доиндустриальной экономике традиции, обычаи и обряды формировали основу обособленной «автономной» экономики территорий, в какой-то мере находящейся на самообеспечении. Разумеется, в процессе развития этноэкономика стала лишь частью национальной экономики, уступив большую часть секторам экономики, вовлеченным в межрегиональное разделение труда, но при этом этноэкономика остается важной составляющей частью региональной экономики.

Использование потенциала этноэкономики в социально-экономическом развитии региона, по нашему мнению, может идти по нескольким направлениям. Прежде всего, это этническая культура, этническое производство и этнический туризм. Этнические особенности нашего региона основаны на мультирелигиозности с приоритетом русского буддизма, наличием народных промыслов и иных проявлений этнических ресурсов, что позволяет задействовать их в туристическом и других региональных уникальных продуктах.

Важным аспектом являются образ жизни и философия нации, которые изначально ведут к развитию гумани-

тарных направлений деятельности – культуры и искусства, прежде всего. Уникальная бурятская культура, развивавшаяся под общим влиянием тибетско-монгольской культуры, но при этом сохранившая определенное своеобразие, представляет большой интерес. Культурно-этнические ресурсы региона базируются на традиционном менталитете и образе жизни бурятского народа. Регион имеет давние традиции и школы в театральном, литературном, изобразительном, философском и других направлениях, что позволяет задействовать их в экономике региона. В последние годы в республике активно реализуется программно-проектный подход к реализации потенциала этнической культуры. Активно реализуются культурные мероприятия в виде этнических проектов, среди которых проект «Сказочный Сагаалган в Бурятии», ежегодный летний праздник Сурхарбан, международный всебурятский фестиваль «Алтаргана», международный музыкальный фестиваль «Голос кочевников», республиканский фестиваль «Ночь Ёхора». В числе крупных выставочных проектов музеев Бурятии следует отметить: «Атлас тибетской медицины – уникальное сокровище Бурятии», «Старообрядцы в Бурятии», «Сокровища буддийского искусства. Новые грани», «Чайный путь. Гостеприимная Бурятия», персональные выставки Д. Намдакова, З. Доржиева, Ж. Раднаева и др. Реализация культурных проектов способствует созданию рабочих мест, росту инвестиционной и инновационной привлекательности [Перова, 2016, с. 402].

Традиционные народные промыслы в Республике Бурятия охватывают сельское хозяйство (разведение рогатого скота, лошадей, овец, коз, добыча и переработка рыбы, пушнины, сбор дикоросов: орехов, ягод, грибов, черемши, луков, лекарственных растений и т.д.), производство сувениров, ювелирных изделий, предметов домашней утвари, одежды, обуви с национальным и религиозным колоритом, ткачество гобеленов из конского волоса, а также других видов продукции и услуг. В состав этнических ресурсов, помимо прочих, входит и национальное питание.

Рост религиозного и культурного самосознания населения приводит к возрождению традиций и обычаев потребления некоторых продуктов питания и групп товаров. Национальное питание в Бурятии исторически основано на мясных и молочных блюдах. Мясные блюда включают в себя супы (бухэлээр, шүлэн и др.), колбасы из различного вида фаршев, закуски из внутренностей, буузы (позы), а также широкий ассортимент другой продукции. Буузы являются уникальным продуктом, во многом формирующий имидж республики у приезжающих. В подавляющем большинстве интервью гости региона ссылаются на буузы как неотъемлемую часть положительных впечатлений от посещения Бурятии. Бурятская кухня в России присутствует не только в самой Бурятии, Иркутской области и Забайкальском крае, как местах традиционного проживания бурят, но и в других регионах. В Москве бурятская кухня представлена многими заведениями общественного питания.

Большие перспективы имеются у долгохранящихся продуктов (сушеный сыр *ааруул*, сушеное мясо *борсо* и

др.), могущих выступить в качестве товаров, вывозимых из республики гостями, особенно при применении современных технологий упаковки. В условиях полного запрета вылова омуля, являющегося традиционным брендом Байкальского региона, продукты национальной бурятской пищи могут частично заменить его, формируя новый бренд республики.

Для Республики Бурятия очевиден высокий потенциал по всем секторам. Самые привлекательные виды туризма сегодня в Бурятии – оздоровительный, религиозный и ознакомительный. Высоки возможности организации туристического бизнеса по всем направлениям этнического туризма, в том числе с учетом с национального колорита, например – конный биатлон (скачки со стрельбой из лука), степная охота, а также активный туризм – сплавы по рекам и фрирайд, и т.д. И конечно, важным является туризм по сокровальным местам республики, в том числе и на озеро Байкал, которое является главной силой притяжения туристов.

Инновационная экономика ведет за собой внедрения новых технологий во все элементы этноэкономики – производство, культуру, туризм. Особо значимый эффект привнесла цифровая экономика, которая через создание информационных платформ и порталов позволила сблизить этносы народов всего мира, обеспечив свободный доступ к достижениям национальных культур, историческому наследию, сегодняшнему образу жизни и будням населения. Применение современных технологий позволило от чисто ремесленного производства перейти к штучному индивидуальному производству товаров народного промысла с качеством соответствующим развитым производственным системам промышленного типа. Инновационные и информационные технологии в сфере туризма позволили обеспечить высокое качество услуг, выходящее на уровень качества стран-лидеров туристической индустрии.

Следует отметить, что регионы Сибири и Дальнего Востока сформировались на территориях с наличием титульных национальностей и уникальной спецификой Российской Федерации, особенностями которых является сохранение этносов коренного населения. В отличие от примера освоения экономического пространства, характерного для западной цивилизации (например, США), в России расширение территорий происходило в относительно мягкой форме. Эта специфика вылилась в сегодняшнее федеративное государственное устройство и в определенной мере отражает интересы всех заинтересованных сторон: государства, населения, национальной политической элиты.

Наличие обособленных национальных этносов на территории регионов является консолидирующим фактором пространственного развития. Дело в том, что региональные этносы не вступают в конкуренцию друг с другом, а взаимодополняются в построении мультиэтнической среды России в целом. При этом происходит взаимное обогащение этносов, перенос лучших практик хозяйствования и достижений культуры.

Литература

- Клочко Е. В., Кобозева Е. М. Этноэкономика региона: потенциал, функции, барьеры развития. // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 4 (41). С. 38–42.
- Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. Подходы к классификации этнического туризма // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 6 (167). С.179–183.
- Перова Е. Ю. Этноэкономика как направление социально-экономического развития региона // Байкальские встречи-IX: Этничность в контексте социально-культурного и экономического развития региона: материалы междунар. науч.-практ. конф., 14-17 сент. 2016 г. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. С. 402–410.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/rustatistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 14.03.2018).
- Сравнение ВВП США и России // URL: <https://smart-lab.ru/blog/419678.php> (дата обращения: 14.03.2018).
- Этнос // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/этнос> (дата обращения: 14.03.2018).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КИТАЙ-МОНГОЛИЯ-РОССИЯ»¹

В статье рассматриваются перспективы развития международного туризма в республике Бурятия в рамках реализации проекта «Экономический коридор Китай-Монголия-Россия», определяются основные направления повышения качества туризма. Также в статье указаны возможные препятствия для успешного развития туризма в регионе, и предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: Республика Бурятия; туризм; Экономический коридор Китай-Монголия-Россия.

Tsyrempilova Viktoriya Eduardovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE PROSPECTS OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE FRAMEWORK OF THE “ECONOMIC CORRIDOR CHINA-MONGOLIA-RUSSIA”

The article examines the prospects of international tourism development in the Republic of Buryatia in the framework of the “Economic Corridor China-Mongolia-Russia”, also gives the main directions of improving tourism’s quality. Moreover, the article explains possible obstacles to the successful development of tourism in the region and suggests the ways to overcome them.

Keywords: the Republic of Buryatia; tourism; Economic corridor China-Mongolia-Russia.

С установлением экономического коридора Китай-Монголия-Россия в 2015 г. начинается новый этап в развитии трехстороннего сотрудничества. Основные цели экономического коридора, которые ставят перед собой представители трех стран, это интенсификация торгово-экономических отношений, а также усиление взаимодействия в сферах ресурсов, энергетики, финансов и технологий. Кроме перечисленных сфер взаимодействия, немаловажной частью успешного сотрудничества трех стран является и будет оставаться сфера туризма.

С точки зрения задач экономического коридора Республика Бурятия имеет выгодное территориальное положение (находится на границе с Монголией) для развития международного туризма в регионе. Кроме этого, постоянный интерес со стороны китайских и монгольских туристов также способствует развитию туристической сферы в Бурятии. Поэтому в рамках трехстороннего сотрудничества, претворяя в жизнь главные задачи экономического коридора, в будущем можно добиться значительного развития туристической сферы в республике Бурятия. С каждым годом происходит взаимное увеличение туристического пассажиропотока между тремя странами. А с принятием в 2015 г. безвизового режима между Россией и Монголией взаимное число туристов увеличивается ежегодно. Такое явление благоприятно сказывается на развитии сферы услуг в регионе, предоставляет новые рабочие места для местных жителей.

По результатам Национального туристического рейтинга за 2017 г. Республика Бурятия расположилась в середине списка (44 место), набрав по выдвигаемым показателям 56,1 балла и значительно уступая по показателям соседней Иркутской области (13 место – 80,3 балла) [4]. Тем самым, очевидно, что в сравнении с ближайшим соседом, который имеет достаточно раскрученный на российском и международных уровнях бренд «Байкал», а также со значительными инвестици-

ями в сфере туризма, республика Бурятия по-прежнему отстает по многим показателям.

Согласно принятой Федеральной целевой программе (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма на 2011–2018 гг.» на территории Республики Бурятия должны реализоваться перспективные туристские проекты, среди которых создание туристских кластеров: туристско-рекреационный кластер «Подлеморье» (Кабанский район на побережье озера Байкал), ряд автотуристских кластеров «Кяхта» (на границе с Монголией), «Тункинская долина» (Тункинский район), «Байкальский» (Иволгинский район), г. Улан-Удэ, г. Северобайкальск, Заиграевский и Северобайкальский районы [Санжин, 2015, с. 45]. Автотуристский кластер (АТК) представляет собой комплексный проект, предоставляющий туристские и сопутствующие услуги, взаимно дополняющие друг друга и обеспечивающие цивилизованные условия для автотуристов [Инвестиционные проекты...]. Среди представленных автотуристских кластеров АТК «Кяхта» имеет выгодное географическое расположение, которое позволяет расширять туристические связи с соседней Монголией. В 2017 г. были опубликованы основные результаты в рамках строительства этих кластеров, среди которых создание дополнительного числа рабочих мест, увеличение пассажиропотока в регион [Развитие внутреннего и въездного туризма...].

С лета 2017 г. начались обсуждения о разработке новой ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма на 2019–2025 гг.» с целью формирования маркетинговой, образовательной и информационно-коммуникационной среды, которая позволит увеличить объем услуг в сфере туризма, как для местных, так и для иностранных туристов. В июне 2017 г. состоялась вторая встреча представителей туристских администраций России, Китая и Монголии. В ходе встречи были оглашены результаты совместной деятельности трех стран для развития туристических связей; намечены дальнейшие планы для повышения качества туризма. Стоит отметить по-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

вышение количества туристов во всех трех странах: количество туристов из Китая в Россию увеличилось на 15 %, а из Монголии в Россию на 38 %. Такие высокие показатели для Монголии следует связывать с принятием безвизового режима [Россия, Китай и Монголия...].

Среди основных туристических точек на территории республики Бурятия на первом месте остается озеро Байкал (особая экономическая зона (ОЭЗ) «Байкальская гавань», Чивыркуйский залив). ОЭЗ «Байкальская гавань» в настоящий момент является самым крупным инвестиционным проектом в сфере туризма на территории Бурятии. ОЭЗ «Байкальская гавань» включает в себя развитие сразу нескольких видов туризма – лечебно-оздоровительный (курорт «Горячинск»), горнолыжный (гора Бычъя), круизный (Турка) и др. Строительство и эксплуатация объектов ОЭЗ «Байкальская гавань» имеют непосредственное отношение к развитию туризма между странами-соседями. За последние годы количество туристов из Китая и Монголии на Байкал значительно увеличилось, что положительно сказывается на развитии инфраструктуры туристических объектов.

Что касается других туристических мест, располагающихся на берегу озера Байкал, таких как Чивыркуйский залив, Ушканьи острова, они также вызывают интерес со стороны туристов. Однако в связи с нахождением в природоохранной зоне Забайкальского национального парка и с целью сохранения первозданного вида становится затруднительным увеличение числа туристов. Кроме того, увеличение пассажиропотока может вызвать новые экологические проблемы. С наплывом туристов не только иностранных, но и местных с каждым годом экологическая ситуация на Байкале ухудшается: происходят загрязнение берега и прибрежных вод, несанкционированная вырубка леса, уничтожение эндемиков Байкала.

Одной из привлекательной сторон туризма на территории Республики Бурятия является лечебно-оздоровительный вид туризма. Сразу в нескольких районах республики есть объекты такой направленности, такие как «Аршан», «Нилова пустынь» и др. К сожалению, среди зарубежных туристов эти объекты недостаточно известны. Поэтому с целью повышения привлекательности необходимо провести ряд мер, такие как улучшения качества использования природных ресурсов для лечебно-оздоровительного туризма, изменения в системе маркетинга, которая позволит продвигать туристско-рекреационный статус республики как на российском, так и на международном уровнях.

Помимо лечебного туризма, развитие «религиозного» туризма имеет большие перспективы развития, так как Республика Бурятия является центром буддизма. На ее территории располагаются всемирно известные буддийские святыни, и это, непременно, вызывает интерес как у российских, так и зарубежных туристов. Иволгинский дацан бесспорно занимает лидирующее место как туристической точки, которую необходимо посетить по приезде в г. Улан-Удэ. Также особой популярностью пользуется дацан «Ринпоче Багша» на Лысой горе в г. Улан-Удэ. Однако на территории республики есть и другие буддийские объекты, которые могут стать полноценными объектами религиозного туризма в Бурятии. Например, Ацагатский дацан, Эгитуйский дацан и др.

Если говорить об успешном развитии международного туризма на территории Бурятия в рамках реализации проекта «Экономического коридора Китай-Монголия-Россия», то в первую очередь многое зависит от развития транспортной инфраструктуры: строитель-

ства и ремонта дорог на территории республики, реконструкции аэропорта «Байкал», улучшения качества обслуживания, обеспечения безопасности. Подобные меры позволят увеличить пассажиропоток в республику Бурятия с китайской и монгольской сторон в кратчайшие сроки.

В «Дорожной карте» «Экономического коридора» одной из задач является создание специальной рабочей группы по формированию международного туристского маршрута «Великий чайный путь» [Дорожная карта...]. В связи с тем, что идея о возрождении «Великого чайного пути» зародилась еще в 1990-е гг., ее расцвет произошел после трехстороннего совещания в рамках саммита БРИКС в 2015 г., где главы трех стран отметили важность развития данного проекта для трехстороннего сотрудничества. Этот маршрут позволит расширить туробмен и увеличить вклад туризма в развитие экономики и социальной сферы всех стран участников. Координационный совет по проекту «Великий чайный путь» при Федеральном агентстве по туризму, созданный в 2016 г., стал связующим звеном для органов власти всех уровней, организаций, туристических компаний по всестороннему развитию этого проекта [Максанова, 2017, с. 43].

Помимо развития туристского маршрута «Великий чайный путь», «Дорожная карта» также предполагает содействие развитию трансграничного проекта «По Великим озерам: Байкал (Россия) – Хубсугул (Монголия)», который также включает в себе задействование приграничных территорий Китая и проекта «Степной шелковый путь». Этот проект охватывает и территорию Иркутской области: начало маршрута Байкальск (Иркутская область) – Тункинская долина (Аршан, Жемчуг) – Монды – Хубсугул – Байкальск [Новый туристический маршрут...]. Однако на сегодняшний момент нет никакой точной информации о развитии данного проекта.

Основным регулятором действий в развитии международного туризма между Китаем, Монголией и Россией в рамках «Экономического коридора» является российско-китайско-монгольский Координационный совет по сотрудничеству в области туризма, задачами которого являются укрепление взаимовыгодного сотрудничества между представленными регионами, активация приграничного въездного туризма, а также координация действий в международных туристских проектах. К сегодняшнему моменту состоялись две встречи совета (I встреча состоялась в г. Хух-Хото, Внутренняя Монголия, КНР в ноябре 2014 г.; II встреча – г. Улан-Удэ, Россия, июнь 2017 г.). В рамках этих встреч обсуждались результаты совместной деятельности в сфере туризма между Китаем, Монголией и Россией, развитие трансграничного туристического сотрудничества. Стоит отметить, что проведение второй встречи в г. Улан-Удэ имеет большую значимость для повышения престижа республики. Следующая встреча состоится в Улан-Баторе летом 2018 г.

Несмотря на значительные перспективы развития туризма на территории Бурятии в рамках реализации задач «Экономического коридора Китай-Монголия-Россия», по-прежнему остаются нерешенными проблемы, которые негативно отражаются на сегодняшней ситуации в сфере туризма республики. Одной из главных проблем, стоящих на пути успешного роста международного туризма в республике, является слабое развитие инфраструктуры: недостаток качественного благоустроенного жилья, незначительное количество гостиниц среднего класса, низкое качество транспортных

услуг и т.д. Но для разрешения данной проблемы необходима достаточная финансовая поддержка со стороны государства и предпринимательского сектора.

Следующим препятствием является недостаток в продвижении Республики Бурятия как благоприятного для туризма региона на российском и международном уровнях. Связано это, главным образом, со сложившимся стереотипным мнением о республике как о слабо развивающейся территории (суровые климатические условия, низкое качество обслуживания и др.). В современных условиях глобализации продвижение Республики Бурятия как благоприятной туристической зоны позволит привлечь как инвестиции для имеющихся туристских проектов, так и непосредственно самих туристов. Помимо вышеперечисленных проблем также следует

упоминать и о следующих: нехватка квалифицированных кадров (количество персонала, говорящих хотя бы на одном иностранном языке – английский, китайский или монгольский – на туристских объектах значительно мало); низкий уровень безопасности; ухудшение экологической ситуации в регионе.

На данный момент, рассматривая перспективы развития международного туризма на территории Республики Бурятия в рамках реализации целей «Экономического коридора Китай-Монголия-Россия», следует отметить, что с быстрым и успешным разрешением имеющихся на сегодня проблем в сфере туризма в республике, можно добиться получения статуса как благоприятного для туризма региона.

Литература

Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/jF9vhkLz06L18dUCuntCCJ7n099fAfxk.pdf>.

Инвестиционные проекты российских регионов, реализуемые в рамках ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.)» // URL: <https://www.russiatourism.ru/doc/2016/>.

Максанова Л. Б.-Ж., Жалсараева Б. Р.-Д., Кауров И. А. Туристический маршрут «Великий чайный путь»: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 40–47.

Национальный туристический рейтинг 2017 // URL: <http://rustur.ru/nacionalnyj-turisticheskij-rejting-2017>.

Новый туристический маршрут «Байкал-Хубсугул» разработали иркутяне // URL: <http://region03.ru/14447-novyy-turisticheskij-marshrut-bajkal-xubsugul-razrabotali-irkutyane.html>.

Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 гг.): федеральная целевая программа // URL: <http://www.fcp.economy.gov.ru>.

Россия, Китай и Монголия обсудили развитие сотрудничества в области туризма // URL: <https://www.infpol.ru/news/society/128686-rossiya-kitay-i-mongoliya-obsudili-razvitie-sotrudnichestva-v-oblasti-turizma/>.

Санжин Б. Б. К вопросу о развитии туристско-рекреационного комплекса в регионе // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Экономика и право. 2015. Вып. 2 (2). С. 44–51.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Доклад посвящен анализу основных индикаторов региональной экономической безопасности приграничных регионов Сибирского федерального округа Российской Федерации на примере национальных республик Алтай, Бурятия и Тыва. Показано снижение уровня экономической безопасности приграничных национальных регионов в сравнении с внутренними регионами округа. Выявлены низкий уровень диверсификации экономик анализируемых приграничных регионов, их неспособность к устойчивому росту (низкий объем валового регионального продукта на душу населения), высокая зависимость от импорта важнейших продуктов, снижение объемов экспорта.

Ключевые слова: экономика; экономическая безопасность; приграничные регионы; Сибирский федеральный округ.

Dugarzhapova Dolgorma Batorovna

Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

THE SOCIAL AND ECONOMIC SAFETY OF BORDER REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT OF RUSSIAN FEDERATION

The report focuses on analysis of the main indicators of regional economic security of the border regions of the Siberian Federal District of Russian Federation on example of the national republics of Altai, Buryatia and Tyva. The decrease in the level of economic security of the bordering national regions in comparison with the internal regions of the district is shown. The low level of diversification the economies of the border regions analyzed, their inability to sustainable growth (low gross regional product per capita), high dependence on imports of critical products, and a decline in exports have been identified.

Keywords: economy; economic security; border regions; Siberian Federal District.

В системе национальной экономической безопасности современной Российской Федерации на региональном уровне существенную роль играют приграничные регионы, выполняя особые геополитические и геоэкономические функции. В условиях усиления локальной ориентации ряда регионов нашей страны на отношения с приграничными государствами и их приграничными регионами усиливается влияние соседних иностранных экономических систем в зависимости от уровня их социально-экономического развития и специализации на трансграничные регионы России. В связи с этим особое значение приобретают вопросы оценки уровня социально-экономической безопасности приграничных регионов СФО в целях обеспечения эффективности их социально-экономического развития и повышения уровня региональной экономической безопасности.

В современной экономической науке проблема экономической безопасности на региональном уровне исследована достаточно слабо. Используемые подходы и индикаторы экономической безопасности кардинально различаются и определяются целями научного исследования и выделяемых в связи с этим угроз для экономического развития. Однако наиболее распространенной является оценка экономической защищенности территорий с точки зрения их экономического потенциала и уровня социально-экономического развития.

В рамках данного подхода рассмотрим проблему экономической безопасности приграничных регионов Сибирского федерального округа (СФО) на примере входящих в его состав национальных республик Алтай, Бурятия и Тыва.

Выделенные регионы СФО граничат на юге с Республикой Казахстан, Монголией и Китайской Народной Республикой (таблица 1) [Полозков, 2015, с. 88].

Общий уровень экономического развития выделенных приграничных регионов Сибирского федерального округа можно охарактеризовать как довольно низкий. Их вклад в создание валового регионального продукта округа в 2010 г. составлял 4,5 %, в 2016 г. наблюдалось незначительное падение этого показателя до 4,2 % [Валовой региональный продукт...]. Среди этих регионов нет ни одного, в котором бы валовой региональный продукт на душу населения достигал или тем более превышал среднероссийский уровень. По нашим расчетам, данная тенденция характерна для большинства приграничных регионов Российской Федерации, а не только для регионов Сибирского Федерального округа.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости приграничных национальных республик Сибирского Федерального округа в 2016 г. наибольшая доля в основном приходится на сельское хозяйство, государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование и образование. Доля обрабатывающих производств является очень низкой и составляет в Республике Бурятия 0,31 %, в Республике Алтай 0,15 %, что свидетельствует об экономическом спаде и усиливает экономическую незащищенность данных регионов [Регионы России, 2017].

Экономическая безопасность регионального развития в существенной степени также определяется величиной инвестиционных расходов. В их структуре необходимо особо выделить инвестиции в основной капитал

Таблица 1

Сопредельные государства, имеющие общую границу с национальными республиками Сибирского федерального округа

регион СФО	сопредельное государство
Республика Алтай	Китай, Монголия, Казахстан
Республика Бурятия	Монголия
Республика Тыва	Монголия

как один из базовых источников регионального экономического развития. Если сравнивать динамику объема инвестиций в основной капитал по группе приграничных и внутренних регионов Сибирского федерального округа, то за период с 2010 по 2016 гг. можно отметить снижение этой величины для приграничных регионов (1,6 %), в то время как в группе внутренних регионов этот рост составил 1,7 % [Инвестиции...]. Данные изменения в целом соответствуют размерам экономики этих регионов и общей доли приграничных регионов в величине валового регионального продукта всего округа.

Важную роль в обеспечении экономической безопасности региона также играют прямые иностранные инвестиции как один из основных факторов регионального экономического роста. Размер этого показателя для приграничных регионов достаточно значителен (таблица 2).

Наибольшая величина иностранных инвестиций в экономику приграничных регионов Сибирского федерального округа приходится лишь на три региона: Республика Тыва (32,8 %), Забайкальский край (28,6 %) и Новосибирская область (15,3 %). Иностранные инвестиции в экономику остальных четырех приграничных регионов незначительны и их уровень варьирует от 0,6 % (Республика Бурятия) до 2,1 % (Алтайский край) [Инвестиции...].

Особую роль в анализе экономической безопасности приграничных регионов играют показатели внешней торговли. В 2016 г. экспорт в приграничных национальных республиках составил 1044 млн долл. [Торговля в России...]. За последние шесть лет величина экспорта и импорта в приграничных регионах значительно увеличилась, вместе с тем прирост экспорта составил большую величину, чем прирост импорта, а отношение экспорта к импорту уменьшилось на 0,2 раза (табл. 3).

В целом, сравнение группы внутренних и приграничных регионов Сибирского федерального округа показывает сохранение отношения экспорта к импорту за рассматриваемый период, снижение доли экспорта в общем объеме экспорта округа при незначительном изменении доли импорта в совокупном объеме импор-

та округа. Также во внутренних регионах происходит прирост величины импорта в абсолютном выражении (4,7 %), в то время как приграничные регионы показали отрицательный прирост (3,4 %).

Указанные изменения показателей во внешнеторговом обороте всего округа отражают факт сохранения зависимости экономик приграничных регионов от импорта важнейших видов продукции. Данное положение свидетельствует о существовании угрозы экономической безопасности приграничных национальных республик СФО, особенно если принять во внимание низкую долю приграничных регионов в величине общей стоимости экспорта округа. Возможно, данная угроза обусловлена особенностями геополитической ситуации за 2010–2016 гг., которые оказали влияние на изменение структуры и направления международных торговых потоков товаров и услуг. Если говорить о возможном участии приграничных национальных республик СФО в международной торговле России в рамках различных соглашений о региональной экономической интеграции, то низкая доля обрабатывающей промышленности в данных регионах не способствует обеспечению их экономической безопасности.

Таким образом, уровень экономической безопасности приграничных национальных республик Сибирского федерального округа недостаточно значителен. В качестве основных угроз следует выделить низкий уровень диверсификации экономик выделенных регионов СФО, неспособность этих регионов к устойчивому росту (низкий объем валового регионального продукта на душу населения), сохранение зависимости от импорта важнейших продуктов, несмотря на увеличение объемов экспорта. Анализ показывает, что указанные тенденции в последние годы усиливаются, поэтому угрозы экономической безопасности приграничных национальных регионов начинают приобретать особую значимость, которую необходимо учитывать как в управленческих процессах правительств этих регионов, так и в управлении региональной экономикой на национальном уровне.

Таблица 2

Распределение иностранных инвестиций в основной капитал по отдельным формам собственности по группам регионов СФО за 2012 г. и 2016 г. (%)

регионы СФО	иностранная		совместная российская и иностранная	
	2012	2016	2012	2016
РФ	9,1	7,5	6,4	9,2
Сибирский федеральный округ	5,2	8,9	8,3	9,7
<i>приграничные национальные республики</i>				
Республика Алтай	0,5	1,2	0,5	2,0
Республика Бурятия	1,1	0,6	3,3	5,3
Республика Тыва	31,6	32,8	4,0	1,6
<i>приграничные регионы (за исключением национальных республик)</i>				
Алтайский край	3,3	2,1	6,5	5,2
Забайкальский край	1,9	28,6	0,6	9,4
Новосибирская область	4,6	15,3	4,2	7,7
Омская область	7,0	2,0	1,1	2,7
<i>внутренние регионы</i>				
Красноярский край	2,8	11,5	17,0	20,4
Иркутская область	12,5	5,3	1,7	2,2
Кемеровская область	1,4	4,5	12,2	10,7
Республика Хакасия	0,4	1,9	1,6	2,2
Томская область	13,8	3,8	3,7	0,8

Таблица 3

Показатели внешней торговли регионов СФО за 2016 г. (сравнение групп внутренних и приграничных регионов)

показатели	2016 г.			2016 г. к 2010 г.		
	приграничные национальные республики СФО	приграничные регионы СФО (за исключением национальных республик)	внутренние регионы СФО	приграничные национальные республики СФО	приграничные регионы СФО (за исключением национальных республик)	внутренние регионы СФО
экспорт (млн долл.)	1044	3193	21450	210,1	34,6	76,7
импорт (млн долл.)	79	2361	3262	39,9	71,5	84,4
отношение экспорта к импорту	0,1	0,7	0,2	0,2	2,1	1,1
доля экспорта в общем объеме экспорта СФО	0,4	1,1	7,5	-1	-23,4	-66,7
доля импорта в общем объеме импорта СФО	1,4	41,4	57,2	-1,3	-3,4	4,7

Литература

Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998-2016гг. Табличный материал // URL: <http://www.gks.ru> // Официальная статистика / Национальные счета / Валовой региональный продукт (дата обращения: 15.03.2018).

Инвестиции в основной капитал по субъектам Российской Федерации. Табличный материал // URL: <http://www.gks.ru> // Официальная статистика / Предпринимательство / Инвестиции (дата обращения: 15.03.2018).

Полозков М., Епифанова Н. Современные угрозы экономической безопасности приграничных территорий // Государственная служба. 2015. № 1 (93). С. 88–92.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32 стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Торговля в России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 233 с.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Рассмотрена система стратегического планирования в Российской Федерации. Исследован первый этап развития системы стратегического планирования в Республике Бурятия. Проведен анализ документов стратегического планирования и программ социально-экономического развития республики.

Ключевые слова: стратегическое планирование; Республика Бурятия; экономика региона; программы социально-экономического развития.

Ubonova Darima Zoriktoevna
Buryat Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**STAGES OF DEVELOPMENT OF THE STRATEGIC PLANNING SYSTEM
IN THE REPUBLIC OF BURYATIA**

The system of strategic planning in the Russian Federation is considered. The first stage of development of the strategic planning system in the Republic of Buryatia is investigated. The documents on strategic planning and programs of social and economic development of the republic are analyzed.

Keywords: strategic planning; the Republic of Buryatia; regional economy; socio-economic development programs.

Стратегическое планирование является важнейшей функцией управления развитием территории, определяющей основные направления, способы и средства достижения стратегических целей. Система стратегического планирования в Российской Федерации охватывает три уровня: федеральный, региональный и муниципальный [Федеральный закон...]. В соответствии с действующим законодательством она включает три составляющих:

- взаимозависимые документы стратегического планирования, характеризующие приоритеты социально-экономического развития территории;
- элементы нормативно-правового, научно-методического, информационного, финансового и иного обеспечения процессов стратегического планирования;
- участники стратегического планирования, осуществляющие деятельность в указанной сфере [Дементьев, 2012, с. 2].

Формирование системы стратегического планирования (далее ССП) в Российской Федерации происходило в сложных условиях, связанных с коренной ломкой системы государственного управления, формированием новых экономических институтов и общим экономическим кризисом в стране. На региональном уровне развитие ССП характеризовалось дополнительными трудностями, обусловленными высоким уровнем неопределенности относительно действий федерального правительства, недостатком действенных инструментов государственного регулирования, отсутствием соответствующей нормативной правовой базы и т.п.

Все эти проблемы были присущи и для Республики Бурятия. Автор выделяет четыре этапа развития системы стратегического планирования в Бурятии: формирование отдельных элементов ССП (1992–1999 гг.); становление системы стратегического планирования в рамках системы индикативного управления (2001–2007 гг.); развитие ССП (2008–2015 гг.); формирование системы стратегического планирования в условиях создания единой системы стратегического планирования

в Российской Федерации (с 2016 г.). В данном докладе проведен анализ первого этапа развития системы стратегического планирования в Республике Бурятия.

Социально-экономическое развитие (далее – СЭР) Республики Бурятия на первом этапе развития ССП происходило в условиях краха плановой системы управления и формирования новых экономических институтов. Этот период характеризовался массовой приватизацией государственных предприятий, разрывом сложившихся экономических связей, высоким уровнем инфляции, недостатком, а во многих случаях отсутствием нормативных и правовых документов, определяющих перспективы социально-экономического развития региона.

Правительством Республики Бурятия разрабатывались годовые планы и прогнозы. Планирование и прогнозирование развития Бурятии на более длительные периоды в это время были затруднительными. В значительной степени это было связано с тем, что на фоне общего кризисного состояния экономики России экономическое положение республики было еще более сложным в силу экстремальных природно-климатических условий, низкого уровня конкурентоспособности экономики, обусловленного сырьевой специализацией и моноструктурой промышленности с гипертрофированной ролью в ней предприятий ВПК.

Вместе с тем руководству республики удалось убедить правительство РФ в необходимости разработки специальной программы для преодоления глубокого экономического кризиса. В 1996 г. была принята Федеральная программа социально-экономического развития Республики Бурятия на 1996–2005 гг. (далее – ФПСЭР) [Постановление Правительства...]. Государственным заказчиком программы выступило Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политики, а головными разработчиками – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН и Институт макроэкономических исследований при Министерстве экономики Российской Федерации.

Литература

- Дементьев В. В. Стратегическое планирование – залог успешного развития // Бюджет. 2012. Вып. 7. С. 2–5.
Постановление Правительства России «О Федеральной программе социально-экономического развития Республики Бурятия» № 442 от 15.04.1996 г.
Федеральный закон Российской Федерации «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

В Российской Федерации конституционно закреплены поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, недопущение экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Проводимая в рамках этого проконкурентная политика занимает важное направление в деятельности государства, целью которой являются поддержка и развитие конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами и недопущение нарушения интересов потребителей.

Ключевые слова: развитие конкуренции; проконкурентная политика; антимонопольный орган.

Erdyneeva Tatyana Dashievna
Buryat Antimonopoly Service of Russia
Rodionova Daria Nickolaevna
Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

THE IMPLEMENTATION OF THE COMPETITION POLICY IN THE REGION

Support for competition, freedom of economic activity, prevention of economic activity aimed at monopolization and unfair competition are constitutionally enshrined in the Russian Federation. Procompetitive policy plays an important role in government actions. Its purpose is to support and develop competitive relations between economic entities and prevent violations of consumer interests.

Keywords: competition development; competition policy; antimonopoly authority.

В современных условиях антимонопольная политика является одной из важнейших средств государственного регулирования экономических процессов страны. В связи с этим титульными целями являются: развитие и защита конкуренции, контроль над деятельностью хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на рынке, контроль над процессом концентрации производства и централизации капитала, контроль над ценообразованием и пр. Кроме того, в современных условиях институциональных преобразований конкурентно-рыночного взаимодействия между хозяйствующими субъектами и целенаправленной антимонопольной политики государства актуальными становятся механизмы превентивного характера. Политика в области поддержки и развития конкуренции является важным фактором в экономической доктрине, ключевой основой государственной политики регулирования рыночной экономики любой страны.

Проконкурентная политика – это система государственных мер правового и организационно-административного характера, направленных на создание проконкурентных основ функционирования экономики. Проконкурентная политика включает в себя как пассивные, так и активные меры, в частности, программы поддержки малого и среднего бизнеса, создание центров разработки НИОКР, а в условиях глобализации поддержку национального инновационного производства. Между субъектами производства, образования и науки формируются конкурентно-партнерские отношения. Государство выступает институциональным искусственным, внерыночным фактором развития рыночно-конкурентной среды, рынка несовершенной конкуренции [Рождественская, 2015, с. 147].

В настоящий момент антимонопольный орган России – ФАС России – в целях развития и защиты конкуренции пытается обеспечить синергию: законодательной, исполнительной и судебной власти, федеральных, региональных и муниципальных властей и институтов гражданского общества. В рамках модернизация систе-

мы антиконкурентного законодательства применение ФАС России проконкурентных методов тарифного регулирования позволяет снижать цены, обеспечивая тем самым реализацию так называемого принципа «инфляция минус».

21 декабря 2017 г. президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ, утверждающий основные направления государственной политики по развитию конкуренции в нашей стране. Для антимонопольной службы национальный план является стратегическим документом, определяющим вектор деятельности на ближайшие три года. Принятию документа предшествовал анализ структуры экономики страны, свидетельствующий о высоком уровне монополизации отдельных отраслей, существенной доле государственных предприятий и, к сожалению, о значительном количестве нарушений конкуренции со стороны органов власти. Основными целями этого документа являются повышение удовлетворенности потребителей и экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, а также стабильный рост и развитие многоукладной экономики государства.

Указ президента Российской Федерации призван обеспечить во всех отраслях экономики нашей страны, за исключением сфер деятельности субъектов естественных монополий и организаций оборонно-промышленного комплекса, присутствия не менее трех хозяйствующих субъектов, не менее чем один из которых относится к частному бизнесу.

Кроме того, документ предусматривает снижение количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов власти к 2020 г. не менее чем в 2 раза по сравнению с 2017 годом и увеличение на 18 % закупок у малого и среднего предпринимательства государственными и муниципальными заказчиками и госкомпаниями.

Для достижения этих целей и задач Указом президента Российской Федерации утвержден Национальный план развития конкуренции на 2018–2020 гг. Он

направлен на снижение доли государственного участия в конкурентных сферах экономической деятельности, в том числе ограничение создания унитарных предприятий, реформу тарифного регулирования, эффективное предупреждение и пресечение антимонопольных нарушений, приводящих к ограничению и устранению конкуренции на товарных рынках, и поддержку предпринимательской инициативы, включая развитие малого и среднего бизнеса.

Указ президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (далее – Указ) предусматривает: определение основных направлений государственной политики по развитию конкуренции; определение основных стратегических целей, принципов государственной политики по развитию конкуренции, а также ключевых показателей в наиболее актуальных отраслях экономики (видах деятельности); объединение деятельности и усилий в этом направлении всех ветвей и уровней власти, а также институтов гражданского общества.

Целями государственной политики по развитию конкуренции, определяемыми Указом, являются: повышение удовлетворенности потребителей; повышение экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов; стабильный рост и развитие многоукладной экономики государства. Задачами Указа являются: обеспечение во всех отраслях экономики Российской Федерации, за исключением сфер деятельности субъектов естественных монополий и организаций оборонно-промышленного комплекса, присутствия не менее трех хозяйствующих субъектов, не менее чем один из которых относится к частному бизнесу; снижение количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов власти к 2020 г. не менее чем в 2 раза по сравнению с 2017 годом; увеличение к 2020 году доли закупок, участниками которых являются только субъекты малого предпринимательства и социально ориентированные некоммерческие организации, в сфере государственного и муниципального заказа не менее чем в два раза по сравнению с 2017 годом, а также увеличение отдельными видами юридических лиц объема закупок, участниками которых являются только субъекты малого и среднего предпринимательства, до 18 % к 2020 году.

Для достижения указанных целей и задач Указом утверждается Национальный план развития конкуренции на 2018-2020 годы, которым предусмотрены следующие мероприятия: снижение доли государственного участия в конкурентных сферах экономической деятельности, в том числе ограничение создания унитарных предприятий; реформа тарифного регулирования; эффективное предупреждение и пресечение антимонопольных нарушений, приводящих к ограничению и устранению конкуренции на товарных рынках; поддержка предпринимательской инициативы, включая развитие малого и среднего бизнеса.

Указ определяет принципы взаимодействия государства и общества, предусматривающие нетерпимость к любым проявлениям актов недобросовестной конкуренции и монополизацию, обеспечение равных условий и свободы экономической деятельности на всей территории Российской Федерации, стимулирование со стороны государства добросовестных практик осуществления хозяйственной деятельности. Принятие органами власти управленческих решений должно осуществляться с учетом оценки последствий таких решений для конкуренции.

Указ также закрепляет цифровые параметры ожидаемых результатов в отдельных отраслях экономики. Например, в сфере информационных технологий предусмотрено повышение доли российских программных продуктов в сфере информационных технологий, в том числе в социально значимых отраслях (энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование, транспорт, безопасность), включая предоставление услуг в формате облачных сервисов, не менее чем на 10 % ежегодно.

В агропромышленном комплексе предусмотрено повышение уровня товарности основных видов сельскохозяйственной продукции, расширение географии поставок и номенклатуры сельскохозяйственных товаров, реализуемых на организованных торгах, снижение зависимости внутреннего рынка от иностранного селекционного и генетического материалов и связанных с ними агротехнологических решений и т.д.

Системность, взаимосвязанность поручений, входящих в указанный комплекс мероприятий, обуславливает необходимость вовлечения Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов судебной власти, иных правоохранительных органов, а также общественных организаций в процесс реализации государственной политики по развитию конкуренции. В дальнейшем предполагается, что подобный комплекс мероприятий будет утверждаться каждые пять лет.

Согласно задачам Нацплана ФАС России совместно с органами всех ветвей и уровней власти необходимо активизировать работу по развитию конкуренции в субъектах Российской Федерации. Бурятское УФАС России как уполномоченный региональный орган исполнительной власти осуществляет функции по контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательства в сфере деятельности субъектов естественных монополий (в части установленных законодательством полномочий антимонопольного органа), рекламы, контролю (надзору) в сфере государственного оборонного заказа и в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также по согласованию применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

В настоящее время в рамках проведения конкурентной политики в Республике Бурятия Бурятским УФАС России реализуется План мероприятий по содействию внедрению Стандарта развития конкуренции в Республике Бурятия в 2018 г. В рамках Соглашения о взаимодействии с Уполномоченным органом по содействию развитию конкуренции в субъекте Российской Федерации, утвержденным распоряжением Правительства Республики Бурятия от 07.04.2015 № 211-р заключено соглашение о взаимодействии Бурятского УФАС России с Министерством экономики Республики Бурятия. Запланировано участие в работе Коллегиального органа – Республиканской комиссии по содействию развитию конкуренции при Правительстве Республики Бурятия – в целях оценки с позиции антимонопольного законодательства степени содействия развитию конкуренции проектов правовых актов, а также иных документов и информации, подготовляемых для стимулирования развития конкуренции в Республике Бурятия, в том числе:

- предоставление информации о выполнении мероприятий по содействию развитию конкуренции в республике, предусмотренных «дорожной картой»;
- формирование проектов нормативных правовых актов Республики Бурятия в части их возможного воздействия на состояние и развитие конкуренции;

- анализ результатов мониторинга состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг республики;

- формирование ежегодного доклада «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг субъекта Российской Федерации» в соответствии с требованиями Стандарта.

В пределах своих полномочий территориальный орган осуществляет создание и реализацию механизмов общественного контроля за деятельностью субъектов естественных монополий в республике, взаимодействует с институтами общественного контроля за деятельностью субъектов естественных монополий в части анализа представляемой субъектами естественных монополий информации, достаточности для потребителей данной информации, подготовка при необходимости предложений по корректировке стандартов раскрытия информации. И в целом он освещает процессы деятельности Бурятского УФАС России по содействию развитию конкуренции в республике в рамках адвокатирования конкуренции.

В рамках исполнения «дорожной карты» «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2012 № 2579-р, Федеральная антимонопольная служба вышла с инициативой о формировании и опубликовании лучших (направленных на развитие конкуренции) и худших (имеющих антиконкурентный характер) практик принятия органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления актов и осуществления действий (далее – «белая и черная книги» проконкурентных и антиконкурентных региональных практик) в целях предупреждения нарушений антимонопольного законодательства. В 2014 г. впервые были сформированы «белые и черные книги» проконкурентных и антиконкурентных региональных практик за 2012 и 2013 годы. Инициатива антимонопольных органов получила дальнейшее развитие.

В «белую книгу» включаются примеры принятых в отчетном периоде актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов мест-

ного самоуправления и осуществления ими в отчетном периоде действий, направленных на развитие конкуренции, обеспечение единого экономического пространства, внедрение Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации, Инвестиционного стандарта и др. В «черную книгу» включаются примеры противоречащих федеральному законодательству антиконкурентных актов органов государственной власти и органов местного самоуправления, по которым приняты территориальными органами и структурными подразделениями центрального аппарата ФАС России решения о признании нарушения антимонопольного законодательства и выданы предписания.

Начиная с «белой и черной книг» за 2016 г., работа в данном направлении проводится Федеральной антимонопольной службой и ее территориальными органами в соответствии с приказом ФАС России от 14.03.2017 № 299/17.

«Белая и черная книги» проконкурентных и антиконкурентных региональных практик за 2016 год размещены на официальном сайте ФАС России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <http://fas.gov.ru/vazhnaya-informacziya/otkryitaya-kniga/belaya-i-chnaya-knigi.html>, что позволяет обеспечить «обратную связь», разместить информацию о мероприятиях (актах или действиях), направленных на развитие конкуренции в субъектах Российской Федерации, в целях обмена опытом по внедрению лучших региональных практик.

Таким образом, ФАС России и его территориальные органы стремятся к повышению прозрачности как своей деятельности, так и деятельности хозяйствующих субъектов, к росту эффективности государственных программ комплексного развития, одновременно создавая условия для роста объемов товаров и услуг, производимых независимыми поставщиками в потенциально конкурентных видах деятельности. Проводимая проконкурентная политика в ближайшем будущем при ее эффективной реализации создаст в необходимые благоприятные условия ведения предпринимательской деятельности.

Литература

Рождественская Е. М. Проконкурентная политика как форма реализации проконкурентного порядка// Вестник науки Сибири. 2015. № 3 (18). С. 145–152.

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ БУРЯТИИ

Рассмотрены этапы становления энергосистемы Республики Бурятия. Исследована зависимость состояния развития промышленности, сельского хозяйства, городского хозяйства и других отраслей от развития топливно-энергетического комплекса. Показаны методы и пути обеспечения электроэнергией народного хозяйства в годы дефицита генерирующих энерго мощностей, а также влияние на ускорение темпов развития республики опережающего их ввода. Произведена оценка состояния энергоснабжения, и намечены основные пути стратегического развития электроэнергетического комплекса республики.

Ключевые слова: электроэнергетика; электроснабжение; Гусиноозерская ГРЭС; электропотребление.

Borisov Gennadii Ochirovitch
Buryat Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

DEVELOPMENT OF ELECTRIC POWER INDUSTRY IN BURYATIA

The history of electric power industry formation in the Republic of Buryatia was considered. It was shown how the states of industry, agriculture, housing and utilities economy and other branches of economy are determined by the development of the fuel and energy complex. The ways of the republican economy providing with electric power in the years of the generating power capacities deficit were examined. It is concluded that advanced development of electric power industry is absolutely necessary condition for the economy development in Buryatia. The main directions of strategic development of the republic's electric power complex have been outlined.

Keywords: electric power industry; power supply; Gusinoozerskaya hydroelectric power station; power consumption.

Развитие республики, рост экономики народного хозяйства тесно сопряжены с развитием электроэнергетики. Первая «лампочка Ильича» в Бурятии зажглась в с. Поселье 8 мая 1925 г. в 11 км от Верхнеудинска. В марте 1933 г. была пущена в эксплуатацию первая промышленная электростанция мощностью 750 кВт для электроснабжения строящегося паровозовагоноремонтного завода. В 1934 г. было начато строительство более крупной электростанции – Улан-Удэнской ТЭЦ, и 12 октября 1936 г. была введена в эксплуатацию турбина мощностью 12 тыс. кВт, приняв промышленную нагрузку заводов и предприятий города (мясокомбината, мелькомбината, стекольного завода и др.). Мощность электростанций республики в 1940 г. достигла 23,7 тыс. кВт, а производство электроэнергии – 81,9 млн кВт·ч. Промышленность республики развивалась быстрыми темпами. С 1932 по 1937 г. валовая продукция металлообрабатывающей промышленности увеличилась в 18,5 раза, выработка кирпича – в 13,6 раза, лесозаготовки – в 5,5 раза. Производство электроэнергии возросло в 31 раз при увеличении мощности электростанций в 17 раз [Бирюков, 1999]. В годы Великой Отечественной войны энергетики Бурятии, несмотря на сложности военного времени, обеспечивали бесперебойную работу многих предприятий, переоборудованных для выпуска военной продукции.

Наибольшее развитие электроэнергетика получила в послевоенное время. С развитием горнорудной, угольной, цементной промышленности были введены в строй Гусиноозерская (1947 г.), Баянгольская (1953 г.) и Тимлюйская ТЭЦ (1953 г.). Строилось много мелких электростанций.

На 1 января 1960 г. в республике действовали 794 электростанции мощностью 136,4 тыс. кВт, в том числе ГЭС мощностью 1,8 тыс. кВт. Выработка электроэнергии составила 503 млн кВт·ч. Наиболее мощными электростанциями были Улан-Удэнская ТЭЦ – 54 тыс. кВт, Тимлюйская ЦЭС – 18 тыс. кВт, Баянгольская ЦЭС – 23,7 тыс. кВт, Гусиноозерская ТЭЦ – 10,5 тыс. кВт.

Постановлением Совета народного хозяйства Бурят-Монгольского экономического административного района от 02.09.1958 г. было организовано Бурятское районное энергетическое управление «Бурятэнерго» с численностью персонала 25 чел. В его состав были включены Улан-Удэнская ТЭЦ, Улан-Удэнский «Энергосбыт» и Управление электрических сетей [Бирюков, 1999]. Затем в состав энергоуправления были переданы Тимлюйская ЦЭС, Гусиноозерская ТЭЦ, и фактически в 1959 г. закончился первый и с 1960 г. начался второй этап развития электроэнергетики Бурятии.

Годы 7–12 пятилеток в СССР и особенно в Бурятии отличались значительным ростом промышленных мощностей и невиданными темпами научно-технического прогресса. Объем промышленной продукции в 1980 г., по сравнению с 1960 г., возрос в 4,4 раза, электроэнергетики – в 11,4, топливной промышленности – в 3 раза. Большие работы проводились по электрификации народного хозяйства, особенно аграрного сектора и населенных пунктов республики. Этот период в развитии электроэнергетики можно разбить на два этапа: 1960–1976 гг. до пуска Гусиноозерской ГРЭС и 1976–1990 гг.

В период 1960–1965 гг. удовлетворение быстрорастущих потребностей в электроэнергии обеспечивалось в основном за счет собственных источников предприятий, расширения и реконструкции ТЭЦ-1 с вводом котлоагрегатов высокого давления и турбин 25 МВт и 100 МВт. Тимлюйская и Улан-Удэнская ТЭЦ были соединены линией 35 кВ, начато строительство двухцепной ЛЭП-220 кВ «Иркутск – Улан-Удэ».

Когда ЛЭП-220 кВ дошла до Тимлюйской ТЭЦ, впервые в Бурятии была построена подстанция 110/35/6 кВ «Тимлюй», и Тимлюйская ТЭЦ вышла на параллельную работу с «Иркутскэнерго», что значительно повысило надежность электроснабжения потребителей Кабанского, Прибайкальского районов и западной части г. Улан-Удэ. В 1965 г. ЛЭП-220 кВ «Иркутск – Улан-Удэ» и подстанция 220 кВ «Районная» были введены в эксплуатацию и связали энергосистему Бурятии с объединен-

ной энергосистемой Сибири. С этого момента началась централизация электроснабжения республики. В кратчайшие сроки были построены ЛЭП-220 кВ «Улан-Удэ – Гусиноозерск», ЛЭП-110 кВ «Улан-Удэ – Тимлюй», «Улан-Удэ – Онохой – Хоринск». Линии 35 кВ были построены для электроснабжения потребителей Заиграевского, Мухоршибирского, Бичурского и Тункинского районов, начато строительство распределительных сетей 10 кВ, 0,4 кВ для электроснабжения сельских потребителей. К 1971 г. (к 100-летию юбилею со дня рождения В. И. Ленина) электроснабжение села было завершено, закрыто около тысячи мелких дизельных электростанций.

Значительно повысилась надежность электроснабжения промышленных потребителей, населения республики. К 1975 г. по ЛЭП-220 кВ «Иркутск – Улан-Удэ» обеспечивалось 80 % потребности республики в электроэнергии, пропускная способность линии была исчерпана. Требовалось срочно обеспечить ввод мощностей на строящейся Гусиноозерской ГРЭС для обеспечения электрификации железной дороги на участке Слюдянка – Улан-Удэ, пуска советско-монгольского предприятия – ГОК «Эрдэнэт».

Несмотря на большие трудности в строительстве ГО ГРЭС, связанные с недостатком строительных кадров, отсутствием в республике мощностей стройиндустрии для энергетического строительства, инфраструктуры городского коммунального хозяйства, в конце 1976 г. первый энергоблок ГО ГРЭС мощностью 200 МВт был пущен в эксплуатацию, увеличив установленную мощность бурятской энергосистемы более чем в 2 раза.

В период 1976–1990 гг. бурятская энергосистема постепенно, за счет ежегодного ввода энергоблоков ГО ГРЭС, обеспечивала не только растущие потребности республики, но и выдавала до 200 МВт в Монголию для электроснабжения ГОК «Эрдэнэт» и 200–300 МВт – в Читинскую энергосистему. В эти годы были введены в эксплуатацию двухцепные ВЛ-220 кВ «Гусиноозерск – Дархан», «Гусиноозерск – Мысовая», «Гусиноозерск – Улан-Удэ», «Улан-Удэ – Петровский Завод». По линиям 110 кВ была подана электроэнергия в отдаленные районы республики: Баргузинский, Курумканский, Еравнинский, Бичурский, Кяхтинский, Джидинский, Закаменский и Баунтовский.

Была осуществлена электрификация железной дороги на участке Слюдянка – Улан-Удэ, Улан-Удэ – Чита – Карымское, обеспечено электроснабжение строительства БАМ за счет установки двух газотурбинных электростанций мощностью 24 МВт каждая и строительства двухцепной ВЛ-220 кВ «Усть-Кут – Даван – Северобайкальск – Уоян – Таксимо – Витим – Чара». Осуществлена электрификация электро тяги на Бурятском участке БАМ.

Из-за несоответствия качества угля Холбоьджинского угольного разреза проектному было принято решение ограничить мощность первой очереди ГО ГРЭС четырьмя блоками по 210 МВт. Однако уже в начале 1980-х гг. стали возникать в периоды максимума нагрузки ограничения мощности в Забайкалье и южной части иркутской энергосистемы по сечению Братск – Иркутск, поэтому в Минэнерго было принято решение продолжить строительство второй очереди ГО ГРЭС с вводом шести энергоблоков по 220 МВт до конечной мощности электростанции в 2100 МВт.

По согласованию с СМ СССР были начаты подготовительные работы по 2-й очереди ГО ГРЭС в январе 1980 г. В 1988 г. был введен энергоблок № 5, в 1992 г. – энергоблок № 6.

Строительство электростанций и ввод большого количества линий электропередач (в год вводилось до 1000 км линий всех напряжений) позволили значительно увеличить выработку электрической энергии, закрыть мелкие неэкономичные станции почти во всех районах республики. В Улан-Удэ широким фронтом велись работы по теплофикации города.

В 1978 г. Сибирское отделение ВНИИПИ «Энергопром» разработало ТЭО строительства ТЭЦ-2, в марте 1980 г. Минэнерго утвердило ТЭО строительства Улан-Удэнской ТЭЦ-2 мощностью 720/840 МВт и тепловой мощностью 1840 Гкал/час. В феврале 1983 г. утвержден проект первой очереди Улан-Удэнской ТЭЦ-2 в составе двух теплофикационных энергоблоков 200 МВт и четырех котлов Е-160-24 пиковой водогрейной котельной. В 1982 г. начались подготовительные работы на площадке ТЭЦ-2.

В г. Улан-Удэ была разработана схема электроснабжения, и построено двухцепное кольцо 110 кВ вокруг города с подключением к нему новых подстанций «Медведчиково», «Западная», «Октябрьская», «Левобережная». Введена в строй подстанция 220 кВ «Северная», осуществляющая подпитку этого кольца.

Развитие республики и, соответственно, электроэнергетики определялось принятым 9 января 1981 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Бурятской АССР в 1981–1985 гг. и на период до 1990 года». Этим постановлением предусматривалось продолжение строительства ГО ГРЭС, Тугнуйского угольного разреза для нужд электроэнергетики, подготовка промышленного освоения Озерного полиметаллического месторождения и развертывание работ по хозяйственному освоению зоны, тяготеющей к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, открытие сквозного движения по этой магистрали, начало строительства Улан-Удэнской ТЭЦ-2, ЛЭП-220 кВ «Нижеангарск – Таксимо», ЛЭП-500 кВ «Иркутск – Гусиноозерск – Петровский Завод». Было начато строительство трех крупных машиностроительных заводов, завода сельхозмашин, расширение заводов ЛВРЗ, «Электромашина», что требовало значительного увеличения выработки электроэнергии и тепла в г. Улан-Удэ. Требовалось ускорение строительства ТЭЦ-2.

Четвертый этап 1990–2008 гг., этап разворота перестроечных процессов, распада СССР (1990–1993 гг.), смены политического курса страны, либерализации экономики, приватизации государственной собственности и т.д., естественно, отразился и на состоянии электроэнергетики республики. Снижение темпов развития народного хозяйства республики, ввода основных фондов привело к стагнации потребления электроэнергии и к прекращению финансирования на объектах энергетики. Полностью были прекращены работы на ГО ГРЭС, электросетевых объектах сельской электрификации.

С большим трудом удавалось продолжать строительство в минимальных объемах. Подготовительные работы велись на ТЭЦ-2 и ЛЭП-500 кВ «Иркутск – Улан-Удэ», так как действующая ЛЭП-220 кВ, осуществляющая связь с ОЭС Сибири, была перегружена. В процессе приватизации в энергосистеме было организовано два предприятия – ОАО «Бурятэнерго» и ОАО «Гусиноозерская ГРЭС», вошедшие в РАО «ЕЭС России». Одним из самых сложных явлений этого периода были для электроэнергетики неплатежи потребителей. Из-за особенностей своего товара электроэнергетики оказались заложниками обрушения всей финансово-эконо-

мической системы страны. Не имея права отключения потребителей, так как это привело бы к непредсказуемым последствиям, они вынуждены были производить электроэнергию и отпускать ее бесплатно. Необходимо было платить за топливо, его транспортировку, запчасти и оборудование для ремонта поставщикам, которые, в отличие от энергетиков, без предоплаты ничего не поставляли. Энергетики первые вынуждены были ввести схемы взаимозачета, вексельные и бартерные расчеты и использовать другие возможности для продления работы предприятий. Коллективы энергетиков не получали заработную плату до семи месяцев, но продолжали работать. Малые толики оплаты за электроэнергию и тепло оседали в банках, коммунальных службах, занимающихся тогда сбором платежей, уходили на оплату налогов. Руководство энергосистемы оплачивало труд работников сельхозпродуктами, получаемыми за поставленную электроэнергию в Монголию и сельским потребителям, а также товарами, производимыми нашими предприятиями. Финансовую устойчивость определяли превышением дебиторской задолженности над кредиторской. Вынуждены были с бюджетными организациями, особенно с Минобороны, расчеты вести непосредственно с центральными органами.

Особенно сложным было положение в «Бурятэнерго», потому что оно имело взаимоотношения с потребителями-неплательщиками и должно было обеспечить оплату ГО ГРЭС, Холбоьджинскому и Тугнуйскому угольным разрезам, железнодорожникам, энергостроителям, обеспечить выплату налогов и деятельность собственных предприятий. В «Бурятэнерго» была введена должность первого заместителя генерального директора по финансовым и сбытовым вопросам, усилены службы энергосбыта. Общими усилиями предприятия энергетики выстояли в это сложное время. В то же время в Правительстве России, в Госдуме, в РАО «ЕЭС России», в коллективах энергетиков активно обсуждались вопросы реструктуризации электроэнергетики, дальнейших путей ее развития. Проводились парламентские слушания в Госдуме (на двух из них я выступал), международные конференции (также принято участие), съезд энергетиков, многочисленные совещания в РАО «ЕЭС России».

28 апреля 1997 г. был подписан Указ Президента РФ № 426 «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий», и в августе 1998 г. Советом директоров РАО «ЕЭС России» утверждена «Программа действий по повышению эффективности работы и о дальнейшем преобразовании в электроэнергетике Российской Федерации». До 2001 г. проводились подготовительные мероприятия по реструктуризации, в основном по преодолению кризиса неплатежей, прекращению бартерных и вексельных платежей. Из-за снижения потребности в электроэнергии значительно

ниже уровня 1990 г. не требовалось ввода новых мощностей. В Бурятии осуществлялись только вводы котлов на ТЭЦ-2 и замена турбин среднего давления на ТЭЦ-1.

11 июня 2001 г. Правительство РФ подписало Постановление № 526 «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации», которое осуществлялось долгие 8 лет. В 2008 г. РАО «ЕЭС России», а 31 марта 2008 г. ОАО «Бурятэнерго» прекратили свое существование. ОАО «Гусиноозерская ГРЭС» вошло в состав ОГК-3, а затем в ПАО «ИНТЕР РАО – Электрогенерация».

Вместо ОАО «Бурятэнерго» созданы: правопреемник – филиал ОАО «МРСК Сибири» – «Бурятэнерго»; филиал «Генерация Бурятии» ОАО «ТГК-14»; филиал ОАО «ФСК ЕЭС» «Забайкальское предприятие магистральных электрических сетей»; филиал ОАО «Системный оператор ЕЭС» «РДУ энергосистемы Республики Бурятия»; ОАО «Бурятэнергосбыт». Предприятия «ПРП Бурятэнерго», «Спецэнергоремонт Бурятэнерго», централизованная автобаза, учебный комбинат были расформированы, производственные помещения проданы, профилакторий на 100 мест передан администрации города, три турбазы на Байкале проданы группе руководителей, присланных из РАО «ЕЭС России» для проведения реструктуризации.

Этот этап характеризуется значительным снижением потребления электроэнергии, а затем постепенным его повышением по мере роста ВРП республики. Возможности генерирующих предприятий позволяли полностью обеспечивать потребности республики. Отмечается значительный рост тарифов на электроэнергию и тепло. Кроме общей инфляции, основной его причиной стало увеличение стоимости топлива.

Следующий этап – с 2008 г. по настоящее время – характеризуется стабилизацией общей экономической ситуации, затем спадом в связи с вводом санкций. Потребности в электроэнергии и тепле обеспечивались полностью, осуществлен ввод в эксплуатацию после реконструкции энергоблока № 4-200 МВт на ГО ГРЭС, турбогенератора № 7 на 100 МВт на Улан-Удэнской ТЭЦ взамен выведенного из строя вследствие пожара, двухцепной ВЛ-220кВ «Татаурово – Горячинск» с подстанцией 220 кВ «Горячинск», начато проектирование ВЛ-500 кВ «Усть-Кут – Нижнеангарск». Энергосистема Бурятии способна полностью обеспечить электроснабжение народного хозяйства республики [Стратегия, 2009; Восточный вектор..., 2011, с. 368], а также потребителей Монголии, Забайкальского края [Борисов, 2015]. Кроме того, имеются возможности быстрого увеличения мощности ГО ГРЭС, Улан-Удэнской ТЭЦ-2 [Борисов, 2013; Топливо-энергетический комплекс..., 2015, с. 176].

Литература

- Бирюков В. Г. Электроэнергетика России и Бурятии (история, проблемы, решения): инф.-спр. изд. Улан-Удэ: АО «Республиканская типография», 1999. 164 с.
- Борисов Г. О. Топливо-энергетический комплекс Забайкальского региона и перспективы его развития // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 1 (9). С. 57–82.
- Борисов Г. О. Потенциал и проблемы развития энергосистем Забайкальского региона и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета: Экономика и право. 2015. № 2. С. 116–123.
- Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние, взгляд в будущее / ред. Н. И. Воропай, Б. Г. Санеев. Новосибирск: ГЕО, 2011. 368 с.
- Стратегия развития топливно-энергетического комплекса Республики Бурятия на перспективу до 2030 года. Постановление Правительства РБ от 15 мая 2009 г. № 177. М.; Улан-Удэ: Энергия, 2009. 107 с.
- Топливо-энергетический комплекс Байкальского региона: современное состояние, перспективы развития / под ред. Б. Г. Санеева. Новосибирск: ГЕО, 2015. – 176 с.

СОВРЕМЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЫ

В статье рассматриваются производственная и потребительская сельскохозяйственная кооперация в Республике Бурятия. Проведен анализ развития кооперации.

Ключевые слова: производственная сельскохозяйственная кооперация; потребительская сельскохозяйственная кооперация.

Fedotova Natalia Petrovna

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

MODERN COOPERATION AS A METHOD OF DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL SPHERE

The article deals with industrial and consumer agricultural cooperations in the Republic of Buryatia. The development of cooperation is analyzed.

Keywords: industrial agricultural cooperation; consumer agricultural cooperation.

Постоянные кризисы, преследующие Россию, начиная с 90-х гг. XX в., наносят тяжелый урон сельскохозяйственной сфере. Кризисные процессы в нашей экономике проявлялись уже давно, но не были такими долговременными и разрушительными. Появление социальной нестабильности в нашем обществе, очень резкий упадок производства, чрезмерный рост цен, устранение государства от регулирования экономики и многие негативные моменты были невозможны, когда осуществлялись перестройка и последующее реформирование экономики. Кризис в экономике России негативно сказался на количестве крупных, средних и мелких сельхозпроизводителей. Низкие доходы, ценовой диспаритет способствовали уходу товаропроизводителей из этой сферы деятельности, особенно это видно на примере кооперации.

Кооперация как способ осуществления экономической деятельности появилась при капитализме для усиления позиций мелких товаропроизводителей на рынках товаров и услуг. «Сельскохозяйственная кооперация реализуется в практической деятельности путем создания и функционирования самоуправляемых кооперативов» [Шутова, 2005, с. 27]. Кооператив как форма хозяйствования подобен акционерному обществу или корпорации, поскольку это виды вертикальной интеграции. В этих организациях собственником выступает множество владельцев, где управление обычно осуществляется с помощью коллективных решений, все доходы делятся между собственниками. При этом кооперативы по своей социально-экономической сути выступают одновременно как объединение граждан и хозяйственная организация. Основная цель кооперации – создание крупнотоварной организации. По мнению многих экономистов, «затраты в таких хозяйствах на производство единицы продукции ниже, выше уровень технического и технологического обеспечения. Специализация и концентрация производства позволяют значительно снизить прямые и косвенные расходы» [Брытков, 1998, с. 51].

В республике Бурятия развивается как производственная, так и потребительская сельскохозяйственная кооперация. Производственная сельскохозяйственная кооперация имеет статус коммерческого юридического лица, главной целью деятельности является прибыль, полученная организацией. Потребительская сельскохозяйственная кооперация развивается как некоммерческая юридическая организация, целью которой является помощь членом своей организации в осуществлении деятельности. В 2013 г. в республике Бурятия работало 60 производственных кооперативов, в 2015 г. их число уменьшилось до 32, что на 60 % меньше чем в 2011 г.

За 5 лет количество сельскохозяйственных кооперативов сократилось на 45 единиц, и в 2016 г. составило 27 единиц.

Рассмотрим распределение сельскохозяйственных производственных кооперативов по районам Республики Бурятия.

Численность производственных сельскохозяйственных кооперативов в Бурятии неуклонно уменьшается. Этому процессу способствует множество причин: уменьшение государственной поддержки всех видов хозяйств и отсутствие специализированной поддержки именно производственных кооперативов, постоянная засуха в республике, низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Так, в Тункинском районе с 2014 г., а в Заиграевском и Кижингинском районах с 2015 г. исследуемые кооперативы были реорганизованы в другие организации с различными организационно-правовыми формами. Также в Баунтовском эвенкийском, Джидинском, Иволгинском, Кабанском, Селенгинском Тарбагатайском районах существует по одному сельскохозяйственному производственному кооперативу. В Бичурском, Еравнинском, Курумканском, Мухоршибирском Хоринском районах работают по два кооператива на район. По три кооператива в Кяхтинском и Прибайкальском районах. Лидером по количеству сельскохозяйственных производственных кооперативов является Закаменский район, там работают 5 кооперативов. Нужно отметить, что в 2016 г. реально работали и производили продукцию 12 СПК. Теперь рассмотрим производство сельскохозяйственной продукции СПК.

Рассмотрим подробнее, какие виды сельскохозяйственной продукции производят СПК в Бурятии. Резко уменьшилось производство зерна в СПК, что связано с уменьшением количества техники и засухой, а также переходом многих СПК на кормовое растениеводство. Положительные тенденции видны в производстве мяса: за период с 2012 по 2016 гг. наблюдается увеличение на 394,4 тонны. Производство молока в СПК также увеличилось за исследуемый период на 1218,1 тонны, а количество крупнорогатого скота выросло на 597 головы. Стоимость произведенной продукции в 2016 г. составила 456127 тыс. рублей, что на 159029 тыс. рублей, больше чем в 2012 г. Несмотря на сильное сокращение количества СПК, оставшиеся выживают и продолжают работать.

В данный момент в Республике Бурятия потребительская кооперация существует как сеть сельскохозяйственных потребительских кооперативов и Бурятского республиканского союза потребительских обществ,

Таблица 1

Распределение производственных кооперативов по районам республики Бурятия

сельскохозяйственные производственные кооперативы	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Баунтовский эвенкийский р-н (СХ)	4	2	2	2	2	1
Бичурский р-н (СХ)	6	5	5	3	2	2
Джидинский р-н (СХ)	2	2	2	2	1	1
Еравнинский р-н (СХ)	5	5	5	5	2	2
Заиграевский р-н (СХ)	3	3	2	2	—	—
Закаменский р-н (СХ)	6	6	5	5	5	5
Иволгинский р-н (СХ)	4	4	3	3	1	1
Кабанский р-н (СХ)	6	6	6	6	3	1
Кижингинский р-н (СХ)	1	1	1	1	—	—
Курумканский р-н (СХ)	5	4	4	3	3	2
Кяхтинский р-н (СХ)	12	11	10	4	3	3
Мухоршибирский р-н (СХ)	3	3	2	2	2	2
Прибайкальский р-н (СХ)	4	5	4	2	2	3
Селенгинский р-н (СХ)	1	1	1	1	1	1
Тарбагатайский р-н (СХ)	2	2	2	2	2	1
Тункинский р-н (СХ)	2	5	6	—	—	—
Хоринский р-н (СХ)	6	2	2	6	3	2
Итого:	72	65	60	48	32	27

Сост. по: Характеристика сельского хозяйства..., 2016].

Таблица 2

Объем и стоимость произведенной продукции производственных сельскохозяйственными кооперативами республики Бурятия за 2012–2016 год

наименование произведенной продукции	2012	2013	2014	2015	2016	Отклонение 2016–2012 гг.
зерно (тонн)	15964	23058	25796	26642	13850,5	–2113,5
мясо (тонн)	1122,4	1271,3	1294,5	1357,6	1516,8	394,4
молоко (тонн)	2649	2822	3695,9	3700,1	3867,1	1218,1
крупнорогатый скот (головы)	11237	12036	12676	13389	11834	597
стоимость произведенной продукции (тыс. рублей)	297098	357541	441804	514538	456127	159029

Сост. по: Характеристика сельского хозяйства ..., 2016; Развитие агропромышленного комплекса ..., 2010.

осуществляющего общее консультирование по вопросам кооперации. На 1 января 2017 г. в Бурятстате по Республике Бурятия было зарегистрировано 84 сельскохозяйственных потребительских кооперативов. В 2016 г. осуществляли деятельность 52 кооператива (61,9 % от зарегистрированных), в том числе: перерабатывающих – 20 (по сравнению с 2015 г. на 25 % больше), снабженческо-сбытовых – 9 (на 50 % больше), кредитных – 9 (на 10 % меньше), прочих – 14 (в 2,3 раза больше).

Численность членов кооперативов на 1 января 2017 г. составила 2539 единиц. Из общего числа членов кооперативов граждане, работающие в личном подсобном хозяйстве, составляют 95,8 %; индивидуальные предприниматели только 0,8 %; крестьянские (фермерские) хозяйства – 0,6 %; юридические лица – 1,5 %.

Количество сельских потребительских кооперативов за исследуемый период сократилось на 52,5 %, если в 2009 г. было 160 единиц, то в 2016 г. 84 единицы, при этом осуществляют деятельность только 52 из них. Количество перерабатывающих кооперативов возросло с 9 единиц в 2009 г., до 20 в 2016 г. Это связано с работой программы по развитию потребительской кооперации за 2015–2017 гг. Но число снабженческо-сбытовых уменьшилось за исследуемый период на 42,8 %, кредитных на 42,8 % и прочих кооперативов на 35,8 %. Численность членов кооперативов также за 8 лет уменьшилась на 52,7 % и составила 2539 человек. Только численность хозяйств населения увеличилась в процентном соотношении на 5,9 %, все другие показатели уменьшились. Объем предоставленных займов в 2016 г. составил 64,4 млн рублей, что составляет 75,4 % от 2009 г. Что касается потребительских сельскохозяйственных кооперативов, можно сделать вывод, что несмотря на государ-

ственную поддержку, их экономические результаты не очень впечатляющие.

Потребительская кооперация представлена в Бурятии системой сельскохозяйственных потребительских кооперативов и Бурятского республиканского союза потребительских обществ. В 2016 г. деятельность системы потребительской кооперации была сосредоточена на двух ключевых направлениях — на сохранении и наращивании производства и на удержании позиций кооперативных организаций с учетом новых экономических реалий. И эти задачи выполнены. По словам председателя совета Буркоопсоюза, совокупный объем деятельности Буркоопсоюза, пусть незначительный, но превысил аналогичный показатель 2015 г., что удалось достичь главным образом за счет увеличения выпуска продукции в цехах предприятий Буркоопсоюза.

В результате Бурятский респотребсоюз по итогам первого квартала занял в целом по системе Центросоюза России 2 место за развитие производственной сферы и 1 место по Сибирскому федеральному округу. И оставался в тройке лидеров среди потребительских союзов СФО во втором и третьем кварталах 2016 г.

За год с 35-го места Буркоопсоюз поднялся на 33-ю позицию среди 65 организаций, входящих в Центросоюз России. А из 12 регионов, входящих в СФО, занял 4 место по совокупному объему деятельности, опередив многие экономически более развитые регионы.

Рассмотрев показатели развития кооперации в Бурятии, можно прийти к выводу, что система кооперации, несмотря на проблемы в отрасли, развивается достаточно стабильно. Не будем также забывать, что кооперация выполняет в первую очередь социальную функцию, то есть, предоставляя работу сельским жителям, коопера-

Таблица 3

Общая характеристика деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов Республики Бурятия

	2009	2011	2013	2015	2016	2016 г. в % к 2009 г.
зарегистрировано сельскохозяйственных потребительских кооперативов (по данным на 1 января следующего года)	160	129	77	77	84	52,5
из них работали	90	69	29	38	52	57,7
в том числе: перерабатывающих	9	10	11	16	20	222,2
снабженческо-сбытовых	21	12	5	6	9	42,8
кредитных	21	13	11	10	9	42,8
прочих	39	34	2	6	14	35,8
численность членов кооперативов, человек (по данным на 1 января следующего года)	4811	3562	3167	2291	2539	52,7
в том числе:						
хозяйств населения, %	90,5	94,3	95,6	96,1	95,9	105,9
индивидуальных предпринимателей, %	3,6	3,1	1,6	0,9	0,8	22,2
крестьянских (фермерских) хозяйств, %	1,4	0,8	1,1	0,9	0,6	42,8
юридических лиц, %	2,4	1,8	1,7	1,7	1,5	62,5
объем предоставленных займов, млнруб.	85,4	65,9	81,1	65,05	64,4	75,4

Сост. по: О деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов за 2013, 2016 годы.

ция дает возможность не выезжать на заработки в другие населенные пункты и регионы, а спокойно жить и трудиться в собственном селе. «Только при совместном сотрудничестве достигается взаимный интерес, реализация собственных задач» [Онхонов, 2017, с. 21].

Кооперативы считаются первоначальной базой, на которой можно развивать другие организации коллективной формой собственности. По нашему мнению, одной из самых интересных коллективных форм выступает акционерное общество работников или народное предприятие. Эта организационно-правовая форма не получила широкого распространения в нашей стране из-за закона «об акционерных обществах», где указано, что народное предприятие может создаваться только

на базе уже работающего акционерного общества, где обычно акционеры не хотят делиться прибылью с работниками. Если бы была возможность создать народное предприятие с «нуля», то возможно оно выглядело следующим образом (рисунок 1).

Для постоянного развития кооперации и коллективных форм хозяйствования, в том числе и народных предприятий, требуется постоянная и всесторонняя поддержка государства в виде субсидий. Для сохранения села и сельских жителей нужно развивать кооперацию в любых ее проявлениях, поскольку именно с помощью кооперации можно возродить среднее и крупное производство в сельском хозяйстве и сохранить существующее.

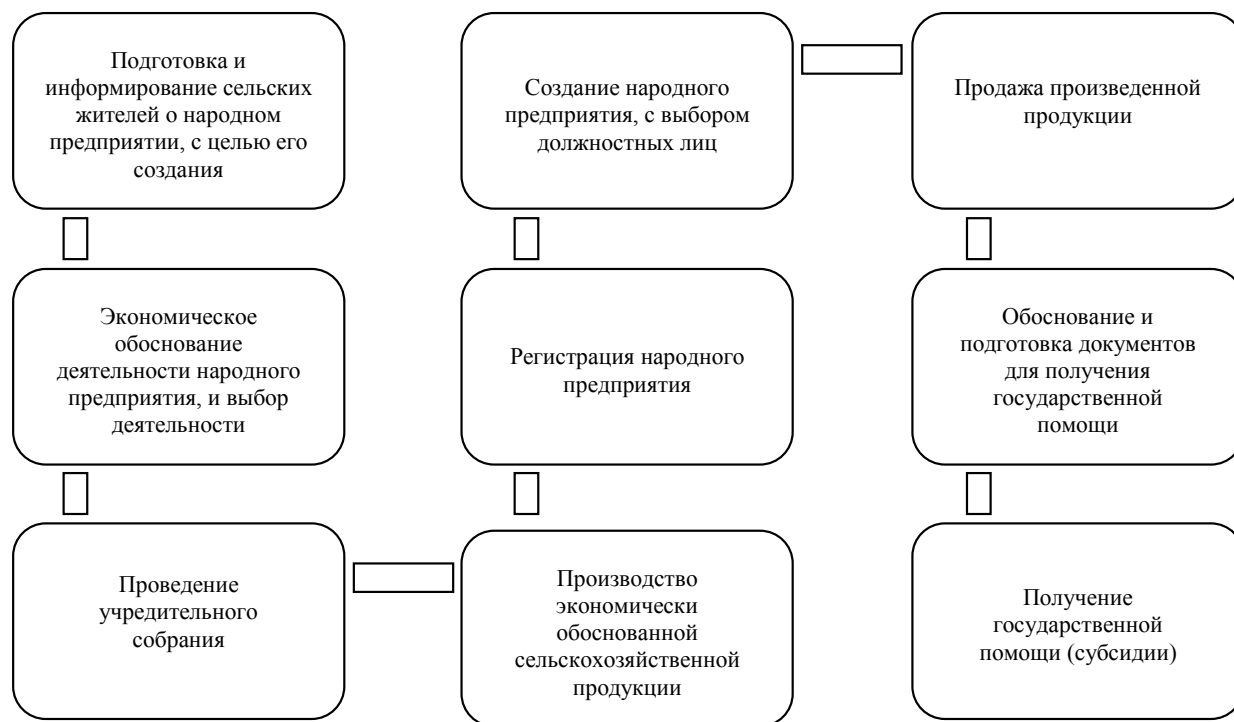


Рис. 1. Схема образования народного предприятия с государственной поддержкой

Литература

Брытков М. А. Хозяйства населения: проблемы и тенденции развития // АПК: Экономика, управления. 1998. № 9. С. 50–54.
О республиканской целевой программе «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республике Бурятия на 2011–2017 годы и на период до 2020 года»: постановление Правительства Республики Бурятия от 19.10.2010 г.

№ 444 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/473810594> (дата обращения: 05.02.2018).

О деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов за 2013, 2016 годы: Экспресс-информация №10-07-16 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия // URL: <http://burstat.gks.ru> (дата обращения: 12.02.2018).

Онхонов А. Д., Слепнева Л. Р. О развитии кооперации и ее совершенствовании в зерновом подкомплексе Республики Бурятия // Вестник Иркутской государственной сельскохозяйственной академии. Иркутск: Изд-во ИРГСХА, 2017. С. 21–26.

Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республике Бурятия на 2011–2017 годы и на период до 2020 года. Улан-Удэ, 2010.

Характеристика сельского хозяйства Республики Бурятия в таблицах, графиках, группировках: стат. сборник № 10-07-19 за 2016 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия // URL: <http://burstat.gks.ru> (дата обращения: 12.02.2018).

Шутова Н. И. Экономический механизм развития сельскохозяйственной кооперации в агропромышленном комплексе: дис. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2005. 174 с.

УЧАСТИЕ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И РОСТ ПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье предлагается оказывать помощь в содержании личного подсобного хозяйства не только тем, кто проживает в малых селах, но и тем, кто содержит животных в других населенных пунктах. Необходимо включить в условие соревнования между сельскими муниципалитетами параметры, учитывающие рост числа личных подсобных хозяйств, содержащих скот, рассмотреть выдачу патентов тем, занят развитием личных подсобных хозяйств.

Ключевые слова: занятость; личные подсобные хозяйства; меры поддержки.

Shaposhnikov Georgiy Mikhailovich
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russian Federation
priemnaya_haknii@mail.ru

PARTICIPATION IN LABOR ACTIVITIES OF THE RURAL POPULATION AND PRODUCTION GROWTH OF AGRICULTURAL GOODS

The article offers to provide assistance in keeping private subsidiary farming not only to those, who live in small villages, but also to those, who manage animals in other populated places. It is also offered to include criteria, which register growth of the number of private subsidiary farms keeping cattle, into conditions of the competition between rural municipalities and to consider a patent granting for those, who are engaged in the development of private subsidiary farming.

Keywords: employment; private subsidiary farming; supportive measures.

Надо отметить, что в последние годы безработица в нашей Республике Хакасия несколько снижается. Так, на 1 ноября 2017 г., уровень безработицы в республике составлял 1,43 % от общего числа экономически активного населения. А по данным обследования среди лиц от 15 лет и старше, уровень безработицы составляет 4,9 % и он самый низкий в Сибирском Федеральном округе. Вместе с тем среди населения некоторых сельских районов уровень безработицы значительно выше, чем в городах республики. Так, в Орджоникидзевском районе этот показатель равен 2,86 %, а в Аскизском районе он равен 2,18 %. Причина здесь в отсутствии в этих и других сельских районах предприятий, где могли бы работать сельчане. Проблема привлечения к трудовой деятельности сельского населения в период нарастания экономического кризиса очень актуальна. Центры занятости проводят большую работу по вовлечению всех безработных к трудовой деятельности, но подвижки незначительны. Одним из путей решения этого вопроса на селе, по нашему мнению, является содействие населению к активному занятию личным подсобным хозяйством.

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) составляют специфическую роль экономики агропромышленного комплекса, и являются своеобразным структурным элементом сельскохозяйственной системы. Для обозначения этой категории производителей сельскохозяйственной продукции в официальных документах и экономической литературе используются такие понятия, как «приусадебное хозяйство», «хозяйство населения», «крестьянские подворья», являющиеся, как мы считаем, синонимами. Законом РФ «О личном и подсобном хозяйстве», принятом в 2003 г., дано определение ЛПХ как «форма не предпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной деятельности». Из этого определения вытекает, что ведение ЛПХ не является предпринимательской деятельностью. Вместе с тем в новом энциклопедическом словаре, изданном в 2005 г., предпринимательство обозначено как «инициативная, самостоятельная деятельность граждан без образования юридического лица, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную

ответственность» [Новый энциклопедический словарь, 2005, с. 96].

Здесь важно то, что деятельность граждан направлена на получение прибыли или личного дохода. А доходы используются для осуществления каких-либо функций, в нашем случае – для осуществления функции по обеспечению пропитания семьи, воспитания детей, получения ими образования и на другие цели. Поэтому, с нашей точки зрения, ведение личного подсобного хозяйства – эта предпринимательская деятельность. И это особенно важно, что в современной экономической ситуации удовлетворить спрос в продуктах питания представляется возможным лишь при активизации деятельности личного подсобного хозяйства по производству и реализации сельскохозяйственной продукции. Деятельность личных подсобных хозяйств в советский период действительно имела нетоварный характер, и их доля в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции была незначительна. Но все изменилось с развалом крупных сельхозпроизводителей. Так, например, по Хакасии доля поголовья крупного рогатого скота, содержавшегося в 1989 г. в личных подсобных хозяйствах, увеличилась с 28,4 % [Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет, 1990, с. 46] до 56 % по итогам 2015 г. [Экономика Республики Хакасия в 2015, 2016, с. 65], а доля овец за это время увеличилась с 2,9 % до 34,1 %.

В настоящее время по Хакасии 94 % картофеля производится в ЛПХ. Доля ЛПХ в производстве мяса по Хакасии составляла в 2003 г. 58,9 %, по Тыве 76,1 %, по России 33,7 %. В производстве молока доля ЛПХ по Хакасии в 2011 г. составляла 67,7 %, по Республике Тыва 87,8 %, а по России 49,7 %. Надо отметить, что доля ЛПХ в производстве мяса в Хакасии с каждым годом возрастала. Если в 2005 г. по Хакасии доля ЛПХ в производстве мяса составляла всего 53,3 %, по Тыве 68,1 %, то по итогам 2011 г. они выросли и соответственно составили 58,9 % и 76,1 % [Регионы России, 2012, с. 58]. В Хакасии рост производства мяса и молока в хозяйствах населения продолжает расти, и по итогам 2015 г. составил соответственно по мясу 74, % и по молоку 70,3 % [Экономика..., 2016, с. 69].

Вместе с тем с ростом поголовья скота в ЛПХ сокращается число ЛПХ, содержащих животных. Так, напри-

мер, по данным администрации Аршановского сельского совета Алтайского района по итогам 2015 г. из 543 подворий содержит животных 230 хозяйств, а в Доможаковском сельском совете Усть-Абаканского района из 566 ЛПХ содержали в 2014 г. скот только в 248 хозяйствах, по Калининскому сельскому совету того же Усть-Абаканского района только 300 подворий из 1435 содержали в 2014 году животных. Здесь понятно, почему мало подворий содержат скот. Рядом город Абакан, а территория сельского совета граничит с территорией города. А вот почему мало подворий, содержащих скот на территории Чарковского сельского Совета Усть-Абаканского района, не понятно. Так, из 525 подворий содержало скот по итогам 2014 г. только 260. Населенные пункты совета находятся на расстоянии более 100 километров от города Абакана и 50 километров от города Сорска. По Райковскому сельскому совету Усть-Абаканского района из 785 подворий содержат скот только 170. Мало содержат скот ЛПХ и в населенных пунктах Анжуйского сельского совета Таштыпского района. Здесь из 267 подворий домашних животных не содержало в 2015 г. только 216 личных подсобных хозяйств. В аале Апчинаев Аскизского сельского совета Аскизского района по итогам 2014 г. только 169 подворий из 193 содержат животных. Хотя по вышеперечисленным районам количество животных, содержащихся в ЛПХ, с каждым годом растет.

Так, в хозяйствах населения ЛПХ в Республике Хакасия в 2000 г. содержалось 73,5 тысяч голов крупного рогатого скота [Регионы ..., с. 575], в 2015 г. их поголовье увеличилось в 1,4 раза и достигло 103,5 тысяч голов [Сельское..., с. 43]. Растет и поголовье овец и коз, содержащихся в хозяйствах населения. Так, если в личных подворьях в 2000 году их содержалось 23,2 тысяч голов [Регионы..., с. 579], то по итогам 2015 г. их содержится в хозяйствах населения 102,2 тысяч голов [Сельское..., с. 49], или количество за 15 лет увеличилось в 4,4 раза. Растет и поголовье лошадей, в частных подворьях их число достигло 19, 1 тысяч голов в 2015 г.

Вместе с тем, надо отметить, что с ростом доли ЛПХ в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции растет и число частных подворий, не содержащих животных. Это связано, как нам кажется, с ростом затрат на их содержание. Для того чтобы содержать одну голову крупного рогатого скота необходимо заготовить на зимне-стойловый период не менее двух тонн сена и около четырех тонн сочных кормов и не менее 800 кг концентратов [Рекомендации по производству молока ..., 2006, с. 103]. Кроме того, в осенне-летний период надо оплачивать услуги за пастбю. На все это необходимы затраты около 50 тысяч рублей. На селе высокий уровень безработицы, и многие не имеют денежных средств даже на товары первой необходимости.

Правительство Республики Хакасия старается помочь тем, кто держат животных в малых и отдаленных селах.

А их на 1 января 2018 г. в таких селах проживает в более 10 тысяч человек. Тем, кто содержат животных, платят за одну голову маточного поголовья крупного рогатого скота 550 рублей, за одну конематку 150 рублей, а за одну голову овцы по 50 рублей в месяц. Но эти денежные средства получают жители малых сел, т.е. жители поселений, где проживает население меньше 100 человек. Эта программа действует с 2013 г. За четыре с половиной года выплачено 185,9 млн рублей. В 2013 г. была выплачена сумма 4,9 млн рублей 393 главам личных подсобных хозяйств из 64 сел. По итогам 2017 г. выплаченная сумма уже составила 51,3 млн рублей, которую получили 988 глав ЛПХ из 87 малых сел республики.

Меры по поддержке ЛПХ, содержащих животных, нами предлагались в 2006 г. [Шапошников, 2006, с. 10]. Надо отметить, что часть наших предложений нашла понимание, и в 2010 г. принят республиканский закон «О личном подсобном хозяйстве». С 2013 г. выделяются субсидии на содержание животных в малых селах. Но этого явно недостаточно. Нами предлагается расширить круг людей по поддержке содержащих в своем подворье животных, распространить выплату желательного на всех содержащих скот, а пенсионерам подвозить бесплатно грубые корма. Ведь держать скот в современных условиях очень нелегко. Надо думать, где взять корма, как их привезти, а весной думать, куда девать навоз и перегной. Вырастив и получив мясо, необходимо думать, куда реализовать излишки. Все это признаки предпринимательской деятельности. Все, кто занят только своим личным подсобным хозяйством, пользуется всей инфраструктурой (по большей своей части, как безработный) за счет работающего населения, а сами ничего не вносят в его содержание. Владельцам ЛПХ как представителям малого бизнеса (за исключением пенсионеров) надо приобретать патент на право заниматься этой деятельностью. Это будет поступать в бюджет муниципального образования. Тем, кто активно занимается функционированием своих ЛПХ, как представителям малого бизнеса следует организовать поддержку со стороны государства и, прежде всего, со стороны сельских органов власти. Поддерживать хотя бы тем, что ежегодно при проведении праздника села отмечать лучшие частные подворья, в том числе и за содержание животных. Но некоторые сельские органы власти, зачастую даже не могут организовать в весенне-летний период пастбю животных. В республике ежегодно проводятся смотр-конкурсы, в том числе и среди сельских администраций. Нами предлагается включать в условия проведения этих конкурсов и условия по развитию ЛПХ на той или другой территории, учитывая при этом рост поголовья скота. А это, как нам представляется, будет способствовать участия сельского населения в трудовой деятельности, росту его занятости, что в конечном итоге приведет к увеличению производства сельскохозяйственной продукции.

Литература

- Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. РИПОЛ классик. 2005. 1456 с.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Стат. сборник. М. 2012. 999 с.
- Рекомендации по производству молока в личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйствах. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2006. 144 с.
- Сельское хозяйство Республики Хакасия за 2000, 2005, 2008–2015 годы. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. Статистический сборник. Абакан, 2016. 86 с.
- Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. Госкомстат РСФСР. Управление статистики Хакасской автономной области. Абакан, 1990. 100 с.
- Шапошников Г. М., Туртугешева Г. К. Хозяйства населения и рост объемов производства сельскохозяйственной продукции в Хакасии // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Вып. 10. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2006. С. 10–12.
- Экономика Республики Хакасия в 2015. Стат. сборник, в 2-х частях. Ч. 2. Абакан, 2016. 234 с.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕНЫХ ВУЗА ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье раскрываются вопросы научно-исследовательской деятельности Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, состояния научного и инновационного потенциала бурятского вуза, сформировавшегося за полувековой путь его развития. Основной акцент сделан на созданных в последние десятилетия прикладных разработках ученых университета.

Ключевые слова: наука; инновационный потенциал; интеграция науки и производства; научные разработки.

Aryanov Alexey Dorzhievich

Buryat republic industrial technical school, Ulan-Ude, Russian Federation

APPLIED RESEARCH OF THE UNIVERSITY SCIENTISTS FOR REGIONAL ECONOMY

The article deals with research works of the East-Siberian State University of Technology and Management, the state of scientific and innovative potential of the university, which was formed during over half a century. The author emphasizes applied researches of university scientists made in the recent decades.

Keywords: science; innovation potential; integration of science and production; scientific developments.

В современный век ускоренного развития науки и техники, оказывающего огромное влияние на экономическое и социальное благополучие любого государства мира (экономика знаний), поддержка государством этих приоритетов имеет огромное значение. Инновационный путь для России в условиях усиливающейся конкуренции в мире и наращивания технологических изменений в экономиках ведущих стран является фактором долгосрочной стратегии развития. На этом пути важно использовать сложившийся научный, технологический и кадровый потенциал российских вузов.

В развитие этой мысли приведем слова управляющего директора по вопросам развития людских ресурсов Всемирного банка Мамфелы Рамфеле: «Высшее образование – это не просто завершающее звено традиционной системы образования, а важнейший элемент развития людских ресурсов для любой страны мира в целом. Именно те, кто получил соответствующую подготовку, обеспечивающую формирование потенциала и развитие аналитических навыков, продвигают вперед национальную экономику, являются опорой гражданского общества, учат детей, возглавляют эффективно работающие правительства и принимают важные решения, которые оказывают влияние на жизнь всего общества. Способность общества создавать, отбирать, адаптировать, превращать в источник прибыли и использовать знания имеет решающее значение для устойчивого экономического роста и повышения жизненного уровня населения. Знания превратились в наиболее важный фактор экономического развития» [Формирование..., 2003, с. 5–7].

В «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – «Стратегия...»), принятой 8 декабря 2011 г., подчеркнуто, что научные и образовательные университеты «должны стать ядром нового интегрированного научно-образовательного комплекса, обеспечивающего выполнение значительной доли фундаментальных и прикладных исследований». Формирование инновационной экосистемы в большинстве развитых стран на определенном историческом этапе обязательно приводило к возникновению феномена региональных инновационных кластеров – территорий, на которых процессы инновационно-технологического «генезиса» протекают с особенной активностью и где наблюдается повышенная концентрация всех участников экосистемы. «Стратегия...» предусматривает создание в стране сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, а также формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров [Стратегия..., 2011, с. 23].

«Стратегия...» направлена на повышение роли российских вузов в разработке и реализации инновационных проектов. В последние годы в стране была сформирована группа ведущих вузов, где развитие научных исследований стало одной из ключевых задач. Но даже и для сильнейших вузов страны все еще характерна внутренняя разделенность образования и науки, слабая интеграция с академическими и другими организациями научного комплекса страны.

Научные работники имеют иной трудовой и профессионально-правовой статус, чем профессорско-преподавательский состав вузов. В то же время нормативы лекционной нагрузки преподавателей значительно выше, чем у их коллег за рубежом. Все это делает вузовские научные подразделения непривлекательным местом работы и снижает стимулы к научной работе преподавателей. Дополнительная проблема, препятствующая развитию науки в вузах, связана с совместительством (преподавание в других вузах и частные преподавательские услуги). Согласно исследованию, проведенному НИУ-ВШЭ, подрабатывает не менее 40 % преподавателей, 12,2 % преподают в других государственных учебных заведениях, а почти 40 % занимаются репетиторством и частными образовательными услугами [Кузьминов, 2010, с. 6]. Для вуза главными отчетными позициями перед государством остаются план приема студентов и часовая нагрузка профессорско-преподавательского состава. Даже с нормативно-правовой точки зрения наука не является основным видом деятельности вузов. Только 19 % профессорско-преподавательского состава занимаются научными исследованиями [Дежина, 2011, с. 39–40].

В деятельности вузовской науки времен СССР доказали эффективность различные формы сотрудничества с производством и социальной сферой. Обратимся к прошлым годам: в 1976 г. в целях развития научно-исследовательской работы в области организации и экономики строительства, ускорения использования результатов научных исследований в строительном производстве в Восточно-Сибирском технологическом институте создается территориальная (отраслевая) научно-исследовательская лаборатория организации и экономики строительства. Следует обратить внимание на то, что решение было принято на высоком уровне – министерством промышленного строительства СССР, министерством сельского строительства РСФСР и министерством высшего и среднего специального образования РСФСР. Вышеназванные министерства были обязаны передать лаборатории ВСТИ фонд заработной платы в размере 70 % от объема плана научно-исследовательской работы на 1976 г. [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР-1751. Оп. 1. Д. 445-а. Л. 1–56].

В постсоветское время в 1996 г. началась реализация Президентской целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 гг.». Главной ее составляющей было являлось создание учебно-научных центров (УНЦ) на базе вузов или академических научных организаций. По этой программе смогли работать только те вузы, которые уже имели опыт подобного сотрудничества.

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления за минувшие десятилетия накопил значительный научный и образовательный опыт. Причем многие подразделения университета сохранили взаимовыгодные связи с региональными, российскими и зарубежными партнерами. Для получения инновационного продукта в университете создана эффективная структура, включающая в себя научно-исследовательские и испытательные лаборатории, научные центры, межвузовский студенческий бизнес-инкубатор, отдел интеллектуальной собственности, инновационный центр. Практическая реализация исследований происходит в 14 учебно-научно-производственных комплексах (УНПК) и 8 малых инновационных предприятиях (МИП), зарегистрированных в федеральном реестре. Современное уникальное научное оборудование позволяет нашим ученым проводить исследования на высоком международном уровне [Шалыгина, 2015, с. 50–51].

В 2014–2015 гг. с участием представителей госструктур, экономики и бизнеса Республики Бурятия были проведены 6 форумов по направлениям: энергетика, машиностроение, авиастроение, пищевая и легкая промышленность, информационные технологии, экология. Основная цель проведенных форумов – внедрение научных разработок в производство. Среди инновационных разработок для пищевой и перерабатывающей промышленности – уникальные технологии продуктов нового поколения из молока и мяса, безопасные и полезные для здоровья человека.

Вкладом в реальный сектор экономики нашего региона является «Трансфер инновационных разработок ВСГУТУ в авиастроение, машиностроение и автотранспортный комплекс Республики Бурятия»: шагающий робот для транспортировки грузов, выполнения различных работ в сложных условиях; новые модели автотранспорта (вездеход-снегоболотоход для преодоления сверхтяжелых участков), новые методы компьютерной диагностики автомобилей; технология изготовления каркаса остекления кабины вертолета МИ-8. На Улан-Удэнском лопадном заводе внедрен в производство автоматизированный комплекс горячей гибки лопасти винта, листовой штамповки титановых сплавов с использованием радиационного нагрева вертолета МИ-8.

Учеными университета ведутся фундаментальные и прикладные исследования в области технологий для энергетики. Одним из инновационных продуктов является плазмотрон – устройство, значительно снижающее вы-

бросы ТЭЦ и ГЭС углекислого газа и оксидов азота в атмосферу. Разработана технология получения базальтового волокна для армирования асфальтобетонных конструкций мостов, тоннелей, плотин для предотвращения коррозии металлоконструкций.

Для строительной индустрии университетом созданы уникальные инновации – высокопрочные бетоны с наномодифицирующими добавками для строительства высотных зданий, большепролетных мостов; асфальтобетоны, тротуарная плитка с повышенной прочностью и морозостойкостью, облицовочные материалы для внутренней отделки зданий. Научно-производственная лаборатория «Надежность, прочность изделий и конструкций» создана в 2014 г. на базе кафедры «Соппротивление материалов» строительного факультета. Это первая в России лаборатория, созданная при вузе с использованием высококачественного оборудования. Лаборатория открыта совместными усилиями ЗАО «Улан-Удэнский лопастный завод», ВСГУТУ и ООО «МИП «Байкальский научный центр прочности» в рамках действующего в Республике Бурятия инновационного территориального кластера «Улан-Удэнский авиационный производственный кластер». Научное направление лаборатории – изучение влияния межслойных технологических дефектов на прочность изделий из слоистых композиционных материалов (КМ) в рамках приоритетного направления «Транспортные и космические системы» [Слугинова, 2016, с. 11–45].

Результативность научных разработок ученых университета за последние 5 лет составила по годам: 2012 г. – 5793,38 тыс. руб., 2013 г. – 3382,98, 2014 г. – 2291,53, 2015 г. – 2474,62, 2016 г. – 1774,72 тыс. руб. [Сизов, 2017, с. 27]. За 20 лет функционирования университета (с 1994 г. – А.А.) профессорско-преподавательский корпус вырос ненамного – с 528 до 670, но зато качественный его рост является внушительным (численность докторов наук увеличилась с 21 до 124). Университет за 2010 г. был награжден дипломом лауреата «Лучшие вузы России-2010» и включен в официальный реестр «Национальный банк качества», что дает ему право использовать номерной национальный знак качества в рекламных, информационных и профориентационных видах деятельности. Еще одно свидетельство несомненного успеха вуза – золотая медаль и диплом конкурса «100 лучших организаций России в области науки и образования», присужденная конкурсной комиссией во главе с вице-президентом РАН, лауреатом Нобелевской премии в области физики Ж. И. Алферовым [Антонов, 2015].

Инновационный потенциал ВСГУТУ формировался десятилетиями и это не только результаты научных исследований, а реальные разработки, готовые к внедрению. В современных условиях ключевым фактором суверенитета и безопасности России является наличие собственных передовых технологий и, следовательно, научный потенциал страны должен сомкнуться с экономикой, и этот процесс гарантирует его поступательное движение.

Литература

- Антонов В. И. Флагман университетского технического образования. К 20-летию преобразования ВСТИ в ВСГУТУ. 1-й университет Бурятии / Бурятия. № 2 (5055). 2015. 14 янв.
- ВСГУТУ. Инновационный потенциал / Сост. И. Г. Сизов, С. М. Гергенов, Е. В. Герасимов, С. Д. Балданова, Г. Б. Ендонова. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. 191 с.
- Дежина И. Г. Развитие науки в российских вузах как новый приоритет государства // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 2. С. 38–47.
- Испытание разрывом. Академическое сообщество в России – разрыв эффективного контракта. Доклад ректора НИУ-ВШЭ Я. И. Кузьминова / Поиск. 2010. 19 нояб. (№ 47). С. 6.
- Сизов И. Г. Итоги научной деятельности университета в 2016 г. и перспективы ее развития. 25.01.2017 г. // www.esstu.ru.
- Слугинова Е. Гравитация науки // Аргументы и факты. 2016. № 7 (1840). 17-23 февр. С. 4–5.
- Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // URL: www.gbc.ru.
- Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка / пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. 232 с.

РАЗДЕЛ 3
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ:
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ, СОВРЕМЕННЫХ И БУДУЩИХ ИЗМЕНЕНИЙ

DOI 10.30792/978-5-7925-0521-6-2018-134-136

Батоева Дарима Баторовна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
batoeva@imbt.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА ЭТНОКУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В XVI–XVII ВВ.¹

В статье на основе летописных источников, опубликованных научных работ, фольклора представлена общая картина основных миграционных процессов, затронувших Забайкалье и этнические группы, исторически связанные с бурятским народом.

Ключевые слова: Забайкалье, миграции, монгольские племена, маньчжуры.

Batoeva Darima Batorovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

POLITICAL PROCESSES IN EASTERN ASIA AND THEIR INFLUENCE ON THE ETHNOCULTURAL SITUATION IN TRANSBAIKALIA IN 16th–17th CENTURIES

The article issues migration processes of ethnic groups, historically connected with the Buryat people in Transbaikal region.

Keywords: Transbaikal region; migrations; Mongols; Manchu.

В XVI в. в той части Восточной Азии, где располагалась зона этнокультурного контактирования монгольских и тунгусо-маньчжурских племен с народами Кореи и Китая, происходили значительные события, повлиявшие на сложение этнической карты региона. Масштабные переселения племен и их частей происходили сначала по направлениям с запада на восток, и с севера на юг. Военные кампании маньчжуров под предводительством Нурхаци привели к миграциям в обратных направлениях, но при этом маньчжуры всемерно старались остановить эти процессы и повернуть их вспять. Приход передовых российских отрядов в Забайкалье и Приамурье вновь внес корректировки в векторы миграций. В данной работе мы попытаемся дать краткий обзор основных миграционных процессов, так или иначе затронувших Забайкалье и этнические группы, исторически связанные с бурятским народом.

В маньчжурских документах рассказывается о происхождении правящей элиты населения княжества Хойфа, располагавшегося в центре Маньчжурии рядом с владениями собственно маньчжуров, а также княжеств Ула и Хада. Основным родом хойфа называют игдери, происходящий от племени нимача, жившего на берегах реки Хара-мурэн. Переселившись оттуда в местность Джару, они вошли в состав племени хаянха-тумэту [Daiçing ulus-un mongyul-un maγad qauli, 2013, с. 4]. Переселение с Хара-мурэна, как монголы называют Амур, произошло семью поколениями раньше 1607 года, т. е. приблизительно во второй половине, или даже в конце, XV в. Чем это было вызвано, источник не сообщает.

С переселением по линии запад – восток связано появление в бассейне Нонни (притока Амура) монгольского племени горлос. Упоминаемое в источниках XIII–XIV вв., как племя хорилар или куралас, оно около X в. отделилось от хори-туматов и поселилось среди онон-керуленских монголов. При Чингисхане часть горлосов стала людьми его матери Оэлун, другая часть – подданными Хасара. Первые из них жили на территории центральной Монголии и вошли в состав халхаского народа. Вторые населяли терри-

торию юго-восточного Забайкалья, где находился удел князей-хасаридов. Кроме них была еще одна ветвь этого племени, название которого претерпело изменения, вызванные особенностями бурятского языка. Речь о роде хурлад (в бурятском исчез суффикс мн. ч. -с, вместо него используется -д). Этот род попал в состав так называемых «старых баргутов» и дауров, а под названием горлуд в состав хамниган. В конце XVI в. горлосы уже отмечаются в бассейне Нонни.

Кроме горлосов следует упомянуть переселение из Забайкалья крупного монгольского этноса хорчин. Этот народ также управлялся князьями-хасаридами, уход которых отсюда в Восточную Монголию и в бассейн р. Нонни некоторыми исследователями связывается с периодом возвышения ойратов в первой половине XV в. [Uspensky, 2012, р. 232]. При этом сложение хорчинской этнической группы произошло до переселения, потому что память о народе с названием хорчин (аба хорчин) или хорчинол, населявшем ранее Баргузинскую долину в северном Забайкалье, сохранялась в фольклоре бурят и эвенков, а также была зафиксирована в бурятских летописях [Бурятские летописи, 1995, с. 178].

Новые хорчинские земли располагались на востоке современной Внутренней Монголии и граничили на юго-востоке с княжеством Ехэ, возглавлявшимся вышеупомянутым племенем хаянха-тумэту. Это загадочное племя было монгольским, прибывшим из «земли Джан». Тумэты смогли свергнуть власть правившего в регионе племени нара и основали собственную династию князей-бэйлэ, принявшую имя Ехэ. Позднее в маньчжурских документах употребляли двойное название ехэ-нара. История этого племени (или рода) особо интересна по той причине, что предположительно тумэты-ехэ связаны происхождением с крупнейшим бурятским племенем хори-тумат [Цыбикдоржиев, 2008, с. 34].

Таким образом, задолго до начала маньчжурских завоеваний в регионе происходили масштабные миграции населения, причем основными их направлениями были с запада на восток и с севера на юг. Пока нет данных о местности, откуда прибыли в Маньчжурию хаянха-тумэту.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

В 1593 г. Ехэ совместно с восемью другими племенами, в том числе племенами Хулунского союза (в составе Ехэ, Ула, Хада и Хойфа), осуществило поход на княжество маньчжуров Нурхаци, но потерпело поражение. В 1594 г. по данным бурятских летописей группа хоринских бурят ушла на северо-запад из владения некоего князя с маньчжурским титулом бэйлэ и поселилась на территории юга нынешнего Забайкальского края [Бурятские летописи, 1995, с. 7, 76]. Рассмотрение обратного направления этой миграции в общем выводит к центру Маньчжурии, что позволяет предполагать взаимосвязь событий. Следующее крупное переселение хоринцев состоялось в 1607 г. в том же направлении на северо-запад, причем постепенно они продвинулись до побережья Байкала и перешли на западную его сторону. В Маньчжурии в том году Нурхаци вел военные кампании против Хойфа и Ула, в которых с трудом, но смог победить. Княжество Хойфа было аннексировано маньчжурами [Внешняя политика государства Цин, 1977, с. 79].

Позднее маньчжурская политика завоеваний и переселений части населения завоеванных княжеств к центру своих владений привела к новым попыткам бегства на север и северо-запад. В 1636 г. маньчжуры преследовали «беглецов» из племени маоминган и попутно захватили людей из племени шилу в местности Кэмунихань вместе со старейшиной Елэем [Мелихов, 1974, с. 64]. Позднее Елэй сбежал на север и его пришлось преследовать вплоть «до Северного моря», привлекая войска приамурского князя Бомбогора.

В «Правдивых записях о монголах Цинской империи» говорится, что «Алай-дархан, отправленный вдогонку за перебежчиками муу-минганского племени, вернулся, захватив в местности Хамниган (кит. 喀木尼汉地方 *kā mù ní hàn dìfāng*, где 地方 *dìfāng* 'место, местность') 18 мужчин и 11 женщин из племени, занимающегося торговлей оленей» [[*Daiçing ulus-un mongγul-un maγad qauli*, 2013, с. 150]. В другом месте содержится такое указание: «Ранее хан приказал Алай-дархану взять большое войско нойонов внешней Монголии и отправиться вдогонку за перебежчиками племени муу-минган. Алай и его люди нагнал их на окраине северной Халхи... Также по дороге они захватили 35 дворов хамниган, состоящих из 110 человек, 305 лошадей» [[*Daiçing ulus-un mongγul-un maγad qauli*, 2013, с. 146].

Совокупность данных позволяет очертить как район обитания племени оленеводов, так и направление бегства муу-минганов. Племя муу-минган было частью хорчинов (подданных князей-хасаридов), а преследование их продолжалось до «окраины северной Халхи», значит повстанцы бежали на север. Месторасположение былого удела Хасара в юго-восточном Забайкалье было в общих чертах известно маньчжурам, которые на этом основании пытались обосновывать свои притязания на территории. Указывая русским на то, что у тех территорий «владельцы есть живы, которые тою землею владели», маньчжуры вели свою дипломатическую игру во время переговоров о границе [Мясников, 1980, с. 238]. Любопытно, что из всех прежних насельников края маньчжуры более всего вспоминали о «племени маомингань». Глава маньчжурской делегации на переговорах в Нерчинске в 1689 г. Сонготу апеллировал к сочинению «Кайго фанлюэ», в котором упоминалось, что «живший некогда в Забайкалье эвенкийский род муминган («маомингань») откочевал на юг и продолжал там кочевать на землях бурят и урянхайцев» [Мясников, 1980, с. 239]. С поправкой на то, что муу-минганы не эвенкийский, а хорчинский род, следует принять во внимание маньчжурскую трактовку.

Упомянутая «местность» Хамниган на самом деле, конечно, является названием племенного союза, располагавшегося на юге современного Забайкальского края, который

входил в сферу влияния халхаского Сэцэн-хана. Муу-минганы не случайно пытались найти убежище именно там. Как сказано ранее, они, будучи частью хорчинов, в эпоху Монгольской империи некоторое время после обитали на этой земле, т. е. в 1630-х гг. они просто пытались вернуться на свою прародину.

Вопрос об идентификации «Северного моря» остается спорным. В китайской традиции так называют Байкал, но иногда такое же название применяют и к другим морям. В контексте истории побега хамниганского вождя Елэя и его преследования отрядом во главе с дзанги Шитэху можно допустить, что речь шла все-таки о Байкале, но информация о походе была несколько преувеличена. Иными словами, Елэй, возможно, стремился уйти к Байкалу, но был постигнут, не добравшись до него.

Попытки ухода хоринцев и муу-минганов в Забайкалье, дальнейшее движение первых к Байкалу и даже на западный его берег, а также история побега хамниганского Елэя демонстрируют четко выраженный северо-западный вектор миграций и в основном связанный с маньчжурской политикой. В этом же ряду следует рассматривать и восстание «солонгов» во главе с Бомбогором. Б. Д. Цыбенков считает Бомбогора князем из рода даур, которому подчинялись роды и племена разного происхождения на большой территории Амура и Зеи [Цыбенков, 2012, с. 52, 66]. Бомбогор, терпя поражения от маньчжуров, отступал на запад, добравшись в 1641 г. до местностей Ган и Чилутай восточнее современной Читы [Цыбенков, 2012, с. 68]. При этом в составе войск Бомбогора, по-видимому, находились беженцы из княжеств Хулунского союза. Так, одна из крепостей повстанцев называется «крепостью княжества Ула» (которое уже почти 30 лет как прекратило существование), а на обратном пути маньчжурский император Хунтайджи рекомендует войску, ведущему пленных, обходить территорию княжества Ехэ, потому что «узнав [родные] земли, при малейшей возможности люди могут попытаться бежать» [[*Daiçing ulus-un mongγul-un maγad qauli*, 2013, с. 210, 211].

Монголоязычные дауры к началу XVII в. расселились на обширной территории от Витима на западе до бассейна Зеи в Приамурье на востоке. Около 1616 г. дауры начали сталкиваться с экспансией маньчжуров Нурхаци, походы которых в Приамурье продолжались в течение десятилетий. Для нас важно то обстоятельство, что в маньчжурских документах (на китайском языке) все эти походы в основном интерпретируются как действия против солонгов. Между тем, свидетельства русских документов 1640-1650-х гг. показывают многочисленные селения дауров примерно в тех же местах, где ранее оперировали маньчжурские отряды. Иными словами, маньчжурские документы упоминают почти исключительно солонгов, а русские – дауров, реже дочерев. Не исключено, что дочерами русские называли солонгов, в таком случае превалирующим (по крайней мере в военно-политическом смысле) этносом в этом регионе были дауры. Маньчжуры же по не вполне понятным причинам восточную часть дауров называли солонгами.

Длительная и упорная борьба дауров с маньчжурским завоеванием оказалась бесперспективной с момента наступления на них русских отрядов с запада. Оказавшись между двух огней, дауры вынуждены были выбрать ориентацию на маньчжуров. В 1651 г. отряд Е. Хабарова перед боем с даурами князя Гуйгудара столкнулся с тем, что в лагере князя находилось 50 маньчжуров, которые по словам дауров постоянно проживали в их улусе «для ясаку и с товары» до прибытия новой партии [Мясников, 1980, с. 75]. На протяжении 1630–1960-х гг. дауры и значительная часть солонгов были переселены вглубь Маньчжурии. Лишь в 1650-х гг. группа дауров во главе с князем Гантимуром сумела вер-

нуться в Забайкалье, где получила от русской администрации право управлять местным хамниганским населением Урульгинской степной думы. Тем не менее, с 1640-х гг. имели место и другие случаи бегства к бурятам отдельных групп монголов из Внутренней Монголии и Халхи.

С 1650-х гг. начинаются массовые переселения бурят разных племен в Халха-Монголию, что было вызвано столкновениями с русскими отрядами. Это движение не прекращалось на протяжении всего XVII в. и последняя крупная группа бурят (из числа хоринцев и хамниган) ушла за границу при подписании Нерчинского договора. В 1680-х гг. происходят не менее массовые возвращения бурятских беженцев на родину, а также переселения в Бурятию групп монгольского населения из Халхи и Внутренней Монголии,

вызванные войной с ойратами и политикой маньчжуров. Этот вопрос в науке относительно неплохо изучен, и мы не заостряем на нем внимания в рамках данной работы.

XVI–XVII века стали временем значительных переселений племен и политических группировок, вызванных прежде всего военными событиями, пагубно отражавшимися на хозяйстве и народонаселении. Военно-политические потрясения, связанные с маньчжурской экспансией и политикой в отношении завоеванных народов, вызывали бегство на территорию Приамурья и Забайкалья. Возвращающиеся на свою прародину группы бурят, хорчинов, дауров не только изменяли этническую карту региона, но и приносили с собой многочисленные элементы дальневосточной культуры [см. подр. Батоева, 2016; Батоева, 2017].

Литература

- Батоева Д. Б. Влияние маньчжурской культуры на монголов в период империи Цин // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 38 (80). С. 41–44.
- Батоева Д. Б. Одежда и прическа у маньчжуров и монголов: взаимовлияния и общее наследие / Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2017. № 6. С. 344–349.
- Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. 198 с.
- Внешняя политика государства Цин в XVII веке / ред. Л. И. Думан. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. 385 с.
- Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. 213 с.
- Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 2012. 251 с.
- Цыбикдоржиев Д. В. Походы эпохи Монгольской империи в летописях, родословных, фольклоре и традиционных культах бурят // Мир Центральной Азии-2. Улан-Удэ, 2008. С. 33–41.
- Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli. Nigedüger emkitgel. Köke-qota: Ebür mongγul-un suryal kümüjil-ün keblel-un qoriy-a, 2013. 1236 t.
- Uspensky Vladimir. Rivalry of the Descendants of Chinggis Khan and His Brother Khasar as a Factor in Mongolian History // Oriental Studies – Past and Present. Proceedings of the International Conference of Oriental Studies, Warsaw 2010. Rocznik Orientalistyczny 65 (1), 2012, pp. 231–235.

ВЕРХНЕОКИНСКИЕ БУРЯТЫ В XIX В.: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ¹

В статье представлено исследование по этническому составу верхнеокинских бурят, их расселению на территории бывшей Тункинской степной думы, а именно на землях Окинского отдельного родового управления, созданного в 1890 г. Реконструкция сети расселения бурятских этнических групп на исследуемой территории в XIX в. позволила представить наиболее полную картину расселения бурят и иркитов. На основе историко-лингвистического анализа макроэтнонимов предложена авторская версия происхождения этнических групп, сформировавших этнотерриториальную группу тункинских бурят.

Ключевые слова: этническая история; этноним; расселение; этническое картирование; лингвистический анализ; буряты.

Nanzatov Bair Zoriktoevich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

UPPER OKA BURYATS IN 19TH CENTURY: ETHNIC COMPOSITION AND SETTLEMENT

The article deals with the study of ethnic composition of Upper Oka Buryats and features of their settlement on the territory of the former Tunkinskaya Stepnaya Duma, namely on the lands of the Oka separate clan authority, which was established in 1890. Reconstruction of the network of settlement of Buryat ethnic groups in the investigated territory in the 19th century allowed recovering the most complete picture of the Upper Oka Buryats' settling. Author's version of their origin offered on the basis of historical and linguistic analysis of ethnonyms of tribes, which formed ethnoterritorial group of Tunka's Buryats.

Keywords: ethnic history; ethnonym; settlement; ethnic mapping; linguistic analysis; Buryats.

Создание первых бурятских территориально-административных образований – мирских изб и степных дум привели к формированию этнотерриториальных групп бурятского населения, идентичность которых сохраняет актуальность и по сей день. Одной из таких групп стали верхнеокинские буряты, которые входили в состав Тункинской степной думы, расположенной на территории современных Тункинского и Окинского районов Республики Бурятия, Слюдянского района Иркутской области, граничащих с Монголией и республикой Тыва [См. подр.: Нанзатов, 2017, с. 131–142]. Удаленность верховий Оки от основного бурятского массива, расселенного в долине Иркуты, привели к формированию Окинского отдельного родового управления, что также привело к развитию особой этнотерриториальной группы окинских (верхнеокинских) бурят.

После выделения Окинского отдельного родового управления (карта 1), непосредственно подчиненного Иркутскому полицейскому управлению, был образован Окинский административный род. Его основу составили буряты I, II, III, IV Хонгодорских, Чалдарского, Хойготского, Куркутского, Тыртеевского и Иркутского административных родов [Дамешек, 2013, с. 279].

Иркиты, расселенные в верховьях р. Оки, озера Ильчир были переведены в Окинское отдельное родовое управление и вошли в состав двух административных родов: Окинского и Иркутского. В основе их разделения был хозяйственный уклад: оленеводы остались в составе Иркутского административного рода Окинского родового управления, а обуяченные иркиты (скотоводы) вошли в состав Окинского административного рода вместе с бурятами. Особенности хозяйственного уклада отражались и в численной неравномерности: только небольшая часть иркитов в конце XIX в. занималась оленеводством (см. таблица 1).

В состав Иркутского административного рода входили племена *иркит* и *хаасут*. По сведениям И. В. Рассадина, в состав сойотов, этноса сформированного на основе Иркутского административного рода Тунки и Оки, вошли представители трех племен: *иркит*, *хаасут* и *онхот* [Рассадин, 2016]. Также, по сведениям Б. Э. Петри, возможно выделение сойотского населения в Окинском регионе в следующих улусах: Монды, Ильчир, Хоньчин, Харамодон, Сорок, Буксон, Хореты, Улзето, Долон-Турук, Хазалхай, Бурун-гол, Нурай [Петри, 1924, с. 19].

Этноним *хурхад* / *хурхууд*, очевидно, имеет прямое отношение к этнониму *курукан*, известному также в форме *куркан* у Рашид-ад-Дина [1952, с. 125]. Полагаем, что общность *хурхут* – это осколок раннесредневековой общности Уч-курукан, который после распада последней как единого социального организма преобразовался в демосоциальный организм, имеющий этнические черты и сохранивший этноним *курукан*. Этноним в последующем трансформировался в *хурхад* / *хурхууд* с помощью монгольского суффикса множественного числа *-д* / *-ууд*.

В составе хурхатов отмечено племя *уляба* (*уляба*), по генеалогическим легендам имеющее хурхутское происхождение по женской линии [Дугаров, 1983, с. 97]. Этноним *уляба*, по-видимому, имеет один корень с другими монгольскими этнонимами *улис* и *улиад*, распространенными среди амурских *дауров* (*улис*) [Цыбенков, 2011, с. 240] и среди нерчинских хамниган (*улиад*) [Уварова, 2004, с. 22]. В обоих случаях к корню *ули* присоединяются монгольские форманты множественного числа *-с* и *-д*. Вероятно, что в основе этнонима лежит корень монг. *уули* ‘сова’. В бурятском варианте *уляба* / *уляба*, по-видимому, состоит из двух частей *уули* и *аба*. Вторая часть – *аба*, по нашему мнению, происходит от тюрк. *оба*, в свою очередь, родственного монг. *обог* ‘род, племя’.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Хойхо. Хойхо были расселены в районе Кырена (бур. *хээрэ* 'степь'). Этнический состав *хойхо* (бур. *хойхо*), помимо собственно *хойхо* составляли *хорчины* (*хорчид / хоршиод*) и *зунгары*, прибывшие в Тунку из закамменского Улюкчина [Абашеев, 1965, с. 4]. Широкое распространение *хойхо* в районе Восточных Саян, а также распространение *хорчинов* (*корчин / корчун*) в составе нижеудинских бурят, а *зунгаров* в составе балаганских бурят позволяет нам сделать предположение о более широком распространении носителей этого этнонима в древности. По нашему мнению, вероятно связь бурятских *хойхо* и тувинских *хойук*. Тувинское племя *хойук* преимущественно было расселено в восточной Туве, откуда они, расселившись, оказались в составе кобдоских тувинцев [Айыжы, 2013а, с. 39]. Следует упомянуть, что в тувинской среде представители этого племени считаются пришлыми, не имеющими близких

родственных связей с другими тувинскими племенами [Айыжы, 2013б, с. 9].

По нашему мнению, *хойхо* в целом и группа *хорчитов / хорчидов* в частности имеют киданьские корни, судя по сохранившемуся в их среде пласту верований, связанных с почитанием кабана. У *хорчитов* в цикле свадебной обрядности особое место занимает использование головы лесного кабана в качестве ритуального блюда наряду с конской и бараньей головами [Галданова, 1992, с. 38–39].

Чалдар. Наиболее близким для бурятских *чалдаров*, по нашему мнению, является огузский этноним *чаулдур / чаулдар* [Sümer, 1972, p. 140]. Тункинские *чалдары* также именуют себя *бурудхатан* [Дугаров, 2013, с. 6]. В основе их этнонима лежит монгольский термин *буруд – тюрки*, поздн. *киргизы*, и *хатан* от *-хан + -тан*, где *-хан* уменьшительный суффикс, *-тан* – формант множественного числа по отношению к патронимии. Иными словами, *бурудхан* – небольшая группа тюрков (в монгольской среде) > *барудха(н)–тан* – (патронимия) *бурудхан*. Среди соседних этнических групп монголов и тюрков Южной Сибири аналогов этого этнонима не обнаружено. Вероятно, во время массовой экспансии монгольских племен и выдавливания тюркских племен на запад в долине Иркутта, на периферии Центральной Азии, сохранился небольшой осколок древнего огузского племени, так и не ушедшего на юго-запад как большинство соплеменников.

Этноним *тэртэ* можно связать со средневековым этнонимом *терат / татар-терат*. Это племя, согласно Рашид-ад-Дину, было расселено в районе левых притоков р. Ангара, вблизи страны Баргуджин-тукум [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 103], что совпадает с местами расселения бурятских *тэртэ*.

Хонгодор. Крупнейшим племенным объединением среди тункинских бурят являются хонгодоры (бур. *хонгоодор*). Среди тункинских хонгодоров отмечены такие племена, как *аишхай*, *шуртху*, *саган*, *моотонго*, *шуранхан* и *бадархан*. Этническая история хонгодоров все еще представляет интерес для исследователей, так как до сих пор, несмотря на многочисленные попытки их изучения, происхождение их остается неясным. Одним из основных ключей для решения вопроса происхождения

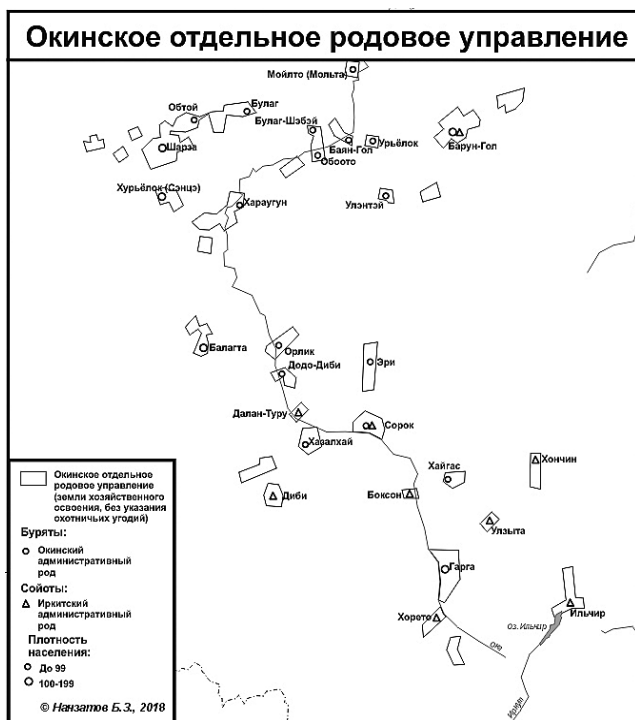


Таблица 1

Окинское отдельное родовое управление

№	населенный пункт (улус)	хозяйств	население	бурят	Окинский	Ирkit
1	Ильчир	12	68	68		68
2	Ханчин	16	75	75	68	7
3	Гарга	26	135	135	135	
4	Хайгас	5	50	50	50	
5	Сорока	8	58	58	58	
6	Орлик	14	75	75	75	
7	Хазалхай	19	94	94	94	
8	Балакта	31	164	164	164	
9	Хараугун	5	27	27	27	
10	Булук	9	40	40	40	
11	Хурьёлок	26	131	131	131	
12	Синца (Хурьёлок)	16	81	81	81	
13	Шарза	19	103	103	103	
14	Обтой	6	34	34	34	
15	Эри (Ирэ)	7	27	27	27	
16	Булук-Шибэн	11	49	49	49	
17	Улэнтэй (Улантэй)	5	11	11	11	
18	Баин-Гол	16	68	68	68	
19	Оботы	8	60	60	60	
20	Мольты	25	113	113	113	
21	Бурун-Гол	32	143	143	143	
22	Окинский мисс. стан	2	12			
итого:		318	1618	1606	1531	75

хонгодоров является лингвистическое изучение этнонима *хонгодор*, в основе которого лежит корень *qongur / qongir* и формант множественного числа *-dar*. Процесс трансформации *qoŋurdar* в *qoŋödor* можно объяснить с помощью материалов по исторической фонетике [см. подр. Нанзатов, 2013, с. 55–56].

Этноним *моотонго*, одного из хонгодорских племен, вероятно, связан с народом *мотор / матор*, представляемыми южно-самодийских племен. Большая часть их впоследствии была тюркизирована и вошла в состав хакасов [Сорокина, 2005, с. 9]. Часть маторов, вероятно, вошла в состав тувинцев и стала известна как *маады*. Еще одна ветвь самодийцев была монголизирована и попала в состав хотогойтов и мингатов как *мотор / мотон / модон / модонгууд*, а в составе хонгодоров стала известна как *моотонго*.

Характерной чертой этнического состава верхнеокинских бурят является наличие большого числа малых племен, не вошедших в крупные племенные союзы. Это свидетельство периферийного положения региона по отношению к трем основным этногенетическим узлам – центрально-азиатскому, прибайкальскому и енисейскому. Буферное положение территории Восточного Присаянья обусловило появление и оседание здесь в разные периоды истории этнических групп монгольского, тюркского, происхождения, какими, в частности, являются *хурхут*, *хонгодор*, *тэртэ*, *хойхо*, *чалдар* и др., а также сохранение древнего самодийского пласта, представленного *моотонго* и, возможно, племенами *хаасут* и *иркит*.

Литература

- Абашеев Д. А. Тункинский говор // Труды БКНИИ СО РАН. Вып. 17. Улан-Удэ, 1965. С. 3–34.
- Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родовые группы тувинцев Кобдоского аймака Монголии на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2013а. № 1. С. 36–40.
- Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района республики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013б. № 4–1 (80). С. 3–10.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). Новосибирск: Наука, 1992. 182 с.
- Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
- Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.
- Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Аларская степная дума (этнический состав и расселение аларских бурят в XIX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 2 (10). С. 47–57.
- Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Тункинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 131–142.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб.: Типография «Ш. Буссель», 1912. 708 с.
- Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах. Иркутск: Власть труда, 1927. 24 с.
- Рассадин И. В. Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 2 (22). С. 99–104.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 221 с.
- Сорокина И. П. Самодийские языки // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: в 3-х томах. М.: Наука, 2005. С. 8–12.
- Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX вв. М.: ИНИОН, 2004. 162 с.
- Цыбенков Б. Д. Даурские роды в XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 238–246.
- Sümer Faruk. Oğuzlar (Türkmenler). Ankara, 1972. 532 p.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ В 1920-Е ГГ.¹

Установлено, что демографическая ситуация в 1920-е гг. характеризовалась ростом численности населения республики в основном за счет естественного воспроизводства при сохраняющейся высокой смертности; доминированием двух этнических общностей (русские и буряты); преобладанием сельского населения в связи со слабым развитием городских форм расселения и градообразующих отраслей экономики.

Ключевые слова: этнодемографические процессы; Бурят-Монгольская АССР; русские; буряты.

Plekhanova Anna Maksimovna

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES IN BURYATIA IN THE 1920-S

The demographic situation in the 1920s was characterized by an increase of the population of the Republic mainly due to natural reproduction with continuing high mortality rate; prevalence of two ethnic groups (the Russians and the Buryats); predominance of the rural population because of weak development of urban forms of resettlement and the city-forming branches of the economy.

Keywords: ethnodemographic processes; Buryat-Mongolian ASSR; Russians; Buryats.

Социально-политические и экономические преобразования в любом государстве приводят к изменениям численности населения, половозрастной структуры, национального состава и т.д. Развитие демографических процессов в советской стране в 1920-е гг. было связано с социально-политическими катаклизмами предшествующего десятилетия (Первая мировая война, революции, гражданская война), в результате чего произошло замедление темпов естественного прироста населения, снизилась рождаемость, повысилась смертность, нарушилось соотношение полов в пользу женщин.

Либерализация экономической системы в 1920-е гг., следствием которой стало восстановление аграрного и торгово-промышленного производства, повышение уровня жизни населения, способствовала значительному преодолению этих «негативных демографических характеристик». Большое значение имела и политика государства, направленная на укрепление социальной инфраструктуры с дополнительными функциями – образованием и здравоохранением.

Бурят-Монгольская АССР, образованная Постановлением ВЦИК 30 мая 1923 г. на основе объединения Бурят-Монгольских областей ДВР и РСФСР, ощущала на себе все социальные потрясения, характерные для страны в целом. При этом существовали особенности в развитии территории, повлиявшие на этнодемографические и социальные процессы. Переписи населения 1920-х гг. и другие документальные материалы позволяют зафиксировать динамику этих процессов.

Первая перепись в советском государстве была проведена в 1920 г., когда продолжалась еще гражданская война, вследствие чего часть населения оказалась неучтенной. Данное обследование охватило лишь западные аймаки Бурят-Монголии, входившие в состав БМАО РСФСР. В восточных аймаках, т.е. на территории Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики, перепись была проведена лишь в 1923 г. На основе механического суммирования данных этих двух обследований, далеко не сходных по времени их производства, а потому не претендующих на абсолютную точность, Статуправление республики определяло население в следующих цифрах:

Таким образом, с большой долей условности можно определить численность населения республики в 451869

чел., из которых лишь 33071 чел. (7,4 %) проживали в городах Верхнеудинск, Троицкосавск, Баргузин и в поселке городского типа Нижняя Березовка. Большая часть горожан – 21,6 тыс. чел. (65 %) – проживала в столице республики.

Подавляющая часть населения – 418 798 чел. (92,6 %) – проживала в сельской местности. При этом почти 50 % сельчан (227,5 тыс. чел.) концентрировалось в двух центральных аймаках – Верхнеудинском и Троицкосавском. Объясняется это тем, что население, в том числе переселенцы, стремились обустроиться вокруг промышленных и торговых центров региона – Верхнеудинска и Троицкосавска. Кроме того, относительная густонаселенность этих районов объяснялась благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями. Удобные в хозяйственном отношении долины крупных рек – Селенги и ее притоков, протекающих в центральной и южной части Бурятии, – стали местом сосредоточения сельского населения.

Значительная часть сельских жителей Бурятии – 98,5 тыс. чел. (23,6 %) – проживала в западных аймаках: Аларском, Боханском и Эхирит-Булагатском. Сельские жители этих аймаков сосредотачивались, так же как и в центральных районах, в долинах крупных рек (Иркут, Ангара) [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 13. Д. 217. Л. 27].

В 1923 г. в республике проживали представители более 40 национальностей, среди которых преобладали русские (221324 чел., или 49 %) и буряты (220129 чел., или 48 %). Среди прочих национальностей, удельный вес которых составлял 3 % общего количества населения республики, доминировали евреи (3981 чел., или 0,9 %), проживающие преимущественно в Верхнеудинске (1890 чел., или 47,5 % всех евреев) и Баргузинском аймаке (1354 чел., или 34 %), и тунгусы (1 587 чел., или 0,35 %). Характерно, если в сельской местности преобладали буряты (219876 чел., или 52 %), то в городах доминировали русские (27103 чел., или 82 %), а представители коренной национальности составляли лишь 0,8 % горожан (253 чел.). Этот факт свидетельствует о том, что практически все бурятское население республики занималось традиционными видами хозяйствования. Еще рельефнее данное положение характеризует национальный состав столицы республики – города Верхнеудинск, где русские составляли 80,3 % горожан, а буряты – 0,12 %.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Таблица 1

Численность населения Бурят-Монгольской АССР на момент образования (по переписям 1920 и 1923 г.)

Название аймаков (уездов)		буряты	русские	прочие	всего
западные аймаки / 1920 г.	Аларский	19452	18460	–	37912
	Боханский	14056	10895	–	24951
	Тункинский	14502	9101	–	23603
	Эхирит-Булагатский	26388	10699	–	37087
восточные аймаки / 1923 г.	Агинский	29402	2868	1202	33472
	Хоринский	26889	10325	545	37759
	Баргузинский	13556	12992	1941	28489
	в том числе г. Баргузин	6	1457	740	2203
	Троицкосавский	48194	52383	688	101265
	в том числе г. Троицкосавск	219	7671	577	8467
	Верхнеудинский	27690	93601	6040	127331
	в том числе г. Верхнеудинск	28	17389	4218	21635
в том числе пос. Нижняя Березовка	–	586	180	766	
всего по Бурят-Монгольской АССР		220129	221324	10416	451869
в том числе по сельским местностям		219876	194221	4701	418798
в том числе по городам		253	27103	5715	33071

Сост. по: Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 228. Л. 11.

Таблица 2

Половозрастной состав населения Бурят-Монгольской АССР в 1923 г.

возрастные группы	в городах			в сельской местности			по республике в целом		
	муж.	жен.	обоого пола	муж.	жен.	обоого пола	муж.	жен.	обоого пола
до 9 лет	3754	3660	7414	51401	51049	101450	55155	53709	108864
от 10 до 19	3664	4130	7794	46612	45520	92112	50276	49650	99906
от 20 до 29	2271	2994	5265	31497	32527	63934	33678	35521	69199
от 30 до 39	2661	2341	5002	28307	26702	55009	30968	29043	60011
от 40 до 49	2095	1666	3764	22644	19294	41935	24739	20960	45699
старше 50	1815	1987	3811	32656	31251	63907	34471	33237	67718
всего	16314	16757	33071	212234	206564	418798	228548	223321	451869

Сост. по: ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 228. Л. 12.

Особый интерес представляет анализ населения по половозрастному составу. Анализ приведенных в таблице данных показывает, что в целом по республике мужское население преобладало над женским: на 101 мужчину приходилось 99 женщин. Доля мужчин в республике составляла 50,6 %, женщин – 49,4 %. Однако в возрастной группе от 20 до 29 лет женщин было больше, что, по всей вероятности, можно объяснить высокой смертностью молодых мужчин в годы гражданской войны. Характерной особенностью являлось преобладание женщин в городах – 101,2 женщин на 98,7 мужчин.

Изменения, которые стали происходить в численности населения Бурятии в период осуществления новой экономической политики, зафиксировала Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1926 г. Население Бурятии, по итогам данной переписи, составляло 491266 чел., из них 53 % – лица русской национальности (258796 чел.), 44 % – бурятской (214 957) и 3 % – другие национальности (евреи, украинцы, поляки, татары, тунгусы) [Всесоюзная перепись..., 1928, с. 346–349]. Таким образом, по сравнению с предыдущими переписями численность населения увеличилась на 8,7 %.

Основным источником роста населения было естественное воспроизводство. Оно отличалось высокими показателями рождаемости. В 1924 г. ее уровень составил 31,6 чел. на 1 000 жителей [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 46. Л. 19], в 1927 г. – 34 чел., в 1928 г. – 36,7, в 1929 г. – 42,8 [Там же. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 1093. Л. 22–55]. Однако повышение рождаемости и некоторое улучшение демографической ситуации не могли полностью компенсировать людские потери начала XX в., а главное – не могли преодолеть нарушений в развитии демографических процессов, поскольку высокой оставалась смертность населения, особенно детская. По переписи 1897 г. дети до 5 лет включи-

тельно составляли у бурят Забайкальской области 14,8 % ко всему населению, в 1926 г. – всего 11,9 [Ескевич, 1926, с. 31]. Материалы выборочного обследования статистического управления республики в 1926 г. показали исключительно высокий уровень смертности детей по аймакам: самый низкий уровень наблюдался в Троицкосавском и составлял на 1 000 человек 15,2; очень высокие показатели были зарегистрированы в Тункинском – 40,3 и Хоринском – 47,9 человека [Мангатаева, 1995, с. 21]. Исследователи выделяли разные причины высокой детской смертности у бурят, особенно детей до одного года: «тяжелые бытовые условия жизни и вся обстановка рождения ребенка», «рождение ребенка происходит в обстановке негигиеничной», «скотоводческое хозяйство в большей мере подвержено всяким случайностям, от которых зависит благосостояние семьи», «режим питания чрезвычайно неравномерен, что на неокрепшем организме ребенка сказывается резче, чем на взрослых», «первой соской в первые же дни жизни служит баранье сало», «неокрепший организм сразу же ставится в условия резкого колебания температуры в юрте», «рациональную медицинскую помощь наладить в кочевых местностях труднее», «ослабление конституции бурятско-скотовода в связи с усилившимся распространением социальных болезней» и др. [Ескевич, 1926, с. 26–27]. Общий уровень смертности по республике в 1927 г. составил 15,9 чел. на 1 000 жителей, в 1928 г. – 17,3 чел., в 1929 г. – 16,8 чел. [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 1649. Л. 38; Д. 1245. Л. 239].

Увеличение численности населения республики происходило в основном за счет русского населения, которое в период между переписями 1923 и 1926 г. увеличилось на 37,5 тыс. чел. (на 17 %). Численность бурят в период между переписями сократилась более чем на 5 тыс. чел. (почти на 4 %). Сокращение произошло в результате изменения самоопределения некоторой части обруселых кре-

щенных бурят, которая в дореволюционное время называлась «карымы» и относилась к группе оседлых инородцев. Эта группа при переписи населения в 1920 г. в западной части республики и в 1923 г. в восточной была условно отнесена к бурятам. Однако при переписи 1926 г., в инструкции по проведению которой принцип принадлежности к той или иной народности был сформулирован более четко, группа «карымов», несмотря на свой хозяйственный и культурно-бытовой уклад жизни близкий бурятскому населению, показала свою принадлежность к русской народности как по национальности, так и по родному языку. По приблизительным подсчетам Госстатуправления БМАССР обруселых бурят в республике проживало 11–13 тыс. чел. [Статистико-экономический очерк..., 1931, с. 19]. За счет этой категории населения общая численность бурят между указанными переписями не только не увеличилась, но и, наоборот, сократилась. Если же сравнивать численность бурят в период между всеобщими переписями населения 1897 и 1926 г., то отрицательная динамика выражена еще более явно. Так, В. И. Убугунэ оценивал сокращение бурятского населения на 21,5 тыс. чел. [Убугунэ, 1930, с. 70], Л. Ескевич – на 55,9 тыс. чел. [Ескевич, 1926, с. 22]. Исследователи отмечали различные причины неблагоприятной демографической ситуации в среде бурят, суммируя которые, можно выделить следующие: ассимиляция (обрусение), миграция и эмиграция бурят в Монголию и Китай (к 1923 г. за пределами Бурят-Монгольской АССР, по подсчетам Н. Н. Козьмина, находилось не менее 60 тысяч бурят-монголов [Козьмин, 1928, с. 33]), высокую смертность, особенно среди детей (в 1925 г. на 100 родившихся детей приходилось 12,7 умерших [Убугунэ, 1930, с. 60]), обусловленную неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой, широким распространением социальных болезней и несбалансированным рационом питания.

Изменилась половая структура бурятского населения. Хотя по переписи 1926 г. общее соотношение полового состава осталось неизменным – 103 женщины на 100 мужчин (по переписи 1897 г. – 102, 8 женщин на 100 мужчин [Серебренников, 1925, с. 17]), количество женщин в группе от 30 до 39 лет поднялось до 106 против 98,9 (по переписи 1897 г.), что, по всей вероятности, можно объяснить высокой смертностью молодых мужчин в годы гражданской войны.

Из 2 722 населенных пунктов, зарегистрированных на территории Бурят-Монгольской АССР, городских поселений по-прежнему было только 4 – Верхнеудинск, Нижняя Березовка, Баргузин и Троицкосавск, в которых проживало 45 566 чел. (9,3 % от общего количества населения) [Всесоюзная перепись..., 1929, с. 345]. Слабое развитие городских форм расселения в регионе в начале 1920-х гг. объясняется недостаточным развитием градообразующих отраслей экономики, преобладанием аграрного производства. В связи с этим доля горожан в составе населения республики была значительно ниже, чем в целом по стране и Сибири, где этот показатель составлял 18 и 12,8 % соответственно [Московский, 1984, с. 29]. Однако сравнительно с другими национальными районами Сибири, в Бурятии удельный вес городского населения был значительно выше. Так, со-

гласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Якутии доля городских жителей в общей численности населения составляла 5,2 %, в Горном Алтае – 5,6 %, в Хакасии – 5 % [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 15. Д. 344. Л. 5].

По сравнению с 1923 г. численность городского населения в Бурятии увеличилась на 37,8 %, что было обусловлено как естественным приростом городского населения, повышением рождаемости (особенно в Верхнеудинске, где коэффициент рождаемости в 1924 г. составил 45,8 чел. на 1 000 жителей [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 46. Л. 19–21]), так и возвращением в городские поселения людей, покинувших их в годы войны и интервенции в связи с голодом, закрытием предприятий, участием в военных действиях и т.д.

В 1926 г. при общем увеличении численности населения до 491266 чел., процент сельского населения несколько уменьшился, составляя 90,7 % (445700 чел.). В сельской местности Бурят-Монголии в середине 1920-х гг. числилось 2360 населенных пунктов, из них русского типа селения составляли 613, или 26 % общего количества населенных пунктов, бурятских улусов – 1713 и дацанов – 21, или 73,4 %, прочих населенных пунктов – 13, или 0,6 %. На один населенный пункт приходилось у русских и прочих 422 чел., у бурят – 125 [Там же. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 9. Л. 7]. По количеству дворов в населенных пунктах большее количество приходилось на группу до 40 дворов – 1573 населенных пункта (67 %), до 80 дворов – 372 (16 %), от 120 дворов – 121 (9), до 420 дворов – 11 (0,5), до 1000 дворов – 6 (0,3 %) [Там же. Л. 6, 8]. Следует отметить, что населенные пункты были расположены на достаточном удалении друг от друга, и в основном это были малодворовые деревни и улусы. По Всесоюзной переписи 1926 г. сельское население Бурятии по национальному составу было представлено следующим образом: русских – 49,8 %, бурят – 45,1, тунгусов (эвенков) – 0,6, прочих – 4,5 % [Там же. Л. 9, 10].

В последующий период на этнодемографические процессы большое влияние оказали развернувшаяся с конца 1920-х гг. индустриальная модернизация, вызвавшая стремительный рост городского населения и изменившая этническую мозаику города, и коллективизация, негативно отразившаяся на численности сельского населения.

Таким образом, окончание гражданской войны и либерализация экономической системы в 1920-е гг. способствовали преодолению негативных демографических характеристик. В Бурятии увеличение численности населения произошло во многом за счет естественного воспроизводства. Однако повышение рождаемости и некоторое улучшение демографической ситуации не могли преодолеть нарушений в развитии демографических процессов, поскольку высокой оставалась смертность населения. Этнодемографическая ситуация в 1920-е гг. характеризовалась доминированием двух этнических общностей (русские и буряты), ростом численности населения республики в основном за счет русского населения и значительным преобладанием сельского населения в связи со слабым развитием городских форм расселения и градообразующих отраслей экономики, преобладанием аграрного производства.

Литература

- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. М., 1929. 383 с.
Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. 376 с.
Ескевич Л. Некоторые выводы о динамике бурятской народности // Жизнь Бурятии. 1926. № 11–12. С. 22–31.
Козьмин Н. Н. Бурят-Монгольская АССР. Географический и хозяйственный очерк. Иркутск; Верхнеудинск, 1928. 70 с.
Мангатаева Д. Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ, 1995. 132 с.
Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. 168 с.
Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925. Т. 1. 226 с.
Статистико-экономический очерк Бурят-Монгольской АССР // Жизнь Бурятии. 1931. № 1–2. С. 18–20.
Убугунэ В. И. К вопросу о естественном движении бурят-монгольского населения // Бурятиеведение. 1930. № 3–4 (11–12). С. 57–70.

**СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ Г. ВЕРХНЕУДИНСКА / УЛАН-УДЭ:
ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹**

В статье исследуются последствия политических и экономических преобразований 1920-х – 1930-х гг., кардинально отразившихся на социальной структуре общества и приведших к изменениям численности и состава основных слоев населения г. Верхнеудинска / Улан-Удэ.

Ключевые слова: город; трансформация; социальная структура; индустриализация; урбанизация; демографические процессы.

Kirichenko Svetlana Victorovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**STRUCTURE OF EMPLOYMENT IN VERKHNEUDINSK / ULAN-UDE:
DYNAMICS AND DEVELOPMENT TRENDS**

The author investigates the consequences of the political and economic transformations of the 1920s and 1930s. They radically affected the social structure of society and led to changes in the number and composition of the main strata of the population of Verkhneudinsk / Ulan-Ude.

Keywords: town; transformation; social structure; industrialization; urbanization; demographic processes.

Социальная структура городского населения г. Верхнеудинска / Улан-Удэ исследуется нами на основе данных о самостоятельном населении, или лиц, имевших самостоятельный источник средств существования (заработок, доход). В их числе иждивенцы государственных и общественных учреждений, безработные и военнослужащие. Несамодостаточные – лица, живущие на средства других. К этой категории были причислены дети до 10-летнего возраста [Всесоюзная..., 1926, с. 46]. В 1923 г. 59,08 % мужчин и 21,1 % женщин г. Верхнеудинск относились к самостоятельному населению [Материалы..., 1926, с. 1]. При этом выделялись такие социальные категории горожан, как рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, использующие труд членов семей, хозяева-одиночки, безработные, деклассированные. В каждой из этих категорий, в свою очередь, выделены более мелкие группы по профессиям, положению в занятии, занимаемой социальной ступени в сфере общественного производства.

Сложность заключалась в том, что подобная конфигурация социально-профессионального состава препятствует выявлению четкой социально-классовой структуры городского населения, хотя данные позволяют провести систематизацию сведений по отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда, способу получения дохода. Опираясь на них, попытаемся выделить основные элементы социальной структуры городского населения.

Доля рабочих в городском населении республики составляла 26 % всего самостоятельного населения, в Верхнеудинске – 23,3 %. В промышленности занятость составляла 32,38 %, в строительстве – 4,28 %. Наиболее развитой сферой производства являлся транспорт, в котором было занято 27,83 % всех рабочих города, в железнодорожном транспорте – около 23,3 %. Обращает на себя внимание невысокая вовлеченность женщин в производственные процессы. Так, доля женщин в составе рабочих составляет всего 19 %. Понятно, что наибольшей доля женщин-рабочих была среди швейников

– 75,5 % [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–13; Материалы..., 1926, с. 8]. Были и чисто мужские профессии – горнорабочие, металлисты, водники и т.д.

С изменением отношения власти к частному капиталу и свободной торговле в связи с введением НЭПа в городе появились так называемые «буржуазные элементы» – нэпманы. Доля этой социальной группы в составе самостоятельного населения Верхнеудинска равнялась 18,56 %. К ним относились выделенные переписью 1923 г. «хозяева с наемными рабочими», которые представляли в большинстве случаев торговую и промышленную буржуазию города; хозяева, работавшие только с членами семьи; владельцы мелких промышленных и кустарно-ремесленных учреждений, не прибегавшие к найму рабочей силы; хозяева-одиночки, к числу которых относились портные, сапожники, извозчики, парикмахеры, мелкие торговцы, часовщики и т.д.; «помогающие члены семьи» (ими признавались исключительно родственники всех степеней и приемщи, живущие совместно с хозяином, ведущие с ним хозяйство и не получающие за свою работу от домохозяйина зарплаты в какой-либо форме); рантье, лица, жившие на доходы от мелкого домовладения и спекулятивной торговли» [Материалы..., 1926, с. 9; Всесоюзная городская..., 1924, с. 42–50].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод о складывании конфигурации, характерной для города, находящегося в районе с преобладанием аграрного и мелкотоварного типа хозяйств. Об этом говорит и факт существования довольно широкого слоя рантье и хозяев, работавших с членами семьи, связанных с сельскохозяйственным производством. К этому мы можем добавить данные о профессиональном составе населения республики, дающем возможность судить о степени проникновения частного капитала в производство.

Представленная таблица позволяет говорить о существовании различных форм собственности при несомненном преобладании государственной. В то же время стоит отметить довольно прочные позиции частного капитала с долей занятости рабочих до 10 % в первые годы НЭПа.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Таблица 1

Профессиональный состав населения Бурят-Монгольской АССР по данным на 1 октября 1924 г.

Категории предприятий	рабочие	%	служащие	%	итого	%
государственные	1820	72,3	3991	87,5	5811	82,1
общественные	446	17,8	483	10,6	929	13,1
частные	250	9,9	85	1,9	335	4,8
всего	2516	100	4559	100	7075	100

Сост. по: ГАРБ Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 643. Л. 11.

Таблица 2

Служащие и лица свободных профессий в самостоятельном населении Верхнеудинска в 1923 г.

Категория	муж.	%	жен.	%	лиц обоого пола	%
администрация и суд	206	3,22	10	0,44	216	2,49
технический персонал	52	0,81	1	0,04	53	0,61
служащие торгового и хозяйственного распределения	100	1,56	4	0,17	104	1,2
учетно-конт. персонал	205	3,2	28	1,23	233	2,68
делопроизводст. персонал	196	3,06	144	6,32	340	3,92
медики и санитары	65	1,01	81	3,56	146	1,68
культпросвет. персонал	79	1,23	91	4	170	1,96
служащие по охране безопасности	209	3,26	4	0,18	213	2,45
служащие народной связи	112	1,75	23	1,01	135	1,55
прочие служащие	44	2,25	17	0,75	161	1,85
итого по служащим	1368	21,35	403	17,70	1771	20,39
техники, медики, педагоги	5	0,08	13	0,57	18	0,21
художники, адвокаты	3	0,05	–	–	3	0,03
служители культов	17	0,26	24	1,05	41	0,47
итого по лицам свободных профессий	25	0,39	37	1,62	62	0,71

Сост. по: ГАРБ Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-13; Материалы по статистике Бурятии, 1926. С. 8–9.

Таблица 3

Социальный состав городского населения Верхнеудинска в 1926 г.

социальная группа	кол-во чел.	в % к итогу	в % к 1923 г.	% по Европ. России
рабочие	2917	17,6	144	30,5
служащие	4862	29,5	274,5	28,4
лица свободных профессий	84	0,5	135	0,5
хозяева с наемными рабочими	248	1,5	420	0,6
хозяева, работающие только с членами семьи	1177	7,14	315	4,5
хозяева-одиночки	1765	10,7	226	6,8
помогающие члены семьи	1291	7,8	662	7,2
безработные	1412	8,5	87	10,8
прочие, в т.ч. не указавшие источника средств существования	2725	16,5	230	0,5
все самостоятельное население	16481	100	189,7	100

Сост. по: Бурятия в цифрах: 1931, с. 13; Материалы по статистике Бурятии, 1929, с. 50–56.

Значительную долю населения в 1920-е гг. составляли безработные. Смена общей трудовой повинности на свободный наем рабочей силы привел к сокращению числа работников на предприятиях. В годы НЭПа безработица стала характерной чертой городской повседневности. В 1923 г. в Верхнеудинске насчитывалось 1622 безработных, что составляло 18,08 % всего самостоятельного населения и превосходило общероссийские показатели на 10,6 %.

В городе была сосредоточена значительная часть служащих, составлявшая 20,39 % самостоятельного населения. Доля служащих среди горожан была значительно ниже, чем в среднем по РСФСР, где этот показатель был равен 26,2 %. Это во многом было связано со слабым развитием социальной сферы в Верхнеудинске и началом национально-культурного строительства. Специалисты в сфере контроля и управления были традиционно многочисленны. Во то же время с общероссийскими показателями совпадала доля «лиц свободных профессий» (0,7 %). К ним относились специалисты, имевшие частную практику, в их числе врачи, педагоги, адвокаты, художники, а также священнослужители.

Еще одну категорию верхнеудинского населения составляли иждивенцы государственных и общественных учреждений – 8,36 %. Для сравнения: по РСФСР этот показатель был немного выше – 9 %. В этот социальный слой входили пенсионеры, учащиеся-стипендиаты, больные, инвалиды, учащиеся интернатов, заключенные.

Для анализа социальной структуры городского населения середины 1920-х гг. обратимся к таблице 3.

В середине 1920-х гг. наблюдалась тенденция к увеличению числа рабочих и служащих среди городского населения. Прирост числа рабочих в 1926 к 1923 г. составлял 144 %, а служащих – 274,5 %, при этом доля рабочих в общем составе самостоятельного населения города сократилась до 17,6 %, а доля служащих стремительно выросла до 29,5 %. В условиях НЭПа, характеризовавшейся «допущением» частного капитала в экономику страны, расширился слой предпринимателей-нэпманов. Хозяева с наемными рабочими, представлявшими самую активную предпринимательскую часть горожан Верхнеудинска, увеличили доленое участие в составе самостоятельного населения города до 1,5 % в 1926 г. Показательно, что к 1926 г. все категории

нэпманов значительно возросли как в абсолютных, так и в долевых параметрах. Это отчасти объясняется тем, что мероприятия НЭПа в регионе проходили со значительным опозданием. Поэтому данные 1923 г., которые служат основой для определения прироста в последующие годы в республике, были низкими. Несмотря на развитие частной инициативы, государство пристально следило за характером трудовых отношений на производстве. Об этом можно судить по Перечню полномочий инспектора охраны труда, должность которого была введена на территории республики постановлением Дальревкома от 26 декабря 1922 г. В общем социальном составе городского населения Верхнеудинска наблюдался рост числа представителей лиц свободных профессий – на 135 %. По мере возрастания благосостояния и организации жизни на местах происходило пополнение данной социальной группы.

Эти цифры являются отражением общего подъема хозяйственной жизни советского города и улучшения социально-экономической ситуации в стране на протяжении 1920-х гг., хотя сохранялись такие социальные аномалии, как беспризорность и безработица. Нищие и беспризорные в возрасте от 10 до 15 лет в целом по республике представляли группу общей численностью в 50 чел. [Всесоюзная..., 1926, с. 378]. Сокращалась доля безработных. Так, в 1922 г. на 100 предложений приходилось 13,9 мест, в 1925 г. – 38,9. Судя по материалам Переписи 1926 г., показатели безработицы уменьшились как в абсолютном, так и в долевым количестве – с 1622 в 1923 г. до 1412 чел. в 1926 г., или с 18,08 % до 8,5 % к общему числу самодеятельного населения Верхнеудинска [Материалы..., 1926, с. 120–121].

Направление и темпы изменений в численности отдельных классов, социальных слоев и групп самодеятельного городского населения от 1920-х к 1930-м гг. были различны: для одних классов и социальных слоев характерным являлось увеличение численности, для других, наоборот, резкое сокращение. Об этом мы можем судить на основе данных следующей таблицы 4.

К началу 1930-х гг. произошло резкое увеличение доли рабочих в общем составе горожан – с 17,6 % в 1926 г. до 49,4 % в 1934 г., что было связано со строительством ряда крупных предприятий в городе, продолжалось строительство паровозовагоноремонтного завода, мясохладокombината, стекольного завода. Значительно возросло количество рабочих из бурят: в 1934 г. в совокупном показателе рабочих города они составляли 14,2 %, а по республике в 1935 г. удельный вес рабочих-бурят составил 16 % к общему числу рабочих [Отчет Правительства..., 1935, с. 8].

В условиях перехода к политике форсированной индустриализации (1928–1932) в стране планировалось заложить экономический фундамент социализма, за годы второй пятилетки (1933–1937) – построить социалистическое общество, за годы третьей (1938–1942) – догнать развитые страны по производству промыш-

ленной продукции на душу населения и начать «поступательный переход от социализма к коммунизму». В связи с низкими стартовыми условиями БМАССР индустриальное развитие края началось позднее, чем в центральной части страны. Для реализации намеченных планов необходимо было интенсивное развитие промышленности, а это требовало большого количества рабочих рук. В течение 1930-х гг. на фоне индустриализации происходит дальнейшее изменение социальной структуры городского населения. По причине относительно небольшой численности населения в городах республики стал ощущаться дефицит рабочих рук. Так, например, если к началу первой пятилетки на Верхнеудинской бирже труда числилось 1638 чел. [Митупов, 1958, с. 37], в республике было 2200 безработных, то в 1931 г. в промышленности республики уже не хватало 5433 рабочих.

Профессиональный состав рабочих свидетельствует о значительных изменениях, произошедших в нем в связи с индустриализацией и преимущественным развитием промышленных предприятий. В 1930-е гг. индустриализация привела к развитию социально-профессиональных групп, связанных с крупным государственным механизированным производством, представленным в основном предприятиями ценовой промышленности. На них работало 19,8 % трудящихся. Именно здесь была сосредоточена основная масса рабочих, имевших или получавших среднее образование. Происходил уверенный рост занятости во всех областях народного хозяйства. Исключением является строительство, где после пуска в строй основных промышленных предприятий происходило кардинальное сокращение занятости как в абсолютном, так и в долевым отношении. Традиционно высокий процент рабочих был в железнодорожном транспорте. Исходя из данных о профессиональном составе рабочих и служащих в 1935–1936 гг., мы можем утверждать, что структура занятости в республике и г. Улан-Удэ как центре индустриальных процессов соответствует направленности советского типа модернизации.

В ходе социально-экономических изменений, происходивших в стране в 1920–1930-е гг., г. Верхнеудинск / Улан-Удэ стал одним из промышленных центров с довольно высокими темпами урбанизации, в первую очередь, за счет механического прироста населения, характерной особенностью которого являлся активный приток сельских жителей и переселенцев из близлежащих городов.

За рассматриваемый период значительно изменилась социальная структура города. Отличительной ее чертой стало наличие классовых групп нового советского общества. В 1930-е гг. исчезает частнопредпринимательский слой, большая часть которого перешла в разряд кооперативных работников (их удельный вес в составе трудящихся составил к 1936 г. 0,25 %), другая часть продолжала заниматься мелким кустарным про-

Таблица 4

Социальный состав самодеятельного населения г. Верхнеудинск / Улан-Удэ

Социальные группы	1931	1934		В % к итогу	
		всего	в т.ч. бурят	1931	1934
рабочие	8000	15851	1136	36,9	49,4
служащие	6779	8963	1376	31,2	27,9
кустари и ремесленники	2011	704	47	9,3	2,2
прочие	4903	6557	1535	22,6	20,5
всего самодеятельных	21693	32075	4094	100	100

Сост. по: Бурятия в цифрах, 1934, с. 13–15.

мыслом и сельским хозяйством [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 6].

Произошел значительный рост численности рабочих. К концу 1930-х гг. они составляли большую часть горожан. Причем, если раньше рабочие были заняты в основном в транспортном хозяйстве и переработке продукции сельского хозяйства, мелкотоварном производстве, то в 1930-е гг. произошло смещение в сторону их занятости в фабрично-заводской промышленности. Среди служащих немного вырос процент людей, занимавшихся интеллектуальным трудом, хотя он продолжал оставаться невысоким к общему числу городского самодеятельного населения. Благодаря процессам индустриального развития, в городе было официально покончено с безработицей.

Общность политических и социально-экономических условий развития республики и СССР в целом явилась основой того, что по главным показателям ситуация, сложившаяся в Верхнеудинске/Улан-Удэ в

1920-1930-е гг., совпадала с картиной, характеризующей городское население всей страны. При этом принадлежность к какому-либо классу, социальному слою или группе определяла особенности протекания демографических процессов как внутри каждой социальной группы, так и в обществе в целом, что, в свою очередь, оказывало воздействие на структуру повседневной жизни населения в рассматриваемый период. В результате социально-экономических преобразований в 1930-е гг. сложилась новая социальная структура: рабочий класс – 36,3 %, класс кооперативного крестьянства – 42,4 %, кооперированных кустарей – 1,4 %, единоличники, некооперированные кустари составили 1,6 %, интеллигенция – 7,3 %, служащие-неспециалисты – 11 %. Социально-экономическая политика привела к полному вытеснению частного сектора, подчинению промышленности и сельского хозяйства государственному планированию и управлению.

Литература

- Бурятия в цифрах: От V к VI республиканскому съезду Советов. 1931–1934. Улан-Удэ, 1934.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Бурят-Монгольская АССР. Отдельный оттиск табличной части. Т. XXIII. М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1930. 412 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край Бурят-Монгольская АССР. Т. XXIII. Отдел II. Занятия. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929.
- Материалы по статистике Бурятии. Вып. 1. Население-труд. Верхнеудинск, 1926. 138 с.
- Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 143 с.
- Отчет Правительства VI Съезду Советов Бурят-Монгольской АССР (Доклад председателя ЦИК СНК Бурят-Монгольской АССР тов. Доржиева о работе Правительства за период времени с V по VI Съезд Советов Республики). Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1935. 71 с.
- Всесоюзная городская перепись 1923 г. Т. XX. Ч. 1. Вып. 1. М.: ЦСУ СССР, 1924.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ КАДРОВ В БУРЯТСКОЙ АССР В 1960–1980-Е ГГ.

В статье исследуются различные подходы и методы пополнения строительных предприятий новыми кадрами. Анализируется система подготовки профессиональных кадров в области строительства в 1960–1980-е гг.

Ключевые слова: Бурятия; строительная индустрия; профессиональное образование; строительные кадры.

Tikhonov Alexey Leonidovich
Grammar school № 14
Ulan-Ude, Russian Federation

MAIN TRENDS IN TRAINING OF BUILDING PERSONNEL IN THE BURYAT ASSR IN THE 1960S-1980S

The paper analyzes different approaches and methods of construction companies' replacement by professional personnel. The system of personnel's training in the field of construction in 1960–1980s is considered.

Keywords: Buryatia; construction industry; professional education; building personnel.

В 1960–1980-е гг. продолжается индустриальное развитие Бурятской АССР. В указанный период произошел значительный рост промышленного сектора. Успешное функционирование новых предприятий напрямую зависело от обеспеченности высококвалифицированными кадрами. Поэтому актуальным вопросом в условиях экстенсивного развития индустрии стала подготовка большого количества специалистов. Строительная индустрия, которая в указанный период превратилась в ведущую сферу экономики республики, еще острее ощущала кадровый дефицит. Без решения данной проблемы нельзя было рассчитывать на решение задач промышленного и жилищного строительства. Поэтому без анализа системы подготовки строительных кадров невозможно дать качественную оценку строительной индустрии Бурятии.

В 1950-е гг. большинство строительных кадров проходило систему подготовки в фабрично-заводских школах (ФЗО), которые осуществляли набор абитуриентов даже с начальным образованием. Однако возросшие требования к компетенциям выпускника поставили вопрос реформирования этого образовательного звена. В 1957 г. Совет Министров СССР инициировал трансформацию имеющихся образовательных учреждений в профессионально-технические училища (ПТУ). В результате значение фабрично-заводских школ начало снижаться: в 1956–1957 учебном году их окончило 2,1 тыс. чел., в 1958–1959 – 1,6 тыс., в 1960–1961 – 400 чел. [Балдано, 2001, с. 143]. Для отхода от примитивной модели подготовки строительных кадров были увеличены сроки обучения и повышены требования к начальной подготовке абитуриентов. Теперь состав обучающихся в училищах формировался на базе восьмилетней образовательной школы, а срок обучения составлял один-два года. В итоге, если в 1958 г. в Алтайском крае, Новосибирской, Омской, Томской, Иркутской областях и Бурятской АССР подготовку вели 36 строительных училищ [Долголюк, 2013, с. 251], то в 1960 г. только в Бурятии работало 20 профессионально-технических училищ, в которых обучались 3700 студентов [Республика Бурятия..., 1998, с. 119]. Пополнение штата предприятий за счет выпускников системы профессионально-технического образования признавалось более качественным ввиду обретения выпускниками устойчивых профессиональных навыков и получения первоначального опыта в ходе прохождения производственной практики.

Внимание властей к системе подготовки профессиональных кадров возрастало и в 1960-е гг., при этом важную роль играло материально-техническое обеспечение образовательных учреждений. В 1962 г. принятое Советом Министров СССР постановление «О мерах по улучшению подготовки квалифицированных рабочих и обеспечению ими предприятий истроек» позволяло вкладывать финансовые средства в строительство объектов для профтехучилищ. За десятилетие количество училищ в республике возросло на 60 %, и в 1970 г. их число составляло 33 учреждения. За этот же период количество студентов ПТУ достигло 8900 человек. Таким образом, условия обучения за десятилетие, с одной стороны, улучшались за счет повышения обеспеченности училищ и появления новых учебных заведений, с другой – возросший спрос на рабочие специальности привел к уплотнению образовательных групп, что нередко имело негативные последствия.

Значительные проблемы в обеспечении персоналом испытывало в начале 1960-х гг. крупнейшее строительное предприятие Бурятии – трест «Бурстрой». Не рассчитывая на пополнение трудового коллектива выпускниками образовательных учреждений, трест самостоятельно решал свои кадровые вопросы. Учебным пунктом предприятия было подготовлено в 1960 г. более 200 штукатуров, каменщиков, маляров и плотников. В связи с переходом на семичасовой рабочий день было охвачено обучением 1660 чел., в том числе вторыми профессиями 70 чел.; повышению квалификации прошли 1590 чел. Данные таблицы указывают на слабую укомплектованность кадрами крупнейшего треста Бурятии, не превышающую по разным специальностям $\frac{3}{4}$ от необходимого.

Однако на этом трудности предприятия не заканчивались. В период резкого роста объемов строительства ощущался недостаток в работниках с высшим образованием. По номенклатурным должностям требовались 42 человека с высшим образованием, тогда как имелось всего 13 человек. Остальные инженерно-технические должности занимали специалисты со средним техническим образованием [ГАРБ. Ф. Р-274. Оп. 1. Д. 251. Л. 336].

В связи с кадровым дефицитом предприятия искали различные способы пополнения штата. Комплектование происходило не только централизованным путем межведомственного распределения, но и за счет вольного найма, который помогал предприятиям решать ка-

Обеспеченность треста «Бурстрой» кадрами ведущих строительных специальностей в 1960 г. (в чел.)

	Необходимо по плану	Фактическое наличие	Дефицит	% к потребности
Штукатуры	367	255	112	69,4
Маляры	273	176	87	64,4
Каменщики	243	186	57	76,5
Плотники	396	279	117	70,4

Сост. по: Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-274. Оп. 1. Д. 251. Л. 407.

дровый голод. Недоукомплектованность предприятий резко снижала производительность труда.

Таким образом, система профессионально-технического образования в республике получила импульс в конце 1950-х гг. Следующим шагом в создании местных строительных кадров должно было стать появление высшего учебного заведения, готовившего кадры для строительной отрасли. 19 июня 1962 г. приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР на базе технологического и строительного факультетов Бурятского сельскохозяйственного института был организован Восточно-Сибирский технологический институт [Арьянов, 2015, с. 128]. Первый 1962–1963 учебный год институт начал с подготовки инженеров по трем техническим специальностям, в том числе по специальности «промышленное и гражданское строительство». Появление в республике местного вуза, готовящего строительные кадры, в перспективе должно было решить проблему недостатка высококвалифицированных работников.

К началу 1970-х гг. предприятия республики продолжали испытывать трудности в пополнении высококвалифицированными кадрами. В 1970 г. из 2,4 тыс. руководящих работников и специалистов строительства, высшее образование имелось у 22 %, среднее специальное образование – у 46 %, категория практиков составляла 32 % [Труд в СССР..., 1973, с. 179, 181]. К практикам относились люди, обучающиеся без отрыва от производства, и работники, за плечами которых имелся большой строительный опыт, не подкрепленный образованием.

Значительную роль в подготовке кадров для строительной индустрии играли сами предприятия, которые пытались самостоятельно воспроизводить строительные кадры методами индивидуального, бригадного обучения, а также на курсах в учебных комбинатах. В 1969 г. строительные предприятия республики подготовили 2400 чел., из них 600 чел. (25 %) методом индивидуального обучения, 1300 (54,2 %) – бригадного обучения, 500 (20,8 %) – на учебных курсах [Подготовка и повышение..., 1970, с. 24, 27]. Предпочтение такому виду подготовки кадров отдавало большинство предприятий, так как это позволяло не отрывать работников от производства и обеспечивать практическую деятельность на уровне, необходимом этому предприятию, т.е. лучше ознакомить работника со спецификой работы. Кроме того, обучение на предприятии проходили уже «проверенные» люди, которые хотели получить новую квалификацию.

В 1970-е гг. рост числа студентов и техникумов продолжился. На территории Бурятии в 1980 г. функционировало 37 профессионально-технических учебных заведений, в которых обучалось 13,2 тыс. чел. [Республика Бурятия..., 1998, с. 119]. Распределение профтехучилищ по территории республики носило неравномерный характер, поскольку большая их часть была сосредоточена в Улан-Удэ. Для исправления ситуации следовало от-

крывать новые заведения в районах республики. Данная задача значительно усложнилась в результате сокращения ассигнований на учреждения СПТУ в 1970 г. и 1985 г. Этот факт сказался на материально-техническом обеспечении и качестве получаемого образования, что влияло на популярность ПТУ среди абитуриентов. К 1990 г. в 44 образовательных организациях обучалось 16,4 тыс. студентов [Республика Бурятия..., 1998, с. 128].

В 1970-1980-е гг. предприятия продолжили готовить новые кадры на производстве. В 1970 г. новые профессии на предприятиях Бурятской АССР получили 16,5 тыс. человек, в 1985 г. – 27,8 тыс. Объемы повышения квалификации выглядели еще более значительными: в 1970 г. – 10,1 тыс. чел., в 1985 г. – 17,8 тыс. [Балдано, 2001, с. 400]. Изменение удельного веса квалифицированных работников за десятилетие (с 1975 по 1985 гг.) имело позитивную тенденцию повышения количества высококвалифицированных кадров – с 21,8 % до 25,3 % и снижения числа работников низких разрядов – с 25,9 % до 20,1 % [ГАРБ. Ф. Р-195. Оп. 13. Д. 2169. Л. 46]. Безусловно, данная динамика благоприятно сказалась на строительной отрасли, однако изменение указанных показателей не способствовало преодолению проблем, связанных с низким качеством труда и неэффективностью производства. В отчетах управления коммунального хозяйства г. Улан-Удэ за 1985 г. отмечается, что одна из основных подрядных строительных организаций «Жилгражданстрой» за период 1981-1985 гг. увеличила объемы строительного-монтажных работ на 50 %, производительность труда выросла на 37 %. В то же время указывалось на снижение фондоотдачи и медленные темпы освоения капиталовложений [ГАРБ. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 418. Л. 7].

Таким образом, кадровая ситуация в строительной отрасли Бурятской АССР на протяжении 1960-80-х гг. претерпела значительные изменения. В условиях стремительного роста объема возводимых объектов и меняющихся методов строительства предприятия оказались в сложной кадровой ситуации. Использование новых технологий и усложнение строительных методов повысили требования к подготовке специалистов, которые планировалось выполнить за счет изменения системы профессионального образования. За исследуемый период значительно выросло количество средне-специальных учебных заведений и, соответственно, обучающихся в них студентов. Кроме того, в регионе появилась возможность готовить специалистов с высшим образованием. Однако наблюдался значительный разрыв между получаемым уровнем подготовки и необходимыми производственными навыками, поэтому качество получаемого образования не всегда и не всем выпускникам позволяло органично вписаться в производство. Трудности пополнения квалифицированными работниками за счет системы профессионального образования заставили строительные организации самостоятельно готовить необходимый штат. От подобной практики предприятия не отказывались на протяжении

всего исследуемого периода. Экстенсивно расширяющаяся строительная сфера стягивала значительные трудовые резервы республики и становилась ведущей отраслью экономики. Повышение квалификации работников сферы позволяло решать серьезные задачи в жилищном строительстве, однако это не могло решить всех проблем, связанных с качеством работ.

Литература

- Арьянов А. Д. Д. Ш. Фролов – первый ректор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и Управления // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2015. № 2 (53). С. 128–134.
- Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГА-КИ, 2001. 431 с.
- Долголюк А. А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. Новосибирск: Сибир. науч. изд-во, 2013. 476 с.
- Подготовка и повышение квалификации кадров на производстве, в школах, на курсах и учебных комбинатах в 1969 г.: стат. сб. М., 1970. 136 с.
- Республика Бурятия. 75 лет: стат. сб. Улан-Удэ, 1998. 320 с.
- Труд в СССР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1973. 345 с.

ИСТОРИЯ ПОЛЯКОВ В БУРЯТИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ

В статье обсуждаются вопросы формирования польской диаспоры в Бурятии. В работе представлены такие основные факторы, как ссылка по политическим мотивам, принудительные переселения и добровольный приезд поляков в Забайкалье. Автор уделил особое внимание деятельности национально-культурной автономии поляков г. Улан-Удэ «Наджея».

Ключевые слова: польские ссыльные; Бурятия; католическая церковь; национально-культурная автономия поляков «Наджея».

Semyonov Evgenii Vladimirovich

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

HISTORY OF POLES IN BURYATIA: MODERN STATE OF STUDY

The paper discusses the issues related to the formation of the Polish diaspora in Buryatia. It presents main factors such as exile for political reasons, penal resettlement and voluntary arrival of Poles to the region of Transbaikalia. The author focuses in particular on the activity of the “Nadzheya” (Hope) National-Cultural Autonomy of Poles in Ulan-Ude.

Keywords: Polish exiles; Buryatia; catholic church; the “Nadzheya” (Hope) national-cultural autonomy of Poles in Ulan-Ude.

История польской диаспоры Бурятии насчитывает около 300 лет и тесным образом связана с историей российско-польских взаимоотношений, наполненных самыми различными аспектами. Все эти переплетения совместной российско-польской истории можно проследить на примерах историй обычных семей поляков Бурятии.

Первые упоминания о поляках на территории современной Бурятии датируются второй половиной XVIII в. Так, в списке Удинской городской казачьей команды за 1764 г. числится 9 человек, которых можно отнести к полякам или лицам польского происхождения. К их числу относятся: десятник П. Бурдуковский и рядовые В. Бурдуковский, С. Таракановский, А. Ослоповский, И. Ослоповский, А. Посельский, С. Преловский, Я. Березовский, З. Запольский [Тиваненко, 2014, с. 11].

На протяжении практически всего XIX в. формирование польской диаспоры Бурятии проходило под знаком ссылки и каторги. Существовало два основных направления ссылки поляков в Сибирь: первое, массовое по своим масштабам представлено уголовным элементом, второе – политическими ссыльными, членами тайных организаций и участниками восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. Во второй половине XIX – начале XX вв. значительно возрастает количество добровольно прибывших поляков в Сибирь. Сюда ехали как представители интеллигенции, так и рабочие и крестьяне [Семенов, 2013, с. 128–129]. Следует более подробно остановиться на характеристике каждой из этих групп и рассмотреть их на фоне истории развития Бурятии.

В процентном отношении количество политических ссыльных было незначительным на фоне всей ссылки в Сибирь, но именно они приложили немало усилий для развития Сибири и остались в памяти потомков. Польская уголовная ссылка практически не рассматривается современными российскими и польскими исследователями. Автор посвятил одну свою работу данной проблематике и постарался проследить влияние уголовного элемента из числа поляков на формирование польской диаспоры Бурятии [Семенов, 2003, с. 35]. Говоря о польских политических ссыльных, оставивших заметный след в истории Бурятии и г. Улан-Удэ, следует остановиться на личности Владимира Ивановича Залевского, который явился одним из инициаторов строительства католического храма в г. Верхнеудинск [Бутычченко, 2006, с. 52]. Ввиду того, что читинский священник, к приходу которого относился и Верхнеудинск, не мог часть посещать свою паству, в 1906 г. в Верхнеудинске было создано «Общество верхнеудинских католиков», целью которого было, прежде всего, ходатайство о разрешении местных властей и организация строительства католического храма в Верхнеудинске [Семенов, 2009, с. 98].

В апреле 1907 г. между Верхнеудинской городской управой и уполномоченными «Общества верхнеудинских католиков», в лице В. И. Залевского, И. Л. Гейзе и Г. Л. Хрощицкого, был заключен контракт на строительство костела. Городские власти выделяли участок земли на пересечении улиц Фроловской и Лесной [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2346. Л. 2]. Освящение костела во имя Пресвятого Сердца Иисуса Христа произошло 24 июля 1909 г. Первым священником, назначенным в Верхнеудинск, был Северин Туросенский, его сменил Антон Гилевский. Костел в Верхнеудинске просуществовал недолго. Укрепившаяся советская власть в России начала борьбу с религиозными организациями. В октябре 1928 г. комиссией в составе представителей городских служб Сумкина, Копытовского и Ежова был произведен осмотр здания храма и надворных построек. Со стороны общества верующих католиков принимал участие председатель общества Сырятювич [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 104. Л. 34]. По результатам осмотра был составлен акт, предписывающий обществу верующих исправить отмеченные недостатки и привести помещение костела в надлежащее состояние.

31 января 1930 г. на заседании Центрального исполнительного комитета Бурят-Монгольской АССР обсуждался вопрос о ликвидации римско-католического костела в г. Верхнеудинск. Было решено «здание римско-католического костела на основании ст.ст. 34–42 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04 1929 г. бюл. НКВД РСФСР № 37-29 г. ликвидировать вместе с находящимся в нем культовым имуществом» [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 104. Л. 1]. 18 октября 1930 г. состоялось заседание Президиума Верхнеудинского городского совета рабочих и красноармейских депутатов, где слушали доклад секретаря ликвидационной комиссии Копытовского, в котором он сообщал об окончательной ликвидации католического костела Верхнеудинска.

Возрождение деятельности структур католической церкви в России приходится на 90-е гг. XX в. 31 августа 1999 г. в Улан-Удэ была официально зарегистрирована католическая община Святейшего Сердца Иисуса. Первоначально священник приезжал из Иркутска, но со временем епархиальными властями назначается постоянный священник, которым стал А. Романюк. Со времени его приезда начинается активная работа по строительству храма. Участок был определен на проспекте Строителей 3, и в 2004 г. началось строительство. Освящение здания католического храма состоялось 5 июня 2005 г. Обряд освящения провел епископ римско-католической епархии Святого Иосифа в Иркутске Кирилл Климович.

На протяжении XIX и XX вв. также поляки добровольно приезжали в Бурятию в поисках работы и лучшей жизни.

Наиболее ярким примером, несомненно, является приезд в Кяхту на должность городского и окружного врача Юлиана Талько-Грынцевича. Имея значительные долги на родине, он решил получить место врача в Сибири. Выбор пал на приграничный город Троицкосавск и торговую слободу Кяхта. Выполняя свои профессиональные обязанности, он очень активно занялся и научно-исследовательской деятельностью. Особый интерес ученый проявил к антропологии, поскольку в приграничном городе он нашел обширное поле для исследования. В непосредственной близости проживали буряты, монголы, тунгусы, китайцы и русские. Все это позволило Ю. Талько-Грынцевичу проводить свои антропологические исследования, результатом которых явился фундаментальный труд «Народы Центральной Азии». Вторым направлением его исследовательской деятельности в Забайкалье является археология. Именно он является основоположником гуннской археологии в России и мире. За период с 1896 по 1901 гг. им, совместно с Я. С. Смолевым, проведены раскопки на территории Юго-Западного Забайкалья. Ими было раскопано, систематизировано и изучено около 100 гуннских захоронений. Еще одной заслугой Ю. Талько-Грынцевича, несомненно, является участие в создании Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества (ТКО ПО ИРГО) и краеведческого музея.

Со строительством Транссибирской магистрали на территории Сибири значительно увеличивается число поляков, добровольно приехавших на заработки. На участке Забайкальской железной дороги поляки сформировали большие колонии в Танхое, Выдрино, Мысовске, Хилке, Петровском Заводе и ряде других крупных железнодорожных станций. После получения Польшей независимости Польский военный комитет, осуществлявший свою деятельность на территории бывшей Российской империи и ставивший своей целью возвращение поляков на Родину, организовал акцию по агитации поляков-железнодорожников переехать в независимую Польшу. Такая работа проводилась и среди поляков г. Верхнеудинск.

Гражданская война, голод и эпидемии вынуждали поляков выезжать из России. Вновь организованные государственные органы поставили задачу возвращения поляков, проживающих на территории бывшей Российской империи на Родину. В первую очередь предполагалось вывезти детей. Акция спасения польских детей продолжалась с сентября 1919 г. до начала 1923 г. Дорога на запад была закрыта из-за продолжающейся гражданской войны и плохого железнодорожного сообщения. Составы, продвигающиеся по Транссибу на восток, проходили в том числе и через Верхнеудинск. Детей довозили на поездах до Владивостока, откуда на кораблях переправляли в Японию. Помощь в организации пребывания польских детей в Японии оказало Министерство обороны и Министерство иностранных дел Японии. В общей сложности было вывезено 372 ребенка и 32 сопровождавших их взрос-

лых. В конце 1920 г. дети были переправлены в Соединенные Штаты Америки, где их принимала польская община США. И только в январе 1922 г. они отправились в Польшу. На пароходе «Князь Матейко» отплывало 310 детей (57 детей остались в США, двое были отправлены ранее). Вторая экспедиция по вывозу польских детей из Сибири была организована в 1922 г. и продолжалась до 1928 г. В общей сложности из Сибири через Японию и США было эвакуировано 877 детей. Следом за детьми уезжали и их родители. В итоге, в конце 20-х гг. XX в. большая часть поляков, проживавших до революции в Сибири, возвратилась в Польшу [Виноградова, 2000, с. 147].

Согласно общероссийским переписям населения, количество поляков в Бурятии в последней четверти XX в. изменялось следующим образом: в 1979 г. – 388 человек, в 1989 г. – 425 человек, в 2002 г. – 249 человек. Перепись 2010 г. зафиксировала уже 170 человек, показавших в графе национальность поляк [Баинова, 2006, с. 2].

В 1993 г. поляки, проживавшие в г. Улан-Удэ объединились для создания национально-культурного объединения, в результате чего была создана республиканская общественная организация «Общество польской культуры «Надья»». В 2005 г. организация была перерегистрирована в Национально-культурную автономию поляков г. Улан-Удэ «Надья».

Кроме издания сборников материалов по истории поляков Бурятии, актив Автономии поляков «Надья» занимается организацией и проведением научных конференций, посвященных различным аспектам истории и современного состояния развития полонийного движения не только Бурятии, но и Восточной Сибири. С 2003 г. силами коллектива Автономии поляков и вузов города Улан-Удэ было организовано и проведено четыре международных научных конференции. Результатом проведения конференций стали сборники научных статей, посвященные различным аспектам истории поляков в Бурятии. С 1996 г. Автономия поляков г. Улан-Удэ «Надья» издает альманах «Поляки в Бурятии» на страницах которого публикуются воспоминания потомков поляков, посвященные истории их семей. К настоящему времени издано семь сборников, и на стадии формирования находится очередной том. В 2016 г. совместными усилиями ГАУК РБ «Государственный архив Республики Бурятия» и МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Надья» был издан сборник документов Государственного архива Республики Бурятия о пребывании на территории Бурятии польских политических ссыльных в XIX – начале XX вв. [Польские политические ссыльные, 2016].

Несмотря на то, что история поляков в Бурятии имеет глубокие корни открытым остается вопрос изученности и историографии представленной проблемы. Наряду с политическими ссыльными большой вклад в развитие Бурятии внесли добровольно прибывшие поляки, включившиеся в изучение Бурятии и развитие ее экономики и культуры.

Литература

- Баинова Д. С. Национальный состав населения Республики Бурятия // Угай Зам. Путь предков. № 15, март, 2006. С. 2.
- Бутычченко В. А., Семенов Е. В. Поляки в Верхнеудинске в XIX – начале XX вв. (исторический экскурс) // Польский след в истории и культуре Сибири: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Полонийные чтения-2006», 7 декабря 2006 г. Ч. 2. Улан-Удэ, 2006. С. 49–58.
- Виноградова А. И. Спасти детей // Поляки в Бурятии. Т. 3. Улан-Удэ, 2000. С. 145–152.
- Польские политические ссыльные в Бурятии (1847–1919 гг.): сб. документов Государственного архива Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 415 с.
- Семенов Е. В. Историческая память поляков Бурятии: актуальные вопросы исследования // Полонийные чтения-2013: история, современность, перспективы развития полонийного движения: материалы междунар. науч. конф., посв. 150-летию польского восстания 1863–1864 гг. и 20-летию МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Надья». Улан-Удэ, 2013. С. 128–134.
- Семенов Е. В. Католическая церковь Забайкалья (1839–1930 гг.): очерк истории. Улан-Удэ, 2009. 162 с.
- Семенов Е. В. Польская уголовная ссылка в Забайкалье в первой половине XIX века // Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2003. С. 34–37.
- Тиваненко А. В. Приказные люди Удинского острога // Верхнеудинск: вехи истории (4 апреля 2014 г., г. Улан-Удэ): материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд.-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2014. С. 6–12.

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ ВЕРХНЕУДИНСКА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Данная статья анализирует роль мещанского сословия Верхнеудинска в формировании органов городского управления, характер взаимоотношений городского и мещанского сословного управления, полномочия городских органов в решении проблем мещанства.

Ключевые слова: Верхнеудинск; мещане; городское управление; мещанская управа.

Molonova Ekaterina Petrovna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

VERKHNEUDINSK MANAGEMENT AND LOWER MIDDLE CLASS: POINTS OF INTERSECTION

The author analyzes the role of Verkhneudinsk lower middle class in forming city management institutions, nature of city and Philistine management interrelations, powers of city organs in solving the problems of lower middle class.

Keywords. Verkhneudinsk; Philistine; city council; petty-bourgeois council.

Характер взаимоотношений городского управления и мещанского общества в городах Восточной Сибири еще не становился предметом исследования. Между тем вопрос важен, поскольку мещанство было самым многочисленным городским сословием. А зажиточность верхнеудинских мещан определяла их значимость в формировании городского пространства.

Верхнеудинск стал одним из первых городов в Забайкалье, к которому было применено новое Городовое положение 1870 г., положившее начало преобразованию городского управления. В соответствии с ним, вместо существующих с 1785 г. сословных городских органов управления вводились бессословные. Городские думы, избираемые на четыре года, в свою очередь, избирали на тот же срок постоянно действующие исполнительные органы – городские управы – в составе городского головы, его заместителя и нескольких членов. Городской голова одновременно был председателем городской думы и возглавлял городскую управу. Процесс создания городской думы в Верхнеудинске начался еще в 1872 г., хотя учреждена она была 9 ноября 1875 г. [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 30. Л. 3–7].

Социальный состав органов городского управления определялся сословной структурой населения и материальной состоятельностью горожан. Право избирать и быть избранным в первую очередь соотносилось с имущественным цензом: выборщиками могли стать только владельцы недвижимого имущества и обладатели документов на владение мастерской или торговым заведением. На выборах городской думы в 1875 г. из 4 тыс. жителей право голоса имели лишь 76 чел. [Евдокимова, 2009, с. 26]. В дальнейшем процент лиц, наделенных избирательным правом, оставался низким: в 1886 г. из 5191 жителя города им пользовалось лишь 339 чел. – около 11 % населения; в 1892 г. – 537 чел. (13 %) [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1–14]. Но, поскольку 98,7 % мещан имели недвижимое имущество [Молонова, 2017, с. 127], при своей многочисленности они составляли большинство избирателей. На выборах в городскую думу 1892 г. 58 % выборщиков были из мещанского сословия [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1237. Л. 8–14].

Сами мещане тоже избирались в думу, становились членами городской управы и даже городскими головами. С 1884 по 1889 гг. городским головой Верхнеудин-

ска был верхнеудинский мещанин Н. А. Шляпкин. В 1889 г. головой был избран купец А. В. Овсянкин, причисленный в 1890 г. к мещанскому сословию [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1400. Л. 37–38]. Последний избирался не раз, в общей сложности проработав в данной должности более 15 лет [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1674. Л. 183]. Рекрутирование представителей мещанского и купеческого сословия на должность городского головы было вообще характерно для российских городов. Незначительный процент выборщиков, отвечавших требованиям закона, обуславливал ограниченность состава органов городского общественного управления этими двумя сословными группами, которая сохранялась на протяжении всей его деятельности [Свиридова, 2015, с. 11].

Мещане занимали и иные должности в городском управлении, поскольку среди них, согласно посемейным спискам, включавшим информацию о мещанских семьях с 1892 г., 74 % глав семей были грамотны [ГАРБ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–670]. Например, в 1882 г. городская управа назначила на место уволившегося бухгалтера журналиста Белоусова, место которого тут же занял мещанин Опушкин. Иной раз мещане и сами проявляли инициативу при занятии должностей в городском управлении. Например, мещанин Ф. Г. Калашкин написал прошение о желании занять место делопроизводителя в городской управе, на что та ответила согласием [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–3].

Контакты рядовых мещан с городской управой ограничивались, как правило, прошениями и жалобами, с одной стороны, и предъявляемыми к мещанам требованиями городской управы как к застройщикам и владельцам торгово-промышленных заведений – с другой. Как и все жители города, мещане, желавшие строиться или сделать ремонт, должны были подать прошение в городскую думу, которая давала соответствующее разрешение. По обеим сторонам центральных (Большая, Лосевская) улиц и на Гостинодворской площади домовладельцы, ведомства и учреждения были обязаны за свой счет устраивать параллельно полотну улиц каменные или деревянные тротуары с ровной поверхностью, а также соблюдать определенные правила застройки, утвержденные городской управой. Учитывая разное материальное состояние домовладельцев, Верхнеудинская городская дума требовала от имущих владельцев устройства и ремонта тротуаров вдоль их усадебного

места за собственный счет, а напротив домов бедных жителей ремонт проводился за счет городских сумм [Свиридова, 2015, с. 17].

Принимаемые думой решения иногда встречали негативную реакцию мещанского населения. Исполняя общероссийский Указ об ограничении торговли крепкими алкогольными напитками на время Первой мировой войны, городская дума запретила торговлю в Верхнеудинске любым алкоголем, включая виноградные вина и пиво [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 231. Л. 1]. От ее излишнего служебного рвения пострадали не столько пивные «короли» С. Коробейников и А. Кобылкин, имевшие многопрофильное производство, сколько мелкие мещане, для которых торговля пивом была единственным занятием. Истолковав нормы Указа в расширительном плане, дума фактически оставила значительный слой городского населения без средств к существованию, попутно лишившись значительного дохода.

Наиболее интересен сюжет о взаимоотношениях городского управления и Верхнеудинской мещанской управы – органа сословного управления, который был создан одновременно с городской думой [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 200. Л. 13]. Каждое управленческое звено было самостоятельно в пределах своих полномочий, однако им постоянно приходилось пересекаться. В частности, процесс причисления к мещанскому обществу состоял из двух этапов: вначале следовало подать прошение в Верхнеудинскую городскую управу и только после получения ее предварительного согласия обратиться в мещанскую управу с прошением о выдаче паспорта или вида на жительство в городе. Мещанская управа была обязана подавать необходимые сведения по запросу городских властей и выполнять обязательные предписания органов городского самоуправления.

Отношения между ними были непростыми и часто перерастали в конфликты. Первая конфликтная ситуация возникла сразу же после создания мещанской управы, когда мещанский староста потребовал от городского головы отмены ряда городских служб, которые по новому Городовому положению должны быть упразднены и выполняться по найму. Тем не менее, за мещанским обществом Верхнеудинска остались закрепленными 24 службы, по закону уже не являющиеся обязательными. Разрешать конфликт пришлось военному губернатору Забайкальской области, которому городская управа пожаловалась на сопротивление мещанского общества. Однако мещанской управе удалось настоять на своем и отказаться от исполнения служб, не оговоренных Городовым положением [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2, 9–11, 27–32]. «Яблоком раздора» между городским самоуправлением и мещанской управой стал и так называемый «курбатовский капитал», который купец А. М. Курбатов пожертвовал мещанскому обществу. Городской голова И. В. Титов пытался заимствовать эти деньги для формирования учредительного капитала городского общественного банка, однако городское мещанское общество пожертвовать этот капитал на открытие банка отказалось [Жальмина, 2017, с. 84].

Впоследствии городская управа взяла своеобразный реванш. До 1894 г. в финансовых вопросах мещанская управа была не подконтрольна городскому самоуправлению, но на основании приказа военного губернатора Забайкальской области Е. О. Мацеевского от 16 июня 1894 г. Верхнеудинскому городскому голове А. В. Овсянкину городские органы власти совместно с депутатом от окружной полиции провели ревизию денежных книг, наличных денег и делопроизводства ме-

щанской управы за период с 1885 по 1894 г. Поводом к появлению приказа стал рапорт члена мещанской управы К. Иванова, заявившего о недостатке у мещанского старосты Туговикова, умершего на момент подачи рапорта, и о «неправильных по службе действиях члена Управы Сумкина» [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1015. Л. 1–2]. Итог ревизии, представленный Верхнеудинским городским головой 20 июля 1894 г., показал множество нарушений в деятельности мещанской управы. Во-первых, в мещанских собраниях мог участвовать любой мещанин, достигший 25 лет и не ограниченный в правах по суду – даже уличенный «в буйстве, пьянстве, неуважении к начальству и духовенству». Понятно, что такие участники собрания могли голосовать за решения «не в интересах общества». Во-вторых, мещанская управа была уличена в нецелевом использовании денежных средств: только из высылаемых отсутствующими мещанами денег на отправку им паспортов в управу мог аккумулироваться «порядочный капитал». В-третьих, по мнению членов ревизионной комиссии, «вся деятельность мещанской управы состоит в приеме и увольнении членов мещанской управы, в выдаче различного рода удостоверений – деятельность достаточно ограничена, но при этом управа обременяет своих членов постоянными службами, которые по закону для избранных обязательны: «мещанский староста и два члена мещанской управы (срок службы – 3 года), сторож и посыльный (срок службы – 1 год), три оценщика» (срок службы оценщиков в акте, составленном ревизионной комиссией, указан не был). На самом деле выборными являлись только должности старосты и членов мещанской управы. На остальные места мещанское общество назначало своих членов, которые не могли отказать от выполнения возложенных на них должностных обязанностей. В соответствии с решением Правительствующего Сената от 31 декабря 1887 г. по делу Быкова должности в мещанской управе должны занимать лица, которые не отлучаются от города по делам торговли и промысла, а таких в Верхнеудинском мещанском обществе было 100–150 чел. Наконец, ревизия не обнаружила посемейных списков [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1015. Л. 27].

Основным финансовым нарушением мещанской управы было использование ею принадлежавших мещанскому обществу средств без его разрешения. Например, в 1885 г. на содержание управы самовольно было взято 392 руб. 46 коп., возвращено только 151 руб. 46 коп.; на следующий год опять на содержание управы взято без разрешения общества 307 руб. и на наем сторожа и десятника – 40 руб. Документов на 157 руб. 32 коп. на нужды мещанской управы вообще не оказалось. В 1889 г. в книге добровольных пожертвований значились перечисления на содержание мещанской управы 20 руб. 29 коп. и в хлебный капитал 10 руб. 79 коп. опять-таки без разрешения общества. Приговоры мещанского общества о содержании управы годами не утверждались военным губернатором Забайкальской области, а приговор от 23 июня 1885 г., по которому на ее содержание выделялось 630 руб., был не только не утвержден губернатором, но даже не подписан мещанским старостой. По книге сумм хлебного капитала было неясно, возвращены ли мещанами Пшеничниковым и Изьгиным выданные в ссуду деньги. Выявлены нарушения и в книге прихода и расхода паспортных бланков [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1015. Л. 30–32].

В своем заключении городская управа не во всем была справедлива. Кроме канцелярской работы и ведения посемейных списков мещанская управа много де-

лала для социальной защиты членов мещанского общества: выдавала пособия нуждающимся, оказывала помощь в образовании и лечении, заботилась о сиротах. При недостатке средств мещанское общество пользовалось пожертвованиями, в том числе купеческими (о капитале А. М. Курбатова речь шла выше). Этим, конечно, была недовольна городская власть, которая рассчитывала на них сама. Как бы там ни было, но многочисленные финансовые нарушения дали городской думе повод для вывода: «Было бы хорошо, если дела мещанской управы в Верхнеудинске, согласно 92 статье Городового положения 1892 г., были бы переданы Городскому управлению, а город держал бы посемейные списки и остальные дела в исправности» [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1015. Л. 30–32]. Здесь следует пояснить, что согласно 92-й статье нового Городового положения 1892 г., в небольших уездных и безуездных городских поселениях обязанности по мещанскому управлению с разрешения министра внутренних дел могли быть возложены на городскую управу, хотя Верхнеудинск был большим городом. Ликвидировать органы сословного управления, приняв на себя их обязанности и, разумеется, деньги, пожелали и города Нижнего Поволжья [Одинцова, 2011, с. 15].

Проанализировав ситуацию, министерство внутренних дел выпустило проект преобразования городских сословных учреждений в единое городское управление. Проект так и не был реализован, хотя и встретил одобрение общественности. В течение еще двух с половиной десятилетий мещанская управа продолжала сосуществовать с городским управлением. Но начиная с 1909 г., анализировать участие органов городской власти в жизни каждого сословия становится сложнее: хотя сословную принадлежность никто не отменял, в заявлениях и прошениях горожан указывать ее практически перестали.

В условиях политического, экономического и социального кризиса 1917 г. Верхнеудинское городское управление оказалось не в состоянии продолжать полноценную деятельность и стало постепенно утрачивать свое влияние. В 1920 г. Верхнеудинская дума прекратила свое существование. Деятельность верхнеудинской мещанской управы, занимавшейся учетом мещанского населения и частично сохранявшей функции, связанные с реализацией земельных отношений, продолжалась до конца 1921 г., несмотря на отмену сословного деления общества.

Литература

- Евдокимова С. В. Верхнеудинская городская Дума и вопросы благоустройства в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 26–31.
- Кальмина Л. В. Верхнеудинский общественный банк в контексте финансовой политики самодержавия // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 79–85.
- Молонова Е. П. Мещанское домовладение уездного сибирского города в пореформенный период (на примере г. Верхнеудинск) // Власть. 2017. № 6. С. 126–130.
- Одинцова Л.А. Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2011. 21 с.
- Свиридова Н. Б. Деятельность городского общественного управления в Забайкальской области в последней четверти XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 24 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В СРАВНЕНИИ С РЕГИОНАМИ СФО

Доклад посвящен анализу демографической ситуации в субъектах СФО. Автор акцентирует внимание на определении места Республики Бурятия среди других регионов СФО. Дана характеристика Республики Бурятия по следующим направлениям: сельское и городское население, рождаемость и смертность, естественный и миграционный прирост, половозрастная структура, брачность и разводимость.

Ключевые слова: Республика Бурятия; СФО; демография; место; население.

Byuraeva Yulia Grigorievna
 Buryat Scientific Center
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

DEMOGRAPHIC SITUATION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN COMPARISON WITH REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

The report is devoted to the analysis of the demographic situation in the subjects of the Siberian Federal District (SFD). The author focuses on determining the place of the Republic of Buryatia among other regions of the SFD. The characteristics of the Republic of Buryatia is given in such aspects as rural and urban population, birth rate and mortality, natural and migratory growth, sex and age structure, nuptiality and divorce.

Keywords: Republic of Buryatia; Siberian federal district; demography; position; population.

Сибирский федеральный округ, образованный в 2000 г., включает 12 субъектов РФ: четыре республики (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия), три края (Алтайский, Забайкальский, Красноярский) и пять областей (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская). Целью данного доклада является определение положения Республики Бурятия на основе анализа демографической ситуации в субъектах РФ, входящих в состав Сибирского федерального округа по состоянию на 2016 г. [Регионы..., 2016; Социально-экономическое..., 2016].

По численности населения республика превышает показатели других национальных республик и занимает 9 место среди всех регионов СФО (табл. 1). При этом территория республики довольно значительна (4 место), поэтому плотность населения составляет всего 2,8 чел./км², что в 10 раз меньше, чем в самом густонаселенном регионе СФО – Кемеровской области и в 1,3 раза меньше чем в СФО в среднем (3,8 чел./км²). Относительно аналогичные показатели наблюдаются в близлежащих регионах: Иркутской области – 3,1 чел./км² и Забайкальском крае – 2,5 чел./км².

Доля жителей, проживающих в сельской местности, относительно высока (41 %), что соответствует 4 месту среди регионов СФО, поэтому республику можно отнести к сельским регионам.

С 2013 г. наметилась положительная тенденция роста численности населения, который происходит за счет естественного прироста. Число родившихся больше числа умерших на 45,8 %. Соответственно коэффициент естественного прироста составил +5,2. С 2015 г. наблюдается уменьшение рождаемости в большей степени, чем смертности. Соответственно снижается естественный прирост населения. Несмотря на это, ситуация с рождаемостью и смертностью в республике более благоприятна по сравнению с другими и регионами и СФО в целом. Республика занимает 3 место по коэффициенту рождаемости (16,4 промилле), выше только в республиках Тыва и Алтай. По коэффициенту смертности – 10 место, ниже также в этих республиках.

На уровень рождаемости определенное влияние имеют коэффициенты брачности и разводимости. Для регионов СФО характерно заметное снижение количе-

ства браков при незначительном сокращении разводов. Бурятия не является исключением. Более того, с 2015 г. снижение количества браков было одним из самых значительных (–20,3 %), поэтому по коэффициенту брачности республики находится на предпоследнем месте, что может сказаться на уровне рождаемости в дальнейшем. Но при этом коэффициент разводимости не так высок – также 11 место.

Положительной тенденцией является снижение младенческой смертности. В 2016 г. Республика Бурятия занимала среднее место (6) среди регионов СФО по уровню младенческой смертности.

Снижение численности населения происходит за счет постоянного миграционного оттока, усилившегося в последнее время. Если в 2015 г. миграционная убыль населения составила 2006 чел., то в 2016 г. – уже 3213 чел. Республика относится к регионам с самым значительным коэффициентом миграционного оттока, выше только в Забайкальском крае и Республике Тыва.

Также негативной тенденцией является увеличение демографической нагрузки. Если в 2015 г. на 1000 чел. трудоспособного возраста приходилось 724 чел. нетрудоспособного возраста, то в 2016 г. их число уже составило 755 чел. Это обусловлено сокращением численности населения трудоспособного возраста (мужчины в возрасте 16-59 лет, женщины – 16-54 года) на фоне роста численности населения как моложе, так и старше трудоспособного возраста. В качестве положительного момента можно отметить довольно высокую долю молодого населения по сравнению с другими регионами. По коэффициенту демографической нагрузки республика занимает среднее место.

С экономической точки зрения наиболее важным последствием изменения возрастного состава населения является его старение. Важно отметить, что условия социально-экономического развития территории являются благоприятными тогда, когда удельный вес пожилого населения не превышает 15,0 %. На данный момент этот критический порог превышен на 4,2 %.

В СФО в целом количество женщин традиционно превышает число мужчин. В Бурятии превалирование женщин не столь значительное, чем

в других регионах. На 1000 мужчин приходится 1099 женщин. При этом преобладание женщин начинается с возрастной группы от 40 до 49 лет, которое усиливается с каждой возрастной группой и к возрасту старше 60 лет достигает максимума. Это, главным образом, следствие значительно более ранней и высокой смертности среди мужчин. Сохраняющиеся диспропорции соотношения мужского и женского населения не могут в настоящее время обеспечивать экономический рост региона.

В целом, демографическая ситуация по Республике Бурятия улучшилась, произошло увеличение рождаемости населения, зарегистрирован естественный

прирост населения и повысился показатель ожидаемой продолжительности жизни. Но негативные демографические тенденции формировались на протяжении многих лет и обусловлены в первую очередь отсутствием комфортных условий для экономической деятельности и проживания населения. Чтобы кардинально изменить сложившееся положение, необходимо изменение экономической, социальной, демографической политики в республике, которая должна быть направлена на развитие жизненного и трудового потенциала населения, социальную поддержку. В противном случае решать проблемы развития придется за счет трудовых мигрантов.

Таблица 1

Показатели демографического развития регионов СФО, 2016 г.

№ п/п	Показатель	РБ	Место РБ в СФО	СФО в целом	РА	РТ	РХ
1	Численность населения, тыс. чел.	982	9	19324,2	215,2	316	536,8
2	Городское население, %	59,0	9	72,8	29,2	54,2	68,8
3	Сельское население, %	41,0	4	27,2	70,8	45,8	31,2
4	Коэффициент рождаемости, промилле	16,4	3	13,8	18	23,2	14,1
5	Коэффициент смертности, промилле	11,2	10	13,0	9,9	9,8	12,8
6	Коэффициент естественного прироста, убыли, промилле	5,2	3	0,8	8,1	13,4	1,3
7	Коэффициент младенческой смертности, промилле	6,6	6	6,6	10,2	11,3	8,8
8	Коэффициент миграционного прироста, убыли, промилле	-3,3	10	-0,7	0,5	-4,3	0,4
9	Коэффициент брачности (на 1000 чел. населения)	5,7	11	6,8	6,6	5,5	6,6
10	Коэффициент разводимости (на 1000 чел. населения)	3,6	11	4,5	4,3	1,6	4,6
11	Население моложе трудоспособного возраста, %	23,8	3	19,9	28,1	34,0	21,3
12	Население в трудоспособном возрасте, %	57,0	6	57,2	54,6	55,1	56,2
13	Население старше трудоспособного возраста, %	19,2	10	22,9	17,3	10,9	22,5
14	Коэффициент демографической нагрузки, промилле	755	6	748	831	814	779
15	Количество женщин на 1000 мужчин	1099	10	1149	1110	1093	1152

Продолжение таблицы 1

№ п/п	АК	ЗК	КК	ИО	КО	НО	ОО	ТО
1	2376,8	1083,0	2866,5	2412,8	2717,6	2762,2	1978,5	1076,8
2	56,2	67,7	77,0	79	85,8	78,7	72,4	72,2
3	43,8	32,3	23,0	21	14,2	21,3	27,6	27,8
4	12,1	14,6	13,9	14,8	12,1	13,8	13,3	13,2
5	14,1	12,3	12,5	13,4	14,3	13	13,2	11,4
6	-2	2,3	1,4	1,4	-2,2	0,8	0,1	1,8
7	7,3	6,0	5,9	6,3	7,3	6,2	6,2	4,8
8	-2,7	-6,0	1,7	-2,9	-1,0	5,5	-3,0	0,2
9	6,1	6,7	7,3	7,3	6,2	7,5	6,8	7,1
10	4,4	4,5	4,8	4,8	4,5	4,7	4,4	4,6
11	18,6	22,5	19,2	21,1	19,3	17,8	18,8	18,5
12	55,4	57,9	58,7	56,9	56,1	57,9	57,4	59,5
13	26,0	19,6	22,1	22,0	24,6	24,3	23,8	22,0
14	807	726	702	758	781	725	740	681
15	1164	1087	1142	1163	1179	1148	1163	1130

Источник: Социально-экономическое положение России–2016 (уточненные итоги); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 37–101.

Литература

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016.
 Социально-экономическое положение России–2016 (уточненные итоги) // URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/utoch-osn-12-2016.pdf.

БУРЯТЫ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В статье отмечены основные социальные последствия перехода к рыночной модели развития в постсоветской России. На материалах Всероссийских переписей населения проанализирована динамика изменения демографических показателей бурятского этноса.

Ключевые слова: этнос; трансформации; население; рождаемость; миграция; тенденции.

Boronova Margarita Maksimovna
Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

BURYATS: SOCIO-DEMOGRAPHIC TRANSFORMATIONS OF POSTSOVIET PERIOD

The article highlights the main social consequences of the transition to the market model of development in post-soviet Russia. The dynamics of Buryat ethnic group demographic indicators change is analyzed on the materials of the all-Russian population censuses.

Keywords: ethnosc; transformations; population; fertility; migration; trends.

Распад Советского Союза коренным образом изменил жизнь бурят, как и других народов, входивших в состав многонационального советского государства. Вновь, как и в начале XX в., этнос оказался в ситуации нового исторического вызова, который был связан с началом формирования рыночной экономики в постсоветской России. Развал советской социально-политической системы и переход к новой модели общества актуализировали необходимость выработки новой стратегии этнического развития, которая должна обеспечить выживание и дальнейшее развитие этноса в изменившихся реалиях современного глобального мира.

Следует отметить, что в постсоветский период в условиях системного кризиса общества коренным образом изменились основные параметры жизнедеятельности этноса. Политика «шоковой капитализации», фронтального, одномоментного перехода к рынку привела к развалу советской экономики и падению уровня жизни подавляющей части населения страны. Наиболее тяжелым этапом были 1990-е гг., когда повсеместно закрывались промышленные предприятия, ликвидировались колхозы и совхозы в деревне.

В Бурятии из 238 промышленных предприятий, существовавших накануне распада СССР, лишь единицы остались «на плаву» [Халбаева-Боронова, 2005, с. 88]. В результате фактически был парализован индустриально-аграрный комплекс республики, на создание которого ушло не одно десятилетие советской истории. В 2000-е гг., несмотря на экономическую стабилизацию и некоторый рост производства, ситуация в целом мало изменилась. Преодолеть затянувшуюся экономическую стагнацию в постсоветской России, к сожалению, пока не удалось.

Переход к рынку, сопровождавшийся резким падением уровня жизни большинства населения, привел к ухудшению демографической ситуации в регионе. Доминирующей тенденцией в демографических процессах в Бурятии в 1990-2000-х гг. стала убыль населения. Согласно данным переписей населения 1989 г. и 2010 г., численность населения сократилась на 66231 чел., или 6,4 % [Подсчитано по данным: Население РБ в зеркале статистики, 2015, л. 11].

Основными причинами сокращения численности населения стали падение рождаемости, увеличение смертности, миграционный отток за пределы региона. С 1993 г.

в Бурятии не обеспечивалось простое воспроизводство населения, что свидетельствовало о начавшемся процессе депопуляции населения. Однако с начала 2000-х гг. во многом благодаря реализации государственной программы стимулирования рождаемости в республике наметилась отчетливая тенденция подъема рождаемости. Увеличение естественного прироста при одновременном сокращении миграции способствовало стабилизации демографической ситуации в Бурятии в 2010-х гг. Сокращение численности населения сменялось его ростом. Так, в 2013-2014 гг. население Бурятии увеличилось на 2070 человек [Ханхараев, 2016, с. 79].

Следует отметить, что неблагоприятные демографические тенденции постсоветского периода в меньшей степени затронули бурятский этнос. В отличие от русского населения, несмотря на снижение темпов естественного прироста, численность бурят в республике не сокращалась, а продолжала расти. Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала увеличение численности бурят в республике по сравнению с данными последней советской переписи 1989 г. на 37314 чел., или на 14,9 % [Подсчитано по данным: Население РБ в зеркале статистики, 215, л.17]. Соответственно удельный вес титульной нации возрос с 24 % до 29,5 %. Во многом это было обеспечено за счет более высокой рождаемости у бурят, особенно в сельской местности, и возросшей миграции в республику этнических бурят из соседних регионов, прежде всего, из Иркутской области и Забайкальского края.

Важнейшей чертой социально-демографического развития бурятского народа в начале XXI в. становится численный рост городских жителей в общем составе этноса. Во многом этот процесс был обусловлен кризисом аграрного производства после распада колхозно-совхозной системы, что повлекло за собою отток населения из деревни в город. Об этом наглядно свидетельствуют данные переписей населения 1989 г., 2002 г., 2010 г. Так, если в 1989 г. доля горожан в составе бурят составляла 45 %, в 2002 г. – 48,5 %, то в 2010 г. она достигла 51,3 % [Буряты в зеркале статистики, 1996, с. 102; Ханхараев, 216, с. 87]. Это свидетельствует о том, что, развиваясь по модели «догоняющей модернизации», бурятский этнос впервые в своей истории стал городской нацией.

Литература

- Буряты в зеркале статистики. Улан-Удэ: Госкомстат Республики Бурятия, 1996.
Население Республики Бурятия в зеркале статистики. Статистический сборник. Улан-Удэ: Бурятстат, 2015.
Халбаева-Боронова М. М. Бурятия: проблемы комплексного развития региона (Исторический опыт исследования) 1960-1990 гг. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2005. 191 с.
Ханхараев В. С. Этнодемографические процессы в Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2016. 15 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В ОЦЕНКЕ НАСЕЛЕНИЯ¹

В статье представлены результаты исследований социальных проблем устойчивого развития приграничных территорий России. Объект исследований представлен приграничными территориями макро-, мезо-, микроуровня приграничья – приграничными муниципальными территориями Республики Бурятия. При обосновании социально-экономических проблем развития территорий использованы результаты социологического опроса населения региона, индикаторы социального самочувствия населения и их ожиданий. Выделены зоны социальных рисков. Обоснованы основные направления решения социальных проблем развития приграничных территорий.

Ключевые слова: устойчивое развитие; приграничная территория; социальное самочувствие; социальные риски.

Dagbaeva Sembali Dorzho-Nimaevna, Khandazapova Lyubov Mihailovna, Lubsanova Natalia Borisovna

Baikal Institute of Nature Management

of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

Ulan-Ude, Russian Federation

THE SOCIAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF BORDER TERRITORIES OF RUSSIA IN THE VIEWS OF THE PEOPLE

The article presents the results of studies of social problems of sustainable development of the Russian border territories. The object of research is represented by the border territories of the macro-, meso-, microlevel of the borderland – the border municipal territories of the Republic Buryatia. The results of a sociological survey of the region's population, indicators of the social well-being of the population and their expectations were used in substantiating the socio-economic problems of territorial development. The areas of social risks are identified. The main directions of the solution of social problems of development of frontier territories are substantiated.

Keywords: sustainable development, border territory, social well-being, social risks.

В условиях глобализации усиливается роль социальных факторов устойчивого развития приграничных территорий. При этом особую значимость приобретают качественные характеристики социального потенциала любой территории [Богомолова, 2014]. Следует отметить, что развитие социальной сферы в разные периоды экономического развития России всегда сопровождалось формированием социальной политики государства, направленной на решение определенных задач. В настоящее время создание благоприятных социальных условий, развитие социальной сферы осознается как ключевой вопрос национальной безопасности. Соответственно, современная социальная политика направлена на выявление причин и социальных последствий экономических реформ, стабилизацию и повышение качества жизни населения.

Данное исследование посвящено изучению социальных проблем устойчивого развития приграничных территорий. На основе социологического анкетного опроса авторами выявлены проблемы социально-экономического развития через призму социального самочувствия населения и их ожиданий. Социологический опрос был проведен на территории Республики Бурятия при поддержке гранта РФФИ «Исследование факторов и ограничений социально-экономического развития приграничных регионов востока России в условиях глобальных вызовов» (№ 16-02-00434). В выборку вошли пять приграничных и шесть неприграничных муниципальных образований.

Социальное самочувствие и настроение объективно выступают показателем степени удовлетворенности граждан, проводимых государством социально-эконо-

мических преобразований, социальной устойчивости. Детерминантами социального самочувствия выступают социальная и экономическая практика, уровень доходов граждан, степень востребованности их жизненного потенциала, реальные политические, духовные процессы в обществе и другие показатели, входящие в систему субъективных оценок качества жизни. Особое внимание в анкете уделено оценке влияния пограничной зоны на повседневную практику, в том числе проблемам, связанным с реализацией пограничного режима хозяйственной и промышленной деятельности.

В 2013 г. к проблемам развития сельских территорий большинство респондентов отнесли: безработицу (75,7 %), низкий уровень доходов (67,5 %), распространение алкоголизма (41,8 %), плохое благоустройство (32,5 %), низкое качество медицинского обслуживания (30,4 %), организацию досуга (20,7 %), проблемы с землепользованием, в том числе с пастбищами (14,0 %), загрязненность окружающей среды (20,1 %) [Хандажапова, 2016]. Данный вопрос был полузакрытым, поливариантным, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа или предложить свой. В 2017 г. респонденты определили те же проблемы: безработицу (67,7 %), низкий уровень доходов (52,0 %), распространение алкоголизма (40,6 %), плохое благоустройство (40,6 %), низкое качество медицинского обслуживания (32,3 %), организация досуга (25,0 %), проблемы с землепользованием, в том числе с пастбищами (17,7 %), загрязненность окружающей среды (17,7 %).

Острой является проблема безработицы: в 37,5 % семьях респондентов есть безработные. В качестве причин безработицы были отмечены следующие: нет рабо-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН проект № 0339-2016-0002.

ты – 27,8 %; в связи с сокращением штатов – 19,4 %; смены руководства и собственника – 13,9 % и др.

Проблемы, связанные с низким уровнем жизни, социально-экономической напряженностью, сопровождаются оттоком экономически активного населения в более крупные населенные пункты. Анализ результатов, полученных при обработке вопроса «Собираетесь ли Вы уехать из Вашего населенного пункта?» в 2013 г., показал, что каждый четвертый житель Бурятии собирается уехать или думает об этом. При этом 39,4 % респондентов, желающих уехать, в качестве причины отъезда называют поиск работы. В 2013 г. в приграничных районах ситуация складывается следующим образом: 30 % окинцев; 18,8 % закаменцев и 35 % тункинцев задумывались о перемене места жительства. Через четыре года желающих выехать из Тунки уменьшилось до 26,7 %.

Исследование показывает, что 41,6 % из числа опрошенных, проживающих в приграничных районах, считают, что имеются неудобства, связанные с влиянием пограничной зоны; 48,9 % неудобств не испытывают; 9,5 % затруднились с ответом. Среди неудобств, вызванных влиянием приграничной зоны, отмечаются «неудобства, связанные с необходимостью получения разрешения на производство определенных видов работ» – 90,0 %; «неудобства, связанные с необходимостью постоянного ношения с собой документов» – 77,5 %; «неудобства, связанные с необходимостью оформления соответствующих документов для въезжающих в пограничную зону» – 20,0 %. Вопрос в анкете формулировался как полузакрытый, поливариантный.

Структура населения по самооценкам материального положения в целом по республике Бурятия представлена следующими группами: «социальное дно» («денег не хватает даже на еду») – 2,0 %; «бедные» («хватает только на еду») – 23,9 %; «условно бедные» («хватает на еду и можно купить кое-что из необходимых вещей») – 43,7 %; «средний слой» («денег хватает, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения») – 16,7 %; «богатые» (ни в чем себе не отказываем) – 11,5 %. Необходимо отметить, что 32,3 % респондентов считают, что в ближайшие пять лет их материальное положение улучшится; 38,5 % – не изменится; 29,2 % – ухудшится.

Ответы на вопрос «Что вы предпринимаете, чтобы улучшить материальное положение вашей семьи?» по-

казывают, что 37,5 % респондентов ничего не предпринимают. Анализ повседневных практик 62,5 % опрошенных, связанных со стремлением улучшить материальное положение семьи, позволяет определить наиболее популярные из них: держим больше скота; калым, подработка; работаем в нескольких местах; работаем на пенсии; продаем продукцию заготовителям; продаем продукцию на рынке, частным лицам; занимаемся мелким бизнесом, держим огород.

Результаты исследования показали значимость социальных связей, социальных сетей поддержки как важного параметра социального капитала человека в решении различных проблем. Базисом сетей поддержки являются так называемые неформальные отношения, основанные на родстве, дружеской или приятельской близости, этнической солидарности. Сеть поддержки представляет собой некий фундамент повседневной жизни, компенсирующий недостатки формальных социальных институтов [Дагбаева, 2012]. На вопрос «Среди окружающих Вас людей встречается ли готовность помогать друг другу? И если да, то часто или редко?» ответы респондентов свидетельствуют о значимости социальных сетей поддержки. За последний год респонденты сами демонстрировали практику взаимовыручки и помощи, популярными видами которых являются следующие: помогать советом, морально, психологически, в домашних делах, деньгами, вещами, при организации семейных ритуалов (похорон и т.д.).

Важнейшей резюмирующей оценкой успешности современного жителя следует считать показатель удовлетворенности жизнью, аккумулирующей в себе такие аспекты, как доходы, карьера, семейное благополучие, здоровье, признание окружающих и т.п. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» показало: скорее или полностью удовлетворены своей жизнью 76,5 %, совсем не удовлетворены 3,4 %, скорее не удовлетворены 11,6 %, затруднились в определении 8,5 % [Дагбаева, 2015].

Проблемы социально-экономического развития Республики Бурятия, выявленные в ходе исследования, являются характерными и для остальных приграничных регионов России. В целях обеспечения национальной безопасности страны особое внимание должно уделяться решению социальной безопасности регионов, в том числе приграничных.

Литература

- Богомолова Т. Ю., Калугина З. И., Соболева С. В., Чудаева О. В. Заключение. О векторах социальной и демографической политики // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. С. 330–344. (Интеграционные проекты; № 47).
- Дагбаева С. Д.-Н. Социальные сети поддержки в адаптационных стратегиях населения Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Философия, социология, политология, культурология. 2012. Вып. 14. С. 65–68.
- Дагбаева С. Д.-Н., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б. Социальное измерение экономической политики // Научное обозрение. 2016. № 5. С. 83–87.
- Хандажапова Л. М., Дагбаева С. Д.-Н., Лубсанова Н. Б. Проблемы социально-экономического развития приграничных территорий России в региональных исследованиях // Научное обозрение. 2015. № 24. С. 355–361.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

Дана оценка регулирующего воздействия государства на социальную безопасность региона на основе анализа государственных программ, статистического метода, массового опроса населения. Отмечены причины снижения уровня депопуляции, обусловленные реализацией в регионе социально-экономических программ. Установлен рост трудовой и образовательной мобильности населения. Выявлены угрозы социально-экономического неравенства, возникающие вследствие системного характера упущений в управлении регионом. Представлены высокие показатели поляризации населения, коэффициенты дифференциации фондов и Джини, уровня бедности. Определены группы населения, наиболее подверженные рискам, дана самооценка угроз в социуме.

Ключевые слова: регион; социальная безопасность; регулирование; государственные программы; депопуляция; миграция; социально-экономическое неравенство.

Danilova Zinaida Andreevna

Baikal Institute of Nature Management of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

SOCIAL SECURITY OF THE REGION

The author estimates the regulatory impact of the state on the social security of the region using state programs, the statistical method, and population survey. The reasons for the decrease in the level of depopulation due to the implementation of social and economic programs in the region are revealed. The growth of labor and educational mobility is distinguished. The threats of socio-economic disparity arising from the systemic character of omissions in the management of the region are identified. High rates of polarization of the population, coefficients of differentiation of funds and Gini, poverty level are noted. The most vulnerable groups of people are identified; self-assessment of threats in society is given.

Keywords: region; social security; regulation; state programs; depopulation; migration; social and economic inequality.

Понятие «безопасность» является сложной категорией и подразумевает отсутствие опасности либо способность противодействовать возникающим угрозам. В широком смысле слова социальную безопасность рассматривают как национальную безопасность, включающую разные виды безопасности. В нашем исследовании социальная безопасность (СБ) рассматривается в узком понятии – как одно из направлений национальной безопасности и характеризует устойчивое состояние социальной сферы, ее защищенность от угроз нарушения жизненно важных интересов, прав и свобод личности, социальной группы, общности. Основными рисками безопасной жизнедеятельности социума являются низкий уровень продолжительности жизни, высокая поляризация по уровню доходов, незагрузка и иммиграция наиболее конкурентоспособной части населения. Основу безопасности создают гарантии государства, превентивные, упреждающие меры по снижению рисков.

За последние годы в Республике Бурятия (РБ) отмечен некоторый рост населения, обусловленный снижением его естественной убыли, увеличением рождаемости. Снижение риска депопуляции (таблица 1) произошло вследствие реализации социально-экономических программ по поддержке семей, имеющих детей. Доказательством эффекта введения материнского (семейного) капитала (МСК) служат положительные значения естественного прироста населения, увеличение численности семей с двумя и тремя детьми. С 2007–2014 гг. сертификаты на материнский капитал получила 61 тыс. семей, основная часть которых была направлена на улучшение жилищных условий [Про материнский капитал]. Это первый подъем численности населения в регионе, как и в стране в целом, начиная с 1990-х гг. Наряду с позитивными моментами в регионе сохраняется высокий уровень смертности и эмиграции населения трудоспособного возраста. Индекс человеческого развития (интегральный показатель) остается довольно высоким вследствие значительного образовательного потенциала в регионе. Представленные показатели в регионе несколько выше, чем в РФ, за исключением продолжительности жизни, уровня занятости населения.

Выявлены значительный отток трудоспособного населения из региона (от 3 тыс. и более чел. в год), слабая реализация государственных программ по управлению миграционными процессами, за исключением программы по оказанию содействию добровольному переселению в РФ соотечественников. По этой программе с 2013 по 2015 гг. в регион прибыло около тысячи соотечественников, в основном граждан Украины, отчасти Киргизии, шэнээнских бурят из Внутренней Монголии Китая. Реализация республиканской программы возвратной миграции молодежи (программы РБ «Возвратная миграция молодежи» 2008–2010 гг., «Молодежь Бурятии» с 2008–2010 гг.), являлась не эффективной вследствие низкого уровня трудоустройства молодых специалистов, отсутствия вакансий на соответствующие специальности. Векторы межрегиональной миграции, в том числе образовательной миграции молодежи, в основном направлены в Сибирский (1 место), Центральный (2) и Северо-западный федеральные округа (3). Отмечается отрицательный миграционный прирост в трудовой и образовательной мобильности населения региона с федеральными округами, за исключением Приволжского и Северо-Кавказского. Установлено, что в регионе не используются резервы внутренней трудовой миграции. Трудовая мобильность в поисках работы сопряжена преимущественно с «ловушками бедности», отсутствием возможности трудоустройства на новом месте.

Дана оценка регулирующего воздействия государства на снижение социально-экономического неравенства в регионе. Выявленные риски поляризации населения обусловлены низким уровнем и качеством жизни многих групп и слоев населения, особенностями развития региона, факторами экологических ограничений при осуществлении жизнедеятельности на природоохранной территории озера Байкал и др. Несмотря на реализацию ряда социально-экономических программ, в частности по поддержке семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, социально ущемленных категорий населения (пожилых людей, инвалидов, детей сирот и др.), в регионе отмечаются высокие показатели поляризации насе-

ния, коэффициенты дифференциации фондов и Джини, уровня бедности (таблица 2). В Бурятии сформировался слой устойчивой бедности, стали доминировать угрозы социально-экономического неравенства, возникающие вследствие системного характера упущений в управлении регионом (сокращения расходной части бюджета на социальные программы, производственной базы предприятий, поля развития частной инициативы, увеличения налоговых отчислений и др.).

Обозначены группы населения, наиболее подверженные современным угрозам. Наиболее уязвимыми группами в обществе, у которых ограничены ресурсы для выживания, являются люди пред- и пенсионного возраста (за исключением работников государственного аппарата, правоохранительных структур, в том числе силовых и судебных, получающих значительные надбавки к пенсиям), работающие преимущественно в промышленном секторе, убыточной сельскохозяйственной отрасли, бюджетных отраслях экономики; малоимущие семьи с двумя, тремя детьми, не имеющие соответствующего образования для конкуренции на рынке труда; молодые специалисты, не имеющие опыта работы и др. Как и в стране в целом, в регионе отмечается феномен бедности основной части бюджетных работников. Несмотря на то, что у социума региона имеется достаточный запас прочности для преодоления социальной турбулентности, в современных реалиях угрожающий характер стали приобретать опас-

ности, исходящие от общества, на которые индивид не может активно влиять.

При проведении нами социологического обследования «Социальная безопасность населения региона» составлен рейтинг угроз, проведено их ранжирование по пятибалльной шкале, где 1 балл – не представляет угрозы, 5 баллов – наивысшая степень угрозы. К высшему уровню угроз большинство респондентов относят инфляцию, рост цен, упадок промышленного и сельскохозяйственного производства, недостаточный размер социальных пособий, пенсий, высокие тарифы на услуги ЖКХ и др. Срединные позиции в рейтинге занимают оценки сокращения численности населения, эмиграция, отток специалистов из региона. В то же время более 1/3 респондентов отнесли их к наивысшей степени современных угроз.

Несмотря на то, что за последнее десятилетие произошли отдельные позитивные перемены, в стратегии социально-экономического развития региона недостаточно представлены механизмы снижения рисков социальной безопасности. Вследствие неэффективного государственного воздействия на уровень социальной безопасности отмечен неоправданно высокий уровень поляризации в обществе, устойчивой бедности, оттока трудоспособного населения, особенно молодых специалистов, из региона. Выявлено слабое регулирование миграционных процессов, использование резервов внутренней мобильности населения.

Таблица 1

Индикаторы социально-демографической безопасности Республики Бурятия

индикаторы	предельно-критическое значение	2000	2006	2010	2016	РФ 2016
продолжительность жизни населения, лет	75 лет	62,7	62,4	65,3	69,6	71,9
суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте), чел.	2,15	1,5	1,6	2,0	2,2	1,7
коэффициент рождаемости, на 1000 чел., промилле	не менее 10	11,6	14,7	17,0	16,4	12,9
коэффициент смертности, на 1000 чел., промилле	не более 10	13,1	14,5	12,7	11,2	12,9
естественный прирост населения на 1000 чел.	не менее 0	-1,5	0,3	4,3	5,2	-0,40
младенческая смертность, число умерших детей до года, на 1000 чел.	не более 5	17,8	12,5	7,2	6,6	7,6
уровень общей безработицы, %	не более 5	19,1	13,4	10,4	9,6	5,6
индекс человеческого развития	1,00 – наивысшее развитие	0,714	0,744	0,796	0,828 (2015)	0,798

Сост. по: Население..., 2015; Бурятия в цифрах, 2014; Миграция..., 2015; Статистический сборник, 2017.

Таблица 2

Основные показатели дифференциации доходов населения РФ и РБ

наименование показателя	2000		2005		2010		2014	
	РФ	РБ	РФ	РБ	РФ	РБ	РФ	РБ
соотношение денежных доходов и величины прожиточного минимума (%)	74,5	112,8	268,8	182,3	332,0	258,0	344,8	276,8
уровень бедности (%)	29,0	42,0	18,4	33,9	12,5	19,2	11,2	17,3
коэффициент фондов	13,9	14,1	15,2	13,9	16,6	15,2	16,0	15,4
коэффициент Джини	0,395	0,399	0,409	0,396	0,421	0,409	0,416	0,411

Сост. по: Социальное положение..., 2003; Денежные доходы..., 2002, 2013, 2014; Труд и занятость..., 2002, 2013, 2014, 2016.

Литература

- Бурятия в цифрах. 2014: стат. сб. Улан-Удэ, 2014.
 Денежные доходы и расходы населения Республики Бурятия: стат. сб. Улан-Удэ, 2002, 2013, 2014.
 Население Республики Бурятия: стат. сб. Улан-Удэ, 2015. 40 с.
 Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. Улан-Удэ, 2015. 53 с.
 Про материнский капитал // URL: <http://pro-materinskiy-kapital.ru/regionalniy/v-ulan-ude-i-respublike-buryatiya> (дата обращения: 11.01.2016).
 Социальное положение и уровень жизни населения Республики Бурятия: стат. сб. Улан-Удэ, 2003.
 Статистический ежегодник. Улан-Удэ, 2017.
 Труд и занятость в Республике Бурятия: стат. сб. Улан-Удэ, 2002, 2013, 2014, 2016.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ БИОН ПО ПРОБЛЕМАМ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

В статье систематизированы и аннотированы монографии и статьи ученых Бурятии, посвященные особенностям условий жизни сельского населения. Рассмотрены работы, опубликованные в научных сборниках и материалах конференций за 1967–1997 гг.

Ключевые слова: Бурятия; население; колхозник; жилище; хозяйство; село; миграция; доходы.

Mitkinov Munko Klimentovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude Russian Federation

A SHORT BIBLIOGRAPHY OF THE WRITINGS OF BION ON THE PROBLEMS OF RURAL LIFE

The author systematized and annotated monographs and articles by scientists from Buryatia, which are devoted to the living conditions of the rural population. The works published in scientific journals and conference proceedings over the years 1967–1997 are analyzed.

Keywords: Buryatia; population; farmer; housing; farm; village; migration; income.

Начало социологических исследований в институте относится примерно к 60-м гг. XX в. Патриархом бурятской социологии был д. филос. н. Д. Д. Лубсанов. После образования Бурятского филиала в 1966 г. небольшая группа социологов под его руководством обрела статус сектора, и с этого момента начались масштабные работы по конкретно-социологическим исследованиям. В республике это была первая социологическая группа. Целью ее работы было выяснение социальных сдвигов, уровня жизнеобеспечения, особенностей роста высшего и среднего образования, социальных условий жизни и т.д. На основе статистических данных, материалов анкетирования и других методов социологических изысканий ученые Бурятии составляли научно-обоснованные рекомендации, которые давали руководящим структурам возможность проведения гибкой экономической и социальной политики.

На данный момент есть смысл поставить вопрос о создании указателя по проблемам социологических исследований в Бурятии. При работе над статьей нами были проанализированы отчеты, хранящиеся в научном архиве Бурятского научного центра СО РАН, каталоги и картотеки Научной библиотеки БНЦ СО РАН, Национальной библиотеки Республики Бурятия.

Отдельные издания

1. Будаева Ц. Б. Современные социальные проблемы Оки / Ц. Б. Будаева, О. П. Дармахаева / Российская академия наук Сибирское отделение Бурятский научный центр Институт общественных наук; Бурятское региональное отделение по Байкалу при правительстве Республики Бурятия; Администрация Окинского района. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 100 с.

Монография освещает особенности образа и уровня жизни жителей Окинского района, определяет их ценностные ориентации, мнения жителей по актуальным проблемам современности.

Издание состоит из Введения, Заключения, Приложения и трех глав: I. Демографическая ситуация жизни населения; II. Проблемы природопользования в свете общественного мнения; III. Некоторые аспекты культуры.

2. Плишкина А. А. Повышение культурного уровня и улучшение условий быта сельского населения Бурятии (1959-1970); отв. ред. Г. Л. Санжеев / АН СССР, Сиб. отд-

ние Бурят. фил. Ин-т обществ. наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 90 с.

В монографии автором дан анализ особенностей улучшения условий быта и повышения уровня культуры сельского населения Бурятии. При исследовании были использованы статистические материалы по Бурятской АССР, документы партийно-советских органов, министерств и ведомств, материалы периодической печати республики.

Издание состоит из Введения, Заключения и следующих пунктов: Рост численности и изменение состава сельского населения. Развитие экономики и культуры села; Улучшение материального благосостояния сельского населения; Рост уровня образованности и культуры сельского населения; Культурные запросы различных социальных групп сельского населения; О свободном времени сельского населения. Некоторые вопросы улучшения культурно-бытового обслуживания жителей села.

3. Рандалов Ю. Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма; Отв. ред. И. А. Асалханов / АН СССР, Сиб. отд-ние Бурят. фил. Ин-т обществ. наук. – Новосибирск: Наука, 1980. – 286 с.

В монографии обобщены многочисленные статистические, экономические, демографические и другие данные, характеризующие направление и основные черты социальных сдвигов в современном селе автономных республик и областей Сибири.

В качестве типичного регионального объекта рассматривается Бурятская АССР. Автором обработан и введен в научный оборот обширный фактический материал многолетних конкретно-социологических исследований.

Монография состоит из Введения, Заключения и пяти глав: I. Методология изучения социальной структуры современного села национальных районов Сибири; II. Материально-техническая база и экономическая система сельского хозяйства как основа изменения социальной структура села; III. Социально-классовая структура населения национального села Сибири; IV. Изменение социально-культурных и социально-бытовых условий жизни сельского населения; V. Некоторые вопросы производственно-профессиональной мобильности сельского населения национальных автономий Сибири.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4 «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика», № АААА-А17-117021310268-2).

4. Социальное развитие села Бурятской АССР; отв. ред. Ю. Б. Рандалов, Е. А. Голубев / АН СССР, Сиб. отделение Бурят. фил. Ин-т обществ. наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. – 270 с.

Настоящая монография является первым опытом комплексного социологического изучения сельского региона Бурятской АССР в первой половине 1980-х гг. Исследование проведено на основе общей программы и методики изучения социалистической деревни Сибири, разработанной в Сибирском отделении АН СССР под руководством академика Т. И. Заславской.¹

Монография состоит из Предисловия, Заключения и десяти глав: I. Методологические и методические вопросы исследования; II. Развитие общественного производства; III. Развитие личного подсобного хозяйства сельского населения; IV. Демографическое развитие и формирование трудовых ресурсов села; V. Социально-классовая структура сельского населения; VI. Доходы и потребление сельских жителей; VII. Сельское население; VIII. Сфера материального обслуживания; IX. Сфера социально-культурного обслуживания сельского населения; X. Дифференциация сельского населения по типам образа жизни; Предисловие и Заключение написаны Ю. Б. Рандаловым.

5. Рандалов Ю. Б. Малое село Бурятии: школа, интеллектуальное и физическое развитие детей (опыт социологического и социопсихологического изучения) / Ю. Б. Рандалов, Э. О. Доболова, И. А. Маланов, Н. Б. Дондубон. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1993. – 81 с.

Монография состоит из Введения и Заключения и четырех глав: I. Особенности социальной и общественной жизни населения малого села; II. Образование, культурный досуг, воспитание в семье; III. Сельская школа: ее состояние и роль в интеллектуализации и социопсихологическом развитии детей; VI. Проблемы перспектив развития малого села и перестройки школьного образования.

Статьи

1967–1976

6. Беликов В. В. Социально-профессиональный состав работников совхоза «Кижингинский» / В. В. Беликов // Этнографический сборник. – 1974. – Вып. 6. – С. 144–149.

О социальных изменениях в жизни трудоспособного населения бурятского села.

7. Бойко В. И. Социальные перемещения в нанайском селе / В. И. Бойко, В. Г. Костюк // Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 144–151.

Рассмотрена современная структура сельского населения.

8. Плишкина А. А. К вопросу о стирании социальных различий в культуре и быту колхозного крестьянства. Опыт исследования колхоза им. В. И. Ленина Селенгинского аймака Бурятской АССР / А. А. Плишкина // Тр. / БИОН. Вып. 17. – Из опыта конкретно-социологических исследований. Сер. Социология. – 1972. – С. 145–166.

9. Санжеев Г. Л. Об изменении социальной структуры сельского населения Бурятии / Г. Л. Санжеев, Ю. Б. Рандалов // Тр. / БИОН. Вып. 11. – Из опыта конкретно-социологических исследований. Сер. Социология. – 1968. – С. 33–46.

Автором рассмотрены особенности изменений социальной структуры сельского населения Бурятии в период перехода к коммунизму.

10. Ушнаев Ф. М. Рабочее время и уровень жизни колхозников / Ф. М. Ушнаев // Тр. / БИОН. Вып. 11. – Из опыта конкретно-социологических исследований. – 1968. – С. 151–161.

Автор дал анализ занятости колхозников на общественном производстве и в подсобном хозяйстве.

11. Плишкина А. А. О культурной жизни современного села (по материалам Бурятской АССР) / А. А. Плишкина // Этнографический сборник. – 1974. – Вып. 6. – С. 137–143.

Об особенностях культурного обслуживания населения на современном этапе.

1977–1986

12. Будаева Ц. Б. Развитие бытового обслуживания / Ц. Б. Будаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 191–199.

Автором дан анализ качества бытового обслуживания в деревнях.

13. Будаева Ц. Б. Развитие жилищно-коммунального хозяйства и жилищные условия сельских жителей / Ц. Б. Будаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 199–209.

Автором проанализировано качество жилищных условий, распределение жилья и обеспеченность жильем.

14. Дашиева Ц. Ц. Сельское расселение / Ц. Ц. Дашиева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 169–180.

Исследована плотность населения в селах Бурятии.

15. Доболова Э. О. Развитие образования, профессиональной подготовки, повышения производственно-технической квалификации сельского населения / Э. О. Доболова // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 210–229.

Дан анализ состояния образования.

16. Манзанова Г. В. Методика построения выборки сельских поселений / Г. В. Манзанова // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 13–19.

17. Рандалов Ю. Б. Некоторые особенности комплексного системного изучения современного села Бурятии / Ю. Б. Рандалов // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 6–13.

О принципах анализа.

18. Мангатаева Д. Д. Демографическая структура сельского населения / Д. Д. Мангатаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 95.

Дан анализ динамики возрастной структуры. Выделены три группы сельских районов.

19. Мангатаева Д. Д. Динамика сельского населения / Д. Д. Мангатаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 87–90.

Дан анализ причин сокращения сельского населения, отмечены три группы районов: районы с сокращающейся численностью, районы со стабилизирующейся численностью и районы с сохраняющимся приростом.

20. Мангатаева Д. Д. Естественное движение / Д. Д. Мангатаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 90–95.

Дан анализ и таблица коэффициента рождаемости.

21. Мангатаева Д. Д. Семейная структура населения / Д. Д. Мангатаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 100–103.

22. Манзанова Г. В. Миграция населения / Г. В. Манзанова, Д. Д. Мангатаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 103–112.

О причинах миграции, отмечены районы с наибольшим оттоком населения.

23. Манзанова Г. В. Особенности формирования и распределения трудовых ресурсов села / Г. В. Манзанова // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 112–124.

¹ Аннотация взята с текста

О занятости населения в селах Бурятии.

24. Тумурова Л. И. Доходы потребления сельских жителей / Л. И. Тумурова // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 151–169.

Статья состоит из следующих пунктов: рост оплаты труда – основа повышения мобильных доходов сельских семей; уровень и структура мобильных доходов сельских семей; уровень и структура потребления материальных благ.

25. Федорова О. А. Здоровоохранение и состояние здоровья / О. А. Федорова // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 241–251.

Дан анализ системы здравоохранения и здоровья сельского населения Бурятской АССР.

26. Хандуев П. Ж. Программа обработки социально-статистической информации на ЭВМ / П. Ж. Хандуев // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 25–32.

О принципах работы программно-математического аппарата.

27. Хандуев П. Ж. Сельские административные районы Бурятской АССР и уровни их промышленного развития / П. Ж. Хандуев // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 19–25.

Об особенностях уровней экономического и социального развития сельских административных районов.

28. Харитоновна Е. Г. Социально-классовая структура сельского населения / Е. Г. Харитоновна // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 130–149. – Библиогр.: с. 149–150.

Дан анализ социально-классовой, квалификационной структуры сельского населения и причин произошедших изменений.

29. Цыденова А. Л. Дифференциация сельского населения по типам образа жизни // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 169–180.

Анализ дан по пяти показателям: образ жизни и труд в общественном производстве; труд в личном подсобном хозяйстве; бытовая деятельность; учеба; досуг.

30. Цыденова А. Л. Методологические проблемы социально-психологического подхода в исследовании образа жизни сельского населения / А. Л. Цыденова // Диалектика социального отражения и региональные проблемы науки и культуры: тезисы науч.-теор. конф., 23-24 июля 1983. – Улан-Удэ, 1983. – С. 58–50.

Об особенностях социально-психологического изучения образа жизни сельского населения.

31. Цыдыпова Б. Г. Некоторые аспекты формирования кадров инженерно-технических специалистов в сельском хозяйстве / Б. Г. Цыдыпова // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 124–129.

Проведен анализ динамики качественного состава руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства.

1987–1997

32. Бадмаева Л. В. Культурное обслуживание сельского населения / Л. В. Бадмаева // Социальное развитие села Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1986. – С. 229–241.

Дан анализ работы клубных сельских учреждений и досуговой деятельности.

33. Беликов В. В. Современная жизнь села Уоян / В. В. Беликов, Б. С. Старин // Хозяйство, культура и быт эвенков Бурятии. – Улан-Удэ, 1988. – С. 68–76.

34. Будаева С. Б. Развитие сферы услуг в эвенкийских поселениях / С. Б. Будаева // Хозяйство, культура и быт эвенков Бурятии. Улан-Удэ, 1988. – С. 58–67

Статья написана на основе социолого-статистического обследования 1984 г. Статья состоит из пунктов: жилищные условия, бытовое обслуживание, торговое обслуживание населения.

35. Будаева Ц. Б. Тенденции изменения времени домашнего труда городского и сельского населения / Ц. Б. Будаева // Проблемы социалистического образа жизни, потребностей, бюджета времени населения: тез. и материалы советско-монгольского социологического симпозиума. (Советская часть). – Улан-Удэ, 1988. – Вып. 2. – С. 52–54.

Статья написана на основе социологического опроса 80-х гг. (в начале, середине и в конце).

36. Доболова Э. О. Позиции и настрой бурятского сельского населения по социальным условиям и культурному возрождению / Э. О. Доболова // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 1996. – Вып. 3. – С. 62–71. – Библиогр.: с. 72.

Статья написана по результатам социологического опроса жителей Закаменского района Республики Бурятия.

37. Литвинцева Е. А. О роли жилищного фактора в миграционном движении населения по материалам социологического исследования в г. Гусиноозерск / Е. А. Литвинцева // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: Тезисы и материалы научной организации). – Улан-Удэ, 1993. – С. 56–60. – Библиогр.: с. 60.

О взаимосвязи жилищной проблемы с миграцией населения.

38. Манзанова Г. В. Трудовые факторы в образе жизни сельского населения Бурятской АССР / Г. В. Манзанова // Проблемы социалистического образа жизни, потребностей, бюджета времени населения: тез. и материалы советско-монгольского социологического симпозиума. (Советская часть). – Улан-Удэ, 1988. – Вып. 2. – С. 33–34.

Статья написана на основе социологического опроса в Бурятской АССР и Новосибирской области. Дан сравнительный анализ факторов, обуславливающих стимулы к труду, трудовой нагрузки на одного работника.

39. Федорова О. А. Вопросы здравоохранения в системе образа жизни сельского населения / О. А. Федорова, М. Т. Агальцова // Проблемы социалистического образа жизни, потребностей, бюджета времени населения: тез. и материалы советско-монгольского социологического симпозиума. (Советская часть). – Улан-Удэ, 1988. – Вып. 2. – С. 49–51.

О состоянии медицинского обслуживания сельского населения.

40. Цыдыпова Б. Д. Проблемы занятости бурятского населения / Б. Д. Цыдыпова // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 1995. – Вып. 2. – С. 48–51.

Анализ дан занятости на примере сельского населения.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ¹

В статье рассмотрены три вида современных этнических процессов в Бурятии. Этническая ассимиляция и конвергенция носят естественный характер. В XXI в. в результате этнической сепарации появляются сойоты. Предпосылки таких всплесков нуждаются в мониторинге. Этнические процессы активизировались в постсоветское время и носят общемировой характер. Всплеск этничности является частью глобализационных процессов.

Ключевые слова: Бурятия; современные этнические процессы; этническая ассимиляция; этническая конвергенция; этническая сепарация; этничность; глобализация.

Zhambalova Sesegma Gendenovna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

MODERN ETHNIC PROCESSES IN BURYATIA

The article deals with three types of contemporary ethnic processes in Buryatia. Ethnic assimilation and convergence are natural processes. In the 21 century the Soyot people appeared. Prerequisites for ethnic separation need to be monitored. Ethnic processes are intensifying in the post-Soviet time and are of global character. Splash of ethnicity is a part of globalization processes.

Keywords: Buryatia; modern ethnic processes; ethnic assimilation; ethnic convergence; ethnic separation; ethnicity; globalization.

В статье на основе полевых наблюдений и электронных материалов последних лет исследуется актуальная тема – этнические процессы в Республике Бурятия (РБ) в XXI в. Наличие общемировых и общероссийских тенденций, формирующих территориальные течения, не исключает актуальность исследования специфики, сложившейся в регионе в силу исторических, социально-экономических, культурных, межэтнических условий. Основными видами собственно этнических процессов являются процессы этнического объединения и этнического разделения (этническая дивергенция) [Бромлей, 1981, с. 65]. Задача статьи – рассмотреть две взаимосвязанные характерные тенденции этих процессов, интегрирующие и дифференцирующие, выявить детерминирующие их факторы.

В сфере сохранения и развития этнической культуры в РФ есть точки соприкосновения с установками СССР на этническую консолидацию и поддержку национальных меньшинств. В СССР была цель создать новую общность, советский народ и сохранить уникальную культуру национальных меньшинств. В РФ этническая консолидация направлена на создание гражданского общества, на распространение с 1990-х гг. политкорректного политонима россияне как совокупного названия граждан России вне зависимости от этнической принадлежности. Государственная политика РФ направлена на поддержку коренных малочисленных народов Сибири и Крайнего Севера с целью сохранения не только культуры, но прежде всего самого народа и традиционного образа его жизни.

Несмотря на целый ряд социально-экономических проектов, направленных на сохранение народов России, а особенно малых, в Бурятии, как и во всей стране, наблюдается естественная этническая ассимиляция. Получившая начало с первых периодов присоединения Бурятии к России она продолжает развиваться. Она незначительна по объему и является в основном следствием брачных межэтнических контактов, доля которых неизменно растет. Выявлена тенденция увеличения между-

национальных браков в Бурятии в постсоветское время и определенная готовность молодежи к выбору брачного партнера в инонациональной среде [Махарова, 2003]. Буряты и эвенки продолжают понемногу растворяться в русской среде в результате естественной этнической ассимиляции из-за того, что дети межнациональных браков выбирают национальность одного из родителей, как правило, доминирующую. Так, например, в 1970-х гг. в прибалтийских межнациональных семьях союзной республики (лицо коренной национальности и русской) самоопределение детей было равным, одна половина определяла себя русскими, другая лицом коренной национальности. В то же время в Чувашии (автономная республика) 98 % детей определяли себя русскими [Бромлей, 1981, с. 331–332]. У бурят как у небольшого народа с автономией больше практикуется второй вариант. При этнической самоидентификации в смешанных браках русские / эвенки известную роль могут играть социальные льготы, предоставляемые малому народу. В целом, современная этническая ассимиляция, в определенной степени приращивая численность русских, не приводит к сокращению бурят и эвенков. Она не находит отражения в демографическом мониторинге и проходит безболезненно.

Численность бурят с послереволюционного времени неуклонно растет. По переписи 1926 г. в СССР было 237 501 бурят, в 2010 г. в РФ 461 389 бурят. По итогам переписи 2010 г. в РФ проживают 38 396 эвенков, в том числе в РБ 2334 чел., в Якутии 18 232, в Красноярском крае 4632, в Хабаровском крае 4533 чел. Из 11 административных округов, где традиционно проживают эвенки, Бурятия занимает 4 место. В 2010 г. впервые после 1926 г. (37 545 чел.) выявляется положительная динамика численности народа. Наибольший спад зарегистрирован в 1959 г. (24 583 чел.). Прирост численности бурят и эвенков, также как и других народов страны, обусловлен целым рядом социально-экономических причин, многие из которых на государственном уровне целенаправленно регулируют демографические процессы.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

В то же время нельзя отрицать влияние на демографию постсоветской политики этнического возрождения, изменений ценностных ориентиров и т.п.

В Бурятии подспудно развиваются также процессы этнической конвергенции, которая стирает межэтнические различия у близкородственных народов, например, у славян: украинцы и белорусы, проживающие в Бурятии в отрыве от материнского ядра, быстро растворяются в русской среде, как на всем пространстве РФ. Это отголосок давней этнической парциации, **процесса этнического разделения, когда восточные славяне разделились на русских, украинцев, белорусов**. Сохранение этнической идентичности украинцев и белорусов РБ нередко имеет у них формальный уровень, например, во время переписи и т.д. В повседневной жизни окружающие принимают их за русских, нередко их дети уже в первом поколении считают себя русскими. Процесс носит активный характер: в результате миграционной активности в республике поселяются новые представители этих восточнославянских народов. В 2014 г. в Бурятию, по данным УФМС, в «экстренном массовом порядке» прибыло около 1100 граждан Украины, беженцев, многие из них сразу покинули республику [Украинские...]. Оставшиеся на постоянное жительство волей-неволей в целях адаптации включаются в процесс этнической конвергенции.

В 2000-е гг. в РБ состоялся факт этнической сепарации – сойоты официально отделились от бурят и признаны коренным малочисленным народом, проживающим в Окинском р-не РБ. Этот процесс назвали процессом возрождения или регенерации сойотского этноса, обусловленный подъемом престижа национальности сойот и льготами, предоставляемыми статусом малочисленного народа [Павлинская, 2002, с. 67]. Однако, на мой взгляд, это все-таки этническая сепарация. Согласно переписи 2010 г., которая состоялась после указанного события, в России 3608 сойотов, из них в РБ проживает 3579 чел. Данный всплеск этнической сепарации – результат незавершенности этнической ассимиляции XX в., а также постсоветского архаического синдрома этнического возрождения. В конце XIX в. сойоты в результате близких контактов были ассимилированы бурятами: произошла смена языка, хозяйственной деятельности, культурных элементов. Все это привело к тому, что по переписи 1897 г. они не были выделены в отдельный народ и зачислены бурятами, хотя отчасти сохранялась сойотская этническая самоидентификация, традиционные занятия, материальная и духовная культуры [Павлинская, 2002, с. 55]. Ассимиляция закрепились в советское время. Тем не менее, это не помешало группе людей на волне постсоветского сепаратизма в XXI в. с помощью столичных этнологов отделиться от бурят и добиться признания их сойотами, коренным малочисленным народом Восточных Саян. В 2000-е гг. прецедент в некоторой степени мог способствовать активизации процессов этнической сепарации у бурят: были предприняты попытки отделения хонгодоров от бурят и превращения их в отдельный этнос. Они были пресечены и не получили широкой огласки.

В статье принципиально обходится стороной термин этнический сепаратизм, который вряд ли получит серьезное развитие в республике. А рассматриваемая этническая сепарация имеет отношение только к внутриэтническим проблемам бурят РБ. В постсоветское время в республике создаются некоторые предпосылки для ее локальной вспышки. Объединения в землячества, стартовавшие по инициативе ВАРКа в 1990-е гг., по-

степенно приводят к проведению съездов (фестивалей, встреч) отдельных бурятских племен. С 1990-х гг. хонгодоры (30 тыс. чел.) каждые два года проводят встречи в районах Бурятии и Иркутской области с целью сохранения традиций, обычаев, фольклора племени. Одна из таких встреч состоялась в 2008 г. в Окинском районе РБ. Старейшины провели молебен, состоялся парад районов, концерт. Каждый район имел коновязь, было сооружено дерево дружбы, с гор спустились всадники с флагами хонгодоров – нукеры Чингисхана. Знамя хонгодоров было передано Тункинскому району, где прошла следующая встреча [Хонгодоры...]. Село Корсаково Кабанского района – некий плацдарм эхиритов Бурятии, в 2017 г. здесь состоялся фестиваль эхиритов «Великие духи прародины». Считается, что праздник позволяет эхиритам сплотиться, вспомнить общность и идентичность традиций и обычаев. Фестиваль решили проводить каждые два года в районах проживания эхиритов. А пока «для закрепления результата» следующий проведут в 2018 г. в с. Улюн Баргузинского р-на [В Бурятии прошел...].

Баргузинские буряты решили отказаться от традиционного костюма, близкого к хори-бурятскому, и шить эхиритские. При этом активисты движения не соглашались с фактом исторической обусловленности традиционного костюма, который бытовал у них до 2017 г. Хамбо-лама Д. Аюшеев с 2014 г. активно продвигает идею создания диалектных словарей бурятского языка. Теперь она получила поддержку на уровне главы республики [Хамбо лама...]. Список подобных событий может быть продолжен.

Эти процессы не преследуют цель отделения от РФ или от народа (бурят). Однако искусственное разогревание темы обращает на себя внимание. Есть мнение, что в Бурятии используют СМИ, а также общественные организации как трибуну, чтобы сеять национальную рознь. В то время как небольшая группа сепаратистски настроенной интеллигенции, имея рупоры в СМИ и рядясь в тоги «народных трибунов», может заразить население экстремистскими взглядами [Сепаратизм...]. Л. Р. Бартунаев призывает преодолеть трайбализм усилиями всего общества. Он выявляет его истоки в географии этнической территории бурят (Байкал), а также в истории народа: «Предбайкалье было восточным пределом затухающей, протранственно слабеющей волны российского Запада. А Забайкалье являло собой провинциальный буддийский Восток. И это не могло не сказаться на облике и судьбе народов, населявших эти два региона» [Бартунаев]. Дело усугубляется тем, что два региона делятся на еще более мелкие, а «процесс формирования единой нации застрял на этапе родоплеменного объединения» [Бартунаев].

Подобные процессы на том или ином уровне проходят во всем мире и представляют собой определенный риск. А. С. Голубева подчеркивает, что всплеск этничности, «этническое возрождение» является аспектом процесса глобализации. Однако при радикализации этнической и этноконфессиональной идентичности в политической практике существует опасность: акторы глобальной политики могут использовать их, в результате чего этнические противостояния могут оказаться в общем контексте «столкновения цивилизаций» [Голубева].

Из рассмотренных в статье трех видов этнических процессов, этническая ассимиляция и этническая конвергенция имеют характер этнического объединения естественного характера и проходят подспудно, незаметно для общества. Этническая сепарация, направ-

ленная на этническое разделение, имеет более яркое проявление. Появление в XXI в. на исторической арене сойотов как малочисленного коренного народа Сибири и Крайнего Севера не является, по моему мнению, фактом возрождения, это пример этнической сепарации, обусловленный историческими условиями и социально-экономическими проблемами. Выявленные предпо-

сылки для локальной вспышки этнической сепарации и этнического сепаратизма нуждаются в постоянном мониторинге. Все рассмотренные процессы активизировались в постсоветское время и носят общемировой и общероссийский характер. Всплеск этничности является частью глобализационных процессов.

Литература

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.

В Бурятии прошел первый фестиваль эхиритских родов. Фото // URL: <https://www.infpol.ru/news/asia/129676-v-buryatii-proshel-i-festival-ekhiritskikh-rodov-foto/> (дата обращения: 08.03.2018).

Голубева А. С. Влияние глобализации на этнические процессы в современном мире // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. С. 46–49 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalizatsii-na-etnicheskie-protsessy-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 01.03.2018).

Капканы этнонационализма // URL: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-170669/> (дата обращения: 09.03.2018).

Махарова Г. С. Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 123 с. // URL: <http://www.dslib.net/etnografia/nacionalno-smeshannye-braki-v-respublike-burjatija-na-sovremennom-jetape.html#653384> (дата обращения: 07.03.2018).

Павлинская Л. Р. «Кочевники голубых гор» (Судьба традиционной культуры Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2002. 263 с.

Сепаратизм нацрегионов России, или может ли Россия остаться без Байкала // URL: <https://lina-seregina.livejournal.com/344923.html> (дата обращения: 09.03.2018).

Украинские беженцы: «Мы надеемся только на себя» // URL: <https://azart-ude.livejournal.com/1109044.html> (дата обращения: 07.03.2018).

Хамбо-лама Дамба Аюшеев: «Я был разведчиком и охотником» // URL: <https://www.infpol.ru/news/asia/132093-khambolama-damba-ayusheev-ya-byl-razvedchikom-i-okhotnikom/> (дата обращения: 09.03.2018).

Хонгодоры на окинской земле // URL: <https://www.infpol.ru/news/society/83752-khongodory-na-okinskoy-zemle/> (дата обращения: 08.03.2018).

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ В 2000-Х ГГ.¹

На основе анализа статистических данных о социально-демографическом развитии народов Республики Бурятия рассмотрены особенности этносоциальной ситуации в регионе в начале нового тысячелетия.

Ключевые слова: этносоциальные процессы; этнодемографическая ситуация; миграция.

Zhalsanova Valentina Gurozhapovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

ETHNOSOCIAL PROCESSES BURYATIA IN THE 2000S

The author analyzes statistical data on the socio-demographic development of the peoples of the Republic of Buryatia and reveals the features of the ethno-social situation in the region at the beginning of the new millennium.

Keywords: ethnosocial processes; ethno-demographic situation; migration.

Этносоциальные процессы являются важным механизмом, определяющим состояние общественного механизма на всех уровнях. Глобализация, основными отличительными признаками которой являются усиливающиеся процессы интеграции и унификации социокультурных характеристик стран и народов, не привела, тем не менее, к абсолютному искоренению особенностей этнического развития и устранению конфликтов. В прошлом веке произошли значительные по своим масштабам и последствиям социальные преобразования, оказавшие огромное влияние на ход и характеристики этносоциальных процессов. Основными факторами данных изменений стали процессы экономической модернизации мировой и региональных экономик, а также глобальные по своим последствиям политические трансформации, выразившиеся в расцвете идеи национальных государств и ее реализации в разных точках всего земного шара. Новая мировая экономика активно вовлекла в свою орбиту региональные экономические системы, значительно трансформировав механизмы хозяйственной деятельности разных народов, способствовала развитию новых социально-профессиональных структур. «Современный мир предъявил этническим структурам, с одной стороны, новый вектор развития, выражающийся, прежде всего, в *«открытии границ»* и *«выход в мировое сообщество»* в экономическом, политическом и культурном контекстах, с другой стороны, усугубил проблемы этнического неравенства на фоне нарастания миграционных процессов и обострения межэтнических конфликтов» [Базаров, 2015, с. 40].

Республика Бурятия является полиэтническим регионом. Наиболее многочисленными этносами являются русские и буряты – 64,9 % и 29,5 % соответственно. Остальные 5,6 % населения составляют представители других этнических групп, из них наиболее многочисленными являются татары (0,7 %), украинцы (0,6 %), сойоты (0,4 %), эвенки (0,3 %). Подвижность этнодемографических процессов оказала свое влияние на внутреннюю динамику народов, населяющих Бурятию. Так, в периоды между переписями населения наблюдается убыль русского населения и рост численности бурят, а также появились сойоты. Данная подвижность была обусловлена естественной убылью населения, миграционными процессами и тем, что в 2010 г. «повысились возможности статистической фиксации идентичности» [Дробищева, 2016, с. 34]. Количество русских в

республике характеризуется следующими показателями – 69,0 % в 1989 г., 67,8 % в 2002 г. и 66,1 % в 2010 г. Основными причинами сокращения численности русских стали естественная убыль на фоне низкой рождаемости и миграционный отток. «Бурятское население, наоборот, увеличилось с 24,0 % в 1989 г. до 27,8 % в 2002 г. и 30,0 % в 2010 г. Увеличение количества бурят обусловлено миграционным притоком, в основном из Усть-Ордынского округа (ныне в составе Иркутской области) и Агинского округа (ныне в составе Забайкальского края), а также естественным приростом. Также в межпереписные периоды наблюдается сокращение численности украинцев. В 2010 г. появились сойоты, которые ранее записывались как буряты. Сойоты компактно проживают в Окинском районе Республики Бурятия» [Жалсанова, 2017, с. 11].

Сложившаяся этническая конфигурация в Бурятии способствует тому, что основной фон этносоциальных процессов и межэтнических отношений в регионе обусловлен особенностями взаимодействия русских и бурят. Дополнительным фоном является социальное положение народов, отнесенных к коренным и малочисленным народам, а именно эвенков и сойотов.

В современном мире существенно интенсифицировались миграционные процессы как на международном уровне, так и внутри отдельных стран. Республика Бурятия также активно вовлечена в миграционные процессы. Наиболее массовой стала внутренняя или сельско-городская миграция, когда большое количество сельских жителей переезжает в город, в первую очередь в столицу региона – Улан-Удэ. Основная причина миграции сельчан связана с разрушением сельскохозяйственного производства и соответственно с ухудшением социального положения, ростом бедности, когда на фоне нарастающей экономической, социальной и социокультурной депривации сельского населения произошло значительное ухудшение условий и качества жизни. Влияние данного миграционного вектора сказывается на этнической структуре населения Улан-Удэ. Так, в период между переписями 2002 и 2010 гг. увеличилась численность бурятского населения Улан-Удэ со 115585 тыс. чел. до 128968 чел. и произошло снижение численности русского населения – со 255549 тыс. чел. до 251071 чел.

В современной России и Бурятии наблюдается утрата ценностей советской эпохи, и до сих пор не

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

сформированы ценности нового порядка. Утверждение этнонациональных идей во многом играет компенсационную роль в условиях идейного вакуума. Опасность перерастания их в дисфункциональную плоскость во многом может быть связана с интенсификацией миграционных процессов в современном мире, которые в свою очередь тесно связаны с проблемами политического, экономического и социокультурного характера и оказывают значительное влияние на этносоциальные процессы, особенно в разрезе социального неравенства

народов. Республика Бурятия, несмотря на сохранение доброжелательных межэтнических отношений, будучи участником миграционных процессов разного типа, также находится в зоне пусть не значительной, но все-таки опасности дисбаланса в решении национального вопроса. В этих условиях необходимо развитие государственного регулирования и общественного контроля с целью выработки максимально эффективного механизма по достижению межэтнического согласия.

Литература

Базаров Б. В. Этносоциальные процессы в современной Бурятии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 40–44.

Дробижина Л. М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. 2016. – № 14. С. 379–394.

Жалсанова В. Г., Бреславский А. С., Бильтрикова А. В. Межнациональные отношения в Республике Бурятия: оценки экспертного сообщества // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. С. 10–16.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье речь идет о современных проблемах социально-экономического развития Республики Бурятия. Рассматриваются как социально-экономические, так и социально-стратификационные процессы, протекающие в республике и в соседних регионах. Приводятся статистические данные, которые выявляют невысокий уровень развития экономики и качества жизни населения, уменьшение численности населения и его старение, миграцию в более благополучные регионы, высокую долговую нагрузку населения перед банками.

Ключевые слова: социально-экономические процессы; миграционный отток; старение населения; закрежденность населения.

Van Irina Dorzhievna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA IN CONDITIONS OF SOCIETY TRANSFORMATION

The article deals with contemporary problems of social and economic development of the Republic of Buryatia. Socio-economic and socio-stratification processes taking place in the republic and in neighboring regions are considered. Statistical data reveal a low level of development of the economy and the quality of life of the population, dwindling population and its ageing, migration to more prosperous regions, and high leverage of the population.

Keywords: socio-economic processes; migration outflow; ageing of the population; household credit.

Социально-экономические процессы отдельных регионов, как и страны в целом, являются актуальными для общества в любое время. Переход к рыночным отношениям породил много серьезных проблем в этой сфере. Недостаток эффективных форм и методов проведения региональной политики привел к резкой дифференциации регионов Российской Федерации по уровню экономического и социального развития. Тем не менее, все социально-экономические процессы, протекающие в целом по стране, характерны и для Бурятии.

Республика Бурятия входит в состав Сибирского федерального округа, но по макроэкономическим показателям отстает от многих регионов округа и относится к группе с достаточно низким уровнем развития. Так, по состоянию на 2015 г. по ВРП (валовой региональный продукт) на душу населения республика занимает 68-е место в рейтинге субъектов федерации, по среднедушевым денежным доходам – 45-е место, по уровню занятости – 79-е место, по уровню безработицы – 75-е место, и 2-е место по числу зарегистрированных преступлений на 10000 чел. населения [Регионы России, 2016, с. 30–33].

Посмотрим теперь некоторые показатели социально-экономических процессов в сравнении с Сибирским и Центральным Федеральными округами, а также соседними субъектами – Забайкальским краем, Иркутской областью.

При сравнении трех соседних субъектов между собой по уровню экономического развития и благосостояния населения выделяется Иркутская область, которая отличается высоким уровнем экономического развития, высокой экономической активностью населения [Петрова, 2017, с. 17]. Так, ВРП Иркутской области (1,5 %) за 2014 г. составил в 2 раза больше совокупного ВРП Республики Бурятия (0,3 %) и Забайкальского края (0,4 %). По многим другим показателям Республика Бурятия и Забайкальский край также серьезно отстают в развитии от Иркутской области (таблица 1).

Как известно, экономическое развитие региона напрямую влияет на численность населения так же, как

и численность населения влияет на экономику. Численность населения складывается из таких составляющих, как рождаемость, смертность и миграция. В Бурятии численность населения снижалась с конца 80-х гг. до начала 2000-х гг., тем не менее ситуация все же лучше, чем в соседних регионах. В промежутке 2005–2015 гг. среднегодовая численность населения в Забайкальском крае и Иркутской области, как и в целом по СФО, сократилась (таблица 2).

Сокращение численности населения объясняется, прежде всего, такими факторами, как миграционный отток в более благополучные регионы, высокая смертность и низкая рождаемость населения. Причем из Забайкальского края и Бурятии едут не только в ЦФО, но и в более благополучную Иркутскую область, в то время как из Иркутской области преимущественно мигрируют в ЦФО.

В Республике Бурятия отмечается стабильная миграция сельского населения в городскую местность, в результате чего происходит урбанизация населения. Такая же тенденция характерна и для Забайкальского края. В Иркутской области, наоборот, наблюдается небольшой рост удельного веса сельского населения в общем составе населения региона (таблица 3).

Сокращение численности населения объясняется, прежде всего, такими факторами, как миграционный отток в более благополучные регионы, высокая смертность и низкая рождаемость населения. Причем из Забайкальского края и Бурятии едут не только в ЦФО, но и в более благополучную Иркутскую область, в то время как из Иркутской области преимущественно мигрируют в ЦФО.

В Республике Бурятия отмечается стабильная миграция сельского населения в городскую местность, в результате чего происходит урбанизация населения. Такая же тенденция характерна и для Забайкальского края. В Иркутской области, наоборот, наблюдается небольшой рост удельного веса сельского населения в общем составе населения региона (таблица 3).

Для Бурятии, так же как и для соседних регионов, является характерным масштабный отток населения. Уезжает, как правило, из региона наиболее перспектив-

ная часть населения – молодые высококвалифицированные кадры, специалисты с достаточно высоким уровнем образования. Следствием этого является старение населения, в результате чего увеличивается численность пенсионеров и уменьшается число трудоспособного населения (таблица 4). В общей численности населения республики доля пенсионеров составляет практически четверть (266,4 на каждую тысячу чел.). Средний размер назначенных пенсий в Бурятии в 2016 г. составил 16604 рубля (58-е место в рейтинге регионов), что значительно ниже величины средних потребительских расходов [Регионы России, 2017, с. 260–262, 258–260, 282–283].

Переход к рыночным отношениям породил резкую дифференциацию населения по доходам, исключением

не является и Бурятия. В республике с каждым годом увеличивается численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, растет число «работающих бедных» (та категория населения, которая работает, но получает за свой труд слишком мало, чтобы обеспечить даже элементарные жизненные потребности). По статистическим данным Росстата, численность населения Республики Бурятия с денежными доходами ниже прожиточного минимума выросла с 15,9 % в 2013 г. до 18,3% в 2016 г. Также уменьшились доходы населения в процентном соотношении к предыдущему году как в СФО, так и в целом по стране [Регионы России, 2017, с. 242–244, 280–282].

Таблица 1

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности (млн руб.)

	Республика Бурятия	Забайкальский край	Иркутская область
добыча полезных ископаемых	19 543	60 272	346 028
обрабатывающие производства	85 122	21 152	442 813
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	26 508	27 952	90 649
продукция сельского хозяйства	17 753	19 688	59 722

Сост. по: Регионы России, 2016.

Таблица 2

Среднегодовая численность населения (тыс. чел.)

	2005	2015
ЦФО	38076,5	39027,9
СФО	19585,8	19318,1
Республика Бурятия	969,0	980,4
Иркутская область	2508,1	2413,9
Забайкальский край	1128,0	1085,2

Сост. по: Регионы России, 2016.

Таблица 3

Динамика городского и сельского населения, %

	городское население, в %		сельское население, в %	
	2005	2015	2005	2015
Республика Бурятия	56,4	59,0	43,6	41,0
Забайкальский край	64,2	67,7	35,8	32,3
Иркутская область	79,3	79,0	20,7	21,0

Сост. по: Регионы России, 2016.

Таблица 4

Динамика возрастного состава населения, %

	в возрасте ниже трудоспособного		в трудоспособном возрасте		старше трудоспособного возраста	
	2005	2015	2005	2015	2005	2015
ЦФО	14,1	15,6	62,5	57,6	23,4	26,8
СФО	17,7	19,9	63,9	57,2	18,4	22,9
Республика Бурятия	20,6	23,8	64,4	57,0	15,0	19,2
Забайкальский край	20,8	22,5	63,9	57,9	15,3	19,6
Иркутская область	19,1	21,1	63,5	56,9	17,4	22,0

Сост. по: Регионы России, 2016.

Таблица 5

Распределение общего объема денежных доходов населения в 2015 г.

	10 % населения с наименьшими доходами	10 % населения с наибольшими доходами
Россия	5,3	47,1
Республика Бурятия	5,4	46,7
Забайкальский край	6,2	44,1
Иркутская область	6,2	44,0

Сост. по: Регионы России, 2016.

Увеличивающееся число «работающих бедных» связано с высоким уровнем закредитованности населения. По данным Общественной палаты Российской Федерации, в антитрейдинге регионов по уровню закредитованности населения на февраль 2017 г. лидируют Республика Бурятия, Сахалинская область и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра [99 % взрослых..., 2017]. По итогам 2016 г. 81 % экономически активного населения Бурятии имеет открытые кредиты перед банками [Доклад ОП..., 2017]. Повышение долговой нагрузки населения негативно влияет и на экономику в целом. Резко сокращается покупательская способность граждан, возрастает доля населения, которая может позволить себе приобретение только продуктов питания. Увеличилась доля населения, которая «живет» за счет различных социальных выплат.

Негативные тенденции в социально-экономической сфере республики объясняются недостаточной разви-

тостью экономики, низким уровнем заработной платы и социальных выплат, уменьшением промышленного производства, снижением темпов развития сельского хозяйства и т.д. Но, несмотря на существующие серьезные проблемы, Бурятия по многим показателям опережает соседний Забайкальский край, хотя и отстает от Иркутской области. Тем не менее, имеются благоприятные перспективы, которые связываются со сменой руководства республики и его активной деятельностью по налаживанию производства, привлечению инвестиций, решению социальных проблем жителей региона. Существует надежда, что предпринимаемые меры для повышения уровня и качества жизни населения и развития экономики региона будут осуществляться не только за счет внутренних резервов, но и благодаря поддержке федерального центра.

Литература

Доклад ОП РФ о состоянии гражданского общества за 2017 год // Общественная палата Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/38864> (дата обращения: 30.01.2018).

Петрова Е. В. Местное самоуправление в субъектах Байкальского региона: модели функционирования и перспективы развития (на материалах социологического исследования и развития). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2017. 172 с.

Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ: стат. сб. М.: Росстат, 2016 // URL: www.gks.ru (дата обращения: 25.03.2018).

Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ стат. сб. М., Росстат. 2017 // URL: www.gks.ru (дата обращения: 25.03.2018).

99 % взрослых жителей Республики Алтай имеют непогашенные кредиты // Новости горного Алтая // URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/73073> (дата обращения: 30.01.2018).

**ФАКТОРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ¹**

В данной работе представлены некоторые результаты исследования, посвященного изучению межнациональных отношений и формированию межнационального согласия в Республике Бурятия.

Ключевые слова: межнациональные отношения; этническая принадлежность; социальное неравенство; экономический кризис; патриотизм.

Biltrikova Ayuna Vladimirovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**FACTORS OF INTERETHNIC HARMONY: SOME RESULTS OF THE EXPERT
SURVEY IN THE REPUBLIC OF BURYATIA**

This paper presents some results of studies on inter-ethnic relations and the formation of interethnic consent in the Republic of Buryatia.

Keywords: interethnic relations; ethnicity; social inequality; economic crisis; patriotism.

В исследовании, посвященном формированию межнационального согласия, проведенном группой социологов ИМБТ СО РАН в 2017 г. в форме экспертного опроса ставились задачи изучения межнациональных отношений в Республике Бурятия.

В целом, экспертное сообщество демонстрирует позитивное отношение к представителям других национальностей. В таблице № 1 представлен ранжированный ряд ответов на вопрос «Какие взаимоотношения с представителями других национальностей для вас приемлемы?» Практически все варианты были выбраны большинством экспертов. Чаще всего выбирали взаимоотношения личной дружбы и быть коллегами по работе – 81,9 и 80,17 соответственно, а также большой процент у вариантов быть согражданами одной страны и быть соседями. В целом, наши эксперты весьма позитивно оценивают различные взаимоотношения между разными национальностями, кроме, пожалуй, варианта брачные отношения, имеющего самый маленький процент. Это может объясняться безусловной сложностью взаимоотношений в браке вообще и в межэтническом браке в частности. Однако сама цифра – 55,17 % достаточно

велика, и можно говорить о том, что для большинства респондентов брачные отношения между разными национальностями вполне приемлемы.

Ответы на вопрос «В каком коллективе Вы бы предпочли учиться или работать?» (Таблица 2) наглядно свидетельствуют о том, что подавляющее большинство респондентов не акцентирует внимания на этничность при выборе коллектива. Для большинства (63,79 %) данное обстоятельство не имеет значения. Почти четверть респондентов еще и подчеркнули, что предпочли бы работать в многонациональном коллективе (23,28 %). И ничтожно мала численность экспертов, для которых имеет значение этничность при выборе коллектива.

Таким образом, учитывая национальный состав экспертов, включающий в себя представителей русских, бурят и ряда других национальностей, можно говорить о том, что эксперты в нашем исследовании демонстрируют высокий уровень взаимной открытости, социальная дистанция между данными этническими группами небольшая.

В исследовании подчеркивалась актуальность такого аспекта межэтнических отношений как этническая

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие взаимоотношения с представителями других национальностей для вас приемлемы?»

1. личная дружба	81.90 %
2. быть коллегами по работе	80.17 %
3. быть согражданами одной страны	71.55 %
4. быть соседями	68.97 %
5. быть жителями одного города, поселка	64.66 %
6. быть согражданами одной республики	63.79 %
7. брачные отношения	55.17 %
8. затрудняюсь ответить	6.03 %
9. нет ответа	0.86 %
всего	100.00 %

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В каком коллективе Вы бы предпочли учиться или работать?»

1. многонациональном	23.28 %
2. в котором есть представители 2-3 национальностей	6.90 %
3. моноэтническом	3.45 %
4. не имеет значения	63.79 %
5. нет ответа	2.59 %
всего	100.00 %

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № № АААА-А17-117021310269-9).

обусловленность шансов на социальное продвижение. Она обусловлена, в первую очередь, усилением социального неравенства, которое в полиэтничном обществе неизбежно рассматривается через призму этничности. Существующие различия в сферах занятости, доступ к экономическим и культурным благам часто проецируются на этнические чувства. В данном исследовании нас интересовало, насколько социальное неравенство связывается с этничностью, насколько люди верят, что этническая принадлежность сказывается на их социальном положении, продвижении, доступе к власти, образованию. Распространенность представлений о влиянии этничности на возможность социального продвижения у экспертного сообщества отражена в таблице 3.

Разброс мнений о том, *влияет ли национальность человека на возможность устроиться на лучшую работу*, достаточно равномерный. Больше всего экспертов, а именно 31,9 % считают, что *скорее да, чем нет*. Категорично за то, что этничность *влияет* на возможность устроиться на лучшую работу, высказались 20,69 % экспертов. Таким образом, число тех, кто в той или иной степени считает, что этничность оказывает влияние на получение хорошей работы, составило 52,59 %. Респон-

денты, которые считают, что этничность *не влияет*, составили 23,28 %, *скорее нет, чем да* – 19,83 %, что в сумме составляет 43,11 %.

Иначе эксперты оценивают влияние национальности на возможность занять высокий пост в органах власти. Положительные ответы *влияет* (23,28 %) и *скорее да, чем нет* (34,48 %) собрали 57,76 %, что значительно превышает сумму ответов тех, кто считает, что национальность *не влияет* на возможность занять высокую должность – *скорее нет, чем да* (15, 52 %) и *не влияет* (18,97 %) – 34,49 %.

Большинство респондентов не считают, что на такие возможности как *открыть свое дело, получить высшее образование, получить кредит на льготных условиях, получить квалифицированную медицинскую помощь*, национальность может иметь влияние. Вариант ответа *не влияет* получил наибольший выбор. То, что национальность не влияет на открытие собственного дела отметили 51,72 % экспертов, национальность не влияет на получение высшего образования – 66,38 %, национальность не влияет на получение кредита на льготных условиях – 77,59 %, национальность не влияет на получение квалифицированной медицинской помощи – 68,1 %.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос
«Как Вы считаете, влияет ли национальность человека на следующие возможности?»

значения		влияет	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	не влияет	затрудняюсь ответить
возможность устроиться на лучшую работу	%	20.69	31.90	19.83	23.28	4.31
	Ранг	3	1	4	2	5
возможность занять высокий пост в органах власти	%	23.28	34.48	15.52	18.97	6.03
	Ранг	2	1	4	3	5
возможность открыть свое дело	%	7.76	9.48	27.59	51.72	2.59
	Ранг	4	3	2	1	5
возможность получить высшее образование	%	4.31	6.03	20.69	66.38	1.72
	Ранг	4	3	2	1	5
возможность получить кредит на льготных условиях	%	1.72	1.72	12.94	77.59	6.03
	Ранг	4	4	2	1	3
возможность получить квалифицированную медицинскую помощь	%	3.45	6.90	15.52	68.10	4.31
	Ранг	5	3	2	1	4

Таким образом, этническое измерение присутствует в представлениях экспертов, но только в отношении *возможностей устроиться на лучшую работу и занять высокий пост*, что объясняется усиливающейся конкуренцией социальных, этнических групп на рынке труда в условиях экономического кризиса, в условиях испытываемых населением экономических трудностей. Сложившееся в республике этническое распределение труда, этническое предпринимательство, клановость также оказывают влияние на мнения респондентов.

Экономические проблемы носят системный характер. Однако их решение могло бы во многом предупредить и предотвратить возможные латентные конфликты на межнациональной почве. Для подрастающего поколе-

ния, особенно для молодежи, вступающей на трудовой путь, крайне важно найти достойную работу, получать такую же оплату труда. Молодежь, имеющая мало перспектив на будущее, в лучшем случае будет искать себя в других, более благополучных в экономическом плане регионах. В худшем пополнит ряды безработных или неквалифицированных сотрудников с малой оплатой труда. Учитывая негативное влияние некоторых СМИ и Интернета, такая молодежь также может пополнить ряды агрессивного настроенных по отношению к иным народам групп. Без разрешения экономических проблем будет невозможно реализовать задачи, связанные с воспитанием подрастающего поколения, в том числе в духе межнационального согласия и патриотизма.

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ РЕГИОН КАК ТЕРРИТОРИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ¹

Статья посвящена рассмотрению полиэтничности как фактора межнационального согласия в региональном аспекте. Приведены данные статистики и результаты социологического исследования, проведенного в Республике Бурятия.

Ключевые слова: полиэтничный регион; межнациональное согласие; Республика Бурятия.

Badaraev Damdin Dorzhievich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

POLYETHNIC REGION AS TERRITORY OF INTERETHNIC CONSENT

The author considers the polyethnicity as a factor of interethnic concord in regional aspect. Statistical data and results of the sociological research conducted in the Republic of Buryatia are given.

Keywords: polietnichny region, interethnic concord, Republic of Buryatia.

В условиях глобализирующегося общества и размывания пространственных, социально-культурных границ тема межнационального согласия становится актуальнейшим политическим и гражданским приоритетом для обеспечения социальной стабильности и мирного сосуществования народов, населяющих полиэтничные регионы в нашей стране. Длительное совместное проживание этносов, изменение политических режимов, смена экономических формаций и другие крупные исторические события микшировали этнокультурное пространство Байкальского региона. В результате продолжающегося воздействия совокупности факторов политического, экономического, духовно-идеологического, социально-культурного характера процесс становления полиэтничного пространства можно рассматривать с разных позиций. Известный российский исследователь Л. М. Дробижева отмечает, что межнациональное согласие может иметь и позитивную, и негативную ориентацию, поэтому крайне важно направить солидаризацию в сторону укрепления «единства в разнообразии» и обеспечения интеграции поликультурного пространства [Дробижева, 2015, с. 81]. С одной стороны, не обходится и без издержек, поскольку политические режимы предыдущих этапов и ускорение глобализации приводят к ассимиляционным процессам, когда постепенно утрачиваются этноопределяющие признаки народов. С другой стороны, образовалось единое поликультурное пространство, где при взаимодействии этносы не только взаимообогащаются, но и сохраняют свои уникальные этнические особенности. В этом смысле у этносов потенциально имеются возможности для развития своего родного языка, исконных традиций и обычаев, материально-бытового уклада, что может являться основой для цивилизованного межкультурного взаимодействия и межэтнического диалога между народами.

Как пишет Э. А. Поздняков, существуют многообразные способы мирного сотрудничества между этносами: этническое смешивание; этническое поглощение (ассимиляция); культурный плюрализм (от лат. *pluralis* 'множественный'). В отличие от первых двух способов, культурный плюрализм – это показатель успешной адаптации (приспособления) человека к чужой культуре без отказа от своей собственной. Успешная адаптация

предполагает овладение богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной [Поздняков, 1994, с. 39]. При культурном плюрализме ни одно национальное меньшинство не теряет самобытности и не растворяется в общей культуре. Он подразумевает, что представители одной национальности добровольно овладевают привычками и традициями другой, обогащая при этом собственную культуру. С этих позиций именно полиэтничный регион становится пространством богатого многообразия этнического колорита с дальнейшими перспективами сохранения и развития этнической специфики каждой народности.

Обеспечение самобытности народов и национальных меньшинств находится под международной защитой и отражается в международных нормативно-правовых актах. Так, Парижская хартия для новой Европы гласит: «Мы вновь подтверждаем нашу глубокую убежденность в том, что ... мир, справедливость, стабильность и демократия требуют того, чтобы этническая, культурная, языковая и религиозная самобытность национальных меньшинств была защищена и чтобы создавались условия для поощрения этой самобытности. Мы признаем далее, что права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, должны полностью уважаться как часть всеобщих прав человека» [Парижская хартия..., 1991, с. 10–11]. Данная хартия является одним из руководств к исполнению для современных цивилизованных государств с соблюдением и включением основных положений во внутренние законодательные документы.

Трансформация постсоциалистических обществ и связанные с ними процессы социальной мобильности и миграционной активности в странах ближнего и дальнего зарубежья привели к усилению процесса формирования этнического разнообразия и поликультурным проявлениям в сибирских регионах. Изменения в этносоциальной структуре становятся источником фрустраций и различного рода фобий, в том числе этнофобий. «Обратный национализм» в отношении выходцев из бывших союзных республик и регионов Кавказа и сформировавшиеся в 1990-е гг. этнические предубеждения накладывались на представления о том, что адаптация и интеграция являются предметом заботы самих мигрантов и в некоторой степени определенных институтов:

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № № АААА-А17-117021310269-9).

СМИ, системы образования, государства в лице органов Федеральной миграционной службы (ФМС). На практике проблемы адаптации мигрантов и взаимоотношения между прибывшими и принимающими сообществами остаются неоднозначными. Например, в исследованиях новосибирских исследователей 2013–2015 гг. отмечаются различия в стратегиях взаимной адаптации принимающего сообщества и иноэтничных мигрантов: если мигранты демонстрируют ориентацию на сближение с принимающим сообществом, то местное сообщество – на обособление. Данный аспект можно продемонстрировать на примере отношения родителей к дружбе их детей: положительное отношение к этому явлению высказали почти 90 % из числа мигрантов, тогда как лишь 30 % представителей принимающего сообщества выразили хорошее отношение к дружбе их детей с детьми приезжих мигрантов [Ерохина, 2018, с. 40]. Тенденция к осознанию необходимости привлечения иностранной рабочей силы в экспертном сообществе и массовом сознании привела к принятию в 2012 г. Концепции государственной миграционной политики в РФ. В положениях Концепции касательно внешней политики очевидна направленность на интеграцию со странами бывшего СССР и создание общего с ними рынка труда, во внутренней политике – нацеленность на признание миграции как источника увеличения численности населения страны.

Как отмечают исследователи, для Республики Бурятия характерны межэтническая толерантность, этнокультурное многообразие. Республика Бурятия является полиэтничным регионом Российской Федерации, где проживают представители более 100 национальностей. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., при подсчете народов с численностью более 5000 человек, а также коренных малочисленных народов Севера этническая структура республики выглядит следующим образом: русские – 64,9 %, буряты – 29,5 %, татары и украинцы по 0,7 %, сойоты – 0,4 %, эвенки – 0,3 % [Бурятия, 2017]. В группу по численности от 1,5 до 2,5 тыс. чел. входят белорусы, армяне, эвенки, сойоты, азербайджанцы и немцы. Впервые в справочник национальностей при переписи 2002 года включены сойоты, численность которых составила 2739 чел. (при переписи 1989 г. они были учтены в составе бурят).

По данным официального портала Республики Бурятия, основная причина уменьшения численности населения – это миграционный отток русских, не восполненный за счет естественного прироста населения. По данным годовых отчетов с 1989 по 2002 гг. естественный прирост русских составил 0,5 тыс. чел., а миграционная убыль составила 31,4 тыс. чел. Увеличилась численность бурят на 23,4 тыс. чел. (на 9,4 %). По данным годовых отчетов за межпереписной период увеличение численности бурят произошло за счет естественного прироста на 21,8 тыс. чел. и миграционного прироста на 7,2 тыс. чел. Соответственно возросла их доля с 24,0 до 27,8 % (в России с 0,28 до 0,31 %). По итогам переписи в России в 2002 г. учтено 445 тыс. бурят.

Уменьшилась доля таких национальностей, как украинцы (на 1,2 %), татары (на 0,2 %), белорусы (на 0,3 %), латыши, литовцы, эстонцы, казахи, молдаване, грузины, чуваша, башкиры, якуты и т.д. Основная причина – миграционный отток населения за пределы республики в связи с распадом СССР (возвращение на прежнее место жительства), вводом в эксплуатацию БАМа. Значительно сократилась численность евреев (с

1181 до 553 чел.) и немцев (с 2126 до 1548 чел.) Возросла численность китайцев (с 119 до 604 чел.), монголов (с 52 до 307 чел.), киргизов (с 208 до 500), корейцев (от 339 до 596) [Национальная политика, 2018].

В результате анализа данных органов статистики Бурятии впервые с 2006 г. в республике наблюдается миграционная убыль населения, в 2017 г. она составила 259 чел.: прибыло 40551 чел., а выбыло 43977 чел. При этом межрегиональная миграция составила – 13394 чел., и 16531 чел., а зарубежная миграция в республике составила – 432 и 721, соответственно [Общие итоги..., 2018].

Уважительное отношение к представителям других этнических групп к их языку, культуре и традициям становится залогом дальнейшего развития межнационального согласия в республике. В Бурятии активно проводятся различные этнокультурные и религиозные праздники и мероприятия, научные конференции и семинары. В Бурятии функционирует региональная общественная организация «Дом дружбы народов», объединяющая землячества и этнические диаспоры народов, проживающих в регионе.

Определенную лепту в развитие и сохранение межэтнического мира и согласия в регионе вносят региональные органы исполнительной и законодательной власти. По совокупности проводимой работы и направлений деятельности к таким ведомствам можно отнести Министерство культуры Республики Бурятия, Министерство образования и науки Республики Бурятия, Комитет Народного Хурала Республики Бурятия по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям, Комитет по межнациональным отношениям и гражданским инициативам при Правительстве Республики Бурятия. По заказу последнего периодически проводится мониторинг межэтнической ситуации в регионе.

Учитывая актуальность и важность рассматриваемой темы с целью изучения вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений в республике группой социологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН было проведено социологическое исследование в декабре 2016 г. – январе 2017 г. в форме анкетирования (самозаполнение) экспертов. В итоге было опрошено 110 экспертов: русских 56, бурят 39, представителей других национальностей 15 человек, которые являлись как городскими, так и сельскими жителями [Бадарев, 2018]. По данным экспертного анкетирования, «межнациональное согласие» основывается на уважении людей как высшей ценности нашего общества, независимо от национальной принадлежности каждый человек заслуживает уважения, что он есть личность, обладающая индивидуальными особенностями. Наиболее позитивное влияние на развитие межнациональных отношений в республике оказывают факторы, связанные с взаимным уважительным отношением и проявлением интереса к обычаям и традициям других народов, с дружелюбным менталитетом, сформировавшимся в результате общего исторического взаимодействия народов Бурятии, а также с распространением межнациональных браков, позитивно влияющих на степень толерантности между народами.

Были уточнены основные элементы этнических культур народов Бурятии, которые могут вызывать интерес у представителей других национальностей, а их культивирование способствовать межнациональному

согласию в республике. Ранжирование представленных вариантов ответов экспертов позволило определить наиболее заметные элементы этнических культур. В данном неальтернативном вопросе с большим отрывом экспертами определены два элемента – национальная кухня (86,11 %) и религиозные и национальные праздники (84,26 %) как явления, способные вызывать наибольший интерес у представителей других национальностей и культивирование которых будет способствовать межнациональному согласию в республике.

Экспертам был задан ключевой вопрос исследования «Как Вы считаете, что из перечисленного в первую очередь могло бы способствовать сохранению стабильных межнациональных отношений в Бурятии и их улучшению?» В качестве вариантов ответов предлагаются 22 пункта, каждый из которых имеет свою особенность. Анализ показывает, что поставленную цель в данном вопросе предлагается достигать через разноаспектные меры – воспитание и обучение молодежи, поддержку инициатив, развитие этнотуризма, разрешение социально-экономических проблем, информационные кампании, национально-культурные центры, издание учебников, интернациональное воспитание, медиа-пространство, и т.д. Для сохранения стабильных межнациональных отношений мнения экспертов в большей степени сошлись на варианте «воспитание подрастающего поколения в духе межнационального согласия и внедрение подобных программ в учебный процесс» (62,73 %). Равное количество баллов (по 52,73 %) набрали два варианта «поддержка инициатив общественных организаций и граждан, направленных на развитие национальных культур» и «развитие этнографического и культурно-познавательного туризма». В тройке ос-

новных мер, направленных на сохранение стабильных межнациональных отношений включен вариант о необходимости проведения «работ по преодолению социально-экономических проблем региона» (48,18 %).

Как известно, в Стратегии государственной национальной политики РФ «обеспечение межнационального согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений» названы в числе приоритетных направлений национальной политики Российской Федерации. Следовательно, на современном этапе важнейшее значение для дальнейшего цивилизованного развития многонационального региона имеет согласованная национальная политика, основанная на сбалансированном учете интересов представителей титульных и других национальностей, совместно проживающих на территории Бурятии уже на протяжении нескольких столетий в составе Российского государства. Взаимное уважение к культуре, обычаям и традициям совместно проживающих этносов может стать залогом сохранения межэтнической стабильности и толерантности в республике. Следует активнее поддерживать развитие элементов национальных культур, которые в равной мере будут привлекать интерес со стороны представителей других этносов. Исполнительным и законодательным органам власти необходимо обратить особое внимание на подрастающее поколение, можно еще более активно развивать этнотуризм. Важнейшей задачей должно стать обеспечение поддержки обоснованных инициатив, которые прямо или косвенно будут способствовать взаимообогащению и развитию культур в многонациональной республике, имеющей благоприятные перспективы для сохранения межнациональной стабильности и толерантности в регионе.

Литература

- Бадараев Д. Д. Позитивные факторы межнационального согласия на региональном уровне (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2 (26). С. 139–148. Бурятия // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бурятия> (дата обращения: 10.02.2017).
- Дробижина Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социс. 2015. № 11. С. 80–90.
- Ерохина Е. А. Образование как ресурс социального благополучия в пространстве межкультурного диалога // «Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара, Владивосток, 26–27 апреля 2018 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2018. С. 32–43.
- Национальная политика // URL: <http://egov-buryatia.ru/society/nation-politics/> (дата обращения: 20.03.2018).
- Общие итоги миграции населения Республики Бурятия // URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 20.03.2018).
- Парижская хартия для новой Европы // Общеввропейская встреча в верхах (Париж, 19–21 ноября 1990 г.): документы и материалы. М.: Политиздат, 1991. 190 с.
- Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М.: Прогресс: Культура, 1994. 123 с.
- Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. 701 с.
- Рыбаков О. Е. К вопросу о понятии "этнос": философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 3–15.

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА¹**

В статье на основе анализа данных опроса экспертов 2017 г. производится оценка конфликтности отношений среди детей и молодежи Республики Бурятия, в том числе в разрезе ступеней образования, а также определяются пути и механизмы предупреждения подобных конфликтов в молодежной среде.

Ключевые слова: межнациональные отношения; молодежь; дети; межнациональные конфликты.

*Biltrikova Ayuna Vladimirovna
Breslavsky Anatoliy Sergeevich
Zhalsanova Valentina Gurozhapovna*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation**ETHNIC CONFLICTS AMONG CHILDREN AND YOUTH IN BURYATIA
THROUGH THE LENS OF OPINION OF EXPERTS**

The authors evaluate the conflictness of relationships among children and young people at different levels of education in Buryatia on the base of experts' survey data, gathered in 2017. Measures of such conflicts prevention are defined.

Keywords: interethnic relations; the youth; children; international conflicts.

Начиная с 2016 г. сектор социологии ИМБТ СО РАН проводит регулярные социологические исследования, посвященные оценке межнациональных отношений в Республике Бурятия. Результаты первого года исследований показали, что при сохранении относительно благоприятных тенденций в области межнациональных отношений в республике в целом, именно дети и молодежь могут быть отнесены к «группе риска», в которой развитие этнофобских настроений может получить наибольшее распространение [Бадарев, 2017; Бильтрикова, 2017; Бреславский, 2017; Дашибалова, 2017; Жалсанова, 2017; Петрова, 2017].

Объективное ослабление образовательной и воспитательной политики в области культивирования ценностей межнационального согласия на всех уровнях образования детей и молодежи в России и в Бурятии, в частности, в 1990–2000-ые гг. способно существенно повлиять на баланс в области межэтнических и межрелигиозных отношений в республике в кратко- и среднесрочной перспективе. Это побудило нас организовать в 2017 г. дополнительный экспертный опрос, в котором мы сделали акцент на изучение межэтнических отношений в среде детей и молодежи. В исследовании приняли участие 116 экспертов: представители государственных (8,6 %) и муниципальных органов власти (4,3 %), науки и образования (62,9 %), бизнеса и предпринимателей (1 %), СМИ (6,9 %), культуры (4,3 %) национально-культурных центров и общественных организаций республики (4,3 %), спорта и туризма (4,3 %). Распределение по этническому признаку среди экспертов выглядит следующим образом: русских – 52,6 %, бурят – 38,8 %, представителей других национальностей – 6,9 %. Распределение по полу: мужчин – 35,34 %, женщин – 64,66 %. В возрастном отношении среди экспертов преобладает группа в возрасте 40–49 лет (38,8 %), на втором месте – лица в возрасте 30–39 лет, 23,28 %; две группы не особенно многочисленны: 50–59 лет (16,4 %) и 60 и старше – 9,5 %; и 12 % составила группа в возрасте 18–

29 лет. Почти все эксперты имеют высшее образование, 14 – ученые степени доктора наук, 25 – кандидата наук.

В данной статье будут представлены итоги исследования по вопросам, касающимся конфликтности отношений среди детей и молодежи республики на разных ступенях образования, а также пути и механизмы предупреждения подобного рода конфликтов. В настоящий момент, несмотря на кризис многих ценностей, традиционно поддерживающих межэтническое согласие в республике, уровень конфликтов в среде детей и молодежи остается относительно низким. В рамках опроса более 53 % экспертов, отвечая на вопрос «Что Вы можете сказать о возникновении конфликтов среди детей и молодежи на межнациональной почве в Бурятии в последние годы?», отметили, что серьезных изменений в сторону их увеличения или уменьшения не происходит, т.е. ситуация остается стабильной. В то же время лишь чуть более 5 % респондентов указали, что число таких конфликтов уменьшается, а около 19 % экспертов, наоборот, отметили, что по сравнению с предыдущими годами наблюдается прирост такого рода конфликтов. Это мнение пятой части экспертов требует внимательной оценки: анализа источников зафиксированной негативной динамики, форм конфликтов, особенностей их протекания и механизмов их преодоления.

В исследование нами был включен ряд вопросов, ответы на которые позволили прямо или косвенно судить о предпосылках формирования конфликтных отношений в среде детей и молодежи республики. В рамках опроса мы предложили экспертам ответить на вопрос: «Приходилось ли Вам наблюдать в среде школьников или студентов (внутри класса, студенческой группы) формирование моноэтнических групп друзей, состоящих только из представителей одного этноса?» Ответы на это вопрос сформировали неоднозначную картину. С одной стороны, лишь пятая часть (22 %) экспертов указала на частый характер гомогенизации малых групп детей и молодежи по этническому принципу. В то же

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № № АААА-А17-117021310269-9).

время более 40 % опрошенных отметили, что наблюдали такие ситуации, но редко. При этом чуть более трети опрошенных вообще не приходилось наблюдать такие явления в групповом образовании. Неформальная сегрегация по этническому принципу способна повлиять на обострение межнациональных отношений в среде детей и молодежи, но, по замерам данного исследования, ситуация выглядит пока относительно благополучной.

Для конкретизации динамики конфликтов в среде детей и молодежи по ступеням образования мы обратились к экспертам со следующим вопросом: «Как Вы считаете, на какой ступени образования учащиеся более склонны к конфликтам на национальной основе?» По их мнению, наиболее склонны к конфликтам учащиеся школьного возраста (18,10 %), менее склонны – студенты ссузов (12,93 %) и вузов (6,9 %). И лишь 2 эксперта (1,72 %) указали, что к такого рода конфликтам имеют склонность воспитанники дошкольных учреждений. Это не в последнюю очередь связано с тем, что осознание своей этнической принадлежности слабо проявляется у детей в дошкольном возрасте. И лишь в школе, а затем в ссузе / вузе этническая принадлежность начинает играть более явную роль в межличностном взаимодействии, но не всегда сколь-нибудь определяющую.

Обратив внимание на старшеклассников и студентов средних специальных и высших заведений, мы спросили у экспертов: «Как Вы думаете, имеет ли значение для старшеклассников, учащихся ссузов и студентов вузов республики их этническая принадлежность в межличностном взаимодействии?» 41,38 % экспертов отметили, что «для большинства это не имеет значения», при этом лишь 17,24 % экспертов, наоборот, были уверены, что для большей части учащихся это важно. К ним следует добавить 21,55 % респондентов, указавших, что это важно только для небольшой части учащихся школ, ссузов и вузов, и 7,76 % тех, кто считает, что это важно только для представителей отдельных этнических групп.

Принимая во внимание то обстоятельство, что конфликты на межэтнической почве в среде молодежи республики все же имеют место (это главным образом единичные случаи), мы предложили экспертам задуматься над возможными мерами по их предотвращению. Благодаря открытому вопросу «Каковы, на Ваш взгляд, пути и механизмы предупреждения межнациональных конфликтов в молодежной среде в РБ?» нами были определены и зафиксированы необходимые, с точки зрения экспертов, формы деятельности. К ним они отнесли широкий корпус мероприятий: квалифицированную кураторскую работу с молодежью и семьями; активное привлечение в межнациональные мероприятия молодежи (привлекать в мероприятия также должна сама молодежь); признание национальных проблем и решение их методами национальной политики; использование экономических рычагов для нормализации отношений; создание культурной инфраструктуры; поддержка национально-культурных автономий республики, решение всех спорных вопросов исключительно неконфликтными методами на основе действующего законодательства; совершенствование практики проведения регулярных встреч представителей правоохранительных органов, образования, общественных объединений; организация встреч религиозных конфессий с молодежью с целью духовно-нравственного воспитания и религиозного просвещения; воспитание уважения к традициям и культуре других народов в школах, вузах, ссузах; развитие нравственных и моральных цен-

ностей молодежи; усиление воспитательной работы; работа со СМИ в интернете, контроль над контентом; закрытие экстремистских сообществ в соцсетях, ограничение экстремистского контента в интернете; неэтническое освещение криминальных событий в СМИ; беседы на тему межнациональных конфликтов; профилактические работы не только с молодежью, но и другими возрастными группами разных национальностей; пропаганда межнационального дружелюбия в СМИ, интернете, учебных заведениях; беседы с детьми в семье; проведение тематических уроков, праздников в образовательных учреждениях, пропаганда среди молодежи с помощью СМИ; активная, плановая и совместная деятельность организаций на разных уровнях; выработка программы воспитания межнационального согласия на всех этапах обучения; повышение культурного уровня детей; повышение педагогической культуры родителей; создание условий для нравственного роста детей и молодежи; выявление и устранение причин противоправного поведения и условий, способствующих их совершению, проведение комплексной работы, т.е. в семье, по месту учебы и работы; активизация интернационального и патриотического воспитания молодежи; просвещение детей и молодежи на всех ступенях образования; усиление государственной поддержки проектов по популяризации межэтнического согласия и предупреждения конфликтов; освещение культуры и традиций разных народов в СМИ; трансляция информации о героях, представителях разных этнических групп, совершивших героические поступки во благо всего российского народа; решение социально-экономических проблем, снижение уровня безработицы; снижение уровня преступности и криминализации общества; воспитание толерантности с дошкольного возраста; усиление судебных и штрафных санкций за противоправное поведение; активное позиционирование лучших практик межнациональных отношений; равный доступ в любые сообщества: движения, танцевальные коллективы, различные объединения; проведение классных часов по патриотизму и значимости каждой национальности в развитии республики и страны; тематические вечера, встречи каждой национальной группы с обсуждением, дегустацией национальной кухни, просмотром видеосюжетов по истории, культуре национальной группы; возврат к советскому опыту работы в данном направлении с избавлением от бюрократических подходов; целенаправленные и скоординированные действия уполномоченных органов государственной и муниципальной власти республики по своевременному мониторингу и предотвращению предпосылок к межнациональным конфликтам на всех уровнях межнационального сосуществования и контактирования в молодежной и подростковой среде, с адекватным и корректным отражением положительных примеров в культурной и прочей жизнедеятельности народов, проживающих в РБ; межкультурное взаимодействие в музыке, литературе и т.д., изучение истории и разьяснение исторических фактов; выработка идеологии республики и государства; обеспечение возможности мобильности – социальной и территориальной; избегание привлечения внимания к проблеме межнациональных конфликтов; профилактика, пропаганда межнациональной гармонии, уроки толерантности; реализация проектов патриотической и национально-культурной направленности; введение факультативов в школах по воспитанию этнокультурной компетентности и толерантности, проведение подобных занятий в ссузах и вузах; поддержка волонтерского

движения; усиление образовательного компонента, посвященного народам, проживающим в РБ; культурные события, фестивали, КВН, международные смены в летних оздоровительных лагерях; воспитание с малых лет уважения к традициям, культуре других национальностей, уход от принципа принадлежности к этнической группе при определении профессии, поступлении на работу, в карьерном росте и др., как это явно происходит в органах государственного и муниципального управления, медицине, пенсионном фонде; подготовка специалистов для государственной и муниципальной службы по данному направлению.

В одном из вопросов анкеты мы предложили экспертам выбрать из предложенного списка мероприятий те из них, которые, по их мнению, в первую очередь способствуют/могут способствовать воспитанию межнационального согласия детей и молодежи республики. Респонденты могли выбрать 5 вариантов из 14 пунктов. В итоге эксперты отдали наибольшее предпочтение проведению этнокультурных фестивалей (65,52 %), «этнографическому и культурно-познавательному туризму

(56,03 %), проведению традиционных праздников народов РБ (50 %), созданию спортивно-оздоровительных лагерей отдыха для детей, направленных на ознакомление с культурой и традициями народов Бурятии (44,83 %). При этом еще несколько направлений работы вызвали интерес и получили поддержку экспертов.

В заключение можно отметить следующее. Повышение этнического самосознания учащихся, даже в разрезе отдельных этнических групп, ставит дополнительные задачи перед организаторами воспитательного процесса в образовательных учреждениях разного уровня и профиля. В то же самое время в этой области к настоящему моменту накопилось множество разного рода проблем (методических, информационных, финансовых, организационных, проблем, связанных с горизонтальным взаимодействием учреждений образования друг с другом, с учреждениями культуры, туризма, государственными и муниципальными учреждениями, национально-культурными центрами и т.д.), которые важно решить в ближайшее время.

Литература

- Бадараев Д. Д. Позитивные факторы межнационального согласия на региональном уровне (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2 (26). С. 139–148.
- Бильтрикова А. В., Жалсанова В. Г., Бреславский А. С. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Республике Бурятия // Социодинамика. 2017. № 9. С. 38–45.
- Бреславский А. С., Бильтрикова А. В., Жалсанова В. Г. Моделирование этнобренда Бурятии: есть ли риски для межнационального согласия? // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2. С. 129–139.
- Дашибалова И.Н. Межэтническое взаимодействие в интернет-пространстве (бурятский сегмент интернет) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 4. С. 47–53.
- Жалсанова В. Г., Бреславский А. С., Бильтрикова А. В. Межнациональные отношения в Республике Бурятия: оценки экспертного сообщества // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. С. 10–16.
- Петрова Е. В. Межнациональное согласие в Республике Бурятия: оценки и мнения участников экспертной панели // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение». 2017. Том. 21. С. 118–126.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРЕРЫВАНИЯ ЖЕНЩИНАМИ БЕРЕМЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В статье представлен краткий теоретический анализ литературы по проблеме выявления психологических факторов прерывания беременности. Приведены статистические данные фонда «Радость материнства» по работе с женщинами, обратившимися в женские консультации города Улан-Удэ для прерывания беременности за период с 2017–2018 гг.

Ключевые слова: беременность; прерывание беременности; сохранение беременности; психологические факторы.

Ochirova Lyubov Ilyinichna
 Buryat State University
Borisenko Tatiana Vladimirovna
 Charitable Foundation "Joy of Motherhood"
 Ulan-Ude, Russian Federation

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ABORTION BY WOMEN IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article presents a brief theoretical analysis of the literature on the problem of identifying psychological factors of abortion. It contains the statistics of the foundation "Joy of Motherhood", concerning work with women who approach an abortion clinic of Ulan-Ude in 2017–2018.

Keywords: pregnancy; termination of pregnancy; preservation of pregnancy; psychological factors.

В своем ежегодном послании Федеральному собранию 2018 В. В. Путин представил программный документ, в котором определены основные направления внутренней и внешней политики страны. Одним из них выступают сбережение народа России и благополучие наших граждан. В этом русле актуальной остается демографическая проблема, поскольку роль, позиции государства в современном мире определяют, прежде всего, люди. Как отметил В. В. Путин, в предстоящее десятилетие необходимо обеспечить устойчивый естественный рост численности населения России. Безусловно, одним из решений в улучшение демографической ситуации вносят исследования психологических аспектов материнства и, в частности, изучение психологических факторов прерывания или сохранения беременности.

Теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме показал, что выбор женщины оставить или прервать беременность определяется многими факторами среди которых: психологические, социальные и социально-психологические. Как отмечает Е. А. Смирнова, сами женщины в качестве причин, толкающих их к принятию мысли об аборте, называют следующие: материальные и жилищные проблемы; страх перед физическими и моральными трудностями (уже есть ребенок, уже поздно, проблемы со здоровьем, первый ребенок проблемный, никто не помогает и т.п.); неблагоприятные отношения в семье (нет надежного тыла, опасность остаться одной с детьми); ребенок вне брака (здесь жалуются на неэффективность контрацепции, на которую была ставка) [Смирнова, 2017, с. 32].

В том случае, когда супружеская подсистема развивается как ненормативная и дисфункциональная, тогда в этой подсистеме отсутствует цель поддержания главной задачи ее функционирования, а именно в подобной семье не удовлетворяются личные потребности супругов (в любви, близости, поддержке, заботе, внимании, а также материальных и сексуальных потребностей). Поэтому можно утверждать, что основной причиной принятия решения о прерывании беременности явля-

ются деструктивное и нестабильное взаимодействие супругов, а именно их супружеская социально-ролевая несостоятельность.

Страхи перед беременностью выражаются в том, что с позиций психологии страх представляет собой внутреннее состояние личности с отрицательно окрашенным эмоциональным компонентом и может выражаться в форме возбужденного или подавленного эмоционального состояния. Практически каждая женщина в состоянии беременности может переживать многообразные и в то же время типичные страхи. Информация о страхах, испытываемых женщинами в период беременности, была получена в ходе консультирования беременных женщин, желающих прервать беременность по личному желанию. Так, к наиболее распространенным страхам, на основе которых женщина решает прервать беременность, были выделены: боязнь выкидыша; страх родить ребенка с физическими или психическими отклонениями; страх перед родами; страх перед возможной финансовой нестабильностью после рождения ребенка; страх, связанный с ограничением личной свободы и др.

Как показывает анализ литературы по проблеме исследования, само решение женщины о прерывании своей беременности представляется всего лишь следствием целого ряда значительных причин, которые оказывают влияние беременную женщину при выборе такого жизненно важного решения. Можно сказать, что решение прервать беременность – это не дисфункция определенной женщины, это дисфункция семейной системы и социума в целом. Противостояние отмеченным выше сложностям беременной женщины и ее семейной структуры мы видим в системной и целенаправленной профилактической работе различных дисфункций семьи в виде преабортных консультаций, школ подготовки к родам, подготовки девушек и юношей к семейной жизни, информировании о нерушимости человеческой жизни и последствиях прерывания беременности.

В соответствии с целью нашего исследования в настоящей работе представлены некоторые статисти-

ческие результаты исследования психологических факторов прерывания беременности в Республике Бурятия в 2017–2018 гг. В качестве методов исследования были использованы метод беседы, анкетирования и неструктурированное интервью.

Согласно данным фонда «Радость материнства» в женские консультации города Улан-Удэ (№ 2, № 3, № 5, № 6) в 2017 г. для прерывания беременности обратилось 1412 женщин. Основную часть из них составляют женщины 30–39 лет (46 %) и 20–29 лет (43 %), от 40 лет и старше составляют 7 % и 15–19 лет – 4 %. Из них по статусу 51 % составляют замужние женщины, 21 % – одинокие, 15 % – многодетные женщины и 13 % женщин состоят в гражданском браке. Из представленных данных видно, что половина женщин, прерывающих свою беременность, это женщины фертильного возраста 20–40 лет, состоящие в браке, то есть это более или менее благополучная часть женщин, которые могли бы родить.

Исследование причин прерывания беременности с помощью неструктурированного интервью показало, что большую часть 35 % составляют «материальные трудности» (нет собственного жилья, ипотека и др.). 23 % женщин в качестве причины прерывания беременности указывают наличие в семье маленьких детей до 1,5 лет, нежелание самой женщины и «одна без мужа» составляют по 18 %, по 3 % испытуемых выбирают причины прерывания «муж против, или родственники» и «медицинские показания», 2,5 % составляют женщин, которые называют причину прерывания беременности «работа, учеба в приоритете» и наконец, 1,5 % называют «случайный секс».

Таким образом, по причинам прерывания на первое место в нашем регионе выходит социальная незащищенность потенциальных матерей (35 %). Ведущими причинами решения о прерывании беременности для большинства женщин являются материальные затруднения и неудовлетворительные бытовые условия. Однако эти причины можно отнести лишь к внешним – это те социальные и экономические условия, в которых протекает беременность каждой конкретной женщины. Они, безусловно, значимы, но не являются решающими при принятии решения о судьбе беременности [Каграманян, 2017, с. 5].

Нельзя не согласиться с мнением Е. А. Смирновой о том, что прерывание беременности не решает тех жизненных проблем, которые подталкивают женщину или семью к его совершению. Прерывание беременности не улучшает жилищные условия и материальное положение, не способствует карьерному росту и получению хорошего образования, не помогает наладить отношения с мужем (отцом ребенка) и другими членами семьи. Более того, семейные отношения зачастую после аборта становятся еще хуже, чем были до него, так как реальный конфликт состоит не в том, родится ли ребенок. Отношения в семье, где этот вопрос служит поводом для ссор, вероятнее всего, уже давно испорчены, а известие о беременности только «вскрывает» противоречия, существовавшие ранее. «Соучастие» в принятии решения об аборте лишь расширяет эту трещину.

Сохранение же беременности и рождение ребенка, напротив, зачастую открывает перед семьей новые горизонты: члены семьи, вынужденные понести определенные финансовые затраты, ищут возможности более высокого заработка, благосостояние семьи повышается; женщина, реализовавшая себя как мать, в дальнейшем может с более полной эмоциональной отдачей заниматься вопросами, связанными с образованием или работой; в связи с трудностями ухода за новорожденным члены семьи начинают более тесно общаться, просить и предлагать помощь, забываются или откладываются старые обиды и конфликты, возвращается семейное «мы», повышается уровень взаимопомощи и доверия, отношения от этого укрепляются [Смирнова, 2017, с. 39].

Результаты доабортного консультирования на период с 2017 по 2018 г.г., показали, что из всей выборки только 145 женщины приняли решение сохранить беременность. Большую часть выборки (51 %) составляют женщины 30–39 лет и 35 % от 20–29 лет. Из них по статусу 43 % составляют замужние женщины, 25 % – многодетные женщины.

В дальнейшем планируется изучить личностные, эмоциональные особенности женщин, идущих на прерывание беременности, в сравнении с женщинами, решившими сохранить беременность.

Литература

- Смирнова Е. А. Что нужно женщине, которая «уже всё решила». Консультирование в ситуации кризисной беременности. 2-е изд. М.: Изд-во «Проспект», 2017. 128 с.
- Каграманян И. Н. Методическое письмо «Психологическое консультирование женщин, планирующих искусственное прерывание беременности» // URL: http://mz.mosreg.ru/download-doc?url=/upload/gallery/356/26356_ba5f24bd55f303964b07780bdd7a31976181b330.pdf.

**МИГРАЦИИ В БУРЯТИИ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Важным аспектом для исследования миграционных процессов в Бурятии в рамках изучения кризисного периода конца 1980-х – начала 1990-х гг. является социально-экономический. Темпы и масштабы миграционных потоков, их состав, с одной стороны, подчинялись государственной миграционной политике массового заселения востока страны, с другой – имели свою специфику в республике и во многом обуславливались ее уровнем развития.

Ключевые слова: миграция; урбанизация; население; Бурятия; экономика; социальная инфраструктура.

Kuznetsova Yana Alexandrovna
Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

**MIGRATIONS IN BURYATIA IN THE END OF 1980S AND EARLY 1990S:
THE SOCIO-ECONOMIC ASPECT**

The socio-economic aspect is important for investigating the migration processes in Buryatia in the crisis period at the end of 1980s and early 1990s. The rates and scales of migration flows, their structure depended on the state migration policy of settling the eastern part of the country. In other side, their specifics in the republic were conditioned by level of this policy's development.

Keywords: migration; urbanization; population; Buryatia; economy; social infrastructure.

Необходимость ускоренного индустриального и транспортного развития восточных районов страны предопределили специфику миграционной политики в Сибири в XX в. Массовое заселение сибирских регионов страны являлось преобладающей тенденцией над естественным демографическим процессом до конца 1980-х гг. В начале 1990-х гг. в период государственного распада и социально-экономического кризиса в стране изменилась соответственно и структура миграционных потоков, особенно в отдаленных регионах Сибири, где деструктивные процессы проявились во всех сферах жизни общества. Целью исследования является анализ миграционной активности населения одного из крупных национальных регионов Сибири — республики Бурятия в конце 1980-х – начале 1990-х гг. через призму ее социально-экономического развития.

Вторая половина 1980-х гг. характеризовалась противоречивыми результатами «перестроечных» преобразований в Бурятии, как и в целом по стране. Кризисное состояние экономики республики не было преодолено в период реформ. Несмотря на значительный индустриальный потенциал, структура промышленного производства в Бурятии была слабоэффективной, что, привело к осложнению процесса адаптации народнохозяйственного комплекса республики к рыночным условиям, а впоследствии и к появлению признаков депрессивности экономики региона в 1990-е гг. Сельское хозяйство как традиционная отрасль экономики республики по-прежнему занимало значительные позиции и имело позитивные сдвиги (укрепление материально-технической базы, совершенствование агротехники и т.д.). Однако состояние аграрного сектора отражало общую неблагоприятную обстановку в народном хозяйстве страны, характеризовалось невысокой эффективностью и рента-

бельностью. Экономическая стагнация отражалась и на медленных темпах в развитии социальной инфраструктуры. Наблюдалось отставание в жилищном строительстве, в уровне бытового обслуживания и т.д. Очень противоречиво и медленно формировался потребительский рынок. Уровень производства товаров народного потребления не отвечал потенциальным возможностям насыщения рынка, что приводило к оттоку финансовых средств из Бурятии. Одна из важнейших составляющих жизнеобеспечения населения – система здравоохранения – также отставала от общесоюзных темпов развития. По уровню обеспечения, например, больничными местами Бурятия занимала предпоследнее место в Восточной Сибири, опережая лишь Читинскую область [Халбаева, 1999, с. 130]. «Остаточный» принцип финансирования непродуцированной сферы и последующие экономические реформы в начале 1990-х гг. лишь углубили противоречия между потребностями населения и экономическими возможностями региона. Массовое сокращение промышленных и сельскохозяйственных предприятий привело к росту безработицы.

В связи данной обстановкой еще более активно стала проявляться межрайонная миграция, характеризовавшаяся оттоком населения из сел в города республики с более благоприятными условиями проживания, ориентированного, прежде всего на столицу, г. Улан-Удэ, и незначительным перемещением в другие города республики. Преимущественный рост населения столицы Бурятии связан со сложившейся территориальной организацией производства. Приоритетное развитие республиканского центра – характерная черта всех административных районов страны. Основные отрасли промышленного производства были сосредоточены в Улан-Удэ и составляли $\frac{3}{4}$ всего индустриального потен-

Таблица

Численность наличного населения по муниципальным образованиям республики
(на начало года, тыс. человек)

	1986	1991	1996
всего по республике	1000,4	1056,0	1052,5
г. Улан-Удэ	345,9	379,0	390,9
г. Северобайкальск	30,4	29,9	28,6

Сост. по: Госкомстат Республики Бурятия, 2001, с. 1.

циала республики. Поэтому даже несмотря на общие негативные демографические процессы и экономическую стагнацию в начале 1990-х гг., столица имела положительный коэффициент прироста за счет миграционного притока населения города и прилегающих к нему сельских районов (См. таблицу). Остальные перечисленные города к концу 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг. не отличались высокими темпами прироста, а наоборот, теряли население [Кузнецова, 2012, с. 274]. Тяготение мигрантов, в первую очередь, к столице Бурятии обусловлено более высоким уровнем ее социального и экономического развития, в сочетании с неразвитостью системы городских поселений она выглядела привлекательным объектом для мигрантов.

Практически все сельские районы республики в этот период характеризовались отрицательным сальдо миграции. Миграция из сел в города стимулировалась также проводившейся длительное время политикой ликвидации «неперспективных» деревень. Степень подвижности населения из села в город в разных районах республики была неодинакова. Активной миграцией характеризовалось сельское население районов, расположенных вокруг центрального и других промышленных узлов республики – Кабанского, Заиграевского, Бичурского, Джидинского и Улан-Удэнского районов. В районах республики, где отмечался высокий удельный вес представителей коренной национальности (бурят и эвенков), миграционный отток населения оставался небольшим. Традиционное этническое самосознание и приверженность «малой» родине показывали, что коренное население республики наименее подвержено миграционным перемещениям, особенно за пределы региона, в отличие от русского и другого инонационального населения [Кузнецова, 2012, с. 273].

Наибольшую мобильность в перемене места жительства проявляло активное население трудоспособного возраста 17–45 лет, доля которого среди мигрантов составляла 70 % [Кузнецова, 2009, с. 177]. В основе этой миграционной тенденции лежали объективные причины – учеба, служба в армии, устройство на работу и т.д. В условиях кризиса 1990-х гг. основными причинами сельской миграции послужили низкий уровень социального благоустройства, неудовлетворительное состояние культурного и медицинского обслуживания, низкая заработная плата, плохое обслуживание потребительскими товарами и т.д.

В конце 1980-х гг. продолжалось активное освоение и заселение северных районов республики в связи со строительством Бурятского участка БАМа. Около половины работников прибывали из районов Сибири и Дальнего Востока, значимую роль здесь сыграли и миграционные потоки из центральных, юго-западных и южных районов страны. БАМ определил основные миграционные потоки межрегиональной мобильности населения и качественно изменил структуру населения Бурятии в этот период, ее национальный и половозрастной состав. Однако на протяжении всего периода

строительства для населения была характерна высокая миграционная активность. Размеры обратной миграции возрастали по мере завершения сооружения магистрали вследствие расформирования или передислокации строительных подразделений, а также вследствие низкого уровня развития социальной инфраструктуры новых районов освоения. К окончанию строительства в 1989 г. число выехавших превысило число прибывших. В начале 1990-х гг. государство прекратило инвестировать северные районы, сама республика, находясь в глубоком социально-экономическом кризисе, не смогла поддержать и обеспечить развитие севера. Как видно из таблицы, некогда бурно развивающийся молодой город Северобайкальск стал активно терять население, выбывающее в более развитые города и регионы. Это был мощнейший отток населения из республики, который продлился до середины 1990-х гг. Данная тенденция была характерна для многих регионов Восточной Сибири. На протяжении 1990-х гг. сальдо миграции в Бурятии, как и в соседней Читинской области, имело отрицательное значение. Коэффициент механического прироста составлял –28,7 % и 67,3 % соответственно [Дашинамжилов, 2009, с. 191].

В Бурятии по-прежнему сохранялся большой удельный вес внутрирегиональных перемещений в рамках Сибирского федерального округа (Иркутская, Новосибирская области, Красноярский край). Небольшой процент мигрантов приходился на Дальний Восток (6,0 %) и страны СНГ и Балтии (8,0 %). В результате политических и социально-экономических катаклизмов и распадом государства резко усилились и процессы внешней миграции населения, в которых этнический фактор приобрел исключительную важность. В начале 1990-х гг. начался процесс возвратной миграции из Бурятии этнических групп евреев, поляков, немцев, татар на свою историческую родину. В Украину в 1990 г. выбыло 2968 чел., в Казахстан – 972 чел., в Белоруссию 493 чел. [Миграция населения..., 2005, с. 57]. На фоне выбытия вышеперечисленного этнического населения в Бурятии стала заметно увеличиваться численность мигрантов из Средней Азии и Закавказья. Среди мигрантов были беженцы и вынужденные переселенцы. Это была характерная общероссийская тенденция. Отметим, что с Украиной и Белоруссией, а также с прибалтийскими республиками миграционный обмен был незначительным, в отличие от западных регионов страны.

Таким образом, миграционная структура населения Бурятии в период конца 1980-х – начале 1990-х гг. претерпевала значительные изменения. Дотационный тип развития экономики и последующий социально-экономический кризис в республике стали важнейшим стимулом миграционной активности населения. Низкий уровень развития социальной инфраструктуры, начавшаяся массовая безработица определили направления миграций и обусловили значительные миграционные потери населения в этот период.

Литература

- Госкомстат Республики Бурятия: стат. сб. 06-1. Улан-Удэ, 2001.
Дашинамжилов О. Б. Миграционные процессы в Бурятии в 1990-е гг. // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. С. 188–199.
Кузнецова Я. А. Миграционные процессы в Бурятии в условиях промышленного и транспортного освоения (1970–1980 гг.) // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв. Новосибирск, 2009. С. 183–187.
Кузнецова Я. А. Особенности урбанизации и формирования городского населения в Сибири (на примере Республики Бурятия) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2012. С. 473–478.
Миграция населения в Республике Бурятия // Стат. сб. 02-03-02 Территориального органа Федеральной службы государственной статистики. Улан-Удэ, 2005. 57 с.
Халбаева М.М. Бурятия в 1960–1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект). Улан-Удэ, 1999. 207 с.

ШЭНЭХЭНСКИЕ БУРЯТЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕЭМИГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В 1990-е гг. после распада СССР и начала реформ открытости в КНР начался процесс возвращения бурят из Внутренней Монголии на историческую родину. В статье освещены проблемы реэмиграции и адаптации шэнэхэнских бурят в Республике Бурятия, а также их влияние на хозяйственно-культурную жизнь региона.

Ключевые слова: Шэнэхэн; эмиграция; буряты; реэмиграция; Республика Бурятия; традиция; культура.

Ochirov Tsyden Solbonovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

SHENEHEN BURYATS: THE CHALLENGES OF RETURN AND ADAPTATION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

In the 1990s, the years after the collapse of the Soviet Union and the beginning of reform and openness in China the process of returning the Buryats from Inner Mongolia to their historical Motherland began. The article deals with the problem of emigration and adaptation of Shenehen Buryats in the Republic of Buryatia, as well as their influence on the economic and cultural life of the region.

Keywords: Shenehen; emigration; Buryats; re-emigration; Republic of Buryatia; tradition; culture.

История шэнэхэнских бурят берет свое начало в годы первого десятилетия XX в., когда первая группа бурят из разных аймаков Бурятии перешла границу и осела в местности, позднее названной Шэнэхэн, т.е. новая земля. Поток бурятской эмиграции в Шэнэхэн шел поэтапно. Первый этап относится ко времени столыпинских реформ и гражданской войны и охватывает 1917–1922 гг. Второй этап относится к 1929–1931 гг., к периоду коллективизации и чистки партийных рядов. Массовая эмиграция продолжалась до 1927 г., когда советские пограничники перекрыли границу. Третий этап связан с периодом Великой Отечественной войны. Выделение этих этапов весьма условно, поскольку переселение в Шэнэхэн носило постоянный характер. Особенно активно процесс переселения в Шэнэхэн шел в течение 20-х гг. XX в. Буряты в одиночку и небольшими группами тайно переходили границу и селились рядом с ранее вышедшими бурятами [Балданов, 2007]. Буряты Шэнэхэна, как и другие малые этнические группы Северо-Восточного Китая, пережили тяжелые периоды японской оккупации, гражданской войны в Китае, «культурной революции». Особенно много представителей интеллигенции, передовых людей из среды шэнэхэнских бурят пострадало во время «культурной революции» (1966–1976 гг.). Как отмечает исследователь З. Шмыг, «многие жители Шэнэхэна в период культурной революции были репрессированы под обвинением в шпионаже в пользу СССР и распространении панмонголистских взглядов» [2017, с. 22]. Одним из пострадавших в годы «культурной революции» был известный бурятский ученый, выходец из шэнэхэнских бурят Бодонгууд Абида, который на протяжении всего периода подвергался серьезным гонениям, избиениям и оскорблениям. Его как представителя зажиточного слоя скотоводов обвиняли в не следовании по пути развития общества. Поскольку он в свое время обучался в японском институте в г. Харбин, он был также обвинен как японский шпион. Были выдвинуты обвинения в шпионаже в пользу СССР и МНР. Как вспоминал ученый, погибло много людей. Систематические избиения и унижения вынуждали людей покончить жизнь самоубийством. Несмотря на эти тяжелые условия, Б. Абида смог выжить и далее плодотворно работать [Полевые

записи Б. Д. Цыбенова, 2004]. В целом заметим, что эта проблема, связанная с историческим развитием малых народов северо-восточной части Внутренней Монголии в период культурной революции (1966–1976 гг.), несомненно, является актуальной и требует дальнейшего скрупулезного исследования.

Потепление в российско-китайских отношениях в начале 1990-х гг. и упрощение пограничного режима вызвали рост интереса к исторической родине у шэнэхэнских бурят. Часть их решила на переезд в Республику Бурятия и другие бурятские регионы. Уже много лет в Российской Федерации действует программа переселения соотечественников из-за рубежа. Обычно она ассоциируется с этническими русскими, желающими переехать на постоянное место жительства в Россию из стран ближнего зарубежья. Однако под действие этой программы попадают и шэнэхэнские буряты. Согласно изученным нами материалам, можно выделить две крупные программы, принятые правительством Республики Бурятия для возвращения шэнэхэнских бурят на родину. Первая программа была принята после распада СССР. Учитывая запросы общественности, поддержавшей реэмиграцию бурят, правительство Республики Бурятия и лично В. Б. Саганов, оказали государственное содействие делу возвращения первых бурят из Шэнэхэна. В частности, было подписано соглашение с правительством автономного района Внутренняя Монголия КНР. После этого с начала 90-х гг. XX в. в среде шэнэхэнских бурят начинается реэмиграционное движение, реальное возвращение в страну исхода. Реэмиграция являлась инициативой исключительно бурятского населения Шэнэхэна, хотя такие общепурятские организации как «Конгресс бурятского народа» (КБН), «Всебурятская ассоциация развития культуры» (ВАРК) декларировали в качестве приоритетных направлений деятельности оказание содействия реэмиграции бурят из Китая. В итоговом документе крупного и общественно значимого этнополитического события – первого общепурятского съезда, состоявшегося в 1992 г., – предлагалось «создать фонд возвращения бурят-беженцев, организовать штат фонда, определить размеры оказываемой беженцам помощи, содействовать размещению их на территории исторической родины проживания»,

организовать «миграционную службу для возвращающихся бурят» [Балданов, 2007].

К середине 1993 г. в Республику Бурятия и Агинский Бурятский автономный округ переселилось около 300 шэнэхэнских бурят. В том же году для защиты интересов возвратившихся на родину шэнэхэнских бурят было создано землячество шэнэхэнских бурят. Опыт проживания в статусе мигрантов убедил представителей землячества в том, что для успешной адаптации недостаточно лишь субъективного психологического настроя. Для быстрой интеграции этнических переселенцев на исторической родине необходимы содействие и усилия административных органов. По данным современных бурятских историков, первым репатриантам помогли в оформлении видов на жительство и получении временного жилья; к решению этих задач подключились Всебурятская ассоциация развития культуры, руководство Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии. Были выделены квоты для обучения детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного – оказать реальную помощь в получении российского гражданства. Отмеченные случаи обратного возвращения во Внутреннюю Монголию во многом объяснялись именно сложной процедурой получения российского гражданства, отсутствием необходимой системы социальной поддержки реэмигрантов. С трудностями легализации пребывания был связан целый клубок социальных проблем – определение детей в школу, медицинское обслуживание, трудоустройство и др. [Балданов, Дятлов, 2008].

Вторая программа была принята после того как в 2006 г. указом Президента РФ была утверждена Федеральная программа оказания содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. Эта программа завершилась в 2012 г., но предусматривалось ее продолжение и в последующие годы. 21 марта 2011 г. в МИД РФ обсуждали ход выполнения этой программы. На следующий день министр экономики Республики Бурятия Т. Г. Думнова представила в Правительство РФ республиканскую программу переселения соотечественников. Как отметил министр экономики РБ, республиканская программа разработана с целью приема соотечественников из разных частей света, в том числе шэнэхэнских бурят. На федеральном уровне отработан вопрос по переселению в Бурятию 500 бывших соотечественников из автономного района Внутренняя Монголия КНР [Хандрусай]. Таким образом, принятие федеральной и республиканской программ должно было создать условия для активизации темпов возвращения шэнэхэнских бурят на родину. На деле процесс их реэмиграции застопорился. К 2007 г. из 300-500 вернувшихся в 90-х гг. XX в. шэнэхэнских бурят гражданство Российской Федерации получило лишь 10 %. По данным Б. Батомункуева, члена общественной организации «Землячество шэнэхэнских бурят», в 2007 г. в Республике Бурятия проживало около 300 шэнэхэнских бурят (или более 80 семей). Из них российское гражданство смогли получить 50 человек (около 20 семей). Это можно объяснить тем, что многим возвратившимся на родину шэнэхэнским бурятам приходилось начинать жизнь в России с нуля. Будучи не в силах преодолеть границы со своими стадами, они вынуждены были продать все свое имущество в Китае. К тому же, были и другие препятствия для получения российского гражданства [Хандрусай].

На данный момент, как отмечает исследователь З. Шмыт, «на исторической малой родине – Аге – жи-

вет около 35 семей шэнэхэнских бурят. Они населяют Агинское, Могойто и другие населенные пункты. Потомки беженцев из Борзи не вернулись в ту местность, так как сейчас ее населяет другая община, в основном приезжие русские. Шэнэхэнские буряты предпочитают селиться около родных агинских бурят» [Шмыт, 2017]. Тем не менее, около 2/3 шэнэхэнских бурят живет в Республике Бурятия, в ее столице – г. Улан-Удэ, а также в сельской местности: Хоринском, Заиграевском, Еравнинском, Иволгинском и Мухоршибирском районах Республики Бурятия. Шэнэхэнские буряты, проживающие в республике, вполне адаптировались и не ощущают себя приезжими, особенно молодое поколение. Несмотря на кровное родство, жителям автономного района Внутренняя Монголия КНР пришлось обживать землю предков заново, учить язык, привыкать к новому укладу жизни. Трудности адаптации переселенцы переживали сообща. Самой большой проблемой был языковой барьер. Сегодня эта проблема не так актуальна. За десять с небольшим лет уже подросло поколение, для которого русский язык – не барьер, а способ общения. Тем не менее, связи с Шэнэхэном и автономным районом Внутренняя Монголия КНР диаспора не теряет, поддерживая традиции своего народа и прокладывая новые мосты дружбы. За прошедшие годы налажен постоянный культурный обмен с автономным районом. В частности, бурятских артистов там уже хорошо знают и любят. Б.-Х. Аюшеева, Ч. Раднаев, Э. Батсух – эти и другие имена всегда имеют успех, их выступлений ждут и встречают как давних друзей. Успешно действует образовательная программа. В рамках договора с Бурятским государственным университетом ежегодно несколько студентов приезжают в Улан-Удэ на обучение. Год учатся на подготовительном факультете, осваивают язык, готовятся к экзаменам по предметам. Вместе шэнэхэнские буряты обязательно собираются дважды в год: на Сагаалган и празднование Обо [Абидуева, 2005, с. 5–6]. Заметим, что вместе с бурятами из Шэнэхэна выехали и немногочисленные представители даурского этноса. Всего их в Республике Бурятия насчитывается около 10 чел. [Цыбенков, 2016, с. 468]. Они большей частью относятся к так называемым хайларским даурам, проживающими по соседству с шэнэхэнскими бурятами. Известно, что хайларские дауры также компактно проживают в г. Хайлар, административном центре эвенкийского автономного района – г. Нантун, баргутских районах [Цыбенков, 2012, с. 198].

Относительно вклада шэнэхэнских бурят в развитие культуры и экономики Республики Бурятия существуют разные взгляды. Как отметил А. А. Елаев, в бытность заместителем председателя Комитета по международным отношениям администрации президента РБ, «надо защищать интересы «своих», и шэнэхэнские буряты выступают в качестве экономических конкурентов по отношению к местному населению» [Хандрусай]. Заместитель председателя Правительства РБ А. Е. Чепик в своем интервью еженедельной газете «Информ Полис» 2 сентября 2010 г. коснулся занятости шэнэхэнских бурят: «Безработица высокая, но нам не дают их привлекать. Они же скотоводы, никак не повлияют на безработицу, напротив, создадут дополнительные рабочие места на тех огромных площадях, которые в Сибири, в Бурятии у нас не освоены» [Балданов, 2015, с. 58]. По мнению современных бурятских историков, «жизнь шэнэхэнских бурят и возможности их возвращения перестали быть политически актуальной темой. Теперь репатриация – дело их индивидуального выбора и частных усилий представителей принимающего обще-

ства. Граница стала набором экономических, житейских практик. Основные занятия шэнэхэнских бурят в России – традиционное скотоводство, традиционная кухня, посредничество – использование ресурса жизни в двух мирах (китайский язык, связи в Китае, жизнь и связи в Бурятии, бурятский язык). Возвращение на историческую родину не привело к быстрому и безболезненному слиянию с материнским этносом. Шэнэхэн, в свою очередь, стал этническим «очагом» в Китае, второй родиной. Возможно, модернизация приведет к изменению роли границы в судьбе шэнэхэнских бурят» [Балдано, 2015, с. 58]. Как отмечает Д. Ц. Бороноева, роль шэнэхэнцев в жизни Республики Бурятия огромна, они дали толчок развитию бурятской культуры, возрождению забытых традиций. Эти несколько десятков семей восстановили кочевое пастбищное скотоводство в целом ряде районов республики, дали импульс огородничеству, развернули сеть полюбившихся в народе закусовых. По подсчетам специалистов, несколько тысяч шэнэхэнцев на гуртах способны были бы обеспечить мясом всю республику. Один красноречивый пример: в селе Баруун хомон Шэнэхэна проживает 3600 человек, на которых приходится более 200 тыс. голов скота. Здесь необходимо учесть острую нехватку земель и пастбищ в Баруун хомоне. Сила шэнэхэнских бурят – в знании старинных способов разведения скота, в их трудолюбии и высоком качестве всего того, что они делают. Нам еще предстоит полное осмысление их вклада в жизнь Бурятии в 90-е и первые «нулевые» годы, но уже сегодня этот вклад просто невозможно не признать [Бороноева, 2001]. Исследователь Хурэлбатыр отмечает отличие этнической идентичности шэнэхэнских бурят от собственно монголов АРВМ. По данным ученого, особенно ярко она проявилась по отношению к подвергшемуся в большей степени русификации материнскому этносу после воз-

вращения на историческую родину после 1990-х гг. Поэтому роль шэнэхэнских бурят для Республики Бурятия огромна, поскольку они служат примером бурятских традиций и знания родного языка [Hurelbaatar, 2000].

Возвращение шэнэхэнских бурят на родину имеет очень большое значение для Республики Бурятия и других бурятских регионов. Мотивация такого внимания четко и подробно была обоснована в статьях и политических заявлениях одного из основателей и руководителей Бурят-Монгольской народной партии и Движения национального единства «Нэгэдэл» В. А. Хамутаева. В частности, он писал: «Осколки всех наций едут домой. Евреи через 2 тысячи лет возвращаются на историческую родину, немцы России через 200 лет возвращаются в Германию. Казахи Китая и Монголии едут на родину, на которой они никогда не жили. Правительство Назарбаева приняло программу возвращения казахов в генофонд нации, по которой предусмотрены меры по стимулированию возвращения на историческую родину, наделение земель реэмигрантов, обустройство их компактными деревнями со своим укладом жизни... Слабые нации, не сумевшие сгруппироваться внутри себя на собственных этнонациональных ценностях и интересах, растворятся в других...» [Хамутаев, 2000, с. 177; Балдано, 2015, с. 58].

Для Республики Бурятия шэнэхэнские буряты представляют несомненный интерес как диаспора, сумевшая сохранить уже многие уходящие в небытие уникальные традиции и обычаи бурятского народа. Можно констатировать, что непростое слияние части репатриантов с материнским этносом все же успешно состоялось. Их адаптация и последующая деятельность, несомненно, дали новый импульс социально-экономическому и культурному развитию Республики Бурятия.

Литература

- Абидуева С. Шэнэхэнские буряты // Патриот. № 4. Улан-Удэ, 2005. С. 5–6.
- Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 52–59.
- Балдано М. Н., Дятлов В. И. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору // Диаспоры. 2008. № 1. С. 164–192.
- Балданов С. Ж. Причины эмиграции бурят и их современное положение в Монголии и Китае // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2007. С. 3–8.
- Бороноева Д. Ц. Специфика образа этнической самоидентификации бурят Внутренней Монголии КНР // Феноменология традиционности и современности. Улан-Удэ, 2001. С. 103–114.
- Полевые записи научного сотрудника ИМБТ СО РАН, канд. ист. наук Б. Д. Цыбенова Дневник этнографической экспедиции «Дауры и баргуты Китая» (июль-август 2004 г.)
- Хамутаев В. А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Улан-Удэ, 2000. Ч. 1–2.
- Хандрусай В. Н. Шэнэхэнские буряты: долгое возвращение // URL: <https://moy-ulan-ude.livejournal.com/16947.html> (дата обращения: 24.02.2018).
- Цыбенков Б. Д. Миграции даурского населения в XVII–XVIII вв. // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 191–201.
- Цыбенков Б. Д. О происхождении топонима «Селенгинская Даурия» и вероятности проживания дауров в долинах Селенги и Уды // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 467–471.
- Шмыт З. Диаспора как зеркало идентичности: на материале бурят-монголов Китая // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 16–34.
- Hurelbaatar A. An Introduction to the History and Religion of the Buryat Mongols of Shinehen in China // Inner Asia. 2000. Vol. 2/1. P. 73–116.

РАЗДЕЛ 4 КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ

DOI 10.30792/ 978-5-7925-0521-6-2018-188-189

Гарри Ирина Регбиевна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
irina.garri@imbt.ru

БУРЯТИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО СХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУР¹

В статье Бурятский регион рассматривается в качестве своеобразного «пространства схождения», где российская, монгольская и тибетская культуры сосуществуют, конкурируют, смешиваются и синтезируются на основе автохтонной бурятской культуры.

Ключевые слова. Бурятия; монгольский мир; буддийская цивилизация; бурятская культура.

Garri Irina Regbievna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

BURYATIA AS A CULTURAL CONVERGENCE ZONE

The article analyses Buryatia as a specific convergence zone in which Russian, Mongolian, and Tibetan cultures co-exist, compete, mix and synthesize on the base of the autochthonous Buryat culture.

Keywords. Buryatia; Mongol worls; Buddhist civilization; Buryat culture.

Отличительной чертой положения Бурятии является ее местонахождение на далеких окраинах России, монгольского, китайского и буддийского миров, что располагало бурят к сложной самоидентификации. Они чувствовали себя причастными к различным политико-географическим и культурным контекстам: Сибири, России, монгольского мира, Центральной Азии и буддийской цивилизации [Амоголонова, 2005, с. 20].

Для определения существа идентификационной проблемы бурят хорошим подспорьем служит теория маргинальности Адама Вейсбергера. На примере евреев Германии он отмечает, что «маргинальные люди и группы» переживают «двойную амбивалентность»: в отношении своей собственной и в отношении доминирующей культур. Эта амбивалентность, по его мнению, порождает у них различные стратегии: ассимиляции, погружения в собственную, пребывания (в амбивалентности) и выход (*transcendence*). Последняя «представляет попытку преодолеть противостояние двух культур через создание третьего пути, который предполагает выход (за их рамки) или их примирение» [Weisberger, 1992, p. 429–430]. Эта мысль Вейсбергера является очень важной для осмысления бурятских перспектив. По мнению Веры Тольц, «те люди, которые выбирают эту стратегию, делают связи между центром и перифериями империи многонаправленными, глобализуя мир, в котором они живут» [Tolz, 2015, p. 727]. Она считает, что таким человеком был лидер бурятского национального движения Цыбен Жамцарано.

Действительно, Жамцарано и его сподвижники в лице Базара Барадина, Гомбожапа Цыбикова, Михаила Богданова и Агвана Доржиева относились к числу той немногочисленной прослойки бурят, которые имели равное отношение к обеим культурам: своей собственной и российской имперской. В то время как первые четыре получили европейское образование в Санкт-Петербургском университете, последний имел классическое буддийское образование в тибетской традиции.

Как никто другой среди своих соплеменников они прекрасно осознавали маргинальность положения бурят на перекрестке больших культур и всю свою жизнь посвящали тому, чтобы буряты обрели свое достойное место среди них. Будучи представителями российской государственности, они отводили бурятам роль авангарда просвещенной Европы в родственной Азии, посредника в продвижении глобальных геополитических проектов российской империи. Вместе с тем, представляя бурятскую элиту, имевшую глубокое всестороннее образование, они в отличие от своих оппонентов считали, что путь автономии бурят в составе России должен строиться на основе сохранения своих национальных традиций: бурятского языка, основанного на монгольской письменности, системы бурятских родов как культурной основы бурятского образа жизни и буддизма как национальной религии бурят.

Несмотря на то, что вся передовая элита бурят погибла в сталинских репрессиях 1937-1938 гг., и интеграция бурят в составе СССР происходила по ассимиляционному пути, идеи Цыбена Жамцарано и его соратников продолжают оказывать огромное влияние на современный дискурс бурятского национализма. Кем являются сегодня буряты: людьми с собственно бурятской и российской идентичностью или они являются, в первую очередь, частью общемонгольского мира? Есть ли у бурят своя собственная буддийская традиция или она является лишь частью тибетского буддизма под патронажем тибетских буддийских иерархов? – эти вопросы остро дискутируются в настоящее время на публичной арене республики и в блогосфере.

Думается, население республики в целом отдает себе отчет в том, что продолжение ассимиляции, в полной мере испытанной бурятами, – это путь к исчезновению нации, а успокоение в традиции – это возврат в прошлое, который неосуществим. В то время как стратегия «выхода за рамки», отстаиваемая Жамцарано, – это реальный инструмент для создания пространства

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

возможностей для самореализации бурятской нации в контексте современной цивилизации.

Тибетский ученый Тензин Жинпа, рассуждая о схожем положении тибетцев на сино-тибетском приграничье, предлагает концепцию «пространства схождения» (*convergence zone*). «Даньба и Гьяронг, – пишет он, – могут рассматриваться не только в качестве периферии как для ханьцев, так и для тибетцев, но и как зона схождения, где китайский и тибетский народы и культуры соединяются, взаимодействуют, соревнуются, смешиваются и сосуществуют. Это места, где местные люди не просто инкорпорируют различные элементы этих двух народов и культур, но также создают новое пространство для своего выживания, культурного выражения, конструирования идентичности и политического позиционирования» [Jinpa, 2014, p. 7].

Бурятский регион также можно рассматривать в качестве своеобразного «пространства схождения», где российская, монгольская и тибетская культуры сосуществуют, конкурируют, смешиваются и синтезируются на основе автохтонной бурятской культуры. Обращение к последней, в основе которой лежит система бурятских родов, связывает бурят со своими родовыми предками, родной землей и духами священных мест. Российская идентичность отражает политические реалии Бурятии как субъекта РФ, глубокое приобщение бурят к русскому языку и русской культуре. Пан-монгольская и пан-буддийская идентичности отражают транснациональ-

ные аспекты бурятской культуры, их связь с великими предками в лице основателя монгольской империи Чингисхана и харизматическими религиозными лидерами в лице Далай-лам Тибета.

Эта открытость пространства символизируется государственным флагом Республики Бурятия: белая и синяя полосы вызывают ассоциацию с российским флагом, знак соёмбо – с монгольским, желтая полоса свидетельствует о принадлежности бурят к буддийской религии. Создание новых идентичностей в условиях современности иллюстрируют усилия правительства Бурятии по созданию туристического бренда республики, который включает в себя такие маркеры, как озеро Байкал, буддийские дацаны, шаманские святыне места, гуннское городище и захоронения, культура семейских старообрядцев и пр. Хамбо-лама Дамба Аюшеев небезуспешно конструирует пространство, в котором объединяются символы российской государственности, буддийской и традиционно бурятской культуры, как-то: легитимация имперской власти посредством наделения верховной российской власти божественным статусом (Дмитрий Медведев как воплощение покровительницы буддизма Белой Тары), создание культа нетленного тела хамбо-ламы Итигелова в качестве подтверждения избранности и особой духовности бурятского региона, усилия по развитию бурятского языка, спорта и традиционного животноводства.

Литература

Амоголонова Д. Д., Елаева И. Э., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск, 2005.

Tenzin Jinpa. Eastern Queendom. The Politics of Gender and Ethnicity on the Sino-Tibetan Border. Seattle and London: University of Washington Press, 2014.

Tolz V. Reconciling Ethnic Nationalism and Imperial Cosmopolitanism: The Lifeworlds of Tsyben Zhamtsarano (1880–1942) // *Asiatische Studien*, 69, 3, p. 723–746.

Weisberger A. Marginality and its Directions // *Sociological Forum*, Vol. 7, Issue 3, p. 425–446.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ БУРЯТИИ В 1920–1930-Е ГГ.: УРОКИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье анализируются итоги и значение социально-культурных преобразований в Бурятии в 1920–1930-е гг. в области образования и просвещения, культуры и искусства, здравоохранения и быта,

Ключевые слова: советская культура; язык; традиции; социальные ориентиры; образование; быт.

Nomogoeva Victoria Vladimirovna
 Buryat State University
 Ulan-Ude, Russian Federation

CULTURAL MODERNIZATION IN BURYATIA IN 1920–1930-S: HISTORY LESSONS AND HISTORICAL SIGNIFICANCE

The author analyzes the results and significance of socio-cultural transformations in Buryatia in 1920–1930-s in the fields of education, culture and art, health and everyday life.

Keywords: Soviet culture; language; traditions; social orientations; education; everyday life.

Постсоветская историография создала в целом осуждающий тон для оценивания советского периода истории нашей страны. В обыденном сознании общества, исходя из сегодняшних многосложных, глубинных противоречий, это время предстает в образе мрачного, полного социальных катаклизмов периода. В определенной степени такие настроения подпитываются многими ошибками и просчетами, допущенными государством в советский период. Поэтому изучение данной темы весьма актуально для объективного объяснения реальной истории преобразований народов России.

Опыт первых советских культурных преобразований говорит о том, что в результате грандиозного социального эксперимента удалось осуществить переход к новым формам культуры. Особенно ярко этот процесс происходил у народов, получивших государственность в форме автономных республик и областей. Несомненно, многие явления политического, социально-экономического и культурного характера в региональных условиях были беспрецедентны.

Среди регионов России заметное место занимает Республика Бурятия, отличающаяся высокой степенью образованности населения, академическим уровнем научных исследований и необычайно развитыми формами национальной культуры. Значительных успехов в данной области она достигла, в том числе, и за счет успешного осуществления мероприятий в ходе культурного строительства в 1920–1930-е гг. В то же время именно в эти годы в культурном развитии присутствовал и параллельный процесс – создание тотализированной культуры, сопровождавшейся вытеснением национальных традиций, уничтожением инакомыслия, примитивизацией художественных оценок.

Культурное строительство в Бурятии в 1920–1930-е гг. привело к кардинальным изменениям в культуре Бурятии (изменения коснулись основных составляющих социокультурной сферы общества: материально-технической базы, системы управления, образования, просвещения, науки, здравоохранения, быта, искусства и культуры).

Масштабные мероприятия были проведены в направлении образования, просвещения и науки. Была создана государственная система среднего, средне-специального, высшего образования. В дополнении к ней сеть внешкольных и дошкольных учреждений. В национальных регионах особое внимание отводилось созданию национальной школы. В Бурятии под нее была

подведена научно-методическая и кадровая основа, что послужило опорой для ее дальнейшего развития.

Процесс создания государственной системы образования происходил интенсивно, быстрыми темпами и проходил под четким руководством властей. Государственный подход в деле народного образования имел важное историческое значение, способствовал упорядочению данного процесса, позволял эффективнее распорядиться финансами и материальными средствами. Тем не менее, издержки жесткого подчинения народного образования идеологическим установкам, излишняя авторитарность советских принципов образования, преобладание идеологических догм над общественным сознанием в условиях 1920–1930-х гг. не позволили в полной мере проявиться провозглашенным принципам светской демократичной школы.

Создание государственной системы народного образования и просвещения в Бурятии в данный период завершилось осуществлением всеобщего начального образования и переходом к семилетнему обязательному образованию. В результате к концу 1930-х гг. все дети школьного возраста были вовлечены в систему государственного образования и воспитания.

В направлении содержания, видов, форм, технологий и методов учебно-воспитательной работы рассматриваемые годы были годами исканий, проб, ошибок. Не всегда адаптация программно-методического обеспечения к условиям региона проходила гладко. Тем не менее, в условиях республики была проведена огромная работа по научно-методической разработке и внедрению национальных образовательных программ, учебников и учебно-методических пособий. Апробированы разные типы общеобразовательных учебных заведений, именно в эти годы появились школы-интернаты как один из самых приемлемых вариантов для обучения детей кочевников.

Особой задачей создания системы образования являлась задача по созданию кадровой основы, в том числе и национальной. Десант учителей, подготовленных в центральных учебных заведениях, осуществлявшийся в годы культурного строительства, значительно помог в решении данной проблемы. Однако полностью решить вопрос таким образом было нереально. Только создание региональной системы подготовки и переподготовки педагогических кадров через краткосрочные курсы, педтехникумы, учительский институт и, наконец, пе-

дагогический институт к концу 1930-х гг. позволило значительно продвинуть решение проблемы кадрового обеспечения системы образования. Тем не менее, вопрос обеспечения квалифицированными учителями будет еще долгие годы остро стоять перед системой образования республики.

Одной из приоритетных задач культурного строительства являлась задача формирования системы подготовки профессиональных кадров для экономики региона. К концу 1930-х гг. республика располагала сетью училищ, техникумов, рабфаков, вузов. Отличительными особенностями данного процесса в Бурятии являлся уклон в создание и развитие учебных заведений с педагогическим профилем, существенное отставание в создании учебных заведений технического плана, что объяснялось некоторым запоздалым индустриальным развитием Бурятии, к тому же не могли не сказаться на этой специфике и процессы «коренизации».

Реализация научно-исследовательских задач была возложена на сеть научных организаций, среди которых основную роль выполнял созданный на базе Буручкома Бурят-Монгольский государственный институт культуры, впоследствии реорганизованный в Государственный институт языка, литературы и истории. Институт взял на себя роль центра гуманитарных наук в республике. Основными задачами учреждения стали изучение и разработка вопросов национально-культурного строительства. В этих целях было необходимо расширять научные исследования в области истории, языка, литературы народов республики. Однако для этого не было больших возможностей, прежде всего нужных научных кадров. Тем не менее, то, что было сделано за этот период послужило базой для качественного роста науки в Бурятии в дальнейшем.

Практика достаточно жесткого партийно-государственного руководства оказалась эффективной при решении большинства задач культурного строительства. Централизация системы управления позволила сфокусировать ресурсы на ключевых мероприятиях и задачах системы образования и науки. Вместе с тем именно в эти годы в государственном управлении культурой Бурятии сложилась практика остаточного принципа финансирования, технократический подход, количественные вместо качественных показатели при подведении итогов и многие другие отрицательные явления, приведшие впоследствии к кризисным явлениям в культуре.

В программе советского культурного строительства Бурятии особая роль отводилась национальной программе развития. Среди проектов, легших в основу национальной программы культурного строительства, особенно продуктивными были ликвидация массовой неграмотности и языковое строительство. Не менее важным стало на данном этапе культурное просвещение, обращенное к нации и формирующее общественное мнение, коллективные вкусовые предпочтения, стереотипы поведения, образ жизни, менталитет и ценности.

Весь комплекс мероприятий национальной программы просвещения проводился в Бурятии под флагом выравнивания уровней культурного развития. Работа проходила под руководством ВЦИК и Госплана, и ее нельзя не расценить как гигантский шаг по преодолению того культурно-образовательного разрыва, какой имелся между европейской частью бывшей империи и ее восточными регионами, между СССР и странами Европы. При всей противоречивости идеологии, содержания и результатов советской национальной политики

она имела огромное позитивное значение не только для России, но и для всего мирового сообщества.

Основным результатом работы по ликвидации неграмотности явилась подготовка населения Бурятии к восприятию общей светской культуры. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что через мероприятия ликвидации проводилась усиленная партийная идеологическая работа, имеющая ярко выраженное политическое содержание.

В культурном строительстве Бурятии существенную роль занимала государственная языковая политика. Язык народа является важнейшим компонентом его национальной культуры и формируется он вместе с образованием этноса, являясь одновременно условием его существования. В первые годы существования республики применение бурятского языка заметно расширилось. В те годы обучение в школе, ликвидация неграмотности, издательская деятельность осуществлялись на родном языке. В итоге заметно возрос культурный уровень бурятского населения, началось формирование национальной интеллигенции. В дальнейшем реформирование языка и политические репрессии нанесли невосполнимый урон сохранению и развитию бурятского языка.

В реализации национальной программы культурного просвещения важная роль отводилась сети художественно-просветительных учреждений – театров, музеев, клубов, библиотек, изб-читален. Посредством внедрения советских новаций в культуру были созданы условия для создания многих видов творчества. Однако в дальнейшем при выработке ориентиров будущего культурного развития Бурятии в практику политического руководства была привнесена официальная однополярная идеология, нанесшая невосполнимый ущерб национальной культуре.

Советская система художественной культуры обеспечивала успешное претворение в жизнь ленинских указаний о повышении роли литературы и искусства в решении задач культурного строительства революции. При этом партия добивалась развития всей художественной сферы общественной жизни в тесной связи с задачами партийной идеологической работы.

Несмотря на крайнюю политизацию творчества, в культурной жизни республики в 1920-е гг. сохранялись вполне заметные черты плюрализма. Дореволюционная творческая национальная интеллигенция имела возможность вести открытую полемику с новыми революционными тенденциями культурной жизни страны. Однако, на рубеже 1920–1930-х гг. в стране и в республике сворачивается любое инакомыслие. В целях централизации процессов управления и контроля создаются единые Союз писателей, Союз художников и т.п. Исследование показало, что дальнейшие директивные меры власти в сфере художественной культуры привели к быстрой идейной поляризации художественной национальной интеллигенции.

В ходе культурно-исторической модернизации в Бурятии произошли коренные изменения в повседневной сфере общества, утвердились новые формы бытовой культуры. В результате целенаправленной социальной политики была создана государственная система здравоохранения. На территории Бурятии возникли больницы, поликлиники, амбулатории, появились учреждения для борьбы с социальными болезнями, по охране материнства и детства. Главным итогом стало увеличение естественного прироста населения в два раза. К концу рассматриваемого периода медицинская сеть республики была представлена комплексом системы ле-

чебно-профилактических и научно-исследовательских учреждений по оказанию квалифицированной помощи населению. Достижения в области здравоохранения сказались, прежде всего, на улучшении здоровья населения. Произошло значительное снижение заболеваемости и смертности, были ликвидированы основные эпидемические очаги, заболеваемость социальными болезнями была сведена к минимуму.

Несомненно, главные фундаментальные перспективные вопросы развития советской культуры в республике к концу 1930-х гг. были решены. Нельзя не отметить при этом, что становление культуры Бурятии осложнялось системой администрирования, перерас-

тавшей в авторитарные формы, имелось немало негативных тенденций, непродуманных экспериментов. Этот противоречивый процесс создания и разрушения длительное время сопровождал историю культуры Бурятии.

Несмотря на это, в 1920-1930-х гг. были заложены основы дальнейшего культурного развития народов республики. К концу 1930-х гг. был достигнут высокий уровень интегрированности народов Бурятии в советское общество. Этот процесс охватил такие значимые с точки зрения культурной самоидентификации сферы, как язык, традиции, социальные ориентиры, образование, быт, институт семьи и брака.

Литература

- История Бурятии. В 3-х томах / Отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. Т. 3. XX–XXI в.
Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1974. Т. 2.
Номогоева В. В. Бурятия в 1920–1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2011. 317 с.

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ТАНСКИХ

Статья посвящена некоторым фактам из жизни известной и уважаемой в Верхнеудинске семьи доктора М. В. Танского. В тексте использованы воспоминания Михаила Владимировича о наиболее важных моментах его молодости, профессиональной деятельности и о событиях в истории послереволюционной России, наложивших большой отпечаток на семью.

Ключевые слова: доктор М. В. Танский; история Верхнеудинска и Улан-Удэ; П. Т. Трунев.

Grechanik Lyudmila Evgenievna
Ethnographic Museum of Peoples of Transbaikalia
Ulan-Ude, Russian Federation

FROM THE HISTORY OF THE TANSKY FAMILY

The article is devoted to some facts from the life of the well-known and respected family in Verkhneudinsk, Dr. M. V. Tansky. The text uses the memories of Mikhail Vladimirovich about the most important moments of his youth, professional activity and events in the history of post-revolutionary Russia, which left a big imprint on his family.

Keywords: Dr. M. V. Tansky, the history of Verkhneudinsk and Ulan-Ude; P. T. Trunev.

Михаил Владимирович Танский – библиофил, краевед, общественный деятель и путешественник, происходил из старинного казачьего рода и состоял в родстве с великим русским писателем Н. В. Гоголем. Родился 8 ноября 1869 г. в селе Сухобузимо Енисейской губернии. С 1870 г. проживал в Верхнеудинске, куда начальником акцизного округа был переведен его отец. В 1879 г. поступил в Иркутскую мужскую гимназию, в которой проучился до пятого класса и переведен в Читинскую мужскую гимназию. В 1899 г., получив диплом врача, работал ординатором в гинекологической клинике Казанского университета. Вспоминая свои студенческие годы, Михаил Владимирович пишет: «Первые две недели я носил в кармане прошение о переводе на мед-фак, на который стремился. Но почему же этого сразу не сделал? В этом отношении дело обстояло тогда так. Все, окончившие сибирские гимназии, были прикреплены к только что открывшемуся Томскому университету с единственным пока факультетом медицинским. Меня не поманивало провести годы студенческой учебы в сереньком, невзрачном Томске, тянуло в Россию, в хороший, старинный город Казань, а главное – тянула Волга. И вот желание мое осуществилось, оставалось подать прошение, и я студент-медик. Такая уловка в обход закона удачно практиковалась. Но я этого не сделал, потому что естественные науки после мертвящего толстовского классицизма широко открыли глаза на живой мир, на природу и увлекли» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) Ф. 1778. Оп. 1. Д. 16. Л. 1]. «На четыре года остался я на естественном отделении, ибо легко и бездумно по молодости швырялся временем» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 16. Л. 1об.].

«Весной 1895 года я закончил физико-математический факультет по отделению естественных наук с дипломом первой степени. Надо было вставать на собственные ноги. Отец, помогавший мне материально, был старик, ему следовало уходить в отставку, на покой. И я оказался финансовым чиновником. Служба мне была не по нутру. Спился с отцом, высказал желание получить медицинское образование. Отец одобрил меня, сообщил, что года четыре еще послужит и охотно мне поможет. И вот осенью 1896 года я снова в Казанском университете...» – вспоминал Михаил Владимирович [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 16. Л. 5]. После он 3 года учился в ординатуре, в 1904 г. был направлен на службу

в Севастополь, где стал заведующим акушерско-гинекологическим отделением.

С началом русско-японской войны М. В. Танский выехал в Верхнеудинск и стал работать ординатором лазарета Красного Креста Одесской Касперовской общины сестер милосердия. Война закончилась поражением русской армии. Начались революционные события: обыски, расстрелы, ссылки. Арестовали его сослуживцев, знакомых, приятелей – заведующего городской больницей И. А. Шинкмана, директора реального училища Окунцова. Врач Шинкман в записке из тюрьмы попросил М. Танского на несколько дней заменить его в больнице, а остался Михаил Владимирович заведующим городской больницей на 18 лет. Истинный интеллигент своего времени, он беззаветно и преданно служил делу всей своей жизни, избранному когда-то в юности, все свои силы отдавал делу благоустройства больницы, первым устроил большую операционную, пополнил устаревшие хирургические наборы. Он был универсальным врачом: терапевт, хирург, гинеколог, акушер, стоматолог, ортопед, психиатр, отоларинголог. Он лечил всех: и богатых, и неимущих. «Больница была переполнена бесплатными больными, хотя плата за лечение взималась рубль за сутки», – писал М. В. Танский, – «амбулаторный прием велся бесплатно, хотя в приемной висела кружка, опечатанная печатью городской управы, для добровольных пожертвований, кто сколько может и пожелает. Нередко кружку похищали...» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. Наряду с основной работой М. В. Танский работал врачом и преподавателем в Верхнеудинском реальном училище и женской гимназии, судебным экспертом, тюремным врачом в воинском ведомстве.

За свою педагогическую деятельность в 1916 г. Михаил Владимирович был удостоен звания учителя средних учебных заведений по естествознанию. Он проводил большую общественную работу, в течение двух четырехлетий избирался гласным городской думы. В годы Дальневосточной республики возглавлял всю медицинскую сеть города. В 1929 г. во время учебы в Санкт-Петербурге в возрасте 59 лет он заболел и долго лечился, и в возрасте 60 лет ушел на пенсию инвалидом 2-й группы.

Екатерина Александровна Танская закончила Читинскую гимназию, всю свою жизнь проработала учителем, сначала в реальном училище, школе № 2 г. Верх-

неудинск (Улан-Удэ). О скромности этой семьи свидетельствует тот факт, что после венчания новобрачная поехала на занятия в училище, а М. В. Танский с фельдшером – свидетелем брака направился в больницу. Совместная супружеская жизнь Танских длилась 56 лет. Хотя своих детей они не имели, в их семье вырос взятый на воспитание в 5-летнем возрасте мальчик Ваня, который, получив образование, стал газетным работником в Москве, ушел добровольцем на фронт и погиб в годы Великой Отечественной войны.

В Верхнеудинске в их гостеприимном доме останавливались многие именитые ученые, артисты, художники, у них находили приют «подневольные беженцы», катившиеся с запада с отступлением колчаковской армии. Останавливался у них и известный композитор Дмитрий Шостакович. Михаил Владимирович много путешествовал по России и за ее пределами, дважды брал длительные отпуска по четыре месяца в 1911 и 1914 гг. Чтобы воспользоваться отпуском, он должен был сам найти себе замену.

К сожалению, Танские не смогли избежать потрясений, которые обрушились на всю страну с приходом советской власти. Об очень печальных, но хорошо иллюстрирующих время событий, произошедших с семьей, Михаил Владимирович писал: «В автобиографическом очерке «Кое о чем из моей жизни» я обошел молчанием целый ряд событий, имевших в нашем существовании громадное значение, унесших много здоровья, потрепавших до предела нервы, глубоко поранивших душу, болезненно памятных и по сие время...» Времена внутренней политики тов. И. В. Сталина за последние годы его жизни были в достаточной степени жестоки и суровы для народа, жить приходилось в тревоге, с оглядкой.

«Мы оказались жертвами этой неправильной политики, попали под тяжелый исторический жернов, сильно нас помявший. Разыгралась эта кошмарная трагедия во всей Руси Великой при «Ежовщине» в 1931 г. Конечно, и наше местное Государственное политическое управление (ГПУ) в общую компанию включилось. Вот как развернулись события. Не было предвительно издано никакого декрета или закона о том, что никто не имеет права держать и иметь у себя золотые монеты царской чеканки и золота вообще в чистом виде, и то и другое подлежит сдаче в фонд государства. Такое узаконение было бы понятно, вполне оправдываемое ввиду стесненных ресурсов государства, строящего новую, недостаточно еще окрепшую жизнь» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 1].

«... И думается мне, народ широко откликнулся бы на такой призыв... Пример тому: когда началась Великая Отечественная война, советское правительство не обращалось к народу за материальной помощью, но с первого же дня объявления манифеста о войне по великом патриотическому побуждению в государственную казну на нужды войны полились, как из рога изобилия, пожертвования и денежными средствами и ценными вещами... Но тогдашняя власть пошла иным путем. Стали хватать людей по какому-то непонятному выбору, по наитию ли свыше или по указаниям с потолка и требовать золотой валюты царской чеканки или чистого золота» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 1об.].

«Особенно приходится отметить арест по тем же побуждениям П. Т. Трунева, директора Русско-Азиатского банка. Этот арест – начало, порождение нашей горькой судьбины... Арестованного Трунева сначала держали в ГПУ. К этому времени состоятельный человек, ничем

будто бы порочным не запятанный, изгнанный со своей семьей из собственного дома, был уже человеком разоренным. Жена с остатком имущества ютилась на квартире в небольшой комнатухе. Один сын, не оторвавшийся своевременно от родителей, исключенный из Иркутского университета ... был сослан на работы в Черемховских угольных шахтах. Другой благоразумно разорвавший показательно связь с родителями учился в техническом училище в Иркутске и курс окончил... И нас по родственным отношениям пристегнули к этому кошмару» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 2].

«Жена Трунева и моя были родными сестрами. Вскоре вслед за мужем взяли в ГПУ и жену его Зинаиду Александровну, добрую мать, вырастившую трех хороших ребят. Получила она приказ явиться в ГПУ и перед уходом пришла проститься с нами... В ГПУ Труневу долго не держали, отправили в тюрьму. Перед отправкой она имела неосторожность передать некоей гражданке Р., получавшей свободу, записку для передачи жене моей. Возможно, что эта «некая» была просто провокатором, подсаженным в женскую камеру. Записку мы получили, содрогнулись, почувствовали «страх иудейский» и тотчас же уничтожили, хотя она была невинного содержания. Заботливая мать еще раз слезно просила не оставлять ее детей и сохранить, побережь остатки их имущества. Эта записка, совсем не нужная, оказалась для нас роковой. Комнаты с имуществом Труневых ГПУ опечатало, получение записки женою стало известно ГПУ, и она послужила толчком взяться за жену. И взялись.

Появились в нашей квартире сотрудники ГПУ, произвели тщательный обыск, ничего предосудительного не нашли, кроме золотых и серебряных вещей, владение которыми, очевидно, сочли преступным, и изъяли. Какова была судьба этих ценностей, поступили ли они в государственный фонд, ведомо только ГПУ.

Подобный случай произошел и с доктором Гофлендом, но он решительно и смело вернул свои вещи. Наше положение было иное, осложненное побочными угрожающими обстоятельствами, и мы не осмелились писать, предпочли попустить свои добром...» [Там же. Л. 2об.].

Обстановка в стране была такова, что люди боялись рисковать и связываться с властью, так как нередко были случаи заключения под стражу или исчезновения без вести и за меньшее. Часто судьба целой семьи могла быть сломана по доносу недоброжелателей.

«Октября 14-го 1931 г. Екатерину Александровну арестовали, увезли из дома, заключили в тюрьму. Ни с чем ни посчитались: ни с тем, что она болела гриппом с повышенными температурами, взяли с постели, не посчитались с ее почтенным возрастом и общественным положением – 30 лет проработала учительницей, была большая общественница, все пустили насмарку. За что, почему? Требовали указать, что знает она о труневском золоте – никогда ничего не слышала и не знала – а, возможно, арестовали для того, чтобы ее арестом морально давить на Труневых, развязать им языки» [ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 32. Л. 4].

В архиве есть сведения о том, как развивались события в тюрьме: «в одной камере с Труневою. Обе заразились тифом. Танский добивался разрешения о переводе их в заразную больницу. Удалось перевести только Танскую. В больнице – в разгар тяжелой формы. Осложнение – двусторонний паратит. Затем перевели в областную больницу для хирургической операции. Хирург А. О. Глебович. 7 октября 1932 г. Е. А. Танская выписалась из больницы. 3 мес.» [Там же.. Л. 5об.]. Но, несмо-

тря ни на что, Екатерина Александровна в годы Великой Отечественной Войны подготовила 11 санитарных дружин, в первые годы войны сдала посильный денежный взнос на построение новой колонны.

О разносторонних талантах и интересах говорят не только вышеописанные факты, но и страсть Михаила Владимировича к библиофильству и литературным занятиям. Танские были тонкими знатоками живописи и музыки. Михаил Владимирович занимался литературной работой, вел широкую переписку, много читал, сочинял стихи, писал мемуары, повести, романы. Он оставил более 30 рукописных трудов. Только одна работа увидела свет – «Странички из прошлого Улан-Удэ». Эта работа не потеряла интереса и значимости и сегодня, пользуется у краеведов, ученых, музееведов, школьников, учителей большой популярностью. Эпистолярное наследие – в числе заслуг М. В. Танского, так как благодаря ему, мы имеем возможность соприкоснуться с повседневной жизнью Верхнеудинска XIX–XX вв.

Большой интерес вызвала у краеведов, библиофилов библиотека Танских. Известный краевед Е. Д. Петряев сообщал, что библиотека М. В. Танского создавалась почти столетие, еще его отцом с 60-70-х гг. XIX вв. В Этнографическом музее народов Забайкалья находится 2000 наименований, которые экспонируются на выставке, среди них и полное собрание Брокгауза и Ефрона (86 томов), и трехтомник «Жизнь животных» Альфреда Брэма. Все это теперь является библиографической редкостью.

С 60-х гг. XX в. между Министерством культуры Республики Бурятия и вдовой М. В. Танского велся диалог о передаче их дома и имущества в Этнографический музей народов Забайкалья. В настоящее время музей располагает «Коллекцией Танских», насчитывающей около четырех тысяч единиц хранения, что позволяет сотрудникам и горожанам близко познакомиться с историей удивительной семьи, надолго оставшейся в памяти города Улан-Удэ.

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР¹**

В статье затрагиваются вопросы зарождения новых советских праздников на территории нашей страны, а также их проведение в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. На материалах местной периодики автор показывает общегосударственный, централизованный характер новой обрядности и делает вывод, что она являлась важным элементом советской пропаганды, проводником новых ценностей и морали.

Ключевые слова: советские праздники; культура; обрядность; пропаганда; досуг; новый быт.

Soboleva Anastasiya Nikolaevna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

FORMATION OF THE SOVIET HOLIDAY CULTURE IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR

The article deals with the questions of the origin of the new Soviet holidays in the territory of our country, as well as their celebrating in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s. On materials of the local periodical press the author shows the nation-wide, centralized character of new ceremonialism and concludes that it was an important element of Soviet propaganda, a guide to new values and morals.

Keywords: The Soviet holidays; culture; ceremonialism; propaganda; leisure; new life.

После победы большевиков в Октябрьской революции 1917 г. в стране произошли существенные изменения, в том числе и в культуре. Советский лозунг «Отречемся от старого мира!» объявлял непримиримую войну всему тому, что олицетворялось с прошлым. На первых порах формирования новой советской культуры основными задачами стали ослабление влияния религии и церкви на массовое сознание, ликвидация царской праздничной системы и утверждение новых революционных праздников, призванных закрепить знаменательные даты в жизни молодого социалистического государства.

5 декабря 1918 г. в «Известиях ВЦИК» был опубликован перечень светских праздников, где в качестве обязательных выступали: Новый год (1 января), День памяти погибших 9 января 1905 г. (22 января), День свержения самодержавия (12 марта), День Парижской коммуны (18 марта), День I Интернационала (1 мая) и День пролетарской революции (7 ноября). Праздничные мероприятия, проводимые в Бурят-Монгольской АССР, практически не выходили за рамки установленного «праздничного образца», носили общегосударственный характер и также были нацелены на изменение сознания общества в определенном направлении.

Важно отметить, что отношение населения к новой праздничной культуре было далеко неоднозначным, потому что «старое в жизни людей поддерживалось со страшной силой – силой традиции, силой повседневности» [Лисавцев, 1966, с. 10]. В большей степени государство обеспечивало себе поддержку в этом направлении в лице молодежи. Именно эта часть населения, находящаяся в состоянии определения базовых жизненных ценностей, была готова к принятию разного рода нововведений. Исследователь А. И. Щербинин отмечает, что основные идеи, связанные с праздниками, были ясны молодому поколению. Молодые люди понимали, что праздник Октября – это «день рождения» Страны Советов. 1 мая – праздник нерушимой дружбы трудящихся всех народов. День Красной армии напоминал им о том, что каждый должен расти таким же храбрым и

любящим свою родину, как советские воины [Щербинин, 1998, с. 89–90]. Молодежь являлась полноправной частью на всевозможных играх, состязаниях, народных гуляньях. Нередко она выступала в качестве организатора данных мероприятий.

В 1920-е гг. важной частью советских праздников стали массовые праздничные шествия и митинги. Наиболее яркими и многочисленными они были в рамках Первомайских торжеств. Корреспонденты «Бурят-Монгольской правды» писали: «улицы города все эти дни бьются в предпраздничной суматохе, в экстазе торговли, в бурном и шумном гомоне криков... Окна учреждений – в портретах и лозунгах. Витрины магазинов – в пестрой рекламе, в грудах вин, закусок и украшений. Открывается митинг, под струнный оркестр стройно идут пионеры и комсомольцы» [Бурят-Монгольская правда, 1923, № 107, с. 4]. В то же самое время празднование Первомая можно считать актом антирелигиозной пропаганды, поскольку эта дата не случайно совпадала с Пасхой – важнейшим религиозным праздником. Комсомольская молодежь отмечала: «Старики нас спрашивали: «Нельзя ли достать десяточек крашенных яиц с портретам вождей и сырную Пасху с буквами КИ (Коммунистический интернационал), хоть так ее отметить, по-советски» [Бурят-Монгольская правда, 1924, № 107, с. 8]. Такое положение приводило не только к обострению борьбы с религиозными предрассудками, но и ставила перед новой властью дополнительную задачу отвлечения населения от участия в церковном празднике.

Советское государство, объявившее себя светским, старалось лишить церковь всех ее важных прерогатив – крестин, совершения церемонии бракосочетания, обрядов погребения и пр. Так, например, вместо крестин появились «октябрины». Новорожденных предлагалось нарекать не по святым, а новыми именами: Октябрина, Нинель (Ленин наоборот), Владлен, Сталина, Даздраперма, Рэм (революция, электрификация, мир) и др. Особо активная молодежь слагала частушки: «Мы по-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

новому живем, / старь взрываем миною. / Сына Маем назовем, / а дочь Октябриною».

В феврале 1925 г. работниками печати г. Верхнеудинск были проведены первые в республике «октябрины» пяти новорожденных детей. Комсомольцы заранее развесили плакаты, оповещающие о «советском обряде введения в гражданство новых членов», поэтому желающих поприсутствовать на данном мероприятии собралось достаточно. «...Октябрины открылись торжественным заседанием. На сцене стройными рядами были выстроены: пионеры, комсомольцы, партийцы, профсоюзники. Матери передавали своих детей пионерам, затем комсомольцам, а те в свою очередь партии, партия – профсоюзу. Октябрят покрыли красным знаменем и вручили им членские книжки. Октябрины закончились общим пением интернационала...» [Бурят-Монгольская правда, 1925, № 45, с. 4].

Регистрация брака, фактов рождения и смерти стала проходить в государственных органах (ЗАГС). На смену церковным свадебным обрядам пришли «красные» комсомольские свадьбы. Молодых «венчал» секретарь комсомольской организации, вместо икон были портреты пролетарских вождей, а само празднование проходило на рабочих предприятиях («цеховые», «шахтерские» свадьбы).

Безусловно, внедрение «красных октябрин», «красных свадеб» и «красных похорон» в патриархальную деревню представляло собой более длительный и сложный процесс. Местный попы и уставщики призывали прихожан не давать детям «собачьих имен», называя это «бесовскими игрищами» [Бурят-Монгольская правда, 1925, № 101, с. 2], а про усопших говорили, что «не примет земля, разодетых в красные одежды, да венками красными обложенными. Неправильно это, не побожески как-то...» [Бурят-Монгольская правда, 1925, № 84, с. 3].

Некоторые праздники большевики пытались вводить специально для крестьян. Так, Крупская в 1923 г. опубликовала в газете «Правда» статью «Праздник урожая» [Тульцева, 1985, с. 42], который проводился 14 октября в день церковного праздника Покрова. В задачу праздника входила пропаганда более совершенных агротехнических методов ведения сельского хозяйства. В Бурят-Монгольской АССР нередко в некоторых селах и улусах во время засухи обращались к местным ламам и шаманам, чтобы те провели молебен. Поэтому по приглашению комсомольцев в местных клубах и избах-читальнях агрономы устраивали различные лекции и беседы, учили крестьянина бороться с засухой, саранчой и другими стихийными бедствиями. В этот день также происходило чествование отличившихся сельских тружеников, которые партийными руководителями ставились в пример другим. Например, в газете «Бурят-Монгольская правда» отмечалось: «День урожая в Вознесенске празднуется в первый раз. Но к нему подготовились как надо. Во дворе развешивается красный флаг. У крыльца, вблизи заваленки, стоят стол и скамьи. На столе красивыми рядами расположены местные культуры: хлебные семена, корнеплоды, десятка полтора по сельскому хозяйству. На праздник явились 40 человек. Перед началом торжества им объяснили значение празднования «Дня урожая». В час дня праздник открылся пением Интернационала. Затем шли доклады и беседы на темы: как получить хороший урожай, какие семена лучше использовать для посева, когда сеять гречиху, о картофеле и пр. В беседах делились опытом выращивания различных культур. Крестьяне с большим

интересом слушали сообщения и принимали участие в беседах. Далее декламировались стихи на урожайные темы» [Бурят-Монгольская правда, 1926, № 244, с. 2].

Постепенно население республики стало понимать советские праздники и праздновать их чаще, чем церковные. Так, например, общим собранием рабочих и служащих первой Верхнеудинской госмельницы в 1924 г. было единогласно решено вместо Пасхи праздновать майские дни [Бурят-Монгольская правда, 1924, № 94, с. 4]. А в январе 1925 г. заключенные Центрального дома лишения свободы г. Верхнеудинск отказались от хлеба, переданного Спасской общиной при местном Троицком соборе в честь празднования Рождества Христова. Однако полного отказа от церковных праздников не произошло.

Новым советским революционным праздником стал день рождения Красной Армии. В советской историографии официальной точкой зрения является, что именно 23 февраля 1918 г. председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин подписал указ об образовании Красной Армии. Впервые этот праздник был отпразднован в 1919 г. и сопровождался большими митингами в театрах и на заводах. В последующие годы празднование годовщины Красной Армии было тесно связано со смотром боеспособности страны. В 1928 г. страна праздновала десятую годовщину. Не стала исключением и Бурят-Монгольская АССР. «В этот день город еще спал, а мальчишки уже облепили крыши домов. В 10 ч. утра площадь Революции оделась в тугие колонны воинских частей и профсоюзных организаций. Команда: «Смирно». Гомон смолк. Правительство принимает парад. У главной трибуны бурятскому кавдивизиону преподносят красное знамя. Стройно маршируют ровные колонны пехоты, легкой рысцой проскочила кавалерия, бешеным галопом юркнули пулеметчики. Еще долго гремит в воздухе отрывистое эхо «Ура» [Бурят-Монгольская правда, 1928, № 44, с. 4].

Международным праздником, связанным с борьбой женщин за свои права, являлся день 8 марта. В России впервые этот день был отпразднован работницами Москвы и Петербурга в 1917 г. После этот праздник стал ежегодно отмечаться различными заседаниями митингами, собраниями. Корреспонденты с мест докладывали: «прошли торжественные заседания, вечера женщины, ставились спектакли, крестьянки демонстрировали свои достижения, выпускались стенгазеты, написанные делегатками, организовывались чаепития и устраивались игры и развлечения для женщин. Взрослые женщины, нигде раньше не участвующие, сначала озирались с недоверием на женские торжества, а после втягивались в различные игры» [Бурят-Монгольская правда, 1928, № 80, с. 3].

Самым ярким и активно насаждаемым праздником Советской России был праздник Великой Октябрьской революции. Решением СНК от 2 декабря 1918 г. датой его проведения стал день 7 ноября. С 1927 г. правительство постановило отмечать праздник Октября в течение двух дней – 7 и 8 ноября. Празднование носило масштабный характер. С особым размахом проходило празднование десятой годовщины (1927 г.) Октябрьской революции. В г. Верхнеудинск 7 ноября уже с самого утра улица Ленина была заполнена живым потоком праздничной толпы. Колонны с развивающимися знаменами двигались на площадь Революции: синеглазники в шлемах и беретах, на которых отмечены годовщины 1917–1927, декорированный автопаравоз «Октябрь – 10», школьники, пионеры, профсоюзники, беспартийная молодежь и т.д. После приветственных речей

партии и правительства церемонным маршем колонны двинулись на закладку Дома Советов. Вечером состоялся праздничный карнавал с разноцветными огнями и гирляндами [Бурят-Монгольская правда, 1927, № 254, с. 3]. Празднование Октябрьских торжеств имело целью привлечь внимание населения к новым понятиям «советская власть», «мировая революция» и укоренить их в сознании трудящихся масс.

Таким образом, Октябрьская революция привела к изменениям в традиционной праздничной культуре.

Усилия большевиков в 1920-е гг. были направлены на формирование «красного календаря». Советским праздникам и обрядам отводилась роль проводника новых ценностей и морали. Вызывая сильное эмоциональное переживание, они стали одним из самых эффективных способов массовой агитации и пропаганды, а намеренное противопоставление церковных и советских праздников преследовало цель консолидации вокруг новой идеологии и символики.

Литература

- Восьмое марта входит в быт // Бурят-монгольская правда. 1928. 7 апр. № 80.
День урожая // Бурят-Монгольская правда. 1926. 29 окт. № 244.
Десять лет Красной Армии // Бурят-Монгольская правда. 1928. 23 февр. № 44.
Крепим новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1924. 26 апр. № 94.
Крепим новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. 25 февр. № 45.
Лисавцев Э. И. Новые советские традиции. М., 1966. 166 с.
Новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. 14 апр. № 84. С. 3.
Поповий дурман // Бурят-Монгольская правда. 1925. 8 мая. № 101.
Праздничный город // Бурят-Монгольская правда. 1924. 1 мая. № 107.
Празднование Первомая // Бурят-Монгольская правда. 1923. 1 мая. № 107.
Соболева А. Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920–1930-гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 184 с.
Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985. 191 с.
Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 125 с.
Щербинин А. И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 89–90.

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В БУРЯТИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В 20–30-Е ГГ. XX В.**

Статья посвящена культурно-просветительной работе в Бурят-Монгольской АССР в 20-30-е гг. XX в. как одному из инструментов реализации культурной политики советского государства. В ней раскрываются сложности становления и развития сети культурно-просветительных учреждений в республике, определяются их разновидности, функции и роль в работе с населением, особенности выбора и применения методов и форм культурно-просветительной деятельности на этом этапе.

Ключевые слова: культурно-просветительная работа; культурная политика; учреждения культуры; культурная революция; культурное строительство.

Zateeva Nadezhda Aleksandrovna

Tatarova Svetlana Petrovna

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

**CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK IN BURYATIA AS AN INSTRUMENT
FOR THE STATE CULTURAL POLICY'S IMPLEMENTATION IN 1920–1930-S**

The article is devoted to cultural and educational work in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920-1930-s as one of the instruments for implementing the cultural policy of the Soviet state. It reveals the difficulties of formation and development of a network of cultural and educational institutions in the republic, determines their varieties, functions and role in working with the population, the features of the choice and application of methods and forms of cultural and educational activities at this stage.

Keywords: cultural and educational work; cultural policy; cultural institutions; cultural revolution; cultural construction.

После установления советской власти молодому государству требовалась система мер по формированию общественного сознания и распространению официальной идеологии на территории всей страны. В качестве проводников государственной политики выступали различные социальные институты, в первую очередь – культурно-просветительные. К моменту образования Бурят-Монгольской АССР сеть культурно-просветительных учреждений республики состояла из 90 клубов, народных домов и изб-читален, 43 стационарных и 6 передвижных библиотек [Санжиева, 2008, с. 77]. Одной из задач культурного строительства было выравнивание уровня развития различных территориально-административных единиц, сельского и городского населения. Низкий уровень материально-технического обеспечения и отсутствие квалифицированных кадров обусловили нестабильность культурно-просветительной сети в первые годы. Культурное строительство затруднялось отсутствием помещений для проведения культурно-просветительной работы, на первых порах она осуществлялась в домах местного населения, без электричества. Помимо стационарных учреждений существовали агитационные автомашины и повозки, передвижные изб-читальни, красные юрты и чумы, которые не имели хорошего оборудования, но позволяли работать с населением, ведущим кочевой образ жизни, живущим в отдаленных районах. Что касается кадрового ресурса первых культурно-просветительных учреждений, то он был представлен местными активистами – комсомольцами, коммунистами, имеющими различный уровень образования. В Бурятии в 1920-е гг. из 66 избачей 5 человек получили среднее образование, 12 – незаконченное среднее, 49 – низшее [Санжиева, 2008, с. 79]. На базе учреждений культуры формировался актив из среды местной интеллигенции: учителей, агрономов, фельдшеров, врачей, библиотекарей, которые своими силами пополняли книжные фонды, приносили музыкальные инструменты, делились знаниями. В то же время многие высокообразованные люди были отстранены от участия в политической, образовательной и культурной деятельности, репрессированы, что было негативным следствием распространения моноидеологии.

Учреждения, входившие в культурно-просветительную сеть, использовали различные формы работы с населением. В клубах проводились лекции, беседы, коллективные слушания радио, организовывались концерты, встречи с интересными людьми, политические суды, спектакли, устные журналы, массовые игры, вечера отдыха, создавались самодеятельные кружки и т.д. В избах-читальнях устраивались громкие читки книг и газет, обсуждение прочитанных произведений, политических новостей, здесь местные жители могли получить разъяснение по поводу ведения сельского хозяйства, проконсультироваться по волнующему их вопросу. На базе библиотек и изб-читален действовали сельскохозяйственные и самообразовательные кружки. В советский период получили широкое распространение массовые формы работы, население активно вовлекалось в коллективные виды деятельности, участвовало в праздниках, демонстрациях, шествиях и т.д.

С ростом числа учреждений культуры перед ними ставится все больше задач, расширяется спектр форм работы с населением, создаются хоровые, драматические коллективы, кружки изобразительного искусства, хоры, оркестры и другие любительские самодеятельные коллективы. В связи с этим руководство республики предпринимает новые шаги по организации и координации деятельности в сфере самодеятельной культуры и народного художественного творчества: утверждаются институты кураторов по художественному творчеству, организуются межрайонные олимпиады народного творчества, организуются курсы по подготовке руководителей коллективов художественного творчества, выпускаются сборники пьес для колхозно-совхозного самодеятельного театра, командированы артисты театра для организации помощи аймачным организациям в налаживании работы в этом направлении.

Не все учреждения, осуществлявшие массовую культурную работу, обеспечивались за счет государственных средств. По данным Л. А. Бройтмана, на государственном финансировании в 1923–1924 гг. состояло лишь 10 библиотек, 2 музея, 5 ликвидационных пунктов и 3 избы-читальни [Бройтман, 1975, с. 13]. Остальные учреждения содержались на средства местных жителей и сельскохозяйствен-

Сеть культурно-просветительных учреждений на 1 сентября 1925 г.

наименование учреждения	источники финансирования		всего учреждений	клиентура (чел.)
	внебюджетное финансирование (ед.)	бюджетное финансирование (ед.)		
изба-читальня	56	94	150	3300
ликпункт	58	139	197	4925
школа малограмотных	18	1	19	323
библиотека (в том числе при избах-читальнях)	11	84	95	3874
клуб	9	12	21	2730
школа политграмоты	18		18	485
красный уголок		84	84	1653
кинопредвижка	3		3	3000
итого	173	414	587	20290

ных коллективов. Распределение учреждений на основании источника финансирования на 1 сентября 1925 г. представлено в таблице [Затеева, 2010, с. 69].

Постепенно расходы на социально-культурные нужды стали более весомыми. Если в 1923–1924 гг. на культурные преобразования было выделено около 1 млн руб. (42,8 % бюджета БМАССР), то в 1927–1928 гг. эта сумма выросла до 2,6 млн руб. (46,5 % бюджета) [Культурное строительство в Бурятской АССР, 1983, с. 9]. В 1930-е гг. центральные и местные власти увеличили объемы финансирования сферы культуры, дополнительные средства стали поступать от промышленных и сельскохозяйственных предприятий, это способствовало развитию сети культурно-просветительных учреждений, институционализации новых субъектов социально-культурной деятельности. Несмотря на общность идеологических задач, наметилась функциональная дифференциация культурно-просветительных учреждений: клубы занимались организацией культурного отдыха и художественной самодеятельности, культурно-массовым обслуживанием населения, а избы-читальни и библиотеки стали центрами просветительной работы. Несмотря на неразвитость материально-технической базы и другие сложности, работникам культуры первых советских десятилетий удавалось изобретать новые формы работы, поддерживать интерес к творчеству и образованию, повышать культурный уровень населения.

Одним из основных направлений культурно-просветительной работы являлась организация художественной самодеятельности, это способствовало творческой самореализации советских граждан, помогало рационально организовывать их досуг. В Бурят-Монгольской АССР силами художественного бюро Бурполитпросвета Наркомпроса республики и художественной секции Бурятского ученого комитета осуществлялась работа по развитию художественной самодеятельности в сельской местности. К середине 1930-х гг. в республике действовало уже более 100 коллективов художественной самодеятельности и сотни любителей-одиночек. На дома самодеятельного искусства и дома народного творчества возлагалась организационно-методическая функция, они занимались организацией тематических выставок декоративно-прикладного творчества и смотров художественной самодеятельности, подбором репертуара, проведением консультационной работы, обслуживанием курсов обучения руководителей кружков любительского творчества и т.д. Благодаря помощи Домов народного творчества увеличивалось количество художественных коллективов: в Бурят-Монголии их число удвоилось, кроме того, в 1938 г. был создан первый эвенкийский самодеятельный театр. Успешно

прошла в Москве 1-я декада бурятского искусства. Активная работа культурно-просветительных учреждений позволяла коллективам из Бурятии демонстрировать свое творчество в центральных регионах страны, участвовать в художественных олимпиадах и смотрах.

Таким образом, за 1920-1930-е гг. советская власть добилась определенных результатов в деле изменения сознания, быта, досуга населения. В настоящее время итоги «культурной революции» нередко подвергаются сомнению, но бесспорным остается факт повышения грамотности сельского населения, создания системы культурно-просветительных учреждений, изменения структуры досуговых занятий и в целом культурной жизни страны. Нельзя отрицать того, что социально-культурное пространство Бурятии за первые советские десятилетия претерпело качественные изменения, хотя можно по-разному оценивать содержание деятельности профессиональных и любительских коллективов, учреждений культуры и искусств, методы подбора репертуара и оценки произведений, политику центра по отношению к национальной культуре и т.д. Была создана разветвленная сеть культурно-просветительных учреждений, выступавших центрами культурной жизни населенных пунктов. Культурно-просветительные учреждения сыграли большую роль в просвещении населения, способствовали его приобщению к литературе, искусству, кино, создавали условия для развития творческих способностей, организации досуга. Люди охотно участвовали в художественной самодеятельности, в любительских объединениях, активно посещали концерты, спектакли, танцы, праздники, киносеансы и т.д. В результате целенаправленных культурных мероприятий 1920-1930-х гг. в республике были заложены основы дальнейшего культурного развития народов республики, к концу обозначенного периода был достигнут высокий уровень интегрирования народов Бурятии в советское общество, социально-культурная модернизация способствовала повышению этнического самосознания бурятского народа, созданию основы для формирования новой наднациональной и надконфессиональной общности [Номогоева, 2011]. Безусловно, работа находилась под диктатом партии, была слишком идеологизирована, не всегда ориентировалась на интересы личности. Но при наличии противоречий и сложностей, характерных для обозначенного периода, на наш взгляд, это один из важнейших этапов в истории развития культуры региона, позволивший сделать серьезный прорыв и превратить республику из территории, имевшей статус «окраины», в развивающийся край, демонстрировавший глубокие традиции и богатый творческий, художественный потенциал.

Литература

- Бройтман Л. А. Политико-просветительная работа в Бурятии в восстановительный период (1920–1925 гг.). Улан-Удэ, 1975. 26 с.
- Затеева Н. А., Татарова С. П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2010. 169 с.
- Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981). Документы и материалы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 537 с.
- Номогоева В. В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 37 с.
- Санжиева Е.Г. Формирование и развитие культуры Бурятии в советский период. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. 214 с.

ГАЗЕТА МОЛОДОЙ РЕСПУБЛИКИ «БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Исторический контекст становления и развития республиканской прессы, ее ведущих периодических изданий неразрывно связан с процессом государственного строительства Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Республиканская общественно-политическая газета «Бурят-монгольская правда» выполняла в этот период важнейшую роль организатора, коллективного агитатора, призванного обеспечивать идеологические стороны разворачиваемого социалистического строительства.

Ключевые слова: пресса; партийно-советская печать; рабселькоры; низовая печать; пропаганда.

Shagdarova Bayarma Batorovna
Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

"BURYAT-MONGOLIAN PRAVDA" NEWSPAPER OF THE YOUNG REPUBLIC

The historical context of the formation and development of the Republican press, its leading periodicals is inseparably linked with the process of state construction of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic. The Republican socio-political newspaper "Buryat-Mongolian Pravda" was playing the important role of an organizer, a collective propagandist, who provided the ideological sides of the unfolding socialist construction.

Keywords: press; party and Soviet press; working and rural correspondents; district newspaper; propaganda.

Зарождение и утверждение в Бурятии партийно-советской печати связано с деятельностью газеты «Бурят-Монгольская правда», ставшей первенцем периодической печати в Бурятии в послеоктябрьский период. Его предшественником стало первое издание местных большевиков – газета «Вестник Советов Прибайкалья», издававшаяся на четырех полосах под лозунгом «Вся власть Советам!» [Цыпышева]. «Вестник Советов Прибайкалья» просуществовал недолго, всего вышло 30 номеров газеты. Издание газеты было прекращено в связи с захватом Верхнеудинска мятежным чехословацким корпусом и частями белогвардейцев. Лишь 2 марта 1920 г. в Верхнеудинске было восстановлена советская власть, Западная Бурятия вошла в состав РСФСР, а Восточная – в Дальневосточную республику (ДВР). Верхнеудинск в апреле 1920 г. был объявлен столицей ДВР. В 1923 г. после вывода иностранных интервентов с Дальнего Востока и самоликвидации ДВР Монголо-Бурятская автономная область и Бурят-Монгольская автономная область были объединены в Бурят-Монгольскую АССР (БМАССР).

В 1920 г. в числе первоочередных реформаторских задач местной советской власти было решение об издании газеты «Рабочий и крестьянин». В последующие годы газета не раз меняла название. В одно время газета именовалась «Красное Прибайкалье», чуть позже «Прибайкальская правда». После образования Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республики газета становится руководящим общественно-политическим печатным органом в республике, с 4 сентября 1923 г. стала именоваться «Бурят-Монгольская правда». Рост и укрепление редакции периодического издания были неразрывно связаны с расширением сети периодической печати, формированием новых профессионально-творческих основ журналистики, продиктованных конкретно-историческими условиями, связанными с построением и развитием молодой республики. Организационная структура периодической печати была оформлена в рамках Государственного единого газетного издательства, созданного в 1926 г. Это было продиктовано необходимостью вывода газеты из финансово-хозяйственного кризиса, в котором она оказалась после перевода редакции на самостоятель-

ный хозяйственный баланс. После реорганизации вся хозяйственная деятельность «Бурят-Монгольской правды» была передана в ведение газетного издательства, и эта мера положительно отразилась на состоянии общественно-политической газеты [Дондоков, 1960, с. 53].

В дальнейшем в период первой и второй пятилеток окончательно утверждается два типа прессы – рабочая и крестьянская, совокупность которых составила новый тип советской прессы – социалистическую печать. Еще в 1919 г. на VIII съезде РКП(б) большевиками была принята резолюция о журналистике, получившей с этого момента название «партийно-советская печать». С этого времени партия стала определять характер и задачи ведущих периодических изданий. Так, в 1930-е гг. расширение газетам масштабной пропаганды и разъяснение нового курса партии на коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию страны были названы главными задачами местной печати. Для их решения с учетом уровня и подготовленности конкретной аудитории утверждается типологическая направленность республиканских газет.

«Бурят-Монгольская правда», выходящая в ежедневном формате, окончательно утвердилась в качестве общеполитической руководящей газеты, призванной усилить руководство низовой печатью, включавшей районные газеты и сеть стенных газет. Перспективы руководящей деятельности общественно-политических газет, их роль в развитии районной и сельской печати, рабселькорского движения широко обсуждались на созванном в мае 1931 г. в Иркутске краевом совещании руководителей печати. В этой работе принимал участие А. М. Горький. Руководство газеты «Бурят-Монгольская правда» отчиталось, что за осень-зиму 1930–1931 гг. в редакцию поступило около 7 тыс. заметок от рабселькоров, в среднем по 50 корреспонденций в день.

Лозунги «Рабселькор, острее твоя свое оружие!», «В бой за действенность заметки!» определяли главное направление работы рабселькоров, которое заключалось в повышении действенности заметок. В одной из передовых статей «Бурят-Монгольской правды», опубликованной 13 января 1931 г. под заголовком «В бой за действенность заметки», сообщалось, что по рабселькорским заметкам за 2 месяца 1931 г. отдано под суд

84 человека. В содержании подобных сообщений, размещаемых на передовой полосе ведущей республиканской газеты, мало кто мог усомниться. Если и были в то время люди, сомневающиеся в правильности политической линии партии, то именно против них и затевались подобные пропагандистско-караательные кампании с участием печати. Однако следует отметить, что рабселькоровская школа для многих журналистов и литераторов Бурятии была необходима на пути творческого становления. Из ее рядов вышли такие известные деятели газеты «Бурят-Монгольская правда», как А. Андохин, А. Хахалов, И. Болдогоев, И. Дульбинов, И. Хандранов, Б. Зонхоев, К. Балдаев, С. Метелица, Е. Рябичев. Другими словами, вопрос обеспечения редакции республиканской газеты подготовленными кадрами планомерно решался за счет растущего актива рабселькоров. В целях стимулирования деятельности рабселькоров и их поддержки Объединенное газетное издательство БМАССР предусмотрело меры материального поощрения в виде гонораров, выплачиваемых из расчета 1-3 руб. за небольшие заметки, 3-10 руб. за отчеты о конференциях и совещаниях [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-475. Оп. 9. Д. 11. Л. 93].

В 1931 г. в преддверии Дня печати редактор «Бурят-Монгольской правды» Сущенко отмечал, что редакция представляет сплоченный коллектив, способный бороться за генеральную линию партии на два фронта – за социалистическое строительство и хозяйственно-политические кампании. Роль и значение печати были сформулированы в статье центральной «Правды», где говорилось о том, что печать является первоклассным рычагом, «при посредстве которого партия и советская власть приводят в движение миллионы трудящихся для строительства социализма» [Бурят-Монгольская правда, 1931, 4 мая].

В годы второй пятилетки особое внимание было уделено вопросам улучшения полиграфической базы периодических изданий Бурятии и повышения их качества. Не меньшую проблему составляли условия труда в газете «Бурят-Монгольская правда», редакция которой располагалась в типографии. Корреспонденты готовили свои материалы под грохот печатных машин, постоянно вдыхая едкий ядовитый запах типографской краски. На созванном в 1932 г. совещании при Комитете печати ОК ВКП(б) в ходе анализа работы ведущих республиканских газет был рассмотрен вопрос о возведении для Объединенного газетного издательства Дома печати.

Наряду с укреплением материально-технической базы газет особое внимание руководство республики уделило кадровому усилению редакций. В этот период республиканские кадры журналистов обучались на курсах газетных работников при совпартшколах и направлялись ОК ВКП(б) в аппарат редакций республиканских газет. Дальнейшему росту и укреплению кадров способствовало обучение в Москве на курсах Всесоюзного института красной журналистики, где в течение четырех месяцев редакторы газет изучали мастерство газетного дела. В 1934 г. журналисты газеты «Бурят-Монгольская правда» впервые прошли обучение в Москве во главе с редактором газеты Сущенко. Прошедшие серьезную политико-пропагандистскую школу работники республиканской печати развернули в сфере информационно-пропагандистской деятельности работу по освещению событий как внутри республики, так и за ее пределами. Это было продиктовано требованием ЦК партии всемерно укреплять информационную связь центра с местами, а также необходимостью формирования и развития информационной целостности в масштабе всего государства.

В газете «Бурят-Монгольская правда» регулярно публиковались заметки и статьи о событиях в стране и за ее пределами. Эти сообщения поступали в Бурятию по линии Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС). Также в газете публиковались вести о событиях в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, которые распространялись Сибирским региональным телеграфным агентством (Сибрата). В свою очередь ОК ВКП(б) отправлял за пределы республики 50 экземпляров «Бурят-Монгольской правды». Корреспондентом ТАСС по Бурятии готовились подборки новостей о событиях в республике.

С целью тематического охвата читателей «Бурят-Монгольская правда» издавала приложение «Семь дней», на его страницах освещались вопросы краеведения, культуры и искусства, сообщалось о новинках науки и техники. В материалах социальной направленности авторами описывались вопиющие случаи бескультурья в быту, нелицеприятные поступки людей в обществе, активно пропагандировалась борьба с пьянством, нарушениями трудовой и производственной дисциплины. Широко обсуждался проект закона СССР «О семье и браке», регулярно публиковались статьи, посвященные положению женщин в семье и обществе, преодолению неграмотности и повышению их социальной активности.

Литература

Дондоков Б. Ц. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Бурятии (1918–1937 гг.): очерк истории. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 135 с.

Цыпышева Н. В. Верхнеудинские газеты в политической борьбе 1918 г. // URL: <http://old-ulan-ude.livejournal.com/99677.html> (дата посещения: 12.09.2016).

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕОБУЧА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В данной статье изучается опыт работы по организации всеобщего обязательного обучения в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны. Автор на основе опубликованных и архивных источников выделяет основные проблемы реализации и пути решения этой программы в республике.

Ключевые слова: всеобуч; война; Бурятия; школа; дети; интернаты.

Banzaraksaeva Elena Vasilyevna
 East-Siberian State Institute of Culture
 Ulan-Ude, Russian Federation

FROM THE EXPERIENCE OF UNIVERSAL EDUCATION'S ORGANIZATION IN BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE GREAT PATRIOTIC WAR YEARS

The paper deals with the experience of organizing of universal compulsory education in Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War. The author on the base of published and archival sources identifies the main problems of implementation and ways of solving this program in the republic.

Keywords: universal; war; Buryatia; school; children; boarding schools.

Проблема всеобщего обязательного обучения (всеобуч) всегда рассматривалась как важнейшая государственная задача политического, хозяйственного и оборонного значения. Поэтому правительство считало борьбу за всеобуч боевой политической задачей военного времени. Но выполнение этой задачи было под угрозой срыва. В статье мы попытаемся выяснить проблемы ее реализации в нашей республике.

В первый год войны в Бурят-Монгольской АССР произошло сокращение школ. Так пытались повысить наполняемость классов ввиду дефицита педагогических кадров. К началу 1941–1942 учебного года в республике предусматривалась сеть всех типов школ в 518 единиц. Но в связи с сокращением бюджетных ассигнований на просвещение на указанный период в республике имелось всего 496 школ [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 134]. Однако сокращение не дало ожидаемых результатов. Средняя наполняемость классов после сокращения составила всего 34,8 %, превысив предыдущие показатели всего на 2 % [ГАРБ, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 133].

Напротив, сельские дети, а именно сельские школы были закрыты, оказались лишены возможности учиться в других школах, которые располагались за несколько километров от дома. Феодосия Гавриловна Швецова (Хайдукова), 1929 г.р. вспоминала: «Когда школу в селе Енхор (Джидинского района – Е. Б.) закрыли, нам предложили ехать учиться в районный центр с. Петропавловка. Жилье не давали, хлеба тоже не было, принадлежностей не было, поэтому мой отец, он был инвалидом, учиться меня не пустил» [Архив автора. Воспоминания Ф. Г. Швецовой]. И таких детей войны, получивших «неполное начальное образование», по всей республике достаточно много. Неоднократно, интервьюируя «детей войны», мы отмечали, что многие из них пишут с ошибками, а если встречались выпускники семилетней школы, то, по их собственному выражению, такие «считались образованными и очень грамотными» [Архив автора. Воспоминания М. Б. Бадмаевой].

В 1941–1942 учебном году школьники принимали активное участие в сельскохозяйственных работах. Председатели колхозов, мотивируя сложностями военного времени, убеждали их бросить школу и продолжать работать в колхозе. Поэтому неохваченными обучением оказались 12699 человек, причем большин-

ство в аймаках республики – 9413 чел. [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 133]. Конечно, такой значительный отсев учащихся вызвал озабоченность центральных и местных органов власти, но в то же время все понимали, что и работать необходимо. Во время многочисленных совещаний и заседаний бюро партийных комитетов регулярно обсуждались причины отсева, и предлагались, как правило, директивные меры по возвращению учащихся в школы.

Из множества причин отсева учащихся наиболее распространенными являлись следующие. Во-первых, изменились семейно-бытовые условия и финансовое положение многих семей с началом войны. Когда трудоспособные мужчины были призваны в ряды Красной Армии, нужно было зарабатывать, поэтому подростки шли на производство и в сельское хозяйство, становясь основными кормильцами своих семей. Председатели колхозов отказывались авансировать колхозников, чтобы те могли собрать и отправить детей в школу, иногда даже выдавали школьникам справки об отсутствии хлеба и невозможности учиться. Так, например, поступил председатель колхоза им. XVII партсъезда Нюкского сельсовета Кабанского района Трифионов [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 48].

Во-вторых, районные торговые организации не только не развернули дополнительную сеть школьных буфетов и столовых, а напротив, допустили их сокращение. На 15 ноября 1941 г. организована выдача горячих завтраков только в 104 из 491 школ республики [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 130]. Оставшаяся сеть школьных буфетов снабжалась весьма плохо, в некоторых предлагался всего лишь кипяток.

В-третьих, отмечалась «слабая политическая работа» о значимости всеобуча в военное время среди населения и руководителей сельсоветов и колхозов. Председатель Селенгинского исполкома Шагдыров отказался содействовать исполнению закона о всеобуче и даже желал ходатайствовать перед СНК БМАССР о разрешении отозвать учащихся школ района на полевые работы [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 48]. В условиях военного времени руководители колхозов оказались в сложной ситуации, с одной стороны, нужно было выполнять план сельскохозяйственных поставок государству, а с другой ввиду нехватки рабочих рук в колхозе приходилось опираться на детей школьного возраста. Вот и выбирали, как правило, первое.

В-четвертых, не был организован подвоз детей в школы. В г. Улан-Удэ, в Центральном районе подвозили лишь 53 ученика, а нуждающихся было 123 чел. Поэтому многие дети в зимнее время, добираясь до школ, получали обморожение. В сельской местности учащимся приходилось преодолевать путь в несколько километров, поэтому многие бросали школу уже спустя несколько недель после начала занятий.

Состояние интернатов и общежитий для учащихся не отвечало санитарным нормам, отсутствовал какой-либо инвентарь, зачастую в колхозных общежитиях из мебели были только нары. Постельные белье не менялось, не говоря, уже о его дезинфекции, следствием чего становится распространение педикулеза [ГАРБ. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 21. Л. 17]. В республике, дети скотоводов жили в интернатах, а их количество абсолютно не удовлетворяло потребности. Например, в Бичурском и Еравнинском районах только при пяти школах были интернаты.

Для возврата учащихся в школы работники аппарата Наркомпроса и уполномоченные обкома ВКП(б) в феврале – марте 1942 г. выехали в районы для выяснения на местах причин отсева и принятия, необходимых мер по их возвращению. В архивных материалах отмечается, что особое внимание уделялось разъяснительной работе среди родителей и руководителей колхозов о значении осуществления закона об обязательном всеобщем обучении. Учительница Истокской школы Кабанского района Т. Н. Козина добилась возвращения всех учащихся своего класса на учебу посредством бесед с родителями [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 51]. Зачастую беседы не помогали, так как дети не имели одежды и обуви, чтобы просто дойти до школы. Поэтому особо нуждающимся оказывалась материальная помощь, в частности, в Бичурском и Заиграевском районах по 500 учащихся были обеспечены одеждой и обувью [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 49].

Из местного бюджета были выделены средства на восстановление интернатов, по неполным данным 13 районов республики, во втором полугодии 1941–1942 учебного года действовало 25 интернатов на 652 чел. [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 50].

Несмотря на неоднократные указания и постановления СНК БМАССР, подвоз детей в школы, особенно в весеннее время, не был организован. Многие колхозы просто отказывались возить детей в школы, ссылаясь на занятость всех транспортных средств на производстве, как в Бичурском, Заиграевском, Тарбагатайском и других районах. Но бывали и исключения: в Центральном районе 4 школы подвозили 58 учащихся, в Иволгин-

ском – 6 школ организовали подвоз для 192 учащихся, в Еравнинском районе подвозили 180 учеников в 4 школы [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 51].

Именно в годы войны создавались пришкольные участки, так школы должны были за счет полученного урожая самостоятельно обеспечивать школьников питанием. В 1941 г. только Баргузинская, Тункинская и Торейская неполные средние школы сумели так наладить свою работу [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 51]. В большинстве школ ситуация с питанием была сложной. По народно-хозяйственному плану предусматривалась выдача горячих завтраков в 183 школах республики. Но на 10 октября 1941 г. горячие завтраки выдавались только в 92 школах [ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3837. Л. 84]. В школах Джидинского, Мухоршибирского, Кабанского и Тарбагатайского районов на завтрак выдавались только хлеб и горячая вода. В то же время в городских школах № 4, 3, 8 дети получали на завтрак каши, котлеты, пюре и молоко [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 94]. Как видим, существовала большая разница в меню сельской и городской школы. О причинах столь существенного отличия мы можем только догадываться.

Ну и, безусловно, в работе по возвращению учащихся в школы не обошлось без мер административного воздействия, главным образом штрафов, на родителей-нарушителей закона о всеобщем обучении. Еще в 1938 г. вышло постановление СНК БМАССР «Об административной ответственности лиц, виновных в нарушении закона о всеобщем начальном образовании». В нем говорилось о том, что за отказ родителей и лиц, их заменяющих, от отправки детей в школу, подлежат административной ответственности – предупреждению, штрафу до 100 руб. и даже исправительно-трудовым работам на срок до 1 месяца [ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 232. Л. 126]. Однако меры административного воздействия использовались не во всех районах, можно предположить, что органы входили в положение родителей. Но бывали и исключения: заведующая начальной школы в Старой Бряни, использовав все виды воздействия на родителей, передала дело в сельский суд. Только после того, как состоялся суд над родителями, чьи дети не посещали школу, и они были оштрафованы, все учащиеся школы были возвращены на учебу [ГАРБ. Ф. 36-п. Оп. 1. Д. 1775. Л. 53].

Таким образом, изучив опыт работы по реализации всеобщего обучения в Бурят-Монгольской АССР, мы приходим к выводу, что эта задача так до конца и не была решена. Ведь в годы войны дети школьного возраста заменили на производстве и на поле своих отцов и старших братьев, ушедших на фронт.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА БУРЯТИИ

В статье на основе историографического анализа научной литературы рассматривается становление и развитие музейного дела на территории Бурятии с конца XIX в. по настоящее время; показаны основные тенденции в изучении музейной отрасли.

Ключевые слова: музейное дело; Бурятия; музейная отрасль; историография.

Tsyrempilova Irina Semyonovna
East-Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF THE MUSEUM STUDIES IN BURYATIA

The paper presents the historiographical analysis of the scientific researches, devoted to formation and development of the museum studies in the Republic of Buryatia from the end of 19th century to the present day. Main trends in the museum field research are shown.

Keywords: museum studies; Buryatia; museum field; historiography.

В современных условиях ведущая роль музеев в социокультурном пространстве России и регионов неоспорима. Музеи не только сохраняют, изучают и представляют культурное наследие, аккумулируя исторический опыт многих поколений, но и вносят существенный вклад в социально-экономическое развитие, улучшение качества жизни населения, представляют значимый ресурс сохранения и развития культурного многообразия страны. Также музейные экспозиции, коллекции и фонды, обладая огромным научным, образовательным и воспитательным потенциалом, позволяют объективно реконструировать основные периоды и особенности историко-культурных процессов.

При этом особо следует подчеркнуть, что оценить роль музея в жизни общества невозможно без изучения процесса накопления знаний о музее, научного осмысления музея и его феномена, без комплексного анализа истории музейного дела как страны в целом, так и отдельно взятого региона. В современной отечественной литературе имеются не только примеры качественных историографических обзоров по истории музейного дела Сибири [Труевцева, 1999, 2000; Томилов, 2010; Шелегина, 2010, 2014 и др.], но и положительные примеры самостоятельных историографических исследований [Белекова, 2009; Лозовая, 2009, 2013; Сизова, 2011 и др.]. Подобный опыт имеется по истории музейного дела Бурятии [Найдакова, 1988, 1990; Попова, Цыбиктаров, 2003; Саяпарова, 2011; Бураева, Мишакова, Саяпарова, 2012 и др.]. Однако специального комплексного историографического анализа, посвященного истории музейного дела на территории Бурятии с конца XIX в. по настоящее время, не осуществлялось. В нашей статье предпринята попытка отразить основные тенденции и ключевые моменты в изучении истории и современного состояния музейного дела Бурятии в трудах региональных исследователей.

В дореволюционный период происходило становление музейного дела в Сибири, был накоплен определенный опыт в формировании, обработке и хранении музейных коллекций, что в целом способствовало развитию краеведческой и просветительской деятельности в регионах. Эти же тенденции были характерны для музейного дела Западного Забайкалья, становление которого относится к концу XIX в. и связано с открытием в 1890 г. Кяхтинского краеведческого музея и деятельностью на его базе Троицкосавско-Кяхтинского отделения

Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ТКО ПО ИРГО).

С 1894 г. стали издаваться труды и протоколы заседаний ТКО ПО ИРГО (всего с 1894 г. по 1961 гг. было издано 18 томов трудов отделения), которые можно отнести к первым публикациям музеографического характера. Так, в работах основателей музея П. С. Михно, В. С. Моллесона, М. И. Моллесон, Ю. Д. Талько-Грынцевича и др. нашли отражение вопросы формирования музейных собраний, источники и способы поступления предметов, их количество, отчеты об экспедициях и экскурсиях, о состоянии коллекций и др. Одним из первых примеров обобщенного анализа о деятельности музея является составленный в 1904 г. Ю. Д. Талько-Грынцевичем и М. И. Моллесон «Обзор десятилетней деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества (1894–1904 гг.)» [Талько-Грынцевич, 1904]. Подробный и квалифицированный анализ документального наследия и научной литературы по истории первого музея Бурятии – Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева представлен в монографии Е. Е. Поповой и А. Д. Цыбиктарова.

Советский период историографии характеризуется не только активным накоплением фактологической базы по музейной проблематике, но и формированием музееведения как самостоятельной научной дисциплины (труды Ф. В. Шмита, А. М. Разгона, Д. А. Равикович, А. Б. Закс и др.). Вопросы теории и практики музейного развития рассматривались в рамках культурного строительства, развертывания краеведческого движения или решения народнохозяйственных задач. В информационный оборот было введено большое число источников, характеризующих государственную политику в области музейного дела и охраны памятников, музеографических публикаций, научных и научно-популярных статей. Можно выделить по истории Кяхтинского краеведческого музея – публикации А. Н. Орловой, В. В. Попова, С. А. Успенского, Ф. А. Кудрявцева, И. Борсоева, Р. Ф. Тугутова и др.; по истории музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (сегодня Национальный музей Республики Бурятия) – статьи В. А. Казакевича, Ф. Т. Будажабэ, Д. П. Алексева и др.; по истории Этнографического музея народов Забайкалья – работы Р. Д. Бадмаевой, С. Р. Хомосова, Р. Г. Савельевой; статью И. В. Иксановой, А. С. Соустина, в которой

нашла отражение история создания экспозиции музея природы Бурятии как экспериментальной площадки по экологическому просвещению и др.

Отметим, что огромное значение для изучения истории музейного дела Бурятии имеет издание таких фундаментальных академических трудов, как «История Сибири с древнейших времен до наших дней», «История Бурят-Монгольской АССР», «Очерки истории культуры Бурятии», «Очерки истории музейного дела России», где были освещены основные вопросы музейного строительства на территории Бурятии.

Несмотря на идеологическую заданность публикаций советского периода, они явились основой современных музееведческих исследований. С начала 1990-х гг. интенсивность и результативность проведенных исследований может свидетельствовать о качественно новом этапе в развитии науки о музеях. Углубленному изучению исторического опыта прошлого благоприятствовало расширение источниковой и информационной основы новых изысканий. На смену одностороннему рассмотрению и оценке культуры как «инструмента официальной идеологии» пришло более взвешенное и объективное восприятие, в том числе музейного профессионального сообщества.

Несомненным достижением современной историографии является количественный и качественный рост диссертационных исследований, посвященных музейной проблематике. Это нашло отражение в подготовке и защите ряда кандидатских и докторских диссертаций. В начале 1990-х гг. появляются первые в Сибири диссертационные исследования по музейной проблематике. Диссертация Г. В. Найдаковой посвящена истории организации и развития музейного дела в Бурятии, воспроизведен процесс развития государственной музейной сети, создания материально-технической базы, формирования фондов, совершенствования экспозиционной, научно-исследовательской и собирательской деятельности музеев [Найдакова, 1990]. Диссертационное исследование Е. Е. Поповой рассматривает историю Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и его естественнонаучного собрания за столетний период с 1890 по 1990 гг. [Попова, 2002]. Автором на широкой источниковой базе был изучен уникальный опыт первого на территории Бурятии научно-исследовательского учреждения по сохранению и использованию природного и историко-культурного наследия не только Бурятии, но и Восточной Сибири и Монголии. В диссертации А. Е. Мурзинцевой был проведен анализ академического музея как феномена культуры, рассмотрена история становления и развития академического музея в контексте музейного строительства в России, проведен анализ музейной сети РАН и СО РАН [Мурзинцева, 2006]. В 2012 г. была защищена диссертационная работа Е. В. Саяпаровой, в которой были проанализированы предпосылки формирования и развитие музейной сети Бурятии в контексте общероссийской и региональной общественно-политической и социокультурной ситуации. Одним из важнейших практических результатов данного исследования стало создание базы данных музеев [Саяпарова, 2012]. Богатство и уникальность музейных собраний Бурятии легли в основу эмпирической базы диссертаций по широкому спектру исследовательских тем: от культурно-исторической интерпретации хуннской торовтики до бурятской буддийской иконописи конца XVIII – первой четверти XX вв. [Баранкова, 2002; Бальжурова, 2015].

В 2003 г. вышла монография Е. Е. Поповой и А. Цыбиктарова «История Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и его естественнонаучного собрания 1890–1990 гг.». Авторы посвятили главу созданию и деятельности музея и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО, подробно отразили основные направления работы музея по исследованию природы и истории края и формирования как отдельных коллекций, так и всего собрания. Монография не отягощена идеологическими установками и в полной мере раскрывает значимость деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО и его основателей для развития музейного дела Бурятии [Попова, 2003].

В 2012 г. была опубликована коллективная монография С. В. Бураевой, О. Э. Мишаковой, Е. В. Саяпаровой «Музейное дело Бурятии в конце XIX в. – первом десятилетии XXI в.: формирование, развитие и современное состояние». Монография посвящена развитию и современному состоянию музейного дела Бурятии: рассмотрены предпосылки становления музейной практики в Западном Забайкалье, а также правовые аспекты и музейная политика; проанализированы история музейной сети Бурятии, ее количественно-качественные характеристики, специфические черты и особенности музейной работы региона. Должное внимание уделено появлению и трансформации музейного образования. Так, авторы отмечают: «Мысль об организации подготовки специалистов в области музейного дела и охраны памятников для Восточной Сибири была теоретически и практически обоснованной, так как в стране не протяжении всей истории отсутствовала как таковая система профессиональной подготовки специалистов в области сохранения наследия» [Бураева, 2012, с.181].

Несмотря на положительные факты, появление обобщающих исследований, продолжает преобладать тенденция, что большинство современных публикаций посвящено истории и деятельности отдельных музеев Бурятии. Как и ранее, много внимания изучению прошлого и настоящего музеев уделяется причастными к этой сфере специалистами-теоретиками и практиками музейной работы. Среди них можно отметить работы по истории и современному состоянию Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева (Е. Е. Попова, А. Д. Цыбиктаров, С. С. Петушкев), Этнографического музея народов Забайкалья (С. Г. Жамбалова, Н. Д. Чимбеев, С. И. Шоболова, М. М. Содномпилова, С. В. Бильдуева), Национального музея Республики Бурятия (Т. А. Бороноева, Ц.-Х. В. Очирова, Л. Ф. Левитина, С. Г. Жамбалова), в том числе музея природы Бурятии (А. С. Пискунов, И. В. Иксанова, В. Б. Хандуева, Е. Ц. Имышелова), Новоселенгинского музея декабристов (В. В. Гапоненко, Л. М. Цух) и других музеев.

Неотъемлемыми компонентами современного комплексного изучения вопросов теории, истории и практики музейного дела Бурятии стали регулярная организация научно-практических конференций и выпуск тематических сборников научных статей, каталогов, путеводителей, справочных изданий и др. Среди значимых конференций последних лет выделим: межрегиональную научно-практическую конференцию «Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее», посвященную 90-летию Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и 155-летию со дня рождения выдающегося этнографа М. Н. Хангалова (2013 г.), международную молодежную

музеологическую школу «Музеи, воспроизведенное и исчезающее наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия» (2013 г.), международную научно-практическую конференцию «На границе народов, культур и миров», посвященную 125-летию Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева (2015 г.), межрегиональную научно-практическую конференцию «Этнокультурное наследие Сибири и туризм: проблемы и перспективы», посвященную 350-летию со дня основания Селенгинского острога, 40-летию Ново-селенгинского музея декабристов (2015 г.), межрегиональный молодежный форум с международным участием «Наследие – музей – туризм: мифы и современные реалии» (2016 г.) и др.

К несомненно положительным моментам современной музейной практики следует отнести подготовку музеографических изданий, которые способствуют популяризации культурного наследия. Так, Кяхтинским краеведческим музеем были опубликованы: альманах «Кяхтинская старина» (2009 г.), совместно с Национальным музеем РБ альбом «Чайный путь в коллекциях музеев Бурятии» (2011 г.), научно-популярное издание «НеобыЧАЙная Кяхта» (2013 г.), «Кяхтинский краеведческий музей имени академика В. А. Обручева. Коллекция» (2015 г.). В последние годы Национальный музей РБ подготовил к изданию каталог выставки из фондов Национального музея Республики Бурятия «Путь воина» (2014 г.), альбом к 350-летию города «Улан-Удэ –

любовь моя» (2016 г.), уникальный фотоальбом «Бурятский традиционный костюм» (2017 г.) и др.

Говоря о положительном опыте и имеющихся достижениях в деле реконструкции и воссоздания истории музейного дела Бурятии, можно констатировать, что требует комплексного и самостоятельного изучения истории формирования музейных собраний, становление и развитие ведомственных музеев (предприятий, организаций, силовых структур и др.). В настоящий момент остаются слабо изученными вопросы финансирования музейной сферы, материально-технического и кадрового обеспечения, недостаточно внимания уделено вниманию персонификации музейной отрасли и др.

Для изучения истории музейного дела Бурятии, обобщения того положительного опыта, который имелся в практике создания и развития музейной отрасли, извлечения исторических уроков, накоплена многоплановая и богатая источниковая база, позволяющая воссоздать достоверную картину осуществления государственной музейной политики, особенности формирования региональной музейной сети, комплектования фондов, научно-исследовательской, культурно-просветительской деятельности. Именно поиск, выявление и всестороннее использование всего комплекса источников, объективный и методологически выверенный их анализ определяют перспективы дальнейших музееведческих изысканий.

Литература

- Баранкова Н. В. Культурно-историческая интерпретация хуннской торевтики: на материалах музеев Бурятии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 21 с.
- Бальжурова А. Ж. Бурятская буддийская иконопись конца XVIII – первой четверти XX вв. (по материалам фонда Национального музея Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 28 с.
- Белекова Э. А. Историография и источники по истории музейного дела в Республике Алтай (1918–2008 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 4/2. С. 11–15.
- Бураева С. В., Мишакова О. Э., Саяпарова Е. В. Музейное дело Бурятии в конце XIX в. – первом десятилетии XXI в.: формирование, развитие и современное состояние. Улан-Удэ, 2012. 253 с.
- Дмитриенко Н. М., Лозовая Л. А., Бутенко М. А., Глухов В. С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41.
- Лозовая Л. А. История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 23 с.
- Лозовая Л. А. Об изучении истории музейного дела Сибири конца XIX – XX вв. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2009. С. 181–183.
- Мурзинцева А. Е. Музеи Российской академии наук: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культ. Улан-Удэ, 2006. 17 с.
- Найдакова Г. В. Историография и источники по истории музейного дела Бурятии // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: тез. докл. всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1988. С. 125–127.
- Найдакова Г. В. История создания и развития музейного дела в национальных районах Восточной Сибири (1917–1980 гг.) на материалах Бурятской АССР, Агинского и Усть-Ордынского бурятских национальных округов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 17 с.
- Попова Е. Е. История Кяхтинского республиканского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева и его естественнонаучного собрания: 1890–1990 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 23 с.
- Попова Е. Е., Цыбиктаров А. Д. История Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева и его естественнонаучного собрания (1890–1990 гг.). Улан-Удэ, 2003. 320 с.
- Саяпарова Е. В. История музейного дела в Бурятии (конец XIX – XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 21 с.
- Сизова И. А. Музейная сеть Томского региона: историография вопроса // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Томск, 2011. № 351. С. 66–69.
- Сизова И. А. Музейное дело в отечественных диссертационных исследованиях (1990–2010 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Томск, 2011. № 3 (15). С. 136–139.
- Талько-Грынцевич Ю. Д., Моллесон М. И. Обзор десятилетней деятельности ТКО ПО ИРГО (1894-1904 гг.) // Труды ТКО ПО ИРГО. Т. VII. Вып. 2. 1904. СПб., 1905. С. 21–59.
- Томилов Н. А. История музеев Сибири в исследованиях российских ученых // Музеи и этнокультурный туризм: материалы III междунар. симп. ИКОФОМСИБ. Новосибирск, 2010. С. 128–132.
- Труевцева О. Н. История сибирского музея: методология, историография, источники: уч. пособие. Барнаул, 1999. 208 с.
- Труевцева О. Н. Музеи Сибири во второй половине XX в. Томск, 2000. 336 с.
- Шелегина О. Н. Музеи Сибири: очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010. 244 с.
- Шелегина О. Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск, 2014. 396 с.

ПРЕДСТАВЛЯТЬ И ТРАНСЛИРОВАТЬ: ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ БУРЯТ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА¹

В статье представлен анализ кинематографического видения бурят в 1970–1980 гг. Дано описание основных кинодокументов, отражающих аспекты жизнедеятельности этноса и изменение фокуса трансляции этнической культуры. На основе теории структурализма и визуального анализа определены типы кинозрителей. Обнаружена последовательность проникновения советской идеологии и сложное взаимодействие этнической идентичности внутри советского габитуса.

Ключевые слова: кинематографическое видение бурят; визуальные практики; кинодокументы; «отложенное кино».

Dashibalova Irina Nikolaevna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

TO REPRESENT AND TO TRANSFER: VISUAL PRACTICES OF CINEMATOGRAPHIC VISION OF THE BURYATS IN THE PERIOD OF LATE SOCIALISM

The author analyzes the cinematographic vision of the Buryats in 1970–1980s, describes the main documentary films reflecting aspects of the ethnoscapes' vital activity and changing the focus of the translation of ethnic culture. On the base of the theory of structuralism and visual narrative analysis the types of moviegoers are determined. The sequence of Soviet ideology's penetration and complex interaction of ethnic identity within the Soviet habitus were revealed.

Keywords: cinematic vision of the Buryats; visual practices; film documents; "delayed cinema".

Кинематографическое представление народов Советского Союза к 1970-м – концу 1980-х гг. приобрело формат сформировавшегося визуального и идеологического дискурса в количественном и качественном срезе. Кинематографические практики трактуются нами как формирующиеся специальными институтами (киноиндустрия, кинодистрибуция, кинопрокат, кинофикация, кинокритика, кинореклама, киносообщества), а также повседневным опытом, потребительские установки, речевые ситуации, фоновые знания киноаудитории в связи с просмотром фильмов. Название статьи «Представлять и транслировать» предлагается нами по аналогии с известной работой Мишеля де Серто «Изобретение повседневности. Искусство делать», в которой французский антрополог тщательно исследовал аспекты обыденной жизни через структуры действия (высказывать, писать, читать и т.д.) [Серто, 2013]. В рамках данной работы на основе анализа советских кинодокументов (КД), снятых о бурятах в позднесоветский период, выделяется специфика кинематографического видения этно-территориальной группы. Понятие кинематографическое видение бурят (КВБ) обозначается нами как бивалентный термин с позиций взгляда авторов фильмов (режиссеров, операторов, сценаристов) и зрителей-бурят.

В 1970-е гг. ввиду роста кадровых и производственных мощностей киноиндустрии СССР число киножурналов и кинофильмов значительно вырастает в сравнении с прошлыми десятилетиями. Иркутскими кинематографистами было выпущено 325 сюжетов киножурнала «Восточная Сибирь» производства Восточно-Сибирской студии кинохроники (Иркутский облкинофонд), снятых на территории Бурятской АССР, АБАО и УОБАО. Поскольку тематика сюжетов была идеологически предзадана, значимую долю в данный период отводили кино съемке строительства БАМ, представление бурят на киноэкране занимает в три раза меньше остальных сюжетов (88 сюжетов). В Госфильмофонде России хранится 6 кинодокументов о бурятах, произведенных в 1970-е гг., различных по своему жанру. В частности, это киножурнал «Страницы спортивной славы», в котором отражены соревнования по стрельбе

из лука (1970); сюжет № 5 киножурнала «Новости дня / хроника наших дней 1971 № 15», произведенный на студии ЦСДФ (были сняты учащиеся республиканской школы-интерната № 1 г. Улан-Удэ); документальный фильм «Американский фермер в СССР» (1974), в производстве которого участвовали жители Бурятии и Иркутской области; киножурнал «Альманах кинопутешествий» № 100 (1975), вкратце рассказывающий о Бурятии; документальный фильм «Это Сибирь» (1976), съемки которого проходили, в том числе, в Бурятии и Читинской области и документальный фильм «Во имя мира» (1977), запечатлевший службу в дацане. В Российском государственном фонде кинофото-документов хранится 9 КД, снятых в 1970-е гг. в Бурятии, из них 3 КД совпадают с описанными единицами хранения Госфильмофонда России. Исходя из контент-анализа КД, можно судить, что основные КД, отражающие кинематографическое видение бурят, содержатся в киножурнале «Восточная Сибирь».

Большинство сюжетов соответствовало социальному заказу партийных инстанций, но в то же время, особенно в кинофильмах, встречаются социально-антропологические аспекты. Различные методы и приемы кинонаблюдения (например, эффект скрытой камеры, интервью с героем) открывали для зрителей внутренний мир человека, составлявший в совокупности с описанием представителей различных профессий (чабаны, рабочие, ученые, артисты) портрет нации. В 1980-е гг. бурят запечатлели в 92 сюжетах Восточно-Сибирской студии кинохроники из общего количества, составляющих 243 единицы, транслирующих территорию этнической Бурятии.

Отдельно необходимо остановиться на характеристике документальных кинофильмов, которые были сняты в период 1970–1980-х гг., поскольку именно фильмы по своей драматургии глубже, чем киножурналы, и именно в них происходит плотное проникновение в специфику этнической культуры. В Иркутском облкинофонде хранится 14 кинопроизведений, снятых на территории этнической Бурятии. Они посвящены представителям традиционных занятий бурят (дарханское, ювелирное искусство),

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

работникам сельского хозяйства: «Табунщики» (1970), «Трудный год чабана Рабдаева» (1975), «В семье кузнеца» (1978), «Степная мечта» (1978), «Серебряный век» (1982), «Чабанский путь» (1985). Кинематографисты Восточно-Сибирской студии кинохроники сняли спортивную династию Ешеевых, спортсменов по стрельбе из лука в фильме «Стрела летит в цель» (1984). Также значимую роль с точки зрения исследования отражения религиозной сферы бурят играет фильм «Буддисты СССР за мир» (1985), в съемках которого приняли участие Пандидо-хамбо-лама Жимба-Жамсо Эрдынеев и ученые БИОН АН СССР. Наконец, 4 фильма посвящены деятелям бурятской культуры: «Александр Вампилов» (1987), «В начале был танец» (1988) – о Д. Ж. Бадлуеве, «Аплодисменты» (1989) – о ведущих артистах Бурятского государственного академического театра оперы и балета, «Багша» (1989) – о Х. Намсараеве. Этнический актер в визуальных практиках выступал одновременно объектом кино съемки, которая демонстрировала и включала его в советское поле идеологической политики, и субъектом, воспринимающим визуальное знание о самом себе и производящим критическое или одобрительное значение к кинодокументу.

Просмотр кино в советский период являлся повсеместной, тотальной социокультурной практикой. Коллективный опыт кинопросмотров был обусловлен культурным контекстом и служил одним из ресурсов формирования советской идентичности, поскольку зрители вовлекались в процесс осмысления внеэкранной реальности. Киноплёнка сохранила для нас не только политически заданный нарратив о социалистической системе за почти вековой период, но и что важно – «руины времени» [Самутина, 2011]. Анализ советской кинохроники имеет эффект, который Л. Малви назвала «отложенное кино» [Mulvey, 2005]. Эвристичность данного понятия, на наш взгляд, заключается в метафоричности восприятия кино, независимо от жанра. То, что было когда-то занесено на материальный носитель в форме целлулоидной плёнки, имеет психоаналитическое воздействие как «застывшее во времени, замедленное буквально, полное «спящих деталей», ждущих, когда к ним обратятся взглядом, и вызывающих к соответствующему зрительскому опыту» [Самутина, 2011]. Подход Малви выделяет две стороны кино: это специфическое хранилище, способное возвращать для нас ушедшие события, и это медиатор между личными воспоминаниями и макроисторией. В изучении коллективной идентичности кинозрителя «отложенное кино» представляет особый интерес как пространство аффективного восприятия истории.

Расщепляя малвиновский концепт «отложенное кино», мы предлагаем идею отсылы бурятского кинозрителя к советской кинохронике как пространству смещения прошлого и настоящего, воспоминания об аспектах традиционного уклада, индивидуальных местах памяти, коллективных представлениях и практиках, значимых событиях и зонах проявления этничности. Кинозритель «монтирует», если использовать технический кинотермин, свою индивидуальную память, возвращается, благодаря кинохронике в свою юность или время жизни своих родителей, односельчан, горожан, пребывает в лакановском «сновидении» [Малви, 2000, с. 280–297].

Литература

- Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–49.
- Малви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 280–297.
- Самутина Н. Трансформация объекта как вызов науке о кино // Новое литературное обозрение. 2011. № 109 // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/sa7.html> (дата обращения: 15.08.2016).
- Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
- Mulvey L. Death 24x a Second: Stillness and the Moving Image. L.: Reaktion Books, 2005. 216 p.

Модификация восприятия кинопродуктов происходила вместе с приобретением опыта кинозрителя от наивного созерцания к критическому разоблачению, от ностальгического ощущения к погружению в рефлексию о судьбе бурятского народа. Соответственно, различаются структуры видения хроники кинозрителями, имеющими разный социокультурный и зрительский опыт.

В аспекте визуальной трансляции бурятского этноса киносеанс представляет метафорический момент встречи со «Своим». Подобное кинозрение можно назвать этнической эмпатией, чувством близости с соплеменником, которое служит проводником через границы экрана в воображаемый мир родной территории.

Исходя из зрительских оценок, обнаруживается, что экранная социальная реальность максимально вовлекала адресата в контекст кинохроники, имела конвенциональный характер. Между каналом политических сообщений и реципиентом – массовым простым потребителем – была прямая связь, вызывающая и по сей день ностальгическую реакцию. Такие концепты общественного сознания, как созидательность, коллективность, дружба, сознательность, работоспособность определяются как ушедшие и востребованные символы советского общества.

Если оценивать киноаудиторию по степени воздействия сообщения, то выделяются две основные группы. Первая группа олицетворяет так называемый «народный вкус» (П. Бурдьё) зрителей, подверженных прямому влиянию идеологического дискурса и для которых восприятие кинообразов имеет линейный характер. Данная аудитория благодатна для стимулирующего эффекта кинопродуктов и формирования общественного мнения о политических событиях. Вторая группа кинозрителей («элитарный вкус») воспринимает кинохронику избирательно ввиду социально-демографических и образовательных характеристик и в силу дифференциации когнитивных процессов принятия киносообщения [Бурдьё, 2005, с. 25–49]. Интерпретация киносообщений данной группой имеет направленный характер, кинозрители сосредотачивают свое внимание на том, что считают интересным в соответствии со своими знаниями. Для аудитории указанного типа экранные образы обретают знаки, имеющие связь с фоновой информацией по отношению к просмотренному фильму.

Кинохроника позволяет погрузиться зрителю в комбинацию традиционного миропорядка и современных знаний о нем, вызывая текучесть идентификаций и символические разрывы. Кинотекст в этом случае приобретает полисемичный характер и режим удвоенной реальности. Несмотря на доминирующий визуальный дискурс советской кинохроники, воздействие кинопропаганды не было одномерным. Формирование эстетического и политического вкуса кинозрителей было как минимум двусторонним процессом. Выделяется значительная часть кинопублики, которая принимает идеологические кинокоды и относится к массовому зрителю. В данной киноаудитории выделяются наивно участвующий и аффективный кинозритель по степени восприятия художественных эффектов, традиционный этнический актер и укорененный в советской социокультурной модернизации (одобряющий советскую идеологию) представитель этнической группы.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОЗИТОРСКАЯ ШКОЛА БУРЯТИИ: К 80-ЛЕТИЮ СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ

Автор рассматривает историю становления профессиональной музыки Бурятии в аспекте композиторского творчества. Произведенный анализ выявляет эволюцию образно-тематического, жанрово-стилистического, композиционно-драматургического содержания сочинений, что позволяет дифференцировать процесс на три периода.

Ключевые слова: Союз композиторов; музыкальные жанры; музыкальный язык; типы музыкальной драматургии.

Rusinova Olga Artemovna
 East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

NATIONAL SCHOOL OF BURYAT COMPOSERS: THE 80TH ANNIVERSARY OF UNION OF COMPOSERS

The author considers the history of the formation of Buryat professional music in the aspect of composing. The analysis reveals the evolution of figurative-thematic, genre-stylistic, compositional-dramatic content of the works, which allows differentiating the process into three periods.

Keywords: Union of composers; musical genres; musical language; styles of musical drama.

Историю становления национальной композиторской школы Бурятии можно дифференцировать на три периода: 1930–1950-е, 1960–1980-е, 1990–2017 гг. Основаниями дифференциации выступают изменения системообразующих музыкальных параметров: образно-тематического, жанрово-стилевого, композиционно-драматургического. Задачей первого периода было формирование нового типа бурятской музыкальной культуры – культуры письменной традиции, интегрирующей два различных принципа музыкального мышления: национального и европейского. Для этого требовалось освоение молодыми национальными композиторами Д. Д. Аюшеевым, Ж. А. Батуевым, Б. Б. Ямпилковым технологического диапазона европейской музыки, а делегированным в республику центральной творческой организацией П. М. Берлинским и В. И. Морошкиным – специфики национального музыкального материала.

Взаимодействующие культуры отличались по всем существенным параметрам: системам жанров, инструментарию, ладовой природе, принципам изложения и развития материала, композиционным и драматургическим нормам, поскольку национальная и европейская художественные модели цивилизационно и типологически были отдалены друг от друга. Национальная культура устной традиции была монодической, европейская письменная культура – многоголосной, а переход от монодии к многоголосию расценивается исследователями как революция в мышлении [Янов-Яновская, 1979, с. 11].

Взаимодействие культурных традиций осуществлялось по принципу иерархии: культура европейского типа выступала в качестве донора, предоставляя для заимствования широкий арсенал средств, приемов, принципов, методов организации творческого продукта. Бурятская традиционная культура выступала как реципиент: в композиторском творчестве функционировал лишь один национальный компонент – тематизм со специфическими ладовыми, мелодическими, ритмическими, структурными характеристиками и целый ряд компонентов европейской традиции: фактурный, ладо-гармонический, композиционный, драматургический, тембровый.

Ставший результатом ускоренного развития республики в советское время процесс формирования композиторского профессионализма осуществлялся непря-

мым путем, создавая сложную конфигурацию подъемов и спадов. Одной из причин является его направление: вектор процесса был устремлен в сторону, обратную национальной традиции. Отсутствовала преемственность профессионализма, так как композиторы, генетически связанные с национальной культурой, только начинали осваивать европейскую технику творчества, носители же европейской традиции были профессионально оснащены, но не знакомы с традицией национальной.

В 1930–1950-е гг. осваивались сценические, симфонические, хоровые и камерные жанры. формировалась стилистическая база бурятской профессиональной музыки, утверждался жанрово-описательный тип драматургии. 1950-е годы ознаменовались значительными победами: многие произведения звучат до сих пор, в том числе и на всесоюзной эстраде; Якутия и Калмыкия доверили Ж. А. Батуеву создание первых национальных балетов. Расширился состав Союза композиторов: в республику приехали С. Н. Рязов, Л. К. Книппер, Б. С. Майзель, был принят сочинявший с 1940-х гг. Г. Д. Дадуев.

Второй период ознаменовался расширением идейно-тематических и жанрово-стилистических рамок. Воплощение сложных концепций, отражающих глубокие личные переживания объективных и субъективных явлений, освоение драматически-заостренной проблематики, образных сфер драматического и психологического склада обусловили усложнение языка и композиции, потребовали иного жанрового воплощения. Соответственно меняются драматургические принципы: происходит становление и упрочение конфликтной драматургии, отличающейся напряженной динамичностью действия, в ходе которого исходный образ претерпевает изменение характеристики.

Перемены связаны с ростом профессионального мастерства композиторов и с появлением молодого поколения: в 1960-е гг. – С. С. Манжигеева; в 70-е – А. А. Андреева, Г.-Д. Д. Дашипылова, Ю. И. Ирдынеева, Б. О. Цырендашиева, В. А. Усовича; в 80-е – Д. Д. Шагдарон, Б. Б.-Д. Дондокова. Продолжается деятельность композиторов старшего поколения Б. Б. Ямпилова и Ж. А. Батуева, но в расцвете творческих сил уходят из жизни Д. Д. Аюшеев (1971) и Г.-Д. Д. Дашипылов (1980).

В композиторской когорте, безусловно, выделяются имена Ю. И. Ирдынеева и В. А. Усовича, уже первые

творческие шаги которых обнаружили не только несомненный талант и крепкую профессиональную выучку, но и потенциал к поиску непроторенных путей. Именно в их творчестве возрождается после 30-летнего перерыва жанр симфонии, до этого представленный в бурятской музыке только симфонией Д. Д. Аюшеева, рождается жанр концерта и вокального цикла. Каждая новая опера В. А. Усовича отличается иной жанровой разновидностью: плакат, рок, зонг, моноопера, сагира, народная музыкальная драма, эстрадные детские оперы. Поиск распространился и на другие жанры: им созданы телекантата и шоу-кантата. Широкое общественное признание получили симфонические поэмы Ю. И. Ирдынеева, В. А. Усовича, Б. Б.-Д. Дондокова, П. И. Дамиранова, Б. Б. Ямпилова, Д. Д. Шагдарон.

Значимой тенденцией периода стало обращение к новому тематическому пласту, связанному с традиционной культурой республики, миру национального духовного наследия: поэмы «Наран» П. Н. Дамиранова, «Бурятия» В. А. Усовича, оратория «Зунай найр» П. Н. Дамиранова, «Бурят-монгольские духовные песнопения» Ю. И. Ирдынеева; камерный триптих «Счастливые сны» Б. Б.-Д. Дондокова. Продолжилось стилистическое расслоение: композиторы старшего поколения развивают комплекс средств, стабилизировавшийся в 1950-е гг., молодые композиторы мыслят в иной гамме, для которой характерны острота созвучий, повышенная интонационная напряженность, новый тип тематизма.

1990-е годы стали поворотным этапом в истории профессиональной музыкальной культуры России. Изменилась эстетическая и жанровая конфигурация: лидирующие позиции среди других компонентов музыкальной культуры занял шоу-бизнес. Пересматривались значимость созданных произведений, появилось понятие «репрессированная культура». «Перестройка» повлекла за собой изменение таких казавшихся незыблемыми норм, как лишение творческих организаций государственной поддержки, выявившей неконкурентоспособность композиторского профессионализма по сравнению с шоу-бизнесом и разновидностями молодежных субкультур.

В 1990-е гг. членами Союза композиторов становятся В. Б. Юшин, П. Н. Дамиранов, Л. Н. Санжиева; в XXI в. – Е. А. Олерская, А. А. Прибылов и Д. Л. Коркина – ученица В. А. Усовича. Не нашла достойной реализации на малой Родине выпускница Московской консерватории Анастасия Дружинина – перспективный композитор, не допущенная нынешним руководством Союза композиторов даже к публичному прослушиванию созданных произведений для вступления в творческую организацию. Творческое движение замедлилось с уходом из жизни Б. Б. Ямпилова (1989), Ж. А. Батуева (1996), в XXI в. – А. А. Андреева, С. С. Манжигеева, Ю. И. Ирдынеева – композиторов, составлявших «костяк» творческой организации. Переехали в Москву В. Б. Юшин и Б. Б.-Д. Дондоков. Меньше прежнего сочиняют П. Н. Дамиранов и Б. О. Цырендашиев. Снижение композиторской активности музыковеды отмечали уже в последнее десятилетие XX в. Причины виделись в социальных катаклизмах, в отсутствии достойных исполнительских сил, например, симфонического оркестра, а также в недостатках работы правления Союза композиторов Бурятии и в отсутствии «продуманной и взвешенной политики в области культуры» [Дугарова, 2000, с. 9].

Происходят изменения в жанровом содержании: возникло новое жанровое направление – одночастные

симфонические произведения свободной композиции, более точная классификация которых затруднена многообразием авторских определений: рапсодия (Ж. А. Батуев), фантазия (В. Б. Юшин, В. А. Усович), вариации (В. Б. Юшин), симфоническая гравюра (В. А. Усович), симфонические фрагменты (Б. Б.-Д. Дондоков). Сократился жанровый диапазон оперы, ограничившись детскими операми В. А. Усовича и Ю. И. Ирдынеева. Единственным крупным произведением, не удержавшимся, однако, в репертуаре, стала эпическая опера А. А. Андреева «Г'эсэр». В то же время интенсивное развитие отличает сферу музыки для оркестра бурятских народных инструментов: осваиваются жанры сюиты, увертюры, миниатюры, цикла, сонатины, вариаций; расширяется круг солирующих инструментов (ятага, чанза, хур, лимба, йочин, пипа); соединяются европейские и восточные инструменты; используются приемы симфонического развития (цикл В. А. Усовича).

В XX в. тенденция сужения жанрового диапазона продолжилась: не сочиняются оперы и многоактные балеты, циклические симфонии и симфонические поэмы, симфонические картины, фантазии, рапсодии, некогда присутствующие в творческом багаже многих композиторов республики. Нет экспериментальных, диффузных жанров, кроме балета-кантаты В. А. Усовича. Обращает на себя внимание предпочтение тех жанровых направлений, для которых легче найти исполнителей либо слушательскую аудиторию: музыка для детей, музыка для бурятских народных инструментов, камерная музыка, звуковой ряд к спектаклям драматических театров, телефильмам и рекламным роликам.

Из действующих композиторов наиболее плодотворно работают В. А. Усович, Е. А. Олерская и Д. Л. Коркина. Их творчество обеспечивает определенную широту жанрового диапазона музыки Бурятии: у В. А. Усовича это сценические произведения для детей – мюзиклы, мистерия, балет-кантата; крупные симфонические, вокально-симфонические, камерные произведения – концерты для чанзы с симфоническим оркестром; для хура с оркестром бурятских народных инструментов, оратория и кантата, две сонаты для иочина и фортепиано; хоровые, инструментальные (для фортепиано, для иочина) и вокальные циклы.

Крупная форма освоена Е. А. Олерской и Д. Л. Коркиной. У Е. А. Олерской это фантазия для ятаги с оркестром «Тополя и дождь», хореографическая мистерия «Стихии», одночастная симфония, симфоническая сюита, кантата, соната для скрипки и фортепиано, вокальный и хоровые циклы. У Д. Л. Коркиной – балет «Дюймовочка», симфонические концерт для фортепиано с оркестром, тройной концерт для ятаги с оркестром, увертюра, кантата, вокальный и фортепианный циклы. За октет виолончелей «Степное дыхание» она была удостоена диплома международного конкурса композиторов им. Юрия Фалика (Санкт-Петербург, 2012). Композиция «Ом ма ни пад мэ хум» принесла звание лауреата международного конкурса-фестиваля «Подношение 10 драгоценностей» (Улан-Удэ, 2013). Фантазия для чанзы и фортепиано «Эрхэ бурхан» была отмечена дипломом международного конкурса «Композитор XXI века» (Калуга, 2014). Каприччио Е. А. Олерской «Танцы вьюги» и «Легенда Онона» были признаны лучшими на конкурсе сочинений для оркестра бурятских народных инструментов.

Жанрово-стилистическая ограниченность характеризует творчество Л. Н. Санжиевой, Б. О. Цырендашиевой, А. А. Прибылова и П. Н. Дамиранова, работающих

в основном в жанрах вокальной и инструментальной миниатюры: это песни, романсы, вокализы, хоры, программные инструментальные пьесы. Приближение к крупной форме в их творчестве демонстрируют лишь единичные произведения: у П. Н. Дамиранова – сюита «Моя Бурятия» и цикл фортепианных пьес «Наадан», у Л. Н. Санжиевой – трио для флейты, кларнета и фортепиано. А. А. Прибылов, баянист по образованию, пишет миниатюры и циклы миниатюр, но только для русских народных инструментов.

Выразительные средства в основном остаются в русле традиционных. Выявляется стилевая дифференциация произведений, принадлежащих композиторам разных поколений: старшие (В. А. Усович, А. А. Прибылов, Л. Н. Санжиева) продолжают сочинять в «этнографическом» стиле, молодые ищут новые средства выразительности. Синтез тематизма, проявляющего связь с национальной традицией, и современных композиторских техник характеризует почерк Д. Л. Коркиной и А. В. Русанова. Обращение к современным тенденциям развития музыкального языка, поиски нового звуково-

го пространства отличают творчество Е. А. Олерской: единственная из композиторов республики, она экспериментирует в сфере электронной музыки, использует фонетический текст [Рябчикова, 2015, с. 54].

Проблемой остается организационная деятельность руководителей Союза композиторов и министерства культуры: не способствует творчеству отсутствие систематичности в закупке произведений, их издании, записи и трансляции. Перспективы развития Союза есть – в конце 2017 года членом этого творческого объединения стала ученица В. А. Усовича иркутянка Л. И. Халтанова, готовятся к вступлению А. В. Русанов и иркутянка А. Л. Коханая, также ученики В. А. Усовича. Отмечен дипломом II международного конкурса композиторов имени Эдисона Денисова (Томск) Д. С. Михайлов. Сочинения О. Г. Шаренда исполняются оркестрами и ансамблями русских народных инструментов в Бурятии, Саратове, на Урале. Следовательно, есть основания для позитивных прогнозов о дальнейшем поступательном движении музыки Бурятии.

Литература

Дугарова Т. Б. 60-летие Союза композиторов Республики Бурятия: новый взгляд // Национальная самобытность искусства на рубеже тысячелетий. Улан-Удэ: Изд-во Республиканская типография, 2000. С. 7–9.

Рябчикова Л. А. Европейские культурные традиции в кантате «Ледяные песнопения» Е. Олерской // Проблемы музыкальной науки. М.: Изд-во ГМПИ, 2009. С. 51–55.

Янов-Яновская Н. С. Узбекская симфоническая музыка. Ташкент: Изд-во Г. Гуляма, 1979. 218 с.

МУЗЫКА КОМПОЗИТОРОВ БУРЯТИИ В СТРАНЕ И МИРЕ

Автор рассматривает основной вклад композиторов Бурятии в музыкальное искусство страны и мира.

Ключевые слова: музыка; композитор; искусство; творчество; вклад; особенности.

Sanzhieva Larisa Nikolaevna
East-Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

MUSIC OF COMPOSERS OF BURYATIA IN THE COUNTRY AND THE WORLD

The author considers the main contribution of composers in musical art of the country and the world.

Keywords: music; composer; art; creation; contribution; features.

В 2018 г. Республика Бурятия отмечает 95-летие со дня образования. Союз композиторов Республики Бурятия в 2016 г. отметил 75-летие со дня основания своей организации. Облик музыкальной культуры определяет, прежде всего, содержательность национальной композиторской музыки. Немалые успехи достигнуты бурятскими композиторами разных поколений в крупных жанрах, в опере и балете, а также в области инструментальной и вокальной музыки. Музыка бурятских композиторов тесно связана с национальными традициями бурятского народа. Бурятская профессиональная музыка выросла как результат живого, плодотворного диалога Востока и Запада. Музыка бурятских композиторов отличается своей национальной самобытностью, неповторимым колоритом.

Историю развития музыки композиторов Бурятии можно поделить на три этапа. Первый период связан с творчеством П. Берлинского, В. Морошкина, Д. Аюшеева, Ж. Батуева, Б. Ямпилова, Г. Дадуева, С. Рязова. Опора на народную танцевальность становится одной из главной черт фортепианного творчества композиторов старшего поколения. Второй период связан с творчеством С. Манжигеева, А. Андреева, Г. Дашипылова, Ю. Ирдынеева, В. Усовича, а третий период представлен современными композиторами П. Дамирановым, Л. Санжиевой, Б. Дондоковым.

Каким путем идут бурятские авторы в нашу эпоху, к чему они обращаются в своем творчестве? «Усиление интеграционных процессов в современном музыкальном искусстве побуждают внимательно относиться к фольклору, чтобы сохранить традиции, заложенные предками свою самобытность и дух кочевого народа» [Санжиева, 2013, с. 173].

Традиции, связанные с обращением к фольклору композиторами старшего поколения П. Берлинским, В. Морошкиным, С. Рязовым, Д. Аюшеевым, Б. Ямпилковым, Г. Дадуевым, Ю. Ирдынеевым, С. Манжигеевым, А. Андреевым продолжают в творчестве современных композиторов Бурятии – В. Усовичем, П. Дамирановым, Л. Санжиевой, Б. Дондоковым. Необрядовый фольклор бурят представлен бурятскими героическими эпосами. В разных жанрах к вершине героического эпоса бурят «Абай Гэсэр» обращались А. Андреев (опера «Гэсэр»), Ж. Батуев (балет «Сын земли»), Л. Санжиева (балет «Абай Гэсэр и прекрасная Алма»), Б. Дондоков (Два симфонических фрагмента по эпосу «Гэсэр»). Как верно подметил фольклорист А. И. Уланов: «“Абай Гэсэр” является неисчерпаемым источником народной мудрости и сокровищницей духовных ценностей, накопленных в течение тысячелетия» [Абай Гэсэр, 1960, с. 5].

Музыковед Л. Дашиева отмечала: «В традиционном фольклоре бурят большое место занимают игры – *нааданы*» [Дашиева, 2015, с. 85]. По мнению музыковеда Д. Дугарова, «Игра *наадан* является ценным источником для исследования мифологических, религиозных, космогонических взглядов бурят» [Дугаров, 1991, с. 109]. Игровой фольклор бурят представлен тетеревиной игрой, песнями кольца, песнями-загадками. Обработки народного танца тетеревиной игры представлены в творчестве композиторов Г. Дадуева, С. Манжигеева. О. Куницын верно определил: «В музыкальную драму “Баир” П. Берлинского и Б. Ямпилова вошли многочисленные танцевальные эпизоды, в том числе и большой самостоятельный номер – балет «Цам», который так же, как и танцевальные сцены в опере М. Фролова «Энхэ-Булат-Батор» можно считать подступами к балету в бурятской музыке» [Куницын, 1990, с. 84].

Замечательное своеобразие придают этому произведению заключенные в них подлинные народные мелодии или авторские темы, сочиненные с сознательным приближением к духу и языку народной музыки. Как отмечает театровед В. Найдакова, «в качестве центральной фигуры был взят наиболее демократический персонаж Цама – Белый старик, народность происхождения которого была вне всякого сомнения. Танцевальная мелодия Сагаан Убугуна, по мнению Г. Цыдынжапова, основана на народном напеве «Намсарайн долган» (вызов счастья). Не однажды видевший представления цама докшитов в Бурятии и Монголии, знакомый с некоторыми письменными источниками описания цамов Г. Ц. Цыдынжапов сам напел многие мелодии мистерий композитору П. Берлинскому» [Найдакова, 1997, с. 31].

С. Рязов написал оперу «Мэдэгмаша» (первая редакция) в 1948 г. В опере удачна танцевальная сцена в ритме ёхора. Балет С. Рязова «Свет над долиной» на либретто Н. Балдано и П. Аболимова был создан в 1955 г. П. Гуревич утверждал, что: «автор не сумел провести симфонические приемы, не смог создать настоящей драматургии балета» [Гуревич, 1964, с. 85].

Баудоржи Базарович Ямпилков внес значительный вклад в развитие балетной и танцевальной музыки. Следует отметить сочинения Б. Ямпилова «Танец кукол», «Танец в степи», «Танец с луком», «Танец девушек» из оперы «У истока родника» в ансамблевом переложении в четыре руки для фортепиано, балет «Патетическая баллада» (либретто М. Мнацаканяна). Истинное значение великих произведений проверяется историей. К таким сочинениям относится балет «Красавица Ангара» (в соавторстве с Л. Книппером, либретто Н. Балдано),

в котором танцевали народная артистка СССР Лариса Сахьянова и народный артист РСФСР Петр Абашеев.

Созданные Б. Ямпилковым симфонические и камерные произведения, песни и балеты, музыка к драматическим спектаклям и кинофильмам стали неотъемлемой частью духовной культуры бурятского народа и получили огромное признание. В них глубоко и правдиво отразилась наша действительность, запечатлелись мысли, чувства, стремления народа. Сочинения Б. Ямпилова отмечены не только ярко выраженным национальным характером, но и высоким мастерством, владением всеми профессиональными приемами композиторского письма. Из симфонических произведений Б. Ямпилова особенно отметим сюиту «Симфонические танцы», отличающуюся блестящей оркестровкой, ярким мелодизмом, мощной ритмикой и энергией.

Оценивая творческое наследие композитора, поражаешься масштабу и глубине его произведений. Бадуржи Базаровича Ямпилова по праву можно назвать великим бурятским композитором XX в., создавшим бессмертные творения самых разнообразных жанров: оперы, балеты, оратории, кантаты, симфонические сюиты, симфонические картины, увертюры, поэмы, камерные ансамбли, хоры, романсы, песни, фортепианные произведения.

В 1946 г. композитор Дандар Аюшеев создал первый национальный балет «Бато», либретто М. Арсеньева. Для детей Д. Аюшеев создал два бурятских танца для фортепиано, в которых мелодия запоминается сразу с первых тактов. Д. Аюшеев создал танец «Наши девушки» для ансамбля песни и танца «Байкал», поставил танец Михаил Заславский. Танец стал популярным в Бурятии. Последнее сочинение опера-балет Д. Аюшеева «Саган хаган» на либретто поэта Д. Улзытуева оказалось незавершенным из-за смерти композитора и так и до сих пор не увидело свет рампы.

Жигжит Абидуевич Батуев – один из основоположников бурятской профессиональной музыки, сделавший огромный вклад в развитие балетной и танцевальной музыки. Его лучшие произведения глубоко реалистичны, наполнены проникновенным лиризмом. Музыка композитора привлекает певучестью, выразительным мелодизмом, темпераментными танцевальными ритмами. В таких фортепианных сочинениях Ж. Батуева, как «Бурятский танец», «Танец птиц», «Детский танец» прослеживается богатая ритмика, яркая мелодика.

В развитии бурятской балетной музыки с первых ее шагов ведущую роль выполняют балеты Ж. А. Батуева. Балет «Во имя любви» Ж. Батуева и Б. Майзеля на либретто М. Заславского и Л. Линховойна (1957) является одним из первых национальных балетов. С этим произведением в балетную музыку Бурятии вошла историческая тема. Остроконфликтный сюжет балета отражает важную эпоху в жизни бурятского народа – период зарождения в Бурятии феодализма на рубеже XVI–XVII вв. Национальная самобытность музыкальных образов балета, оригинальный гармонический язык, красочная оркестровка, напряженное динамическое развитие – все эти положительные качества музыки характеризуют балет как яркое и значительное произведение музыкальной культуры республики.

В 60–70-е гг. интенсивность творческой деятельности Ж. Батуева возрастает. Расширяется тематический и жанровый диапазон как балетного, так и всего творчества в целом. Ведущей тематикой балетного жанра становится сказочно-легендарная. Например, балет-легенда «Цветы жизни» (либретто М. Заславского, 1960).

С балетом «Вечный огонь» (либретто М. Заславского, 1976) в творчество Батуева входит тема Великой Отечественной войны. Автор посвящает произведение гвардии полковнику В. Б. Борсоеву, Герою Советского Союза. В 1965 г. композитор создает детский балет «Дружба» (либретто Н. Логачева). Наиболее значительным произведением композитора является балет «Сын земли» (либретто Н. Балдано, 1972), где воплощены образы героического бурятского эпоса «Гэсэр». Балет отмечен республиканской премией Бурятской АССР в области литературы и искусства (1972).

Значительной вехой в творческой биографии композитора и крупным событием в истории музыкальных культур Якутии и Калмыкии явилось создание балетов «Чурумчуку» (либретто Н. Жорницкой и С. Элляя, 1963) и «Джангар» (либретто А. Бадмаева и Ж. Батуева, 1970). Эти произведения созданы композитором на основе глубокого изучения народного эпоса и легенд этих республик. По существу, Ж. Батуев стал основоположником балетной музыки Якутии и Калмыкии. Примечательно, что балет «Чурумчуку» Ж. Батуева вот уже полвека идет в якутском театре оперы и балета (сменилось не одно поколение артистов балета).

Яркий и достойный вклад в танцевальную музыку внес композитор Гавриил Дадуев. Большой интерес вызывает «Балетная сюита» для симфонического оркестра, состоящая из пяти частей, которые объединены по принципу контраста, а также тональной общностью. Особенно впечатляет заключительная часть – «Борьба», в музыке которой ярко воссоздается картина народной борьбы, сразу представляешь начало борьбы, когда два мэргэна демонстрируют друг перед другом «Танец орла». Композитор отдал предпочтение в этой музыкальной сцене медным духовым инструментам, а также контрабасу, рисуя гротескные образы борцов.

В музыке для оркестра бурятских народных инструментов Г. Дадуев постоянно обращался к танцевальным образам. Композитор хорошо знал ритмические формулы бурятских народных танцев и мастерски воплощал их в своих танцевальных пьесах. Это сюжетные танцы «Танец тетеревов», «Арканщик», «Красный платочек», лирические танцы «Дэрбэшэн» (есть вариант для симфонического оркестра), «Альчур». Танцевальная стихия пронизывает его и музыкальные картины «В улусе», части из сюиты «Лесная сказка». Бурятская национальная окраска этой музыки особенно усиливается благодаря мастерству, с которым Г. Дадуев создавал свои оркестровые партитуры.

Композитор Сергей Манжигеев своей танцевальной музыкой прославил весь мир. Творческой удачей стал танец «Цветок Байкала» в постановке балетмейстера Михаила Заславского. Этот танец стал символом Бурятии, визитной карточкой на протяжении полувека. На многих площадках мира бурятские танцоры с блеском исполняли на бис этот танец. Музыка танца запоминается своей яркой мелодией, богатой по своему внутреннему содержанию. Хореография М. Заславского в этом танце – одна из вершин его творчества. Плодотворным было сотрудничество С. Манжигеева с ансамблем песни и танца «Байкал». Им был написан целый ряд танцев для замечательного прославленного коллектива: «Наездники», «На Ононе», «Танец баторов», «Веселые кузнецы», «Выделка войлока», «Тетерева», «Молодежная», вокально-хореографическая сюита «БАМ». Композитор был удостоен диплома лауреата в номинации «Танцевальная музыка» Всесоюзного конкурса исполнителей за создание музыки танца «Туяна» в 1972 г.

Свой вклад в танцевальную музыку сделал композитор Анатолий Андреев. Он создал музыку к следующим танцам и балетам: «Куклы», фантастический танец, балет «Хун шубуун» 'Небесная дева-лебедь', в постановке Г. Майорова, в исполнении учащихся БРХК им Л. Сахьяновой и П. Абашеева, балет «Песнь поэта» либретто П. Абашеева, М. Заславского и Л. Линховойна. Танец «Цветок лотоса» Анатолия Андреева поставили хореографы заслуженный деятель искусств РФ Дандар Бадлуев и заслуженный работник культуры РФ Татьяна Вампилова. Гур Дашипылов создал танцевальную сюиту для симфонического оркестра, увертюру для симфонического оркестра «Ёхор», неоконченный балет «Вечное солнце», либретто Н. Дамдинова.

Среди бурятских композиторов творчество заслуженного деятеля искусств РФ и РБ, лауреата Государственной премии РБ, члена Союза композиторов России Юрия (Цыбикжапа) Ирдынеевича Ирдынеева привлекало к себе внимание общественности. Такое внимание вызывалось оригинальностью замыслов, высоким уровнем мастерства, особенностями музыкального мышления композитора. Музыка Ирдынеева отличается стилизованным универсализмом. Ирдынеев, обладая своеобразным внутренним миром и оригинальным творческим почерком, широко использовал новые средства, выработанные композиторской практикой XX в. Яркая индивидуальность сочеталась у него с духовной утонченностью. Он является новатором в применении в своем творчестве идей буддийской философии и религии. Ирдынеев в своем творчестве возрождает духовные ценности, веру в нравственное обновление общества. Он привнес в свою музыку круг настроений, глубоко проникающих в подсознание слушателя.

Балет «Лик богини» стал подлинным открытием, вехой в истории бурятского балета. Балет написан композитором в 1979 г., но был поставлен на сцене только в 1990 г. из-за идеологических запретов, связанных с буддийской религией. В основу балета положена новелла Б. Ринчена «Ногоон Дара-эхэ» о подлинной судьбе скульптора Ундэр Гэгэна Занабазара. Г. А. Майоров написал либретто по новелле монгольского писателя. Восточное звукозерцание, медитативность присуща музыке балета. «Балет был поставлен балетмейстером О. Игнатьевым, который создал оригинальную хореографию, сумел открыть медитативную музыку композитора» [Санжиева, 2013, с. 63]. В музыке Ирдынеева есть духовный порыв к чему-то ввысь, конкретно к богине «Зеленой Таре» и нравственному идеалу. Это музыка выразительных интонаций, передающих тончайшие движения души. Не менее экзотичным было и художественное оформление спектакля монгольским художником Ч. Гунгасухом. В 1991 г. Ю. Ирдынееву была присуждена государственная премия в области литературы и искусства.

Юрия Ирдынеева можно отнести к представителям неофольклоризма. К примеру, в его произведениях цитируются бурятская народная песня «Уншэн басаганай дуун» в балете «Лик богини» (монолог о возлюбленной), среднеазиатские и кавказские ритмы ударных инструментов, русская плясовая «Барыня», гопак, лезгинка, ёхор в третьей части «Героической симфонии». Народный мелос определяет эмоциональный строй, особенности изложения тематического материала. Творчество композитора многогранно. «Юрий Ирдынеев внес огромный вклад в развитие не только национального музыкального искусства Бурятии, но и в мировую музыкальную культуру, таким сочинением, как балет "Лик богини"» [Санжиева, 2003, с. 96].

Виктор Усович создал музыку в различных жанрах. Наибольшим успехом пользуются у исполнителей «Молитвы последних оптинских старцев». В 2018 г. это сочинение было исполнено Певческой капеллой Санкт-Петербурга. Высокую оценку этому сочинению дал председатель Красноярского Союза композиторов В. Пономарев. В 2016 г. В. Усович выступил во Франции с романсами на слова В. Слипенчука, исполненными Ольгой Жигмитовой под аккомпанемент народной артистки России Даримы Линховойн.

Оценивая творческое наследие эвенкийского композитора Виктора Гончикова, поражаешься национальной самобытностью, колориту и глубине его произведений. Значителен вклад композитора Виктора Гончикова в написание музыки к танцам «Алан-Аланэ», «Баюмэтки этэвчэлэн» 'После охоты', «Танец с кумаланами», которые составляют золотой фонд эвенкийской музыкальной культуры. Многие танцы В. Гончикова исполнялись на различных международных, всероссийских праздниках и фестивалях как в России, так и за рубежом: Всероссийский фольклорный фестиваль детей Севера «Вслед за солнцем», «Фестиваль малочисленных коренных народов Севера», «Молодежный фестиваль народов Севера», «Межрегиональный фестиваль эвенкийской музыки и танца им. В. Гончикова». Танцы В. Гончикова завораживают своей яркой мелодикой, энергией, задорной ритмикой. Композитор обращался к эвенкийской мифологии, преданиям, сказаниям. Интересны в этом плане песни-танцы В. Гончикова «Не танцуют кулики на показ», «Нюнгникил». Почитание огня у эвенков складывалось тысячелетиями. В древности эвенки были прирожденными охотниками, охота составляла основу их жизни, и это нашло отражение в танце В. Гончикова «Баюмэтки этэвчэлэн».

Национальные образы, связанные с обращением к фольклору композиторами старшего поколения, продолжают в творчестве современных композиторов Бурятии Б. Дондокова, П. Дамиранова, Л. Санжиевой. Композитор Пурбо Дамиранов создал музыку к нескольким танцам. Подлинной удачей стал «Танец небесных принцесс», который отличается своим возвышенно утонченным строем, особым степным величием и одухотворенностью. Красочная инструментовка, звучание ятаги придают этому танцу неповторимый чарующий восточный колорит. Танец «Всадницы» и «Танец небесных принцесс» в тандеме поставили заслуженный деятель искусств РФ Дандар Бадлуев и балетмейстер Вячеслав Донгак. Танец «Всадницы» отличается своей энергией и зажигательной ритмикой. П. Дамиранов написал танец «Белый мой олень», который был поставлен хореографом, заслуженным работником РФ Татьяной Вампиловой. Б. Дондоков написал концертный вальс для духового оркестра, два монгольских танца, приветственный танец, шуточный танец для ОБНИ. Музыка танцев Б. Дондокова ждет постановки.

Композитор Л. Санжиева создала целый ряд произведений танцевальной и балетной музыки: балетные сцены в трех частях по эпосу «Абай Гэсэр и прекрасная Алма», фортепианная сюита из пяти танцев «Бурятские танцы». Завершает сюиту «Танец шамана», который посвященный доктору исторических наук, профессору Дашиниме Санжиевичу Дугарову. На музыку пьесы для ятаги и фортепиано «Пробуждение» Л. Санжиевой поставили два разных танца заслуженная артистка Саха-Якутия Айталиа Банзаракцаева и заслуженная артистка РБ Юлия Золотова. На музыку оркестровой пьесы «Энхалукские забавы птиц» для оркестра бурятских

народных инструментов Л. Санжиевой поставила танец «Гургалдай» Сэсэг Доржиева, художественный руководитель образцовой студии «Апсары». Л. Санжиевой создана музыка к бурятской народной сказке «История огня», балетная композиция с учащимися БРХК им Л. Сахьяновой и П. Абашеева была поставлена заслуженной артисткой Саха-Якутия Айталиной Банзаракцаевой. Л. Санжиева написала музыку к эвенкийскому хореографическому пластическому спектаклю «Храбрый охотник Тымауль» на основе эвенкийских легенд и преданий. Постановку спектакля осуществила Сэсэг Цыремпилова с учащимися колледжа искусств им. Чайковского в 2014 г. В 2016 г. Л. Санжиева написала эвенкийскую песню-танец на стихи З. Делбоновой «Эведы асаткар», постановку танца сделала С. Цыремпилова с эвенкийским ансамблем «Гулувун».

Композиторы всех поколений П. Берлинский, В. Морошкин, С. Рязузов, Д. Аюшеев, Б. Ямпиллов, Г. Дадуйев, Ю. Ирдынеев, С. Манжигеев, А. Андреев, А. Прибылов, П. Дамиранов, Л. Санжиева, Б. Дондоков способствовали интенсивному развитию танцевальной и балетной музыки Бурятии. Их музыка является частью духовной культуры народов Бурятии и России. Балетмейстеры-постановщики, хореографы И. Моисеев, М. Заславский, Г. Майоров, О. Игнатьев, Д. Бадлуев, Т.

Вампилова, В. Донгак, С. Цыремпилова, А. Банзаракцаева в содружестве с бурятскими композиторами создали богатые и разнообразные постановки танцев, воплотили целый ряд и галерею образов, которые составляют золотой фонд национальной хореографии не только Бурятии, но и России.

Музыка современных композиторов Бурятии В. Усовича, А. Прибылова, П. Дамиранова, Л. Санжиевой, Е. Олёрской, Д. Коркиной звучала на различных фестивалях, международных конкурсах, таких как «Звучки Евразии», «Найдал», «Алтаргана», «Европа-Азия», «Подношение 10 драгоценностей Пандито-хамбо-ламе Даша-Доржи Этигелову», «Пентатоника», «Музыкальный фейерверк» и др.

К сожалению, в Бурятии нет филармонического симфонического оркестра, в связи с чем Союз композиторов Республики Бурятия возлагает большие надежды на руководство Республики Бурятия, Министерство культуры Республики Бурятия. В Бурятии нужно разработать Целевую программу развития музыкального искусства республики. Сегодня очень важно сберечь и использовать все самое ценное из прошлого бурятской музыкальной культуры. Сделать музыкальные компоненты духовной культуры достоянием всего общества – такова высшая цель творчества композиторов Бурятии.

Литература

- Абай Гэсэр / Вступит. ст., пер. и комм. А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960. 314 с.
Гуревич П. Оперный театр Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 190 с.
Дашиева Л. Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учеб.-метод. пособие. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 188 с.
Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. М.: Наука, 1991. 300 с.
Куницын О. И. Музыка Советской Бурятии. М.: Сов. композитор, 1990. 216 с.
Найдакова В. Ц. Буддийская мистерия Цам в Бурятии. Улан-Удэ, 1997. 41 с.
Санжиева Л. Н. Влияние буддизма на музыкальное искусство Бурятии // Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 96–99.
Санжиева Л. Н. Национальные традиции и современное творчество бурятских композиторов // Композитор в современном мире: материалы междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы современного композиторского творчества». Красноярск, 2011. С. 173–178.
Санжиева Л. Н. Творчество бурятских композиторов // Муровские чтения: материалы Второй науч.-практ. конф. Новосибирск, 2013. С. 63–77.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ БУРЯТИИ И Г. УЛАН-УДЭ В ОПЕРАХ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

В данной статье изучается творчество советских композиторов, в котором отразилась история развития Бурятии с дореволюционного периода, а также советский период истории г. Улан-Удэ.

Ключевые слова: история Бурятии; опера; Улан-Удэ; композиторы; декада.

*Solomennikova Valentina Igorevna
 Banzaraksaeva Elena Vasilyevna
 East-Siberian State Institute of Culture
 Ulan-Ude, Russian Federation*

REFLECTION OF HISTORY OF BURYATIA AND ULAN-UDE IN OPERA OF SOVIET COMPOSERS

This paper deals with the opera writing of Soviet composers, which reflects the history of Buryatia's development from the pre-revolutionary period, and the Soviet period of the history of Ulan-Ude.

Keywords: history of Buryatia; opera; Ulan-Ude; composers; decade.

История Бурятии находит свое отражение не только в документальных работах, но и в художественных произведениях. Мы попытаемся изучить творчество советских композиторов, чьи работы показывают развитие национальной республики и историю ее народа.

Среди музыкальных жанров, успешно развивающихся в нашем городе, на первом месте стоит опера. Бурятский государственный академический театр оперы и балета по праву считается визитной карточкой Улан-Удэ. Предысторией бурятской национальной оперы стали музыкальные драмы 1930-х гг.: «Баир» П. Берлинского и «Эржен» В. Морошкина, поставленные в 1938 и 1940 гг. соответственно. По замыслу композиторов и драматургов в первых музыкальных драмах должны были найти отражение все стороны бурятского фольклора, «тот простой жизненный факт, что даже в бурятском «Ёхоре» заложены три народные основы национального театра: художественное слово, музыка-песня и ритмика» [Бадрино, 1930, с. 85]. Музыкальной основой этих спектаклей стали народные песенные и танцевальные мелодии, а также темы, сочиненные композиторами в духе фольклора. Например, в «Баире» есть самостоятельный эпизод – балет «Цам», воссоздающий древнее культовое действо и отражающее историю религии Бурятии [Найдакова, 1997, с. 46]. Мистерия «Цам» – это сакральное театральное действие, в котором действующими лицами являются буддийские монахи. Особо развита мистерия «Цам» была в дореволюционные годы Бурятии, но и сейчас она существует. Использование ярких масок, костюмов, четко продуманное либретто приближают это священное действие к театральной постановке.

Первой оперой, созданной в Улан-Удэ, стало произведение выдающегося советского композитора Маркиана Фролова «Энхэ-Булат-батор» (1940). Эта опера открыла новый период в истории бурятской музыки как первое оперное произведение в национальном стиле. В качестве сюжета для оперы была избрана драма Намжила Балдано по мотивам народного эпоса «Шоно-батор». В сюжете оперы рассказывается о жестоком правителе края Бумал-хане, храбром Энхэ-Булат-батаре и его красавице-невесте Арюн-Гохон. Главной идеей оперы является победа добра над злом в образе героя.

До большинства русскоязычных людей, населяющих республику, дошел авторизированный перевод «Шоно-батара» Алексея Гагапова, за который он удо-

стоен премии им. К. Нефедьева в 2002 г. в Магнитогорске [Шоно Батор, 2003]. Основой сюжета стала история Джунгарии рубежа первой половины XVIII в. – времени ее героической и трагической борьбы за свою свободу против маньчжурского завоевания. Ойраты, населяющие Джунгарию, разгромленные в неравных битвах, подверглись геноциду со стороны маньчжуров. По некоторым данным, только в 1763 г. было уничтожено до миллиона ойратов. Оставшиеся в живых эмигрировали на Волгу, в Среднюю Азию, в Сибирь, к алтайцам, тувинцам и, конечно же, к родственникам по культуре и языку бурятам в Прибайкалье. Ассимилировавшиеся по данным территориям, ойраты донесли и до нас сказание о своей героической борьбе.

В 1936 г. известный фольклорист, собиратель произведений устного народного творчества М. Н. Хангалов записал ее у сказителя из села Бильчир Осинского района Усть-Ордынского Бурятского национального округа Шагдара Шанаршеева (1881–1940) на бурятском языке [Бурятские сказки и поверья, 1889]. Либретто же для оперы «Энхэ-Булат-батор», равно как для «Побратимы», «Эржен», создал молодой и талантливый Намжил Балдано, опираясь на работы Хангалова [Театральная энциклопедия, 1961].

Важным фактом является то, что композитор написал эту героическую, патристическую оперу в преддверии Великой Отечественной войны и во время Второй мировой, чтобы поддержать и приободрить своих соотечественников силой искусства. Также можно сопоставить действие оперы с происходящим и сделать вывод, что М. Фролов говорит своей музыкой: «Объединяйтесь народы-братья против Гитлера и его коалиции! Лишь вместе мы сила!»

Театр с успехом представил музыкальные драмы «Баир», «Эржен» и первую бурятскую оперу «Энхэ-Булат-батор» во время декады бурят-монгольского искусства в Москве в 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР театр был награжден орденом Ленина. Главному режиссеру театра Гомбожапу Цыдынжапову было присвоено звание народного артиста СССР.

Одним из наиболее масштабных произведений бурятской национальной музыки является оперная трилогия Дандара Дампиловича Аюшеева (1910–1971). Трилогия задумана как «Музыкальная панорама» жизни Бурятии на протяжении более чем трехсот лет. Три оперы – «Побратимы» (1959), прозвучавшая в 1959 г. в Москве

во время второй декады бурятского искусства. «Братья» (1963), «Саян» (1967) объединены темой дружбы русского и бурятского народов, локальностью сюжетов (между второй и третьей частями есть непосредственная связь, общие персонажи) [Куницын, 1986, с. 20].

Опера «Побратимы» рассказывает об эпохе, когда «в гущу народа проникло сознание необходимости и целесообразности вхождения в состав Русского государства». В основу сюжета лег реальный исторический факт, обращение бурят к царю Петру I с просьбой защитить народ от произвола нойонов, местных феодалов. Этот сюжет обусловил и жанр произведения – историко-эпическая опера. Действие происходит в Удинском остроге и Забайкалье в XVII в., Петр I посылает в Забайкалье войско, чтобы защитить простых тружеников от произвола деспотов-феодалов. Охотник Булган-Табита (собирательный персонаж) и его соплеменники при поддержке русских преодолевают сопротивление нойона Борбона. А русские и буряты становятся народами-побратимами.

Действие же оперы «Братья» происходит в период установления Советской власти в Верхнеудинске в 1920-е гг. Гражданская война поставила родных братьев «по разные стороны баррикады»: Буянто – красный партизан, Долодэ вовлечен в отряд белогвардейцев. Гибель Буянто и старой Санжит-Хэтэй, матери братьев, от рук белых открывает глаза Долодэ. Он искупает свою вину в борьбе за свободу народа.

Действие третьей части трилогии, оперы «Саян», разворачивается в 1960-е гг. В основу сюжета положена драматическая житейская ситуация, с помощью которой авторы стремились раскрыть морально-этические проблемы. В главном герое оперы – молодом хирурге Саяне – авторы видели обобщенный образ современни-

ка, окончательное становление характера которого происходит в трудной борьбе с прошлым, маскирующимся под передовое. «Я хотел осудить зло, – говорил композитор, – карьеризм, бездушное отношение к своему делу» [Куницын, 1989, с. 90]. По сюжету главный врач совхозной больницы Андрей Жамбалов ненавидит молодого хирурга Саяна Буянтуева за превосходство в профессиональной умелости и за то, что зоотехник Светлана предпочла Саяна Андрею [Куницын, 1989, с. 95]. Главный врач, взяв в «союзники» бывшего ламу Бадму, клеветает на Саяна. Негативная роль бывшего ламы Бадмы подчеркивает период гонения на буддизм, который начался вскоре с прихода к власти И. В. Сталина. Но, несмотря на остроумные козни, проходимцы разоблачены, и справедливость торжествует.

Таким образом, историческая опера как музыкальный жанр советских композиторов играет глубокую, важную роль в деле исторической просвещенности населения, а также укрепления дружбы народов, стабилизации внутривнутриполитической и культурной политики нашего государства. Важным является то, что в операх бурятских советских композиторов отразились периоды становления и исторического развития Республики Бурятия. В опере «Побратимы» главной темой является вхождение Бурятии в Российскую империю и единение бурятского и русского народа. В опере «Братья» отразились все ужасы гражданской войны на территории Бурятии, а в опере «Саян» мы видим Бурятскую АССР и портрет типичного советского гражданина в роли главного героя. Исторические факты, умело использованные композиторами, добавляют достоверности их произведениям и пробуждают интерес к академической культуре нашей республики.

Литература

- Бадрино Б. О путях развития бурятского национального театра // Жизнь Бурятии, 1930. № 4.
- Будаева Т. Б., Пазников О. И., Самбуева С. Б., Гончикова М. Ц., Пестерева О. А., Пазникова З. И. Эстетическое и художественное образование в Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2014. 260 с.
- Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым, О. Н. Затопляевым и другими // Записки ВСОРГО по отделению этнографии. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1889. Т. 1, вып. 1.
- Куницын О. И. Бурятская музыкальная литература. Улан-Удэ, 1986. Вып. 1. 112 с.
- Куницын О. И. Бурятская музыкальная литература. Улан-Удэ, 1989. Вып. 2. 120 с.
- Найдакова В. Ц. Буддийская мистерия Цам в Бурятии. Улан-Удэ, 1997. 41 с.
- Театральная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1961. Т. 1. 1214 стб.
- Шоно Батор: Бурят-монг. героич. эпос / пер. А. Гагапова. Улан-Удэ: Респ. тип., 2003. 119 с.

ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В БУРЯТИИ

Статья посвящена истории возникновения театрального искусства в Бурятии. Архивные документы Государственного архива Бурятии помогают восстановить рассматриваемый период.

Ключевые слова: Бурятия; Верхнеудинск; театральное искусство; архивный документ.

Chimitdorzhieva Larisa Shirapovna
 State archive of the Republic of Buryatia
 Ulan-Ude, Russian Federation

ABOUT THE HISTORY OF THE RUSSIAN DRAMA THEATRE FOUNDATION IN BURYATIA

The article is devoted to the history of theatrical art in Buryatia. Archival documents of the State archive of Buryatia help to restore that period.

Keywords: Buryatia; Verkhneudinsk; theatrical art; archival document.

Открытию театра в г. Верхнеудинск предшествовал длительный процесс формирования культурной среды, театральной культуры [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10]. История становления русской театральной культуры в Бурятии восходит к 30-м гг. XIX в. [ГАРБ. Ф. Р-408. Оп. 3. Д. 1, 5, 6]. Большую роль в этом сыграли ссыльные декабристы. Под непосредственным и косвенным влиянием декабристов и политических ссыльных в Забайкалье – Кяхте, Нерчинске, Верхнеудинске – возник и развивался любительский театр. Особенно значителен вклад Николая Александровича Бестужева, имя которого присвоено Русскому театру в 1991 г.

В Государственном архиве Республики Бурятия на хранении имеются документы фонда семьи Танских, старожилов Верхнеудинска [ГАРБ. Ф. Р-1778]. Документы освещают жизнь и быт города в 1900–1919 гг., в частности, содержат ценные сведения о театральной жизни города. Это программы и афиши благотворительных спектаклей любителей драматического искусства г. Верхнеудинска в пользу бедных, приютских и арестанских детей, раненых, воскресных школ, народного чтения. Среди документов за 1920-е гг. сохранились афиши спектаклей и концертов сценического искусства Верхнеудинска в благотворительных целях в пользу голодающих Советской России, потерпевших землетрясение в Крыму, также для народного университета, детского фонда, школы [ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 96, 156–159]. Имеется текст выступления заслуженной учительницы Бурятской АССР Екатерины Александровны Танской под названием «Из истории культурной жизни города», в котором она подробно рассказывает о развитии театрального искусства в городе Верхнеудинск: «...Еще в девяностых годах прошлого столетия (XIX в. – Л. Ч.) население города было около десяти тысяч человек. И даже тогда, когда Чехов, проезжая на Сахалин, назвал Верхнеудинск «миленьким городком», в городе не было ... театра. Там, где позднее построили театр драмы стоял большой бревенчатый дом – дом общественного собрания. В нем-то и собирались немногочисленные поклонники литературы, любители музыки и театра. Изредка раз-два в год давались с благотворительной целью в этом доме любительские концерты. В программах концертов большую часть времени занимали номера драматические, а все музыкальные номера исполнял любительский городской оркестр, состоящий из двух скрипок и барабана. Уже позднее в город приехала преподаватель музыки Робунг, и она иногда устраи-

ла сольные фортепианные концерты, исполняя музыку Рубинштейна, Баха, Бетховена, Шопена. О гастролях верхнеудинцы тогда не имели даже понятия. Чтобы добраться до Верхнеудинска из Москвы или Петербурга нужно было терять месяцы, и никто не соглашался ехать в этот далекий путь. Первые гастролеры посетили Улан-Удэ уже при Советской власти. На концерты артистов, приезжающих из центра России, стремились попасть все, но дом общественного собрания не вмещал всех желающих, и потому билеты, по тому времени очень дорогие, были нарасхват. Настоящим праздником для всех любителей оперного искусства был приезд знаменитого артиста Маринского театра в Петербурге Владимира Ивановича Касторского. В то время Владимир Иванович находился в зените своей славы. Касторского сравнивали с великим Шаляпиным, по праву называя его вторым Шаляпиным. Так говорили о нем и потому, что он был дублером Федора Ивановича и особенно потому, что он имел очень красивый и сильный голос. Касторский дважды давал сольные концерты в общественном собрании города: когда проезжал на восток и по просьбе горожан, когда возвращался обратно в Петербург. У него была большая и интересная программа из произведений русских и зарубежных классиков, и горожане по полчаса аплодировали певцу после каждого номера. Больше всего аплодировали певцу, когда он исполнил песню Глинки «Попутная». У меня сохранилась пластинка с записью этой песни в исполнении Владимира Ивановича Касторского, и я рада дать возможность всем радиослушателям послушать голос большого мастера сцены Владимира Ивановича Касторского. Потом позже в Улан-Удэ стали ездить и другие артисты. Долгое время находился в Улан-Удэ с гастролями известный тогда артист эстрады Василий Иванович Беспалов. В тридцатых годах гостил в Улан-Удэ Леонид Собинов. Но это время, когда в Улан-Удэ уже началась своя настоящая музыкальная жизнь со своими профессиональными артистами...» [ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 96, 156–159].

После революции по всей стране вспыхнул интерес к театру, аудитория его необычайно расширилась: шел очень бурный и сложный процесс сближения искусства с жизнью. В 1920-х гг. при различных учреждениях, организациях, на предприятиях Верхнеудинска проводилась клубная работа, созывались заседания клубных советов, совещания клубных работников. Архивные документы информируют о плане работ Городского клубного совета за апрель-май 1924 г., в котором ставились следующие задачи: выяснение общего положения

клубного дела в Верхнеудинске путем опроса масс, выработка единого плана и системы работ клубов города с учетом прошлой работы, создание производственных кружков, научная организация их труда, выработка методов клубной работы и т.д. К примеру, был разработан проект-положение о национальном Бурят-Монгольском клубе в Верхнеудинске, поставлены цели и задачи, для осуществления которых было решено организовать секции, в числе которых значилась театральная: «Деятельность театальной секции заключается в следующем: ознакомление с театральным делом вообще, а в особенности изучение строительства нового пролетарского и социалистического театра; изучение и выявление особенностей Бурят-Монгольской драматизации и национального творчества вообще; создание национальной труппы; постановки спектаклей...» [Политов, 1972].

В 1920-е гг. партийные и советские организации республики развернули большую работу по культурному и политическому воспитанию населения. Именно в этот период и принимается решение об организации в Верхнеудинске русского драматического театра.

У истоков русского профессионального драматического театра в Бурятии стоял известный творческий коллектив с необычным названием «Московский передвижной организационный синтетический театр Международного Красного Стадиона и Осоавиахима СССР», сокращенно Московский передвижной оргтеатр. Знакомство с ним состоялось в октябре 1928 г., когда оргтеатр впервые показал свои спектакли, остановившись в Верхнеудинске по пути на Дальний Восток. Его приезд совпал с движением общественности Верхнеудинска за создание своего профессионального театра под девизом «Даешь театр!» Город давно мечтал о создании собственного профессионального театра. Понравившийся коллектив правительство республики пригласило остаться работать в Верхнеудинске. Труппа оргтеатра была оценена как большое приобретение для города. Дополнительно из Москвы были вызваны артисты оперетты для укрепления труппы.

22 декабря 1928 г. состоялось открытие первого театального сезона спектаклем «Человек с портфелем» Алексея Файко. Это событие и стало точкой отсчета истории русского театра драмы в городе Улан-Удэ. Газета «Бурят-Монгольская правда» писала в те дни, что спектакль «произвел на зрителей столь же выгодное и отличное впечатление, как и в первый раз, когда оргтеатр был только гостем». Спектакль проходил при переполненном зрителями зале [Бурят-Монгольская правда, 1928, 26 дек., с. 4; Календарь, 2013, с. 50].

23 декабря труппа дала премьеру «Квадратура круга». «Квадратура круга», – пишет «Бурят-Монгольская правда», – новинка, принятая к постановке в лучших театрах столицы. Это чуть ли не первая попытка дать советский водевиль. В пьесе затронут серьезный вопрос о комсомольской морали. Автор подошел к бытовым вопросам, так сказать, с водевильной легкостью, переломив серьезное в веселом шарже. Благодаря легкой завязке, остроумным выражениям, динамике действия и бодрому тону, пьеса достигает своего – вызывает здоровый смех». Декоративное оформление спектаклей получило высокую оценку [Бурят-Монгольская правда, 1928, 26 дек., с. 4; Календарь, 2013, с. 50].

Программу театра определял творческий поиск талантливого художественного руководителя Евгения Павловича Просветова. Публике были представлены такие постановки: «Человек с портфелем» А. Файко, «№ 114 статья уголовного кодекса» В. Ардова, Л. Ни-

кулина, «Квадратура круга» В. Катаева, «Плавятся дни» Н. Львова, «Класс» А. Арбузова, «Вредный элемент» В. Шкваркина, «Молодежь и любовь» В. Державина, «Волчья тропа» А. Афиногенова, «Междубурье» Д. Курдина, «Хлеб» В. Киршона, «Темп» Н. Погодина, а также «Без вины виноватые» и «Лес» А. Островского, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера; первые советские оперетты: «Жених» И. Дунаевского, «Людвик ...надцатый» Ю. Сахновского и др. Наряду с тем, что на сцене театра ставились постановки по произведениям советской и классической драматургии, в нем еще практиковались показы небольших интермедий, скетчей и танцевально-спортивных этюдов.

В архивных документах Совета министров БМАССР (ГАРБ. Ф. Р-248) в деле «Справки, обзоры, о развитии и состоянии учреждений культуры, науки, здравоохранения, к 30-летию БМАССР» читаем о театре следующее: «Русский драматический театр, организованный в Улан-Удэ в 1936 году, пользуется большой популярностью среди зрителей. Молодой талантливый коллектив театра растет, творчески овладевая театральным-сценическим мастерством. Разнообразен и интересен его репертуар, имеющий в своем составе спектакли «Ревизор» Гоголя, «Дядя Ваня» Чехова, «Девушки-Красавицы» Семукова, «Завтра будет нашим» Мюфке, «Высокая волна» Николаевой, «Мачеха» Бальзака и др.» [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 541].

При Наркомпросе республики была открыта студия, преобразованная в 1931 г. в Техникум искусств, в котором учились будущие мастера национальной бурятской сцены. Большой любовью и уважением пользовались преподаватели-просветовцы. Заслуги просветовцев заключались не только в создании русского профессионального театра, но и в подготовке кадров для Бурятского театра драмы, который открылся в июле 1932 г. Его артисты развернули большую работу при Бурпрофсовете, организовали художественно-методический кабинет, вели шефскую работу с коллективами самодеятельности, выступали организаторами массовых театрализованных представлений с бурятским народным танцем ёхор, обслуживали праздники [ГАРБ. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 177; Оп. 3. Д. 32, 99, 172].

Московский оргтеатр проработал в Верхнеудинске с 1928 по 1932 год. В 1932 г. здание, в котором располагался театр, сгорело, и московская труппа уехала из города. В дальнейшем благодаря помощи и опыту специалистов из Москвы и Ленинграда создавались новые труппы театра.

В Государственном архиве Бурятии имеются документы, содержащие сведения о культурном строительстве, развитии театальной жизни в республике. Это документы фондов Верхнеудинской городской управы, личного фонда семьи Танских – старожилы г. Верхнеудинск, Государственного русского драматического театра, Центрального Совета по культурным делам Бурят-Монгольского автономного округа РСФСР и ДВР, Народного комиссариата просвещения БМАССР, Министерства культуры БМАССР, Совета министров БМАССР и др. [Ф. 10; ФП. 1, 2, 1113; Ф. Р-60, 248, 408, 955, 1656, 1778].

Документы архива свидетельствуют о том, что в 1940 г. артисты театра были участниками декады бурят-монгольского искусства в Москве. Из информационного отчета по работе Государственного театра русской драмы за 1940 год: «Сезон пришлось прервать в мае и могли приступить к работе только в середине октября, такой большой перерыв получился из-за занятия наше-

го театра под подготовку декады Бурят-Монгольского искусства» [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3, 5–7, 9, 22; Ф. Р-1656].

Репертуар русского драматического театра всегда отличался многожанровостью. Согласно отчету за 1940 г., репертуар состоял из следующих спектаклей: «Поздняя любовь» Островского, «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Простая девушка» Шкваркина, «Ленин в 1918 году» Каплера и Златогорова, «Мой сын Гергель» Литовского, «Бешенные деньги», «Как закалялась сталь» Островского, «Дети Ванюшина» Найденова. Наибольшим успехом у зрителей пользовались спектакли «Ромео и Джульетта» (режиссер Королевич), «Ленин в 1918 году» (режиссер Мирский), «Мой сын» и «Как закалялась сталь» (режиссер Рахманов) [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3, 5–7, 9, 22; Ф. Р-1656].

Приказом Управления по делам искусств при СНК РСФСР от 13 марта 1941 г. были утверждены следующие новые постановки в репертуаре Государственного театра русской драмы: «Межи» (Метелица), «Эмилия Галоти» (Лессинг), «Маскарад» (Лермонтов), «Соломенная шляпка» (Лябиш), «Овод» (по Войничу), «Взаимная любовь» (Рубинштейн), «Кремлевские куранты» (Погодин), «Разбойники» (Шиллер), «Враги» (Горький), «Живой труп» (Толстой), «Таня» (Арбузов), «Петр Первый» (А. Толстой) и др. В отчете о работе Управления по делам искусств при СНК БМАССР за 1941 г. читаем: «...Особенным успехом пользовался «Маскарад», прошедший за 2 месяца 17 раз. Большая работа проведена театром по линии военно-шефской работы в частях

Красной Армии, призывных пунктах...». [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3, 5–7, 9, 22; Ф. Р-1656].

В годовом отчете 1949 г. в репертуаре театра русской драмы значились текущие спектакли: «На бойком месте» (Островский), «Со всяким может случиться» (Рамашев), «Губернатор провинции» (Бр. Тур и Шейнин), «Суд жизни» (Мариенгоф), «Машенька» (Афиногенов), «Оптимистическая трагедия» (Вишневский), «Глубокие корни» (Гоу и Дюссо), «Весна в Москве» (Гусев), «Сердце Баира» (Маляревский), и в репертуар вошли новые спектакли: «Анжело» (Гюго), «РВС» (Гайдар), «На той стороне» (Барянов), «Платон Кречет» (Корнейчук), «Московский характер» (Сафронов), «Особняк в переулке» (Бр. Тур), «Женитьба Бальзамина» (Островский), «Солнечный дом» (Силуков), «Зыковы» (Горький), «Повесть о неизвестном» (Савельев) [ГАРБ. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3, 5–7, 9, 22; Ф. Р-1656].

В связи с неоднократными пожарами помещений, где располагался театр, возникала необходимость переезда театра в другие здания. Наконец, в 2007 г. началось строительство нового театра. Сейчас Государственный русский драматический театр им. Н. А. Бестужева является одним из лучших театров столицы Бурятии. Он имеет собственное великолепное здание, отличающееся превосходной архитектурой и удобством для зрителей.

Русский драматический театр г. Улан-Удэ – первый профессиональный творческий коллектив Бурятии, созданный в 1928 г., первый профессиональный театр республики Бурятия, который заложил основы для создания в городе других театров.

Литература

Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2013 год. Улан-Удэ: Полигр. центр ГКУ «ХТК АГиП РБ», 2013. 79 с.

Политов А. А. Из истории русской театральной культуры в Бурятии (1917–1929 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 114 с.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ НАУЧНОГО ЦЕНТРА В БУРЯТИИ

Статья посвящена первоначальному этапу истории создания Бурятского филиала СО АН СССР на основе неопубликованных архивных источников. В хронологической последовательности приведены документы об организационной работе по его созданию.

Ключевые слова: Сибирское отделение АН СССР; Бурятский филиал; институты; научное сотрудничество; зарубежные делегации; экспедиции.

*Bazarova Galina Dashievna
 Lyksokova Vera Tsedashievna*
 Buryat Scientific Center of the Siberian Branch
 of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

DOCUMENTARY HISTORY OF THE SCIENTIFIC CENTER IN BURYATIA

The article is devoted to the initial stage of the history of the Buryat Branch of the Academy of Sciences of USSR on the basis of unpublished archival sources. Documents on organizational work on its creation are given in chronological order.

Keywords: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences; Buryat Branch; institutes; scientific cooperation; foreign delegations; expeditions.

История становления и развития Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук с историографической точки зрения изучена достаточно подробно. На каждом из этапов его развития появлялись статьи, монографии, сборники о формировании центра, выбора направлений, становлении каждого отдельного института. Источниковая база этих публикаций представляла собой различные документы, прежде всего, архивные материалы, информацию СМИ, статистические сборники и др.

Из неопубликованных источников большой интерес представляют документы научного архива Бурятского научного центра СО РАН, в которых отражена очень большая организационная работа по его созданию. Прежде всего это письма руководителей республики, обращения в различные органы государственной и законодательной власти, решения областного бюро Бурятского обкома КПСС, протоколы заседаний Президиума Сибирского отделения АН СССР и др.

В созданном в 1958 г. Бурятском комплексном научно-исследовательском институте СО АН СССР к середине 60-х гг. XX в. проводилась плодотворная научно-исследовательская работа, были созданы условия и основы для формирования крупного регионального научного центра Сибирского отделения АН СССР. В письме в Президиум Сибирского отделения АН СССР о необходимости создания филиала в республике первый секретарь Бурятского обкома КПСС А. У. Модогоев писал: «...Существование в рамках одного института различных по профилю и характеру подразделений по естественным и общественным наукам сдерживает дальнейшее развитие и затрудняет научное руководство ими. В настоящее время в Бурятской АССР имеется 4 высших учебных заведения и 10 научно-исследовательских учреждений, в которых работают около 800 научных и научно-исследовательских сотрудников, 12 докторов и свыше 200 кандидатов наук. Создание филиала станет координирующим центром проводимых во всех научных и учебных заведениях республики научных исследований по тем направлениям, которые будут представлены в составе филиала. В связи с этим и в целях создания наилучших условий для дальнейшего разви-

тия науки в Бурятской республике Областной комитет КПСС ставит вопрос о преобразовании Бурятского научно-исследовательского института СО АН СССР в Бурятский филиал СО АН СССР на базе существующих его отделов и лабораторий» [Научный архив БНЦ СО РАН (НА БНЦ СО РАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 28–29].

О политическом значении создания научного центра для отдаленной республики в Сибири А. У. Модогоев пишет в письме, адресованном председателю Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике академику В. А. Кириллину: «Организация филиала имеет политическое значение как в плане развития науки и культуры в Бурятской АССР, так и общесоюзном плане, имеется в виду крайнее восточное среди национальных республик положение в нашей стране и ее пограничное расположение, что, естественно, подчеркивает ее значение в качестве маяка для сопредельных и других стран зарубежной Азии, особенно Монгольской Народной Республики» [НА БНЦ СО РАН. Д. 4. Л. 30–31].

С начала 1960-х гг. в Сибирском отделении появляются планы строительства сети академических учреждений в сибирских регионах. По мнению руководства СО АН СССР, это должно было способствовать повышению уровня отечественной науки и обеспечивать ускоренные темпы хозяйственного и социально-культурного строительства на востоке страны. При этом главное внимание уделялось развитию сети академических учреждений «вширь». Целесообразность создания того или иного института определялась следующими факторами: уникальность тематики исследования, обеспеченность кадрами, его способность вписаться в структуру Сибирского отделения.

БКНИИ получил задание подготовить пояснительные записки, обоснования необходимости создания научного центра в Бурятии. Все эти обоснования должны были пройти соответствующую процедуру согласования в специализированных советах Академии наук СССР и получить положительную оценку. На заседании бюро Бурятского обкома КПСС по данному вопросу в марте 1966 г. директор БКНИИ О. В. Макеев отчитывался: «...В Москве, в Президиуме АН СССР получили от

9 специализированных отделений АН СССР и всех вице-президентов, лично их академиков положительные заключения и визы... Неоднократно состоялись встречи с президентом АН СССР, академиком М. В. Келдышем, вице-президентами академиками М. Д. Миллионщиковым, И. А. Лаврентьевым и другими руководителями. По нашему мнению, Президиум исключительно благожелательно относится к проблемам развития науки в Бурятской АССР и проявляет отеческую заботу к ее нуждам... Как заявил В. А. Кириллин, вопрос о создании филиала прежде всего политический, надо согласовать с руководством ЦК» [НА БНЦ СО РАН. Д. 4. Л. 37–38]. В августе 1966 г. были подписаны документы о создании Бурятского филиала СО АН СССР.

22–23 августа 1966 г. по приглашению Бурятского обкома КПСС, Совета министров Бурятской АССР филиал посетили чл.-корр. АН СССР Ю. В. Ракитин, член президиума АН СССР, академик М. М. Шемякин, академик В. А. Каргин, консультант отделения биохимии АН СССР Х. Т. Кеслер. Состоялась встреча ученых с работниками филиала. В ней приняли участие руководители отделов филиала, научные сотрудники, первый секретарь обкома КПСС А. У. Модогоев, секретарь обкома КПСС Д.-Н. Т. Раднаев, заместитель председателя Совета Министров Бурятской АССР В. А. Сахьянов и др. Академик М. М. Шемякин интересовался генеральным направлением ученых-гуманитариев. На вопрос ответил Г. Л. Санжиев: «Кроме традиционных направлений, как исследования в области истории, языка, письменности, экономики, самым актуальным считаем дальнейшее развитие молодой науки – социологии и древней – востоковедения». Академики интересовались изучением геологического строения территории Бурятии, исследованиями мономеров и полимеров... После ознакомления с работой отделов и лаборатории гости отправились на строительство главного корпуса академического центра Бурятии, ознакомились с планом городка ученых на 21 гектара, где предполагалось разместить лабораторные корпуса, павильоны опытных установок. Гостям понравилось место строительства, окруженное сосновым бором. Они высказали пожелание, чтобы это зеленое кольцо было сохранено [НА БНЦ СО РАН. Д. 4. Л. 105–110].

На открытии филиала в докладе председателя Президиума БФ СО АН СССР, д. г.-м. н., профессора Олега Владимировича Макеева прозвучали следующие слова: «Товарищи! Решением Центрального комитета КПСС от 23 августа 1966 г. и Постановлением Совета министров СССР от 27 августа 1966 г. на базе Бурятского научно-исследовательского института СО АН СССР создан с 1 сентября с.г. Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР с двумя институтами – Бурятским институтом естественных наук и Бурятским институтом общественных наук. Наша столица – г. Улан-Удэ засверкала новой звездой в созвездии Сибирского отделения с его филиалами – центрами научных исследований в городах Иркутске, Владивостоке, Якутске... Этот акт является результатом ленинской национальной политики, задачей которой является духовное развитие всех народов нашей многонациональной страны. Этим реализуется идея планомерного размещения академических научных учреждений в стране, в частности, продвижения науки на восток страны...» [НА БНЦ СО РАН. Д. 4. Л. 52].

До выхода августовского постановления партии и правительства постановлением президиума АН СССР от 25 февраля 1966 г. № 215 были одобрены структура и основные направления научных исследований Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР (БФ

СО) и его подразделений: президиум филиала – председатель, ученый секретарь; научные подразделения – Институт естественных наук, Институт гуманитарных исследований; вспомогательные подразделения – научная библиотека, редакционно-издательский отдел, музей; административно-управленческий аппарат – заместитель председателя по АХЧ, канцелярия, отдел кадров, плановый отдел, отдел снабжения, автогараж, спецчасть, домоуправление [НА БНЦ СО РАН. Д. 1318. Л. 11]. В составе института естественных наук отделы: почвоведения, биологии, геологии, радиофизики с 13 профильными лабораториями; вспомогательные подразделения – виварий, инсектарий, оптико-механические мастерские, бюро измерительных приборов [НА БНЦ СО РАН. Д. 4. Л. 84–85]. В структуре Института общественных наук 11 секторов: истории, этнографии и археологии, социологических исследований, размещения производительных сил и трудовых ресурсов, экономики промышленности и строительства, экономики сельского хозяйства, языкознания, литературы и фольклора, искусствоведения, русского народного творчества, истории и культуры народов Востока, буддологии; вспомогательные подразделения – музей восточных культур с рукописным фондом [НА БНЦ СО РАН. Д. 4. Л. 84–85]. Эта структура и была закреплена постановлением президиума АН СССР от 9 сентября 1966 г. № 602, где было записано, что «...с 1 сентября 1966 г. организован Бурятский филиал СО АН СССР в составе Бурятского института естественных наук (БИЕН) и Бурятского института общественных наук (БИОН) на базе БКНИИ СО АН СССР» [НА БНЦ СО РАН. Д. 1318. Л. 6].

Средства массовой информации также отметились публикациями об открытии филиала. Так, на страницах газеты «Правда Бурятии» от 3 декабря 1966 г. № 284 писалось, что «Ученые Бурятии с радостью встретили весть об образовании в республике своего академического центра...», «Бурятский филиал ставит своей задачей максимально способствовать развитию народного хозяйства, культуры и науки Бурятии. Успешное решение этой задачи явится подарком к 50-летию Великого Октября и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина...» [НА БНЦ СО РАН. Д. 5. Л. 3].

Большую роль в организационной работе по преобразованию БКНИИ в БФ СО АН СССР сыграл его директор профессор Олег Владимирович Макеев. Вполне логично, что Постановлением Президиума АН СССР от 9 сентября 1966 г. № 602 он был назначен председателем Президиума БФ СО АН СССР [НА БНЦ СО РАН. Д. 30 «а» л/с. Л. 58–60, 78; Научные центры СО РАН, 2006, с. 24]. Коллегиальный орган – Президиум БФ СО АН СССР состоял из шести человек и его состав был утвержден Постановлением Президиума АН СССР от 23 декабря 1966 г. № 709 в следующем персональном составе: Макеев Олег Владимирович, д. г.-м. н. (БИОН), председатель; Лубсанов Даши Дашипылович, к. филос. н. (БИОН), заместитель председателя; Дугар-Нимаев Цэрэн-Анчик, к. ф. н. (Президиум БФ СО АН СССР), ученый секретарь; Булгадаев Александр Васильевич, к. ф.-м. н. (БИЕН); Занданов Илья Михайлович, к. э. н. (БИОН) [НА БНЦ СО РАН. Д. 2. Л. 5].

С первых дней создания научного центра началась плодотворная научно-исследовательская работа на новом академическом уровне. В 1966 г. БФ СО АН СССР проводил исследования по 50 темам, входящим в 19 проблем плана НИР Сибирского отделения [НА БНЦ СО РАН. Д. 8. Л. 14].

В 1966–1967 гг. подготовлены и защищены 1 докторская, 24 кандидатские диссертации [НА БНЦ СО

РАН. Д. 19. Л. 13]. В филиале работают 307 человек, из них 128 научных работников, в том числе 6 докторов, 63 кандидата наук по различным отраслям [НА БНЦ СО РАН. Д. 18. Л. 5], функционируют четыре Ученых совета: геологическая, историческая, экономическая секции советов, естественных наук [НА БНЦ СО РАН. Д. 19. Л. 20].

Развертывание академической науки требовало создания соответствующей материально-технической базы, обеспечения вновь созданных лабораторий приборами и оборудованием. Предстояло построить специальные здания для размещения отделов и лабораторий. Важно было создать жилой фонд для сотрудников, лечебные, дошкольные учреждения и т.п.

Сибирское отделение АН СССР постоянно увеличивало финансирование Бурятского филиала СО АН СССР для расширения личного состава коллектива, проведения научно-исследовательских работ, создания материально-технической базы. Бурятский обком КПСС и Совет министров республики включали в планы строительства возведение объектов филиала. В результате удалось обеспечить его необходимыми условиями научной деятельности на новом этапе его становления. Введен лабораторный комплекс Института естественных наук с площадью 1973 м² [НА БНЦ СО РАН. Д. 18. Л. 4]. В 1966–1967 гг. улучшили жилищные условия свыше 100 семей научных и вспомогательных работников. Филиал имеет 40 машин разных марок для полевых и экспедиционных работ [Там же. Л. 14].

Развитие международных научных связей являлось неотъемлемой частью работы сотрудников БФ СО АН СССР. Большое внимание уделяется участию ученых в различных международных мероприятиях, экспедиционных исследованиях по различным направлениям научных исследований, по вовлечению молодых ученых и аспирантов в международную орбиту сотрудничества. В силу исторически установленных взаимосвязей ученых Бурятии с коллегами из стран Азии международное сотрудничество еще больше расширяется. В декабре 1966 г. филиал посетила французская монголистка Франсуаза Обэн [Там же. Л. 39]. Сотрудниками БИЕН продолжались совместно с монгольскими учеными почвенные экспедиции на территории МНР с целью изучения генетико-производственных свойств почв и их микроэлементного состава [Там же. Л. 65]. В июне 1967 г. филиал посетила делегация Международной академии индийской культуры, возглавляемая профессором Локеш Чандре. Делегация ознакомилась с востоковедными исследованиями ИОН, его изданиями, тибетским фондом [Там же. Л. 40]. В сентябре филиал посетил президент АН МНР академик Б. Ширэндыб. Он ознакомился с культурой, искусством и промышленностью Бурятии. Отметив большой прогресс науки в Бурятии, высказал пожелание развивать тесное сотрудничество между АН МНР и АН СССР [Там же. Д. 19. Л. 12]. В октябре филиал принял делегацию из индийского княжества Сикким, возглавляемую великой княгиней Махарани Гьял-юм и директором Намчжалского института тибетологии профессором Нирман Сингхом. Делегация преподнесла Институту полный выпуск периодического издания Института тибетологии «Бюллетень по тибетологии», 9 номеров. В конце визита делегация оставила письменное приглашение посетить

3-4 сотрудниками Сикким, Намчжалский институт тибетологии [НА БНЦ СО РАН. Д. 18. Л. 40–41]. В августе профессор О. В. Макеев принял участие в работе международного конгресса почвоведов в Австралии и выступил с докладом «Микроэлементы в почвах Сибири и Дальнего Востока и их роль в питании растений» [Там же. Д. 32. Л. 132]. В сентябре на международных конференциях по антропологии в Токио участие принимали К. М. Герасимова, Т. М. Михайлов, по социологии в Стокгольме – Д. Д. Лубсанов, по монголоведению в Улан-Баторе – Л. Д. Шагдаров, В. И. Рассадин [НА БНЦ СО РАН. Д. 32. Л. 6]. Заведующий музеем восточных культур ИОН П. Б. Балданжапов участвовал в международной конференции Юнеско по Кушанской эпохе, проходившей в Душанбе [НА БНЦ СО РАН. Д. 32. Л. 137]. В ноябре ИОН посетил ведущий японский монголист, профессор Танака Кацухико с целью знакомства с бурятскими учеными-монголистами, филологами и языковедами. Он единственный среди японских коллег занимался сравнительным изучением монгольского и бурятского эпоса Гэсэра. Профессор Танака передал институту библиографию японских монголоведческих исследований за 50 лет, с 1900–1950-е гг. [НА БНЦ СО РАН. Д. 32. Л. 136]. Научный сотрудник отдела геологии М. А. Ербаева принимала участие в работе III Международного палеонтологического коллоквиума, состоявшегося в г. Веймар (ГДР); зав. лабораторией петрографии отдела геологии Г. В. Андреев участвовал в работе XXIII сессии Международного геологического конгресса в г. Прага (ЧССР) [НА БНЦ СО РАН. Д. 32. Л. 137].

В 1967–1968 гг. продолжалась формирование структуры институтов и филиала. Постановлением Президиума БФ СО АН СССР от 24 марта 1967 г. отдел геологии выделен из института естественных наук и передан в непосредственное подчинение Президиуму филиала [НА БНЦ СО РАН. Д. 19. Л. 21]. Постановлением президиума БФ СО АН СССР от 24 ноября 1967 г. организован отдел экономических исследований в составе: сектор трудовых ресурсов и уровня жизни, сектор размещения производительных сил, сектор экономики сельского хозяйства, сектор экономики промышленности [НА БНЦ СО РАН. Д. 1319. Л. 1]. В январе 1968 г. в ИОН создан сектор этнографии и археологии [НА БНЦ СО РАН. Д. 32. Л. 129].

В отчетных документах за 1968 год мы видим действительно впечатляющие успехи в создании материально-технической базы филиала: построен жилой фонд площадью 6 тыс. м². Функционируют научная библиотека, имеющая более 120 тыс. ед. хр. [НА БНЦ СО РАН. Д. 34. Л. 11], редакционно-издательский отдел с ротационным цехом с правом самостоятельного издания, где издано 55 печ. л. [НА БНЦ СО РАН. Д. 31. Л. 23].

Создание Бурятского филиала СО АН СССР – логическое продолжение организационного оформления академической науки Бурятии. Особую роль сыграли помощь и поддержка выдающихся ученых Москвы, Ленинграда, Новосибирска – признанных научных столбов страны. Трудно переоценить вклад и руководителей страны и региона в принятии столь ответственных решений, о которых они наверняка не пожалели, потому что вся последующая история БНЦ СО РАН – история успеха, новых открытий и ценности научного мировоззрения.

Литература

Научные центры СО РАН. Новосибирск, 2006. 441 с.

**РОССИЙСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ:
ЭКСПЕДИЦИИ Н.Н. ПОППЕ НА ТЕРРИТОРИИ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.**

Статья посвящена экспедиционной деятельности монголоведа Н. Н. Поппе на территории Бурят-Монгольской АССР в 20–30-х гг. XX в., через призму которой показаны основные векторы исследований языка, культуры, истории монгольских народов в составе СССР, в условиях национального государственного строительства. Несмотря на значительные перемены в российском обществе после событий 1917 г., советское монголоведение 1920–1930 гг. наследует традиции российского востоковедения предшествующих периодов, продолжая, прежде всего, экспедиционную деятельность – основополагающую в сборе первоисточников, этнографического и лингвистического материалов. Ведущие специалисты первых десятилетий советского монголоведения являлись учениками выдающихся ученых российской научной школы востоковедения.

Ключевые слова: монголоведение; монгольские народы; буряты; Бурят-Монгольская АССР; Н. Н. Поппе.

Polyanskaya Oksana Nikolaevna
Buryat State University
Ulan-Ude, The Russian Federation

**MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA
IN THE CONDITIONS OF SOVIET SCIENCE FORMATION:
N. N. POPPE'S EXPEDITIONS THROUGH THE TERRITORY OF BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN
THE LATE 1920S AND EARLY 1930S**

The article is devoted to the expeditions of a specialist in Mongolian Studies Nicolas Poppe on the territory of Buryat-Mongolian ASSR in 1920–1930s. These expeditions show the main directions of research the language, culture, and history of Mongolic peoples within the USSR in the conditions of national state building. Despite the significant changes in Russian society after the events of 1917, Soviet Mongolian Studies of 1920–1930s continue traditions of Russian Oriental Studies of previous periods, first of all in expeditionary activity, when primary sources, ethnographic and linguistic material are gathered. The leading specialists of the first decades of Soviet Mongolian Studies were pupils of outstanding scientists of the Russian scientific school of Oriental Studies.

Keywords: Mongolian Studies; Mongolian peoples; Buryats; Buryat-Mongolian ASSR; N. N. Poppe.

Российская революция 1917 г. положила начало коренным преобразованиям во всех сферах общества, а также национальному государственному строительству – объединению в единое государство народов, различных по языку, культуре, особенностям быта. Третий Всероссийский съезд Советов 12(25) января 1918 г. принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», согласно которой, Россия объявлялась Советской республикой, учрежденной на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик». С 1920-х гг. берут начало своей истории большинство Советских Социалистических и Автономных Советских Социалистических Республик. 30 мая 1923 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял постановление об образовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

Все это во многом определило основные векторы дальнейшего развития науки по изучению языка, фольклора, истории монгольских народов. Наука была призвана отвечать на практические запросы времени: «... актуальность и практическая сторона работ играют большую роль. Дело в том, что план Академии [наук] составляется исходя из практических запросов республик. Практическими актуальными работами признаются: грамматики, синтаксисы, словари (литературного языка и диалектологические), история, фольклор. Выбор, как видите большой. Меньше шансов на издание чего-либо архаичного, относящегося к древности, на пример, древние тексты, хотя и они проливают свет на историю народов...», – сообщал ученый-монголовед Н. Н. Поппе (1897–1991) своему учителю по Петроградскому уни-

верситету В. Л. Котвичу (1872–1944) [Rps. PAN Kг. Библиотека Польской академии наук и знания в г. Краков. Д. 4598. Т. 2. Л. 17], выражая надежду на то, что В. Л. Котвич присоединится к работе Института востоковедения АН СССР по созданию работ по истории и культуре калмыков, так как в Президиум АН поступила просьба правительства Калмыцкой АССР написать работу по истории «общего характера чрезвычайно необходимую» для республики [Rps. PAN Kг. Д. 4598. Т. 2. Л. 15, 22]. Очерки истории калмыков должны были включать основные исторические этапы с древности до Октябрьской революции 1917 г., т.е. структура работы должна быть «стандартного типа, принятого [для составления] истории народов СССР» [Rps. PAN Kг. Д. 4598. Т. 2. Л. 19]. Эталон, по мнению Н. Н. Поппе, могла служить монография Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа» (1940), удостоенная положительной рецензии в газете «Правда» за 27 октября 1940 г. [Rps. PAN Kг. Д. 4598. Т. 2. Л. 22]. Все названные события датированы 1940 г.: и переписка между Н. Поппе и В. Котвичем [Полянская, 2011], и издание научных трудов. Таким образом, к этому времени появились конкретные результаты исследовательской, экспедиционной работы по собиранию этнографических, лингвистических и фольклорных материалов народов СССР, которая интенсивно проводилась в течение 20–30-х гг. XX в., обозначенные же в письмах исследователей вопросы фактически характеризуют основные направления деятельности монголоведческих исследований на территории национальных республик.

Ряд экспедиций на территории Бурят-Монгольской АССР связан с именем Николая Николаевича

Поппе – лингвиста и этнографа, специалиста по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии. Член-корреспондент АН СССР (1932), но прежде выпускника Петроградского университета, факультета общественных наук (1921), учителями которого были авторитетные ученые в области монголистики: В. Л. Котвич, А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов. Таким образом, советское монголоведение проходила этапы своего становления с помощью ученых, получивших свою подготовку еще в дореволюционной России, и продолжали традиции прежней востоковедной науки, как известно, главной составляющей которой была экспедиционная работа. Основной задачей экспедиций Н. Н. Поппе было изучение различных диалектов бурят, разбросанных по огромной территории вперемежку с русскоязычными поселениями. Диалекты весьма различались между собой и были мало исследованы, кроме хоринского, досконально изученного А. Д. Рудневым – учителем Н. Поппе [Руднев, 1913].

Свою экспедиционную работу Н. Поппе начал с неисследованного еще аларского говора, помня слова Ц. Ж. Жамсарано, указавшего на аларский говор «как на очень интересный» [Поппе, 1928, с. 25]. 16 мая 1927 г. он писал В. Котвичу: «Собираюсь в поездку [нрзб], но если до 1-го [июня] не уеду, то в июле обязательно поеду в Аларский аймак, к бурятам» [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 14]. Это был район Бурят-Монгольской АССР, в 1937 г. отошедший к Иркутской области, образовав Усть-Ордынский национальный (позже автономный) округ. Н. Поппе провел лето 1928 г. [Алпатов, 1996, с. 29] на малой родине своего студента, носителя аларского говора Г. Д. Санжеева, в деревне Тайшин в 40 км от железной дороги, недалеко от города Черемхово. Там он изучил аларский диалект и записал фольклорные тексты. Результаты исследования вышли под редакцией Б. Я. Владимирцова в двух томах, первый том в 1930 г., в котором было представлено описание языка, второй – в 1931 г., где были опубликованы тексты с переводом [Поппе, Т. 1, 1930; Т. 2, 1931], и стали вторым после работы А. Д. Руднева авторитетным исследованием бурятского диалекта. Одновременно с изучением диалекта Николай Николаевич делал и этнографические зарисовки, он отмечал, что западные буряты отличаются от восточных «в культурном отношении», они незначительно подверглись влиянию ламаизма, а православие существенно проникло в их жизнь, среди них достаточно рано стало распространяться земледелие. Однако в 1920-е гг. они еще продолжали кочевать, хотя уже на небольшие расстояния, а с православием сосуществовал и буддизм, и шаманизм [Поппе, 1932, с. 151].

Следующие экспедиции Н. Н. Поппе на территорию Бурят-Монгольской АССР, а их было три, состоялись с 1930 по 1932 гг., каждое лето он выезжал в разные районы проживания бурят. В 1930 г. отправился в самую восточную часть бурятского ареала, позднее ставшего Агинским автономным округом Читинской области. Его сопровождали коллеги из Верхнеудинска (с 1934 г. Улан-Удэ): монгол Гомбожав Мэргэн-гун, его жена бурятка А. Н. Боржонова (Оюн Билиг) и студент Баханов [Алпатов, 1996, с. 29–33]. Результатом экспедиции стала книга, в основном рассматривающая фонетику агинского говора, довольно краткая из-за большого сходства в этом отношении агинского диалекта с хоринским, описанным А. Д. Рудневым. Н. Н. Поппе записал и тексты, 154 фольклорных произведения, в основном без переводов, которые подготовил и опубликовал отдельными изданиями в 1934 и 1936 гг.

Летом 1931 г. Н. Поппе вместе со своим студентом-бурятом Т. А. Бертагаевым совершил поездку по южной части Бурят-Монгольской АССР, прилегающей к монгольской границе. Эти места он уже посещал ранее (в 1926, 1927 и 1929 гг. состоялись экспедиции Н. Поппе в МНР) по дороге в Монголию, но теперь они стали местом его специальных исследований. Снова Н. Поппе передвигался на лодке по Селенге, затем посетил село Тамча на берегу Гусинового озера – территорию распространения диалекта, который он в 1930-е гг. называл селенгинским, а в работах, изданных в США, стал именовать цонголским. Поппе указывает, что это нечто среднее между бурятским и халха-монгольским: фонетика почти халхаская, но другие черты похожи на бурятские наречия [Алпатов, 1996, с. 33]. Лингвистические результаты экспедиции 1931 г. стали основой грамматики бурят-монгольского языка, увидевшей свет в 1938 г. [Поппе, 1938]. Специального описания селенгинского диалекта Н. Поппе не публиковал по той причине, что диалект было решено сделать опорным для создания бурятского литературного языка.

Завершающей стала поездка Н. Поппе 1932 г. в Баргузинский район (восточнее Байкала и севернее Улан-Удэ), его сопровождали студенты-буряты Л. Ч. Гомбоин и А. М. Хамшагалов и местный учитель З. Баторов. Несмотря на трудности путешествия в суровых условиях дикой природы, поразившие даже Н. Поппе, встречавшего на своем пути за годы экспедиций многое, удалось получить немало диалектных и фольклорных данных [Алпатов, 1996, с. 34]. Помимо этого, экспедиция записала родословные местных жителей, сохранивших память о предках в восьми-десяти поколениях. Материал 1932 г. ученый не стал издавать отдельной книгой, но они существенно обогатили его Грамматику (1938), а фольклорные тексты дополнили материалы, записанные в предыдущих экспедициях, и вышли в свет в 1936 г. Сделано было немало. Н. Н. Поппе мог с полным правом писать: «Еще несколько лет тому назад исследование бурят-монгольского языка находилось примерно на том же уровне, что до Октябрьской революции, но теперь дело настолько резко изменилось, что бурят-монгольский язык может уже с полным правом считаться всестороннейше и наилучшим образом исследованным языком из числа всех языков монгольской группы» [Поппе, 1935, с. 51].

1932 г. стал последним для Н. Н. Поппе в плане экспедиционной работы на территории Бурят-Монгольской АССР, однако он еще неоднократно бывал в Улан-Удэ в качестве консультанта по изданию эпоса «Гэсэр» и подготовки декады бурятской культуры в Москве, которая прошла в 1940 г. Кроме того, Н. Н. Поппе принимает самое активное участие в решении вопросов языкового строительства. В одном из писем к В. Л. Котвичу Николай Николаевич сообщал: «относительно моего словаря ..., с транскрипцией дело, действительно, обстоит неблагоприятно. Причиной служит частая смена алфавитов. По новому варианту монголы также переходят на русский алфавит. Издавая словарь мы, между прочим, ставим своей целью внести стабильность в транскрипцию» [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 30]. Делился Н. Поппе и о результатах работы в целом монгольского кабинета Института востоковедения, в частности, в письме от 2 декабря 1940 г. констатировал, что «провернули большую работу над «Джангаром»..., готовимся к такой же работе над бурятской устной «Гэсэриадой». Я делаю перевод и пишу ее исследования» [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 15], по итогам этой кропотливой работы эпос

был подготовлен к изданию. «В ближайшие дни уезжаю в Бурят-Монголию на 1 месяц, – читаем в письме от 22 апреля 1941 г., – в связи с подготовкой к изданию бурятского Гэсэра по типу издания Джангара» [Rps. PAN Кг. Д. 4598. Т. 2. Л. 30об]. В Улан-Удэ он пробыл с 4 мая по 1 июня 1941 г. [Rps. PAN Кг. Д. 4598. Т. 2. Л. 33], где «ознакомился с записями Гэсэра»: «всего 4 версии по 20-25 тысяч стихов. Они близки друг к другу и к хангальской [версии] (см. Потанина «Тибетско-Тангутскую окраину»). Из них выбраны самые лучшие, в смысле полноты и стиха, части, составившие сводный текст. Это будет I том. II том – русский художественный перевод. III том – Батыры Гэсэра (несколько улигеров), всего 20 печатных листов. IV том – русский художественный перевод. Иллюстрации Сампилона и Мырдыгеева. Получиться прекрасное издание ок. 120 печатных листов. Предполагается также выпустить сборник статей». Письмо с таким содержанием написал Н. Поппе В. Котвичу 14 июня 1941 г. [Rps. PAN Кг. Д. 4598. Т. 2. Л. 33] накануне глобальных мировых событий, коренным образом изменивших жизнь и судьбу многих.

Рассмотренная экспедиционная деятельность Н. Н. Поппе проходила в соответствии с требованиями времени, ознаменовавшегося значимыми преобразованиями в России. Осознавая практическую значимость монголо-

ведных исследований, ученый в своих работах актуализировал их важность: «Вопросы языкознания приобретают в настоящее время особое и даже и совершенно исключительное значение. Ведь мы являемся свидетелями культурного возрождения так называемых малых национальностей. Создается своя школа, создается своя литература, создаются даже алфавиты и литературные языки. В центре всего этого стоит, конечно, язык, ибо без языка не может быть не только национальной, но вообще какой бы то ни было культуры» [Поппе, 1928, с. 97]. Подводя некоторые итоги по изучению бурят-монгольского языка, Н. Поппе определил цели последующих исследований: «установить переход от западного наречия к восточному, изучить переходные наречия от бурят-монгольского к халхаскому, поставить проблему изучения бурят-монгольского языка в классовом разрезе», «т.е. в бурят-монгольском языке пока можно с относительной легкостью выделить элементы языка жреческого класса. С этой целью были поставлены наблюдения над языком шаманских культовых произведений. Впоследствии эту работу необходимо будет еще углубить и наблюдения распространить на язык ламства, который может быть, удастся противопоставить языку бедняцко-средняцких масс» [Поппе, 1930, с. 103].

Литература

- Алпатов В. М. Николай-Николаас Поппе. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 144 с.
- Полянская О. Н. Переписка монголоведов Н. Н. Поппе и В. Л. Котвича об основных вопросах изучения монголоязычных народов // Вестник международного центра азиатских исследований: материалы междунар. конф. «Монголия в XX веке». 18/2011. Иркутск: ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия образования», 2011.
- Поппе Н. Н. К изучению бурятских говоров // Жизнь Бурятии. 1928. № 10–12. С. 94–98.
- Поппе Н. Н. Новые исследования бурят-монгольского языка // Жизнь Бурятии. 1930. № 5–6. С. 100–105.
- Поппе Н. Н. Аларский говор. Т. 1. Фонетика и морфология. Л., 1930; Т. 2. Тексты. Л., 1931.
- Поппе Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Записки Института востоковедения АН СССР. М.-Л., 1932. Т. 1.
- Поппе Н. Н. Проблемы изучения бурят-монгольского фольклора // Советский фольклор. Вып. 2–3. Л., 1935. С. 51–86.
- Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 238 с.
- Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: (Опыт исследования, тексты и перевод). Вып. 2. Тексты. СПб.: Типография В. Киришбаума (отделение), 1913. 94 с.

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ Б. БАРАДИНА О РАБОТЕ Ф. А. КУДРЯВЦЕВА

В статье впервые вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся замечания Б. Барадина в его письме в Бурят-Монгольский государственный институт культуры от 19 марта 1931 г. о рукописи Ф. А. Кудрявцева «Очерки истории хозяйственного быта и социальных отношений бурят-монгольской народности с XVII века до Февральской революции 1917 г.».

Ключевые слова: рукопись; Базар Барадин; Федор Александрович Кудрявцев.

Bildueva Sayana Viktorovna
Ethnography Museum of Transbaikalia
Ulan-Ude, Russian Federation

NEW DOCUMENT BY B. BARADIN ABOUT F. A. KUDRYAVCEV'S RESEARCH WORK

The article introduces the letter of Bazar Baradin to the Buryat-Mongolian State Institute of Culture dated by March 19, 1931. It contains his earlier unpublished remarks about the manuscript of F. A. Kudryavtsev "Essays on the history of economic life and social relations of the Buryat-Mongolian people from the 17th century to the February Revolution of 1917".

Keywords: manuscript; Bazar Baradin; Fyodor Aleksandrovich Kudryavtsev.

Базар Барадин – известный бурятский ученый и общественный деятель первой половины XX в. Питомец Санкт-Петербургского университета профессор Базар Барадин, знаток тибетского и монгольского языков, санскрита и ряда европейских языков, работавший в этом университете лектором восточных языков, преданно служил делу и интересам родного народа, активно занимался его просвещением и культурой, стал крупным писателем и организатором науки и ученым-исследователем. В 1905–1907 гг. он совершил научное путешествие в Монголию и Тибет. Результаты этого путешествия были высоко оценены ученым миром, и Базар Барадин был удостоен главной премии Русского географического общества – премии имени Пржевальского и был избран действительным членом данного общества.

Еще студентом Б. Барадин включился в общественно-политическую деятельность, принимал участие в национальном движении бурятского народа, выступая за предоставление бурятам национального самоуправления, развития самобытной бурятской культуры. Он являлся одним из энтузиастов обновленческого движения в буддизме, ставившего задачу синтезировать философско-психологические и этические учения буддизма с теорией социализма и вообще тесно увязать их с достижениями европейской культуры. После образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. Б. Барадин стал первым наркомом просвещения республики, а в 1925 г. – первым председателем Бурят-Монгольского ученого комитета, впоследствии переименованного в Бурят-Монгольский государственный институт культуры. В 1937 г. Б. Барадин стал жертвой репрессий, был обвинен в связях с японской разведкой и расстрелян. Впоследствии его честное имя было восстановлено, а с недавних пор занимает достойное место в истории, культуре своего народа.

Имя ученого Федора Александровича Кудрявцева широко известно в научном мире Сибири, с историей которой связана вся его жизнь. Он оставил ряд крупных исследований и сотни статей по самым разнообразным вопросам сибирской истории. Большое место в трудах ученого занимают вопросы истории революционного движения в крае, социально-экономического развития Сибири. Одним из первых он начал разработку важнейшей темы советской исторической науки – истории утверждения советской власти в Сибири.

Более половины многочисленных трудов ученого посвящено истории Бурятии. Важную роль в развитии исторической науки в Бурятии сыграло капитальное исследование Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа (от 17 до 60-х гг. XIX века)» (М.-Л., 1940). При активном участии ученого вышли многотомная «История Сибири» (Л., 1968 г.) и двухтомная «История Бурятской АССР» (Улан-Удэ, 1951, 1954 и 1959 гг.).

26 сентября 1930 г. Бурят-Монгольский государственный институт культуры заключил договор с Ф. А. Кудрявцевым, состоявшим тогда внештатным сотрудником отдела истории и национального вопроса, на подготовку рукописи «Очерки истории хозяйственного быта и социальных отношений бурят-монгольской народности с XVII века до Февральской революции 1917 г.» объемом не свыше 7 печатных листов, считая в каждом листе 40 тысяч типографских знаков [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 95. Л. 61].

Нами обнаружены не введенные в научный оборот и нигде ранее не публиковавшиеся замечания Б. Барадина в его письме в Бурят-Монгольский государственный институт культуры от 19 марта 1931 г. об «Очерках истории хозяйственного быта и социальных отношений бурят-монгольской народности с XVII века до Февральской революции 1917 г.». Приведем полностью содержание рецензии, данной Б. Барадиным, на работу Ф. А. Кудрявцева:

«1. Содержание очерка вполне соответствует заглавию труда. В «Очерке» используются вполне умело работы прежних исследователей (М. Н. Богданова и др.) и архивные материалы, из которых многие привлекаются впервые в качестве материалов для подобного рода работы. Поэтому ценность работы увеличивается.

2. К недостаткам работы можно отнести:

1) Неиспользование автором богатства летописных и архивных материалов на монгольском языке, что объясняется вполне понятной причиной незнания автором монгольского языка, но при желании его вполне можно было сделать в этом направлении при содействии местных научных работников.

2) Не освещено земельное взаимоотношение населения. Вскользь именуются указания на то, что ноенство пользовалось лучшими землями и т.п. Но нет указаний на то, как пользовалось землей простое аратство. Не за-

тронут также интересный вопрос о возникновении дацанских земель.

3) В области истории ламаизма, в части освещения вопроса о непосредственных причинах усиления ламства и ламаизма нет определенных ответов. Желательно бы коснуться этого вопроса. Может быть будет освещен этот вопрос в дальнейшем.

4) Имеются некоторые неточности и неясности в тексте, которые отмечены мною знаками вопроса. Необходимо внести соответствующие коррективы.

3. Необходимо, по-моему, написать небольшое введение, в котором были бы затронуты цель и задачи

данной работы, принятый метод работы, взгляд старых историков на историю малых народностей и т.п., вопрос изучения и использования летописных и архивных материалов на бурят-монгольском языке и т.д.» [ЦВРК ИМБТ. ОАФ. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 95. Л. 63].

Таким образом, Базар Барадин написал достаточно обоснованные замечания, учтенные Федором Александровичем Кудрявцевым в дальнейшей работе над рукописью, которая впоследствии легла в основу опубликованного в 1940 г. капитального исследования «История бурят-монгольского народа (от 17 до 60-х гг. XIX века)».

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ВЫСШИХ ТИБЕТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (CIHTS):
«КУЗНИЦА КАДРОВ» ТИБЕТСКОЙ ОБЩИНЫ В ИНДИИ¹**

В статье приведен краткий обзор истории Центрального института высших тибетологических исследований (CIHTS), отметившего свой 50-летний юбилей. Освещены основные этапы становления CIHTS как образовательного учреждения, начиная от функционирования как отделения при Санскритском университете Варанаси до обретения статуса «deemed university».

Ключевые слова: тибетская община; высшее образование; Центральный институт высших тибетологических исследований.

Rinchinov Oleg Sergeevich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**CENTRAL INSTITUTE OF HIGHER TIBETAN STUDIES:
MAJOR EDUCATIONAL INSTITUTION FOR TIBETAN COMMUNITY IN INDIA**

The article gives a brief overview of the history of the Central Institute of Higher Tibetological Studies (CIHTS), which celebrated its Golden Jubilee. The main stages of the formation of educational institution, starting from functioning as a branch at the Banaras Sanskrit University up to the status of "deemed university" are considered.

Keywords: Tibetan refugees; higher education; Central Institute of Higher Tibetological Studies.

Центральный институт высших тибетологических исследований (CIHTS), расположенный в священном для индуистов и буддистов городе Варанаси, является ключевым зарубежным партнером Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук [Базаров, 2011, с. 202]. Это единственное в своем роде высшее научно-образовательное учреждение, где базовое преподавание ведется на тибетском языке, а учебный процесс соответствует каноническим принципам буддийского образования. В декабре 2017 г. Центральный институт высших тибетологических исследований отметил свой 50-летний юбилей. В данной статье мы приводим краткий обзор истории становления этого уникального учебного и исследовательского учреждения, а также реализованных в нем принципов и подходов к высшему образованию.

Создание системы образовательных учреждений для тибетских беженцев в Индии являлось одной из важных задач, за которую взялось правительство Индии во главе с премьер-министром Дж. Неру в начале 1960-х гг. Решение о создании высшего учебного заведения, где студенты могли бы сочетать занятиями по буддийской философии, тибетскому языку, истории и культуре с изучением современных наук, было принято в 1964 г. на встрече Его Святейшества Далай-ламы XIV и министра образования Индии М. К. Чагла. Существенную поддержку в решении этого вопроса оказал влиятельный санскритолог, профессор Джаяганнатх Упадхья из Санскритского университета Варанаси. В декабре 1965 г. было решено, что вновь образуемое учебное заведение для тибетской общины в Индии начнет функционировать в составе Санскритского университета Сампурна-нанд с постепенным развитием в независимое учреждение. Таким образом, школа высшего индийского знания стала прибежищем древней образовательной традиции Тибета [Golden..., 2018, p. 20].

Институт тибетологических исследований начал свою работу как образовательное учреждение в октя-

бре 1967 г. Его Святейшество Далай-лама XIV назначил Досточтимого Кьябдже Цзон Римпоче его первым директором. Преподавателями были направлены девять высокообразованных монахов из буддийских школ в Массури (Уттаракханд) и Буксаре (Бихар), а первый набор студентов составил 116 человек. Занятия велись в классах Санскритского университета. Официальная церемония в честь начала работы Института состоялась 1 января 1968 г.

На образовательный процесс, в том числе перечень и содержание учебных программ, в этот период сильное влияние оказывал Санскритский университет, в ведении которого вплоть до 1990-х гг. находились проведение экзаменов и присуждение степеней. Изначально функционировали три факультета – религиоведения (*Hetu and Adhyatma Vidya*), языкознания (*Shabda Vidya*) и общественных наук (*Adhunik Vidya*) [Golden..., 2018, p. 30].

Комиссии министерства образования, проведенные в 1970 и 1975 гг., подтвердили высокий стандарт обучения, достигнутый в Институте за короткий срок, поэтому они рекомендовали продолжить его деятельность с предоставлением независимого статуса. 1 января 1971 г. пост директора Института занял Досточтимый Кьябдже Самдонг Римпоче, взявшийся активно развивать институт во всех направлениях – инфраструктуру, администрирование, академическую деятельность. Под его управлением CIHTS стал выдающимся центром буддологии и тибетологии. В 1976 г. в Институте обучалось более 250 студентов, насчитывалось 37 штатных преподавателей. К этому времени 106 человек получили степень *ачарья* (аналог магистерской). Некоторые выпускники, в свою очередь, выбрали стезю преподавания и исследований в *альма-матер*.

В 1977 г. Центральный институт высших тибетологических исследований прошел процедуру официальной регистрации. Это дало свободу деятельности как автономной организации с получением отдельного

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4 «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

финансирования со стороны союзных Управления культуры и Министерства образования. Правительственным решением Самдонг Римпоче был утвержден на посту директора Института [Golden ..., 2018, p. 25].

Основание Института официально было отмечено 28 января 1978 г. Праздничную церемонию в традиционном тибетском стиле посетили сотни ученых и официальных лиц. Свои поздравления отправили президент Индии Нилам Санджива Редди, премьер-министр Индира Ганди, союзный министр образования Шри Б. Шанкарананда, губернатор штата Уттар-Прадеш доктор Г. Д. Тапасе. Первым председателем была назначена известный искусствовед, доктор Капила Ватсьян, занимавшая пост секретаря Министерства культуры. Тогда же были утверждены планы дальнейшего развития Института.

В 1979 г. был приобретен участок земли в Сарнатхе, на котором началось строительство кампуса, и уже 28 января 1980 г. Его Святейшество Далай-лама XIV заложил первый камень в фундамент юношеского общежития. Первая очередь застройки, включавшая студенческие общежития и административный блок, была завершена уже летом 1982 г., и Институт переместился в новый кампус 15 августа того же года. 5 февраля 1983 г. махараджа Варанаси Каши Нареш Шри Вибхути Нараян Сингх провел церемонию официального открытия юношеского общежития имени Падмасабхавы. Профессор Самдонг Римпоче полагал, что внешний вид зданий и территории кампуса в полной мере должен отражать миссию Института и потому добивался использования элементов традиционной тибетской архитектуры и ландшафтного дизайна при его строительстве и оформлении.

8 апреля 1983 г. Институт посетила премьер-министр Индии Индира Ганди. В память рождения и паринирваны Будды она посадила в кампусе росток салового дерева. В июне 1984 г. открыла двери своего нового здания университетская библиотека имени Шантаракшиты, чьи фонды до этого размещались в тибетском храме в Сарнатхе. Таким образом, с вводом в строй общежитий, аудиторных корпусов и библиотеки Институт получил возможность функционировать как независимый центр изучения буддизма, приобщения тибетской молодежи к современным научным знаниям.

Признавая самоотверженную работу руководства и преподавателей Института, академические успехи студентов, 5 апреля 1988 г. Индийское правительство ак-

кредитовало СИНТС статусом «*deemed university*» («приравнен к университету»). Это означает, что он отвечает высоким стандартам образования и исследовательской деятельности и получает соответствующие привилегии. Титул «центральный» в именовании индийских вузов указывает, что данное учреждение находится на попечении союзного правительства [Deemed university].

В 1993 г. был учрежден четвертый факультет тибетской медицины и астрологии (*Sowa Rigpa and Bhot Jyotish Vidya*). В марте того же года д-р Капила Ватсьян торжественно открыла женское общежитие имени Праджапати Гаутами. В декабре 2000 г. Национальный совет по оценке и аккредитации, действующий под началом государственной Комиссии по университетским грантам, провел исследование качества академической подготовки и эффективности управления Института, по результатам которого удостоил его статуса «Пять звезд», наивысшей для того времени оценки. В 2001 г. Бразды правления СИНТС принял Геше Нганг Самтен, утвержденный на пост вице-канцлера индийским правительством по представлению Приемного комитета, в состав которого входит представитель Далай-ламы.

В 2008 г. был учрежден очередной, пятый, факультет традиционного тибетского искусства (*Shilpa Vidya*), готовящий специалистов по традиционной живописи (тханкописи) и резьбе по дереву. Структура Института, состоящая из пяти факультетов, сохраняется и по настоящее время. Она позволила полностью реализовать интегрированный процесс обучения, принципы которого берут начало в традиционной буддийской системе образования [Нестеркин, 2017, с. 79]. На сегодня СИНТС предлагает программы обучения вплоть до уровня магистра и PhD.

СИНТС является «кузницей кадров» для многосторонней политической, общественной, религиозной жизни тибетской общины в Индии и на глобальном уровне. Выпускники Института, будучи наиболее профессионально подготовленными и образованными, работают в Центральной тибетской администрации, выполняющей роль правительства-в-изгнании, в различных учреждениях, находящихся под контролем ЦТА, учебных заведениях, религиозных организациях и т.д. Таким образом, проект создания уникального учебного заведения, осуществленный более 50 лет назад доброй волей двух великих лидеров, Дж. Неру и Его Святейшества Далай-ламы XIV, оказался жизнеспособным и успешным.

Литература

- Deemed university // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Deemed_university (дата обращения: 15.03.2018 г.).
Golden Jubilee: Central Institute of Higher Tibetan Studies. Sarnath, Varanasi, 2018. 224 p.
Базаров А. А., Ванчикова Ц. П., Жабон Ю. Ж., Ринчинов О. С., Цыремпилов Н. Б. О результатах проекта «Наследие культуры Трансгималаев» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 3. С. 200–208.
Нестеркин С. П. Образование в тибетском буддизме: современные тенденции // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия. 2017. Вып. 5. С. 77–83.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КНИГОИЗДАНИЯ БУРЯТИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье анализируются основные этапы развития национального книгоиздания Бурятии, характеризуются структурные изменения в отрасли, определяются основные направления деятельности республиканских издательств в определенные исторические периоды.

Ключевые слова: история Бурятии; культура Бурятии; национальное книгоиздание; книжная культура.

Kuchmurukova Ekaterina Aleksandrovna
 East-Siberian State Institute of Culture
 Ulan-Ude, Russian Federation

STAGES OF DEVELOPMENT OF BOOK PUBLISHING OF BURYATIA IN THE SOVIET PERIOD

The article analyzes the main stages in the development of the national book publishing of Buryatia, characterizes the structural changes in the industry, determines the main areas of activity of republican publishing houses in certain historical periods.

Keywords: history of Buryatia; culture of Buryatia; national book publishing; book culture.

Важную роль в формировании национальной книжной культуры сыграло книгоиздание Бурятии. Особенности его развития в годы советской власти во многом предопределили основные тенденции становления издательской системы республики в постсоветские периоды. Анализ основных этапов реформирования отрасли дает возможность оценить целесообразность проведения преобразований в определенные исторические периоды, выявить степень их влияния на развитие культуры региона.

Появление первых печатных изданий на территории Бурятии относится к середине XVIII в. В дореволюционный период издательская деятельность сосредоточилась преимущественно в дацанах, которые были вынуждены ее свернуть в годы советской власти. Иные задачи, стоящие перед правительством молодой республики, привели к закрытию частных типографий и иных организаций, занимающихся выпуском книг на территории всей страны. На смену им пришли созданные на местах издательства, деятельность которых была направлена на решение определенных целей.

Развитие регионального книгоиздания в любые исторические периоды находится в прямой зависимости от реализуемой государством культурной политики. Все изменения в отрасли, происходящие в центре страны, параллельно проводились и на местах. Книгоиздание Бурятии в советский период претерпело несколько крупных реформ, оказавших существенное влияние на развитие книжной культуры региона. Среди важных вех в развитии отрасли республики можно отметить:

- организацию и развитие издательского дела в республике в довоенный период, создание Буриздата отдела издательства при Наркомпросе в 1923 г.;

- переориентирование деятельности издательств с учетом требований военного времени в 1941–1945 гг.;

- восстановление издательского дела в республике в послевоенный период, образование Управления по делам полиграфической промышленности, издательств, книжной торговли в 1949 г.;

- структурные преобразования в издательском деле республики начала 1950-х гг.;

- реформирование отрасли в 1963 г.;

- упорядочение издательской деятельности республики в 1970-е гг.;

- перевод в середине 1980-х гг. издательств республики на новые условия хозяйствования;

- развитие широкой сети издательств в 1990-е гг.

Первым шагом по организации печати книг и формированию издательского дела на территории региона в советский период стало создание 15 сентября 1923 г. Буриздата – отдела издательств при Наркомпросе, который был нацелен на «решение задач национально-культурного строительства, в частности, в интересах перевода на бурятский язык, преподавания в школах, делопроизводства в госучреждениях с образованием республики» [Модогоева, 1974, с. 404]. К концу 1930-х гг. ему удалось увеличить количество выпущенных книг в 11 раз по сравнению с первыми годами его существования. Однако эти показатели могли быть намного выше. Реформа письменности и массовые репрессии в отрасли препятствовали быстрому наращиванию темпов производства книг.

В годы Второй мировой войны деятельность всех советских издательств переориентируется в соответствии с требованиями времени. Все преобразования в отрасли были отложены до мирного времени. На общем фоне сокращения объемов производства основной целью издательства становится выпуск научно-популярных книг по актуальным проблемам, учебной и художественной литературы. Поддержание морального духа советских граждан становится приоритетным направлением в деятельности Бурмонгиза.

В послевоенный период процесс восстановления отрасли идет довольно быстрыми темпами. Уже к 1947 г. отмечается трехкратное увеличение продукции, выпущенной республиканским издательством по сравнению с предыдущими годами. В конце 1940-х гг. предпринимается попытка упорядочить издательское дело республики. Решение этого вопроса было возложено на образованное при Совете министров 4 ноября 1949 г. Управление по делам полиграфической промышленности, издательств, книжной торговли, в сферу деятельности которого входил полный контроль над развитием книгоиздания [Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 694. Л. 128–132]. Однако оно было не в состоянии искоренить проблемы, наблюдаемые на протяжении многих лет.

Очередное структурное изменение в отрасли произошло в начале 1950-х гг. В ходе преобразований 25 мая 1954 г. Управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли было передано в ведение Министерства культуры БМАССР

[ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 761. Л. 132–135]. В качестве приоритетной задачи, которую ему предстояло решить, был определен контроль над выполнением тематического плана. Систематическое нарушение сроков сдачи рукописей, работа республиканской типографии по выпуску заказных изданий, не входящих в план, становились причинами невыполнения темплана [ГАРБ Ф. 1П. Оп. 1. Д. 671. Л. 32–35]. Решению проблемы должен был послужить процесс упорядочения издательской деятельности республиканских ведомств. Однако принятые меры не привели к положительным изменениям.

Преобразования в отрасли республики в 1963 г., в ходе которых в структуре государственных органов появилось Главное управление по печати, были продиктованы необходимостью устранения недостатков в книгоиздании, наблюдаемых в предыдущий период. Очередная попытка сократить число ведомственных организаций, выпускающих книги через Республиканскую типографию, не увенчалась успехом. Бурятскому книжному издательству было предложено увеличить прибыль от выпускаемых книг путем отказа от малотиражных изданий. К числу таковых была отнесена учебная, научная, научно-популярная и профессионально-производственная литература, издания краеведческой направленности, работы на бурятском языке. Потребности населения республики при этом не учитывались.

Подводя итоги прошедшего десятилетия, на заседании бюро Бурятского обкома КПСС в адрес книжного издательства были высказаны претензии по поводу неисполнения решений Управления по печати и отсутствия сдвигов в повышении его рентабельности [ГАРБ. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 7755. Л. 122]. В качестве мер по решению указанных проблем были определены следующие: анализ книжного рынка республики, увеличение тиража востребованных изданий до ста тысяч экземпляров, отказ от выпуска нерентабельных книг, организация широкой рекламной кампании книжной продукции издательства, в том числе, за пределами республики [ГАРБ. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 7755. Л. 122–125].

В эти годы продолжилась работа по упорядочиванию издательского дела Бурятии. С 1971 г. был введен новый порядок выпуска ведомственной литературы. Круг организаций, которым было позволено осуществлять печать книг в республиканской типографии, был расширен. В него вошли научные организации, высшие учебные заведения, центры научно-технической информации, наиболее крупные культурно-досуговые учреждения республики [ГАРБ. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 7844. Л. 44–45; Р-1350. Оп. 1, Д. 747. Л. 130]. С середины 1970-х гг. контроль над их деятельностью был возложен на Управление по делам издательств, полиграфии и книжной торговли республики, который помимо выполнения функций координатора, выдавал разрешение ведомствам на выполнение полиграфических работ и составлял предписания об их прекращении [ГАРБ Ф. Р-248. ОП. 20. Д. 3452. Л. 86-90].

К 1980-м гг. по всей стране наблюдались кризисные явления в отрасли. Стремясь стабилизировать ситуацию, на протяжении нескольких лет принимался ряд официальных документов, основной целью которых стал перевод издательств на новые условия хозяйствования [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1425. Л. 3]. Основа программы перехода, вошедшая в план мероприятий Госкомиздата БАСССР, была озвучена на XXVII съезде КПСС. В результате преобразования должны были подвергнуться книжные издательства и типографии, которые планировалось оснастить новым оборудованием [ГАРБ. Ф. Р-869. Оп. 1. Д. 197. Л. 1]. Успешной реализации намеченных планов должна была послужить работа Бургиза по повышению качества выпускаемой продукции с учетом информационных потребностей населения республики. В качестве рекомендаций ему предлагалось скорректировать тематику книг, планируемых к выпуску, ускорить редакционно-издательские процессы [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1423. Л. 109].

Итогом реформирования отрасли в республике стал перевод Бурятского книжного издательства и всех типографий, находящихся на ее территории, на хозрасчет и самофинансирование с 1 января 1989 г. [ГАРБ. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 1460. Л. 4]. Следующим важным шагом, который привел к резкому росту издательской системы, стало принятие «Временного положения об издательской деятельности» от 17 апреля 1991 г. Именно этот документ предоставил издательствам свободу в определении приоритетных направлений деятельности и выборе тематики выпускаемой продукции [Майсурадзе, 1993, с. 2].

Начало 1990-х гг. ознаменовалось стремительным ростом количества создаваемых на территории республики организаций, занимающихся выпуском книг, расширением книгоиздательской системы. Параллельно с государственными и ведомственными на рынок пришли коммерческие издательства, заинтересованные в получении повышенной прибыли. Деятельность многих из них носила спонтанный характер и сосредотачивалась на выпуске самых ходовых книг, которые можно было быстро продать. Тем не менее, отдельные издательства, созданные в 1990-е гг., внесли существенный вклад в развитие отрасли региона и успешно функционируют на современном этапе.

Таким образом, в советский период структурные изменения в книгоиздании Бурятии отражали общие тенденции развития отрасли в стране. С момента появления на территории республики собственного книжного издательства в 1923 г. и до 1991 г. была решена проблема обеспечения местного населения книжной продукцией, выпускаемой массовыми тиражами на русском и бурятском языках. Тематические направления республиканских изданий были продиктованы конкретными задачами, стоящими перед государством в определенные исторические периоды.

Литература

- Майсурадзе Ю. Ф. Государство и издательства // Книжное дело. 1993. № 2. С. 2–3.
Модогоева Р. А. Великий октябрь и создание предпосылок для развития эстетической культуры Бурятии // В братской семье народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 404 с.

БИБЛИОТЕКИ БУРЯТИИ: ДОСТУПНОСТЬ, МОБИЛЬНОСТЬ, ВОЗМОЖНОСТИ

Статья посвящена анализу проблем развития библиотечного пространства, возможностей, которые используют библиотеки в работе с населением. Библиотеки Бурятии стремятся популяризировать свою деятельность, активно продвигая свои продукты и услуги.

Ключевые слова: библиотека; Республика Бурятия; развитие; кадры; инноватика.

Rinchinova Julia Sergeevna
 East-Siberian State Institute of Culture
 Ulan-Ude, Russian Federation

LIBRARY OF BURYATIA: ACCESSIBILITY, MOBILITY, OPPORTUNITIES

The article is devoted to the problems of development of library space, opportunities that the library uses in community outreach. Library of Buryatia aims to popularize its activities, actively promoting its products and services.

Keywords: library; Republic of Buryatia; development; personnel; innovation.

В последнее время сохраняется тенденция перехода общества к информационным технологиям, которые становятся все доступнее в экономическом и психологическом плане. В связи с растущими темпами автоматизации производства на смену живым людям в качестве работников приходят роботы, автоматизированные линии. Так, в Сбербанке искусственный интеллект в виде «семейства роботов-юристов» способен подготовить искивые заявления, что знаменует постепенный переход банка в цифровую плоскость [Юристами Сбербанка станет...]. Сотрудников СМИ начинают заменять социальные сети: люди делятся новостями, и порой они оперативнее официальных новостных лент, люди сами выбирают интересный им контент, и поисковые машины автоматически составляют подборку тем для просмотра.

В Атласе новых профессий, разработанном специалистами Сколково, выделено 57 профессий, которые, по прогнозам, вскоре потеряют актуальность: это работники туристических агентств, экономисты, юристы, логисты, кредитные менеджеры, дворники, работники химчисток, машинисты и др. [«Исчезающий вид»: профессии, уходящие в прошлое...]. Как видим, угроза невостребованности на рынке труда грозит как представителям умственного труда, так и специалистам, занятым физическим трудом. В некоторых случаях замещение людей машинами действительно востребовано: гарантия безопасности жизнедеятельности, оперативность и отсутствие нервного напряжения, усталости, нет расходов на отпуска и больничные, не нужно периодически трагить время на адаптацию и переквалификацию работников.

Плюсов много, но все-таки сделанные руками вещи мы ценим и сегодня, творчество и индивидуальные особенности труда на данном этапе развития невозможно запрограммировать. Значит, качество труда работников умственного труда не должно снижаться с оглядкой на проверку машины (компьютера, калькулятора, напоминания электронного секретаря и т.д.).

Многие надеются на память телефонного справочника номеров, на календарные события в социальных сетях и гаджетах, даже вдохновение мы порой черпаем из Интернета: готовые СМС вместо личного поздравления, открытки в электронной почте, поделки, которые уже кто-то придумал и описания мастер-классов, готовая речь для некоторых выступлений, в которой достаточно поменять даты и др. Сегодня нет необходимости напрягаться, встретив в тексте незнакомое слово или

заблудившись в незнакомом месте, функции наподобие «ОК Google» подскажут, объяснят и проведут до места назначения. Мы больше доверяем технике, а не незнакомцам на улице. Но не стоит уповать на машины, всего лишь отсутствие электричества сделает все чудеса электронного интеллекта недоступными. Творчество ежедневного труда, как например, в библиотеке, невозможно полностью переложить на компьютеры, притом не во всех библиотеках страны (прежде всего, отдаленных территориально от столицы) есть доступ к Интернету.

Библиотечная профессия не окутана флером романтики, не считается ни опасной, ни сложной. До сих пор встречаются люди, которые удивляются тому, что необходимо долгое и достаточно непростое обучение библиотечному делу. Механическая выдача книг и развлекательный контент – максимум ожиданий современных читателей, которым проще воспользоваться поиском в Интернете, чем обратиться к справочно-библиографическому аппарату библиотеки.

Изменившиеся реалии информационно насыщенной жизни повлекли преобразование ценностей, на первый план выходит борьба за внимание и свободное время граждан – потенциальных и реальных пользователей библиотечных услуг. Что могут предложить своим читателям и пользователям библиотеки Бурятии?

В массе своей библиотеки в республике сохраняются с советских времен, лишь незначительное их число может похвастаться новым зданием, специально разработанными интерьерами и удобством. Иными словами, читатели посещают библиотеки с момента их основания, ничего кардинально нового, что могло бы их поразить и удивить, увидеть там не могут.

Основные проблемы можно объединить в 4 группы: материально-техническая база (несоответствие помещений требованиям, отсутствующая или устаревшая оргтехника и др.); финансирование; кадровые проблемы; инновационная деятельность.

Материально-техническая база настолько слаба, что в некоторых библиотеках зимой температура в помещениях опускается до нулевых температур (в сельской местности): отсутствуют средства на обеспечение дровами, углем и пр. Бывает, что администрация не имеет возможности оплатить счета за пользование электроэнергией, и все равно библиотека открыта для посетителей.

Проблемой является отсутствие собственного здания, многим библиотекам приходится ютиться при до-

мах культуры, а некоторые с ними объединены в КИЦ – культурно-информационные центры. Такие КИЦ открыты в селах Горячинск, Мостовка, Зырянск, Итанца и др. Библиотеки могут входить в состав других организаций, как библиотека п. Онохой в составе МБУК «Многофункциональный информационно-культурно-досуговый центр «Онохой». Появляются новые формы библиотечных объединений – например, Бичурская централизованная библиотечно-краеведческая система в Бичурском районе РБ.

Кадровые проблемы обусловлены низким желанием будущих абитуриентов связывать свою жизнь с библиотечной профессией. Всеми виной – низкий уровень зарплат. Но зарплата выплачивается регулярно, в некоторых библиотеках появляется ставка разнорабочего (а в некоторых, в основном сельских поселенческих, библиотеках все функции выполняет библиотекарь). К тому же, по планам Минэкономки Бурятии, работники библиотек в 2018 г. будут получать среднюю зарплату в 25 тыс. руб. «Самые низкие зарплаты останутся в Бичурском, Еравнинском, Кижингинском районах» [В Бурятии работникам культуры существенно повысят зарплату...]. Регулярно, в среднем раз в 3-5 лет, проводится аттестация работников, которая позволяет оценить качество труда и внести коррективы.

К достоинствам можно отнести наличие социального пакета; знакомство практически со всеми жителями микрорайона или села, организациями и предприятиями; востребованность в обществе, самореализацию, широкий круг общения, наличие обратной связи с пользователями библиотечных услуг.

Библиотекари Бурятии активно внедряют инновационные формы работы с населением, продвигая возможности современной информационной среды, рекламируя фонды и коллекции. Сегодня во всем мире

вводятся удаленные формы работы библиотек, для удобства пользователей, эта тенденция находит отражение в работе бурятских библиотек, которые успешно осваивают Интернет-пространство: библиотеки создают собственные сайты, на которых размещены электронные каталоги, информация о времени работы, контактах, объявления о предстоящих событиях и др. Это развивает и профессиональные связи: наличие на сайтах разделов с условным названием «Методическая копилка» помогает делиться опытом и формировать имидж библиотеки как современного информационного, культурного и научного центра. Например, Национальная библиотека Бурятии оказывает юридическую помощь по вопросам, относящимся к библиотечно-библиографическому и информационному обслуживанию на безвозмездной основе. Хоринская централизованная муниципальная библиотека ведет базы данных по библиотекам «Кадры», «Инновационный опыт работы библиотек района, республики, Российской Федерации» и др. В последнее время актуальными стали проблемы создания доступной, открытой, безбарьерной среды. Библиотеки не остаются в стороне, работают над адаптацией зданий и помещений: пандусы, возможность выбора размера шрифта на сайте и др.

Таким образом, можно сказать имеется целый пласт проблем у библиотечно-информационных учреждений, в основном из-за недостатка финансирования. В то же время библиотеки стараются вносить инновационные технологии, привлекая население к участию в культурной жизни, ведь все мероприятия, все формы рекламы фондов и коллекций направлены на культурное обогащение, выравнивание информационного разрыва между столицей и периферией, способствуют укреплению базы знаний учащих и людей, стремящихся к самообразованию.

Литература

Юристами Сбербанка станет семейство роботов // URL: <https://careerist.ru/news/yuristami-sberbanka-stanet-semejstvo-robotov.html>.

«Исчезающий вид»: профессии, уходящие в прошлое // URL: <https://careerist.ru/news/ischezayushhij-vid-professii-uxodyashhie-v-proshloe.html> (дата обращения: 12.03.2018).

В Бурятии работникам культуры существенно повысят зарплату // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2957477> (дата обращения 13.03.2018).

РАЗДЕЛ 5
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БУРЯТИИ:
МЕЖДУ ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКОЙ

DOI 10.30792/ 978-5-7925-0521-6-2018-236-238

Содномпилова Марина Михайловна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
sodnompilova@yandex.ru

**ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ¹**

Наиболее яркое проявление этнических признаков национальной культуры сегодня характерно для ключевых этапов жизненного цикла. Реконструкция свадебной обрядности содействует возрождению духовной и материальной культуры бурят и поддерживает традиционную систему социальных связей.

Ключевые слова: буряты; традиции; обряды; социальные связи; свадьба.

Sodnompilova Marina Mikhailovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**RITUALS OF THE LIFE CYCLE AS A RESOURCE FOR PRESERVING
THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS**

In contemporary the most distinct manifestation of the ethnic features of the national culture is characteristic for key stages of life cycle. The reconstruction of the wedding ritual promotes the revival of the spiritual and material culture of the Buryats and supports the traditional system of social ties.

Keywords: Buryats; traditions; rituals; social relations, marriage.

Ключевые этапы жизненного цикла – это сфера жизнедеятельности общества, где возможно наиболее яркое проявление этнических признаков национальной культуры, прежде всего, демонстрации ее инструментальных функций. «Как бы ни был равнодушен средний человек к судьбе творческого потенциала национальной культур, он кровно заинтересован в инструментальных функциях этой культуры: локально коммуникативной, психологически защищающей, статусно маркирующей, социально ориентирующей» [Балдаев, 1959, с. 122].

Для современного бурятского общества актуальным видится восстановление и поддержание прежних традиционных социальных связей (родовых, земляческих), большее значение придается религиозному контексту бытия, в котором особо выделяются такие важные события в жизни человека, как рождение, свадьба, смерть. В прошлом обрядовая практика пронизывала жизнь человека с начала его появления на свет и до самой смерти. В этнографической реальности в ряду главных событий в жизни человека особую значимость представляют этапы жизненного цикла, которые имеют позитивный характер. Одним из главных таких событий в жизни человека и социума является вступление в брак.

В структуре современной бурятской свадьбы сохранились некоторые, наиболее актуальные по разным причинам традиционные компоненты, но все же большая их часть претерпела значительные изменения в силу трансформации жизненного уклада, мировоззрения, разрушения былых крепких социальных связей. Традиционные компоненты свадебной обрядности отражают воззрения в большей степени архаичной, буддийской традиции. Вместе с тем социальные практики бурятского общества, проживающего в пространстве буддийской цивилизации, не могли не подвергнуться воздействию буддийской культуры. В настоящее время активное включение буддийских элементов в свадебную обрядность обусловлено и растущей ролью

буддийской церкви в светской жизни общества. Если в недавнем прошлом было принято посещение молодоженами дацана как одного из достопримечательных мест, на фоне которого следовало сфотографироваться, то сегодня участие лам в свадебной церемонии становится обычным. Высокий интерес бурятского общества к национальной культуре, стремление возродить старинные обряды в системе наиболее важных для социума этапов жизненного цикла в условиях современности обуславливают формирование социальных и религиозных практик, имеющих отличные от прежних содержание и обрядовое оформление. Исследование данного процесса представляется чрезвычайно интересным.

Для каждой бурятской семьи проведение свадебной церемонии по старинному обычаю представляется идеальным, желанным вариантом к которому стремятся многие. Однако реализовать такой замысел может не каждая семья. Сценарий традиционной свадебной церемонии выполним только при соблюдении ряда условий: 1) семьи жениха и невесты должны быть полными; 2) наличие у жениха и невесты большого круга близких родственников, поскольку каждый член семейного клана играет определенную и важную роль в организации этапов свадебного цикла. Первенцу – старшему сыну – стараются справиться свадьбу по традиции (*ёхоороо, зангаараа*). В отношении других детей такого правила уже можно не придерживаться.

Из традиционных этапов свадебной обрядности сохранилось сватовство, которое предварялось известием – *мэдээ хүргэхэ* (извещение родителей, родственников о намерениях молодых соединить свою жизнь). Данный этап представляет собой знакомство жениха и невесты с родителями. Не возбраняется совместить *мэдээ хүргэхэ* с обязательным и одним из ключевых этапов свадебного цикла у забайкальских бурят – сватовства *хадаг табиha, тахил табиha* ‘преподношение хадака’, а у западных худа *оролсохо*. Данный ритуал считают обязательной

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

частью знакомства будущих родственников большинство бурят. Соблюдение этого ритуала – начало гармоничных родственных взаимоотношений в дальнейшем.

В прошлом ритуал сватовства предваряло знакомство родителей жениха и невесты, но в настоящее время данный этап свадебного цикла ушел в прошлое, так как выбор брачного партнера является исключительно делом молодых. Знакомство и сватовство теперь совмещается в одном действии. Ритуал *хадаг табиha* осуществляется стороной жениха. Для этого отец жениха, его родственники, как правило, родные или двоюродные братья отца *абганар*, зятья отца, собираются и едут в деревню невесты, к ее родителям для церемонии знакомства. Родители жениха с участием ближайших родственников советуются и выбирают претендентов на эту роль. В круг лиц, представляющих жениха, безусловно, избираются люди авторитетные и образованные, обязательно семейные и благополучные в браке, которыми семейный клан может гордиться. Достойные люди представляют также и сторону невесты.

Сваты со стороны жениха, отправляясь к родителям невесты, везут по традиции хадак (голубой или белый) – ритуальное полотенце / шарф, небольшие дары родственникам невесты в виде *умэдхэл* – одежду (рубашки мужчинам, нарядные платки, кофточки женщинам), спиртное *худаин архи* ‘водку сватов’, сладости. В семьях буддистов, в доме которых обычно выделено место для размещения религиозных атрибутов – божница (где находятся иконы, скульптурные изображения божеств, буддийские книги), хадак и часть даров (*худаин архи*) преподносят божествам, устанавливая дары на божнице. Если божницы в доме невесты нет, для данного обряда устанавливают специальный столик, куда сваты ставят свои дары. У западных бурят в настоящее время сват обязан привезти *худаин архи* в количестве около 10 бутылок [Хандагурова, 2006, с. 186]. Забайкальские буряты ограничиваются одной-двумя бутылками. Гости молятся и только после этого снимают верхнюю одежду, рассаживаются за столы. Им преподносят забеленный молоком чай, т.е. белую пищу *сагаа* (содержащую молоко), чтобы гости, «побелившись», избавились от скверны дороги. Только после этого начинается официальная церемония знакомства.

В подарок невесте привозят деньги или украшения. По этому поводу предварительно спрашивают у невесты, что бы она хотела получить в подарок. Напомним, что в прошлом сваты для невесты везли золотую или серебряную монету на цепочке или ленточке, называемую *холобиши* [Балдаев, 1959, с. 56].

Торжественный акт знакомства будущих родственников предполагает словесное состязание, в котором гости и хозяева стараются блеснуть красноречием, остроумием, знанием традиционных благопожеланий. Поэтому представлять стороны жениха и невесты должны люди не только авторитетные, пользующиеся уважением в обществе, но и остроумные и веселые.

В переговорах, мероприятиях, связанных с подготовкой к свадьбе, наиболее активное участие принимают ближайшие родственники со стороны отца *абганар*, реже по материнской линии – *нагасанар* (бур. закам. *нагаса* ‘брат матери’, *нагадцы* ‘сестра матери’). Сообразительные, обладающие деловыми качествами родственники обычно заменяют родителей невесты или жениха в решении важных организационных вопросов. В среде западных бурят роль ближайших родственников со стороны отца еще более значительна – эту группу родственников считают «хозяевами» свадьбы, которые

наравне с родителями принимают гостей, несут затраты на свадебные мероприятия. Будущие родственники обговаривают множество вопросов: от подарков молодой семье до количества приглашенных на свадьбу. Заранее условливаются о степени участия родственников невесты и жениха в финансовом обеспечении свадьбы.

В современной бурятской семье, особенно исповедующей буддизм, внимание уделяется определению благоприятного дня, в который должен заключаться брак. Этот день указывается ламой на основе астрологических данных жениха и невесты (год рождения, место рождения и т.д.). Выяснением этого вопроса (*удэр гаргаха*) занимаются обе брачующиеся стороны. Важным для бурят-буддистов является и вопрос соответствия жениха и невесты, которое устанавливается с выяснением знаков, обозначающих года рождения брачующихся. В прошлом «обращение к ламе при женитбе было обязательным. Если он, исходя из данных гороскопа, одобрял выбор невесты, то только тогда начинались переговоры между родителями жениха и невесты, независимо от того желают ли молодые соединиться узами брака» [Басаева, 1991, с. 116]. В этнографических реалиях несоответствие годов жениха и невесты устранимо – лама проводит соответствующий обряд, направленный на преодоление возможных неурядиц в жизни молодых. В прошлом ламы принимали участие и в свадебных торжествах. Без благословения родителей и ламы молодые люди не могли вступить в брак. И сегодня ламы нередко являются почетными гостями на свадьбе. В среде западных бурят свадебные обряды в прошлом совершались улусными стариками и старухами без участия представителей религиозного культа, поэтому, как и прежде, свадебные мероприятия у западных бурят организовываются родственниками – знатоками бурятской культуры. Если таковых среди родственников и знакомых нет, имеют место обращения к специальной литературе, в которой освещены народные традиции и обычаи бурят.

В современном бурятском обществе сохраняется традиция приготовления приданого невесты. В идеальном варианте жилье предоставляется стороной жениха, со стороны невесты ожидают обеспечения внутреннего убранства дома. Но в любом случае обязательным элементом приданого невесты остаются постельные принадлежности *унталга* – незаменимый предмет в свадебной обрядовой практике. У сельчан, в большей степени придерживающихся старинного уклада жизни, родители девушки задолго до свадьбы готовят постельные принадлежности. В прошлом изготовление свадебного одеяла носило обрядовый характер, для его пошива собирались женщины и девушки со стороны жениха и невесты, овечьи шкурки для одеяла в равном количестве предоставлялись брачующимися сторонами [Очирова, 1986].

В среде тункинских бурят важное место в приданом современной невесты занимает традиционный бурятский сундук, также используемый в специальном свадебном обряде. В прошлом сундуки были основным украшением бурятского жилища и не только: в традиции некоторых групп бурят (например, баргузинских), свадебные сундуки невесты (невеста обязательно привозила два больших сундука из кедра) впоследствии, после смерти супругов использовались в качестве домовины [Галданова, 1986, с. 135].

На современную бурятскую свадьбу, особенно в среде сельчан, принято приглашать всех родственников: и близких, и дальних. Кроме того, в деревне приглашают и односельчан-соседей. Эта традиция является от-

голоском прежних взаимоотношений внутри родового общества. В прошлом посильное участие в подготовке свадьбы принимали большинство жителей традиционного бурятского поселения – *улуса*, будучи близкими и дальними родственниками семей невесты и жениха. Готовясь к свадьбе, совместными усилиями шили приданое невесте, на свадебный пир каждый вносил свою долю еды и питья *нэмэри*. В ряд обязательств, налагаемых на близких и дальних родственников, входило также одаривание молодых скотом и другими подарками, и все это является свидетельством былой значимости родового коллектива [Балдаев, 1959].

И все же главными участниками свадьбы являются ближайшие родственники по отцовской линии – *абганууд* или *абганар* (родные и двоюродные братья отца), *аханууд* (родные женатые братья молодых), *үеэлэнүүд* (двоюродные братья и сестры молодых); родственники по материнской линии – *нагасанууд* (родные братья и сестры матери), *бүлэнүүд* (двоюродные братья и сестры молодых), *зээнүүд* (дети замужних сестер, племянники). При этом у западных бурят главными участниками свадебных мероприятий выступают родственники со стороны отца, в то время как родственники со стороны матери приглашаются в качестве гостей. По убеждению информаторов, бурятская свадьба без участия этих категорий родственников невозможна: «человеку трижды богатому и наделенному всевозможными “нужными” связями, без родственников свадьбу не устроить», «в свадьбе проявляется сила родства» [Хандагурова, 2006, с. 185]. Среди близких родственников есть семьи, обязанные помочь, которым родители жениха / невесты напоминают об этом обязательстве, и есть семьи, которых уговаривают принять участие в свадебных мероприятиях. Как правило, это молодые семьи, впервые принимающие участие в таком событии. Эти виды участия родственников отца жениха / невесты в свадьбе являются выражением общепринятого в бурятской культуре условия, поддерживающего родственные отношения – правила *харюу* ‘возврат’. В соответствии с этим правилом, одни родственники обязаны вернуть долг своим участием в свадьбе в той или иной форме родителям молодых по их усмотрению, другие, соглашаясь оказать в данный момент помощь семье жениха / невесты, обязывают ее вернуть им долг в соответствующей форме в будущем. Сегодня, когда общественные связи в современном обществе трансформируются, переходят на другой уровень, а значимость родственных связей ослабляется, состав приглашенных на свадебное торжество может быть совершенно отличным от традиционного. Если родители молодых занимают видное положение в обществе, то круг приглашенных становится еще больше.

После регистрации обязательно осуществляют обряд *оро заһаха* ‘застилание кровати’ в доме молодых. Сегодня данный обряд как один из главных этапов свадьбы в трансформированном виде имеет место у раз-

ных этнических групп бурят. Так же как и в прошлом, в современной свадебной обрядности для обряда застилания постели специально назначают людей – мужчину и женщину, которые заправляют кровать молодых. В прошлом на эту роль назначали родственников, жизнь которых сложилась благополучно. Присутствующие кладут на новую постель деньги, говорят благопожелания *юрөөл*, пьют шампанское. После этого обряда следует застолье. Родственники невесты по обычаю в этот же день должны уехать домой, а родственники жениха продолжают праздновать еще один-два дня.

Одновременно с ритуалом застилания постели закаменские буряты проводят другой – *хэшэг тушааха* ‘наделение счастьем’. Понятие *хэшэг* ‘счастье, благополучие’ связывается с тушей специально забитого для данного ритуала барана. В прошлом ритуал *хэшэг тушаалсаха* носил обоюдный характер, т.е. осуществлялся как со стороны жениха, так и со стороны невесты. В современной свадебной обрядности, «счастьем» одаривает родственников жениха сторона невесты. В тушу, из которой убирают внутренности, кладут деньги (их даже прячут), затем ее вместе с другими продуктами – конфетами, печеньем (эти продукты называются *хэшигтэй*) – везут в дом жениха специально назначенные люди – родственники со стороны невесты. Тушу барана родственники невесты кидают стороне жениха, которая должна поймать ее, не уронив на землю. Родственники жениха ожидают этот бросок со специальным покрывалом, в которое они ловят тушу барана. Это действие происходит одновременно с ритуалом *оро заһаха*.

Таким образом, свадебный цикл в более традиционном сельском обществе включает ряд взаимосвязанных событий, которые образуют период, растянутый на несколько дней. У западных бурят, по наблюдениям М. В. Хандагуровой, сохранилась архаичная структура свадебного цикла: традиционная «полная» свадьба включает сватовство, комплекс действий совершаемых стороной невесты – *наадан* ‘игрище’ и комплекс действий, совершаемых стороной жениха *хурим* [Хандагурова, 2006, с. 184].

Воспроизведение наиболее актуальных традиционных элементов свадебной обрядности содействует не только возрождению духовной и материальной национальной культуры бурят, но и способствует сохранению традиционной системы родственных взаимоотношений в среде бурят. К таковым относятся коллективная помощь, оказываемая родственниками, соседями в организации свадебных мероприятий (*турын нэмэри, харюу*). Определенным образом способствуют укреплению родственных взаимоотношений официальное представление гостей на свадьбе и оглашение вида или суммы свадебного подарка. При отсутствии иного механизма трансляции знаний о предках, родословной таким способом молодым предоставляется возможность познакомиться с родственным окружением.

Литература

- Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 180 с.
Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1991. 223 с.
Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 131–159.
Гомбожапов А. Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX вв. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.
Очирова Г. Н. Свадебный обряд сартулов Монголии и Бурятии // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 159–176.
Хандагурова М. В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во второй половине XX в. Иркутск: ООО «Амтера», 2009. 267 с.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СЕМЕЙСКИХ (СТАРООБРЯДЦЕВ) В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ¹

В статье речь идет о проблемах сохранения традиционной культуры старообрядцев (семейских) в условиях трансформации современного общества, ее изучении в образовательном пространстве республики, делается вывод о перспективах дальнейшего развития. Анализируются условия, благодаря которым был подготовлен и опубликован учебно-методический комплект для школ по истории и культуре семейских Забайкалья в начале XXI в.

Ключевые слова: Республика Бурятия; традиционная культура; образовательное пространство; учебно-методический комплект по истории и культуре семейских.

Petrova Elena Viktorovna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

TRADITIONAL CULTURE OF THE SEMEISKIE (OLD BELIEVERS) IN MODERN EDUCATIONAL SPACE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article deals with the problems of preservation of traditional culture of old believers (the Semeiskie) in the conditions of transformation of modern society, its study in the educational space of the republic. The author considers the prospects of its further development, analyzes the conditions of preparing and publishing teaching materials for schools on the history and culture of the Semeiskie of Transbaikal region.

Keywords: the Republic of Buryatia; traditional culture; educational space; teaching materials for schools on the history and culture of the Semeiskie.

У культуры как у всякого диалектически развивающегося процесса имеется устойчивая, консервативная и развивающаяся, новаторская стороны. Устойчивая сторона – это культурная традиция. Развивающаяся сторона – это инновации в культуре. Культура выступает как объективный фактор по отношению к различным социальным системам, но она функционирует, развивается и изменяется в зависимости от потребностей конкретного общества, интересов и ценностей разных социальных групп.

Современное состояние традиционной культуры старообрядцев (семейских) Забайкалья как результат совместного активного действия социальных групп общества по изменению условий своей жизни является одной из важнейших сторон социальной практики семейского населения.

Со времени переселения старообрядцев в Забайкалье и успешной адаптации их здесь до сегодняшних дней происходило постепенное и постоянное изменение их традиционной культуры. Так, существенное редуцирование претерпела устойчивая сторона культуры семейских, особенно после Октябрьской революции, за счет распространения таких социальных явлений, как урбанизация, интернационализация, атеизация всего населения, в том числе и семейского. В то же время за счет таких свойств, как пластичность и лабильность, культура семейских как специфический феномен сохранилась в состоянии относительной устойчивости, с приобретенными в результате развития новациями и до настоящего времени. Однако многие элементы как материальной, так и духовной культуры были невозвратно потеряны, утрачены или еще сохраняются, но в весьма урезанных формах. Ослабление конфессионально-идеологической составляющей традиционной культуры как консолидирующего звена группы семейских привело к доминированию культурно-бытового фактора в качестве маркирующего средства, выделяющего семейских

среди окружающего русского и другого населения [Петрова, 1999, с. 88–115].

Сейчас можно констатировать, что время, когда приобщение к традиционной культуре семейских протекало, если можно так сказать, естественным путем, кануло в лету, стало достоянием истории. На сегодняшнем уровне функционирования социальной группы этот процесс в большинстве случаев является результатом целенаправленной систематической деятельности.

В 90-е гг. XX в. в Бурятии по инициативе потомков старообрядческих родов начали предприниматься определенные шаги в направлении возрождения и сохранения самых лучших традиций семейской культуры. Преимущественно инициатива шла с мест, из семейских сел, от рядовых учителей, медиков, работников библиотек и домов культуры, руководителей фольклорных ансамблей и групп. Объяснялось это назревшей необходимостью и потребностью самих носителей традиций заботиться о сохранении своей самобытной культуры и передаче ее новым поколениям.

В этот же период по инициативе республиканской общественной организации «Центр изучения культуры» была разработана государственная республиканская целевая программа «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001–2006 гг.)», утвержденная Правительством республики. Она предусматривала в своей структуре несколько блоков различных мероприятий, в том числе обращение в ЮНЕСКО для придания традиционной культуре семейских статуса шедевра устного и нематериального наследия, а также разработку учебно-методического комплекта по истории и культуре семейских для школ Бурятии [Петрова, 2002, с. 436–441].

Социологические исследования по современному состоянию традиционной культуры семейских, проведенные автором в этот период, выявили, что подавляющее большинство опрошенных в селах компактного

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

проживания семейских поддерживают необходимость введения в школах республики специализированного курса по истории и культуре семейских (81,2 %) [Петрова, 1999, с. 104].

Несмотря на то, что финансирование программы за все годы урезали более чем на половину из заявленных при утверждении финансовых средств, тем не менее, основная часть мероприятий программы была выполнена, включая проведение фестивалей, семинаров, конференций и др. В том числе в 2001 г. традиционная культура старообрядцев (семейских) была объявлена шедевром устного и нематериального наследия ЮНЕСКО.

Также был разработан, утвержден в Министерстве образования и науки Республики Бурятия, а затем опубликован учебно-методический комплект (УМК) для школ республики по истории и культуре семейских (авторы В. Л. Петров, Е. В. Петрова) исключительно светской направленности, который прошел апробацию и был распространен в школах Бурятии (Приказ Министерства образования и науки РБ от 08.12.2005 г. № 963 «Об изучении в общеобразовательных школах РБ истории и культуры семейских (старообрядцев) Забайкалья», когда пилотными районами для апробации определены Заиграевский и Тарбагатайский) [Петрова, 2007, с. 158; Петрова, 2015б, с. 222].

В 2007 г. при поддержке издательства «Бэлиг», где издавались концепция, программа, две части хрестоматии и рабочая тетрадь «Семейская домовая роспись» состоялась презентация УМК на ежегодном межрегиональном XII книжном салоне, по итогам которого издательство получило диплом за изданную в этом же году вторую часть хрестоматии «История и культура семейских Забайкалья» (авторы-составители В. Л. Петров, Е. В. Петрова).

УМК состоит из концепции и программы для школ «История и культура семейских Забайкалья», хрестоматии в двух частях «История и культура семейских Забайкалья», учебного пособия для вузов «Современное забайкальское старообрядчество: этносоциологический анализ», рабочей тетради «Семейская домовая роспись», раздаточных и дидактических материалов по истории и культуре семейских Забайкалья, пособий «Как составить свою родословную», «Фольклор семейских», «Русские народные игры», набора фотооткрыток «Мухор-Талинская роспись» и т.д.

Подобный учебно-методический комплект для сохранения и трансляции традиционной культуры в образовательном пространстве региона разработан и издан впервые как в России, так и в мире, благодаря тому, что именно в Бурятии проводилась большая систематическая комплексная работа по изучению и сохранению истории и традиционной культуры старообрядцев (семейских) при поддержке органов государственной власти. В дальнейшем, уже при апробации и реализации УМК создавались кружки, факультативы, интегрированные курсы, проводились внеурочные занятия, велась активная работа в системе дополнительного образования. К настоящему времени (2003–2017 гг.) накоплен серьезный опыт реализации УМК в школах республики [Петрова, 2015а].

Благоприятные условия, сложившиеся в республике для сохранения и развития традиционной культуры семейских в период с 90-х гг. XX в. по 2007 г., энергия и активная деятельность самих семейских, заинтересованность и лояльность органов государственной власти, интерес к культуре со стороны общественности, культивирование старообрядческими священнослужителями

религиозных практик способствовали созданию объективных предпосылок для успешного проведения в Бурятии международной встречи старообрядцев «Путь Аввакума», состоявшейся в 2007 г. в г. Улан-Удэ.

В истории современного старообрядчества на многие годы это мероприятие останется как значимое и важное событие. Подводя итоги его проведения, можно сделать вывод, что артикуляция этнокультурных интересов группой семейских позволила довести до представителей государственных структур Бурятии интересы граждан, а также скоординировать действия и деятельность группы как внутри, так и во взаимодействии с обществом и государством. Среди причин, побудивших осуществлять деятельность по сохранению и развитию традиционной культуры семейских в современных условиях в республике в рамках сотрудничества с государственной властью, следует назвать отсутствие комплексного изучения этих проблем и потенциальные возможности государства, располагающего ведомственными структурами, а также разными ресурсами.

В 2015 г. был издан историко-культурный энциклопедический справочник «Старообрядцы. Семейские Бурятии», который помогает расширить и углубить информационное пространство, связанное с историей и культурой старообрядцев Забайкалья и с современными проблемами развития этноконфессиональной группы в региональном, всероссийском и международном направлениях. Потребность в таком издании, где была бы объединена информация о различных гранях такого общественного феномена, как старообрядцы Забайкалья, назрела давно. Первым шагом в этом направлении был выпуск хрестоматии в двух частях по истории и культуре семейских Забайкалья (авторы-составители В. Л. Петров, Е. В. Петрова), вторым – выпуск альбома «Семейские Забайкалья», к настоящему времени собран материал для иллюстрированного альбома по росписи.

Издание справочника решает задачу перестроения информации в другом формате – энциклопедическом и дает возможность системного подхода к изучению отдельных сторон традиционной культуры семейских Забайкалья. Это реализация одной из задач, поставленной перед обществом Забайкалья самой жизнью. Включение в информационное пространство России и всего мира материалов о старообрядчестве Забайкалья дает возможность их потомкам более эффективно и целенаправленно адаптироваться в современном обществе для сохранения своей традиционной культуры.

К сожалению, в настоящее время приходится констатировать, что тот подъем, который был достигнут в сохранении и развитии традиционной культуры семейских в годы реализации целевой республиканской программы «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001–2006 гг.)» в Бурятии и в год проведения международной встречи, не был закреплен и приумножен на основе достигнутого в последующие годы.

Локомотив рыночной экономики, запущенный в России в 90-е гг. XX в., работает преимущественно на размывание культурных особенностей отдельных групп населения, на постепенное ослабление их самоидентификации. В первую очередь это касается этнографических, этноконфессиональных групп русского населения, в том числе потомков старообрядцев, семейских Забайкалья. Подъем наблюдался только в 90-е гг. прошлого столетия и в начале XXI в. В настоящее время по мере увеличения темпов развития новых отношений, модернизации и урбанизации общества увеличился процесс сокращения пространства живой среды, где еще функ-

ционируют элементы традиционной культуры. Культура семейских все более становится музейно-декоративной, и ее само существование уже в малой степени связано с носителями живой среды. Правда, следует признать, что работают религиозные старообрядческие учреждения, но массового возвращения в храмы не происходит.

Причем процесс ухода из живой среды семейских духовных старообрядческих канонов начался еще в первые годы советской власти, когда целенаправленно позволяли сохранить из всей культуры старообрядцев только фольклор, который, возможно, поэтому и дошел до наших дней. Хотя сейчас и он забывается и, как

правило, песни семейских мы слышим в основном со сцены. К сожалению, перспектива по этому вопросу не содержит оптимизма. Приостановить этот процесс, касающийся традиционной культуры семейских, скорее всего, возможно только за счет систематической работы и при сотрудничестве с государственными органами на основе их финансовой и материальной поддержки. Тогда еще есть надежда, что не только песня семейская не уйдет со сцены и не потеряется как никому не нужный раритет, но сохранятся и другие элементы уникальной и самобытной культуры старообрядцев (семейских) Забайкалья.

Литература

Петрова Е. В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья (этносоциологический анализ). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 130 с.

Петрова Е. В. Целевая программа «Изучение, сохранение и развитие культуры на 2001–2006 гг.» Старообрядчество: история, культура, современность: материалы 6-ой науч.-практ. конф. М: Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. С. 436–441.

Петрова Е. В. Современное забайкальское старообрядчество // Семейские Забайкалья: альбом. Улан-Удэ, 2007. Разд. 6. С. 140–200.

Петрова Е. В. Традиционная культура семейских в условиях трансформации современного общества: сохранение и развитие // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: сб. материалов VI междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2015а. С. 368–376.

Петрова Е. В. Современное старообрядчество // Старообрядцы. Семейские Бурятии. Историко-культурный энциклопедический справочник. Улан-Удэ: Издательский дом «Экос», 2015б. Гл. VIII. С. 208–247.

ОБУВЬ В ТРАДИЦИОННОМ КОСТЮМЕ БАРГУТОВ ХУЛУН-БУИРА¹

Проводится исследование обуви баргутов путем изучения процесса создания предмета и сферы его бытования. Автор приходит к выводу о том, что национальная обувь сохранила архаичный фасон и традиционную орнаментацию, несмотря на проживание баргутов в иноэтничной среде.

Ключевые слова: баргуты; Хулун-Буир; костюм; обувь; традиция.

Miyagashева Surjana Borisovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

TRADITIONAL SHOES OF THE BARGUTS OF THE KHULUN-BUIR

The author researches traditional shoes of the Barguts, the process of its creating and the sphere of using. The national footwear has preserved an archaic style and traditional ornamentation, despite the fact that the Barguts live in nonethnic environment.

Keywords: Barguts; Hulun-Buir; clothes; shoes; tradition.

Обувь представляет собой неотъемлемый элемент костюма, она появилась на самых ранних этапах развития человеческого общества и являлась одной из важнейших функциональных деталей одежды. Обувь позволяла человеку лучше приспособиться к особенностям климата, ландшафта и различным видам хозяйственной деятельности. Большое значение для формирования конструкции обуви имели традиционное занятие населения и тип хозяйственной деятельности. Не является исключением в этом плане и обувь старых баргутов Хулун-Буира.

Старые баргуты шьют и носят обувь нескольких видов в зависимости от сезонных, погодных условий и видов работ: *сөөхэй / хөөхэй гутал, улатай гутал, байсаран гутал, тэгтэй гутал*. Из них традиционной для старых баргутов является *сөөхэй / хөөхэй*. Основным материалом для подобного вида обуви является выделанная сыромятная кожа *хэм* из козьеи, овечьей или жеребьячьей шкуры или шкуры крупного рогатого скота, сукно *даавуу*, бархат *хилин*, тонко выделанная шкура овцы или козы *сабхи*, овечья шерсть и нитки из сухожилий.

Процесс шитья, который проходит вручную, включает в себя выкройку голенища *турээ эсэхэ*, его шитье *турээ оёхо*, изготовление мыска *өлмий татаха*, стягивание складок *гутал татаха*, изготовление подошвы *ула үгэлэхэ*, изготовление каблука *өсхий гаргаха*, сшивание всех деталей обуви *гутал залгаха* и придание формы *гутал хэблэхэ* [Qastuyay-a, 2016, с. 178–180].

Перед шитьем обуви требуется хорошо подготовить основной материал – овчину и шкуры размягчают, очищают от мездры, затем обрабатывают путем дымления *утаха* до желто-коричневого цвета. Подобная обработка придает материалу влагостойкость, износостойкость, оберегает от воздействия моли и плесени, и также имеет декоративную функцию.

Голенище *турээ* встречается двух видов: из выделанной кожи мехом внутрь – для зимнего сезона, и хлопчатобумажной ткани – для весенне-осеннего периода. Голенище обуви выкраивают с помощью готового шаблона *үлгэр*. Оно состоит из двух частей, сшитых вместе, и между ними пришивают тонкую полоску чер-

ного бархата. Подобную декоративную окантовку называют *хавчаар*. Голенище имеет усеченный верх и в пяточной части, по бокам и по верху голенища украшается нашивными узорами *угалза*. Декоративные узоры бывают растительного и геометрического характера, с S-видными фигурами, спиральями, фигурами в виде роговидных ответвлений на концах, а также символами свастики. Подобный характер орнамента относится по типологии к южносибирскому типу и является характерным для якутов, хакасов, тувинцев, бурят, частично алтайцев и эвенков [Иванов, 1961, с. 374–375]. Орнаментация являлась оберегом и благопожеланием владельцу, магическим образом предохранявшим его от влияния злых сил, поэтому ее нанесение встречается довольно часто. После изготовления голенища приступают к шитью мыска *өлмий*. Мысок представляет собой элемент, по форме напоминающий цифру «3», и вырезается из тонко выделанной кожи *сабхи*. *Өлмий* или как его по-другому называют *нэрбэ*, соединяет подошву с голенищем.

Далее после всех приготовлений приступают к процессу, называемому *гутал татаха* букв. ‘тянуть обувь’. В него входит изготовление подошвы из сыромятной кожи *хэм*. Для этого вырезается материал размером 32 см длиной, и 15 см шириной, т.е. гораздо шире и длиннее, чем того требуют размеры обуви. Затем готовую выкройку сгибают пополам и на передней части подошвы – носике – вырезают маленький треугольник, называемый *танаа*, два угла которых сшивают вместе. *Танаа* соединяет голенище с подошвой. После этого подошву соединяют с мыском *өлмий* и, начиная с передней части подошвы, выводят складки на носке обуви, стягивая края в складки *өмийлгөх*. Стянутые в складки края подошвы прошивают насквозь нитками из сухожилий *нэбтэгэлзэжэ оёхо* [Qastuyay-a, 2016, с. 170].

Затем на задней части подошвы выводят каблук *өсхий*, баргуты его также называют *хөгий*. Существует два вида каблука – однослойный и многослойный. Однослойный каблук *дан өсхий* получают таким образом, что концы задней части подошвы складываются либо сворачиваются вовнутрь и сшиваются. Для получения многослойного каблука *давхар өсхий* несколько

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4 «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

цельных кусков сыромятной кожи вырезают отдельно, сшивают вместе и нашивают на подошву, таким образом, получается трехслойная подошва. Чтобы еще более утеплить подошву, внутрь пришивают стельку из козьей шкуры.

Закончив с этими работами, приступают к присоединению голенища с подошвой *гутал залгаха*. Для этого голенище и подошву смыкают вместе и пришивают одним-двумя стежками, потом сшивают по бокам. Готовую обувь набивают деревянной болванкой *хэб* и убирают на 6-7 дней для того, чтобы обувь выпрямилась и разгладилась. Характерно, что у *сөөхэй гутал* не различается левая и правая нога. Если *сөөхэй гутал* имеет голенище из ткани, его носят с портянками *оройлго*, а если обувь из овчины, то носят шерстяные носки *оймс* [Dugarjav, 2004, с. 87].

Рассмотрев особенности фасона и кроя *сөөхэй гутал*, можно выявить, что она схожа с обувью предбайкальских бурят, называемой *олод гутал*. *Олод гутал* у бурят состояла из поршня, собранного спереди в сборки, образующие тупой приподнятый носок с надпоршневою частью, состоящей из голенища и носка с мысиком. Это была будничная и преимущественно производственно-промысловая обувь. Также она имела у бурят Тункинского и Баргузинского районов Республики Бурятия [Бадмаева, 1987, с. 80]. Поршневидная обувь была характерна для забайкальских эвенков: баргузинских, читинских, нерчинских и верхнеамурских. Дауры Китая носили олочи, которые имели короткое голенище и расшивались узорами [Цыбенков, 2012, с. 133]. Характерно, что поршневидный тип обуви был распространен у ряда народов Сибири, в том числе и у тюркоязычных. Данный тип обуви считается характерным для пеших охотников-звероловов горной тайги [Василевич, 1963, с. 21], потому что мягкая подошва обеспечивала охотнику бесшумное продвижение, ноги в них не стеснены, что обеспечивает большую подвижность и чуткость во время передвижений по тайге. Таким образом, обувь *сөөхэй* можно отнести к поршневидному восточносибирскому типу, и, вероятно, она является наиболее архаичной и самобытной.

Старые баргуты носят *уламай гутал* 'обувь с подошвой' или *гадату гутал*. Такую обувь также называли *зуулзага гутал*, и она также встречается у новых баргутов. Подошву шьют из юфти *булгайр* или из толстой плотной, прошитой в два слоя кошмы. К этой подошве снизу одним швом по краю пришивают сыромятную кожу *хэм* – этот процесс называется *ула үдэхэ*. Верхнюю войлочную часть подошвы называют *хүүхэн ула* досл. 'дитя-подошва'. Голенище шьется из матерчатой ткани, между внутренней и наружной слоями которой подкладывают вату *хөвөн* и простегивают мелкими стежками по всей площади. *Уламай гутал* схожи с бурятской обувью, однако у старых баргутов подошва не имеет характерного приподнятого носка [Самбуева, 2006, с. 223]. *Уламай гутал* старых баргутов можно отнести к башмаковидному центральноазиатскому типу, к которому относится обувь с выкройной подошвой по форме ступни, голенищем и головкой или голенищем и носком с союзками [Василевич, 1963, с. 43]. Аналогичные по крою гутулы были издавна известны народам, занимавшимся скотоводством, таким как монголы, буряты, южные алтайцы, а также тувинцы [Вайштейн, 1991].

Еще одним видом обуви старых баргутов является *байсаран гутал*, который шьют из выделанной овчины или козьей шкуры. Этот вид обуви в основном носят старики или младенцы, так как *байсаран* очень

мягкий, теплый и легкий. Возможно, название связано с глаголом *байха* 'стоять на месте' [Самбуева, 2006, с. 223]. Голенище *түрээ* состоит из четырех частей, для выведения рантов также вырезают четыре куска шкуры. Для шитья используют крученые нитки из сухожилий животных *иэрвэс*. Части голенища сшивают по два вместе, затем пришивают кожаные ранты. Верхние края голенища обшивают каймой цветной ленты, затем голенище выворачивают и пришивают к нему подошву. Для младенцев верхнюю переднюю часть голенища оставляют незашитой, лишь пришивая к ней ленточки для завязывания или пуговицы.

Разновидностью баргутской обуви является *тэгтэй гутал*. Это вид обуви большого размера из выделанной овчины или козьей шкуры, который носят поверх обычного *гутула*. В основном его носят скотоводы в лютые морозы. На самом деле это комплект обуви с набедренником, которые шьют отдельно друг от друга и потом соединяют. На верхней части носка делают несколько сборок, на голенище сверху продевается застежка [Самбуева, 2006, с. 223].

В комплект обуви старых баргутов входят ноговицы *гуявчи*. Их одевают под штанины для утепления голени, колен и бедер. Основными материалами для шитья являлись дымленая овчина или стеганая ткань, изредка украшенная нашивными узорами. Нижний конец ноговиц зашивают мешком и с помощью тесемок, пришитых к верхнему краю, подвязывают к верхнему поясу штанов. Обязательным при ношении обуви были портянки *хөлийн оройлт*, которые шьются из хлопчатобумажной ткани, сложенной в четверо. Также у старых баргутов повсеместно бытовали чулки *оймс*. Существуют три вида чулок – чулки, сшитые из овчины (*арьсан оймс*), войлочные (*эххий оймс*), а также сшитые из ткани (*даавуу оймс*). Чулки надевают в сапоги, поэтому они были тонкими, легкими и при этом высотой выше, чем голенище обуви. Они обычно бывают окантованы широкой тканью синего, желтого или красного цветов [Миягашева, 2009, с. 593]. Чулки из войлока были известны среди тюрко-монголоязычных народов в древности и являлись специфической частью костюма кочевников-скотоводов [Бадмаева, 1987, с. 86].

Орнаментальные особенности обуви имеют четко выраженную этническую специфику. Старые баргуты предпочитают использовать нашивную орнаментацию для украшения поршней, голенищ. Будучи кочевниками, они украшали обувь орнаментом, связанным с животноводческой магией – *хусын үбэр* 'бараньи рога' и др. Наиболее ярко проявлялись в специфике кроя, материала и орнаментации половозрастные особенности. Детскую обувь можно охарактеризовать как самую простую с точки зрения кроя. Обувь молодых людей имела сложный крой, яркое цветовое решение и обильную орнаментацию. С переходом человека в группу пожилых людей обувь становилась проще, практически отсутствовал каблук, обувь оформлялась минимумом орнаментов.

Мужская и женская обувь не имела отличий в крое, но цветовая гамма и украшение женской обуви были более яркими и насыщенными, что объяснялось представлениями о ритуальной уязвимости, требовавшей большего количества оберегов в ее костюме. Социальный статус владельца обуви подчеркивался, прежде всего, использованием дорогих, престижных материалов для шитья.

Способы пошива, форма обуви, декоративно-прикладное искусство являются свидетельством тесных

контактов баргутов с другими аборигенными народностями таежной зоны Сибири. Следует отметить, что на основе сочетания хозяйственных занятий, их комплексности в условиях тайги, подразумевающей охоту, и просторных равнин, благоприятных для разведения скота, традиционный костюм старых баргутов имеет

черты охотничье-промыслового костюма с сочетанием элементов скотоводческой кочевой культуры. Идентичность элементов обуви у старых баргутов, эвенков, бурят, монголов и тюркских народов можно рассматривать как результат историко-культурных связей этих народов, соседствовавших на протяжении многих веков.

Литература

- Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987. 141 с.
- Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. 296 с.
- Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сб. МАЭ. М.; Л., 1963. № 21. С. 3–64.
- Иванов С. В. Орнамент // ИЭАС. М.; Л., 1961. С. 369–434.
- Миягашева С. Б. Традиционная одежда старых баргутов // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы междунар. науч. конф., посв. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста, 2009. Ч. 2. С. 591–596.
- Миягашева С. Б. Военно-административная организация баргутов в период династии Цин // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 8. Востоковедение. Улан-Удэ, 2012. С. 208–213.
- Самбуева С. Б. Одежда новых баргутов и хоринских бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 18. Востоковедение. Улан-Удэ, 2006. С. 215–231.
- Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 2012. 252 с.
- Dugarjav J. Bargu jang üyile. Obür Mongγul, 2004. 506 с.
- Qastuyay-a S. Barγuscud-un sögükei γutul-un tuqai // Баргуты: история и современность. Сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2016. С. 176–183.

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ У СОЙОТОВ ДО ПЕРЕХОДА НА ОСЕДЛОСТЬ¹

В статье автор на полевом и источниковедческом материале рассмотрел способы передвижения по горной тайге. В работе выделены особенности вьючного использования оленей, передвижения по воде, лыжи.

Ключевые слова: передвижение; вьюк; лыжи; вьючное седло; оленеводство.

Rassadin Igor Valentinovich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude Russian Federation

THE WAYS AND MEANS OF MOVEMENT OF SOYOTS BEFORE THE TRANSITION TO SEDENTARY LIFE

The author using field and source material considers methods of transportation of the Soyots in the mountainous taiga. The features of bridle use of deer, movement on the water, and skiing are revealed.

Keywords: movement; pack; ski; pack saddle; reindeer breeding.

Современные сойоты (бур. *hoёд*) являются вместе с бурятами основным населением Окинского района Республики Бурятия, хотя они долгое время официально считались исчезнувшими и полностью растворившимися среди бурятского этноса. Сейчас сойоты признаны самостоятельной народностью с самоназванием “сойоты” и 24 марта 2000 г. Правительство России Постановлением № 235 включило сойотов Бурятии в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации [Жуковская, 2002, с. 164–170]. По данным микропереписи 2001 г., в Окинском районе всего насчитывалось 4615 человек, из которых 2003 сойота. Согласно переписи 2010 г., численность сойотов в России составляла 3608 чел., в Бурятии 3579 чел. В составе Окинского района образован самостоятельный Сойотский национальный сельсовет. Кроме Орлика, сойоты проживают в поселках Сорог, Боксон, Хурга, а также на мелких фермах-зимниках, состоящих из одного-трех домов. Основное занятие современных сойотов – скотоводство. Скот – сарлыки (яки), хайныки (помесь яка и коровы), коровы монгольской породы, лошади, немного овец [Рассадин, 2017, с. 190].

Оленеводство было прекращено в начале 1960-х гг. волевым решением правительства Бурятской АССР как, якобы, нерентабельная отрасль скотоводства. Однако сойоты в настоящее время возрождают оленеводство как одну из основных отраслей своего традиционного хозяйства, для чего они в 1994 г. закупили у соседних тофаларов 60 голов оленей [Волков, 1995, 16 июня]. В этнографическом плане сойоты до сих пор остаются малоизученными, хотя в литературе сведения о них известны достаточно давно. Так, например, пожалуй, самые ранние упоминания о сойотах относятся к XVIII в. По свидетельству проф. Г. Д. Санжеева, в 1787 г. немецкий географ Антон Бюшинг опубликовал книгу «Описание земли», в которой писал и о тункинских сойотах, утверждая, что у них тюркский язык, причем совершенно такой же, как и у карагассов (современные тофалары – *И. Р.*) Нижнеудинского уезда [Санжеев, 1930, с. 93].

Хотя сойоты и осознают себя особым этносом со своим специфическим культурно-хозяйственным типом [Рассадин, 1996, с. 58–98], все они в настоящее время бурятязычны, и их скотоводческое хозяйство ни чем

не отличается от местного бурятского. Специфику составляет лишь возрождающееся оленеводство. Как уже отмечалось в научной литературе, предки современных сойотов были тюркоязычными оленеводами, родственными тувинцам-тоджинцам и тофаларам, и где-то около 300-400 лет тому назад переселились со своими оленями сначала в Тунку, а оттуда в Оку из Монголии из окрестностей озера Хубсугул, где они обитали в сомонах Ханха и Ринчинлхумбэ. Там до сих пор обитают тюркоязычные оленеводы, которых монголы называют цаатанами [Бадамхатан, 1962, с. 7–9]. На своей новой родине сойоты быстро сблизилась с бурятами, чему немало способствовала родовая экзогамия, из-за чего сойоты были вынуждены брать себе жен у соседних бурят. Данное обстоятельство повлекло, по-видимому, за собой довольно быстрое обурячивание сойотов, о чем в свое время упоминал и профессор Иркутского госуниверситета Б. Э. Петри, проводивший в 1926 г. по заданию Комитета Севера специальную этнографическую экспедицию по изучению хозяйства, быта и культуры сойотов, и который писал об этом буквально следующее: «Благодаря строго выдержанной экзогамии внутри рода жениться нельзя. Женщин у рода Иркин мало, и приходится брать буряток. Большинство обследованных нами замужних женщин оказалось бурятками. С бурятками вошел в обиход и новый язык – бурятский, а старый сойотский почти забылся... Вместе с бурятками ... проникали и новые формы хозяйства, умение ухаживать за скотом, вести сложное молочное хозяйство скотовода, запасать впрок на долгую зиму молочные скопы; кроме того, покрой одежды посуда, и, наконец, весь домашний уклад. В частности, все семейные, брачные и родственные нормы проникали от бурят, и весь семейно-родовой быт сойот сейчас вполне отождествился с бурятским. Таким образом, бурятская женщина-скотоводка, войдя в чуждую ей среду сойот-оленевонов, способствовала более быстрому переходу ... форм оленно-промыслового хозяйства к новым формам скотоводческо-промыслового хозяйства, где олень играет подсобную роль при пушном промысле» [Петри, 1927, с. 19].

Тот же Б. Э. Петри, обследовав сойотов, нашел их разбросанными в 12 различных местах, названия которых следующие (в записи Б. Э. Петри): 1) Монды; 2)

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Ильчир; 3) Хоньчин; 4) Хамодон; 5) Сорока; 6) Буксон; 7) Хореты; 8) Улзето; 9) Долон-Турук; 10) Хозулбай и Диби; 11) Бурунгол; 12) Нурай. По типу хозяйства он разделил их на следующие группы:

1. переходная группа, живущая вокруг озера Ильчир (исток р. Иркута) на высокогорной тундре и занимающаяся преимущественно оленеводством и пушным промыслом. Эта группа только начинает обзаводиться скотом;

2. переходная группа от оленеводства к скотоводству живет в пунктах Хончин и Ха-Модон, сравнительно недалеко от верхней границы леса в самых верховьях рек, являющихся истоками реки Белой. Основой хозяйства является крупный рогатый скот. В этой группе сойоты держат еще достаточно оленей, чтобы использовать их в качестве транспорта для зимнего охотпромысла. Бюджет этой группы строится на пушном промысле;

3. скотоводы, живущие по долине реки Оки на удобренных покосах-утугах. Летом они поднимаются вверх по рекам на горные пастбища. Живут в поселках: Улзето, Сорок, Хореты, Буксон, Диби, Хозулхай, Хурга и Бурунгол;

4. группа беженцев, распадающаяся на две подгруппы: а) экономические беженцы – разорившиеся оленеводы, недавно спустившиеся с Ильчира к подножию горы Мунку-Сардыка, частично устроившиеся скотоводческим хозяйством, частично находящиеся в стадии создания такового. В будущем они осядут как скотоводы; б) политические беженцы, живущие в пределах Монголии, куда они бежали со своими семьями, напуганные гражданской войной;

5. земледельцы, поселившиеся в улусе Нурай среди привольных Тункинских степей и занимающиеся по преимуществу земледелием, обладающие незначительным количеством скота и чрезвычайно мало промышляющие [Петри, 1927, с. 14, 16; Рассадин, 1996, с. 59–60].

Таким образом, помимо наших полевых наблюдений, есть свидетельства этнографов, в частности Б. Э. Петри, утверждающих о наличии у сойотов разнообразных хозяйственных укладов.

Кочевой образ жизни, оленеводство, промысловая охота и заготовка дикоросов требовали от сойотов постоянного передвижения по тайге в различные времена года. Зачастую эти перемещения производились на значительные расстояния. В процессе движения приходилось преодолевать не только горы, но и реки. Передвигались сойоты не только верхом на олене, но и пешком, плавали на лодках и плотах, зимой ходили на лыжах. Иными словами, они выработали множество способов передвижения по горной тайге и использовали при этом различные как постоянные, так и подручные средства. Рассмотрим их поближе.

Верховое и вьючное использование домашних оленей. Наличие домашних оленей, традиционное использование их под седло и вьюк позволяли сойотам производить дальние поездки и перевозить с собой значительные грузы, весь свой домашний скарб, малолетних детей, осваивать большие охотничьи угодья. Для езды на оленях верхом, перевозки детей и вьюков применялись различные седла. Всего у сойотов было три разновидности оленьих седел.

Верховое седло, называвшееся *эмээл*, предназначалось для езды верхом на олене взрослого человека. При этом как мужчины, так и женщины пользовались одинаковым типом верховых седел. По своей конструкции сойотские оленьи верховые седла напоминали бурятские верховые конские седла. В прошлом, по воспоминаниям

стариков, сойоты сами почти не делали верховых седел, а покупали или выменивали их на пушнину у окинских бурят. А если и делали сами, то по этому же образцу. По конструкции в принципе это монгольское верховое седло, но не с такими крутыми луками, особенно задней, как это наблюдается у седел монголов. Составные части в общем те же. Седло имеет всего три самостоятельных, изготавливаемых отдельно части: две седельных лавки с перемычкой, передняя и задняя луки. Лавки с перемычкой изготавливаются из одного куска дерева, преимущественно березы, как и луки. Седло собирается без единого гвоздя. Все части скрепляются ремешками через потайные отверстия. Затем на седло прикрепляется седельная подушка, кожаные крылья на стременные ремни, сами стременные ремни, подпруга, состоящая из двух частей – правого и левого ремней, левый ремень оканчивается пряжкой, а правый с отверстиями для язычка пряжки. Кроме того, верховое седло имеет переднюю и заднюю шлеи, длину которых тоже можно регулировать, как и подпругу, посредством либо пряжек, либо особых петель. Эти шлеи помогают при езде по горам, не позволяя сползть седлу вперед или назад. Сойотские седла, как и тофаларские, в отличие от эвенкийских, имеют стремена, что позволяет более уверенно ездить на олене без применения опорной палки. Лавки седла снабжены особыми ремешками, тороками, предназначенными для перевозки на верховом седле вместе с всадником также мелких грузов или одежды. Специальных переметных сум для верховых седел не было.

Вьючное седло, называвшееся *янгарцаг*, предназначалось для перевозки грузов, которые размещались в особых вьючных сумах *барба*. Этим сум на вьюк было две и они связывались особыми ремнями. Связанные попарно сумы перекидывались на вьючное седло так, чтобы они свисали по обеим сторонам оленя. Вьючное седло было простым по конструкции. Оно состояло из двух лавок, скрепленными передней и задней луками. Перекинутые по обе стороны туловища оленя сумы опирались своим перевязным ремнем на эти лавки и не натирали спины оленя. Кроме того, как и у верхового седла, у вьючного тоже был толстый потник из шкур, который смягчал давление седла на спину оленя. У вьючного седла не было прикрепленной постоянной подпруги, как у верхового. У него постоянными были только передняя и задняя шлеи. Передняя лука была несколько выше задней и имела сверху вырезанный бугорок. Верх задней луки был гладким. К лавкам седла спереди и сзади прикреплялись особые ременные петли, к которым привязывали поводья других оленей, когда составляли олений караван, который, кстати, обычно не превышал семи оленей. Подпруга вьючного седла представляла собой длинный кожаный ремень с круглым металлическим кольцом на одном конце. Когда вьючные сумы перекинуты через седло, то этой подпругой обвязывали сумы поверх, как бы прижимая их к бокам оленя. Поверх сум на седло клали более мелкие грузы и привязывали их ремнями уже к этой подпруге и к лукам, жестко фиксируя груз.

Для перевозки на олене малолетних детей и детских колыбелей сойоты использовали особый тип седла, который назывался *эрнмэшь*. Это седло в принципе напоминало вьючное седло, но только передние луки напоминали вертикальную высокую крестовину. Колыбель или ребенок укреплялись между этими крестовидными луками.

Грузоподъемность оленя в принципе невелика. Сойоты различали два типа грузов – живой и мертвый.

Живой – это всадник, который легче перевозится оленем. Для верховой езды выбирают обычно самых крупных и крепких оленей, которые в состоянии везти человека иногда весь день. При верховой езде сойоты не всегда используют палку, т.е. ездят на олене не так, как эвенки. Эвенки ездят верхом без стремян и поэтому в трудных местах опираются на палку при езде, как бы поддерживая себя. Некоторые группы эвенков вообще не могут обходиться без такого рода посоха [Василевич, 1951, с. 76–77]. Сойоты же в принципе ездят верхом на олене почти так же, как и на коне. По своим размерам сойотский олень карагасской породы почти такой же, как и монгольская лошадь. Однако несмотря на это, при езде на олене всадник помогает ему, спешиваясь, когда путь идет под гору. Верхов ездят только по равнине и в гору.

Мертвый груз не должен превышать веса двух пудов, т.е. в каждой переметной суме не должно быть более пуда веса. Лишь иногда, если ехать недалеко, а олень крупный, то в суму можно положить до 20 кг груза. За день выючный олень с обычным грузом может пройти не более 25-30 км. Это исходные данные, опираясь на которые, обычно рассчитывают груз и расстояние.

Передвижение по воде. Для передвижения по воде сойоты выработали несколько средств. Самое доступное и распространенное – это плот. Его изготавливали обычно из пяти длинных сухостойных бревен. При этом центральное бревно выдвигается вперед, а остальные по его бокам спускаются вниз уступами, по два с каждой стороны. Впереди получается как бы заостренный нос, а плот приобретает стрелообразную форму. Такой плот легко движется по горным рекам и легко управляем. Плывут на нем, отталкиваясь от дна реки шестом. Вещи на таком плоту обычно располагаются в носовой части, привязанные, а человек с шестом стоит в кормовой части. Если нужно переправиться на ту сторону реки каравану оленей, то их расседлывают и развьючивают, закрепляют на голове поводья и загоняют в реку. Человек,

заранее переправившийся на плоту на ту сторону, ловит выходящих из воды оленей и тут же привязывает их к деревьям. Некоторое время олени стоят привязанными и обсыхают. В это время на плоту переправляются с седлами и вьюками остальные члены каравана. Плот потом обычно вытаскивают высоко на берег.

Другим средством передвижения по воде служила долбленная из тополя лодка-челнок *онгоча*. Такие лодки делали сами сойоты из толстых стволов свежесрубленного тополя. К бокам долбленки прикрепляли доски, вытесанные из сухостойного кедра. По форме это был длинный узкий челн, плавучесть и грузоподъемность которого были достаточно высоки. На такой лодке тоже передвигались при помощи длинного шеста.

Лыжи. В некоторых местах Саянской тайги зимой выпадает много снега. Езда на оленях во время охоты по таким местам весьма затруднительна, поэтому охотники пользовались специальными лыжами, подбитыми камусом. Такие лыжи носили название *каак*. Лыжи делались из сухостойной ели. Они были достаточно широки и имели загнутый закругленный носок с отверстием для привязывания длинного ремешка, за который охотник мог тащить их при необходимости за собой. Таким способом транспортировали вещи, тяжелую добычу и т.п. Раньше камус приклеивали специальным клеем, но впоследствии стали прибывать мелкими гвоздями. При ходьбе на лыжах охотник использовал специальную лыжную палку *тайак*. Применение камусной подбивки лыж позволяло охотнику спокойно подниматься вверх по склону горы, не боясь соскользнуть вниз. Камус придавал лыжам, кроме того, мягкий бесшумный ход, что также немаловажно на охоте. Лыжи без камусов, называвшиеся *канка*, использовались гораздо реже как неэффективные и даже опасные в условиях горной тайги. Их применяли главным образом в роли своеобразной волокуши для перевозки тяжелых грузов по равнинной местности. Нарт, ни ручных, ни оленьих, сойоты не знали.

Литература

- Василевич П. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
Волков К. Олени от мистера // Правда Бурятии. 1995. 16 июня.
Жуковская Н. Л., Орешкина М. В., Рассадин В. И. Сойотский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М: Academia, 2002. С. 164–170.
Рассадин И. В. Животноводство у сойотов и бурят: сравнительно-сопоставительный анализ // Гуманитарный вектор. Сер. История, философия, филология. 2017. Т. 12. № 4. С. 190–194.
Рассадин В. И., Цыренова Д. Б. Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблема бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 58–99.
Санжеев Г. Д. Дархаты. Л., 1930. 93 с.
Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын тойм. Улаанбаатар: ШУАХ, 1962. 66 х.

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ¹

Становление института государственной историко-культурной экспертизы в Республике Бурятия заняло продолжительное время и напрямую зависело от законотворческой динамики федерального центра. Само понятие «государственная историко-культурная экспертиза» появляется в 2002 г. в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Позднее появляются подзаконные акты, регламентирующие проведение историко-культурных экспертиз. В статье рассматривается региональная специфика государственной историко-культурной экспертизы в области археологии.

Ключевые слова: Бурятия; экспертиза; археология; институт; закон; положение.

Bazarov Bilikto Aleksandrovich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

INSTITUTION OF STATE HISTORICAL AND CULTURAL EXPERTISE IN THE FIELD OF ARCHAEOLOGICAL AREA (REPUBLIC OF BURYATIA)

The Institution of state historical and cultural expertise in the Republic of Buryatia took a long time and depended directly on the main laws received in Moscow. The term of «state historical and cultural expertise» appears in 2002 in the Federal Law «On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Nations of the Russian Federation». Later there are subordinate acts regulating the conduct of historical and cultural expertise. The author considers the regional specifics of the state historical and cultural expertise in the field of archeological area.

Keywords: Buryatia; expertise; archaeology; institution; law; regulations.

Институт государственной историко-культурной экспертизы является одним из краеугольных камней системы государственной охраны объектов культурного наследия, понимаемой как система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда. Сам процесс зарождения института государственной историко-культурной экспертизы был достаточно длительным и даже в какой-то мере мучительным для научного археологического (и не только археологического) сообщества страны.

Впервые понятие «экспертиза» появляется и закрепляется в п. 12 «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» (от 13 мая 1986 г.). В документе указывается, что при получении сведений об обнаружении объектов государственные органы охраны памятников организуют проведение экспертизы. Наличие экспертного заключения о возможности признать данный объект памятником истории и культуры позволяло включить его в «Список вновь выявленных объектов», т.е. наделяло его определенным юридическим статусом, который должен был иметь защитно-охранительные функции. Государственные органы в данном случае могли привлекать в качестве экспертов специалистов научно-исследовательских и проектных организаций, сотрудников обществ охраны памятников истории и культуры и других специализированных организаций. В случае установления их культурной ценности обнаруженные объекты проходили процедуру регистрации для включения в «Список вновь выявленных объектов». Объекты эти, попадая в данный список, до принятия решения вопроса о постановке их

на государственный учет как памятников истории и культуры, подлежали охране в порядке, предусмотренном действовавшим тогда законодательством об охране памятников истории и культуры. В нынешних реалиях выявление объектов археологического наследия регламентируется статьями 16.1 и 45.1 ФЗ-73 и экспертизы как таковой не требует. Но в дальнейшем историко-культурную экспертизу все же необходимо будет провести как для обоснования целесообразности включения выявленных объектов культурного наследия в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, так и для документов, обосновывающих включение объектов культурного наследия в тот же реестр.

В своем нынешнем конкретизированном виде понятие «государственная историко-культурная экспертиза» появляется в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. В Законе РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» такого понятия вообще не существовало. Например, в отношении такого важного и болезненного в современных реалиях для многих хозяйствующих субъектов объекта историко-культурной экспертизы, как земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению, в Законе РСФСР, очевидно, происходила отсылка к статье 42, которая гласит, что все строительные, мелиоративные, дорожные и другие работы, которые могут создавать угрозу для существования памятников истории и культуры, производятся только по согласованию с государственными органами охраны памятников и после осуществления мероприятий, обеспечивающих сохранность памятников. Далее указывается, что проекты строительных, мелиоративных, дорожных и других работ должны быть согласованы с государственными органами охраны памятников и предусматривать ме-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

роприятия, обеспечивающие сохранность памятников истории и культуры. В современной правоприменительной практике такое согласование не обходится без проведения государственной историко-культурной экспертизы документации или разделов документации, обосновывающих меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия, включенного в реестр, выявленного объекта культурного наследия либо объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, при проведении земляных, мелиоративных, хозяйственных работ, иных работ в границах территории объекта культурного наследия либо на земельном участке, непосредственно связанном с земельным участком в границах территории объекта культурного наследия.

В 2007 г. в одной из публикаций, посвященных историко-культурной экспертизе, С. В. Гусевым были выделены две ипостаси археологической экспертизы: полевая экспертиза с получением открытых листов (разрешений) на проведение работ на определенной территории и экспертиза документации. В этой же публикации автором статьи были выделены этапы в развитии системы историко-культурной экспертизы в России: 1) период становления (с 1992 г. до 2002 г.); 2) период развития (связан с принятием № 73-ФЗ и до 2004 г.); 3) период стагнации (затянувшееся отсутствие необходимых подзаконных актов и выход на рынок услуг инжиниринговых частных структур, ставящих на первое место задачи извлечения прибыли – с 2004 г.) [Гусев, 2007, с. 45]. Очевидно, третий этап имеет в качестве финальной отметки 2009 год, когда было утверждено Положение о государственной историко-культурной экспертизе (постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569). С принятием данного Положения начинается 4-й этап в развитии системы государственной историко-культурной экспертизы, когда были наконец-то определены порядок проведения экспертизы, требования к определению физических и юридических лиц, которые могут привлекаться в качестве экспертов, перечень представляемых экспертам документов, порядок их рассмотрения, порядок проведения иных исследований в рамках экспертизы и пр. Новшеством явилось введение процедуры аттестации сначала Росохранкультурой, а затем Министерством культуры РФ, экспертов в области государственных историко-культурных экспертиз. Срок действия статуса аттестованного эксперта составляет три года.

Тем не менее, несмотря на позитивные изменения в сфере историко-культурных экспертиз, очевидно, сохранялись некоторые проблемы. В первую очередь, это касалось экспертных работ, проводившихся путем археологических полевых работ на основании открытых листов, которые тогда никак не упоминались ни в главе 5 ФЗ-73, ни в Положении о государственной историко-культурной экспертизе. Археологические работы, проводимые на основании открытых листов, упоминались лишь в статье 45 ФЗ-73, определяющей порядок проведения работ по сохранению объекта культурного наследия. Таким образом, получалось, что работы археологов даже с наличием открытых листов на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению (землеустроительные, земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы, осуществление которых может оказывать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия), законодательно никак не регулировались. Неслучайно в Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (утверж-

дено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 27 ноября 2013 г. № 85) до сих пор отсутствует такое понятие, как «историко-культурная экспертиза». Вместо этого в документе мы имеем следующее: «разрешение (открытый лист) выдается на право проведения археологических разведок на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению, в целях выявления объектов археологического наследия (или установления факта их отсутствия) с обязательным проведением локальных земляных работ». Из определения видно, что здесь имелась некая отсылка к статье 30 ФЗ-73, где среди объектов историко-культурной экспертизы были земельные участки, подлежащие хозяйственному освоению. Позже в редакции Федерального закона от 22 октября 2014 г. № 315-ФЗ формулировка была видоизменена на «земли, подлежащие воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, ... работ по использованию лесов и иных работ...» Этим же законом был определен порядок проведения историко-культурной экспертизы на земельных участках, участках лесного фонда либо водных объектах или их частях, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, работ по использованию лесов и иных работ путем археологической разведки в соответствии со статьей 45.1 Закона ФЗ-73. В указанной выше статье, появившейся годом ранее благодаря Федеральному закону от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ, охарактеризован порядок проведения археологических полевых работ.

26 августа 2010 г. Министерством культуры РФ был выпущен приказ № 563 «Об утверждении Положения о порядке аттестации экспертов по проведению государственной историко-культурной экспертизы». Этот документ по праву можно считать отправной точкой в деле современной историко-культурной экспертизы в стране. Согласно этому документу, аттестацией экспертов занималась Росохранкультура. Автору настоящей статьи в 2011 г. Росохранкультурой был присвоен статус государственного эксперта по государственным историко-культурным экспертизам (Приказ Росохранкультуры № 270 от 29 апреля 2011 г.). В ходе собеседования и изучения документов, полученных в составе заявки, аттестационная комиссия сочла возможным, полагаясь на имеющийся опыт работы соискателя, определить среди всех прочих объектов историко-культурной экспертизы единственный объект историко-культурной экспертизы, по которому кандидат тогда был готов выносить экспертные заключения: земельные участки, подлежащие хозяйственному освоению.

Однако позднее неожиданно выяснилось, что часть проведенных Росохранкультурой аттестаций экспертов, оказывается, была признана незаконной в связи с упразднением Росохранкультуры Указом президента РФ от 8 февраля 2011 г. № 155 «Вопросы Министерства культуры Российской Федерации». Позже функции по аттестации экспертов перешли исключительно и непосредственно в ведение Министерства культуры РФ. Приказом Министерства культуры РФ от 31 марта 2015 г. № 527 Б. А. Базарову был присвоен статус государственного эксперта по историко-культурным экспертизам по пяти объектам экспертиз. На момент написания работы являлся единственным в республике аттестованным экспертом по археологии. Экспертизы в Республике Бурятия в основном проводились по трем из пяти объектов: 1) земли, подлежащие воздействию земляных, строительных, мелиоративных и (или) хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного

кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, в случае если федеральный орган охраны объектов культурного наследия и орган охраны объектов культурного наследия субъекта Российской Федерации не имеют данных об отсутствии на указанных землях объектов археологического наследия, включенных в реестр, и выявленных объектов археологического наследия; 2) документация, за исключением научных отчетов о выполненных археологических полевых работах, содержащая результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных и (или) хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ; 3) документация или разделы документации, обосновывающие меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия, включенного в реестр, выявленного объекта культурного наследия либо объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, при проведении земляных, мелиоративных и (или) хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов и иных работ в границах территории объекта культурного наследия либо на земельном участке, непосредственно связанном с земельным участком в границах территории объекта культурного наследия.

Заметим, что эксперт не всегда имеет возможность получать открытые листы на те или иные конкретные районы, где планируется хозяйственное освоение, в этом случае возможно проведение государственной историко-культурной экспертизы документации, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов культурного наследия. Держатель открытого листа по отдельному договору проводит археологическую разведку на территории, подлежащей хозяйственному освоению, и готовит по ее итогам технический отчет, в котором обосновывается наличие или отсутствие объектов культурного наследия на испрашиваемом земельном участке. Это и есть та самая пресловутая документация, о которой так много спорят и в соответствии с которой определяется наличие или отсутствие объектов. Заказчик, получая технический отчет от Исполнителя (держателя открытого листа), заключает еще один договор, на этот раз с государственным экспертом, для проведения историко-культурной экспертизы предоставленного технического отчета (документации). Здесь с самого начала имелись вполне конкретные вопросы о возможности и правомерности проведения такой экспертизы для археологии, поскольку выявляемый объект археологического наследия не может являться объектом, обладающим признаками объекта культурного наследия, ведь это определение, если следовать букве закона, характеризует объекты, относящиеся исключительно к сфере архитектуры и

истории. Вспомним, однако, что в старой редакции Закона ФЗ-73 объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия, могли характеризовать объекты недвижимого имущества, представляющие собой ценность с точки зрения археологии. В практике археологических полевых работ нам случается столкнуться с объектами, которые мы не сразу можем определить в качестве объекта археологического наследия. Так бывает в случае, например, с многочисленными средневековыми кладками (иногда осторожно называемыми кластоформами), некоторые из них возникают в результате естественных геологических причин, а иные – в результате антропогенной деятельности, к археологии никакого отношения не имеющей. Такие объекты действительно обладают признаками объекта археологического наследия, но доказать, что это именно объект археологического наследия или обратное может только экспертиза.

Другая проблема связана с тем, что для осуществления государственной историко-культурной экспертизы ни Федеральным законом ФЗ-73, ни правилами выдачи, приостановления и прекращения действий разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия не предусмотрена какая-либо особая форма (вид) открытого листа на полевые археологические работы. Только в Положении о порядке проведения полевых археологических работ указано, что работы на землеотводах проводятся на основании разрешения (открытого листа), выданного на археологические разведки на земельных участках, подлежащих хозяйственному освоению, в целях выявления и обследования объектов археологического наследия (или установления факта их отсутствия) и определения границ территории объекта археологического наследия с обязательным производством локальных земляных работ (до 20 м² на каждом выявленном объекте археологического наследия). В статьях Федерального закона, посвященных государственной историко-культурной экспертизе (ст. 28, 31), указывается лишь то, что такая экспертиза осуществляется «путем археологической разведки на основании разрешения на право проведения археологических полевых работ». Налицо несоответствие ведомственного нормативного документа и нормативно-правовых актов [Полеводов, 2017, с. 834]. Такое положение дел позволяет до поры до времени проводить государственную историко-культурную экспертизу земель, подлежащих хозяйственному освоению, по открытым листам «научной формы». В то же время министерством культуры РФ достаточно четко озвучена позиция, при которой обследование земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, на основании открытых листов, полученных в научных целях, без указания места проведения археологических полевых работ в зоне планируемого строительства, невозможно. Как бы то ни было, главной проблемой в сфере государственной охраны объектов культурного наследия остается гибель и уничтожение археологического культурного наследия в результате хозяйственного освоения и строительных работ, для чего необходимо пресекать любые попытки уклонения хозяйствующих субъектов от проведения процедуры государственной историко-культурной экспертизы.

Литература

Гусев С. В. Историко-культурная экспертиза проектов (археологический аспект) // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов Всероссийской конференции. Томск, 2007. С. 44–51.

Полеводов А. В., Грачев М. А. Охрана объектов культурного (археологического) наследия в Западной Сибири – правовой и практический аспекты // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. Барнаул: ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет, 2017. С. 833–834.

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЯ «СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМБТ СО РАН¹

В Республике Бурятия по результатам государственных историко-культурных экспертиз земельных участков были определены объекты археологического наследия, подлежащие спасательным раскопкам. 2016 год ознаменовался своеобразным «бумом» спасательных археологических работ, когда в один полевой сезон противоаварийные работы проводились сразу на нескольких памятниках археологии силами различных организаций. В статье представлены краткие результаты спасательных археологических работ ИМБТ СО РАН 2016–2017 гг. Имеется предварительный «портфель заказов» по осуществлению спасательных мероприятий на объектах археологического наследия.

Ключевые слова: Бурятия; археология; спасательные полевые раскопки; могильник; стоянка; острог.

Bazarov Bilikto Aleksandrovich
Miyagashev Denis Alekseevich
Imenokhiov Nikolai Vladimirovich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 for the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

UPDATING OF THE SAVING ARCHAEOLOGY DIRECTION IN ACTIVITY OF IMBT SB RAS

In the Republic of Buryatia in result of historical and cultural expertise the archaeological sites, which were need to be submitted to rescue excavation, were determined. 2016 year was marked by some “boom” of archaeological rescue excavations, when during a field season rescue excavations were undertaken at several sites by the different organizations. The paper deals with brief of rescue excavations of IMBT SB RAS in 2016–2017. There is a preliminary “book of orders” for the rescue excavations of the archaeological sites.

Keywords: Buryatia; archaeology; rescue excavations; cemetery; site; fortress.

Спасательная археология – это всегда возможность обеспечить физическую сохранность объекта археологического наследия в условиях активного разрушения памятников археологии в результате хозяйственного освоения земельных участков, а также действия природных (естественных) факторов. В тех случаях, когда строительные работы или природные катастрофические процессы угрожают сохранности памятника археологии, применяются процедуры спасательных археологических полевых работ, проводимые в порядке, определенном ст. 45.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ, с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов.

Ведущие научные организации, образовательные учреждения и частные предприятия принимают активное участие в тендерах, объявляемых по стране с целью определения исполнителей спасательных археологических полевых работ. В 2016 г. спасательные археологические раскопки в Тункинском районе проводились Иркутским госуниверситетом (руководитель Е. О. Роговской) и ООО «НПО «Байкал-Экспедиция» (руководитель Л. В. Лбова) на выявленном палеолитическом объекте археологического наследия «Зактуй. Туяна» и на верхнепалеолитическом объекте археологического наследия, состоящем на государственной охране, «Зактуй. Местонахождение» соответственно. Результаты «тункинских» археологических изысканий явятся предметом рассмотрения в иной планируемой статье. Не остается в стороне от этих процессов и Институт мон-

говедения, буддологии и тибетологии СО РАН. Институтом за последние годы в Республике Бурятия было организовано и проведено несколько успешных мероприятий по обеспечению сохранности разновременных и разнотипных объектов археологического наследия – от палеолита до Нового времени; на поселениях и могильниках.

Удинский острог (городской округ «Город Улан-Удэ», Республика Бурятия). В год празднования 350-летнего юбилея города в 2016 г. на части объекта археологического наследия «Удинский острог» археологической экспедицией ИМБТ СО РАН были проведены спасательные археологические работы. Памятник археологии состоит на государственной охране в соответствии с Постановлением Правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. Объект археологического наследия расположен в устье р. Уда на поверхности цокольной террасы высотой 20–24 м. Раскопками на участке пересечения улиц Гоголя и Мичурина была выявлена часть западной стены острога, представляющей собой тарасную конструкцию с отдельными камерами (всего семь камер). Стены тарасной конструкции отстояли друг от друга на 3 м, перерубы поставлены через 2,6 м. Камеры тарасов не были заполнены грунтом для защиты от артиллерийского огня. Во внутренней стене тарасов на уровне второго венца были выявлены дверные проемы, через которые можно было попасть в камеры. Камеры между собой не сообщались.

В северо-западной части оборонительной конструкции были выявлены остатки южной стены угловой башни, ориентированной по линии запад – восток. Во

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» (анализ материалов ОАН «Удинский острог»).

внутренней части башни, у юго-западного угла, сохранился фрагмент деревянного настила из плах. Восточная стена башни представлена фрагментом нижнего венца. На расстоянии 2,1 м от внутренней стены тарасов фиксируется юго-восточный угол башни. Вход в башню отмечен разрывом в 70 см в южной стене башни на уровне второго венца (ближе к юго-восточному углу башни).

Уникальным результатом по праву можно считать выявление за пределами острожной стены остатков православного некрополя, представленного тремя группами погребений. В первой могиле были погребены четыре человека: мужчина, женщина, девушка и ребенок, трое находились на уровне одного горизонта, четвертый находился выше, составляя ярусное захоронение. Захоронения в деревянных колодах, головой ориентированы на запад, с незначительным отклонением на юг. У мужчины и женщины ноги были в кожаной обуви простого кроя, без подошвы. Ноги девушки и ребенка были накрыты тканью. Во второй могиле были погребены два человека: мужчина и женщина. Мужское погребение в колоде, женское в дощатом гробу. Оба погребения ориентированы на запад, ноги мужчины были в такой же обуви, как в предыдущем погребении. От третьей могилы сохранились только нижние конечности, погребение было совершено в дощатом гробу, ориентировано также на запад. Все погребения совершены по православному обряду, отсутствие сопроводительного инвентаря, в том числе нательных крестов, затрудняет датировку погребений. Однако можно предположить, что это кладбище первых жителей Удинска, относящихся ко второму или третьему поколению.

Археологические работы 2016 г. позволили получить принципиально новые сведения по архитектуре оборонительной стены Удинского острога, достоверно установить и задокументировать наличие тарасной конструкции. Было зафиксировано наличие православного некрополя под стенами острога. В 2018 г. планируется продолжение спасательных археологических работ на этом интереснейшем памятнике археологии.

Позднепалеолитическая многослойная стоянка «Ошурково» (муниципальное образование «Иволгинский район» Республики Бурятия). Археологической экспедицией ИМБТ СО РАН в 2016 г. были проведены спасательные археологические работы на участке «км 432 – км 433» автомобильной дороги Р-258 «Байкал», у с. Ошурково. Памятник археологии состоит на государственной охране в соответствии с Постановлением Совета Министров Бурятской АССР № 379 от 29.09.1971 г. Объект археологического наследия был выявлен А. П. Окладниковым в 1951 г. Как первый стратифицированный памятник Забайкалья поселение Ошурково получило достаточно широкую известность. Оно включено в справочно-монографическое издание «Палеолитические местонахождения СССР» (1960 г.) и в соответствующие разделы книг «Палеолит СССР» (1984 г.) и «Палеолит Северной Азии» (1989 г.). На протяжении нескольких лет (1986, 1988 и 1990 гг.) работала археологическая экспедиция Забайкальского государственного педагогического университета под руководством М. В. Константинова, которая выявила участок хорошо выраженного культурного горизонта и тем самым показала недостоверность сведений о полном разрушении объекта [Константинов, 1994, с. 100–101].

В 2016 г. археологические спасательные работы велись в четырех раскопах вдоль автомобильной дороги. В раскопе № 1 первый литологический слой (пылеватые супеси темно-каштанового цвета) является мощным

культуросодержащим горизонтом погребенной почвы. В верхней части слоя представлен горизонт с большим количеством мелких разбитых костей и несколькими обломками шлака, немногочисленным керамическим материалом. Горизонт отнесен к бронзовому веку. Нижняя часть литологического слоя представлена мелкими фрагментами керамики и костного материала. Отсюда же происходят два мелких обломка гарпунов из кости с двусторонним расположением зубцов и обломок кончика гарпуна. По характеру материала и керамики горизонт отнесен к среднему неолиту. Во втором литологическом слое в нижней его части определен третий культурный горизонт раннеолитического времени, в котором зафиксированы только единичные каменные артефакты. Третий литологический слой, представленный пылеватыми лессовидными супесями белесоватого цвета за счет сильной карбонатизации, содержит четвертый археологический горизонт. Среди находок представлены каменные артефакты и костный материал. Каменная индустрия включает нуклеидные изделия, нуклеусы, пластинки и микропластинки, отщепы. Характер каменной индустрии предполагает финально палеолитический возраст горизонта. С нижней частью пятого литологического слоя связан следующий культурный горизонт. Материалы включают костные остатки животных, в том числе рог благородного оленя, а каменная индустрия представлена нуклеусами для микропластин, микропластинками, пластинками и отщепами. Шестой литологический слой характеризуется как толща переслаивающихся супесей, мощных илистых и песчаных прослоек, содержащая очередной культурный горизонт, представленный крупными фрагментами костей с выраженными следами раскальвания, единичные артефакты представлены галькой-отбойником и отщепом.

В раскопе № 2 в нижней части первого литологического слоя были найдены фрагменты керамики посольского типа с отпечатками заглаженного шнура на тулове. Подобная керамика в Байкальском регионе встречается широко и относится к развитому неолиту (около 5–6 тыс. л.н.). Также в раскопе было зафиксировано скопление мелких отщепов и микроотщепов из халцедона, из орудий представлены костяная игла и два наконечника, обработанных мелкой двусторонней ретушью. В одном из квадратов раскопа зафиксирован мощный проквал, но явных следов очажных конструкций выявлено не было. Среди продуктов расщепления найдены заготовки торцовых клиновидных нуклеусов, выполненные из светлого эффузива, а также большое количество микропластинок из этой же породы. Такое сырье хорошо известно в серии стоянок-мастерских близ деревни Мухор-Тала и на стоянке Каменка у села Новая Брянь, расположенных в Заиграевском районе. Уникальной находкой можно назвать костяную рукоять с пазом для фиксации каменного ножа.

В раскопе № 3 обнаружены фрагменты тонкостенной неолитической керамики без орнамента. По предварительной оценке Н. В. Цыденовой, находки отнесены к ранним этапам неолита. В раннеголоценовом гумусированном почвенном горизонте также зафиксировано мощное скопление продуктов каменного расщепления. Всего насчитывается свыше одной тысячи предметов, в том числе микросколов, многие предметы группируются внушительными скоплениями по несколько десятков и иногда сотен предметов. Орудия здесь незаметны, за исключением нескольких микропластинок с краевой ретушью. Первичное расщепление представлено заготовками торцовых клиновидных нуклеусов.

В сильно карбонатизированных, белесого цвета, лессовидных супесях зафиксировано еще одно скопление материала, представленного торцовыми клиновидными нуклеусами, оббитыми гальками, срединно-трансверсальными резцами, плоскостными нуклеусами для пластин на гальках, а также многочисленными сколами, пластинами и пластинчатыми сколами. Основная часть находок концентрировалась в полигональных трещинах, часть же из них зафиксирована на буграх пучения.

В раскопе № 4 зафиксировано два скопления керамики, относящейся к посольскому типу. Также весьма интересным представляется обнаружение клада каменных изделий из халцедона, кварцита и иной экзотической каменной породы. Изделия лежали на разных высотах в пределах нескольких сантиметров, но явно составляли единый комплекс, интерпретируемый как депозит, т.е. намеренное скопление изделий из импортного сырья, оставленный на площади стоянки древним человеком. В целом, раскопки ошурковского комплекса показали совсем другое «лицо» памятника, отличное от того, что было представлено в опубликованных материалах.

Херексуры – раннесредневековые курганы «Верхний Бургалтай» (муниципальное образование «Джидинский район» Республики Бурятия). В 2016 г. археологической экспедицией ИМБТ СО РАН проведены спасательные археологические раскопки на части территории объекта археологического наследия «Херексуры – раннесредневековые курганы «Верхний Бургалтай» в зоне строительства подъезда от автомобильной дороги Петропавловка – Закаменск к улусу Верхний Бургалтай, км 0+000 – км 4+480 в Джидинском районе Республики Бурятия. Объект археологического наследия состоит на государственной охране в соответствии с Постановлением Совета министров Бурятской АССР № 134 от 26.05.1983 г. Объект археологического наследия был выявлен Е. А. Хамзиной в 1977 г. Памятник археологии находится южнее улуса Верхний Бургалтай, к северу от автотрассы Улан-Удэ – Закаменск. К раскопкам был определен один из курганов, расположенный наиболее близко к полотну автомобильной дороги. После расчистки кладка херексура приняла следующий вид. Насыпь херексура по краям имела развал местами до 2 м. Развал образовался в результате естественного разрушения насыпи. Насыпь херексура не содержала камеру или цисту. Разрез показал, что все составные части херексура – сохранившаяся часть оградки и насыпь – залегали на уровне древнего горизонта. В результате проведенных работ установлено, что курган не содержит захоронение, т.е. является «кенотафом».

Реконструируемые параметры кургана-херексура по результатам раскопок: предполагаемый диаметр внешней круглой оградки – 17 м, диаметр каменной насыпи – 10 м. Внешняя оградка сохранилась частично. Можно отметить лишь, что, очевидно, рассматриваемый херексур относится ко второму типу: центральная насыпь курганного типа окружена оградой круглой формы, насыпь соединяется с оградой каменной вымосткой-дорожкой (по типологии разработанной А. Д. Цыбиктаровым [Цыбиктаров, 1995, с. 37]).

Археологическая коллекция, полученная в результате спасательных полевых археологических раскопок херексура, насчитывает в своем составе семь экземпляров и представлена предметами украшения из минералов. Все предметы были обнаружены в одном скоплении и составляют единый комплекс: халцедоновая

крупная бусина шарообразной формы, три когтевидные подвески, бусина прямоугольной формы, фрагмент подвески трапециевидной формы, бусина из флюорита или турмалина. Некоторые из артефактов характерны для культуры хунну: подвески когтевидных и трапециевидных форм.

Смешанный могильник «Усановка» и палеолитическая стоянка «Усановка» (муниципальное образование «Закаменский район» Республики Бурятия). В 2017 г. археологической экспедицией ИМБТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки в зоне «Строительства автодороги «подъезд к с. Усановка от автодороги Гусиноозерск – Петропавловка – Закаменск – граница с Монголией в Закаменском районе РБ» на территориях выявленных объектов археологического наследия. В ходе производства археологических работ было заложено пять раскопов на участках первой и второй группы каменных кладок могильника. Раскоп № 1 был заложен на месте, где каменная конструкция кладки была уже срезана бульдозером. Могильное пятно не зафиксировано. В раскопе было обнаружено лишь два случайных фрагмента керамики позднего средневековья. Раскоп № 2 был заложен над каменной конструкцией овальной формы, сложенной из обломков базальта. Могильное пятно не зафиксировано. Раскоп оказался в археологическом отношении стерильным. Раскоп № 3 был заложен над кладкой овальной формы, сложенной из обломков базальта. Могильное пятно не зафиксировано. Раскоп оказался в археологическом отношении стерильным. Раскоп № 4 был заложен над кладкой округлой формы, сложенной из обломков базальта. Могильное пятно не зафиксировано. Раскоп оказался в археологическом отношении стерильным. Раскоп № 5 был заложен над каменной конструкцией подпрямоугольной формы, сложенной из обломков базальта. Могильное пятно не зафиксировано. Раскоп оказался в археологическом отношении стерильным. Несмотря на отрицательные результаты, каменные кладки или кластоформы тем не менее являются искусственными сооружениями, но они не связаны с захоронением людей.

Археологические исследования по установлению наличия культурного горизонта проводились на территории, где ранее В. И. Ташаком были зафиксированы подъемные археологические материалы. Основной участок концентрации подъемных археологических материалов располагался на распахиваемой ранее площади между планируемой автодорогой, ведущей от автодороги Улан-Удэ – Петропавловка – Закаменск к с. Усановка, и существующей грунтовой дорогой, проходящей по краю ложбины, устьем направленной к левому берегу р. Джиды.

Непосредственно в ходе установления наличия культурного археологического горизонта на указанной территории были проведены земляные работы на площади 21 м². Археологическими изысканиями выявлено типологически общее стратиграфическое строение осадочных толщ на рассматриваемом участке. В отдельных случаях наблюдаются вариации по мощности отдельных стратиграфических подразделений и включенности в их состав гравийно-дресвяничных линз и прослоев.

Основная масса находок представлена костными остатками четвертичных животных (около 200 ед.), среди которых преобладают неопределимые обломки и осколки костей различного размера. Значительная часть костного материала несет на себе следы воздействия каменными орудиями. Каменные артефакты представлены в меньшем количестве (20 экз.), в подавляющем

большинстве они представлены фрагментами отщепов и неопределимыми обломками, что затрудняет их культурную идентификацию. Только один артефакт может быть привлечен для определения периода функционирования древней стоянки – леваллуазский нуклеус. Нуклеусы леваллуаклассического типа, по мнению В. И. Ташака, на территории Забайкалья и Монголии фиксируются в археологических слоях, датируемых концом среднего палеолита и ранним верхним палеолитом. Исходя из этого факта, можно предполагать такой же возраст для рассматриваемого культурного горизонта. Местонахождение артефактов каменного века квалифицируется как временная стоянка древнего человека. Верхний культурный горизонт стоянки был разрушен в результате многолетней вспашки, в нижних же слоях культурный слой сохранился и представлен палеоантропологическими и каменными материалами.

По результатам многолетних государственных историко-культурных экспертиз сформирован своеобразный «портфель заказов» по спасательным археоло-

гическим раскопкам: это, прежде всего, объекты археологического наследия, расположенные в зонах планируемого строительства и ремонта автомобильных дорог, а также в особых экономических зонах туристско-рекреационного типа. Институт намерен выступить исполнителем спасательных работ по всем без исключения объектам, для чего, конечно же, приложит максимум необходимых усилий в борьбе за обеспечение сохранности археологического наследия Республики Бурятия.

В заключение скажем, что, с одной стороны, актуализация направления «спасательная археология» в деятельности ИМБТ СО РАН, безусловно, связана с необходимостью поиска источников самофинансирования, но, с другой, на современном этапе развития науки спасательная археология теснейшим образом связана с проблемно-ориентированными исследованиями академической археологии, поскольку имеется постоянная обратная связь между развивающейся археологической теорией и методикой и реальностями «контрактной археологии».

Литература

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Совместное издание Института общественных наук БНЦ СО РАН и Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. Улан-Удэ; Чита, 1994. 179 с.

Цыбиктаров А. Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 37–46.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ¹

В статье подводятся итоги палеоантропологического изучения Республики Бурятия. Обосновывается необходимость использования палеоантропологических данных в изучении этнокультурных процессов. Рассматриваются данные современных исследователей по краниологии и палеогенетике региона.

Ключевые слова: палеоантропология; Бурятия; неолит; бронзовый век; хунну; эпоха средневековья; центральноазиатская раса; байкальская раса; метисация; миграции.

Alexey Ignatievich Buraev
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
 Ulan-Ude, Russian Federation

PALEOANTHROPOLOGICAL RESEARCH IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The author summarizes the results of the anthropological studies of the Republic of Buryatia. It is necessary to use paleoanthropological data in studying ethnocultural processes. The data of modern researchers on a craniology and a paleogenetics of the region are also considered.

Keywords: paleoanthropology; Buryatia; Neolithic age; Bronze age; Xiongnu; Middle ages; centralasian race; Baikal race; metization; migration.

История российских регионов при ее локальном рассмотрении не в последнюю очередь связана с развитием науки в отдельных административных или территориальных образованиях. Действительно, те регионы, где не бьется научная мысль, где нет соответствующей инфраструктуры, выглядят, как минимум, отстающими от других и даже ущербными. Это относится как ко всей науке, так и к отдельным ее областям. Среди гуманитарных наук антропология занимает свое определенное место. В настоящей работе мы обратимся к палеоантропологическим исследованиям в Республике Бурятия. Подчеркнем особое место палеоантропологии в историческом анализе. Язык, материальные и духовные ценности, даже название народа могут меняться без генетических контактов их носителей. Изменения же в антропологическом составе какой-либо территории неопровержимо свидетельствуют о появлении здесь нового, отличающегося от предшественников, населения.

Кроме того, нельзя не учитывать и бурное развитие в XXI в. генетических методов, используемых, в том числе, и для исторических реконструкций. Отметим, что палеогеномный анализ нуждается в четкой территориальной, археологической и антропологической идентификации исследуемых материалов. Иначе достаточно трудоемкие и дорогостоящие исследования теряют какой-либо исторический смысл. С другой стороны, данные генетического анализа по древним популяциям нуждаются в исторической и, в первую очередь, археолого-антропологической интерпретации. Таким образом, для плодотворных палеогенетических исследований необходимы скрупулезные палеоантропологические данные. Итак, исходя из тематической приуроченности настоящего сборника, в статье дан историографический анализ палеоантропологических исследований на территории Республики Бурятия со времени ее образования (1923 г.) по настоящее время.

К настоящему времени в научный оборот введены репрезентативные краниологические материалы с территории Бурятии. Хронологически они распределяются от эпохи неолита до эпохи средневековья включительно. Начаты палеогенетические исследования. В хроно-

логические рамки предлагаемой статьи не входят исследования основоположника бурятской антропологии Ю. Д. Талько-Грынцевича, возглавлявшего в конце XIX в. Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества. Однако формально его последняя работа опубликована в 1928 г. [Талько-Грынцевич, 1928]. Автор собрал значительную коллекцию из 73 древних черепов и дал первую научную интерпретацию полученных данных. Не все выводы исследователя согласуются с современными представлениями о периодизации древней истории края. Так, не подтвердилась данная им датировка плиточных могил Бурятии. В то же время автор правильно идентифицировал палеоантропологические материалы по хунну.

Также автором были исследованы средневековые материалы из монгольских могильников в бассейне Селенги. На современном ему уровне археологического изучения Забайкалья исследователь не мог сколько-нибудь точно датировать изученные материалы, но справедливо определил их как более поздние, чем хуннские. Роль и значение работ Ю. Д. Талько-Грынцевича были всесторонне оценены в статье И. И. Гохмана «Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества» [Гохман, 1977].

Г. Ф. Дебеч в своей фундаментальной палеоантропологической сводке обобщил все известные на тот момент данные, в том числе, и с территории Бурятии [Дебеч, 1948]. Им также были поставлены существенные вопросы расо- и этногенеза на всей территории циркумбайкалья. В своих ранних работах по этой проблематике он указывал на несомненное наличие европеоидной примеси у неолитического населения Прибайкалья [Дебеч, 1948]. Позднее им же было высказано неожиданное предположение о протоморфном монголоидном типе у неолитических племен Прибайкалья, характеризующимся сочетанием монголоидных и европеоидных особенностей. Разрешение этого вопроса Г. Ф. Дебеч поставил в зависимость от степени выраженности монголоидного комплекса признаков к востоку и северо-востоку (в том числе и на территории Бурятии) от При-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (ХП.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

байкаль (Иркутская область) [Дебеч, 1951, с. 90–91]. При изучении материалов хуннского времени Георгий Францевич Дебеч, исходя из мезокрании серии, резко выделяющей ее на фоне брахикранного населения региона, предположил, что хунну Забайкалья не являются прямыми потомками населения предшествующей стадии [Дебеч, 1948, с. 123].

В обобщающем труде «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебеч объединил средневековые материалы Ю. Д. Талько-Грынцевича со своими из могильника у с. Зарубино, датировав всю серию XIII–XIV вв. [Дебеч, 1948, с. 202]. Кроме этой объединенной группы, средневековое население Прибайкалья и Забайкалья представлено в работе серией VIII–X вв. из раскопок Г. П. Сосновского, также в бассейне Селенги, и опубликованной ранее (1934) серией XIII–XIV вв. из Тунки (раскопки Б. Э. Петри). В статье 1934 г. Г. Ф. Дебеч без сомнения отнес тункинские черепа к южносибирскому типу, отметив их необыкновенно крупные размеры. Западнобайкальские серии VII–X и XIII–XIV вв. не были связаны с каким-либо конкретным расовым типом [Дебеч, 1948, с. 199–203]. В то же время к черепам XIII–XIV вв. ближе всего оказались черепа VIII–X вв., которые обнаружили наибольшее сходство с тувинскими из современных монголоидных серий. Сравнивая все три серии между собой, исследователь констатировал неоднородность средневекового населения региона в пределах рас второго порядка.

Весомый вклад в изучение древностей с территории Бурятии внес М. М. Герасимов [Герасимов, 1975]. Исследователь пришел к выводу о протоморфности антропологического типа неолитического населения всего байкальского региона [Герасимов, 1955]. Необходимо особо отметить значимость для науки и, что немало важно, для популяризации антропологических знаний реконструкционных работ по восстановлению облика древних обитателей региона по черепам, осуществленных исследователем [Герасимов, 1955] и продолжаемых и развиваемых далее, в том числе и для Бурятии (Фофановский могильник), его учениками [Антропологические типы..., 1988].

Череп эпохи неолита – ранней бронзы с территории Прибайкалья и Забайкалья изучал М. Г. Левин, выводы которого сохраняют свое значение и на сегодняшний день [Левин, 1958]. Исследователь блестяще аргументировал гипотезу о присутствии европеоидной примеси у древнего населения Прибайкалья [Левин, 1958, с. 155–165]. Непреходящее значение имеют разработки М. Г. Левина о генезисе байкальской и центральноазиатской групп популяций.

Трудно переоценить значение работ И. И. Гохмана для антропологического изучения Забайкалья. Кроме скрупулезного анализа неолитических и энеолитических черепов автором даны полная антропологическая характеристика и историческая интерпретация краниологических материалов из плиточных могил [Гохман, 1958; 1967; 1980]. Исследователь генетически связывает носителей культуры плиточных могил с предшествующим населением эпох неолита – ранней бронзы и с последующими им средневековыми племенами, через представителей культуры хуннского времени, в антропологический состав которых потомки плиточников вошли как численно преобладающий компонент [Гохман, 1977, с. 163; 1980, с. 29]. В то же время И. И. Гохманом зафиксирован европеоидный компонент в составе хуннской серии [Гохман, 1977, с. 162–163]. В обобщающей монографии, подготовленной и опублико-

ванной совместно с В. П. Алексеевым, авторы предположили возможность генетических контактов хунну и с населением Дальнего Востока [Алексеев, 1984, с. 69]. Значительное внимание исследователь уделил и генезису центральноазиатской расы, выдвинув гипотезу об ее происхождении в результате метисации байкальской расы с европеоидами [Гохман, 1980]. Подробнее взгляды И. И. Гохмана изложены в статье автора настоящей работы «Антропологическое изучение Байкальского региона в трудах И. И. Гохмана» [Бураев, 2004].

Палеоантропологическая коллекция с территории Республики Бурятия значительно возросла благодаря работам Н. Н. Мамоновой [Мамонова, 1957; 1961; 1974]. Автором была введена в научный оборот неолитическая серия с территории исследования [Мамонова, 1957]. Исследования Н. Н. Мамоновой способствовали также формированию серий хунну [Мамонова, 1974] и средневековых кочевников Забайкалья IX–XIII вв. [Мамонова, 1961]. Автор, объединив свои материалы с данными Г. Ф. Дебеча, выделила два краниологических варианта среди забайкальских кочевников IX–XIII вв., первый из которых сближается с центрально-азиатской расой, второй, намного преобладающий численно, с байкальской. На изученных краниологических материалах эпохи средневековья исследователь не обнаруживает каких-либо следов европеоидной примеси.

На современном этапе антропологические исследования в регионе продолжают, в том числе, и автором предлагаемого сообщения. На основании результатов предшественников, исходя из новых археологических данных и собственных измерений, была предложена оригинальная версия антропологической ситуации в эпоху средневековья на территории Прибайкалья и Забайкалья. Впервые была зафиксирована европеоидная примесь в антропологическом составе средневекового населения Бурятии. На основании значительного сходства, если не сказать идентичности, монгольских серий X–XIV вв., сделан вывод о формировании здесь в указанный период единой антропологической общности. Автор присоединился к концепции И. И. Гохмана о формировании центральноазиатской расы в результате смешения монголоидов байкальского типа с европеоидами [Бураев, 2000]. В дальнейшем была составлена палеоантропологическая сводка по материалам от эпохи неолита по эпоху средневековья включительно. Полученные данные определенно продемонстрировали значительную интенсивность миграционных процессов в регионе. С другой стороны, прослеживается антропологическая преемственность населения от эпохи неолита до настоящего времени, что позволяет предполагать наличие сильных гомеостатических тенденций на территории исследования. По-видимому, главным фактором этнической стабильности, несмотря на всю значительность миграционных процессов, явилось сохранение части населения на территории региона, чему явно способствовали географические условия [Бураев, 2006].

Продолжились и антропологические исследования в Забайкалье (Фофановский могильник). Проанализировав китайские черепа из раскопок 1959 г., коллектив авторов отнес их к недифференцированному архаичному варианту большой монголоидной расы, признав этот вывод не столь очевидным при добавлении к серии недавно исследованных черепов [Палеоантропологическое исследование..., 2010, с. 119]. Характеристика глазковской серии не изменилась.

В настоящее время начались палеогенетические исследования в Республике Бурятия. Так, в 2011 г. был

изучен генофонд митохондриальной ДНК хунну Западного Забайкалья [Генофонд митохондриальной ДНК ..., 2011]. Всего исследовано 12 образцов ДНК из 4 могильников с территории Бурятии. По полученным данным авторы выделяют три компонента в составе генофонда хунну: собственно центральноазиатский (он же южно-сибирский); связанный с Юго-Восточной Азией (Китай); переднеазиатский. На основании археологических аналогий и данных одонтологии, по материалам из могильника Ноин-Ула в Монголии дано аргументированное подтверждение реальности выявившихся генетических связей между столь географически отдаленными (Передняя Азия и Забайкалье) группами населения [Генофонд митохондриальной ДНК ..., 2011, с. 224].

Суммируя результаты палеоантропологического изучения Бурятии, необходимо отметить ряд существенных достижений. Введены в научный оборот репрезентативные антропологические материалы, дана историческая и расогенетическая интерпретация полученных данных. Выявлена гетерогенность антропологического состава на всем протяжении этнической истории региона. В то же время отмечено наличие генетической

преемственности между населением сменяющих друг друга исторических периодов. С другой стороны, остаются нерешенными некоторые актуальные вопросы этногенетической истории региона. Не определена конкретная область происхождения европеоидных племен, осуществивших масштабную миграцию на территорию исследования в эпоху бронзы. Не выявлены генетические корни различных племен, входивших в хуннский конгломерат. Для средневековой истории края остаются невыясненными окончательно взаимоотношения племен тюркского и монгольского периодов.

Ответ на многие дискуссионные вопросы могут дать генетические исследования, разворачивающиеся на территории Республики Бурятия в совместных проектах российских и зарубежных ученых. В настоящее время ИМБТ СО РАН и Центром молекулярной анатомии и синтеза изображений Тулузского университета разрабатывается совместный российско-французский проект палеогенетических исследований; осуществляются российско-японские палеогеномные исследования ИМБТ и университетом г. Канадзава.

Литература

- Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Антропологические типы древнего населения на территории СССР. М.: Наука, 1988. 208 с.
- Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 127 с.
- Бураев А. И. Антропологическое изучение Байкальского региона в трудах И.И. Гохмана // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История и востоковедение. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2004. Вып. 9. С. 197–209.
- Бураев А. И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 212 с.
- Пилипенко А. С., Полосьмак Н. В., Коновалов П. Б., Журавлев А. А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. XVII. № 1. С. 222–225.
- Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М., 1955. 585 с.
- Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 18. С. 428–443.
- Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л.: Наука, 1977. Вып. VII. С. 158–164.
- Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 5–34.
- Гохман И. И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов в Забайкалье // Советская этнография. 1967. № 6. С. 95–100.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 204 с.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 36. 359 с.
- Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье // Зап. БКНИИ. 1957. Вып. 23. С. 118–135.
- Мамонова Н. Н. Кочевники Забайкалья IX–XIII вв. по данным палеоантропологии // Антропологический сборник. М., 1961. Т. LXXI. С. 207–241.
- Мамонова Н. Н. К антропологии гуннов Забайкалья: (По материалам могильника Черемуховая падь) // Расогенетические проблемы в этнической истории. М., 1974. С. 201–228.
- Герасимова М. М., Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Фризен С. Ю., Жамбалтарова Е. Д. Палеоантропологическое исследование Фофановского могильника (Забайкалье) эпохи неолита – энеолита // Вестник антропологии. 2010. № 18. С. 113–127.
- Жамбалтарова Е. Д., Герасимова М. М., Васильев С. В., Боруцкая С. Б. Ранненеолитические погребения Фофановского могильника (по данным археологии и палеоантропологии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. С. 90–96.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Бурятияведение. Верхнеудинск, 1928. № 1-3 (5-7). С. 91–103.

ДРЕВНОСТИ БУРЯТИИ: НАУКА, КУЛЬТУРА, ТУРИЗМ

Для этнокультурного развития региона необходимо объединить усилия науки, культуры и туризма. Весомый эффект дает включение памятников археологии в туристические маршруты. Важно создать историко-археологический музей на Иволгинском городище хунну. На Санном мысе на Уде необходима реконструкция палеолитического жилища. Остается в забвении Иволгинский олений камень, который мог бы стать национальным символом Бурятии. Приметна инициатива по восстановлению древней антропоморфной скульптуры на берегу озера Ножий в Агинском бурятском округе.

Ключевые слова: памятники археологии; туристические маршруты; историко-археологический музей.

Konstantinov Mikhail Vasilyevich
 Transbaikal State University
 Chita, Russian Federation

ANCIENT BURYATIA: SCIENCE, CULTURE, TOURISM

It is necessary to unite the efforts of science, culture and tourism for the ethno-cultural development of the region. A significant contribution is provided by the inclusion of archeology monuments in tourist routes. It is important to create a historical and archaeological museum on the Ivolginskiy site of the Xiongnu. The reconstruction of the Paleolithic dwelling is necessary on the Sanniy Cape at Uda. The Ivolginsky deer stone remains in oblivion; it could become a national symbol of Buryatia. An initiative to restore ancient anthropomorphic sculpture on the shores of Lake Nozhiy in the Agin-Buryat Okrug is conspicuous.

Keywords: archeological monuments; tourist routes; historical and archaeological museum.

За полвека изучения древностей Бурятии у меня сформировались отчетливые представления о достижениях и проблемах как в научной области, так и в сфере охраны памятников в соотношении с организацией туризма. В Бурятии весьма привлекательны Байкал, буддийские храмы, Этнографический музей народов Забайкалья, экзотика пограничной Кяхты. На мой взгляд, в туристические маршруты вполне могли бы быть включены археологические памятники, являющиеся яркими свидетелями ранних этапов этнокультурной истории. На восточном берегу Байкала туристы с большим интересом знакомятся с Посольским монастырем, его архитектурой и сопутствующими историческими памятниками. По соседству, в устье речки Большой, находится древнее поселение Посольское. На поселении обитали рыболовы и охотники эпохи неолита и бронзы. В культурных отложениях выявлены хозяйственные ямы с прослоями омулевой чешуи, выразительные орудия из камня и бронзы, богатая керамическая посуда [Константинов, 1995]. Ныне над поселением нависла угроза исчезновения, так как его территория вовлекается в пределы сельского кладбища. В не менее сложном положении находится мезолитическое поселение Ошурково, расположенное на левом берегу Селенги, на окраине одноименного села. На поселении найдены древнейшие для региона гарпуны и спицы для вязания сетей, многочисленные кости рыб и почти 3 тыс. каменных изделий. Основная часть поселения уничтожена автотрассой Улан-Удэ – Иркутск. Но в последнее время усилиями археологов БНЦ на поселении выявлен новый представительный участок. Вполне возможно посещение туристами древних памятников Посольского и Ошурково. Они станут особенно привлекательными при условии организации систематических научных раскопок и летних выставок нового археологического материала. Средства на исследование памятников древности могут выделяться туристическими организациями. Планомерное изучение поселения древних обитателей Ошурково окажет положительное воздействие на социокультурную сферу пригородного села. Пока же мимо села, не

останавливаясь, проносится огромный поток машин в восточную и западную стороны.

Уникальный археологический комплекс располагается в Хоринском районе, на горе Тапхар. Центральным объектом исторического наследия является палеолитическое поселение, выявленное на южном окончании этой горы, известном как Санный мыс. Под скальным останцем расчищено основание жилища с обкладкой из 108 камней и черепом шерстистого носорога, прикрывающим вход [Константинов, 1994]. После окончания раскопок камни жилища были закреплены цементным раствором. В таком музеефицированном виде жилище, возраст которого около 20 тыс. лет, сохранялось более четырех десятилетий, но ныне в связи с полным отсутствием внимания разрушилось. Возможно восстановление жилища на месте или же перенос кладки жилища с созданием диорамы в Этнографическом музее. В первом варианте палеолитическое жилище на Санном мысе может посещаться туристами, направляющимися, например, в Кижингинский дацан. На той же горе Тапхар находится немало представительных плиточных могил, огромных керексуров и малых курганов, о которых население представления почти не имеет. При должном экскурсионном обслуживании, а тем более при организации новых раскопок гора Тапхар может стать объектом для специальной познавательной экскурсии. Тем более, что сама гора занимает центральную позицию в обширной Удинской впадине и является геологическим останцем обтекания. С нее открываются изумительные виды на десятки километров во все стороны света. Все перечисленные выше древние памятники – Посольское, Ошурково, Санный мыс – открыты академиком А. П. Окладниковым [Окладников, 1975; 1976]. На 2018 год приходится 110-летний юбилей выдающегося ученого, что предполагает организацию конференций, выставок и издание избранных трудов по истории и культуре Бурятии.

Особую этнокультурную тему составляют памятники хунну. На территории Улан-Удэ находится Иволгинское городище, в котором хунну обитали три века

[Давыдова, 1985]. Поднимался вопрос о том, что историю столицы Бурятии возможно начинать с этого поселения. Дело остается за малым: необходимо организовать впечатляющий историко-археологический музейный комплекс у подножия Тологая, который не оставит сомнений в том, что Иволгинское городище было северной столицей Империи хунну. В 2011 г. этот музей мог бы стать центром проведения мероприятий, посвященных 125-летию открытия памятников хунну в Бурятии. Приобщение хунну к этнокультурной истории принадлежит врачу и краеведу, активному члену Географического общества Ю. Д. Талько-Грынцевичу [Эйльбарт, 2003]. В Польше, на родине учёного, изданы его двухтомные мемуары. Несколько глав в них посвящены Забайкалью [Talko-Hryniewicz, 1930; Талько-Грынцевич 2000; Константинов, 2002]. Найдётся ли издательство, которое опубликует уникальный и почти неизвестный в России труд учёного?

В забвении остается один из важнейших памятников древней Бурятии – Иволгинский олений камень. Он был открыт в 1856 г. учителем и поэтом Д. П. Давыдовым и затем перемещен в Иркутск. Совершенно странным является то, что эта величественная стела совершенно неудачно размещена в теневой зоне у входа в музей, позеленела от сырости, весьма излишне (на одну треть) заглублена, закрыта от обзора рекламными щитами и не имеет никакого этикетажа. Иволгинский олений камень – это высокохудожественный памятник истории и культуры, своеобразное отражение круговорота жизни и смерти, заботы о здравствующих и почитании усопших. По-настоящему его место там, где он первоначально находился, т.е. примерно в 24 км южнее Улан-Удэ по трассе, ведущей к Селенгинску, под жар-

ким забайкальским солнцем, излечивающим от сырости и разрушения. Этот памятник, соединяющий древнюю мифологию с буддизмом, а вместе с тем находящий своеобразные отзвуки в библейском Экклезиасте («Время родиться и время умереть..., Время разрушать и время строить...») мог бы стать национальным символом Бурятии, объединяющим веры, времена и народы [Константинов, 2015].

Заметим, что близкий по характеру памятник появился на бурятской этнической территории, в Агинском округе. По инициативе сотрудников Агинского окружного краевого музея с опорой на знания стариков откопана из грунта и установлена на высоком берегу озера Ножий весьма выразительная антропоморфная фигура, явно связанная с соседними плиточными могилами. Эта древняя статуя стала местом паломничества населения Агинского округа. Особенно активное посещение приходится на время прилета на озеро белых лебедей, на дни последних школьных звонков. Сюда прибывают свадебные кортежи. Здесь читаются буддийские молитвы и совершаются обряды шаманов. Вокруг уникального камня рождается новая мифология, под которую подводятся исторические традиции. Статуя связывается с именем Чингис-хана и соотносится по значимости с Чингисовым камнем-котлом, расположенным в часовом по времени путешествии по асфальтированной трассе к берегу Онона. Этому позитивному этнокультурному явлению необходимо научное сопровождение, представленное в доступной для населения форме. Соединение науки, культуры и туризма в комплексной программе «Древности Бурятии» внесет достойный вклад в этнокультурное развитие Республики Бурятия.

Литература

- Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. 111 с.
- Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: к Всемирному археологическому конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ – Чита: Ин-т общественных наук БНЦ СО РАН; Читинский госпединститут, 1994. 264 с.
- Константинов М. В., Базарова Л. Д., Семина Л. В. Древнее поселение Посольское (новые материалы) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 18–65.
- Константинов М. В. Оракулы веков. Этюды об исследователях Сибири. Изд. 2-е, исп. и доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. 105 с.
- Константинов М. В. Олений камень как гуманистический символ древних этносов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2015. Т. 13. С. 18–24.
- Окладников А. П. Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1975. С. 6–20.
- Окладников А. П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Сибирские страницы жизни / Пер. с польского и пред. Н. В. Эйльбарт. Чита: Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та, 2000. 96 с.
- Эйльбарт Н. В. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич – исследователь Забайкалья. М.: Наука, 2003. 167 с.
- Talko-Hryniewicz J. Z przeżytych dni. Warszawa, 1930. 320 s.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

В статье рассматриваются взаимоотношения древних культур Западного Забайкалья с сопредельными территориями в эпоху бронзового века – времени появления и развития металлургии меди, а также формирования скотоводства как основного вида хозяйственной деятельности в степных и лесостепных районах. Автор выделяет изделия из меди и бронзы, являющиеся маркирующим материалом, позволяющим проследить типологическое сходство предметов различных культур, распространению которых по Евразийскому пространству способствовал кочевой уклад жизни древнего населения.

Ключевые слова: археология; бронзовый век; древние культуры; Забайкалье.

Simukhin Alexander Ilyich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

INTERCULTURAL COMMUNICATIONS OF THE POPULATION OF THE WESTERN TRANSBAIKAL

The article investigates the relations between the ancient cultures of Western Transbaikalia and adjacent territories during the Bronze Age – the time of appearance and development of copper metallurgy, as well as the formation of cattle breeding as the main type of economic activity in the steppe and forest-steppe regions. The author emphasizes goods of copper and bronze, which mark the typological similarity of objects of different cultures. The nomadic way of life of the ancient population promoted their extension through the Eurasian space.

Keywords: archaeology; Bronze Age; ancient cultures; Transbaikalia.

В бронзовом веке произошло резкое расширение культурных и этнических связей между древними племенами и народностями, охватившее весь евразийский пояс, включая Забайкалье, Монголию, Алтай, Среднюю Азию, степи Восточной Европы. Население эпохи бронзы оставило после себя на территории Бурятии многочисленные археологические памятники, типологически разделенные на поселения и стоянки, могильники, оленные камни, наскальные рисунки-петроглифы, жертвенно-ритуальные комплексы. Памятники горного дела и металлургии до настоящего времени не сохранились, все они почти полностью разрушены, потому как открытие месторождений металла в период освоения Сибири проходило по следам «чуждских» копей, в которых находили каменный и медный горный инвентарь, древние плавильные печи, шлаковые отвалы. Информации, касающейся древней выплавки металла из руд, очень мало. Г. И. Спасский отмечал без конкретного описания, что в Забайкалье встречались плавильные печи, сложенные из камня, с проведенными от них трубами, около которых находились шлак и пепел [Спасский, 1819, с. 128, 129].

Самые первые металлические изделия, изготовленные человеком, были обнаружены на Ближнем Востоке в памятниках Анатолии, Леванта, Северной Месопотамии и Западного Ирана. Эти медные предметы залежали в культурных слоях, относящихся к IX, а возможно, и к X тыс. до н.э., т.е. к началу протометаллического периода, длившегося до VI тыс. до н.э. Начало эпохи раннего металла на Ближнем Востоке относится к V тыс. до н.э., когда в ряде культур появились большие серии орудий и украшений из химически чистой меди. С IV тыс. до н.э. начинается производство бронз, т.е. искусственных сплавов меди с мышьяком, оловом, сурьмой, свинцом, а еще позднее с цинком [Черных, 2009, с. 159].

Появление металлических изделий – вначале медных, а затем и бронзовых – на территории Бурятии, так же как и в соседних районах Прибайкалья, Якутии

и Восточного Забайкалья, было связано со старым хозяйственным укладом охотников, рыболовов и собирателей, куда начали проникать элементы производящей экономики. Стратифицированные комплексы эпохи раннего металла изучаемой территории, соответствующие глазковскому времени Прибайкалья – XVII–XIII вв. до н.э., широко известны в научной литературе: Фофановский могильник, Нижне-Березовская стоянка, поселение Харга I и др. [Окладников, 1950; Герасимов, Черных, 1975; Ивашина, 1979; Хамзина, 1982].

Культура развитого бронзового века лесостепной зоны Западного Забайкалья ярко представлена материалами верхнего слоя Нижне-Березовской стоянки [г. Улан-Удэ, ст. Дивизионная], расположенной на приустьевых мысах одноименного ручья при впадении его в р. Селенга (правый берег). Керамический комплекс стоянки сохраняет многие черты неолитического времени и отличается от материалов плиточных могил. Основной определяющий в культурно-хронологическом плане материал – это обломки бронзовых ножей, полусферовидные литые бляшки-пуговицы карасукского типа [Хамзина, 1982]. К этому типу также относятся бронзовый кинжал из детского погребения третьей группы Фофановского могильника и материалы верхнего слоя Посольской стоянки: бронзовые бляшки, трехлопастный наконечник стрелы, ложечковидные подвески и коленчатый нож с шишечковидным навершием и шашечным орнаментом на рукояти [Герасимов, Черных, 1975; Хамзина, 1960]. Медно-бронзовые находки карасукского облика встречаются и среди случайных находок на территории Бурятии, большинство которых составляют ножи и их фрагменты [Симухин, 2013]. Все эти находки говорят о межкультурных связях древнего населения Центральной Азии, где во второй половине II тыс. до н.э. – первой половине I тыс. до н.э. начал формироваться своеобразный археологический комплекс, представленный бронзовым оружием, украшениями, предметами быта и получивший название по карасукской археологической

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

культуре, выделенной на материалах могильников Минусинской котловины [Теплоухов, 1927]. Карасукская культура с ее бронзовыми вещами является важным источником для установления хронологии древних культур Сибири, Центральной и Средней Азии и отчасти Восточной Европы, где смыкались влияния Минусинского и ряда других бронзовых очагов [Членова, 1972].

Столь широкое территориальное распространение карасукской культуры с ее «типично карасукскими» бронзовыми изделиями было исследовано многими учеными, однако их научные выводы отчасти были подвергнуты сомнению. Целый ряд предметов этой культуры С. В. Хавриным был отнесен к другим культурам (Чаодаогоу, Наньшаньгэнь, плиточных могил, «верхнего слоя Сяцзядэнь» и т.д.) как карасукского, так и скифского времени [Хаврин, 1994, с. 109].

Следующий период, датируемый скифо-тагарским временем (сер. I тыс. до н.э.), связывается с дальнейшим совершенствованием технологии бронзовой индустрии в эпоху позднего бронзового века, когда усложняются формы изделий, увеличивается их разнообразие. К этому периоду, например, относятся 34 медно-бронзовых изделия из Закаменского клада, случайно найденного при строительстве автомобильной дороги в районе с. Михайловка: 19 ножей, 4 кельта, 2 шила, 5 сбруйных принадлежностей, рукоятка кинжала, обломок литого бронзового котла, мотки проволоки и обломок шила [Хамзина, 1981, с. 41–45]. Все ножи клада были отлиты из однотипной руды, типологически и химически близки раннетагарским ножам из Минусы. Исследования состава бронзовых предметов развитого бронзового века на территории Хакасско-Минусинской котловины, Прибайкалья и Забайкалья показали, что медная основа и лигатура металла имеют в основном разный химический состав. Можно предположить, что местные племена этих территорий независимо друг от друга осваивали металлургическую индустрию на базе своих рудных источников. Природ-

ные ресурсы Забайкалья, богатые медью, оловом и другими ископаемыми, способствовали зарождению и развитию местного металлургического производства. Этот факт подтверждают ряд спектро-аналитических исследований изделий из меди и бронзы, показавших связь с геолого-геохимическими характеристиками рудных источников изучаемого региона [Сергеева, 1981].

Тагарская культура существовала достаточно локализовано в степной и лесостепной зонах Южной Сибири и имела более мощную металлургию бронзы по сравнению с Западным Забайкалем. Связи местных племен с населением Минусинской котловины в тагарское время выражены в сходстве не только предметов Закаменского клада, но и других изделий из музейных собраний Бурятии. В это время здесь существовала культура плиточных могил, которая имела широкий ареал распространения и занимала пространства Прибайкалья, Забайкалья и Монголии. По данным исследований А. Д. Цыбиктарова, в конце II – начале I тыс. до н.э. историческая ситуация в регионе менялась с продвижением монголоидного населения плиточных могил на запад и с притоком в регион европеоидного населения из Северо-Западной Монголии, в результате которого в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии появились керексуры. Ареалы распространения керексуров и культуры плиточных могил на территории южной Бурятии совпадают, однако вопрос о хронологическом и культурном отношении памятников пока остается открытым [Цыбиктаров, 1998].

В заключение необходимо сказать, что бронзовые изделия карасукского и тагарского облика на территории Западного Забайкалья, в первую очередь по объему коллекций, свидетельствуют о периферийности этой территории на путях взаимосвязей культур Северного Китая и Минусинской котловины. Дискуссии о происхождении карасукской культуры и отдельных ее элементов продолжают в наши дни.

Литература

- Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 году // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 23–48.
- Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 155 с.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 18. Ч. 1, 2. М.-Л., 1950. 412 с.
- Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. 152 с.
- Симухин А. И. Коллекция бронзовых ножей Музея Бурятского научного центра СО РАН (II–I тыс. до н.э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV междунар. науч. конф.: в 2 ч. Чита, 13–19 сент. 2013 г. Чита, 2013. Ч. II. С. 277–287.
- Спасский Г. И. О чудских копиях в Сибири // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. VII. С. 1–20; С. 123–161.
- Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. 3, вып. 2. С. 91–108.
- Хаврин С. В. Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 8. С. 104–113.
- Хамзина Е. А. Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1981. С. 41–45.
- Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск: Наука, 1982. 152 с.
- Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 1998. 288 с.
- Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
- Членова Н. Л. Проблемы хронологии памятников карасукской культуры. / МИА. № 182. М.: Наука, 1972. 248 с.

РАЗДЕЛ 6
ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ:
ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЫХ И НОВЫХ ФОРМ БЫТОВАНИЯ

DOI 10.30792/978-5-7925-0521-6-2018-262-263

Цыренов Бабасан Доржиевич
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г.
Улан-Удэ, Российская Федерация;
tsyrenovbabasan@mail.ru

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ КИРИЛЛИЗАЦИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА (XIX в.)¹

Статья посвящена исследованию первых опытов кириллизации бурятского языка в XIX в. Это явление рассматривается не только с лингвистических позиций, но и с точки зрения историко-культурной. Данный опыт дал возможность выходу первого русско-бурятского словаря в 1909 г.

Ключевые слова: кириллизация; бурятский язык; алфавит; букварь; словарь.

Tsyrenov Babasan Dorzhievich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

ON OF THE FIRST EXPERIENCES OF CYRILLIZATION OF THE BURYAT LANGUAGE (19th CENTURY)

Abstract: The article investigates the first experiments of cyrillization of the Buryat language in XIX century. This phenomenon is studied not only from the linguistic items, but also from the standpoint of historical and cultural significance.

Keywords: cyrillization; the Buryat language; alphabet; primer; dictionary.

Одной из первых попыток применения кириллической, или русской, графики к бурятскому языку стало издание в переводе Н. С. Болдонова на бурятский язык книжки «О мироздании» (Дайда дэлхэйн ушир) в 1862 г. Вот что об этом написано в «Записке комитета по переводу учебных книг на бурятский язык»: «Председательствующий в совете главного управления Восточной Сибири Евгений Михайлович Жуковский, заботясь о распространении между бурятами научных сведений, поручил учителю бурятского языка в иркутском духовном училище Н. С. Болдонову перевести на бурятский язык изданную для сельских училищ Забайкальской области книжку «О мироздании» и, вместе с тем, счел необходимым под своим председательством составить особый комитет для рассмотрения трех вопросов» [Записка..., 1863, с. 1]. Эти три вопроса, о которых говорится в процитированном тексте, представляются основополагающими в деле перевода русских учебников на бурятский язык. Прежде всего, Комитет озаботился выбором наречия (иркутских бурят, хоринский и селенгинский). При обсуждении данного вопроса члены апеллируют к численности представителей данных наречий: бурят, говорящих на иркутском наречии, насчитывается до 100 тысяч, селенгинским – до 24 тыс., хоринским – до 65 тыс. человек обоего пола [Записка..., 1863, с. 2] (в процентном соотношении – 52,9 %, 12,7 % и 34,4 % соответственно – *Б. Ц.*). Подчеркивая численное преимущество представителей иркутского наречия, члены Комитета обращают внимание и на тот факт, что «иркутские буряты ... представляют собой племя, более других расположенное к принятию гражданственности, так как часть иркутских бурят исповедует христианскую веру и значительная часть их переменила кочевой образ жизни на оседлый... [Записка..., 1863, с. 3]. Эти факторы послужили основанием при выборе «наречия иркутских бурят» в качестве основы бурятского языка переводов с русского языка.

Выбор алфавита (графики) стал предметом обсуждения по второму вопросу. Важными предпосылками, обуславливающими выбор русской графики, являлись наличие: 1) определенного количества грамотных по-русски бурят; 2) нескольких переведенных на бурятский язык богослужебных книг, а также удобство в полиграфическом исполнении изданий.

Выбор графики вызвал необходимость обсуждения собственно алфавита для бурятского языка. К двадцати девяти буквам русского алфавита (*а, б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, х, ц, ч, ш, ы, ь, ь, э, ю, я, й*) дополнительно были взяты 8 букв, восемь из которых имели надстрочные знаки (точка над буквой) – *о, у, io, ю, х, г* и два диграфа (*io, iu*) [Записка..., 1863, с. 4]. Несмотря на то, что алфавит был принят в таком виде, к концу совещания комитета было принято решение отказаться от надстрочных знаков, «как не вызываемых необходимостью» [Там же, с. 6], полагаясь на то, что буряты смогут различать произношение переднерядного *у* [*у*] (в терминологии Комитета – глухого), от произношения звонкого (заднерядного) *у*. Для обозначения звука [*h*] вместо *х* с надстрочной точкой (*х̇*) было решено использовать сочетание *сх*.

Третий вопрос – перевод «технических слов» и вообще тех слов, которых нет в бурятском языке, – был решен просто: «все технические выражения и вообще слова, которых нет в бурятском языке, оставлять в переводе так, как они употребляются в русском языке, сделав при том, где нужно, приличные (надлежащие – *Б. Ц.*) объяснения по бурятски» [Записка..., 1863, с. 7].

Выступая против внедрения слов из других бурятских наречий (причина – «введение слов иных наречий сделало бы перевод менее доступным для бурят, говорящих иркутским наречием» [Записка..., 1863, с. 7]), Комитет отмечает, что «можно было некоторое число экземпляров распространить и между забайкальскими монголо-бурятами с целью ознакомить их с русскою аз-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

букой и, следовательно, сблизить тем с русским элементом, представляющим собою для них залог будущего их просвещения и благосостояния» [Записка..., 1863, с. 7]. Как видно из последней цитаты, у Комитета была и в некоторой степени протекционистская цель. Таковую же цель спустя около полувека преследовали, но в обратном направлении, создатели новой бурятской письменности на основе старописьменного монгольского языка, считавшие, что с эпохой пробуждения бурят «совпало изобретение нового монголо-бурятского алфавита, на долю которого и выпало стать одним из орудий просвещения бурятского народа» [Амагаев, 1910, с. 2], в том числе и бурят Иркутской губернии. Это также очень интересная веха в истории развития бурятского языка, требующая отдельного рассмотрения, и к этому вопросу мы обратимся в последующих работах.

Возвращаясь к кириллизации бурятского языка в XIX в., проводившейся силами учителей и священниками Иркутской епархии, рассмотрим «Русско-бурятский букварь, составленный Н. Болдоновым», изданный в Санкт-Петербурге в синодальной типографии в 1866 г. Автор ставил перед собой цель обучение Северо-Байкальских Бурят (западных бурят – *Б. Ц.*) «русской грамоте, русскому письму и чтению», с одной стороны, «а с другой стороны, распространение между ними и собственной бурятской грамотности» [Болдонов, 1866, с. 3].

После небольшого предисловия автор приводит алфавит из 39 букв, разделив его на две части: «Большие буквы» и «Малые буквы»: А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, І, К, Л, М, Н, О, Ќ, Р, С, Т, У, Ў, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, ъ, Э, Ю, Я, V. После алфавита даются буквосочетания: двубуквенные, трехбуквенные, слогги, оканчивающиеся на твердый знак ъ, мягкий знак ь, и *и краткое й*, а также одно- и двухсложные бурятские слова с переводом на русский язык. Кроме того, в этой же части приведен небольшой глоссарий, содержащий слова, встречающиеся в текстах молитв в букваре и т.д. В конце букваря Н. С. Болдонов предлагает обозначение «численных бурятских знаков. И они не выдуманы мною, а употребляются самими бурятами, которые вырезают их на палках. Только одно начертание числа 500 я должен был придумать сам; впрочем, я взял его не ниоткуда, а из тех же бурятских цифр, взяв только половину знака 1000, так что введение этого знака усвоится без малейшего затруднения, с совершенною легкостью и удобством» [Болдонов, 1866, с. 6].

Особое внимание привлекает буква V (ижица). Совершенно непонятно, для чего она была введена в бурятский алфавит, так как при изучении материала букваря мы не обнаружили ее ни в одном из текстов, более

того, этой буквы нет в приводимых после алфавита в примерах слогов.

Данный алфавит отличается от принятого на заседании Комитета, в нем отсутствуют: диграфы *io, ii, ɣ* (ять), но что примечательно, несмотря на отказ от надстрочных знаков в решении, приведенном в «Записках Комитета...», в данном алфавите две буквы имеют надстрочные знаки «две точки над буквой» – *ö* и *ü*. Кроме того, применяется надстрочный знак «тире над буквой», обозначающий долготу гласных, в том числе и над буквами *e, ю, ö* и *ü*. Например: *Ўгэйтэй зэргэдэ хөдблэжэ ольжо ядā болбол, хүнгхэ гуйжа эрэ, тихэдэ шни хүни öгö болбол, öгöгхин аб* ‘В бедности, ежели не можешь чего снискать трудом, проси; когда дадут, прими’ [Болдонов, 1866, с. 10]; *Мэдэ үгэй юмая ушар, зöб шги борү шги гэжи, бү хэлэ* ‘Чего не знаешь, того не утверждай и не отрицай’ [Болдонов, 1866, с. 20].

Обозначение мягкорядных (переднерядных) гласных посредством диакритического знака «две точки над буквой» и долготы гласного – «тире над буквой» заслуживает уважения, однако непоследовательность их применения и явные ошибки при обозначении переднерядности и долготы сводят на нет положительный эффект, например: *Аха уладта үрлахāгха бэе барьжа ябхāгха болхо, ямар шги хүндэ үрлахāгха бэе барьжа яба* ‘Берегись сердиться не только на старших, но и ни на кого’ [Болдонов, 1866, с. 21]. В данном примере в словах *үрлахāгха* и *ябхāгха* долгота указана на совершенно другом слогге, нежели того требует бурятское произношение. Если быть точными в передаче долготы в этих слова, то «тире над буквой» должно стоять над последней буквой *a* в составе суффикса исходного падежа: *үрлахагхā* и *ябхагхā*, в современной орфографии – *уурлахаһаа* и *ябахаһаа*. Подобных ошибок и неточностей в данном букваре множество, что, естественно, умаляет его значение в чисто лингвистическом плане, но никак не отражается на его историко-культурной ценности, поскольку этот опыт является одним из первых попыток кириллизации бурятского языка. Да, этот алфавит и письменность, основанная на этом алфавите, еще очень далеки от идеала, тем не менее, на этой письменности издавались христианские богослужебные книги, а в 1909 г. протоиерей И. А. Подгорбунский издал первый русско-бурятский словарь с применением кириллической письменности для бурятского языка [Подгорбунский, 1909]. Этот словарь также представляет огромный интерес не только с точки зрения развития бурятского языка, но и с точки зрения региональной лексикографии и будет подвергнут тщательному лексикографическому анализу в последующем.

Литература

- Амагаев Н. Новый монголо-бурятский алфавит. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. 1910. 52 с.
Болдонов Н. Дайда дэлхэйн ушир. Иркутск, 1862. 28 с.
Болдонов Н. Русско-бурятский букварь. СПб., 1866. 68 с.
Записка Комитета по переводу учебных книг на бурятский язык. Иркутск: Тип. штаба войск, 1863. 9 с.
Подгорбунский И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909. 340 (VI) с.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ МОЩНОСТИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

Среди факторов поддержки языка выделяют объективные и субъективные параметры. Традиционно изучаются объективные факторы. Однако очевидно, что состояние того или иного языка часто зависит от таких сентиментальных параметров, как эмоционально-этнические чувства его носителей. Статья посвящена проблеме изучения эмоционально-этнических, мотивационных характеристик бурят по отношению к своему родному языку.

Ключевые слова: бурятский язык; эмоции; мотивации; ценностные ориентации; дискурс.

Dyrkheeva Galina Aleksandrovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation
An5dag1@mail.ru

TO THE PROBLEM OF SENTIMENTAL POWER OF THE BURYAT LANGUAGE STUDYING

Usually objective and subjective parameters of language support are distinguished. Objective factors are traditionally studied. However it is obvious that the situation of any language often depends on such sentimental parameters as emotional and ethnic feelings of its carriers. Article is devoted to the problem of studying the Buryat emotional and ethnic, motivational characteristics in relation to the native language.

Keewords: Buryat language; emotions; motivations; valuable orientations; discourse.

Сегодня, когда определенным значимым этапом после принятия языкового законодательства в РФ и республиках уже пройден, настало время для оценки данного этапа пути, для выявления и обсуждения остающихся проблем и принятия соответствующих дальнейших решений. Естественно, встает вопрос, насколько эффективной оказалась проводимая в Бурятии языковая политика в отношении бурятского языка, второго государственного языка республики, занесенного в Красную книгу исчезающих языков? Если опираться только на цифры, то ответ можно дать отрицательный.

Так, например, на один из традиционных вопросов при переписи населения о признании того или иного языка родным были даны достаточно красноречивые ответы: при переписи 1989 г. родным признали бурятский язык 89,4 % жителей бурятской национальности республики, а в 2010 году – 81,8 %. Однако фактически, как показывают различные социолингвистические и социологические исследования, уровень владения родным языком гораздо ниже и можно констатировать постоянное ухудшение ситуации по разным показателям. По данным переписи 2010 года, наблюдается существенное снижение доли владеющих бурятским языком среди бурят (43,6 %), а также среди русских – 0,4 %, татар – 6,6 %, 92,3 % сойот, 4,2 % эвенков, 0,2 % украинцев. Данное снижение доли владеющих своим языком бурят, скорее всего, объясняется тем, что уходит из жизни довоенное поколение тех, кто, по нашим данным, хорошо владел родным языком. Так, по результатам нашего опроса [Дырхеева, 1999, с. 53], по уровню владения русским языком идет четкое деление респондентов на довоенное и послевоенное поколение. Именно в 1950-е гг., когда послевоенные дети пошли в школу, было принято решение, которое во многом способствовало вытеснению бурятского языка из школы: преподавание всех учебных дисциплин было переведено с 5 класса на русский язык.

Результаты проводимых в Бурятии исследований, проведение различного рода научных и общественных мероприятий также показывают, что интерес к пробле-

мам современного состояния и положения бурятского языка не ослабевает уже почти три десятка лет. При этом можно отметить, что, несмотря на то, что в действительности в настоящее время буряты не осознают значения языка как реального компонента национальной идентичности и соответственно его сохранения, все исследования ученых показывают, что стержнем бурятской культуры является именно язык. Несомненно также то, что до настоящего времени изучение межязыкового и межкультурного взаимодействия проводилось преимущественно с учетом объективных факторов. Недостаточно рассматривались субъективные или сентиментальные параметры. Хотя очевидно, что, во-первых, язык относится именно к тем явлениям, которые затрагивают самое сокровенное, подсознательное любого человека и, во-вторых, именно тот факт, что дискуссии и дебаты по данной проблеме не утихают, говорит о том, что она лежит в области очень важного для каждой личности, для народа. Причем рассуждения и споры в данном случае связаны именно с эмоциональными этническими чувствами бурятского народа в отношении своего родного языка (боль пишущих на русском языке бурятских поэтов и писателей, традиционное уважительное отношение к старшему поколению, своеобразный национальный менталитет – те факторы, которые способствуют изучению родного языка), а не с его эффективным использованием как средства коммуникации.

Таким образом, очевидно, что в настоящее время стоит задача анализа развития современной языковой ситуации в Бурятии, положения бурятского языка в контексте эмоционально-этнических характеристик его носителей, выявление основных мотиваций, направленных на поддержание родного языка.

Общеизвестно, что эмоциональная сфера стала объектом пристального внимания и активного изучения в связи со сменой парадигмы научных исследований, развитием антропоцентризма в гуманитарных отраслях знания. Данный подход затронул почти все разделы языкознания и, в том числе, социолингвистику, хотя очевидно, что за такой короткий срок существования ан-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

тропологической лингвистики конкретные методики по изучению эмоций – сложнейшей формы человеческого отражения мира – пока не разработаны. Особый вопрос – эмотивный аспект в национально-языковых отношениях. Значение его всем понятно, однако всем также понятно, что он трудно поддается изучению. Также как и в случае с дискурсным анализом здесь, практически, отсутствуют традиционные методики с набором стандартных процедур. В связи с этим, очевидно, что, как и во многих современных отраслях знания, желательнее использовать комплекс методов: традиционные социолингвистические – анкетирование, опрос – и лингвистические методы – анализ лексических средств выражения эмоций, а также психолингвистические, включающие анализ эмотивных дискурсивных элементов.

Очевидно также, что, поскольку внутренние (субъективные) факторы чаще взаимосвязаны и взаимозависимы от внешних (объективных) необходимо в первую очередь выявить роль внешних факторов, на фоне которых происходит модификация языка; определение социальных, экономических, политических, юридических и других причин, механизмов следствий, происходящих в нем изменений или в его отдельных функциях и сферах употребления. Особое внимание следует уделить эмоциональному, чувственному, разумному, оценочному дискурсам. В лингвистическом аспекте реализацию категории эмотивности можно рассмотреть, например, на фонетическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, или проанализировать способы ее выражения в тексте и разговорной речи, в различных жанрах публикаций и т.д.

Функционирование категории эмотивности в аспекте анализа национально-языковых отношений детальному исследованию не подвергалось, либо затрагивались отдельные моменты эмоционального или оценочного проявлений при изучении межнациональных отношений на языковом уровне. Таким образом, необходимость данного исследования обусловлена как недостаточной изученностью закономерностей функционирования субъективных (эмоции, оценки, мотивации и т.д.) факторов в межнациональных отношениях, так и тем, что многие вопросы данного междисциплинарного раздела знаний остаются спорными.

Следовательно, комплекс задач для решения указанной проблемы можно сформулировать следующим образом: во-первых, необходимо выявить ценностные ориентации самих носителей бурятского языка, в частности, факторы, влияющие на формирование языковой среды, мотивы выбора того или иного языка, стремление сохранить и развивать родной язык; определить оценочные установки самой этнической группы по от-

ношению к языку, выливающееся в конкретное языковое поведение. Во-вторых, поскольку внутренние факторы чаще взаимосвязаны и взаимозависимы от внешних, необходимо также изучить роль внешних факторов, на фоне которых происходит модификация языка; определить социальные, экономические, политические, юридические и другие причины, механизмы следствий, происходящих в нем изменений или в его отдельных функциях и сферах употребления. В-третьих, предполагается, что дискурс-анализ публичных выступлений общественных деятелей, ученых, деятелей культуры, научных, научно-популярных публикаций по проблемам языка и культуры также может помочь, в том числе, выявить особенности взаимодействия бурятского и русского языков в республике в аспекте ценностных ориентаций, мотивационной деятельности, влияния эмоций и настроений отдельных личностей и групп на языковую ситуацию. Как показывают публикации последних лет, имеется существенный разброс мнений относительно динамики развития языковых процессов в республике. Наряду с положительными оценками событий и явлений, произошедших в области языковой жизни после принятия «Закона о языках народов Республики Бурятия» в 1992 г., присутствуют достаточно пессимистические настроения относительно будущего родного языка малых народов, в том числе и титульного бурятского.

Некоторые аспекты рассматриваемой проблематики были затронуты отдельными бурятскими исследователями (И. Г. Балханов, Г. А. Дырхеева, И. Э. Елаева, Э. В. Хилханова и др.) при изучении языковой ситуации, межнационального контактов в Бурятии, однако очевидно, что в данных работах фактически не раскрываются те глубинные процессы, которые происходят на уровне психологии мнений, отношений, оценок. Тем более не рассматривался лингвистический аспект данной проблематики.

Таким образом, очевидно, что необходимо выявить формы проявления эмоциональности в обиходном и официальном дискурсе относительно национально-языковых отношений в Бурятии, определить ценностные установки бурят по отношению к родному языку, установить систему эмотивных средств, включающую лексические и фразеологические единицы. Полученные результаты и материалы можно использовать для прогноза дальнейшего развития языка и языковых ситуаций в исследуемом регионе, для сравнения национально-языковых отношений в различных регионах мира, роли субъективных факторов, и, естественно, они могут помочь в сохранении бурятского языка и стабилизации в области межнациональных отношений.

Литература

Дырхеева Г. А., Будаев Б. Ж., Бажеева Т. П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 143 с.

**ПРОБЛЕМЫ АСИММЕТРИИ РУССКО-БУРЯТСКИХ ТЕКСТОВ
(НА ПРИМЕРЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А. С. ПУШКИНА)¹**

На материале параллельных русско-бурятских текстов выявляются виды асимметрии, дается их характеристика. В изучаемом материале асимметрия выделяется в членении предложений, в их переводах, в линейной цепочке предложений оригинала и перевода.

Ключевые слова: параллельные тексты; асимметрия; русский, бурятский языки.

Badmaeva Liubov Dashinimaevna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**ASYMMETRY PROBLEMS OF THE RUSSIAN-BURYAT TEXTS
(ON THE EXAMPLE OF "CAPTAIN'S DAUGHTER" OF A. S. PUSHKIN)**

The author reveals and characterizes types of asymmetry in the parallel Russian-Buryat texts. The asymmetry is traced in the sentence fragmentation, in their translations, in the linear chain of sentences of the original and the translation.

Keywords: parallel texts; asymmetry; Russian and Buryat languages.

Настоящая работа посвящена проблемам асимметрии параллельных русско-бурятских текстов на примере произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Для выявления случаев асимметрии выполнено выравнивание² рассматриваемых текстов, оригинала и его перевода на бурятский язык [Пушкин, 1940]. Следует отметить, что использованный нами перевод опубликован в 1940 г., в связи с чем в нем наблюдаются специфические особенности как свидетельства формирования правил правописания / орфографии / пунктуации бурятского языка, которые в итоге были сведены воедино в обобщающих трудах Л. Д. Шагдарова в 1962 г. и впоследствии по прошествии нескольких десятилетий усовершенствованы в 2009 г. [Шагдаров, 1962; 2009].

Целью данной работы являются выявление и анализ явлений асимметрии параллельных русско-бурятских текстов. Подобное исследование было проведено нами на материале бурятско-русских параллельных текстов, в котором бурятский текст является оригинальным, а русский – переводным³. Настоящую работу можно назвать очередным, продолжающимся этапом сопоставительного анализа текста–оригинала и текста–перевода. При переводе с одного языка на другой, как правило, наиболее отчетливо проявляются особенности мирозидения носителей соприкасаемых между собой языков, которые и приводят к асимметрии оригинала и его перевода.

Анализ названных выше русско-бурятских текстов позволяет выделить следующие виды асимметрии: 1) в предложениях с прямой речью; 2) в переводах; 3) в членении предложений.

Примерами асимметрии в передаче прямой речи в оригинале и переводе могут быть фрагменты, представленные далее.

«Недалече» – отвечал он. – «Вон уж видна». / – «Холо бэиш», – гэжэ харюусаад, – «Тэрэ тэрэ харагдажа байна». В оригинале прямая речь оформлена раздельно в разных предложениях. В переводе же прямая речь оформлена в одном предложении посредством союзного слова *гэжэ* от глагола говорения *гэ-* с разделительным деепричастием глагола *харюуса-* ‘отвечать’.

– Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: «И охота было не слушаться» – говорил он сердито

– «воротился бы на постоянный двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? / *Би хараажа орохо гэхэмни, Савельич үмөөрэн хэлэбэ: «Үгынь дуулахашии яагаа нэм, постоял двортоо бусаа хаа, мүнөө сайгаа уужа, үглөө болотор амар унтаха бэлэйбди; Галхин нам гэжэ, саашиа ханаа амар ябаха нэн бээбди; хайшаа яарана бибди?»* Фрагмент оригинала из трех предложений, последнее – с прямой речью, в переводе представляет одно предложение. Первое предложение оригинала преобразовывается в переводе в причастную конструкцию *Би хараажа орохо гэхэмни*. Последнее предложение оригинала в переводе «приклеивается» ко всей конструкции с прямой речью.

Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. / *Тэрэ зайгулли бэлэг абаһандаа ехэ баяртай, намайгаа кибиткэдэм хүргөөд, доро дохижо хэлэбэ: «хайн даа, та үндэр түрэлтэ, хай хэнэнэйтнай түлөө бурхан танише шагнаг.* Здесь три предложения оригинала с прямой речью переведены одним предложением того, что первое предложение оригинала в переводе выражается причастной конструкцией в дательном-местном падеже с притяжением, восклицательный знак после обращения преобразуется в запятую. Причины подобных случаев асимметрии связаны с различающимися системами графического оформления прямой речи в разных языках, а также, исходя из примеров, с различающимися грамматическими способами их выражения.

Более разнообразной, и тем интересней, представляется асимметрия в переводах, которая будет ниже представлена в примерах и подразделена на группы, отражающие: а) лингвоспецифическую / безэквивалентную лексику; б) неточность перевода; в) переводческую вольность; г) вставку / пропуск / замену от переводчика. Подобные случаи асимметрии выявлены нами вслед за [Сичинава, 2015; Гурина, 2005], отдельные примеры представим ниже, начав с первой группы, т.е. со случаев передачи лингвоспецифической лексики.

«Я так и **обмерла**» – сказала она, – «когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! / *«Танише штагаар тулалдахань гэжэ дуулахадаа*

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

² Выравнивание выполнено в программе Euclid (<https://yadi.sk/d/K8Ngy911dVr7a>, разработчик – Т. А. Архангельский).

³ Результаты нашего анализа асимметрии бурятско-русских текстов находятся в печати.

шуһамни зогсошоо, – гэнэ, – эрэ хүнүүд яагаа жэзгэйб». Слова (здесь и далее в примерах), выделенные полужирным шрифтом, назовем лексическими параллелями в соответствии нашим оригиналу и переводу. По словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой слово *обмереть* означает ‘оцепенеть от сильного внезапного чувства, испуга, обомлеть’ [Ожегов]. Дословный же перевод лексической параллели бурятского перевода *шуһамни зогсошоо* ‘кровь моя осталась / встала’. Думается, что переводчиком использовано данное выражение ввиду отсутствия адекватного эквивалента в бурятском языке к рус. *обмереть*. Отметим, что в данном примере пересекаются два вида асимметрии, а именно, указанные нами под 1-м и, соответственно, 2-м номерами.

Я так и *обмерла*. / *Минии амин гэнтэ хаагдашоод байгаа*. То же самое слово оригинала в другом месте получает совершенно иной перевод, досл. (перевод с пометой «досл.» здесь и далее наш – Л. Б.) ‘дыхание мое вдруг закрылось’, что подтверждает его лингвоспецифичность, в силу чего переводчик дает описательные / развернутые переводы, причем совершенно разные. В первом случае описание касается деятельности кровеносной системы человека, во втором – дыхательной. Можно предположить, что различающиеся описания одной и той же лингвоспецифической лексики русского языка продиктованы попыткой переводчика найти наиболее близкую передачу ее смысла на родном языке.

Нижеприведенные три примера взаимосвязаны между собой тем, что в них лингвоспецифическое слово русской культуры «душа» передано в рассматриваемом переводе тремя разными лексемами.

Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей *душе* сильное и благое потрясение. / *Бүхы ерээдүйн ябадалда шухала ехэ нүлөө үгэһэн гэнтын ушар минии зүрхэ сэдьхэлые һайн тээшнь шанга долгисуулба*.

Поглядеть, так в чем *душа* держится. / *Харыш, өөрыншини хүнэһэн юунһээ торожо байнаб?*

Казалось, суровая *душа* Пугачева была тронута. / *Пугачевой хүрэтэ хатуу зүрхэн уярһан хэбэртэй болобо*.

Подобная множественность передачи указанного слова русского языка – *зүрхэ сэдьхэл*, *зүрхэн* ‘сердце, душа’, *һүнэһэн* ‘душа’, лишь подтверждает его лингвоспецифичность.

Примеры неточности перевода приведем ниже.

В эту ночь я *не спал и не раздевался*. / *Тэрэ хүни би хубсаһаа тайлангүй унтабаб*, досл. ‘В ту ночь я спал, не раздеваясь’.

Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной канурке, с *одними голыми стенами* и с окошечком, загороженным железной решеткой. / *Һүүлээрнь намайе түрмэдэ абаашажа, уйтан харанхы нүхэн соо гансаараймни нюсэгөөр хааба, түмэр реиоткоор хоройлһон сонхотойхон газарта орхёод арилишабад*, досл. ‘Потом отвели меня в тюрьму, закрыли в узкой темной яме и ушли,

оставив меня одного, голого в месте, с зарешеченным окошком’.

Пример: Я боялся или сойти с ума или *удариться в распутство*. / *Нэгэн гэбэл хицрэхэ, али гэбэл картада орохоһоо айдаг болобоб*, досл. ‘«Я стал бояться обезуметь, с одной стороны, увлечься игрой в карты – с другой» относится к демонстрации переводческой вольности. Русское выражение, выделенное полужирным шрифтом, переведено как ‘начать играть в карты’, со смыслом ‘увлечься картами’ и обозначает не то, что в оригинале. Замену можно видеть в примере: Она *невеста* моя, – отвечал я Пугачеву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину. / *Тэрэ басаган минии инаг*. – гэжэ харюусабаб, *Пугачевто һалхинай һайн тээшэ ерээд байхада, үнэнөө нюуһанай хэрэггүй гэжэ бодоод*, досл. ‘Та девушка – моя любимая» – ответил я Пугачеву, решив, что нет смысла скрывать правду, когда подул ветер в хорошую сторону’. Русское слово *невеста* в переводе заменено на бурятское, означающее ‘любимая’.

Асимметрию членения предложений можно видеть в примере: Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. / *Манай солдадууд зэргэ буудаба, бэиэз барыжа байһан казак гэнтэ найгажа моринһоо унаба, нүгөөдүүлһың һөөргөө харайлдан ошообо*. Здесь два предложения оригинала в переводе объединены в одно без каких-либо «ущемлений» замысла автора⁴.

Переводы с русского на бурятский первой половины XX в. и подобные переводы второй половины XX в. могут отличаться разными степенями асимметрии в силу того, что первые представляют пионерский опыт, так как в первую треть XX в. переводы на бурятский с русского выполнены в ограниченном количестве. Переводческий «бум» с русского языка на бурятский, а также с бурятского на русский и другие языки приходится на вторую треть XX в. с захватом первых последующих десятилетий. В конце 90-х гг. XX в. можно обозначить «затухание» переводческого процесса в целом, выявление причин которого не входит в задачи данной работы. Названные периоды, без первой трети XX в., можно назвать насыщенным периодом развития «советской» (позволим себе данное условное название) культуры в целом. Говоря о рассматриваемой асимметрии, хотелось бы отметить разность мировидения не только между носителями языка оригинала и его перевода, но и разность мировидения носителей бурятского языка по временным периодам, в силу чего в их переводах как одного и того же оригинального текста, так и различных асимметрия может проявляться по-разному. Здесь имеются в виду переводчики-носители бурятского языка, относящиеся к разным временным периодам, например, первой или последней трети XX в. В целом же, рассмотрение проблем асимметрии параллельных текстов, оригинала и его перевода на иной язык, способствует определению лингвоспецифических элементов исходной культуры и их адаптации в языке принимающей культуры.

Литература

Гурина Е. Е., Добровольский Д. О., Кретов А. А. Асимметрия членения текста в параллельном корпусе (на примере романа Т. Драйзера «Сестра Кэри») // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 1. С. 67–74.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. // URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-19075.htm>.

Пушкин А. С. Капитанай басаган / ородһоо оршуулагша Д. Чернинов. Улаан-Удэ: Буряад-Монгол гүрэнэй хэблэл, 1940.

Сичинава Д. В. Параллельные тексты в составе национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6 (6). С. 194–235.

Шагдаров Л. Д. Буряад бэшгэй дүрим (свод бурятского правописания). Улан-Удэ, 1962. 55 с.

Шагдаров Л. Д. Буряад хэлэнэй бэшгэй дүрим. Правила орфографии и пунктуации бурятского языка. Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. 168 х.

⁴ В работе представлен ограниченный набор примеров по основным видам асимметрии ввиду ограничений по объему статьи.

**ВЫРАЖЕНИЕ ВЫПУКЛОГО / ВОГНУТОГО
С ПОМОЩЬЮ КОРНЕВОГО СОГЛАСНОГО L В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ¹**

Работа посвящена рассмотрению ряда лексем с корневым согласным *l*, номинирующих класс предметов, объединенных генеральным признаком ‘выпуклый / вогнутый’. Изучение данного пласта номинативных единиц позволяет интерпретировать семантическую структуру и национально-культурную специфику средств вербализации формы объекта.

Ключевые слова: монгольские языки; номинация; образ; семантика; этимология.

Sundueva Ekaterina Vladimirovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**EXPRESSION OF CONVEX / CONCAVE
BY MEANS OF ROOT CONSONANT L IN MONGOLIC LANGUAGES**

The author considers a number of lexemes with root consonant *l* nominating a class of the objects united by general sign ‘convex / concave’. Studying of this layer of nominative units allows interpreting the semantic structure and national and cultural specifics of means of verbalization of form of an object.

Keywords: Mongolic languages; nomination; image; semantics; etymology.

Наряду с такими свойствами, как цвет, размер, форма играет важную роль в процессе вербализации перцептивной информации. В данной работе будет рассмотрен ряд слов, мотивирующим признаком номинации которых стала выпуклая / вогнутая форма объекта. Среди лексем с яркой образной семантикой, имеющих корневым согласным *l*, привлекает внимание бур. *улхагар*, значение которого определено в «Бурятско-русском словаре» как ‘емкий (*о посуде с круглым дном*)’ [Шагдаров, 2008, с. 296]. Анализ образцов литературно-художественного, общественно-публицистического и учебно-научного стилей, представленных в Бурятском корпусе [http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru], а также однокоренных слов позволяет несколько уточнить его значение.

Данное прилагательное выступает в роли определения к таким словам, как *тогоон* ‘котел’, *табаг* ‘тарелка’, *хуяг* ‘панцирь, щит’, *малгай* ‘шапка, головной убор’: *Гал дээрэ улхагар хара тогоон соо юншьёб бусална* (Б. Санжин, Б. Дандарон) ‘На огне в котле что-то кипит’ (здесь и далее перевод наш. – Е.С.); *Зүүн үхэгөө Жалма нээжэ, улхагар модон табог харбайба* (Д. Батожабай) ‘Открыв шкафчик слева, Жалма протянула деревянную тарелку с округлым дном’; *...толгой дээрэ аягын шэн нээхэн улхагар малгай табиһан тарган шара Эдуард гэжэ епископ...* (Д. Батожабай) ‘полный епископ Эдуард со светлыми волосами и выпуклой шапкой размером с чашу’; *...хуушанай япон дуулгын маягаар шудхажэ хэһэн түмэр дуулгануудтай, улхагар түхэрээн хуягууды бариһан хоёр сэрэг...* (Д. Батожабай) ‘два воина в железных шлемах, отлитых подобно старинным японским шлемам, и с выпуклыми круглыми щитами’.

К корню **ulq* восходят существительные бур. *улхан* ‘наплыв на дереве’ (> ‘нечто выпуклое’), ‘чашка (для чая, супа, айрака); котел’ (> ‘нечто вогнутое’), бур. *улхансаг* ‘чашка деревянная’ (> ‘нечто вогнутое’), бур. *улхархай* ‘глазница, глазная впадина’ (> ‘нечто вогнутое’), калм. *улхã* ‘шишка; вмятина; выпуклость’ [Ramstedt, 1935, p. 448]. Случаи антонимии значений производных

также можно проследить на пример корня *qon(q) ↔ qon(d)*: *хонхор* ‘углубление, выбоина, впадина’ (‘нечто вогнутое’) ↔ *хондой* ‘круп (лошади); бедро; ягодицы’ (‘нечто выпуклое’). Выпуклая форма передается с помощью образного наречия п.-монг. *olqun colqun* ‘неровно, негладко’ [Kowalewski, 1849, p. 406] и воплощается в существительном ср.-монг. *hulqun* [Rachewiltz, 1972, p. 29], монг. *олхон* ‘суша; холм’, ойр. М. *ulxān* ‘холм’: *ülüg ulxān boltāl talig talxān boltāl* [БНМАУ дахь..., 1988, с. 872]. О названии самого крупного острова на Байкале Ольхон см. подр. [Сундеева, 2009].

От корня **qul* ‘нечто вогнутое’ образованы монг. *хул*, бур. *хул* ‘большая деревянная чашка для кумыса’, а также п.-монг. *qulayai gejiqe* ‘затылок, волосы на задней части головы’ [Kowalewski, 1849, p. 922], бур. *хулхай гээзэгэ* ‘затылок; затылочная ямка’, *хулхай гээзэгийн зах* ‘граница волосатой части затылка и шеи’ [Шагдаров, 2008, с. 465]; *Тийгэхэ хамбаандань гэнтэ хулхай гээзэгэ дээрэн түмэр шэнги хүндэ юумээр лад гэтр буулгажа орхибо* (Ц. Дон) ‘В это время вдруг что-то тяжелое, как железо, ударило его по затылку’. Слово *хулхай* в сочетании со словом *тархи* образует общее значение ‘голова’: *Хоёр хүлни арбан хургагүй, хулхай тархимни хоёр шэхгүй, анханайм нэрэ Абидын Найдан гэдэг байбашье хаа, мүнөө хадаа Хэжэнгын «ута хүн» гэгдэдэг байхаб* (Х. Намсараев) ‘На обеих ногах нет десяти пальцев, голова без обоих ушей, хоть и звали меня раньше Абидын Найдан, теперь я известен как кижингинский «верзила»’.

В баргузинском говоре бурятского языка значение ‘ямка на затылке’ выражается посредством лексем *ялга*, *хонхорхой*. Про детей с глубокой ямкой на затылке говорят *харуу болохо* ‘будет жадным’, либо *мэхэтэй болохо* ‘будет хитрым’. *Гээзэгэн егдэ байгаа хадан сагаан ханаатай хүн гэжэ хэлэдэг байгаа* ‘Если затылок ровный, говорили, что это добрый человек’ [записано в с. Баянгол Баргузинского р-на от Ламуевой З.Ц., 1944 г.р., род *шүбтэхэй шоно*]. Примечательно, что «Большом академическом монгольско-русском словаре» данное

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

значение дано в словарной статье *хулгай*: 3. 1) воровской; 2) незаметный; ◊ *хулгай гээгэ* ‘затылочная ямка, затылок’ [БАМРС, IV, с. 163], что также может быть продиктовано экстралингвистическими факторами. В частности, у монголов ямка на затылке также является признаком скупого человека (*харамч хүний тэмдэг*).

Корни **öl / ül / ölm / ölg* также дали производные п.-монг. *ülige* ‘бурак берестяной’ [Kowalewski, 1849, p. 526], монг. *үлэх* ‘берестяной бурак, туес’; монг. *үлий* ‘бугорок, холмик земли (*напр. над норкой суслика, тарбагана*); кладовая мышей-полевиков’; п.-монг. *ölmü sölmü* ‘неровно, то выше, то ниже (*о траве*)’ [Kowalewski, 1849, p. 534], монг. *өлмүү зэлмүү* ‘неровный’, монг. *өлөм сөлөм* ‘неровный, разной величины’. Монг. *өлөм намаг* ‘верховое болото’ продиктовано тем, что верховые болота отличаются более или менее хорошо выраженной выпуклостью рельефа, так как мох быстрее нарастает в средней части болота. Возвышенность или выпуклость обозначает монг. *өл*, бур. *ули*, *үлэ* ‘низкий перевал; возвышенное место на небольшом перевале; небольшой бугорок’: монг. *өл хөтөл* ‘седловина’, монг. *шоргоолжны өл* ‘муравейник’, калм. *үлэ* ‘бугорок, холмик земли (*напр. над норкой суслика*); *торгут*. муравейник’.

Можно предположить, что в основе номинации лексемы ср.-монг. *ölmī* [Rachewiltz, 1972, p. 166], п.-монг. *ölmēi* ‘верхняя часть ноги, сгиб или подъем у ноги, нога, стопа, плюсна’ [Kowalewski, 1849, p. 533], монг. *өлмий*, бур. *ульмы*, *ульмэ*, калм. *өлмэ* ‘стопа, подъем ноги; передняя часть ноги, плюсна’ также лежит признак ‘нечто вогнутое’. Первоначальным значением, вероятно, было ‘ступня’, поскольку ее свод в норме не касается земли. Такие значения, как ‘ямка’, ‘чашка’, ‘котел’ позволяют выделить тот же признак вогнутости в ср.-монг. *ölegei* ‘колыбель’ [Rachewiltz, 1972, p. 57], *ölegei* [Поппе, 1938, с. 275], п.-монг. *ölügei* ‘колыбель, люлька, зыбка’ [Kowalewski, 1849, p. 531], монг. *өлгий*, бур. *үлгы*, калм. *өлгэ* ‘колыбель, люлька’. Менее вероятна связь с глаголом ср.-монг. *elgü-* [Rachewiltz, 1972, p. 29], *ölgü-* [Поппе, 1938, с. 276], п.-монг. *elgü-*, *ülge-* ‘висеть, повиснуть; повесить’ [Kowalewski, 1849, p. 212, 536], монг. *өлг-*, бур. *үлгэ-*, калм. *өлг-* ‘вешать, подвешивать, привешивать; навесить’.

Корни **kül / kölk / külk / yalq / yulq / yolb* передают семантику как вогнутости, так и выпуклости. В бурятском языке *хүлхэ юлхэ гэ-* говорится об образовании вмятин: *түмэр хүнэг юмэндэ дайрагдажа, хүлхэ юлхэ гэжэ хүлхэнтэдэг* ‘железное ведро, задевая обо что-л., покрывается вмятинами’ [Шагдаров, 2008, с. 488]. Однако монг. *хөлх* имеет значение ‘припухлость век’, бур. *хүлхэн* ‘выпуклость; вздувшийся (*напр. об одежде при ветре*)’. Снова семантика емкости прослеживается в п.-монг. *küliš* ‘кадильница, курильница, ладанка’ [Kowalewski, 1849, p. 2598], п.-монг. *külemj* ‘подземелье, пещера’ [Kowalewski, 1849, p. 2598], монг. *хүлэмж* ‘погреб; подвал; подземелье’. Бур. *ялхи* ‘ухаб, выбоина’,

ялхи-өлхи ‘ухабы’, п.-монг. *yalkitu yaĵar* ‘крепкий грунт, мерзлая земля’ [Kowalewski, 1849, p. 2289], бур. *өлбогор* ‘вогнутый внутрь, вдавленный’.

Корни с инициальным согласным *ĉ* представлены в следующих образных прилагательных: монг. *цүлхгар* ‘пухлый; вздутый’, п.-монг. *ĉolĉuyur* ‘кубастый, кубоватый’ [Kowalewski, 1849, p. 2207], монг. *цүлцгар* ‘толстый, надутый’, монг. *цүлхгэр* ‘выпуклый, выдающийся вперед’, монг. *цэлхгэр* ‘пухлый, мягкий и жирный’. Эти образы воплотились в существительных п.-монг. *ĉulqu, ĉulyu* ‘выпуклость, толщина’, *oluyai-yin ĉulyu* ‘выпуклость желудка у животных’ [Kowalewski, 1849, p. 2205], монг. *цолцон* ‘нарост, желвак, шишка’, п.-монг. *ĉulqung* ‘нарост, желвак на дереве’ [Kowalewski, 1849, p. 2205], монг. *цүлхан* ‘нарост на дереве; чашка, сделанная из нароста на дереве’, п.-монг. *ĉolĉung* ‘волдырь, пузырь, желвак, нарост на теле или дереве; полукружие в укреплениях или городских воротах’ [Kowalewski, 1849, p. 2205], монг. *цүлцан* ‘опухоль, нарост на теле, шишка; альвеолы; пузырек; бруствер’, п.-монг. *ĉeleng, ĉeleg* ‘чаша, миска’ [Kowalewski, 1849, p. 2120], монг. *цэлэг* ‘большая деревянная чашка, братина, миска’, монг. *чилиг* ‘ендова; большая открытая посуда’. Согласный *s* встречается в начале монг. *сэлхий-* ‘вздувать’, монг. *сэлх*, бур. *хэлхэн* ‘опухоль, припухшее место’, п.-монг. *selgürengkei* ‘опухший, распухлый’ [Kowalewski, 1849, p. 1356].

Наконец, выделение признака ‘вогнутый’ в п.-монг. *ölmēi* ‘стопа’ позволяет предположить тот же мотив номинации в ср.-монг. *halaqan* [Rachewiltz, 1972, p. 66], *alaqan* [Поппе, 1938, с. 97], п.-монг. *alaya* ‘ладонь, длань’ [Kowalewski, 1849, p. 72], монг. *алга*, бур. *альган*, калм. *альхн*, ойр. Синьцз. *альхан* ‘ладонь, ладоши’. Некая неуловимая связь с ладонями прослеживается в бур. *ольх.*, каб. *алаахай* ‘ласты (у нерпы)’. Вогнутая форма, вероятно, стала мотивирующим фактором в п.-монг. *yaĵar-un alm-a* ‘утес с пещерою, внутрь вдавшаеся’ [Kowalewski, 1849, p. 91], ср.-монг. *alam* [Rachewiltz, 1972, p. 52], монг. *алам* ‘яма, яма с крутым обрывом; дыра в земле, большая впадина, лощина’; п.-монг. *alĉa* ‘лунка на лодыжке’ [Kowalewski, 1849, p. 93], монг. *алц* ‘вогнутая сторона бабки; верблюду’, калм. *алц* ‘более ровная сторона альчика’. Возможно, на основе зрительного восприятия формы возникло монг. *алман* ‘серповидный, в виде серпа, в форме полумесяца’ (*алман сар* ‘неполный месяц, лунный серп’).

Таким образом, нами рассмотрен целый класс сходных предметов, объединенных генеральным признаком ‘выпуклый / вогнутый’. При этом выявлено, что один и тот же корень может передать как то, так и другое значение. Рассмотренные формы предстают в качестве вербализованной формы сознания монгольских народов, отражающей национально-культурные особенности мировидения.

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. 532 с.
Бурятский корпус // URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru.
Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимаг ал-Адаб, ч. I-II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. М.-Л. 1938. 453 с.
Сундуева Е. В. Остров Ольхон: к семантике названия // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему: материалы IV междунар. симп. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплексе ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. С. 505–510.
Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ, 2008. Т. 2. 708 с.
БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. 943 х.
Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. 1-3. 2690 p.
Rachewiltz I. Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p.
Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura 1935. 560 p.

**ЯЗЫК МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОЦЕССЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕАРХАИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

Статья посвящена анализу языка современной массовой информации с целью выявления новых тенденций в вербальной культуре бурят. Отмечено, что в языке СМИ идет активный процесс обновления общественно-политической лексики, возврата лексики духовной культуры в разряд активной.

Ключевые слова: язык СМИ; лексическая деархаизация; общественно-политическая лексика.

Badmaeva Larisa Batoevna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

**THE LANGUAGE OF MASS MEDIA: PROCESSES OF LEXICAL DEARCHAIZATION
IN THE MODERN BURYAT LANGUAGE**

The author analyses the language of modern mass information in order to identify new trends in the verbal culture of the Buryats. The language of the media is characterized by active process of updating the socio-political vocabulary, returning of the lexica of spiritual culture in active using.

Keywords: language of the mass media; lexical dearchaization; socio-political vocabulary.

Ученые отмечают, что новая социальная ситуация – рост национального самосознания, развитие всестороннего сотрудничества со странами, принадлежащими к общему культурно-историческому ареалу, обращение к национальному духовному наследию и историческому прошлому – способствуют позитивному языковому и культурному развитию народов РФ. Как известно, словарь каждой эпохи отражает не только реалии эпохи, но и ее идеологию. Перемены во всех областях жизни, перестройка структур культурной, социально-политической жизни стали ключевыми в постсоветском пространстве. В этот период в современном бурятском языке произошли кардинальные изменения, среди которых процессы лексической деархаизации и возвращения в активный речевой обиход массива устаревших слов из фонда старописьменного монгольского языка. Подобные процессы произошли и в русском литературном языке [Шмелькова, 2007, с. 80–83].

Так, в наше время нейтральными и вполне современными стали отдельные единицы административно-политической лексики, бывшие актуальными до революции 1917 г.: *губернатор, губерния, дума, хурал, сенат, сенатор, гулваа* (рус. *голова, глава* > совр. лит. бур. *гулваа* ‘глава администрации’): *Могойтын районной гулваа С. Б. Мажиев ерээ* ‘Прибыл глава администрации Могойтуйского района С. Б. Мажиев’; *эмхи зургаан* ‘учреждение, организация’: *Россиин эрдэмэй академин эмхи зургаан* ‘Учреждение Российской академии наук’, *яаманай сайд* ‘министр’ – *Буряад Уласай соёлой яаманай сайд* ‘министр культуры Республики Бурятия’, *сомон* ‘административная единица, соответствующая сельсовету’ и др.

В связи с изменением формата духовных ценностей и нравственных ориентиров в современном бурятском литературном языке, особенно в языке средств массовой информации, стали чаще использоваться такие формы, как старые модели порядковых числительных: *XIV-дугаар Далай-лама* ‘Далай-лама XIV-й’, составные глагольные лексемы: *буян үйлэдэхэ* ‘совершать добродетели’, *хандиб үргэхэ* ‘вносить пожертвование’, *үргэл хэхэ* ‘совершать обряд жертвоприношения’, *угаа хүндэлхэ*

‘совершать обряд почитания предков рода’, *обоо тахи-ха* ‘проводить религиозный обряд на обоне’ и др.

Стали активно употребляться слова из высокого стиля [Бадмаева, 2012, с. 192–193]: п.-монг. *barayalqaqu*, совр. бур. *бараалхаха* ‘быть на приеме, получать аудиенцию’: *Баатар саган хаанише бараалхаха ёһотойбди* ‘Мы должны представиться Батору-Белому царю’ [Б. Санжин, Б. Дандарон]; п.-монг. *morilaqu*, совр. бур. *морилхо* ‘соизволить, пожаловать; прибывать (о высоком госте)’, п.-монг. *nögčikiü*, (совр. бур.) *нүгшэхэ* ‘скончаться (о высоких лицах)’; п.-монг. *aramnailaqu*, совр. бур. *арамнайла* ‘освятить, освящать’, *даган* ‘следующий’ < *дагау* ‘следовать за кем-чем-л.; сопутствовать кому-л.’: *Бидэ, буддын шажантан, Этигэлов Хамба ламатаяа суг Бурхан Багшын хургаал даган ябанабди* [Буряад Үнэн, 2015, 18 февр., с. 1] и др.

С возрождением духовной культуры в современном обществе в бурятском литературном языке стали широко употребляться архаичные слова из лексики старописьменного монгольского языка: *сансара* ‘материальный мир’, *оршолон* ‘бренный мир’, *галаб* ‘эра, эпоха, период’, *дид* ‘вице-’: *дидхамба* ‘заместитель хамбо-ламы’, *субарга* ‘ступа’, *бойнуур* ‘курильница для благовоний’, *ганжар* ‘украшение в виде золоченого шарика на дацанах’: *Ушар шимэхэ Найдан дооромбо лама «Саг хатуу болобо, саг түрэ хубилба, сүмэ барижэ, бэнише харадаагүйнаа, сүмын ганжарынь Агадах арагдаха юм бэд даа» гэжэ бодоод, Лойлон мандалда зорюулхан дасан Хүлэн-Буурта бодхоохо гэжэ шийдээ* [Буряад Үнэн, 2015, 18 марта, с. 23]; *дүгжүүбэ* ‘буддийский обряд очищения огнем’, *далга* ‘жертвенная снедь’, *жанша* ‘шелковая обертка для священных книг’, *Лойлон // Лойлонг* – святыня Дуйнхор храма – буддийский «дворец, обитель божества», в стиле дворцов индийских царей [Шагдаров, 2006, с. 518]: *Лойлон хадаа Дуйнхор бурханай ордон байрань, буддын шажанай аргагүй ехэ нангин шүтээн гээшэ* [Буряад Үнэн, 2015, 18 марта, с. 23]; *мандал* ‘алтарь’, *жиндагууд* ‘прихожане’, *хадаг* ‘сложенное вдвое шелковое полотнище, которое подносится как приветственный дар почетным гостям’, *хиш морин* ‘конь удачи – флажок с изображением всадника

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

на коне, олицетворяющий мощь, энергетическую силу духа человека», *шэрээтэ* ‘кафедральный или престольный лама’, *убдис* ‘чары, волшебство, магия, колдовство’: «*Маанишн убдистай* арюун сэдхэлээрээ, Түрэлхишн сэсэн оюун ухаагаараа Түбхэндэ намайе гайхуулдаг бэлэй» [Гуруев, 2017]. Более того, даже стали использоваться некоторые архаичные послелогии, например, *үмэнэ* ‘перед’: *Тон түрүүн арадайнгаа үмэнэ* *экономическа болон социальна үрээ дүнгүүдэй түлөө* *Правительство бодото харюусалгатай байха хэрэгтэй*” [Буряад Үнэн, 2001, 19 апреля, с. 5].

Современный мир характеризуется возрождением забытых национальных традиций, обычаев, игр. В наше время стало традицией, когда молодые семьи устраивают детям *милаан(е)* ‘день рождения, при достижении ребенка одного года, причем раньше справляли только один раз в жизни’ [Черемисов, 1951, с. 314]. В дни празднования Сагаалгана, который отмечается уже 25 год со дня возрождения, стали проводиться забытые национальные игры *Һээр шаалгын мурьсөөн* – состязания по переламыванию хребтовой кости крупного рогатого скота, *Шагай наадан* – игра в лодыжки или альчики, *Ёрхо харбалган* – стрельба по лодыжкам (*ёрхо* // *жорхо* ‘небольшая костяная стрела при игре в лодыжки длиной в 20 см, шириной в 1 см’) [Бабуев, 2004, с. 89]: *Уни сагта мартагдахан ёрхо харбалган, шагай наадан үнэргэгдөө һэн* [Буряад Үнэн, 2015, 18 февр., с. 11].

В настоящее время работы, проведенные по реализации государственной программы о языках народов Республики Бурятия, определившей пути повышения статуса бурятского языка как государственного, привели к расширению сферы функционирования бурятского языка. В свою очередь, это активизировало работу над корпусом ключевых единиц общественно-политической лексики в языке бурятских СМИ, который характеризуется восстановлением собственной лексики и отходом от излишних заимствований. Так, многие лексические заимствования из русского языка заменены исконными терминами: *вм. министерство – яаман*; *вм. республика – улас*; *вм. корреспондент – сурбалжалагша*; *вм. журнал – сэтгүүл*; *вм. экономико – эдэй засаг*; *вм. сельсовет – сомон*. *Тэрэ сомоной даргаар табан жэлэй сана Заята Золтоевич Цыдытов хунгагдахан* [Буряад Үнэн, 2018, 4 апр., с. 3]; *вм. президент – юрэнхылэгши: Буряад Уласай Толгойлогшо Алексей Цыденов уласай ажалуугшадта Ородой Холбоото Уласай Юрэнхылэгшын хунгалтада эдэбхитэйгээр хабаадаһанда баяр хүргэбэ* [Буряад Үнэн, 2018, 21 марта, с. 2]; *вм. губернатор – амбан захирагша: 2005 ондо гүрэнэй Юрэнхылэгшиэ Владимир Путин амбан захирагша Аман Тулеевэй бүрин эрхыень 2010 он болотор утадхаһан юм* [Буряад Үнэн, 2018, 4 апр., с. 7] и др.

На современном этапе в условиях возрождения национальной культуры, языка, традиций и обычаев народов России чрезвычайно важной и актуальной проблемой является создание различных словарей, справочников, учебников, учебных пособий, фоно- и видеоматериалов на национальных языках. В этом плане большую ценность представляет вышедший в свет «Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь» в двух томах, созданный трудами Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова [БРС, 2006; 2008]. Состав словаря существенно пополнился многими словами и выражениями традиционного лексикона, которые в условиях социалистической строя, массового распространения двуязычия отошли в пассивный запас словаря.

К ним относятся религиозная терминология – буддийская и шаманская (*архад, ариман, бинвад, балин, бодиза, бодгали, гуштаг, дабжад, дагриг, дамшаг, дарсаг, дамжай, догбо, муни, мэнзэ; дамбарза, жэлэй хаялга, зайбарид, залма, лхантаб* и др.); термины, связанные с традиционными обрядами и обычаями (*басага зайлгалга, далга абхуулга, алтан һабынь татуулга, ластии тудала* ‘попадание в центральную мишень при стрельбе из лука’ и др.); названия традиционной бурятской одежды, обуви, их частей (*һамган дэгэл, басаган дэгэл, һомон дэгэл* ‘гладкая прямая шуба’, *һарьмай дэгэл* ‘летний халат, сшитый из замши’ и др.) и т.д. Многие понятия в настоящее время неизвестны большинству современных бурят, поэтому очень важно то, что каждое из таких названий сопровождается пояснениями на бурятском языке, иногда и на русском, т.е. словарь содержит элементы толкового и энциклопедического словарей. Следует отметить, что в новый дополненный «Бурятско-русский словарь» Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова включены, прежде всего, слова и выражения, востребованные современной действительностью.

Лексика, подвергнутая процессу деархаизации, относится, в основном, к лексико-семантическим группам «Идеология», «Религия, верования», «Национальные традиции, обычаи, игры». Лексическая деархаизация отличается от употребления архаизмов в различных текстах нашего времени тем, что вернувшееся в употребление слово достаточно быстро теряет экспрессивную окраску и временную отмеченность, хотя обозначает похожую, но другую реалию. Реалия попадает в иную культурную ситуацию, а слово – в новый контекст. Важно отметить, что культура каждого народа индивидуальна, она и «определяет свою парадигму того, что следует помнить ..., а что подлежит забвению» [Лотман, 1992, с. 201]. Таким образом, лексика, возвратившаяся в активное употребление в результате деархаизации, некогда сознательно отодвинутая в пассивный запас, вновь обретает свое место в языке СМИ на современном бурятском языке.

Литература

- Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 295 с.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992–1993.
- Черемисов К. М. Буряад-монгол-ород словарь / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 848 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 636 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с.
- Шмелькова В. В. О лексической деархаизации в современном русском литературном языке // Вестник Российского университета дружбы народов. 2007. № 4. С. 80–83.
- Бабуев С. Д., Бальжинимаева Ц. Ц. Буряад зоной урданай һуудал байдалай тайлбари толи. Улаан-Үдэ: Бэлиг, 2004. 352 х.
- Гуруев Ч. Сагай амисхал. Улаан-Үдэ, 2017. (рукопись).
- Санжин Б., Дандарон Б. Заяанай зам. Улаан-Үдэ: Буряадай гүрэнэй номой хэблэл, 1966.

ГЭСЭРИАДА В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ БУРЯТ¹

В статье рассматривается роль и значимость эпоса «Абай Гэсэр» в культурном и духовном наследии бурятского народа.

Ключевые слова: эпос; Гэсэриада; традиционная культура; бурятский этнос.

Dugarov Bair Sonomovich

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

GESERIADA IN THE BURYAT ETHNOCULTURAL TRADITION

The article examines the role and significance of the epic “Abai Geser” in the cultural and spiritual heritage of the Buryat people.

Keywords: epic; Geseriada; traditional culture; Buryat ethnos.

История изучения бурятской Гэсэриады насчитывает свыше 100 лет. За этот период накоплен значительный текстовый материал по Гэсэриаде, требующий всестороннего осмысления и дальнейшего теоретического обобщения. Учеными предыдущих поколений проделана большая работа в сфере исследования исторических корней Гэсэриады, соотношения устных бурятских версий с письменной монгольской, поэтики и эстетических аспектов, что в целом также требует обобщения как условия для нового этапа гэсэроведческих изысканий. Также нужно иметь в виду, что особую актуальность приобретают сакральные, связанные с религиозной мифологией, аспекты бурятской Гэсэриады, прежде в советский период в силу идеологических причин оставшиеся в зоне «запретных» тем.

Уместно напомнить, что наиболее востребованным со стороны исследователей бурятского фольклора оказалось сказительское наследие Маншуда Имегенова, чье имя по праву открывает список наиболее известных бурятских рапсодов, знатоков и исполнителей эпоса «Гэсэр». Оценивая по достоинству улигерное творчество эхирит-булагатского улигершина, Л. Лёринц возводит его в ряд сказителей мирового уровня: «Маншуд Имегенов есть Гомер бурятского героического эпоса» [Lögrincz, 1983, p. 245]. Думается, такой высокой оценки заслуживает и вся сказительская традиция бурят, оказавшаяся достойной своей Гэсэриады. Имена талантливейших сказителей-гэсэричинов Пёохона Петрова, Папа Тушемилова, Парамона Дмитриева, А. Васильева (Альфора), Майсана Алсыева, Аполлона Тороева и др. образуют немеркнувшее созвездие на небосклоне эпической поэзии самой высокой пробы.

Что касается Маншуда Имегенова, улигер о Гэсэре, записанный от него известным монголистом и собирателем фольклора Ц. Ж. Жамцарано в 1906 г., издавался трижды в течение минувшего столетия – в 1930 (Жамцарано), 1961 (Хомонов) и 1995 гг. Последнее – научное двуязычное – издание под названием «Абай Гэсэр Могучий» увидело свет в академической серии «Эпос народов Евразии» в Москве в год празднования 1000-летия Гэсэриады. Также отдельный русский перевод этого улигера был опубликован Н. О. Шаракшиновой в ее книге «Героический эпос о Гэсэре» (Иркутск, 1969). Помимо того, М. П. Хомоновым были изданы имегеновские сказания «Ошор Богдо и Хурин Алтай» – о сыновьях Гэсэра (1964), «Еренсей» (1968) и «Буха Хара хубуун» (1972). Самая же первая запись «Гэсэра» Маншуда Имегенова была произведена в 1900 г. американским ученым Дж. Куртином во время его поездки к усть-ордынским бурятам и опубликована в 1909

г. в книге «Путешествие в Южную Сибирь» в Бостоне на английском языке. Стало быть, весь XX век для бурятской фольклористики прошел как бы под знаком Маншуда Имегенова и его «Гэсэра».

Такого пристального внимания со стороны эпосоведов как отечественных, так и зарубежных не знает ни один эпический памятник в сибирской фольклорной традиции. Думается, подобное отношение к эхирит-булагатской версии Гэсэриады вполне правомерно. Как справедливо отмечает А. И. Уланов, улигер М. Имегенова занимает в эпическом творчестве бурят самое заметное место, и вряд ли мировой эпос знает столь архаичный и интересный для науки образец [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 6]. Неслучайно, именно этот улигер лег в основу обоснования идеи о праздновании 1000-летия эпоса «Гэсэр», ставшем ярким событием в культурной жизни Байкальского региона на исходе XX века.

Сложилась бурятская школа гэсэроведения, представленная именами А. И. Уланова, Н. О. Шаракшиновой, М. П. Хомонова, С. Ш. Чагдунова и др. Их труды приобрели широкую известность в российском эпосоведении и за рубежом. В связи с этим необходимо сказать несколько слов об А. И. Уланове, чья научная и общественная деятельность составляет весомый вклад в гэсэроведческую науку Бурятии. В 1953 г. под редакцией А. И. Уланова в серии «Материалы по бурят-монгольскому фольклору» подготовлен и введен впервые в научный оборот текст унгинского вариант «Гэсэра» П. Дмитриева в записи Д. Хилтухина. В 1960 г. выходит первое в бурятском эпосоведении двуязычное академическое издание сказительского варианта П. Петрова «Абай Гэсэр» в записи И. Н. Мадасона со вступительной статьей, подготовкой текста, переводом и комментариями А. И. Уланова. Это знаковое событие в бурятской фольклористике обозначило качественно новый этап, созвучный современному уровню эпосоведческих исследований.

Основные итоги научных исследований проблем «Гэсэра» изложены А. И. Улановым в книгах «К характеристике героического эпоса бурят» (1957), «Бурятский героический эпос» (1963), «Древний фольклор бурят» (1974). Особо следует сказать о второй из этих монографий. Она является публикацией его докторской диссертации. Посвящена характеристике древних основ эпических произведений бурят в контексте их этнической истории и культурно-хозяйственной традиции. В исследовании широко привлекается в качестве одного из важных источников эпос «Гэсэр», в котором, как и в других древних бурятских улигерах – памятниках устного народно-поэтического

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4 «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика», № АААА-А17-117021310268-2).

творчества, нашли образное художественное воплощение особенности мировоззрения и образа жизни прибайкальских племен. Изданная почти столетия назад монография А. И. Уланова «Бурятский героический эпос» сохраняет свою научную актуальность и сегодня. Не случайно она переиздана в 2009 г. в связи со 100-летием со дня рождения ученого.

Следует сказать, что наряду с научными изысканиями и академическими публикациями наиболее самобытных сказительских версий Гэсэриады важной акцией в деле популяризации эпоса «Абай Гэсэр» явилось создание его сводного варианта на литературном бурятском языке. Эта задача была понята как самими учеными – исследователями эпоса, так и представителями писательского цеха в силу особой значимости данного улигера как национального достояния номер один. Сама идеология становления и развития национальной литературы и бурятского литературного языка как двуединого словесно-художественного процесса вызвала необходимость решения этого вопроса. Героический эпос «Абай Гэсэр», испокон веков существовавший на различных диалектах и говорах бурят-монгольского языка и широко известный бурятам, живущим по обе стороны Байкала, был призван соединить многовековую устную традицию эпического слова с общепринятым литературным письмом бурят XX в.

В связи с этим необходимо особо отметить большую заслугу и роль Н. Г. Балдано как автора сводного текста эпоса о Гэсэре, что стало главным делом его творческой жизни. По своему объему труд писателя можно назвать масштабным – 23 608 поэтических строк содержит литературный свод бурятской Гэсэриады. Для сравнения напомним, что текст «Илиады» Гомера состоит из 15 689 стихов. «Абай Гэсэр хүбүүн» Н. Балдано издавался дважды на бурятском языке в Улан-Удэ – в 1959 и 1969 гг., и с тех пор стал библиографической редкостью.

«Гэсэр», правда, далеко не в полном виде – выходил в Москве в издательстве «Художественная литература» (1968 г. и 1973 г.) в переводе С. Липкина, с иллюстрациями Александры Сахаровской и приобрел широкую популярность. Полностью в художественном переводе на русский язык, выполненном Вл. Солоухиным, он был опубликован в двух томах большим тиражом в 1986 г. в Улан-Удэ, а затем переиздан в Москве в 1988 г.

Важным событием в культурной жизни Бурятии последних лет стало новое, по счету третье, переиздание бурятского литературного свода эпоса «Абай Гэсэр хүбүүн» Н. Балдано. Оно увидело свет в 2007 г. на языке оригинала и с полным русским переводом С. Липкина, тиражом 3000 экземпляров. Отметим, что такого рода единовременное двуязычное художественное издание, содержащее все девять ветвей, пролог и эпилог эпоса, осуществлено впервые. Оформление и иллюстрирование эпоса «Гэсэр» выполнены на высоком профессиональном уровне известным бурятским мастером Ч. Б. Шонхоровым. В целом, сводный текст бурятской Гэсэриады оказался востребованным и перспективным не только в родной национальной культуре, но и в евразийском пространстве.

Существенным шагом к осознанию бурятской Гэсэриады как этнокультурного и духовного феномена явился выпуск в 2006 г. Национальной библиотекой РБ электронной коллекции DVD «Гэсэр» – бурятский героический эпос»,

включающей четыре разноплановых, но тематически взаимосвязанных между собою раздела. В первом разделе «Бурятский героический эпос» рассматриваются две разностадиальные версии бурятской устной Гэсэриады – эхирит-булагатская и унгинская, наличие которых в рамках единой фольклорной традиции позволяет оценить в полной мере богатство и уникальность эпического творчества бурят. Также приводится база данных о наиболее известных сказителях и собирателях бурятского эпоса «Гэсэр» и его исследователях.

Второй раздел «“Гэсэр” в литературе и искусстве» посвящен литературно-художественным, музыкальным и сценическим формам преломления идей и образов Гэсэриады в культурной и духовной жизни Бурятии. Следует отметить литературный свод «Абай Гэсэр хубуун» Н. Балдано, богато и интересно представлена Гэсэриада в творчестве бурятских поэтов, художников, композиторов, мастеров театральной сцены.

Третий раздел «Природно-культурные святыни, связанные с Гэсэром» раскрывает малоизвестный аспект образа Гэсэра, имеющий отношение к природно-культурным достопримечательностям на территории этнической Бурятии. В подобной сакрализованной связи эпического сюжета с ландшафтом видится своеобразная трансформация некогда существовавшего культа Гэсэра, ныне принимающего иные современные формы, основанные на экологической этике и почитании священных мест, что хорошо просматривается в идее создания природно-этнографического парка «Край Гэсэра» в горной Бурятии – Окинском районе.

Четвертый раздел «Гэсэриада как этнокультурный фактор» содержит большой фактологический материал, свидетельствующий о востребованности образа Гэсэра в качестве национального символа в современных условиях. Уникальность исторической ситуации заключается в том, что в переломные 90-е гг. XX в. бурятский этнос продемонстрировал свое этнокультурное и духовное единство, стремление к традиционным идеалам под знаком эпического героя, чье имя испокон веков служило призывом к утверждению света и добра на земле. Так, эпос, сопрягаясь с современностью, обозначил новый, претворенный в сегодняшней реальности лик бессмертной Гэсэриады [Дагбаев, 2016, с. 89–92].

Прошлое и настоящее, особенно XXI век с его признаками тотальной глобализации, убеждают нас в том, что бурятский «Абай Гэсэр», заключающий в себе целый мир традиционных, во многом сакральных, непреходящих ценностей, имеет субстанциональное значение для идентификации национальных основ духовного наследия бурятского народа. Сама история Гэсэриады подтверждает, насколько органично и всесторонне она связана с сердцевинной народного духа и творческим гением многих и многих поколений. И сегодня эпическое наследие бурят остается востребованным при определении этнокультурной идентичности и призвано сыграть в этом направлении немаловажную роль в условиях глобализации. «Гэсэр» по-прежнему находится в центре внимания бурятских ученых, писателей, художников, композиторов. Сам улигер «Абай Гэсэр» в статусе литературного памятника приобретает особую значимость как весомое звено в преемственности и сохранении традиционной культуры и родного языка в современных условиях.

Литература

Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-булагатский вариант), Ч. 1 / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1961. 231 с.

Дагбаев Э. Д. Буряты: Главные вопросы бытия. Улан-Удэ: Нова Принт, 2016. 120 с.

Lörincz L. Natur und Gebrauchsgegenstände als übernatürliche Elemente in den Heldenliedern von Mansut Emegenov // Documenta Barbarorum: Festschrift für Walther Heisig zum 70. Geburtstag 1983. Otto Harrassowitz – Wiesbaden, p. 245–252.

СМЕНА ОБЛИКА И ТРАВЕСТИЙНЫЕ МОТИВЫ В ЭПОСЕ БУРЯТ¹

Мотив смены облика в героическом эпосе бурят реализуется в нескольких моделях и играет важную роль в развитии сюжетного действия. Гендерная перемена облика, связанная с травестийными и маскарадными моментами, привязана к центральному женскому персонажу.

Ключевые слова: буряты; героический эпос; мотив; смена облика.

Nikolaeva Natalia Nikitichna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

CHANGE OF APPEARANCE AND TRAVESTY MOTIVES IN THE BURYAT EPIC

The motive for changing the appearance in the heroic epic of the Buryats is realized in several models and plays an important role in the plot action. The gender change of appearance associated with travesty and masquerade moments is tied to the central female character.

Keywords: Buryats; heroic epic; motive; changing the appearance.

В бурятском героическом эпосе смена облика эпическим героем выступает как отдельный самостоятельный мотив и в то же время тесно связана с мотивом оборотничества, трансформации человека в другое состояние без особых усилий. Смена облика идет на физиологическом и сущностном уровне, присуща и положительным, и отрицательным, и главным, и второстепенным персонажам, и в большинстве эпических сюжетов связана с двумя сюжетными ходами: сватовство эпического героя, брачные испытания, брак; борьба протагониста с антагонистом, подразумевающая не прямое столкновение, а своего рода военную хитрость. Если учесть, что оба этих сюжетных сценария являются основными для бурятского эпоса, то мотивы смены облика и оборотничества фактически выступают одними из сюжетобразующих мотивов. Здесь мы не затрагиваем оборотничество ситуативное, окказионально-сюжетное, например, когда герой, устав скакать в долгом пути, превращается в птицу и летит дальше и т.д., подобные эпизоды не играют сюжетно значимой роли. Эпическое оборотничество, когда герой легко превращается в животное, птицу, насекомое, природный или рукотворный объект, имеет в своей основе глубоко мифологичное представление о двойной, зооантропоморфной сущности человека, об отсутствии четких границ между природой и человеком, который мыслится как неотъемлемая часть окружающего мира.

В контексте матримониального сюжета с брачными испытаниями и браком мотив смены облика имеет особенности, которые не совсем совпадают с особенностями этого же мотива в сюжетах конфликтного типа (противоборства героя и его врага-антипода). Так, можно выделить несколько моделей перемены облика в матримониальных сюжетах:

1. женщина (обычно сестра) принимает облик мужчины (брата) и добывает ему невесту, деву-воскресительницу (поскольку он погиб в схватке с врагами, злокозненными родственниками и т.д.);

2. служанка принимает облик ханской дочери и вместо нее выходит замуж за героя;

3. мужчина-богатырь в низком облике (соплячок-замарашка, старик-пастух или бродяга) сватается к ханской дочери, побеждает в испытаниях и женится на ней;

4. невеста не хочет выходить замуж за героя-богатыря в низком облике и скрывается, превращаясь в

птицу / зверя, иногда пребывая в этом виде некоторое время;

5. сестра после женитьбы брата превращается в зверя и скрывается;

6. чудовище-мангадхай принимает облик человека-богатыря, сватается к эпической героине и становится ее женихом.

Модели, связанные с сюжетами борьбы эпического героя и его антипода:

мужчина-богатырь принимает облик врага, проникает на его территорию (дом, земли, владения), побеждает врагов;

мужчина-богатырь оборачивается животным / насекомым / предметом и выведывает тайны врагов;

мужчина-богатырь в низком облике (старик-пастух или бродяга) проникает к врагам (чудовищам-мангадхам, чужеземным ханам и богатырям);

мужчина-богатырь принимает низкий облик ребенка (сироты, замарашки, подкидыша) и проникает к врагам;

чудовище-мангадхай принимает другой облик, чтобы обмануть героя;

женщина под видом мужчины сражается с врагами (крайне редко).

Для мотива смены облика всегда характерна неузнаваемость персонажа, восприятие его или ее другими персонажами только в том поле, социальном статусе и облике, который они приняли. Возвращение собственного облика происходит естественно и легко в момент, когда неузнаваемость становится ненужной. Это демонстрируют положительные персонажи. Например, выполнив свою задачу – приведя брату невесту-воскресительницу, сестра вновь становится собой, либо принимает зооморфный облик, нужный для развития сюжета [Бурчина, 2007, с. 181–182]. Герой, разведав, что происходит у врага, или уничтожив его внешние души, тут же превращается из старика или младенца обратно в молодого богатыря [Бурчина, 1990, с. 102–103; 183; 218; 325; 357; Бурчина, 2007, с. 193]. В брачных сюжетах богатырь либо сохраняет свой низкий облик до свадьбы, после которой превращается в самого себя, либо окказионально и свободно меняет облик до полного утверждения в статусе мужа ханской дочери, выполнив и постсвадебные задания [Бурчина, 2007, с. 360–362]. Отрицательные же персонажи часто подвержены разо-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4 «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика», номер госрегистрации АААА-А17-117021310268-2).

блачению – жених-мангадхай наутро из человека превращается обратно в чудовище [Шаракшинова, 2000, с. 141], служанка становится собой, когда появляется настоящая невеста [Бурчина, 2007, с. 319–320] и т.д.

Положительные женские персонажи в результате перемены облика обычно не выходят за границы своего социального статуса. Применительно к отрицательным женским персонажам допускается повышение социального статуса (некрасивая служанка превращается в красавицу-царевну). Положительные мужские персонажи в основном тяготеют к понижению социального статуса и в матримониальных, и в воинских сюжетах.

В эпосе встречаются принятие персонажем облика персонажа с другим социальным статусом не только вверх по вертикали, но и вниз (богатырь – в пастуха, бродягу, сироту), возрастное оборотничество (молодого мужчины в ребенка и старика), а также гендерная перемена облика, связанная с травестийными² и маскарадными моментами (женщина в облике мужчины). Эпос допускает смену облика женским персонажем, при этом в равной степени представляя как перевоплощение-оборотничество (женщина «превращается» в мужчину), так и более реалистичное переодевание (женщина надевает мужскую одежду, берет воинское вооружение, и все воспринимают ее как мужчину). Но почти недопустимо обратное – перемена пола мужским персонажем, переодевание его в женскую одежду. Даже если, к примеру, чудовище-мангадхай принимает иной облик, чтобы обмануть героя, то в подавляющем большинстве сюжетов он все равно сохраняет свой пол.

Мотив смены облика с травестийными чертами в эпосе обычно связан с центральным женским персонажем. В бурятском эпосе это сестра-богатырка, добывающая погибшему брату невесту, деву-воскресительницу. Обычно после испытания боевого оружия, подготовки к длительному пути и седлания коня, героиня одевается в походные / боевые одежды. В некоторых сюжетах сестра надевает богатырскую одежду, как бы принадлежащую ей, а в других подчеркивается, что эта одежда не ее, а брата [Шаракшинова, 2000, с. 118]. Надевая его одежду, она выступает и под его именем. В других сказаниях дева-богатырка принимает облик брата [Бурчина, 2007, с. 177]. Часто сказитель словно «забывает», что героиня – девушка, и называет ее мужским именем.

Оппозиция «мужчина – женщина» / «мужское – женское» была одной из основных в представлениях древнего общества. За исключением периодов детства и старости, где она была представлена в ослабленном виде, на протяжении жизни человека следование нормам и правилам половой группы было обязательным и строго соблюдалось. Отклонение от нормы порицалось, а нарушители наказывались с санкции общества. Тем не менее, условная «смена» пола была возможна, а в определенных ситуациях это было даже обязательным. Так, подобное допускалось в досугово-игровых формах традиционной культуры. Например, у славян яркие травестийные мотивы прослеживались в зимней святочновогодней обрядности ряжения.

Предписанная, обязательная «смена» пола была связана с ритуально-обрядовой сферой. Травестизм как обычай ритуального «превращения пола» отмечался среди шаманов северных народностей. Исследователи традиционных сибирских обществ отмечали преобладание в прошлом женского шаманизма, что было связано с материнскими культами. Далее, когда материнский род

утратил свои позиции, стало преобладать почитание божеств отцовского рода, появилось такое явление, когда женщины-шаманки как бы превращались в мужчин. Они одевались в мужскую одежду, выполняли предписанную правилами мужчинам работу, даже «женились». Наблюдалось и обратное – не женщина переодевалась в мужскую одежду, а мужчина – в женскую, т.е. «превращение» мужчин-шаманов в женщин. Исследователи (В. Н. Басилов, С. А. Токарев) считали, что обрядовый травестизм является пережитком матриархата и возникает, когда необходимо важнейшие религиозные функции, некогда выполняемые исключительно женщинами, передать мужчинам. «Травестизм обычно наблюдался в ритуальной сфере. Считалось, что такой перемены требуют духи-покровители. Ритуальное “превращение пола” характеризуется архаическим мировоззрением как признак связи с разными полами, объединяющими в себе их признаки» [Басилов, 1992, с. 4].

Обрядовый травестизм, по мнению Т. И. Борко, можно трактовать как глубинную архетипическую символику андрогина, т.е. существа превращенного пола, совмещающего в себе признаки и того, и другого, и значит, выступающего посредником между противоположными началами, соединяя полярности [Борко, 2003, с. 16]. В силу своей необыкновенной природы он-она наделено неординарными, необычными, превышающими человеческие, способностями – всезнание, мощь, сверхвыносливость и т.д. Соответственно, он-она имеет и возможности, достаточные для того, чтобы совершить подвиг, причем гиперболизированного масштаба, что, возможно, и прослеживается в фольклорных текстах.

Согласно улигерному сюжету, сестра-богатырка едет за невестой-воскресительницей для погибшего брата. Здесь присутствуют оба компонента знаковых, пограничных состояний человека – смерть и создание новой семьи. И в том, и другом случае, согласно мифологическому мировоззрению, между миром человеческим и миром иным слабеют преграды, происходит их своеобразное диффузное взаимопроникновение. Иными словами, брат-богатырь уходит в мир мертвых (пусть и временно), а сестра по сути отправляется за воскресительницей в тот же мир. На своем пути она пересекает границы этого мира, обозначенные реками, морями, высокой горой, лесом. Иногда говорится, что невеста живет за краем земли, дальше того места, в котором сходятся земля и небо – почти прямое указание на другой, «запредельный», а следовательно, нечеловеческий мир. Невеста нередко оказывается дочерью персонажа, который в какой-то мере осмысливается как тотемический первопредок, либо имеются намеки на принадлежность его к ряду хозяев стихий.

По народным представлениям, мир мертвых, определяемый категориями хаоса, не-порядка, аморфности, противоположен и противопоставлен миру живых, упорядоченному и структурированному. Умершие в загробном мире попадают в ситуацию, абсолютно полярную той, в которой они были при жизни. Неправильность, двойственность, бесформенность – это проявление сущности иного мира. В бурятском эпосе женщина переодевается в «неправильную», «неподходящую» ей мужскую одежду, облачается в доспехи, вооружается, седлает боевого, часто определяемого как «священного», посланного высшими духами-онгонами или тэнгриями-небожителями коня мужчины. Подобное абсолютно немислимо в обыденной реальности (как и у

² Травестия – сюжетобразующий прием переодевания персонажа в чужую одежду, сопровождающийся сменой его ролевой функции в произведении [Пуртова, 2002, с. 7].

многих народов, женщина у бурят считалась греховной, нечистой, и существовало множество табу, регламентирующих ее жизнь), и в этом смысле эпический травестиизм может рассматриваться как попытка ввести в заблуждение враждебных (к живым) обитателей потустороннего мира, уподобиться им и стать «своим», таким же неправильным, и таким образом беспрепятственно достичь намеченной цели. Иначе же есть опасность, что герой, вернее, героиня, будет ими уничтожена и навсегда останется в ином мире.

Вернувшись домой вместе с девой-вокресительницей, оживив с ее помощью брата, сестра-богатырка

вновь становится собой. То есть когда героиня выполняет свою основную задачу, которую установил ей эпос, и возвращается из мира мертвых, травестиизм теряет актуальность, становится ненужным, поскольку все становится на свои места, и жизнь приобретает размеренный, «правильный» порядок.

Итак, мотив смены облика в бурятском героическом эпосе реализуется в нескольких моделях, играет важную роль в сюжете, содержит реминисценции мифологических представлений, восходящих к архаичной обрядности.

Литература

Басилов В. Н. Травестиизм (“превращение пола”) в шаманстве // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции: тез. докл. междунар. науч. конф., 15–22 авг. 1992 г. Якутск, 1992. С. 4.

Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, 1990. 449 с.

Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.

Борко Т. И. Обрядовый травестиизм: мифология андрогина или апология женского? // Мужское в традиционном и современном обществе: тез. докл. науч. конф., 6–18 апр. 2003 г. М., 2003. С. 16.

Пургова Н. В. Травестия в русской житийной литературе и эпосе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

Шаракшинова Н. О. Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 154 с.

МОТИВ БУДДИЙСКОГО ХРАМА В ЭПОСЕ¹

В статье рассматривается мотив буддийского храма в бурятской Гэсэриаде. Появление в бурятских устных эпических произведениях более поздних буддийских мотивов свидетельствует о непрекращающихся этнокультурных процессах и вбирании эпосом новых духовных ценностей, которые стали реальными с распространением и принятием буддизма.

Ключевые слова: эпос; улигер; мотив; буддизм; дацан.

Ayusheeva Erzhenai Bairovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

MOTIVE OF THE BUDDHIST TEMPLE IN EPOS

In the article the motive of the Buddhist temple in the Buryat Epic of Geser is considered. The appearance of later Buddhist motifs in Buryat epic works testifies to the ongoing ethno-cultural processes and the inclusion of new spiritual values in the epic that became real with the spread and acceptance of Buddhism.

Keywords: epos; uliger; motif; Buddhism; datsan.

Буддизм, являющийся важным религиозно-идеологическим и культурным фактором на территории Центральной Азии, наложил заметный отпечаток на многие стороны духовной и культурной жизни монгольских народов. Причина широкого распространения буддизма и его популярности в том, что буддизм как религия в новом пространстве вбирал в себя местные мифо-религиозные традиции, адаптировал в своей культовой системе ритуалы, которые сложились у народа к периоду его появления [Жуковская, 1978, с. 24]. Лояльные культовые практики буддизма органично вписывались в местную систему сложившейся религиозной картины, при этом не исключая исконные догматы, а дополняя их, привнося в них новое, не создавая конфликта.

Отражение буддийского мировоззрения, проявлений буддийской идентичности фольклорных персонажей, в первую очередь, эпических героев, описание предметов буддийского культа, возведение эпическими персонажами буддийских культовых сооружений, дацанов, прочих объектов архитектуры, появление буддийских священнослужителей – лам – в фольклорных текстах, в частности в эпосе, представляет собой интересную тему для исследования.

Бурятская эпическая традиция с точки зрения влияния на нее буддийской религии является неоднородной. По словам С. А. Урбанаевой, бурятская мифология как органичная часть древней общемонгольской культуры в большинстве своем сохранила древний пласт тенгрианского мировоззрения, свойственный тюрко-монгольским цивилизациям, существование которых исчисляется тысячелетиями [Урбанаева, 1996, с. 128]. При всей своей первобытности и архаичности бурятские улигеры все же в разной степени подверглись буддийскому влиянию. «Ламская» редакция многих из этих произведений была порой настолько искусной, что практически не задевала традиционной основы эпического произведения. Построение сюжета кардинальным образом не менялось, в текст эпического произведения вплетались буддийские элементы, которые придавали ему иную идеологическую окраску и направленность.

Одним из таких мотивов является мотив буддийского храма. Данный мотив как инвариант имеет мно-

жество конкретных вариантов в разных версиях бурятского эпоса: мотив ханского жилища, ассоциирующегося с буддийским культовым сооружением субурганом, мотив возведения храма Гэсэром или по его указанию. Кроме того, в некоторых вариантах бурятской Гэсэриады встречаем достаточно подробное описание храма для моления (вариант Б. Жатухаева). Но все же частотность данного мотива в бурятской Гэсэриаде несравнимо ниже, чем в монгольском варианте эпоса о Гэсэре, представляющем книжный эпический текст.

Эхирит-булагатский вариант Гэсэриады признан в научной среде наиболее архаичным, поскольку именно архаическая традиция, восприняв сюжет Гэсэриады, развивала его в своей среде. В эхирит-булагатском улигере «Абай Гэсэр-хубун» [Абай Гэсэр-хубун, 1961], описание злато-серебряного дворца, который тысяча бурханов по просьбе Гэсэра спускают вслед за ним на землю, а также дворец, возводимый Гэсэром супруге Санхан Гохон-духэй с детьми, ограничивается лишь указанием на его красоту и роскошь и не испытывает явного буддийского влияния [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 125–127]. Незначительные буддийские вкрапления все же в эхирит-булагатском улигере встречаются, но мотив буддийского храма нами не обнаружен. Описание дворца Гэсэра также не содержит буддийских элементов.

В унгинском улигере «Абай Гэсэр» [Абай Гэсэр, 1960], записанном от сказителя П. Петрова, жилое сооружение представляет собой юрту невиданного совершенства / невиданной красоты / прекрасное сокровище (*үзэлэнги haiхан / үзэлэнги гоё / эрдэни haiхан*). Стоит отметить, что в этом варианте появляется дацан, как культовое буддийское сооружение, возведенное ламой для религиозных практик [Абай, Гэсэр, 1960, с. 213]. Дацан возникает во сне Урмай Гохон, жены героя-богатыря. А великий даянша-лама, якобы отправленный небожителями, является оборотнем Лобсогоя Черного мангадхая, одного из противников Гэсэра. Неоднозначное восприятие мотива буддийского храма в сказительском варианте П. Петрова имеет свои причины, которые являются прямым отражением общественного развития и мифо-религиозного мышления бурят на данном этапе исторической действительности.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4 «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика», № АААА-А17-117021310268-2).

Мотив буддийского сооружения встречается также в варианте Б. Жатухаева на первых страницах рукописи. Храм для молений (*мургэли хүмэ*) в дворцовом комплексе верховного небожителя Хан Тюрмас тэнгрия, небесного отца Гэсэра, описан с достоверной точностью. Учтены многие архитектурные особенности культового здания и буддийская атрибутика. На верхнем этаже буддийского храма горят днем и ночью сто восемь свечей – символ буддийского учения. Именно здесь каждое полнолуние появляется Бурхан-отец (Будда). Второй этаж предназначен для спускающихся с небес бурханов, имеющих тысячелетний возраст, тогда как нижний этаж отведен прародительнице западных тэнгриев бабушке Манзан Гурмэ, в тексте улигера являющейся матерью Хан Тюрмаса [Абай Гэсэр. РО ИМБиТ СО РАН. Инв. № 2510. С. 7–8]. Наличие в эпосе столь подробного трафаретного описания буддийского храма в данном варианте Гэсэриады, по всей видимости, связано с поздней записью улигера из уст сказителя Б. Жатухаева. Функционировавший продолжительное время в устной форме текст эпического произведения, естественно, вбирал в себя новые элементы духовной культуры носителя текста – улигершина Бажея Жатухаева. Ко времени записи текста улигера много буддийских мотивов оказались вплетены в ткань эпоса и уже устоялись в сказительской манере сказителя. То же самое наблюдаем и в монгольской Гэсэриаде, где достаточно подробно описывается возведение храма Хоншим бодхисаттвы по поручению Гэсэра [Гэсэр, 1986]. В разных версиях ойратского героического эпоса «Джангар» ханская ставка также оказывается похожей на буддийскую ступу или монастырь [Бурыкин, 2003].

При анализе стадильно разных вариантов бурятской Гэсэриады, наблюдаем порой существенную разницу не только в характере описаний предметов буддий-

ского культа, характеристике эпических персонажей, получивших впоследствии буддийское звучание, но и в частотности буддийских мотивов. Это объясняется неоднородностью общественно-политического и культурного развития тех ареальных областей, на территории которых бытовал эпос, в период распространения буддийского вероучения на территории Центральной Азии.

Сходство эпических традиций разных монгольских народов Н. Н. Поппе объясняет спецификой этнополитической ситуации в Центральной Азии и Южной Сибири в XIV–XVII вв., т.е. как раз в период формирования монгольского эпоса в его нынешнем состоянии. По словам Н. Н. Поппе, описания дворца героя, воспроизводящего архитектуру буддийского монастыря и одновременно кочевой юрты, равно как и описания его вооружения, коня, одежды, а также его самого относятся к так называемым «общим местам» монгольских эпических произведений [Поппе, 1937, с. 99–104, 106–107]. Поппе отмечает сходство трафаретных эпических описаний (в частности, дворца) в халхаских, ойратских и бурятских традициях, отражающее соответствующие фольклорные связи.

Наличие в бурятских улигерах достаточного количества буддийских мотивов вызывает особый интерес, поскольку бурятская эпическая традиция признается исследователями в наибольшей степени сохранившей свою архаическую основу. Возможно, некоторые из них можно считать следами индо-тибетской культуры, пришедшей в бурятскую эпическую традицию на ранних этапах развития ее развития. Появление в ткани эпических произведений более поздних буддийских мотивов свидетельствует о непрекращающихся этнокультурных процессах, отражающихся в эволюции эпоса, о вбирании им всех новых проявлений духовной жизни народа, которые стали реальными с принятием буддизма.

Литература

- Абай Гэсэр: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; Вступ. ст. А. Уланова; АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
- Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.
- Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 449 с.
- Бурыкин А. А. Почему в Малодербетовской версии «Джангара» ханская ставка похожа на буддийскую ступу? (еще раз к проблеме мотивов изобразительного искусства в «Джангаре») // Буддийская культура и мировая цивилизация: материалы третьей российской науч. конф. Элиста, 2003. С. 69–72.
- Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пб. – М.: Гос. изд., 1923. 254 с.
- Жуковская Н. Л. Народные верования монголов и буддизм (о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 24–36.
- Поппе Н. Н. Халха-монгольский героический эпос. М.; Л.: Изд-во АН СССР 1937. 125 с.
- Урбанаева И. С. Шаманизм монгольского мира как выражение тэнгрианской эзотерической традиции Центральной Азии // Центральноазиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты: материалы междунар. науч. симпозиума, 20-26 июня 1996 г., Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 48–65.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ О ЧИНГИСХАНЕ¹

В фольклоре монгольских народов одной из распространенных тем являются устные рассказы, топонимические предания, генеалогические легенды о жизни и деятельности знаменитых исторических личностей. Среди мифологизируемых исторических персонажей особое место занимает фигура Чингисхана. В топонимических преданиях выявлены основные мотивы, связанные с пространственным хронотопом (военные походы, погоня, охота). В ходе анализа определены реалистичные и мифологические мотивы, установлены устойчивые мифологические мотивы, сложившиеся в культуре монгольских народов. Поводом для мифологизации легендарного образа в основном стали факты прижизненной биографии как самого Чингисхана, так и его сподвижников.

Ключевые слова: жанр; мотив; мифология; история; герой; персонаж.

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation
Dambiyhorloo Narantsetseg
 Mongolian University of Culture and Arts
 Ulaanbaatar, Mongolia

MYTHOLOGICAL MOTIVES IN LEGENDS AND STORIES ABOUT GENGHIS KHAN

Oral stories, toponymic and genealogical legends about life and activity of the famous historic figures are presented in folklore of the Mongolian people. Genghis Khan's figure takes special place among the mythologized historical characters. In toponymic legends the main motives connected with a spatial chronotope (military campaigns, pursuit, hunting) are revealed. Realistic and mythological motives are defined, the steady mythological motives which have developed in the culture of the Mongolian people are revealed. The facts of the lifetime biography both Genghis Khan, and his associates became reasons for their mythologization.

Keywords: genre; motive; mythology; history; hero; character.

Традиционные прозаические повествования (мифы, легенды, предания), встречающиеся в устном бытовании, составляют одну из наиболее крупных и комплексных жанров фольклора. В новейших исследованиях устного творчества определение жанра легенды весьма разнообразно. В нашей статье мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «в легенде соединяются историзм и наивная вера, фактология и утопия, повседневное и сверхъестественное. В отличие от мифа легенда не связана с обрядом и не сосредоточена на выражении архаических пластов сознания, хотя и может их затрагивать. По сравнению с преданием, легенда обладает большей обобщенностью, и в этом смысле она ближе сказке. Но если сказка представляет собой намеренное конструирование воображаемой реальности, то легенда сохраняет статус правдивого повествования» [Поэтика, 2008, с. 358].

В экспедициях по Монголии и Бурятии нами записаны легенды и предания, связанные со знаменитыми историческими и мифологическими именами монгольского мира. В фольклоре монгольских народов одной из распространенных тем являются устные рассказы, топонимические предания, генеалогические легенды о жизни и деятельности знаменитых исторических личностей. Среди мифологизируемых исторических персонажей особое место занимает фигура Чингисхана.

Примечательно, что в Бурятии существует множество топонимических преданий о Чингисхане без развития сюжетной канвы с указанием мест его пребывания. Основной мотив в этих коротких повествованиях – мо-

тив военного похода – связан с пространственными ориентирами для обозначения новых топосов. В событиях (предикатах), связанных с походом, героем является Чингисхан, персонажами выступают его воины, жены. «Система актантов в сочетании с предикатом составляют основу семантической структуры мотива» [Силантьев, 2004, с. 129].

Название села Санага в Закаменском районе имеет несколько этимологий, по одной из версий здесь Чингисхан забыл свой ковш (бур. *шанага*), по другой версии исторический герой Сэнгужаб (Чингуджав) оставил свой ковш на этом месте. В мотиве похода, где главным является движение, отмечается привал как впервые обозначенный топос. Семантику ойконима Харасай (бур. *хара сай* ‘черный чай’) в Закаменском районе местные информанты расшифровывают, связывая с именем Чингисхана. Его воины на этом месте остановились на привале и заварили чай (записано от Намсараева Николая Дашиевича, 1952 г.р., род шошоолог, с. Санага, Закаменский район, Республика Бурятия. Соб. Л. С. Дампилова, 2012 г.). Актуализируется тот же мотив военного похода, привал маркирует чужое пространство. Возможно, более достоверна версия, согласно которой название местности возникло от глагола *хараха* ‘смотреть’, ибо здесь находился караул. Но народ выбирает и с интересом рассказывает вариант, имеющий более древние этимологические связи с собственной историей, с традиционными символами. По обычаю монгольских народов оберегающим хозяевам и духам утром преподносят чай с молоком, а когда находятся вдали от родного очага, то

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ-МОКНМ_а в рамках научно-исследовательского проекта № 18-51-94003 «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая».

заваривают черный чай и посвящают своим духам. В данных рассказах исторический герой не мифологизируется, создается нарратив как бы на достоверной почве с реально возможными событиями, связанными с историческими походами героя.

Притягательность имени Чингисхана доказывает тот факт, что наряду с традиционными более древними топонимическими преданиями параллельно существуют развернутые повествования, связанные прямо или косвенно с его именем: «В дороге жена Чингиса устала. Они остановились у реки. Жена от усталости стала капризничать. Чингис в честь ее назвал реку Эрху ‘капризная’» [Небесная дева лебедь, 1992, с. 166]. Думается, повторяющиеся параллельные версии преданий доказывают недостоверность сочиненных правдоподобных историй о военных походах Чингисхана по нынешней бурятской земле.

О названии мыса Кобыля голова на острове Ольхон существует предание, что здесь воины Чингисхана оставили после своей стоянки огромный таган. Интересными кажутся размышления Г. Ф. Миллера об этих многочисленных историях: «По рассказам монголов, Чингисхан имел свое главное местопребывание при реках Ононе, впадающей в Шилку, и Куринлуме, впадающей в озеро Далай. Они же рассказывают, что Чингисхан иногда доходил со своими кочевьями до озера Байкал. Доказательством этого должен будто бы служить таган, поставленный им на горе, на острове Ольхон, который находится на указанном выше озере, и на тагане большой котел, в котором лежит лошадиная голова. Хотя я не получил подтверждения этому от бурят, живущих в окрестностях озера Байкал и на острове Ольхон, я все же считаю приведенное известие о владениях Чингисхана весьма вероятными, так как первые завоеванные Чингисханом земли – Китай и Тангут – лежат поблизости» [Миллер, 2005, с. 423]. Устойчивость мотива похода и привала как ведущего топоса показывает однотипность сочиненных по одному образцу топонимических преданий.

В монгольском мире (в Цагаан-Ууле, Ханхе Хубсугульского аймака, в Закаменском, Селенгинском районах Бурятии) распространены названия вершины гор Уран Дүшэ ‘наковальня’. По шаманским мифам кузнецы спускаются с небес на горы, чтобы ковать железо, так и в этих устных рассказах, являясь главным героем, образ Чингисхана мифологизируется как образ кузнеца с небесными корнями. «Историческая личность в мифе укрупняется, приобретая сверхъестественные размеры и способности. В устных рассказах о Чингисхане миф, исконно являясь символичным, свободно выходит за социально-исторические и пространственно-временные рамки» [Дампилова, 2017, с. 465].

Одним из распространенных мотивов в рассказах о Чингисхане является мотив погони, также связанный с идеей движения. В монгольском мире развитым является реалистичный сюжет о коварных женах Чингисхана, взятых из плененных народов и желавших погубить его. В следующем рассказе Чингисхан женится на девушке невиданной красоты, которая оказалась оборотнем. В данном случае вводится мифологический компонент – образ оборотня, придавая всему повествованию ирреальный характер. Когда ее разоблачили, она, превратившись в черную лисицу, убегает от Чингисхана, а далее развивается трафаретный мотив погони, во временной последовательности маркируя каждый этап остановки. Примечательно, что все обозначенные топосы, точно семантически подобраны в соответствии с народной

этимологией: «Они гнались за ней по территории Монголии, Читинской области, и в районе с. Торей Джидинского района снял хан свой лук в Номто, да не выстрелил, поэтому деревня стала называться Номто (от бур. *ном* ‘лук’). В северном Торее бил родник, который был закупорен Чингисханом. Из него впоследствии разлилось озеро, которое назвали *Таглай* (от бур. *таглаха* ‘закупоривать, затыкать’)... Чингисхан на протяжении многих дней скакал вверх и вниз вдоль Торейя в погоне за лисицей и заблудился. Так появились села Верхний и Нижний Торей (от бур. *төөрхэ* ‘блуждать, плутать, терять дорогу’). В 6-7 км к юго-западу от Нижнего Торейя есть местность под названием Подхулдочи (бур. *Хадхалдааша*). Именно там, по преданию, Чингисхан, наконец, настиг черную лисицу и убил, пронзив копьем (от бур. *хадхаха* ‘колоть, втыкать, вонзать’)» (записано от Санжай-Сурэн Раднаевой, 1947 г.р., с. Малый Нарын, Джидинский район, Республика Бурятия. Соб. Л. С. Дампилова, 2010 г.). Итак, все названия последовательно расшифрованы с соблюдением статуса «правдивого повествования».

Мотив погони за настоящей лисицей повторяется в предании о названии местности *Онохой* в долине рек Уды и Шара-Улунки в Заиграевском районе: «Вдруг Чингисхан увидел лисицу и поскакал за ней, но конь споткнулся, и зверь успел убежать. «У-у, шара нохой!» – закричал он с досады» [Маслова, 2008, с. 157]. Стоит отметить лаконичность языка и информативность повествования в топонимических преданиях. Предание, как правило, осознается как реальность, содержит повествование как бы об имевших место событиях, в них образ Чингисхана показан в реалистических конкретных ситуациях.

Как правило, сакральные события, имеющие отношения к легендарному имени, как в мифах, происходят вне определенного исторического времени. Шаманская святыня Даян Дэрх, находящаяся в Хубсугульском аймаке, имеет древние мифологические корни. В легендах подобного характера в народном сознании время становится нейтральным, бесконечным, мифологическим. Исторический персонаж Чингисхан в контексте мифологического повествования вслед за основным мифологическим героем также приобретает мифологический статус.

О Даяндэрхе существует следующая легенда: *Даяндэрх шүтээн нь эрт дээр үед Чингисханы ургийн гүнжийг хулгайлан аваад Онон мөрнөөс Хэнтий нуруу, Минжийн хангай дамжуулан зугтаж Буурын голын адаг Тужийн нарсны хөлд Чингисийн баатруудад гүйцэгдэж удган мод болон хувилжээ. Тэндээс Түшиг цагаан нуур Товхонхон, Хантийн нуруу дамжин хөөгдэн зугтсаар Дээрхийн голын адагт дахин гүйцэгдэж сэлмээр хөмсгөө тас цавчуулаад чулуу болон хувирсан гэдэг домогтой. Хаднаас агуйд нүүсэн* ‘В древние времена он, украв принцессу из рода Чингисхана, бежал с реки Онон через Хэнтэйский хребет и Минжийн хангай. Когда воины Чингисхана догнали его у устья реки Буур, у подножья Тужийн нарс, он превратился в дерево-шаманку. Оттуда он дальше бежал через Тушиг цагаан нуур, Товхонхон, Хантийский хребет, однако у устья реки Дэрхи его снова настигли и отсекали ему мечом брови. После этого он превратился в камень. В дальнейшем со скал перекочевал в пещеру’ (записано от Хадан Пурвын Жамсарана, 87 лет, бурят (закаменский), Цагаан Уур Хубсугульский аймак, Монголия. Соб. Л. С. Дампилова, 2011 г.). Сюжет повествования раскрывает причину появления каменного идола, соединяя мифоло-

гическую историю с вымышленным, как бы достоверным событием. По новейшим исследованиям, мифология входит в состав двух наук – семиологии и истории, или, как пишет Барт: «...семиологии как науки о формах и идеологии как исторической...» [Барт, 2008, с. 269]. И во всех устных повествованиях образ Чингисхана как легендарной исторической личности востребован как национально значимый знак.

В связи с присоединением бурят к России в устных рассказах распространяются сюжеты, связывающие Россию с легендарным именем. В легенде «Ромашка» жена Чингисхана уехала в Москву, там родила сына, и дальше развивается сюжет легенды о восхождении на престол рода Романовых. В ходе развития сюжета используется известный в буддийских нарративах мифологический мотив зажженной свечи: «Свеча должна была загореться у того, кому суждено стать царем. Многие бояре и князья пробовали зажечь свечу, но ни у кого из них она не загорелась. А едва Ромашка поднес огниво с кресалом, как свеча вспыхнула сама по себе. Но и тогда князь и бояре все сомневались, как это бедный кучер, человек без роду и племени, станет царем» [Небесная дева лебедь, 1992, с. 167].

В сюжете повествования правдоподобные версии как бы достоверного характера перемежаются с мифологическими вставками: «Чингис вручил ему шапку-корону, царскую крестообразную печать-тамгу и знамя-сулдэ». Характерное для жанра смешение исторических временных и пространственных параметров дополняется мифологическим временным аспектом: «Кучер стал

царем. Бояре хотели убить его. Тогда вдруг возник перед ними верхом на тигре сам Чингис» [Небесная дева лебедь, 1992, с. 167]. Мифологический мотив защиты явно выдержан в буддийских тонах, герой появляется на тигре как буддийские божества. Необходимо подчеркнуть, что вставные мифологические мотивы в тексте значительно влияют на семантическое развитие сюжета. Мифологизированное имя исторического персонажа в сюжетной канве с его магическим вмешательством, сверхъестественной силой изменяет статус основного героя.

В топонимических преданиях выявлены основные мотивы, связанные с пространственным хронотопом (военные походы, погоня, охота). В ходе анализа определены реалистичные и мифологические мотивы, установлено использование устойчивых мифологических мотивов, сложившихся в культуре монгольских народов. Поводом для мифологизации легендарного образа в основном стали факты прижизненной биографии как самого Чингисхана, так и его сподвижников.

В устных рассказах, фиксируя исторические события, народ отражает своеобразие своей духовной и материальной культуры. Как важнейший компонент этносознания монгольских народов образ Чингисхана в устной хронике отдельной местности используется параллельно с другими версиями. С эстетической точки зрения образ Чингисхана востребован в обыденной, повседневной жизни как связь с необычным историческим именем, легендарное имя создает динамику всему повествованию.

Литература

- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 384 с.
- Дампилова Л. С. Миф и история в топонимических легендах и преданиях бурят и монголов // Мир Центральной Азии–IV. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 464–468.
- Маслова С. В. Названия окрестности поселка Онохой Республики Бурятия // Имя. Социум. Культура: материалы II Байкальской междунар. ономастической конф., 4–6 сент. 2008 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2008. С. 157–159.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. 1. 3-е изд. 630 с.
- Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883. 1026 с.
- Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной. Intrada, 2008. 358 с.
- Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАСТ В УСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ БУРЯТ¹

В статье рассматриваются важные для раскрытия мифологической основы устных произведений несказочной прозы бурят аспекты – тематика, функциональные характеристики сюжетов и персонажей, особенности национального мировидения.

Ключевые слова: мифы; легенды; предания; устные рассказы с мифологической основой.

Tsybikova Badma-Khanda Badmadorzhievna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation
Myagmarsuren Odmandakh
 Mongolian University of Education
 Ulaanbaatar, Mongolia

MYTHOLOGICAL LAYER IN THE NOT FANTASTIC PROSE OF BURYATS

The article deals with the some aspects of the not fantastic prose of Buryats such as theme, functional description of plots and characters, national worldview features. The investigation of these aspects is important for identifying of their mythological origin.

Keywords: myths; legends; traditions; oral stories of mythological foundation

В бурятских мифах, легендах, преданиях, устных рассказах с мифологической основой, объединяющихся в один жанр несказочной прозы, содержатся первые попытки разьяснения явлений природы и общества, непонятных древнему человеку. Интерпретация ими на своем уровне происходивших процессов, мировосприятие наших предков, основанное на архаических представлениях, находили выражение в примитивных художественных образах. «Обстоятельства деталей, из которых исходит миф и которые являются исходными предпосылками рассказа, представляют собой мифологическую картину мира. Как легко догадаться, эта картина мира в нашем сознании противостоит научной. По этому признаку мы легко ее определяем. Но для современного человека мифологическая и научная картины мира взаимопроницаемы, и одно легко переходит в другое» [Неклюдов].

В мифологических повествованиях, известных по материалам бурятских этнографов и фольклористов, которые были собраны и изданы, описывается множество персонажей, фантастических и реальных существ и предметов, обстоятельств, ситуаций, сюжетов. Отдельные аспекты сакральной сферы традиционного бурятского общества (верования, обряды, запреты, почитаемые культы и др.); специфика мифологического сознания членов родового общества наиболее образно и ярко отразились в подобных мифологических рассказах.

Важнейшей особенностью мифологического мышления является то, что древний человек не умел выделить себя из окружающей его природы, наделяет явления природы человеческими качествами. По его представлению, природа имеет такую же жизнь, как и он, она имеет такие же особенности и запросы, как сам человек, поэтому зачастую выстраивали образы по своему подобию. Перенесение человеческих качеств на природу порождало очеловечивание мира.

Очень древними являются мифы космогонические. В древнебурятских мифах сказания о сотворении мира и людей окружающий мир представляется сплошным мраком, темнотою, хаосом, где все находилось в бесформенном состоянии и было покрыто пылью и туманом, где царили тишина и безмолвие. Широкая популярность мифологических сюжетов, связанных с водной стихией, объясняется тем, что от воды зависело благополучие, качество жизни кочевников: рост трав, состояние пастбищных угодий, и, в конечном счете, развитие скотоводства. Земля выступает началом, дающим жизнь всему материальному, является источником жизни, созидательницей всего доброго. Универсален мотив сотворения земли из горсточки песчинок, глины или комочка земли, добытой со дна моря.

В бурятском фольклоре определенное место занимают мифологические мотивы о небесных светилах – Солнце, Луне и звездах. Солнце считалось хозяином тепла и света, по солнцу люди ориентировались для организации ежедневного распорядка дня, быта и уклада жизни. Мифологические рассказы о луне, полнолунии, затмении луны у бурят были распространены достаточно широко, особенно развиты мотивы об определенных запретах по отношению к ней, нарушение которых имело негативные последствия.

Не меньший интерес, чем солнце и луна, вызывали у древних людей звезды, звездное небо. Так, бурятами сложены мифологические произведения о Полярной звезде (*Алтан гадахан*), Венере (*Ухаа Солбон*), Млечном пути (*Тэнгриин оёдол* ‘небесный шов’), созвездии Большой Медведицы (*Долоон үбгэд* ‘семь старцев’). Солнце, небо, луна, гром, молния и другие явления природы в период господства анимистических представлений служили предметом поклонения людей как существа величественные, обладающие огромной силой. Поэтому су-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ-МОКНМ_а в рамках научно-исследовательского проекта № 18-51-94003 «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая».

ществует немало бурятских мифов, связанных с небесным миром. Здесь уместно привести следующую цитату, подтверждающую эту мысль: «Не все человечество, но отдельные этносы, социальные слои, общины, религиозные секты считают определенные мифы своим достоянием, верят в них» [Березкин, 2009, с. 2].

В сюжетах мифологического характера разрабатываются мотивы о появлении первых людей (в том числе содержащих описание, каким создал его бог); о тех или иных особенностях зверей, птиц, почитании отдельных представителей животного мира и т.д. Кроме того, в подобных рассказах используются мотивы о фактах наличия хозяев гор, рек и связанные с этим слухи и толки – припоминания-утверждения, касающиеся определенной местности, о встрече с духом местности / сверхъестественным существом. К ним примыкают мотивы, связанные с существовавшими в быту определенными правилами, запретами, табу.

В системе несказочной прозы бурят выделяются легенды и предания, иллюстрирующие религиозные представления последователей шаманского и ламаистского культа. Основу сюжетов о шаманах составляют: первое – мотивы о появлении шаманов. Согласно представлениям исполнителей мифологических рассказов, шаманизм появился вместе с первыми людьми. Второе – в устных рассказах бурят об известных в народе служителях шаманского культа доминируют, безусловно, мотивы о магическом даре шаманов и шаманок, подчеркивается их связь с высшими божествами – вершить над ними суд может только *Эсэгэ Малан*. Третье – немало зафиксировано в устной прозе бурят повествований о противостоянии служителей двух параллельно существующих бурятских культов. Так, в них шаманы и ламы в основном состязались в показе своих необычных качеств, проявляя различные сверхъестественные способности. В устных же рассказах о необычных качествах и умениях буддийских

священнослужителей преобладают мотивы о духовных лицах, являющихся перерожденцами-*эгэгэнами*.

Особое место в структуре мифологических рассказов бурят занимают демонологические рассказы о духах (*боохалдой*), зооантропоморфных духах низшей мифологии шаманизма (*ада*), оборотнях (*ороолон*), людоедах (*харшан*) и связанных с ними суевериях и охранительных мерах для защиты.

Таким образом, в мифологических сюжетах, прежде всего, усматривается попытка древних людей познания, освоения, упорядочивания окружающего мира. По мере развития общества создается более развернутая народная картина этого постигнутого мироздания. В ситуациях, когда отдельные явления, объекты, понятия, не поддаются осмыслению, объяснению человеком, порождаются мистические образы, основанные на суеверных предрассудках, представлениях, религиозных верованиях. «Свою функцию экспликации, пропаганды и распространения традиции миф как социорегламентирующий фактор осуществлял через систему установок, правил и запретов. Последние составляли «идейную основу» мифологических повествований («историй») и ритуалов соответствующего прецедентного содержания, которые представляли обозначенные установки и правила в сакрально-образной форме исходного образца и тем самым диктовали необходимость их неуклонного выполнения» [Артеменко, 2006, с. 9]. Исследование мифологических повествований бурят важно не только для того, чтобы понять, о чем думали наши предки, но и выявить художественные образы, сюжетно-мотивный фонд, определенные социокультурные установки этноса, в целом способ познания мира древними людьми. Произведения несказочной прозы являются «устной летописью» бурятского народа, в которых заложены определенные культурно-мировоззренческие ориентации, народно-философская оценка бытия.

Литература

Артеменко Е. Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации. Опыт структурно-когнитивного анализа / Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. Т. 2. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 6–24.

Березкин Ю. Е. Мифы Старого и Нового Света. М.: Астрель, 2009. 113 с.

Неклюдов С. Ю. Как соотносятся мифологическая и научная картины мира? // URL: <http://postnauka.ru/video/31579>.

ПРЕДАНИЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БУРЯТИИ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ С КОНКРЕТНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТАТАР, МОНГОЛОВ, КИТАЙЦЕВ¹

Наряду с баргутами, предания о которых фиксируются в Баргузинском районе Республики Бурятия, народами-предшественниками, исчезнувшими с конкретной территории по причине появления на ней русских, в русских преданиях могут выступать татары, монголы, китайцы. Независимо от этнической приуроченности образов исчезнувших народов, связанные с ними мотивы традиционны и довольно устойчивы.

Ключевые слова: русские предания; традиция; мотив; исчезнувшие народы.

Tikhonova Elena Leonardovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

THE LEGENDS OF RUSSIAN OLD INHABITANTS OF BURYATIA ON THE DISAPPEARANCE OF THE TATARS, MONGOLS, CHINESE FROM CONCRETE PLACE

In Barguzin district of Republic of Buryatia legends about the Barguts as forerunners are fixed. The Tatars, the Mongols, and the Chinese are also mentioned in the Russian legends as people, who had disappeared from concrete territory before the Russians came. Regardless of ethnic affiliation of the images of the disappeared peoples, associated with them motives are traditional and stable.

Keywords: the Russian legends; the tradition; the motive; the disappeared peoples.

В фольклорной традиции русских старожилов Бурятии бытуют предания о народах, населявших Забайкалье до прихода сюда русских. Такими народами выступают баргуты, монголы, татары, китайцы. Однако если предания о баргутах фиксировались на территории Бурятии, начиная с 30-х гг. прошлого века, то предания, типологически схожие с преданиями о баргутах, но где фигурируют другие народы, хотя и фиксировались собирателями, но с исследовательской точки зрения начали изучаться только в начале нашего столетия.

Предания о баргутах записывались, главным образом, в Баргузинской долине, месте обитания предполагаемого древнего племени². В других же районах Республики Бурятия зафиксированы предания, в образно-мотивном плане очень близкие преданиям о баргутах, однако мифическое для русских старожилов Бурятии племя баргут в повествовании заменено на ныне существующие этносы монголов и татар. Одно такое предание записано в с. Шигаево Кабанского района РБ: *Где сейчас стоит село наше, Шигаево, тогда был сплошной лес, ... Первыми жителями были монголы и татары. Они были сильны, большой кости, даже сейчас имеют места в песке, где видны скелеты людей. Сразу видно, что они были большого роста. Они хоронили сами себя. Возьмут поставят стойки в яму, залезут в нее, обвалят землю, и она их задавит. Потом они увидели, что выросла белая береза, а до этого белой березы не было в здешних местах. Монголы узнали по этим белым березам, что придет белый царь, это значит – русский; и многие монголы вместе с татарами убежали, а многих русский царь Атилла, который потом пришел сюда, разбил. Их было здесь очень много, потом они вымерли. Русские построили несколько домов, первыми поселились Шигаевы* (зап. Колодин Д. М. от Кузнецова Н. Л., 70 лет, в с. Шигаево Кабанского района РБ в 1956 г.). В приведенном повествовании местными жителями как предшественники осознаются не мифические баргуты, о которых в здешних местах, может, и не слышали, а

конкретные ныне живущие этносы – монголы и татары (эпические, а не этнические татары, по аналогии с монголо-татарским нашествием). В связи с этим возникает и новый мотив военного контакта аборигенов с русскими поселенцами, который отсутствует в преданиях о баргутах. Интересно, что вождь гуннов, живший и правивший в V в., становится "русским царем". В остальном же предание традиционно и состоит из тех же мотивов, что и предания о баргутах – определение аборигенов как больших, сильных; мотив нахождения «следов» (*скелеты людей*); мотив появления белой березы; мотив самопогребения. Так же, как и в преданиях о баргутах, на периферии возникает топонимический мотив, объясняющий название села Шигаево (*первыми поселились Шигаевы*).

В Бичурском районе Республики Бурятия было записано предание о первопоселенцах, содержащее мотивы преданий об исчезнувших народах. Народом-предшественником в нем также выступают монголы: *А раньше здесь монголы жили. Вон там, на горе, когда пахали, находили стрелки железные, божков разных. А как пришли сюда русские, монголы стали сами себя давить. Такой сделает балаган вроде из камней, сам в него залезет и подрубит стойки. Ну, его там и заваливает* (зап. Найдаков В. Ц. от Крылова В. Л., 1888 г.р., в Бичурском районе РБ в 1960 г.). Исторически-прагматическая основа этого предания проявляется прежде всего в мотиве оставления аборигенами «следов» своего пребывания (*когда пахали, находили стрелки железные, божков разных*). Стремление объяснить находки порождает мотив пребывания исчезнувшего народа на конкретной территории, причем исчезнувшим древним народом в предании выступают монголы. Традиционная причина исчезновения народа-предшественника с данной территории – появление русских. Традиционен и способ исчезновения – самопогребение. Все мотивы повествования, таким образом, оказываются семантически связанными между собой, порождающими один

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4 «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика», № АААА-А17-117021310268-2).

² Об этом мы написали уже не одну статью.

другой. И тот факт, что народом-предшественником выступает ныне живущий и активно контактирующий с русскими этнос – монголы – вообще не смущает рассказчика. Такова сила традиции.

Как правило, мотив «аборигены – монголы» порождает в тексте мотив военного столкновения аборигенов с русскими поселенцами: *Что монголы жили – это точно. Они много тут пооставляли. Блюдце золото нашли, печать монгольску. <...> Монголов тут жило много. <...> Росейские как погнали их, так до Кяхты угнали. Монгол воевал, строил каменные избы. Еще есть сохранившиеся. В Шибертуге много* (зап. Игумнов В. А. от Кавизина Ф. К., 1900 г.р., в с. Малый Куналей Бичурского района РБ в 1960 г.). В данном рассказе, наряду с традиционными мотивами оставления «следов», самопогребения (который в тексте не до конца реализован – «строил каменные избы», однако легко прочитывается с учетом вышеприведенного предания (запись Найдакова В.Ц.): *...сделает балаган вроде, из каменьев, сам в него залезет и подрубит стойки. Ну, его там и заваливает*), появляется мотив военного столкновения, отражающий исторические реалии периода колонизации сибирского региона.

Как предшественники на определенной территории осознаются монголы и в бурятских преданиях. Что интересно, исход монголов с конкретной территории также связывается в бурятском предании с появлением белой березы: *До прихода наших (бурят. – Е. Т.) сюда, в этой местности (в Иволге. – Е. Т.) жили монголы, которые перекочевали в глубь Монголию потому, что здесь начали расти березы, которые, по их мнению, предвещали нападение или угрозу со стороны белых народов. Остатки этих монголов есть в виде больших плит, камней и т.д. в Иволге* (зап. Хадахнэ К. от Базар Нимаева, бурята, 55 лет, в Средне-Иволгинском сомоне во время праздника Сагаалган, 4 февраля 1927 г.). Народом-предшественником, т.е. народом, жившим на данной территории еще до бурят, в предании осмысливаются монголы. Образ березы в бурятском предании функционирует в значении предвестника появления «белых народов» и обладает апотропеической функцией. Характер «следов», оставленных монголами, связан с историко-этнографическими реалиями. «Большие плиты, камни» – это материальные свидетельства распространения на обширной территории степных районов Монголии и Забайкалья в VIII–VII вв. до н.э. культуры плиточных могил. По внешнему виду они представляют собой неглубокие четырехугольные ямы, обставленные изнутри большими неотесанными каменными плитами, торчащими над поверхностью почвы в виде прямоугольных высоких оградок [Дугаров, 1991, с. 14]. Налицо корреляция мотивов «аборигены – монголы» и оставляемых ими «следов». Причем в бурятских преданиях монголы не самоуничтожаются (как в русских), а укрываются в «глубь Монголию». Буряты, генетически связанные с монголами, постоянно контактирующие с ними, в силу этого обстоятельства не используют мотив самоуничтожения в тех преданиях, где этносом-предшественником являются монголы.

Любопытно, что в бурятских преданиях предшественниками на конкретной территории могут осознаваться не только монголы, но и китайцы. *Березы раньше здесь не были. Эти края (Тункинская долина. – Е. Т.) раньше были заселены китайцами. Когда белые березы начали расти, они поняли, что эта земля будет заселена русскими, белыми. И они сами укрывались. Признак белой березы как дух большой нации переселяется ран-*

ше. За духом народ идет. Это бытует такой разговор среди бурят. Ямы – китайские овраги. Следы оросительной системы. Название так осталось – китайские овраги (зап. Матвеева Р.П., Тихонова Е.Л. от Байминова Ш.Д., 1926 г.р., бурята, в с. Кырен Тункинского района РБ в 1995 г.).

В связи с тем, что в бурятском предании этноспредшественник – китайцы, по-иному трактуется и мотив оставленных ими «следов» – ямы. Ямы в этом случае – следы оросительной системы. Подобный характер «следов» объясняется историческим фактом (изобретение китайцами оросительной системы), сохранившимся в памяти носителей устной традиции. Так, мотив «аборигены – китайцы» вызывает к жизни оригинальный мотив «следов» – «ямы – следы оросительной системы», что еще раз доказывает неразрывную связь и взаимовлияние мотивов в фольклорном произведении, а также их прагматическую составляющую.

Интересна в приведенном типе преданий и трактовка образа белой березы. Она воспринимается не просто как предвестник, а как дух нации, за которым идет русский народ. В русских преданиях белая береза выступает как символ нации. Как пишет М. М. Громыко, «береза выступает как символ русской нации, как знак ее распространения» [Громыко, 1975, с. 83]. И не случайно именно березу в преданиях народная традиция делает предвестником появления на конкретной территории русских поселенцев. Издревле береза воспринималась славянами (и не только славянами) как священное дерево, обладающее особыми магическими свойствами, одним из которых являлся оберег от нечисти [Громыко, 1975, с. 83]. А исследовательница Н. И. Шутова считает, что «береза символизирует обжитое окультуренное человеческим коллективом пространство» [Цит. по: Бессонов, 2016, с. 59].

В славянской мифологии береза символизировала чистую мать-природу [Костомаров, 1994, с. 29]. В малороссийских песнях и сказках береза, по свидетельству Н. И. Костомарова, «всегда символизирует мать» [там же, с. 41]. В этой связи интересно отметить, что в бурятской мифологии береза несет в себе мужское (фаллическое) начало и символизирует отца-производителя [Скрынникова, 1999, с. 88]. Декодирование семантики образа березы в бурятской мифологии проясняет и смысл того, что у шаманов традиционные трость-посох-жезл (символ посвященности и / или власти), как правило, были сделаны из березы [Дугаров, 1989, с. 158], которая была у монгольских народов сакральным деревом. «Береза была почитаемым деревом с древнейших времен у индоевропейских и тюрко-монгольских народов ... свои трости-жезлы бурятские шаманы вырезали из растущей в шаманской роще толстой березы» [Дугаров, 1991, с. 130, 138]. Важно здесь и мужское (фаллическое) начало березы как символа силы и плодovitости [см. об этом: Скрынникова, 1999, с. 87].

В связи с этими данными совершенно прозрачной становится семантика белого дерева (березы) в бурятских преданиях об исчезнувших с конкретной территории народах, где также присутствует мотив белого дерева, с появлением которого народ-предшественник ушел с мест обитания. Однако если в русских преданиях белая береза выступает для народов-предшественников дурным знаком, то в бурятских преданиях белое дерево выступает в своей предупредительной роли: оно предупреждает об опасности прихода белых людей (береза и для бурят выступает в роли оберега). Это объяснимо: сакральное для монголоязычных племен дерево не мо-

жет быть дурным знаком, оно может обладать только положительной семантикой. То же и в русских преданиях: для русских поселенцев береза несет положительный заряд, зато для монголов, татар и китайцев (подчеркнем – в русских преданиях) – отрицательный. Отсюда можно сделать вывод о том, что в русских преданиях о народах-предшественниках и в бурятских преданиях о появлении белых людей образ березы обладает амбивалентными свойствами, которые объясняются сакральным характером дерева для обоих народов.

Отметив факт бытования в бурятских преданиях мотива «аборигены – китайцы», мы считали, что в преданиях русских старожилов Бурятии об исчезнувших древних народах этот мотив отсутствует. Однако фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район (где компактно проживают старообрядцы) Республики Бурятия в декабре 1999 г. дала фиксацию этого мотива: были записаны два текста преданий, в которых в образе исчезнувших аборигенов выступают наряду с монголами и китайцы. *Сначала-та жили здесь китайцы и монгольцы. Юрты тут. ... А когда березник-то пошел, а тогда и сказали, что усё, березник пойдет – белый человек придет сюда* (зап. Миронова Н. А. от Ивайловской С. С., 1941 г.р., семейской, в с. Десятниково Тарбагатайского района РБ в 1999 г.). Во втором тексте наряду с образом белой березы присутствует и сюжетобразующий мотив самопогребения: *И рассказывала мне тоже*

моя старенькая прабабушка. И вот она говорила, что они, люди-то вот эти – монголы и китайцы – они даже заходили, говорит, рыли в оврагах такие землянки, подрубали их и засыпались сами, погибали, говорит. Да, потому что именно березы стали расти в этих местах, и они уже предполагали, что должен белый человек прийти (зап. Миронова Н. А. от Вишняковой Г. А., 1969 г.р., в с. Десятниково Тарбагатайского района РБ в 1999 г.).

Образ китайцев в сюжетно-тематической группе преданий об исчезнувших народах выступает в ряду аллообразов – баргуты, монголы, китайцы, татары. И опять же следует отметить, что если в бурятском предании китайцы, поняв, что земля будет заселена русскими, «сами укочевали» (не используется, как и в случае с предшественниками-монголами, мотив самоуничтожения), то в русском предании китайцы, как и монголы, «засыпались сами, погибали», т.е. присутствует традиционный для преданий об исчезнувших древних народах мотив самопогребения.

Таким образом, в русских преданиях нашего региона об исчезнувших народах этноним «баргуты» (в районах, где племя баргут не обитало) может замещаться более известными названиями этносов – монголы, китайцы и татары. Однако независимо от этнической приуроченности образов аборигенных народов в русских преданиях мотивы (по сути мифологические), с ними связанные, традиционны и довольно устойчивы.

Литература

- Бессонов И. А. Мордовский эпос о Тюште и русские и финно-угорские предания о чуди // Традиционная культура. Научный альманах. 2016. № 4 (64). С. 54–66.
- Громько М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII – начале XX в. (Сборник научных трудов). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1975. С. 71–109.
- Дугаров Д. С. Об исполнении бурятских улигеров // Музыка эпоса: статьи и материалы. Йошкар-Ола, 1989.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Костомаров Н. И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. 688 с.
- Скрынникова Т. Д. Космогонические мотивы бурятской мифологии // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 1999. С. 87–89.

РАЗДЕЛ 7

ДУХОВНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: БУДДИЗМ, ШАМАНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

DOI 10.30792/ 978-5-7925-0521-6-2018-287-289

Янгутов Леонид Евграфович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
yanguta@mail.ru

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО В БУРЯТИИ¹

В статье рассматривается формирование Просвещения в Бурятии как идеологического течения, происходившее на рубеже XIX–XX вв. Дается его характеристика как отражения национального самосознания бурят. Показана тесная связь Просвещения и обновленчества, которое явилось реакцией на реформы царского правительства, его попытки насильственной христианизации бурятского населения.

Ключевые слова: Просвещение; обновленчество; национальное самосознание; буддизм; просветительство.

Yangutov Leonid Evgrafovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

ENLIGHTENMENT AND RENEWAL IN BURYATIA

The article shows the formation of Enlightenment as the ideological trend formed in Buryatia on the cusp of the 19th and 20th centuries. The author characterizes it as the reflection of the Buryat's national identity. The close relationship of Enlightenment and renovation is shown as the reaction to the Tsarist government reforms and its attempts to force the Buryat population to convert to Christianity.

Keywords: Enlightenment; renewal; national consciousness; Buddhism, education.

Просвещение как идеологическое течение возникло в Англии во второй половине XVII в. и распространилось впоследствии по всей Европе, в России и в странах Востока. Оно стало крупнейшим общественно-политическим и культурным явлением эпохи становления капиталистических отношений, оказало большое влияние на развитие философской мысли как в странах Запада, так и Востока.

Основными характеристиками просвещения стали, во-первых, убеждение в решающей роли разума, во-вторых, попытки осознания человеком себя и общества, в котором он пребывает, их места в окружающем его мире, в-третьих, распространение знаний, образования. В Европе Просвещение стало провозвестником торжества разума и образования науки и философии над невежеством, схоластической ученостью, господством теологии. Просвещение как прогрессивное идейное течение было направлено на поиски путей преобразования отживших форм государственности, социальных порядков и утверждения, тем самым, нового восприятия, новой философии. В странах Востока Просвещение оформилось в XIX–XX вв. и было направлено не столько против религиозного засилья, сколько против иноземного ига, оно было тесным образом связано с национально-освободительным движением.

И. Кант характеризовал просвещение как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия», под которым понимал «неспособность пользоваться своим рассудком» [Кант, 1966, с. 27]. Поэтому девизом Просвещения он провозгласил: «нимей мужество пользоваться собственным умом» [Кант, 1966, с. 27]. Главным условием для такого Просвещения Кант считал свободу публичного пользования собственным разумом, которое может быть осуществлено «кем-то как ученым перед

своей читающей публикой» [Кант, 1966, с. 29]. Только пользование таким разумом может способствовать просвещению людей. Однако при этом Кант настаивал на необходимости частного пользования разумом, которое должно быть ограничено, но так, чтобы не мешать развитию Просвещения [Кант, 1966, с. 29].

Просвещение в Бурятии как кантовский «выход из состояния своего несовершеннолетия» тесным образом связано с процессом национального самосознания бурят, который, восходит к середине XIX в., когда передовые представители бурятской интеллигенции стали выражать свои взгляды по поводу бурятского народа как единой национально-этнической общности со своими культурными традициями. В своих трудах они исследовали историю, быт, традиции своего народа, стараясь определить его место в центральноазиатском и российском пространстве и наметить дальнейшие перспективы его развития.

Этот процесс проходил в условиях монополии двух культур: тибето-монгольской и русской. Поэтому осознание себя как этноса происходило в системе взаимодействия этих культур. Попытки определения своего места в условиях этого взаимодействия и поиски своих истоков стали первыми попытками «пользования собственным рассудком». Процесс национального самосознания проходил на фоне распространения грамотности среди бурят, создания собственных письменных произведений и пропаганды светских и религиозных знаний. Еще будучи в составе монгольских племен, буряты были приобщены к старомонгольской письменности, а в XIX в. эта письменность получила достаточное широкое для того времени распространение. Параллельно со старомонгольской письменностью среди бурят распространялась русская грамота. В этой обстановке было

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

совершенно закономерным становление двух течений бурятского просветительского движения: одно в рамках тибето-монгольской, а другое в рамках русской, преимущественно революционно-демократической культур. Тибето-монгольское течение по сути своей было буддийским. Оно включало в себя как религиозное направление, так и светское, хотя и в рамках буддийского мировосприятия. Дело в том, что буддизм к середине XIX в. получил на территории Бурятии самое широкое распространение, став существенным и необходимым компонентом культурной, социальной и политической жизни бурятского общества и необходимым компонентом повседневной жизни бурят. Он стал социально востребованным и консолидирующим фактором бурятских родов, сыграв огромную роль в формировании национального самосознания бурят. Поэтому деление на светское и религиозное направления в рамках тибето-монгольского течения является весьма условным.

Это получило отражение в сочинениях бурятских религиозных деятелей И.-Х. Гальшиева, Л.-Д. Данжинова, Г.-Ж. Дылгирова, Г.-Ж. Тугульдурова и др. Так, например, И.-Х. Гальшиев в своем сочинении «Зерцало мудрости разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам», пояснял бурятам правила их поведения в быту, с одной стороны, в контексте светских законов, но с другой стороны, в соответствии с религиозными требованиями [см.: Гальшиев, 1966]. Сочинения Л. Д. Данжинова, посвященные пропаганде религиозной морали, были написаны в соответствии с гражданскими нормами верующих. Они преследовали цель регламентации поведения бурят в общественной и духовной жизни. В таком же контексте писал свои сочинения Г.-Ж. Дылгиров. Г. Ж. Тугульдуров, создал тибето-монгольский словарь «Светильник, разъясняющий значение слов», который был предназначен для чтения буддийской литературы не только ламами, но и мирянами. И.-Х. Гальшиев, Л.-Д. Данжинов, Г.-Ж. Дылгиров, Г.-Ж. Тугульдуров, а также Р. Номтоев, Т. Тобоев, братья Н. и Ц.-Ж. Сахаровы и другие представляли собой тибето-монгольскую ветвь просветительского движения в Бурятии. Литературная деятельность представителей тибето-монгольской ветви была посвящена не только пропаганде буддийского учения и морали, но и изучению и осмыслению истории бурят, приобщению широких масс к индийской, тибетской, монгольской и своей культуре. Она была направлена и на распространение грамотности среди бурят, пропаганде не только религиозных, но светских знаний [см.: Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв., 1983; Гальшиев, 1966; Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии, 1985; Буярадай бэшэг, 1993]. При этом их деятельность не была полностью оторванной от русской культуры. Так или иначе она соприкасалась с ней, Р. Номтоев был тесно связан с деятелями русской культуры [см.: Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии, 1985], «История баргузинских бурят» Ц.-Ж. Сахарова была переведена и опубликована в Иркутских губернских ведомостях [см.: Буярадай бэшэг, 1993].

Представителями Просвещения в рамках русской демократической мысли были Д. Банзаров и М. Хангалов, научная и просветительская деятельность которых хорошо известна. Здесь же необходимо упомянуть большую роль в просветительской деятельности передовой русской интеллигенции в лице декабристов Н. Бестужева, М. Бестужева, К. Торсона, И. Шимкова, которые не только способствовали просвещению бурят, но и побуждали их к научно-просветительской деятельности.

Позже это были представители областничества Г. Потанин, Н. Ядринцев и др.

Деятельность бурятских просветителей XIX в. подготовила почву для становления в Бурятии Просвещения как «свободы публичного пользования собственным разумом». В конце XIX – начале XX вв. Бурятия как восточная окраина России была вовлечена в процесс капиталистических преобразований, которые втягивали бурятскую интеллигенцию и духовенство в политическую сферу. В июне 1900 г. был принят закон о землеустройстве, а в апреле 1901 г. закон об общественном управлении. Аграрная реформа в значительной степени ущемляла интересы коренного населения – бурят, трактовалась в пользу колониальной политики правительства. Ущемляли права бурят и административные реформы, которые упраздняли степные думы и органы родового управления. Уничтожалось самоуправление бурят, вводились русские суды и русское делопроизводство. Русификаторская политика сопровождалась насильственной христианизацией бурят. Подобные меры правительства не могли не вызвать сопротивление как среди простого населения, так и среди передовой интеллигенции.

Просвещение в Бурятии возникает как реакция против русификаторской политики царского правительства, против насильственного внедрения православия среди бурят. Лидеры бурятского Просвещения Ц. Жамцарано и Б. Барадин, получившие европейское образование, и находившиеся под влиянием русской культуры, увидели в буддизме средство консолидации бурятского народа. Необходимость такой консолидации была обусловлена насильственной ассимиляцией и христианизацией бурятского народа [Буддизм..., 2016, с. 256]. Однако ситуация, сложившаяся к тому времени вокруг ламаистской церкви, вызывала большое недовольство лидеров Просвещения. Их недовольство вызывала пышная обрядность ламаизма, роскошь, в которой пребывала ламская верхушка, а также духовно-нравственное падение лам, которые занимались торговлей, спекуляцией, пьянством и азартными играми. Свое недовольство этим обстоятельством проявляли и передовые представители духовенства. Все это явилось толчком для движения за обновление буддизма.

Деятельность бурятских просветителей во многом обусловила формирование обновленческого движения в Бурятии, поэтому Просвещение в Бурятии и обновленчество тесно связаны между собой. Со стороны буддийского духовенства движение за обновление буддизма начали А. Доржиев, Ч. Иролтуев, Ганжува-рэгэн. Идейным вдохновителем этого движения стал ученый, политик, дипломат А. Доржиев. Обновленцы преследовали цель приспособления буддизма к новым условиям. Отвергая пышную обрядность ламаизма, они призывали вернуться к философско-этическим истокам раннего буддизма. Наряду с этим, обновленцы уделяли большое внимание просвещению народа. Идеология обновленчества явилась одной из форм проявления национального самосознания бурятского народа. Выступая за защиту своего этноса от ассимиляции, в то же время они оставляли бурятам возможность приобщения к русской, европейской культуре, опираясь на свою религию – буддизм [Буддизм..., 2016, с. 265]. В недрах этого движения происходит публичное осознание своей общности с монгольским миром, начинается движение за возрождение единства монгольских народов, за возрождение монгольской государственности и культурной общности. Лидерами этого движения стали Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, М. Богданов, Г. Цыбиков, Б. Барадин, которые помимо общественно-политической деятельности

занимались также и научно-педагогической, просветительской. В их научных изысканиях, публицистических выступлениях в периодической печати, в полемике друг с другом оформлялась общественно-политическая платформа бурятской интеллигенции, их философское осознание действительности [Базар Барадин, 1993; Ширапов, 1993]. Общественные идеи лидеров бурятского Просвещения и обновленчества не были едиными, во многом каждый из них придерживался собственной позиции.

Организационно обновленческое движение оформилось в первые годы советской власти. Принципы модернизации обновленцев были приняты Всебурятским съездом буддистов (1922), закреплены «Положением об управлении делами буддистов» и «Уставом внутренней жизни буддистов». Реформы обновленцев встретили упорное сопротивление консервативного крыла ламства

во главе с Э. Вамбоцыреновым. Между обновленцами и консерваторами разгорелась ожесточенная борьба. Обновленцы, увидевшие в марксизме близкие буддизму идеи, проявляли лояльность к советской власти, пытаясь приспособиться к реалиям советской действительности. Консерваторы, осуждая обновленцев за их лояльность к советской власти, выступали против нее. По словам К.М. Герасимовой, «консерваторы и обновленцы внешне спорили по догматическим вопросам, но, по существу, речь шла о признании и непризнании советской власти» [Герасимова, 1964, с. 99]. Противостояние между двумя лагерями буддистов продолжалось до 1930-ых гг. В 1930-ые годы жестоким репрессиям подверглись и консерваторы, и обновленцы. Жизнь Агвана Доржиева и других лидеров обновленчества была трагически прервана, буддийская церковь в Бурятии была полностью разгромлена.

Литература

Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии. Улан-Удэ, 2016. 456 с.

Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. 128 с.

Буриадай бэшэг. Улан-Удэ, 1993.

Базар Барадин: жизнь и деятельность. Улан-Удэ, 1993. 141 с.

Гальшиев И.-Х. Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам. Улан-Удэ, 1966. 370 с.

Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930). Улан-Удэ, 1964. 179 с.

Кант И. Собрание сочинений. М., 1966. Т. 6. 743 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв. Новосибирск, 1983. 236 с.

Ширапов Ю. С. Бурятская интеллигенция и общественно-политическая мысль Бурятии в начале XX в. Улан-Удэ, 1993.

155 с.

БУДДИЗМ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

В статье обсуждается проблема взаимоотношений институционализованного буддизма с российским государством и православной церковью в позднеимперский период. Анализируются различные аспекты истории межрелигиозного противостояния на материалах Бурятии.

Ключевые слова: буддизм; православие; Российская империя; идентичность; религиозная конкуренция.

Amogolonova Darima Dashieva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

BUDDHISM IN RUSSIAN POLITICAL PRACTICES (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

The paper deals with the problem of relationship between institutionalized Buddhism, the Russian state and the Orthodox Church in the late imperial period and analyzes various aspects of the history of interreligious confrontation on the materials of Buryatia.

Keywords: Buddhism; Orthodoxy; Russian Empire; identity; religious competition.

История существования буддизма в Российской империи характеризуется беспрестанным стремлением государства и православной церкви ограничить деятельность буддийского духовенства среди бурят и калмыков, чтобы уменьшить и в дальнейшем прекратить его влияние полностью. Например, в 1866 г. министр народного просвещения Д. А. Толстой обратился в канцелярию Обер-Прокурора Святейшего Синода с предложениями об усилении православных миссий среди калмыков: «вот уже полтора века, как народ этот живет между русскими и православными, и в течение столь долгого времени просвещение едва его коснулось, а Церковь вовсе не просветила Христианством. <...> нужно предварительно уменьшить число ламайского духовенства, до того здесь распространенного, что на каждые 72 души приходится по одному духовному лицу. <...> бездействию Церкви и православного правительства внутри самой империи, конечно, не может продолжаться бесконечно, и христианство должно наконец взять верх над язычеством, иначе религиозная пропаганда может последовать со стороны смежных с калмыками киргизов, исповедующих веру магометанскую» [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 36. 2 отд. 3 ст. Ед. хр. 249].

В отношении бурят преследовались сходные цели. Законодательным основанием считалось «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» (1853 г.). Примечательно, что хотя Положение носило запретительный характер, православное руководство было им недовольно, полагая, что оно дает буддийскому духовенству чрезмерно большую свободу. А поскольку данное Положение никогда не было принято в качестве закона, то и православные деятели, и светские чиновники прилагали усилия не только для его безоговорочного выполнения, но и для его изменения в сторону ужесточения мер против буддизма. Так, Верхнеудинский окружной начальник издал специальное распоряжение для Хоринской степной думы и участковых приставов, в котором, в частности, говорится следующее: «§ 41 Положения о ламайском духовенстве ламам предоставлено

в районе своих приходов с разрешения ширетуев для исполнения духовных треб, как то: молитв при рождении, смерти и браков, по § 1 циркуляра Главного управления Восточной Сибири <...> безусловно запрещает какое бы то ни было богослужение вне дацанов. <...> До меня доходят слухи, что не только местные ламы совершают идолослужение вне дацанов, но даже и выходцы из Монголии, чего во всяком случае не должно быть допускаемо и терпимо. <...> Иметь постоянное неослабное наблюдение, чтобы означены закон не нарушался и в случае обнаружения такого нарушения своевременно составлялись протоколы дознания, которые представлять ко мне для ходатайства о лишении лам духовного звания, а монгольских выходцев ко водворению из Забайкалья» [Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 310].

Подавление буддизма преследовало конечную цель, состоявшую в христианизации всех бурят, поскольку считалось, что только православие, государственная религия империи, обеспечивало патриотизм и лояльность. А буддизм, равно как и иные «иностранные» религии, подозревался в том, что мог служить проводником идеологического влияния из-за границы. Тактические же действия подразумевали недопущение расширения буддийской проповеди среди предбайкальских бурят-шаманистов и препятствование укреплению позиций буддийского духовенства в Забайкалье.

Расширение социальной базы буддизма происходило благодаря мероприятиям, направленным на искоренение шаманизма, тогда как первоначально мыслилось, что именно шаманисты должны были стать основной массой новообращенных в православие. А в реальности западные, предбайкальские, буряты-шаманисты довольно активно воспринимали буддизм, даже если ранее были окрещены. Выполнявшие задачу крещения видели причину такого положения вещей в том, что инородцы, новообращенные в православие, в действительности не становились христианами. В своем «Отчете о состоянии Епархии в 1861 г.» Иркутский епископ Парфений признается, что крещение бурят за-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», № 14-18-00444.

частую носит формальный характер: «Большая часть их знают христианство только по имени» [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51].

Выяснение причин сложностей в проведении крещения приводило к выводам о том, что христианство связано с земледелием, распространению которого среди бурят препятствуют «климатические влияния, не позволяющие развиваться главному занятию оседлого населения – хлебопашеству, отчасти их собственная неразвитость и наконец неблагоприятные в этом отношении влияние ламайского духовенства». И если переход к оседлым формам хозяйствования, как в 1868 г. высказался в своем отчете генерал-губернатор Восточной Сибири М. с. Корсаков, это неизбежное следствие сокращения территорий для кочевничества и охоты, то административные меры могут ускорить христианизацию: «Деятельность же местного начальства состоит только в устранении могущих тому препятствовать искусственных влияний и в содействии распространению между ними христианского учения, которое наилучшим образом служит развитию их в гражданском отношении и поднятию между ними уровня нравственных понятий. Как на условие, способствующее искусственным образом отчуждению инородцев от оседлой жизни, должно указать на влияние ламайского духовенства и на действующее ныне положение о инородцах, которое, предоставляя им весьма важные преимущества и льготы по землевладению и несению государственных повинностей, ставит их в исключительное перед русским населением положение и как бы поощряет их кочевое состояние. А потому было бы желательно подчинение инородцев общим действующим в Российской Империи законам и устранение влияния лам, посредством распространения в среде инородцев христианской религии» [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 431].

По сравнению с буддизмом, шаманизм представлялся властям значительно меньшим злом, поскольку Положение 1853 г. существенно укрепило позиции буддийского духовенства, наделив его организационным единством и возможностями для проведения агитации, тогда как «до того времени обязанности духовенства для наших бурят исполняли так называемые шаманы или чародеи, кудесники, не имевшие и доселе не имеющие никакой организации в смысле особого привилегированного, сплоченного, имеющего свою иерархию сословия и потому гораздо менее вредные, чем ламы. И для нашего общества гражданского, и для распространения христианства» [Там же. 412].

В 1886 г. в Восточную Сибирь был командирован князь Э. Э. Ухтомский для выяснения, насколько точно буддистами выполняются статьи Положения. В отчете «Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним», позже представленном Э. Э. Ухтомским в Министерство иностранных дел, анализируется состояние буддийской религии среди бурят, дается критика государственной политики по отношению к буддистам и предлагаются меры для того, чтобы противодействовать ламству, «не прибегая к резким мероприятиям, напротив, искусно пользуясь его же собственными неразумными желаниями и слабостями» [Материалы по истории, 2011, с. 167]. Э. Э. Ухтомский отмечал, что огосударствление буддийской церкви и упорядочивание ее структуры происходило вследствие ошибочной политики административных органов, что привело к укреплению позиций буддизма: «Дацаны за честь считали стоять как за каменной стеной под защитой различных

правительственных распоряжений и дозволений. В этом они издавна видели свой важнейший оплот <...> Доказательством правоты перед начальством являлся целый арсенал прежде дарованных льгот и удовлетворенных ходатайств. <...> Почти с уверенностью можно высказать, что если бы дацаны не сделались так рано центрами ламской пропаганды, инородцы не подпали бы скоро под иго могущественнейшей из языческих религий» [Материалы по истории, 2011, с. 176–178].

Следует отметить, что предбайкальские буряты-шаманисты не поддавались не только христианизации: проповедническая деятельность буддистов тоже не была особо эффективной. По этому поводу бурятский национальный лидер Михаил Богданов в журнале «Сибирские вопросы» писал, что агитация А. Доржиева и Ц. Жамцарано среди западных бурят по переходу в буддийскую веру не была успешной, поскольку, по мнению местного населения, необходимо почитать своих духов, с которыми остаешься, когда уважаемые буддисты уезжают [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 394].

Решение об изъятии духовных дел ламаитов Иркутской губернии из ведения хамбо-ламы, утвержденное Александром III 7 июля 1889 г., стало следствием стремления и светских, и духовных властей оградить прибайкальских бурят – основного объекта окрестительной политики – от забайкальских буддийских священнослужителей во главе с хамбо-ламой: «сосредоточение власти в руках одного главного ламы придает силу и значение ламской пропаганды среди местных язычников и препятствует распространению между ними христианства» [Материалы по истории, 2011, с. 100].

Между тем, и государственные чиновники, и здравомыслящее православное духовенство понимали, что одними лишь запретами и стараниями окрестить язычников добиться снижения влияния буддизма на бурят было невозможно. Поэтому на протяжении второй половины XIX в. предпринимаются попытки сближения православных с носителями бурятской культуры. Еще в 1850-е гг. иркутский епископ Евсевий сформулировал предложения о квалифицированной православной проповеди среди бурят на их родном языке, чтобы иметь возможность парировать такие, например, аргументы со стороны буддистов в лице Цяряна Тухаева, главы Куйтинского инородческого ведомства: «Что я <...> буддист – это правда; но я не стыжусь этого, потому что моя религия учит любить ближнего, творить добро, говорить правду, не клеветать и проч. Чем я мог помешать делу православной миссии?» [АВ ИВР РАН. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 13].

Этой цели могли послужить высокообразованные молодые люди, получившие высшее или среднее образование в семинарии, а также полное миссионерское и университетское образование по монгольскому языку; в их число предлагалось включить не только русских, но и детей крещеных бурят [РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 275]. Епископ Евсевий полагал, что только так миссионеры могли бы доказывать преимущества христианского учения по сравнению с буддизмом, поскольку вели бы проповедь среди бурят-буддистов на их языке и в терминах их культуры.

Парфений, Иркутский епископ, занявший этот пост в 1860 г., в 1861 г. предпринял большое путешествие по епархии. Одной из целей его поездки было выяснение, как буряты относятся к православию, каковы причины противодействия крещению и миссионерским проповедям, а также поиски «людей как христиан, так и инородцев, которые могли бы оказать возможное содействие

при обращении инородцев в христианство» [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51]. «Для пособия в наблюдении над инородцами» и для установления лучшего контакта с буддистами Парфений пригласил в спутники миссионера протоиерея Доронтьева – буряты и бывшего буддийского ламу, который оказался полезен для успеха миссионерских проповедей, лично обратив в православие более 50 человек и оказав помощь в составлении проекта об образовании миссий [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51].

Выдающийся востоковед А. М. Позднеев, знаток монгольской и бурятской культуры и сторонник необходимости христианизации инородцев, полагал, что для обращения инородцев в православие следует придерживаться принципа убеждения. Он так же, как и епископ Парфений, полагал, что миссионерская деятельность недостаточно эффективна вследствие того, что миссионеры не стремятся овладеть бурятским языком и культурой, поэтому и не способны убедить инородцев в превосходстве христианства над буддизмом. Выступая в 1895 г. перед студентами Миссионерского института, А. М. Позднеев убедительно советовал им овладевать знаниями о бурятской культуре и таким образом достигать внимания и доверия со стороны бурят.

Характеризуя предшествующее состояние миссионерства, А. М. Позднеев отметил, что даже при наличии большого желания усилия были безрезультатными: «Служители Христа, отправляясь к языкам (язычникам. – Д. А.), прилагали всевозможное старание к просвещению их светом Евангельского учения; но что могли они сделать, прежде всего при недостаточности своих знаний относительно языка, верований и быта инородцев?» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 125].

Для убедительности он прибегнул к авторитету Евангелия от Матфея: «Заботясь наипаче о заблудших, горохищивых <...> овцах дома своего, Православная Церковь никогда не забывала и второго завета Господа: “научите вся языки”. <...> насаждение веры христовой среди язычников составляет непрерывную заботу России, хотя поистине беспримерный в истории челове-

ства политический рост нашего отечества и поставлял непреодолимые препятствия к желаемому в рассматриваемом отношении успеху» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 125].

Именуя буддизм предметом борьбы будущих миссионеров, А. М. Позднеев советовал разъяснить «несостоятельность его учений» путем изучения не буддизма в целом, а его центрально-азиатской формы, поскольку «учения Будды и Цзонхавы исходили не только из различных, а даже противоположных основ, оттого доктрины их установились на совершенно различных началах и в развитии своем достигли того, что конечные цели одного вероучения почти совершенно игнорируются другим» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 125].

Последнее замечание имеет важный смысл в контексте исследования отношений между буддизмом и православием. А. М. Позднеев указывает на необходимость ознакомления не только с догматическими основами буддийской религии, но и со всей совокупностью конкретных религиозных представлений и практик, формирующих этническую картину мира и, что важно, политические представления о миропорядке. Следовательно, изучение буддийской религиозной культуры, содержащееся в призывах А. М. Позднеева, подразумевало для него сближение между этнокультурными общностями и дальнейшей, как он предполагал, религиозной гомогенизацией, под которой подразумевалось православие – оплот российской идентичности.

При этом, несмотря на весьма болезненный процесс становления и укрепления буддийской общины в условиях действия запретительных законов, институализированный буддизм в Бурятии выказывал и доказывал свою лояльность империи и воспитывал в своих последователях верноподданнические чувства к монархии и государству. Таким образом, буддийская религиозная идентичность бурят стала неотделимой от идентичности российской.

Литература

Материалы по истории буддизма в Забайкалье XIX – нач. XX вв. / сост. и авт. введ. Н. В. Цыремпиллов. Улан-Удэ-СПб., 2011 // URL: <http://imbarchive.ru/index.php?topic=10> (дата обращения: 10.10.2017).

ИСТОЧНИКИ ПО ГЕНЕАЛОГИИ КРЕЩЕННЫХ ИНОРОДЦЕВ В МАТЕРИАЛАХ ТРУДОВ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ЗА 1862–1883 ГГ.

Рассмотрены генеалогические особенности Трудов православных миссий Восточной Сибири Иркутского комитета православного миссионерского общества, позволяющие производить исследования родословных истоков населения Байкальского региона.

Ключевые слова: крещенные инородцы; источниковедческий потенциал; генеалогические источники.

Pashinin Alexander Vasilyevich
 Ulan-Ude aviation plant
 Ulan-Ude, Russian Federation

SOURCES FOR THE GENEALOGY OF CHRISTIAN FOREIGNERS IN THE MATERIALS OF THE WRITINGS OF ORTHODOX MISSIONS THE EASTERN SIBERIA IN 1862–1883

The genealogical features of the writings of Orthodox missions in Eastern Siberia of the Irkutsk Committee of the Orthodox missionary society are considered. They contain important materials on origin of the population of the Baikal region.

Keywords: baptized foreigners; source potential; genealogical sources.

Из российских ученых, посвятивших свои работы генеалогии и источникам по изучению родовых истоков непривилегированных сословий, в том числе смешанного населения в России и ее регионах, можно отметить А. И. Аксенова [1972], И. А. Асалханова [1975], М. Е. Бычкову [2000], О. В. Дмитриеву [1990], В. М. Кабузана [1979], Т. М. Михайлова [1979], М. М. Шмулевича [1985], А. с. Шубина [1973] и др. [Пашинин, 2015, с. 4–13, 132–157]. В современных историко-этнографических и источниковедческих исследованиях Байкальского региона архивные материалы по вопросам метизации и крещения местных народов применялись М. В. Анахиновой [2000], Ф. Ф. Болоневым [2012], О. В. Бураевой [2005, 2008, 2010, 2012, 2016], Н. М. Векшиной [2014], Л. М. Дамешком [2013], А. В. Дуловым [2013], Б. Ц. Жалсановой [2009, 2010, 2012а, 2012б, 2012в, 2015, 2016], А. Д. Жалсараявым [2015], Л. И. Запекиной [2007], В. Ф. Ивановым [2000], Л. В. Курасом [2012, 2013, 2015, 2016], Н. П. Матхановой [2016], Г. с. Митыповой [2005], В. Т. Михайловой [2003], Б. З. Нанзатовым [2005, 2015а, 2015б], Е. Т. Санжиевой [2015], А. П. Санниковым [2013], З. А. Шагжиной [2000а, 2000б], А. Г. Янковым [2003] и др. [Пашинин, 2015, с. 13–14].

Тема настоящего генеалогического исследования по материалам Трудов охватывает территорию Байкальского региона только в пределах современных Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. Объектами анализа являются генеалогические источники по крещеным бурятам и эвенкам. Цель исследования – выявление и характеристика источниковедческого потенциала Трудов для возможного использования его в дальнейшем поиске и воссоздании родовых истоков крещенных инородцев, обстоятельств, форм, методов и мест их крещения [Пашинин, 2012; 2017, с. 65]. Исследование находится на междисциплинарном стыке генеалогии, этнографии, ономастики, топонимики, палеографии, демографии, статистики, религиоведения, отечественной истории.

В Трудах содержатся следующие разновидности документации: выписки или выписи из исповедных росписей и метрических книг, дневники миссионеров, «документы» родовых управ, журналы миссионерских действий, записки (докладные, метрические, миссионеров), запросы миссионеров, книги (метрические,

священников), метрики церквей, отчеты (годовые Забайкальской и Иркутской духовных миссий), «ответы» родовых управ, отношения миссионеров, очерки миссионеров, «переписка» (между миссионерами и инородческими должностными лицами), письма духовных миссий, подписки кандидатов на крещение, ревизские сказки и их копии, росписи исповедные, «сведения» (архивные, редакции), списки («духовные», именные, «инородческие», новокрещенных, посемейные, предвзятельные желающих креститься), статьи (редакции, священников), статистика крещения (Общества, Иркутского статистического комитета).

Среди различных публикаций в Трудах основополагающими являлись ежегодные отчеты о деятельности Иркутской и Забайкальской духовных миссий, состоящие из трех разделов. Первый давал историко-географическое описание каждого из миссионерских станов с раскрытием имеющихся проблем и перспектив. Второй специализировался на штатно-кадровых характеристиках опытных и молодых сотрудников, в т.ч. из числа бурятского населения. Третий приводил примеры фактических действий миссионеров во время их поездок и путешествий, связанных с проповедями, исполнением духовных треб, подготовкой и непосредственным осуществлением процесса крещения, подбором кандидатов лично или через уже крещенных, наблюдением за поведением после крещения «для утверждения в вере», оказанием медицинских услуг, защитой от некрещенных, ходатайством оседлого и отдельного от некрещенных водворения, розыском детей от смешанных браков и т.д. При этом в разделах упоминаются места проживания и установочные данные новокрещенных, их социальное положение, род занятий, родоплеменная и ведомственная принадлежность [Труды... Том первый. По Забайкальской д/м: с. 40–49, 115–134, 189–201, 317–344, 475–528. По Иркутской д/м: с. 250–316, 389–475; Том второй. По Забайкальской д/м: с. 100–130, 235–262, 354–383, 485–504, 505–535. По Иркутской д/м: с. 7–99, 164–235, 273–353, 448–462; Том третий. По Забайкальской д/м: с. 103–134, 230–269, 363–399, 453–487. По Иркутской д/м: с. 62–102, 306–362, 410–452, 495–525; Том четвертый. По Забайкальской д/м: с. 1–32, 120–137, 296–317, 419–442, 534–549. По Иркутской д/м: с. 33–59, 85–119, 225–295, 366–418, 419–533].

В отчетах духовных миссий, статьях и очерках редакции Общества и священников, дневниках и журналах миссионерских действий приводятся примеры методологии составления и дальнейшей организации работы с генеалогической учетной документацией в виде ревизских сказок, исповедных росписей, метрических книг, именных, подворных и посемейных списков в лице следующих миссионеров: Тункинского (1863–1867 гг.), Ленского (1867–1873 гг.), Кудинского и Капсальского (1873–1881 гг.) ведомств: Ф. Саввина [Труды... Том первый, с. 260–262, 272, 273, 290; Том второй, с. 37–39, 213; Том третий, с. 195; Том четвертый, с. 425; Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ). Прибавление от 6.05.1867 г. № 18, с. 206–209; ИЕВ от 2.08.1867 г. № 31, с. 37–39; от 9.09.1870 г. № 36, с. 286–288; ИЕВ. Прибавление от 22.06.1874 г. № 25, с. 336; от 26.04.1875 г. № 17, с. 234; от 3.05.1875 г. № 18, с. 243–245; ИЕВ от 16.04.1877 г. № 15, с. 84–86]; Аларского ведомства: И. Преловского [Труды... Том первый, с. 291; Том четвертый, с. 195; ИЕВ. Прибавление от 27.05.1867 г. № 21, с. 257; ИЕВ от 23.08.1875 г. № 34, с. 207–208; ИЕВ. Прибавление от 14.05.1883 г. № 20, с. 263]; Хоринского отдела: Онинского стана – С. Стукова [Труды... Том первый, с. 202–210; Том третий, с. 281–293; Том четвертый, с. 142–149]; Забайкальского ведомства: И. Мелентия [Труды... Том первый, с. 68–92], Ононского стана – А. Малкова [Труды... Том первый, с. 93–114, 230–249; Том третий, с. 15–57], Тарбагатайского стана – Д. Сизого [Труды... Том третий, с. 154–165], Тугнуйского стана – Геронтия [Труды... Том третий, с. 379–393], Кударинского стана – Иннокентия [Труды... Том третий, с. 294–305], Цаганусунского стана – Н. Благообразова [Труды... Том третий, с. 541]; Закаменского ведомства: Ф. Альбицкого [Труды... Том первый, с. 211–229]; Ольхонского ведомства: Дорофея [Труды... Том второй, с. 471–487], Нукутского стана – И. Ливанова [Труды... Том третий, с. 352; ИЕВ от 19.09.1870 г. № 38, с. 304]; Тункинского ведомства: Гужирского стана – И. Косыгина [Труды... Том третий, с. 558–599; ИЕВ. Прибавление от 11.11.1878 г. № 45, с. 503–504], Шимковского стана – П. Бердникова [Труды... Том третий, с. 419, 422; ИЕВ. Прибавление от 24.09.1877 г. № 38, с. 493], Окинского стана – И. Дубравы [Труды... Том четвертый, с. 108; ИЕВ. Прибавление от 5.07.1880 г. № 27, с. 356]; Нельхайского ведомства: А. Куликовского [Труды... Том третий, с. 212; ИЕВ. Прибавление от 10.05.1875 г. № 19, с. 263; ИЕВ от 17.05.1875 г. № 20, с. 111–112]; Баргузинского ведомства: с. Миронова [Труды... Том четвертый, с. 150–154]; Агинского ведомства: А. Норбоев [Труды... Том четвертый, с. 155–172, 462–479]; Ленского ведомства: Заложного стана – П. Бердникова [Труды... Том четвертый, с. 392]; Верхоленского округа: Еланцинского стана – Н. Косыгина [Труды... Том четвертый, с. 507].

Одним из первых в Обществе, кто целенаправленно занимался оформлением письменных источников по генеалогии крещеных бурят, являлся Ф. Саввин. Так, во всех ведомствах своего миссионерства его первыми шагами неизменно начиналась «точнейшая поверка» содержимого посемейных списков предшественников. Для сверки с реальным количеством новокрещеных путем направления отношений он истребывал, в т.ч. при необходимости неоднократно, данные ревизских сказок в Степных думах и родовых управлениях, лично изучал записи исповедных росписей, метрических и обыскных книг в церковных приходах ведомств. Только в 1865–1866 гг. результатом «поверки» в Тункинском ведомстве стало выявление 760 крещеных как пропущен-

ных по церковным документам и 110 записанных в категории некрещеных по ревизским сказкам. Миссионер установил также, что часть лиц крестилась повторно, в ревизские сказки и посемейные списки включались недостоверные сведения из предварительных списков желающих креститься и, как последствия массовых крещений, наличествовало множество совершенно одинаковых христианских имен и фамилий без обозначения прежних бурятских [Труды... Том первый, с. 260–262; ИЕВ. Прибавление от 6.05.1867 г. № 18, с. 206–209]. Аналогичную схему «поверки» и с критикой приходских священников по «слабой» работе в смешанных семьях Ф. Саввин осуществил в Верхоленском ведомстве в 1868–1872 гг. [Труды... Том второй, с. 37–40; ИЕВ от 2.08.1869 г. № 31, с. 37–39]. То же самое, но уже за сорокалетний период миссионер организовал в Кудинском ведомстве в 1873–1874 гг. с подключением официальных возможностей Губернского полицейского управления и Губернского статистического комитета с итоговым созданием более 400 «бумаг разным людям и местам», совершением около 100 поездок и полной «поверкой» посемейных списков в 11 из 19 родов [Труды... Том третий, с. 195–196; ИЕВ. Прибавление от 26.04.1875 г. № 17, с. 234; от 3.05. № 18, с. 243–244]. По опыту Ф. Саввина всем миссионерам Иркутской Епархии рекомендовалось снимать копии с ревизских сказок во всех подведомственных им местах [Труды... Том первый, с. 290].

Аларский миссионер И. Преловский основной упор делал на составление посемейных списков с перепроверкой имеющихся сведений с приходскими метрическими книгами, в т.ч. с выявлением неучтенных детей в смешанных семьях и с последующим их персональным крещением [Труды... Том первый, с. 291; Том четвертый, с. 487]. Ольхонский миссионер Дорофей, сверив свои данные о крещении с архивной информацией в Степной думе, продолжал дальнейшую проверку крещеных в индивидуальном порядке: кто, где и когда крестился, кто был при этом восприемником и прочее [Труды... Том второй, с. 471]. Нельхайский миссионер А. Куликовский при изучении списков новокрещеных особо обращал внимание на факты некрещения детей, в первую очередь девочек из-за стремления родителей в будущем получить за них калым (мальчиков опасались крестить из-за их возможного набора в рекруты). Для проведения исповеди с оформлением исповедных списков на местах миссионер подключал должностные возможности родовых старост [Труды... Том третий, с. 212–214]. Кударинский миссионер Иннокентий переписывал новокрещеных и составлял исповедных росписи с расширенными сведениями в виде записей установочных данных до и после крещения: «по отцу плотскому и восприемному» [Труды... Том третий, с. 301]. Нукутский миссионер И. Ливанов для оформления «точных» посемейных списков новокрещеных и смешанных семейств во время поездок по улусам и родовым управлениям посвятил 25 лет своего миссионерства [Труды... Том третий, с. 352].

Шимковский миссионер П. Бердников при анализе численности населения по родам использовал в сравнении данные ревизской сказки 1858 г. и подворных списков 1881 г. Полученные сведения он лично перепроверял во время миссионерских путешествий, в одной из которых исповедовал около 100 новокрещеных. По примеру Ф. Саввина списки вновь крещеных готовились им на основе ревизских сказок с производством необходимых выписей из метрических книг Тункинского ведомства за период в 40 лет [Труды... Том третий,

с. 419, 422; ИЕВ. Прибавление от 24.09.1877 г. № 38, с. 493; от 1.05.1882 г. № 18, с. 226]. Тункинский миссионер И. Косыгин на базе ревизских сказок Степной думы и метрических и исповедных записей причтов церковей подготовил собственные именные списки новокрещеных, столкнувшись с запутанностью содержащейся в них информации в связи с переездами, бракосочетаниями, несхожестью имен по церковным документам, ношением многими одних и тех же имен и фамилий воспитанников по причине массовых крещений. При непосредственном содействии Степной думы он крестил многих детей, особенно в смешанных семьях [Труды... Том третий, с. 584–585]. Списки желающих креститься готовились окинским миссионером И. Дубравой. Агинский миссионер А. Норбоев проверял указанные списки по ревизским сказкам. В Трудах трижды публиковались его миссионерские занятия с описанием имен, отчества и фамилий новокрещеных, их воспитанников и родовой принадлежности [Труды... Том четвертый, с. 108, 167, 348–365]. Еландинский миссионер Н. Косыгин через переписку со Степной думой инициировал порядок обязательного письменного его уведомления родовыми старостами о фактах рождения детей и смерти новокрещеных и членов их семей [Труды... Том четвертый, с. 507; ИЕВ. Прибавление от 28.05.1883 г. № 22, с. 289–290].

В Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ) в ряде фондов церковей, Степных дум и иностранных управ отложились многочисленные ведомости, именные списки, книги «на записку», отношения, подписки, разрешения, удостоверения и билеты новокрещеных, оформленные в 1860–1880-х гг., например, миссионерами: Ф. Саввиным [Ф. 1. Оп. 1. Д. 2791. Л. 1–14 об.; Д. 3429. Л. 1–13; Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–42; Д. 16.

Л. 1–160; Д. 25. Л. 1–107; Д. 38. Л. 1–178 и др.] и И. Преловским [Ф. 46. Оп. 1. Д. 142. Л. 6; Ф. 195. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–70; Д. 84. Л. 1–68 и др.]. В Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК) имеются отчеты, деловая переписка и прочие документы за 1864–1883 гг. тугунского, агинского, цакирского и других миссионеров Забайкальской духовной миссии [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2206. Л. 1–24; Д. 2416. Л. 1–1000; Д. 2455. Л. 1–600; Д. 2468. Л. 1–12; Д. 2469. Л. 1–18 и др.].

Общие вопросы по теме исследования рассматривались в статьях и изданиях священников: И. Косыгина «Очерк истории распространения христианства между Тункинскими бурятами в 1827–1877 гг.» [Труды... Том второй, с. 558–599], Вениамина «О положении христиан в бурятских обществах под началом язычников» [Труды... Том четвертый, с. 618–640], Гурия «Учение о православной вере, изложенной в беседах с бурятами» [Труды... Том четвертый, с. 24–31]. Обстоятельства, процесс, организаторы, участники и итоги массовых крещений в Трудах запечатлены по Идинскому, Тункинскому, Ольхонскому, Аларскому и некоторым другим ведомостям [Труды... Том второй, с. 215; Том третий, с. 35, 80, 88–89; Том четвертый, с. 38–39]. Статистика ежегодного крещения за 1862–1882 гг. опубликована по Забайкальской духовной миссии [Труды... Том четвертый, с. 425].

Таким образом, Труды православных миссий Восточной Сибири являются одним из источников, позволяющим в совокупности с другими использовать опубликованные в них материалы для проведения генеалогических исследований крещеных бурят и эвенков дореволюционной Бурятии, Иркутской области и Забайкальского края в научно-профессиональных и частных краеведческих целях.

Литература

- Анахина М. В. Русская Православная Церковь в Забайкалье (XVII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 24 с.
- Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1975. 268 с.
- Аксенов А. И. Генеалогия // Вопросы истории. М.: Наука, 1972. № 10. С. 206–212.
- Болонев Ф. Ф. Сокровища земли Тарбагатайской. Очерки истории и культуры. Улан-Удэ–Иркутск: Медиаинформ, 2012. Т. 1. 220 с.
- Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 212 с.
- Бураева О. В. Русско-эвенкийское этнокультурное взаимодействие (XVII – начало XX в.). // Этническая и национальная политика государства в Бурятии. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 2. С. 4–29.
- Бураева О. В. Православие у бурят (XVII – начало XX вв.). // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2010. № 1. С. 55–66.
- Бураева О. В. Русско-бурятское этнокультурное взаимодействие в XVII–XIX вв. // Идеи и идеалы. 2012. № 4 (14). Т. 1. С. 70–76.
- Бураева О. В. Межэтническая миксация в Байкальском регионе XVIII–XIX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Иркутск, 2016. Т. 17. Серия «История». С. 59–67.
- Бычкова М. Е. Что значит родные. М.: Б. Печатник, 2000. 150 с.
- Векшина Н. М. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.: автореф. ... дис. канд. филол. наук. СПб., 2014. 20 с.
- Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы: социокультурные практики метисации в Бурятии // Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 432–441.
- Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. Иркутск, 2013. 503 с.
- Дмитриева О. В. Генеалогия // Введение в специальность исторической дисциплины. М.: Изд-во Моск. госун-та, 1990. С. 6–39.
- Дулов А. В., Санников А. П. Иркутская епархия в XVIII – начале XX вв.: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. госун-та, 2013. 209 с.
- Жалсанова Б. Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 239 с.
- Жалсанова, Б. Ц. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. 248 с.
- Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903). Иркутск: Оттиск, 2012а. 352 с.
- Жалсанова Б. Ц. Фонды тунгусских инородных управ и родовых управлений в Государственном архиве Республики

- Бурятия как источники по истории тунгусов XIX – начала XX вв. // Гуманитарный вектор. 2012б. № 2 (30). С. 173–178.
- Жалсанова Б. Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. Иркутск: Оттиск, 2012в. 363 с.
- Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1899 гг.). Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.
- Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1902 гг.). Иркутск: Оттиск, 2016. 592 с.
- Жалсараев А. Д. История православия в Забайкалье (середина XVII – начало XX вв.). Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2015. 264 с.
- Запекина Л. И. Особенности в осуществлении православного обряда крещения на территории Забайкалья (XVII–XIX вв.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 270–275.
- Иванов В. Ф. В глубь уходящие корни. Хасурга. Улан-Удэ: НоваПринт, 2000. 248 с.
- Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX вв. (1795–1917 гг.). // История СССР. М.: Наука, 1979. № 3. С. 25–29.
- Матханова Н. П. Записки православных священников об изучении и освоении северных территорий Сибири в XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 25–30.
- Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2005. 232 с.
- Михайлов Т. М. Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурята // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). Л.: Наука, 1979. С. 127–149.
- Михайлова В. Т. Православная церковь и социум в Байкальской Сибири в пореформенный период (1861–1916). Улан-Удэ, 2003. 208 с.
- Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск, 2005. 160 с.
- Нанзатов Б. З. Административные образования бурят в Российской империи в XIX в. Кудинская Степная дума (расселение и этнический состав кудинских бурят) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015а. № 1. С. 41–56.
- Нанзатов Б. З. Баргузинский округ в XIX в. (вопросы этнической истории региона и этнический состав населения) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015б. №. 2. С. 11–30.
- Пашинин А. В. Родословная. Иркутск: Оттиск, 2012. 176 с.
- Пашинин А. В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII – начала XX вв. в фондах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск: Оттиск, 2015. 495 с.
- Пашинин А. В. К постановке вопроса об исследовании источников по генеалогии крещеных инородцев XVIII – начала XX в. в фондах Государственного архива Республики Бурятия // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ, 2017. № 1 (25). С. 64–73.
- Пашинин А. В. Источники по генеалогии крещеных инородцев в материалах Иркутских епархиальных ведомостей (ИЕВ) за 1863–1918 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ, 2018. № 1 (29). С. 120–131.
- Санжиева Т. Е. Крещение бурят по материалам фондов степных дум // Материалы конференции Православие и дипломатия в странах АТР. Улан-Удэ: Изд. БГУ, 2015. С. 78–83.
- Труды православных миссий Восточной Сибири: Том первый 1862–1867 гг. Иркутск: Иркутский комитет православного миссионерского общества, 1883. 560 с.; Том второй 1868–1872 гг., 1884. 632 с.; Том третий 1873–1877 гг., 1885. 600 с.; Том четвертый 1878–1883 гг., 1886. 678 с.
- Шагжина З. А. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Забайкалье: вторая половина XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000а. 27 с.
- Шагжина З. А. Христианизация тункинских бурят в XIX в. // История, культурное и природное наследие. Улан-Удэ, 2000б. Вып. III. Ч. I. С. 142–153.
- Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII – середина XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1985. 285 с.
- Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
- Янков А. Г. Сибиряки – карымы: к вопросу о сибирской идентичности. // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. СПб., 2003. С. 98–103.

ЧЕСАНСКИЙ (ЧЕСАНОВСКИЙ) ДАЦАН: АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ ВОЗВЕДЕНИЯ ХРАМА¹

В статье рассматривается история становления, строительства, развития Чесанского дацана, описываются как храмовый комплекс, так и его знаковые достопримечательности. Источники, использованные в статье, составляют сведения, извлеченные из документов, хранящихся в государственных, научных и ведомственных архивах.

Ключевые слова: буддизм; строительство дацана; культовая архитектура; буддийское достояние.

Zhamsueva Darima Sayzhievna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

THE CHESAN DATSAN: ARCHIVAL DATA ON THE HISTORY OF THE TEMPLE'S CONSTRUCTION

The paper deals with the history of formation, construction, and development of the Chesan datsan, both the temple complex, and its sights are described. The author uses documents stored in the state, scientific and departmental archives.

Keywords: Buddhism; construction of datsan; cult architecture; Buddhist property.

По данным современников, Чесанский дацан отличался от всех других бурятских дацанов не только упорядоченностью архивного делопроизводства, но еще и тем, что имел у себя собственную летопись дацана. Летопись не дублировала делопроизводственную переписку и дела архива, а была составлена на основании устных рассказов, народных преданий и верований. По летописи дацана, время основания Чесанского дацана относится ко времени либеральных и демократических реформ Сперанского². Как следует из летописи, народ, получив известную власть в свои руки, не захотел жить по принципу старых общин, и было принято решение разделиться, организовав свои новые общины как в гражданском, так и в религиозном отношениях. Таким образом, от Тугнугалтайского дацана отделяются две группы его прихожан, каждая из которых основывает два новых дацана со своим приходом. Так появились дацаны Хохюртайский и Цулгинский. Одновременно такая же ситуация сложилась и в приходе Анинского дацана, население южной части которого образовало свой приход Челутаевский (Шолотуевский, Шалутский, Ацагатский) дацан, а северо-восточная часть – Эгитуй-

ский дацан. В это же время от Худунского дацана отделяется Чесанский дацан со своим приходом. Инициатором отделения от Худунского дацана стал лама Ринбоче Лобсан-Гунга, служивший унзатом (уставщиком) Худунского дацана [Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 87об.–88], который «всеми силами души желал быть ширетугем или настоятелем этого дацана, а засим, придя к убеждению, что достигнуть этой должности в Худунском дацане ему не удастся, решил обосновать новый дацан. С указанной целью он подговорил нескольких зайсанов и родовых старшин, питавших нерасположение к Худунскому дацану за то, что последний указывал им весьма мало почета, и летом 1823-го года отправился с ними для отыскания места, где было бы возможно построить новый дацан. Летопись окружает это обстоятельство множеством легенд, чтобы доказать, что избранное урочище при речке Чисаны было именно самым счастливым для постройки дацана, а засим передает и подробности самой его постройки, свидетельствующие о сравнительно слабом развитии в ту пору буддо-ламайских идей среди населения. Таков, например, бунт рабочих, возникший

¹ Работа выполнена по проекту XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7.

² Ревизия и административная реформа М.М. Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.). Важной составной частью сибирской реформы М. М. Сперанского стал «Устав об управлении инородцев» – самый широкий законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до начала XX столетия. Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи. В основу проекта были положены следующие принципы: 1) разделение коренного населения на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); 2) ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (власть ее должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»); 3) введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие с экономическими потребностями каждого племени и впредь основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой». «Устав об управлении инородцев» был подтвержден Александром I 22 июня 1822 г. Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Устав отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось «преследовать инородцев за их языческую религию». Некрещенные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их канонам и обрядам». Вместе с тем Устав подчинял «иноверческое духовенство: местной полиции наряду с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем Устав не наделял никакими преимуществами крестившихся инородцев. Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского Комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, принявших христианскую веру». Устав предоставлял инородцам право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

при возведении второго этажа здания дацана по той причине, что рабочие эти не хотели строить помещение для ламайских богов-страшилищ. Этот бунт вызвал прекращение работ, так что окончить постройку дацана удалось только в 1828-м году» [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 88].

Первое здание дацана, наряду с другими отделившимися дацанами, строилось без разрешения. Об этом свидетельствует ходатайство главного тайши хоринских бурят Дугарова об утверждении пяти дацанов – Хохюртайского, Цулгинского, Ацагатского, Эгигуйского и Чесанского. По официальным же данным, годом основания считается 1831, когда решение о его строительстве было утверждено указом Иркутского губернского правления на имя Нерчинского окружного начальника от 15-го мая того же 1831-го года, за № 11957-м [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 88].

По данным А. М. Позднеева, дацан был основан в 1824 г. [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 77], строительство его завершилось в 1827 г. В пользу ранней даты основания дацана говорит тот факт, что в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ) на старомонгольском языке хранится список 29 лам за 1828 год. Стоимость дацана оценивалась на тот период в 714 рублей 28 4/7 копеек [ГАРБ. Ф. 84. 1. Д. 574. Л. 54–62]. В 1827 г. одновременно с цокчен-дацаном были воздвигнуты еще 9 небольших сумэ: 1) Хурдэ, 2) Майдари, 3) Гунрика, 4) Дэмчока, 5) Арья-Бало, 6) Очирвани, 7) Аюши, 8) Оточи и 9) Табун-хана, которые так же, как и дацан, по официальным источникам, датированы 1831 годом.

В 1842 г. Пандидо-хамбо-лама Ишижамсуев пояснил Иркутскому губернскому правлению о том, что «впоследствии семь из этих сумэ, вследствие своей ветхости, были разобраны, а так как буряты своевременно не ходатайствовали об их восстановлении, причем сумэ эти не возобновлялись ими и самовольно, то по времени имена их были исключены из представлявшихся Хамбо ламе ведомостей ... буряты как бы совершенно забыли об их существовании, отправляя все свои хуралы лишь в главной кумирне и в двух оставшихся малых сумэ Майдари и Аюши» [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 89].

В 1868–1870 гг. прихожане решили реконструировать свой дацан, составив решение, приложив фасад и план здания. План препровождался пояснениями, что первый этаж здания будет построен на каменном фундаменте в форме четырехугольного квадрата, по 8 сажени с каждой стороны и высотой до второго этажа в 3 сажени 1 аршин; с одной входной дверью и четырнадцатью окнами; крыльцо и портик у дверей предполагалось сделать внутри вышеупомянутого восьмисаженного квадрата. Второй этаж представлял собой также квадрат по 5 сажени в длину и ширину и высотой от нижнего до 3-го этажа в 2 сажени 1 аршин; с одной дверью и шестью окнами. Третий этаж предполагалось воздвигнуть в виде квадрата по 2 сажени в длину и ширину, а высотой в один сажень, с одной дверью и двумя окнами [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 459. Л. 5].

В 1870 г. власти разрешили замену обветшалого здания новым, но в ходе строительства к южной стене дацана были пристроены новые наружное крыльцо и портик, вследствие чего помещение цокчен-дацана увеличилось длиной сажени на 2½ стройки от старого здания [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Д. 89]. Строительство завершилось в 1874 г.

В 1885, 1890, 1892 гг. цокчен-дацан реставрировали, заменив крышу и пришедшие в ветхость части, в том числе подведя под здание новые венцы. Всего по смете для выполнения этих работ потребовалось 240 бревен

и 144 досок. Ходатайство о разрешении ремонта было удовлетворено Приамурским генерал-губернатором от 13-го и 19-го сентября 1885 г., за №№ 2808 и 2876 [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 481. Л. 47–48].

Что касается малых сумэ, то их количество уменьшилось. «Первое из них указывает нам точное число кумирень Чисановского дацана в период издания Положений 1853 г. и изложено в донесении и. д. Цорчжи, лацаба Цзундуй Рабданова в Хоринскую Степную Думу, от 25.01.1854 г., за № 1, в котором сообщается, что при Чисановском дацане находится 4 малых сумэ: 1) Хурдуйн сумэ, 2) Майдарийн сумэ, 3) Оточийн сумэ, 4) Аюшийн сумэ. Отсюда необходимо сделать вывод, что здания двух малых кумирень – Хурдуйн сумэ и Оточийн сумэ, об уничтожении которых было возбуждено дело Хамбо-ламою Гонбоевым, были разобраны уже после издания Положений в период 1854-м и 1878 годами» [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 132. Л. 185].

Новое сумэ Оточи было восстановлено в 1889 г. на средства зайсана зун-кубдутского рода Хоринского ведомства Далая Шамбаева, который представил ширетую прошение о желании восстановить сумэ в честь бурхана Оточи по старому плану – построить его в виде одноэтажного квадратного четырехугольника, высота стен в 2 сажени, а длина и ширина по 4½ сажени, с шестью окнами и одной дверью [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 90].

В том же 1889 г. одновременно с зайсаном Шамбаевым пожелал восстановить сумэ в честь бурхана Табун-хан инороец зун-хараганатского рода Ирдыни Абидаев. Планируемое им сооружение должно было представить одноэтажное здание в форме квадратного четырехугольника, каждая сторона которого должна была иметь по три сажени в длину при высоте стен здания в 2 сажени, с четырьмя окнами и одной дверью. Оба эти сумэ были утверждены Министерством внутренних дел от 19 октября 1903 года, за № 3198 [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 90об.].

20 сентября 1893 г. прихожане Чесанского дацана составили следующее заключение: «осмотрев сумэ бурхана Майдари, имеющее в длину и в ширину по 6 сажени, а в высоту 2 сажени и сумэ бурхана Аюши, имеющее в длину и в ширину по 2 сажени 10 вершков, а в высоту 1 сажень и 2 аршина, [мы] нашли, что оба эти сумэ, в силу своей давней постройки, значительно прогнили как в своей кровле, так и в стенах; дают течь, а потому находящиеся в них бурханы и другие кумиренные принадлежности ... портятся. В виду вышеизложенного ... постановили: 1) оба эти сумэ возобновить и исправить в том же самом их размере и виде, в котором они существуют, за тем лишь исключением, что так как окна в сумэ бурхана Майдари чересчур малы, то увеличить объем их; 2) на сей конец, через посредство избранных из среды чиновных бурят они составили соответствующую местным ценам смету... ремонт сумэ Майдари обойдется в 314 руб. 90 коп., а ремонт сумэ Аюши в 76 р. 85 коп. Сумму ... постановили взять из свободного, хранящегося в казначействе дацана, капитала в 614 руб. 96 коп.; и 3) настоящий приговор, вместе с составленным планом, фасадом и сметой, представить надлежачему начальству с ходатайством о разрешении им произвести указанный ремонт» [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 91].

В 1894 г. дацану разрешено было реконструировать сумэ Майдари и Аюши [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 551. Л. 84, 85, 86]. «Производя рассматриваемый ремонт, чисновцы исполнили представленное ими условие, оставив сумэ в том же самом размере лишь по отношению

к сумэ Аюши Что же касается кумирни Майдари, то она вместо незначительного здания, имевшего в вышину только две сажени, превратилась в двухэтажное сумэ, весьма мало различающееся от самого дацана. Ныне в этой кумирне Майдари чисановцы отправляют цанитские хуралы, в служении которых у них участвует не менее 150 человек» [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 91об.].

Пятое малое сумэ в честь бурхана Дэмчока было построено в Чесанском дацане 1907 году для совершения джуд хуралов. Известно, что ламы Чесанского дацана состояли в общине джудских хуралов (бур. *ярнай*), состоящей из дацанов Анинского, Ацагатского, Эгитуйского и Чесанского.

Шестое малое сумэ Гунрик чесановцы восстановили предположительно в 1918 г. Построено здание было на средства прихожанина дацана Чагдурова в 1909 г. Дом описывается как восьмисаженный квадратный сруб из шестивершкового леса, с деревянной крышей, на каменном фундаменте [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 188]. А. М. Позднеев, посетивший дацан в 1919 г., пишет: «В настоящее время это кумиренное здание представляется совершенно оконченным, хотя обычная кумиренная утварь в него еще не внесена, а потому оно совершенно пусто и стоит без всякого употребления. Таким образом, с постройкою сумэ Гунрика у чисановцев, для совершенного выполнения заветов Хамбо-ламы Гонбоева, осталось возобновить постройкою еще два новых сумэ, – Арья-бало и Очир-вани. Чисановцы твердо помнят этот завет и стараются, если возможно, скорее исполнить его, почему весьма вероятно, что они не будут даже ремонтировать своей разваливающейся главной кумирни, прежде чем возведут здания двух этих малых кумирень Очир-вани и Арья-Бало» [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 132. Л. 189].

Анализ описаний монастырских комплексов, малых сумэ показывает, что эти здания имели простейшую пространственную композицию, общепринятую для малых бурятских храмов. Форма крыши, конструкция стен (сруб из бревен с двухсторонней обшивкой досками) в целом являются традиционными для бурятского храмового зодчества. Отличительными особенностями малых храмов было исполнение линии конька крыши и главного карниза здания. Как правило, концы конька крыши переходили в поднимающиеся вверх резные фестоны, а диагональные ребра крыши – в головы мифических чудовищ, несущие подвесной колокольчик. Главный карниз здания состоял из нижней фризовой части и выступающих друг над другом плит. Их как бы поддерживают цветные бруски (*унья*), имитирующие концы балочек покрытия. Нижний их ряд состоял из брусков квадратного сечения, верхний – круглого.

В начале XX в. Чесанский дацан представлял собой поселок, состоящий из семи домов штатных лам, со-

рока одного жилого дома русской постройки и тридцати восьми отдельных зданий – кухонь. По словам ширетуя, частных построек дацана, входящих в состав Чесанского дацана, было 236 [ИВР РАН, ф. 44, оп. 1, д. 132, л. 187].

Кроме того, в комплексе Чесанского дацана находилась родовая русско-бурятская инородческая школа. Историю ее создания так описывает А.М. Позднеев: «Весною 1914 г. прихожане Чисановского дацана, составлявшие население Улан-Бургасуйского булука, пожелав дать своим школьникам более удобное местожительство, решили перевести свою школу в дацан, где всегда представлялась возможность как арендовать хорошее помещение для школы, так равно с большим удобством содержать интернат, и, наконец, найти для ученика частную квартиру, поместив его или нахлебником у кого-либо из хуvaraков, или даже бесплатно у кого-либо родственника или знакомого. В пору моего посещения дацана под помещение школы был снят двор одного из штатных лам, на котором было возведено две жилых избы русской постройки и один сарай. Величина каждой избы равна 3 кв. сажени, к обращенным на юг дверям которой были пристроены дощатые сени. Каждая изба заключала в себе одну большую комнату, в расстоянии 2 аршина от входной двери, в котором поставлена дощатая перегородка, отделяющая прихожую от зала. В прихожей выведена большая изразцовая голландская печь, переднюю свою стороною входящая в зал через отверстие, вырезанное в перегородке, между тем как задняя сторона печи, с проделанною в ней топкой, находится в прихожей. Таково собственно помещение школы, устроенной на 20, 25 приходящих воспитанников. Вторая изба, отводимая собственно под бесплатную квартиру для учителя, совершенно такая же по своему плану, и только голландская печь заменена в ней русскою. В избе этой проживает учитель с женою и 8 учеников школы, которых учитель принял от родителей в качестве нахлебников, с платою от 12 до 12 рублей за человека в месяц. Остальные 15 учеников школы проживают в дацане у местных лам и решительно все приняли на себя священные обеты монашества. За арендованное подворье булучное общество уплачивает домовладельцу оно, ламе, 360 рублей в год; а отопление здания совершается дровами, которые поставляются обществом натурою [ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 132. Л. 189–190].

Постановлением № 87 Президиума Верховного Совета БМАССР от 31 июля 1938 г. Чесанский дацан был закрыт, имущество изъято, комплекс дацана был отдан в распоряжение местного МТС. Восстановление дацана началось в 2000 г. и продолжается по настоящее время. Чесанский дацан входит в состав Бурятской традиционной сангхи России.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ХРАМОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ЦОНГОЛЬСКОГО ДАЦАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье дается попытка изучения процесса трансформации буддийских монастырей в конце XIX – нач. XX вв. Главные изменения выражались во внешнем облике – их архитектурном виде. Данный процесс рассматривается на примере Цонгольского дацана. Изучается архивная делопроизводственная переписка между Пандито-хамбо-ламой и губернатором Забайкальской области по вопросам переноса дацана на новое место.

Ключевые слова: дацан; буддизм; Забайкалье; архитектура; буддийский монастырь.

Dambaeva Valentina Bairovna
 Buryat State University
 Ulan-Ude, Russian Federation

TEMPLE'S CULTURE TRANSFORMATION AT THE END OF 19TH – BEGINNING OF 20TH REPRESENTED BY TSONGOL DATSAN

This article is devoted to historical features of Buddhist temple transformation at late 19th century & early 20th century in Transbaikalia region. Author used archival sources to describe important information about transformation of Thongol datsan, which is one of the oldest Buddhist temple in Russian Empire.

Keywords: Thongol datsan; Buddhist temple; Buddhism; Buryatia.

Период, начавшийся примерно после 1910 г., можно выделить как новый этап развития бурятской традиционной архитектуры. Ей было присуще подражание, а иногда практически полное копирование отдельных форм и образов тибетской архитектуры [Масиель Санчес, 2013, с. 115]. Небольшой список отдельно взятых дацанов раскрывает эти особенности. Наиболее заметные изменения можно проследить на примере одного из старейших монастырей Бурятии.

Цонгольский дацан был выстроен к 1758 г. «у северного склона горы Ехэ Хумун (Большой Кумук) на левом берегу реки Сухэ (Чикой), на южной стороне речки Бэрхэ, в местности Хилганта, по правому берегу р. Селенга» [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 491. Л. 35]. Как известно, дацан был построен по образцу тибетского монастыря Самье, а чертеж этого монастыря был получен Доржи Заяевым от Далай-ламы во время его обучения в Тибете. «Хорошо будет, если построишь храм по подобию монастыря Самье, с пятью верхушками символизирующими гору Сумбэр и четыре континента – двипы» [Ванчикова, 2006, с. 87].

Предложения прихожан о ремонте буддийских построек согласовывались с ламами дацана и настоятелем монастыря, который передавал прошения главному Пандито-хамбо-ламе. Основная переписка и взаимодействие по ремонту происходили между главой буддийской церкви – Пандито-хамбо-ламой и военным губернатором Забайкальской области [Дамбаева, 2017, с. 137]. В 1910 г. военному губернатору Забайкальской области направляется прошение прихожан, а также разъяснения Пандито-хамбо-ламы по поводу строительства каменного дацана на новом месте. Хамбо-лама в данном документе подробно излагает суть проблемы: «Считаю обязанным доложить, что старое здание Цонгольского дацана и окружающих его сумэ действительно пришли в ветхость, в виду чего дальнейшее пребывание их, в этом состоянии, не возможно. Угрожая, серьезно опасностью, полным разрушением настоятельная необходимость в скорейшем разрешении этого вопроса на лицо» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 395. Л. 69–70].

Долгое время прихожане не могли найти компромиссного решения по поводу строительства дацана. Этот спор

разделил их на два противоборствующих лагеря, где одни занимали сторону за сохранение прежнего места, другие желали переместить дацан на новое. Главным аргументом консерваторов в этом вопросе было желание сохранить исконно родовое место моления, куда приходили для религиозных нужд их отцы, деды и прадеды. Из-за вопроса, тянувшегося практически с 1904 по 1911 г., хамбо-лама обращается к военному губернатору Забайкальской области: «... излишняя потеря времени в разрешении этого вопроса создаст бесплодную борьбу между прихожанами; в силу этих соображений признал целесообразным вопрос о выборе места для постройки Цонгольского дацана разрешить по усмотрению Вашего Превосходительства» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 395. Л. 70].

Буддизм является религией, для которой идеи государства, верховного правителя, государственного регулирования внутриобщинных дел являются исключительно важными [Цыремпилов, 2013, с. 3]. Эта идея прослеживается в тех моментах, когда буддийская сангха для разрешения своих внутренних противоречий привлекает третью сторону в лице центральной государственной администрации. В следующем докладе хамбо-лама подробно излагал свою собственную позицию по сложившейся ситуации: «Ныне занимаемое дацаном место показалось мне неудобным для постройки каменного дацана и окружающих его сумэ и других построек, так как песочный грунт выдувается ветром, образуя повсюду неровности. Эта местность с южной и западной стороны ни чем не защищена от разлива реки Чикоя, так как расстилается ровная, болотистая низменность, по которой не в далеке от дацана протекает протока, который благодаря песочному грунту, может угрожать строениям дацана. По северной и северо-восточной сторонам имеется небольшой сосновый лес, единственный защитник от заноса песком. С восточной стороны возле самых строений дацана образовались наносная возвышенность, на которых простым способом строиться нельзя. В виду таковой тесноты постройки в дацане сомкнулись в скученность; что крайне опасно в пожарном отношении» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 395. Л. 69].

К выбору места возведения будущего дацанского комплекса подходили тщательно, с приглашением лам-астрологов и соблюдением всех ритуалов буддийской рели-

гии. Помимо философско-религиозной составляющей, немаловажен был практический фактор. Например, наличие неподалеку леса и гор для удобного подвоза строительных материалов, а также реки для хозяйственно-бытовых нужд. По данному положению хамбо-лама отвечает: «... Новое место, куда предполагают перенести дацан, находится в 12 верстах от настоящего местонахождения дацана на возвышенности у южной подошвы горы: "Хунуну-Эбурь"... Грунт земли крепче, не подвергается выветриванию и наводнениям, а также сухой. Тут же не в далеке от предназначенного для заселения места протекает речушка, вполне пригодная для водоснабжения. ... Все необходимые для постройки дацана материалы камень, лес и кирпичи можно приобрести на новом месте без больших материальных затрат...» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 395. Л. 69 об.]

Строительство дацана на новом месте, как правило, предполагало большие финансовые затраты. Возможно, это положение отталкивало консервативную группу населения не согласную со строительством дацана на новом месте. Однако, на наш взгляд, строительство дацана на новом месте было удобней с точки зрения обновления всего монастырского комплекса. Скорее всего, именно это было основной причиной желания хамбо-ламы перенести дацан. По планам хамбо-ламы строительство дацана было осуществлено с нуля из новых материалов, а в отношении «перевозки больших затруднений не предоставляется. К переносу на новое место подлежат одно сумэ, остальные здания, за ветхостью, останутся на старом месте, как негодные материалы» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 395. Л. 69 об.]

В 1912 г. хамбо-лама отправляет ширетую Цонгольского дацана сообщение от военного губернатора от 7 ноября за № 7269, где он сообщает, что «Главный Начальник Края рассмотрел дело Забайкальского Областного

Правления по вопросу о постройке нового здания Цонгольского дацана, разрешил построить таковой в местности "Хумунэ-Убурь", находящейся в 12 верстах от ныне занимаемой дацанов местности, и перенести туда же молитвенные здания, какие будут признаны возможными и жилища лам названного дацана, упразднив, по окончании постройки нового дацана, старый Цонгольский дацан» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 395. Л. 80].

Вновь выстроенный комплекс монастыря состоял из сооружений, значительно превосходивших старые по богатству оформления и капитальности построек. Главный храм был каменным, квадратным в плане. С южной стороны к нему примыкал двухэтажный портик. Общая высота, включая ганджир, составляла 28 метров. Во всей композиции наблюдается преемственность между архитектурой старого и нового монастыря, выраженная в архитектурно-воспроизведенной модели мирового устройства и концепции мандала главного Цогчен-дугана. За полтора столетия после строительства первого здания Цонгольского дацана бурятские строители на более высоком декоративно-художественном и архитектурно-техническом уровне выполнили обновленный вариант когда-то созданной ими объемно-пространственной композиции буддийского храма [Минерт, 1983, с. 82].

Таким образом, Цонгольский дацан к 1913 г. полностью перестроился, произошло обновление главного храма и малых сумэ. Бурятская дацанская архитектура к началу XX в. выработала свои собственные техники и методы строительства. Все это нашло отражение в архитектуре Цонгольского дацана, который, по мнению А. М. Позднеева, представлял собой одну из самых «обширных и красивших кумирень во всей бурятской степи» [Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Ф. 44. Оп. 1. Д. 132. Л. 147–148].

Литература

- Дамбаева В. Б. Первые буддийские храмы Забайкалья: особенности строительства и ремонта в XIX в. // Материалы всеросс. науч. конф., посв. 100-летию Российской революции 1917 года и 95-летию профессора, исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2017. С. 134–140.
- История бурятского буддизма: письменные источники / транслит., перевод, комм. и исследование Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 146 с.
- Масиель Санчес Л. К. Буддийские храмы Бурятии: от России к Тибету // Архитектурное наследство. 2013. № 58. С. 108–117.
- Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 189 с.
- Цыремпилов Н. В. Буддизм и Империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX вв.). Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2013. 335 с.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ БУРЯТИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (В КОНТЕКСТЕ «ПОЛОЖЕНИЯ О БУДДИЙСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ СССР» 1946 Г.)¹

Статья затрагивает проблемы восстановления буддийских монастырей Бурятии на основе регламентируемых собственных документов в контексте социальных, политических и экономических реалий, существующих в послевоенный период. Представители буддийского духовенства Бурятии продолжали считать, что буддийская теория и практика находится в тесной связи с этнокультурными традициями бурятского этноса, имеющего общие историко-генетические корни не только с метаэтнической монгольской общностью (Хамаг Монгол), но и с сопредельными этносами-адептами буддийской культуры на протяжении многих веков. Историческое значение «Положения о буддийском духовенстве в СССР» состоит в том, что оно является ярко выраженным социокультурным феноменом адаптации ценностных императивов традиционной буддийской Сангхи России того периода к резко изменившимся социальным, политическим и экономическим условиям, в которых буддийская Сангха оказалась.

Ключевые слова: буддизм; монастыри; духовенство; регламентация; социальные изменения; адаптация.

Abaeva Liubov Lubsanovna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

RESTORATION OF BUDDHIST MONASTERIES OF BURYATIA DURING THE POST-WAR PERIOD (IN THE CONTEXT OF "THE PROVISION ON BUDDHIST CLERGY OF THE USSR" OF 1946)

Article touches on issues of restoration of Buddhist monasteries of Buryatia on the basis of the regulated own documents in the context of the social, political and economic realities existing in post-war the period. Representatives of Buddhist clergy of Buryatia continued to consider that the Buddhist theory and practice is in close connection with ethnocultural traditions of the Buryat ethnos having the general historical and genetic roots not only with metaethnic Mongolian community (Khamag Mongol), but also with adjacent ethnoses adherents of Buddhist culture throughout many centuries. The historical value "Regulations on Buddhist Clergy in USSR" consists in what is a pronounced sociocultural phenomenon of adaptation and modernization of valuable imperatives of traditional Buddhist Sangkha of Russia of that period to sharply changed social, political and economic conditions in which Buddhist Sangkha appeared to be.

Keywords: Buddhism; monasteries; clergy; regulation; social changes; adaptation.

В 40–50-х гг. прошлого столетия начинается новый этап в истории буддизма в Бурят-Монголии, поскольку именно в эти годы в среде оставшегося после репрессий представителей буддийского духовенства окончательно оформляется движение за восстановление своей монастырской организации на основе лояльности государству и социалистическому строю. Лояльность эта фиксировалась всеми доступными органами, «надзирающими» за религиозными организациями всего государства, в том числе и специальными органами – Совета по делам религиозных культов при республике Бурят-Монголия, а также Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Как уже отмечалось во многих наших публикациях, выжившие после репрессий (многолетних отсидок в тюрьмах и тяжелой десяти-пятнадцатилетней работы на лесоповалах) представители обновленческого движения продолжали считать, что буддийская теория и практика находится в тесной связи с этнокультурными традициями бурятского этноса, имеющего общие историко-генетические корни не только с метаэтнической монгольской общностью (Хамаг Монгол), но и с сопредельными этносами-адептами буддийской культуры на протяжении многих веков. Важно также отметить, что потребовался определенный исторический период, чтобы буддийское духовенство Бурятии окончательно признало те огромные социальные изменения, которые произошли на этой территории. Столь радикальная переориентация, главным образом, была обусловлена изменившимся миро-

воззрением мирян-адептов буддизма в годы Великой Отечественной войны. Любая другая социокультурная ориентация уже не получила бы поддержки со стороны мирян.

Будучи достаточно развитыми социальными институтами в дореволюционной Бурятии, буддийские монастыри играли огромную роль в жизни бурятского народа, являясь своеобразным регулятором его политической, социальной и культурной жизни. Такие составные части духовной культуры бурятского этноса, как литература и искусство, нормы поведения, привычки и традиции, в какой-то степени несли на себе печать религиозных знаний и практик. Поэтому неудивительно, что даже в повседневном народном сознании, представлениях и мировосприятии буддизм ассоциировался с их этнической принадлежностью и конфессиональной компетентностью. Буддийские монастыри исторически были органичным компонентом жизнедеятельности бурят. Являясь практически центром всей социальной и культурной жизни бурят, исполняя интегративные и коммуникативные функции, монастыри представляли собой символ единства всех бурят, носителями их идентичности и маркерами этнической культуры. На сохранение представлений о тождестве этнического и религиозного, несомненно, оказал влияние и тот факт, что буряты, как и многие другие народы, вошедшие в состав СССР, из патриархального традиционного социума оказались практически в других социополитических условиях. Вековая традиция передачи религиозных знаний

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Международного конкурса РГНФ и Министерства образования, культуры и науки Монголии (МинОКН) № 17-21-03004 «Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии».

и практик, как и проявление этнической идентичности в религиозных формах, обусловили сложный процесс дифференциации этнического поведения от религиозных практик, так и не усвоив в этом контексте элементы секуляризации. Известно, что, благодаря специфике религиозно-философского учения буддизма и его многочисленных практик, это учение и практики глубже всего проникли в сферу семейно-бытовых и элементарных норм и отношений бурят. Более того, те шаманские и шаманистические традиции, инкорпорированные буддизмом и которые на протяжении некоторого периода продолжали отправляться некоторыми родами бурят, по истечении времени достигли органической связи с природным циклом существования кочевого народа, тесно переплетаясь со всеми сторонами старого традиционного общественного и бытового уклада. Поэтому процесс отделения этнического от религиозного в тот период представляется нам достаточно сложным и неединовременным процессом, требующим не только политического такта, но и глубоких знаний этнокультурных традиций и социальных стратегий бурят, а также их этнопсихологических особенностей. Окончательная позиция буддийского духовенства по отношению к новому социальному статусу оформилась лишь в послевоенные годы, хотя попытки обновленческих реформ предпринимались задолго до этого. Их вовлеченность в социально-политическую сферу республики фиксируется в конкретных фактах: летом 1944 г. представители оставшегося буддийского духовенства во главе с Дид-хамбо-ламой, заместителем председателя Центрального Духовного Совета буддистов Восточной Сибири, избранного на обновленческом съезде в 1925 г., ламой-габжой Агинского дацана Х. Галсановым выпустили патриотическое воззвание к буддистам на бурятском языке с призывом о помощи Советской Родине и Красной Армии. Всего за годы войны от буддийских монахов поступило пожертвований на сумму 0,5 млн рублей. Ламы Х. Галсанов Ч. Тасорунов на личные взносы в Фонд обороны дважды получили благодарственные телеграммы от И. В. Сталина [Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 105].

В 1946 г. по инициативе группы мирян-буддистов и группы буддийских монахов, которые возглавили члены бывшего Центрального Духовного Совета буддистов Восточной Сибири Х. Галсанов и Л.-Н. Дармаев (бывший лама габжа Сартул-Булакского дацана, кандидат в члены ЦДС), было создано совещание буддийских деятелей, на котором был обсужден и принят документ, именуемый в документах Сангхи как «Положение о буддийском духовенстве СССР». «Положение о буддийском духовенстве в СССР», принятое на совещании буддийских деятелей тогда еще Бурят-Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей в 1946 г., на наш взгляд, является очень важным источником и документом, подтверждающим высокий адаптационный потенциал буддийской Сангхи в СССР в послевоенный период. Кроме того, совещание 1946 г. ознаменовало собой завершение длительного, сложного и противоречивого процесса модернизации традиционной структуры буддийской церковной организации, начавшегося еще в начале XX в. и связанного первоначально с национально-освободительным движением бурятского этноса как внутри системы царского самодержавия, так и репрессивного режима Советов.

Историческое значение «Положения о буддийском духовенстве в СССР» состоит в том, что оно является ярко выраженным социокультурным феноменом адап-

тации ценностных императивов Традиционной буддийской Сангхи России того периода к резко изменившимся социальным, политическим и экономическим условиям, в которых буддийская Сангха оказалась. «Положение 1946 г.» состоит из 8 разделов, содержащих 29 статей. Текст оригинала написан на старомонгольском языке. В статьях «Положения» определяются правовой и имущественный статус буддийского духовенства, регламентируются его быт и нормы поведения, фиксируются принципы соотношения и взаимоотношений с государственными структурами, кодифицируется внутрицерковная иерархия, обозначаются изменения в обрядности, оставляя неизменным Учение Будды. Традиционный Институт перерожденцев (хубилганов) упраздняется [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 38]. Вторым важным принципом, сформулированным в «Положении» 1946 г., явился принцип, ограничивающий деятельность буддийского духовенства и монастырей сугубо культовыми и вероисповедными делами [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 35–37]. Естественно, этот принцип вытекал из законодательных инициатив Советского правительства об отделении церкви от государства. Открывая совещание, Л.-Н. Дармаев, который и составил проект «Положения», заявил, что «благочестивые ламы собрались с целью заложения прочной основы для дальнейшего расцвета буддийского духовенства» [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 89]. Верховным органом по «Положению 1946 года» стало Центральное Духовное управление буддистов СССР (ЦДУБ), избираемое согласно статье 7 второго раздела положения «О руководящих органах буддийского духовенства» съездом буддистов в составе 5 членов и 2 кандидатов во главе с председателем – Пандидо-хамбо-ламой и его заместителем.

На первом послевоенном съезде 1946 г. председателем ЦДУБ был избран Л.-Н. Дармаев, а его резиденцией стало Хамбинское сумэ (ныне Иволгинский дацан). Центральное духовное управление буддистов вскоре было зарегистрировано в Совете по делам религии при Совете Министров СССР, т.е. получило официальное оформление со стороны советской власти. Восстановление организационного статуса буддийских монастырей на учредительном совещании сопровождалось также внесением некоторых новшеств в свою организационную структуру, которые не предусматривались даже постановлениями обновленческих съездов довоенного периода. Так, например, по новому положению ширетуи (настоятели храмов) не выбираются, а назначаются Центральным духовным управлением по рекомендации Хамбо-ламы (ст. II) [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 33]. Также зафиксировано, что монахи должны проживать за общей монастырской стеной без обособленных усадеб, а дома, в которых они проживают, считаются собственностью монастыря. Храмовые и личные расходы сдаются казначею и по распоряжению Хамбо-ламы расходуются по определенному штатному расписанию. Хозяйство монастырей должно находиться в ведении джасы (казначейства), в которое входят бухгалтер и заведующий хозяйственной частью. Единственным источником доходов монастырей предусмотрено добровольное пожертвование мирян [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 35]. Изменились и правила приема в организационную структуру Сангхи. Во-первых, в соответствии с советскими законодательными актами о религиозных культурах, в Сангху можно «вступить» по ходатайству религиозной общины мирян, выбирающей кандидата для исполнения их религиозных треб и отправлений. Во-вторых, ими могут стать лица, призванные ЦДУБ

«способными выполнять правила Винаи, строго соблюдать принятые монашеские обеты» [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 35]. Наряду с запретами классического канонического характера, согласно «Положению 1946 года», ламам было запрещено всевозможное лечение и врачевание в контексте тибетской, монгольской и бурятской медицины, практика которых исторически имела большую роль в деятельности буддийского духовенства [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 37]. Также запрещалась любая практика «незарегистрированных» буддийских священнослужителей, лечебная деятельность «лама-самозванцев». Соответственно требованиям времени и идеям социалистического реализма был решен также и вопрос о перерожденцах (хубилганах). С нашей точки зрения, принципиально важными в «Положении 1946 года» являются статьи, в которых говорится о перерожденцах и возрастном статусе монахов. В статьях 3 и 5 положения идет речь о практике поиска перерожденцев и возрасте поступления в буддийские монастыри. Известно, что в прошлом почти каждая бурятская семья отдавала одного, а то и двух сыновей в буддийский монастырь на обучение с возраста 5–7 лет. «Положение 1946 года», в соответствии с существующим законодательством, анонсирует о принятии в хувараки (ученики) лиц, достигших 16-летнего возраста. Как пишет К. М. Герасимова, «этот вопрос обсуждался еще на обновленческом съезде в 1922 г. – «запретить посвящение в хувараки лиц, не достигших 16 лет», но обновленческие требования о введении возрастного ценза в то время не были поддержаны [Герасимова, 1964, с. 71].

Решение о запрете культа хубилганов было принято еще в 1922 г. по требованию лидеров обновленческого движения, но из-за противодействия консервативной части буддийского духовенства оно так и не было претворено в жизнь, хотя архивные материалы фиксируют неоднократные попытки восстановления традиционного культа перерожденцев в его классической форме. О том, что культ перерожденцев все еще бытовал на локаль-

ном и мирском уровнях свидетельствует тот факт, что во время Великой Отечественной войны ламы Еравнинского аймака провозгласили 13-летнего мальчика Пурбо, сына колхозника Эгитуйского сомона, реэмигранта Ц. Гармаева хубилганом-перерожденцем «Хухэн хутухты». Примечательно то, что «Хухэн хутухта», ушедший в иной мир в 1869 г., по мнению халха-монголов, до этого времени не возрождался. Однако существовала версия-легенда, что он возродится в другой стране, где будет проповедовать Учение [Позднеев, 1880, с. 21]. Миряне вскоре распространили версию, что Пурбо еще в младенчестве был признан хубилганом в Монголии и обладал необходимыми знаниями [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 68. Л. 3]. Проблема института перерожденцев все еще сохраняла свою актуальность в традиционном представлении бурят-мирян и буддийского духовенства, однако совещание буддийского духовенства и мирян 1946 года упраздняет это феноменальное явление в истории буддизма монгольских народов, обозначив, что: «всякое присвоение себе званий гэгэнов и хутухт, хубилганов, чойженчи и пр. имеют в своей основе злосторостные цели и поэтому несовместимы с учением буддийской религии» [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 38]. Эти статьи (ст. 3 и 5) практически трансформируют не только классические формы буддийских организаций Бурятии, но и в целом затрагивают основы буддийской практики и свидетельствуют о существенной перестройке иерархической структуры буддийского духовенства.

В заключение хотелось бы отметить, что традиционная буддийская Сангха Бурятии (позже – России) прошла очень сложный и достаточно тяжелый путь адаптации к соционормативным условиям в пространственно-временном континууме своего автокефального пребывания, трансформируя и модернизируя свою организационную структуру, но сохранив буддийскую культуру не только на своей традиционной территории, но и распространив ее по многим регионам Российской Федерации, в том числе и за рубежом.

Литература

- Абаева Л. Л., Жуковская Н. Л. Традиция и модернизация в истории ламаизма // Религии мира. История и современность. Ежегодник, 1983. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 129–144.
- Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX вв. Улан-Удэ, 1957. 160 с.
- Герасимова К. М. Обновленческое движение ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1964. 179 с.
- Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк из прошлого и современного быта. СПб., 1880. 84 с.

БУДДИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ И КИТАЕ¹

В работе рассматривается вопрос об отношении буддийских монастырей и государственной власти на территории современной Бурятии (Россия) и в Китае в периоды распространения буддизма. Показано, что, несмотря на имеющиеся различия в рассматриваемых обществах, отношения буддийских монастырей и государственной власти демонстрируют подчиненное положение буддийской религии.

Ключевые слова: буддийские монастыри; государственная власть; бурятское обновленчество; эпоха Тан; конфуцианство.

Mazur Tatyana Gennadievna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

BUDDHIST MONASTERIES AND STATE POWER IN RUSSIA AND CHINA

The article deals with the issue of the relations between the Buddhist monasteries and the state power in the territories of modern Buryatia (Russia) and China during the periods of the penetration of Buddhism. It is demonstrated that in spite of the differences in the societies under consideration the relations between the Buddhist monasteries and the state power indicate the subordinate position of the Buddhist religion.

Keywords: Buddhist monasteries; state power; the Buryat renovationism; the T'ang epoch; confucianism.

По мере своего распространения и проникновения в те или иные сообщества религиозное вероучение не только начинает вступать во взаимодействие с элементами духовной подсистемы социума, но и выходить за ее пределы. В экономической подсистеме общества религия в лице церквей, монастырей и т.п. предстает как дополнительный субъект распределения и потребления материальных благ, в политической подсистеме она вступает во взаимодействие с политическими институтами, инициирует выработку государственной религиозной политики и т.д. Интенсивность и широта взаимодействия религиозного вероучения с элементами различных подсистем общества могут служить показателем степени его влияния на общество и успешности его адаптации в новой социальной среде.

Применительно к буддизму одним из таких показателей служит отношение буддийских монастырей с государственной властью на той территории, где распространялось это вероучение.

Понятие «государственная власть» в данном случае трактуется узко, как субъект управления обществом. Необходимо отметить, что при монархических и деспотических формах правления, когда государственная власть принадлежала одному человеку и признавалась неограниченной, государственные решения зачастую принимались им с учетом интересов и мнения представителей окружающей его знати, политической элиты, т.е. фактически управление обществом осуществлял не индивидуальный, а коллективный субъект. Это обстоятельство следует иметь в виду и говоря о распространении буддизма в Бурятии (Россия) и, прежде всего, в Китае, не сводить государственную религиозную политику в отношении этого вероучения лишь к пристрастиям и благосклонности отдельных правителей.

В данной работе рассмотрим, как формировались отношения буддийских монастырей и государственной власти как коллективного субъекта управления обществом на территории современной Бурятии (Россия) и в Китае в периоды распространения и закрепления буддийской религии.

На территории нынешней Бурятии буддизм, проникнув в начале XVII в. и получив широкое распространение,

в 1741 г. был официально признан российским правительством в лице императрицы Елизаветы Петровны, узаконившей существование 11 дацанов и 150 лам при них, официально разрешившей буддийским монахам религиозные проповеди и другую деятельность среди бурят и освободившей их от податей и всякого рода повинностей. Известно, что в дореволюционной Бурятии функционировало уже более 40 дацанов [Ламаизм..., 1983, с. 118], а численность лам доходила до 15 тысяч человек [Герасимова, 1964, с. 151].

Государственная власть России в лице царского правительства активно использовала буддизм в политической сфере в качестве инструмента социальной регуляции местного населения и дипломатии в отношениях с Китаем, Монголией и Тибетом, что обусловило подобный рост числа дацанов и лам. Помимо этого, буддийские монастыри играли важную роль в социальной и духовной подсистемах общества. Дацаны способствовали этнической консолидации бурят, а также выполняли, помимо религиозных обрядов, культурно-просветительские функции: развивали книгопечатание, зодчество, тибетскую медицину, распространяли грамотность среди бурятского населения [Буддизм..., 2016, с. 168–173].

В Китай буддизм проник в первых веках нашей эры и достиг своего расцвета ко времени эпохи Тан (618–907). В начале эпохи Тан строительство буддийских монастырей также поощрялось государственной властью. Так, по указу императора Тай-цзуна (627–649) буддийские храмы были возведены на всех полях старых сражений, а по указу императрицы У-хоу (684–704) в каждом округе страны были построены монастыри Да юнь (монастыри Большого облака, названные так в честь сутры «Да юнь цзин»). В годы правления Сюань-цзуна (713–756), когда буддизм пребывал на пике своей популярности, количество храмов и монастырей увеличилось по сравнению с начальным периодом Тан практически в два раза [Чжунго фоззяо, 1996, с. 62]. К середине IX в., как явствует из дневника японского буддиста-пилигрима Эннина, вся страна уже была буквально покрыта густой сетью буддийских монастырей, храмов и пагод, причем многие монастыри превратились

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

в крупные хозяйственные единицы, владеющие землей и имеющие разнообразные источники доходов [Васильев, 1970, с. 343–348].

Китайское правительство также активно использовало буддизм в политических целях. Первые танские правители, последовательно придерживающиеся в своей политике концепции равенства «варварского» и «китайского», рассматривали буддизм как учение, наиболее подходящее на роль унифицирующей силы, способной объединить различные народы и культуры империи [Hartman, 1986, р. 129]. Роль буддизма была велика в социальной и духовной сферах: монастыри содержали больницы, осуществляли медицинскую помощь населению, учреждали бесплатные столовые, ночлежки, являлись центрами обучения.

Поддерживаемый государственными властями, буддизм занял важное место не только в духовной, но и в политической и социальной сферах рассматриваемых обществ. Однако, превратившись в полноценного субъекта в сфере потребления и распределения материальных благ, буддизм в лице буддийских монастырей, ставших значимыми экономическими единицами, столкнулся с необходимостью урегулирования отношений с государственной властью в экономической сфере. Интересно отметить, что этот процесс шел в рассматриваемых обществах по-разному.

В Бурятии необходимость реформирования буддизма в экономическом плане была осознана со стороны самих буддистов. Это требование прозвучало в контексте обновленческого движения на рубеже XIX–XX вв., связанного с именами бурятских ученых и общественно-политических деятелей А. Доржиева, Ч. Иролтуева, Ц. Жамцарано, Б. Барадина, М. Богданова и др. Административная составляющая процесса обновления, помимо прочего, предполагала изменение принципов распределения получаемых дацанами доходов, определение порядка формирования расходных статей церковного бюджета, введение ограничений на личные расходы ламства по своему содержанию и т.д. [Буддизм..., 2016, с. 267]. Документы, обсуждаемые на первом духовном съезде буддистов в октябре 1922 г., «Положение об управлении духовными делами буддистов Сибири» и «Устав внутренней жизни монашествующих в буддийских хитах Сибири», содержали специальные пункты об экономических преобразованиях быта духовенства: вся движимая и недвижимая собственность монастырей и духовенства переходит к приходской общине, доходы лам и их имущество обобществляются, ламам запрещается иметь предметы роскоши, носить одежду, обувь и головные уборы из дорогих материалов [Герасимова, 1964, с. 68]. Обновление бурятского буддизма в значительной степени затрагивало его внешнюю атрибутику, например, пышное убранство храмов и др.

Литература

Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2016. 456 с.

Васильев Л. с. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.

Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 179 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв.: Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1983. 240 с.

Письменные памятники Востока. 1972. М.: Наука, 1977, с. 203–223.

Хань Юй ши вэнь и ши (Стихи и проза Хань Юя с переводом и комментариями). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1985. 313 с.

Хань Юй, Лю Цзунъюань. Избранное / пер. И. Соколовой. М.: Художественная литература, 1979. 230 с.

Чжунго сысян тунши (Всеобщая история китайской мысли). В 4 т. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1959. Т. 4. Ч. 1. 594 с.

Чжунго фочзяо (Китайский буддизм). В 4 т. Шанхай: Дунфан чубань чжунсинь, 1996. Т. 4. 394 с.

Hartman C. Han Yü and the T'ang Search for Unity. Princeton: Princeton University Press, 1986. 460 p.

В Китае подобное требование вначале было выдвинуто не представителями буддизма, а чиновниками-конфуцианцами, т.е. со стороны государственной власти². Отчетливо оно прозвучало уже в эпоху Тан, период наивысшего расцвета буддизма и буддийских монастырей. Так, танский чиновник, поэт и публицист Хань Юй (768–824) в своих работах выступал за полное искоренение буддийских монастырей из сферы распределения и потребления материальных благ, обосновывая тезис, что буддийская община – это бесполезный, а потому «лишний», элемент общества [Хань Юй, 1985, с. 151–160, с. 180–194; Письменные памятники..., 1972, с. 205; Хань Юй..., 1979, с. 30–33].

Будучи подконтрольной государственной власти, буддийская община в рассматриваемых обществах полностью зависела от государственной религиозной политики. Так, на территории Бурятии с усилением атеистической работы среди населения и началом коллективизации в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. буддизм становится объектом политического преследования, буддийская церковь и духовенство подвергаются репрессиям. В этот период происходят разгромы дацанов, их закрытие, использование их помещений для других целей. Как следствие, их количество, как и количество лам, сокращается в десятки раз, а буддийская религия «уходит в подполье» [Буддизм..., 2016, с. 257–259].

В Китае буддизм также подвергается гонениям с целью подрыва его экономического могущества. Самое масштабное из них пришлось на эпоху Тан на период правления императора У-цзуна (841–846). Оно нанесло сокрушительный удар по китайской сангхе, от которого она уже не смогла окончательно оправиться. После того как в 845 г. У-цзун приказал разрушить буддийские храмы и статуи, а имущество монастырей конфисковать в государственную казну, было разрушено более чем 4600 крупных монастырей и около 40 тыс. мелких, возвращено в мир более 260 тыс. монахов и монахинь, освобождено 150 тыс. рабынь и конфисковано 10 млн цин земли [Чжунго фочзяо, 1996, с. 63].

Таким образом, выходя за пределы духовной подсистемы общества свидетельствует о широком распространении буддизма в рассматриваемых обществах. В то же время отношения буддийских монастырей и государственной власти демонстрируют подчиненное положение буддийской религии. И если в Бурятии (Россия) буддизм делает попытки диалога с государственной властью и участия в формировании государственной религиозной политики, то в Китае конфуцианский государственный аппарат не допускает буддизм к сфере управления государством, и государственная власть в зависимости от политических потребностей просто использует те или иные его положения.

² Гораздо позже, в начале XX в., оно стало исходить от самих буддистов.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БУДДИСТОВ В 1960–1970-Х ГГ.

Статья посвящена международной деятельности ЦДУБ в 1960–1970-х гг., которая сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами и организациями Азиатского континента.

Ключевые слова: Центральное духовное управление буддистов; Всемирное братство буддистов; Пандидо-хамбо-лама; Азиатская конференция по религии и миру.

Batueva Albina Badmaevna
 Buryat State University
 Ulan-Ude, Russian Federation

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF THE CENTRAL SPIRITUAL OFFICE OF BUDDHISTS IN THE 1960-1970'S

The article is devoted to the international activity of the Central Spiritual Board of Buddhists in the 1960s – 1970s, which played an important role in the development of diplomatic relations between the USSR and Buddhist countries and organizations of the Asian continent.

Keywords: the Central Spiritual Board of Buddhists; the World Buddhist Brotherhood; Pandido Hambo Lama; Asian conference on religion and peace.

В 1960-х – начале 1970-х гг., в условиях международного сотрудничества и возросшей взаимной ответственности народов за мирное сосуществование, советская власть подвергла пересмотру основные принципы своей внешней и внутренней политики. В международной деятельности СССР не мог не учитывать острейший вопрос современности – свободы совести. Поэтому советское правительство активно способствовало выходу Духовного управления буддистов на международную арену, а оно, в свою очередь, включилось в борьбу за мир, оказывая поддержку всем внешнеполитическим инициативам страны.

Согласно идеалу бодхисаттвы, последователь буддийского учения не может достичь личного спасения от страдания до тех пор, пока есть еще живые существа, омраченные неведением и страданием. Отсюда следует фундаментальное положение буддийской сотерологии о том, что для достижения полного и окончательного освобождения от своих собственных заблуждений и страданий последователь учения Будды должен активно бороться за спасение всех других живых существ, а значит, и за их мир, спокойствие и безопасность. Это положение придает буддийскому пути к миру, спокойствию и безопасности всеобщий, универсальный характер и побуждает буддийских адептов активно служить делу мира во имя и на благо людей, независимо от их национальной или расовой принадлежности, социального положения или идеологических убеждений. Последователь буддизма не может предаваться пассивной бездеятельности и удовлетворяться своими личными достижениями в морально-психическом совершенствовании, если над другими живыми существами нависла угроза уничтожения [Абаев, Митыпов, 1988, с. 63].

Принятое в 1969 г. «Положение о буддийском духовенстве СССР» содержало наряду с другими следующие пункты: 1) расширение контактов и поддержки взаимовыгодных связей с неправительственными и другими общественными организациями и движениями всех стран; 2) укрепление связей с главами и представителями других религий мира, выступающих за спасение священного дара от ядерной катастрофы и др.

Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов сыграла большую роль

в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами Азиатского континента. Власти разрешили ЦДУБ установить более тесные контакты с крупнейшими буддийскими организациями, в том числе Всемирным братством буддистов (далее ВББ). Эта крупная международная организация была создана в 1950 г. в Коломбо (Шри-Ланка), затем ее центр был перенесен в Бангкок (Таиланд). Соединенные Штаты Америки приняли ряд мер для того, чтобы стать членами ВББ, пустив в ход «Фонд Азии» и «Фонд Рокфеллера». Долгие годы ВББ отличалось своей прозападной ориентацией. Американские буддисты были представлены в нем тремя регионами, тогда как не каждая из действительно буддийских стран Востока получила право считаться правомочным регионом. Первым вице-президентом ВББ стал американец Гард при президенте – таиландской принцессе Пун Писмай Дискул [Корнев, 1987, с. 172].

Советские буддисты принимали активное участие практически во всех конференциях. Так, на Всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (Москва, 6–10 июня 1977 г.) приняло участие около 60 буддистов из Вьетнама, Индии, Бангладеша, Лаоса, МНР, Непала, СССР, Шри-Ланки, Японии [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 104. Л. 2]. По политическим мотивам не прибыли делегации Малайзии, Сингапура, Кореи, хотя ранее было получено их согласие участвовать в данном форуме.

Ввиду того, что С. Д. Адель и Н. К. Кумбхаре из Индии, которые должны были возглавлять работу комиссий в течение нескольких дней находились в больнице, они были заменены другими лицами (Д. П. Баруа из Бангладеша, Т. Махахамтан из Лаоса). Последние удачно справились с возложенной на них задачей.

В целом, такого рода конференция была первой в мире по своим масштабам, охвату многих религий, континентов и стран (663 делегата из 107 стран, что было отмечено многими делегатами). Большим успехом конференции можно считать обстановку единодушия в принятии окончательных документов. Несмотря на самый широкий диапазон мнений в обстановке полной

свободы, волеизъявления, участники конференции были единодушны в главном – в необходимости сохранения и упрочения мира, исключая войны из жизни человечества и создания справедливых условий для народов. В этом видится огромный опыт, умелая и гибкая организаторская работа устроителей конференции.

Одной из важных сторон конференции было то, что многие ее участники смогли убедиться собственными глазами, насколько гарантирована свобода совести в СССР, что идет вразрез с буржуазной пропагандой, активно действующей во всех странах, представленных на конференции. В этой связи большое значение имели поездки делегатов – буддистов в Киев, Ленинград, Улан-Удэ, где они имели возможность встречаться с верующими, посещать храмы, знакомиться с жизнью местного населения. Весьма полезным для углубления взаимопонимания было знакомство с жизнью советских людей в целом: отсутствием в стране безработицы, обеспечением всех бесплатным образованием, лечением, отсутствием инфляции и пр. Полезным для буддистов из социалистических стран был опыт работы как религиозных организаций в СССР, так и координирования религиозной деятельности Советом по делам религий: представители Вьетнама, Лаоса, МНР имели возможность перенять некоторый опыт для своей дальнейшей деятельности.

С 23 января по 1 февраля 1977 г. была совершена поездка делегации буддистов СССР в Сингапур. В состав делегации входили: глава делегации хамбо-лама Гомбоев, лама Дашидондоков, профессор С. Д. Дылыков, Д. Ш. Шагдарова и переводчик П. Ф. Толкачев.

Делегация была приглашена президентом регионального центра ВББ мисс Пит Чин Хуэй в ответ на посещение делегации буддистов Сингапура Советского Союза в сентябре 1976 г. Дата была определена хозяевами в соответствии с обстановкой, т.е. после конференции по религии и миру и до китайского Нового года (19 февраля 1976 г.). Первоначальная дата отъезда 9 января была перенесена на 28 января в связи с задержкой въездной визы.

Цель поездки состояла в знакомстве с деятельностью буддистов Сингапура, налаживании контактов и изучении возможностей приглашения буддистов и мусульман в Москву для участия в конференции представителей разных религий в июне 1977 г. Помимо этого делегацию интересовала проходившая в конце ноября 1976 г. Азиатская конференция по религии и миру, игравшая роль контрмеры против АБКМ.

Выводы и предложения:

1. Делегация буддистов посетила Сингапур в обстановке усилившегося нажима с стороны правящих кругов США на страны, входящие в АСЕАН, с целью превращения этой организации в военный блок, наподобие развалившегося в свое время СЕАТО. В этом направлении особое влияние на Сингапур в Малайзию оказывает нынешний режим Тайланда. Отсюда заметна была настойчивость представителей властей Сингапура к приезду буддийской делегации СССР и дальнейшим контактам буддистов обеих стран.

2. Делегация считает целесообразным срочно направить в Сингапур и Малайзию приглашения для участия в конференции представителей разных религий за мир через наши посольства в этих странах.

3. Учитывая сложившуюся обстановку в Сингапуре, делегация считает, что она выполнила возложенную на нее задачу.

Советские буддисты принимали активное участие практически во всех проводимых ВББ мероприятиях.

Так, делегация Центрального духовного управления буддистов принимала участие в делегации буддистов СССР в Индию с 26 по 30 марта 1977 г. В состав делегации ЦДУБ входили: Бандидо Хамбо-лама Гомбоев – глава делегации, Цыдыпов Б. Ц. – переводчик [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 105. Л. 2].

По приглашению Генерального праздничного комитета и общества «Маха боди Индии» делегация советских буддистов посетила Индию в конце марта и приняла участие в работе международного семинара по буддизму, посвященного празднованию 2600-летия со дня рождения Будды. Общая тема семинара «Вклад буддизма в мировую культуру и цивилизацию» охватывала вопросы религии, философии, этики, логики, психологии, медитации (созерцание), социологии, искусства, архитектуры и других аспектов буддизма. Для участия в работе семинара приехали представители буддийских организаций из Японии, Гонконга, Непала, Шри-Ланки, ГДР, МНР (президент АБКМ – хамбо-лама Гомбожав, его генеральный секретарь профессор Жугдэр), Англии, США, Бутана. Число иностранных делегатов составило 50 человек, а со стороны Индии – около 130 человек. Работа семинара проводилась в пяти последовательных сессиях, на которых выступило более 50 гостей и членов индийской делегации.

Открытие семинара состоялось 27 марта, на который прибыли исполняющий обязанности президента Индии Б. Д. Джатти, отдельные представители дипломатического корпуса, известные политические и религиозные деятели страны. В своем коротком выступлении Б. Д. Джатти коснулся исторической роли буддийской религии в жизни народов Индии и подчеркнул важность использования некоторых положений учений Будды в современной жизни. Примечательно, что приветственные выступления на семинаре были открыты главой нашей делегации Пандидо-хамбо-ламой Гомбоевым. Он также выступал первым и на заключительной сессии семинара, 29 марта.

Центральное духовное управление буддистов, со своей стороны, приглашало буддистов из других стран. Так, в 1989 г. по приглашению ЦДУБ прибыла в СССР делегация из правительства Далай-ламы. С 18 по 21 апреля в Улан-Удэ находилась делегация тибетцев во главе с министром иностранных дел правительства Далай-ламы Лоди Гяри с сопровождающим его политическим секретарем постоянного представительства тибетцев Дели Агваном Рабжалом. Основной целью визита тибетцев было посещение Ленинградского дацана, оказание помощи по реставрации храма [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 252. Л. 18].

Решением буддийских кругов азиатских стран была создана еще одна организация. В декабре 1969 г. в Улан-Баторе собрался подготовительный комитет организации. Он постановил созвать первую Азиатскую буддийскую мирную конференцию. Она состоялась 11–13 июня 1970 г. в Улан-Баторе. Конференция приняла «Обращение ко всем буддистам Азии» и резолюцию «По Вьетнаму и Индокитаю» и «По развитию сотрудничества между буддистами в интересах мира». Она учредила «Комитет содействия сотрудничеству буддистов Азии в борьбе за мир», которому было поручено установление связей с «международными организациями и силами, борющимися за национальную независимость и человеческие права» [Нестеркин, 2002, с. 128].

Конференция избрала президентом Комитета главу Духовного совета буддистов МНР хамбо-ламу С. Гомбожава и вице-президентами Н. Джинаратану (Индия) и М. Суманатиссу (Шри-Ланка). Генеральным секретарем

стал профессор Ч. Жугдэр. На третьей генеральной конференции первоначальное наименование организации было заменено новым. Она стала называться Азиатской буддийской конференцией за мир (АБКМ). Под этим названием и продолжается ее работа [Ермакова, 2011, с. 225–227].

В рамках празднования 250-летия буддизма в России прошла научная конференция, на которой выступили с докладами ученые республики – Р. Е. Пубаев, Г. Л. Санжиев, Ш. Б. Чимитдоржиев, К. М. Герасимова, Т. М. Михайлов и др. Эта конференция, по существу, стала точкой отсчета новых подходов к исследованию проблем буддизма. Сенсацией стало выступление В. Пупышева, рассказавшего вместо заявленного доклада по тибетской медицине о жизни и деятельности Б. Дандарона, репрессированного за «создание тантристской секты буддистов» в 1970-е гг. [Урбанаева, 2009, с. 32–45].

Можно утверждать, что практически с середины 1950-х гг. ЦДУБ было переориентировано на деятельность за рубежом для поддержания версий властей о

свободном и благополучном существовании буддийской церкви в социалистическом государстве. Международную деятельность духовного управления буддистов можно рассматривать как дань лояльности властям, в которой ярко проявилась зависимость церкви от атеистического советского режима, когда религиозное сознание уступало место выполнению государственных директив. Эта деятельность разворачивалась по двум главным направлениям: 1. борьба за мир и защита интересов социалистического государства перед мировой общественностью; 2. экуменическая деятельность.

Позиции буддийской церкви, которые формулировались делегациями ЦДУБ практически во всех докладах на крупных международных форумах и других мероприятиях, полностью отвечали задачам советской пропаганды. Таким образом, «международная деятельность Центрального духовного управления буддистов сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами Азиатского континента».

Литература

- Абаев Н., Митыпов В. Актуальные проблемы сегодняшнего дня и буддийский путь к миру // Буддийский мир. 1988.
- Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность: материалы конф. 23-24 июня 2001 г., Тамчинский дацан / отв. ред, с. П. Нестеркин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 191 с.
- Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой половины XX вв. СПб: Наука, 2011, с. 225–227.
- Корнев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 222 с.
- Урбанаева И. С. Духовность как проблема интеллигенции или о путях внутреннего Будды // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Улан-Удэ, 2009. С. 32–45.

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ БУДДИЗМ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ¹

В работе проводится сравнительный анализ базовых положений христианского и научного мировоззрений с буддийским (в его центрально-азиатской форме) и определяются области их сходства.

Ключевые слова: буддизм; христианство; наука; межкультурное взаимодействие; компаративистика.

Nestyorkin Sergei Petrovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

CENTRAL ASIAN BUDDHISM IN THE RUSSIAN CULTURAL ENVIRONMENT

The paper compares the basic provisions of the Christian and scientific worldviews with the Buddhist (in its Central Asian form) and identifies areas of similarity.

Keywords: Buddhism; Christianity; science; intercultural interaction; comparativistics.

В последние десятилетия буддизм активно распространяется за пределы ареала своего традиционного бытования [Уланов, 2009; Нестеркин, 2006]. Выход российского буддизма за границы этнических ниш ставит вопрос о том, в какой степени он релевантен российской культурной среде [Нестеркин, 2008; Пупышева, 2015].

На наш взгляд, мировоззренческую основу современной российской культуры в очень большой степени определяют две составляющие – православное христианство и научное мировоззрение. В том, что касается христианства, в литературе последних лет (в особенности христиански ориентированной) часто выдвигался тезис о резкой антагонистичности буддийского и христианского мировоззрений. Тезис об антагонистичности буддизма христианскому мироощущению обосновывается обычно ссылкой на то, что в нем (буддизме) якобы отрицаются такие ключевые для христианства категории, как *свобода воли*, *душа* и *Бог*. Этот вывод делается на основе анализа понятий *кармы*, *анатмы* и *Будды*. Концепция *кармы* интерпретируется как детерминистическое учение, отрицающее наличие свободной воли, *анатмы* – как учение об отсутствии души (во вполне материалистическом смысле) и *Будды* – как понятие, выражающее идею личного совершенства человека и подменяющее собой концепцию Бога как высшего запредельного существа. Согласно этой точке зрения (широко распространенной в настоящее время как в научной, так и в популярной литературе), в этом состоит специфика буддизма и его отличие от «религий Книги» вообще и христианства в частности. На наш взгляд, это понимание основано на несколько односторонней интерпретации буддийских источников, вырванных из общего контекста целостного учения буддизма.

Необходимо обратить внимание на то, что помимо закона *кармы*, выражающего принцип детерминизма, в философии буддизма рассматривается закон совершенствующего движения как проявление изначального стремления алая-виджняны к нирване. На внутреннем плане это выражается в том, что индивидуальная алая-виджняна как «частица абсолюта», заключенная в каждом живом существе, формирует вектор потока психики человека, определяя его стремление к совершенствованию. Когда же она (алая-виджняна) в акте

интуиции (праджня) осознается, хотя бы и на мгновение, человеком, у него появляется возможность волевого акта, обусловленного абсолютным, конечным состоянием сознания, стоящим за пределами закона *кармы*, что может быть интерпретировано как проявление свободной воли. Конечная сотерологическая задача буддиста формулируется как «соединение своего сознания (*sem*) с Сознанием (*thugs*) Учителя», т.е. обусловленного, несвободного сознания «обычного существа» с безусловным, не подверженным закону кармы абсолютным сознанием Учителя-Будды, и завоевание таким образом абсолютной свободы воли.

Философские школы буддизма придерживаются концепции *анатмы* (*отсутствия индивидуального Я*), отвергая выдвигаемую небуддистами идею существования постоянного, целостного и независимого Я в абсолютном смысле, однако они (в своем большинстве) признают существование Я на относительном уровне. Так, некоторые *вайбхашики* считают индивидом поток скандх, некоторые виджнянавадины – алаявиджняну, йогачара-мадьямика-сватантрики – мановиджняну и т.д. [dKon mchog]. Таким образом, концепция *анатмы* является выражением понимания проблемы истинно сущего, но никоим образом не относится к отрицанию условного существования *души*, и уж во всяком случае не является основанием для утверждения более фундаментального субстанционального статуса тела в сравнении с душой.

В текстах ваджраяны значительное место уделяется обсуждению процесса умирания и перерождения сознания после смерти человека. В них мы находим описание того, каким образом все многообразие феноменов в период смерти сворачивается в «очень тонкое сознание», «неразрушимую каплю», которая и является субъектом перерождения, в «свернутом» виде сохраняя нашу индивидуальность. Это сознание вполне соотносимо с «душой» христиан с той лишь разницей, что о ее бытии нельзя сказать, что оно «вечно», так как в конечном итоге все, что имеет бытие, «успокаивается» в нирване (хотя и нельзя сказать, что оно «конечно»). Так что хотя с точки зрения абсолютной истины нельзя говорить об истинном существовании некой независимой субстанциализированной души (равно как и тела), но ясно, что на относительном уровне душа как

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

некий субъект перерождения с точки зрения буддизма несравненно более устойчивый феномен, чем тело.

Наконец, концепция *Ади-будды* как изначально-сущего «отца всех Будд», развиваемая в основном в текстах ваджраяны, позволяет говорить о наличии в буддизме определенного рода теизма, хотя и отличного от христианского. Ади-будда – это не Бог-творец и не всеобщая субстанция. Это изначальная чистота, присущая каждому живому существу. Те, которые под воздействием неведения не узнали в ней свой «истинный лик», стали живыми существами, а те, которые узнали — Буддами. Так что для каждого живого существа наличие мира сансары обусловлено неведением, но не волей высшего существа. Будда же, если и является творцом, то творцом метода спасения от сансары. Этот метод проповедуется Буддой в его «Телах Формы» – Самбхогакае и Нирманакае, которые он проявляет в силу имманентно присущего ему сострадания. Говорится, что эти тела «подобны радуге, отражающейся на поверхности зеркала» [‘Jigs byed, Л. 2], чем подчеркивается их несубстанциональность и, как ни парадоксально, обусловленность, поскольку проявление Будды как спасителя обусловлено кармой живых существ. Такое понимание природы Будды, тем не менее, сохраняет за ним основную функцию Божества как высшей религиозной ценности, определяющей направление вектора сотерологической деятельности человека.

Что касается возможности соотнесения буддизма с научной парадигмой, то хотя буддизм, как всякая религиозная система, и имеет особые (отличные от принятых в классической науке) источники познания, как,

например, религиозно-мистическая интуиция (*shes rab*), однако для доказательства своих положений он использует методологию и процедуру, практически идентичные научным.

В обоснование выдвигаемых положений может быть представлено только 1) то, что доступно непосредственному чувственному познанию индивида с полноценными органами чувств и 2) то, что может быть выведено корректной логической процедурой. Ссылки на личный мистический опыт или свидетельство авторитета не могут выдвигаться как аргумент в полемике (за исключением тех случаев, когда авторитет признается обеими сторонами). Дух критики, столь важный в научном исследовании, в буддизме был освящен самим Буддой, который призывал своих последователей тщательно и критически исследовать его учение, прежде чем принять [Jam dbyangs, Л. 2Б–3А].

Если говорить не только о методологических аспектах, но и конкретных характеристиках научной парадигмы, то в качестве наиболее общих можно назвать идеи детерминизма и эволюции. Обе они принимаются в буддизме и находят свое выражение в уже упоминавшихся выше законах кармы и совершенствующего движения. Кроме того, многие концепции современной науки (в широком спектре – от семиотики до теории поля) находят параллели в буддийской мысли. Все это позволяет говорить, что буддизм имеет существенные точки соприкосновения как с православным, так и научным мировоззрением, что создает определенные предпосылки для его органичного вхождения в культурную среду России.

Литература

Нестеркин С. П. Буддизм в российской культурной среде: некоторые тенденции развития // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 1. С. 98–105.

Нестеркин С. П. Семиотические аспекты религиозной толерантности (на материале буддизма махаяны) // Гуманитарный вектор. 2008. № 3. С. 42–45.

Пупышева Н. В. Система ценностей в буддизме: источники ценностей и уровни развития личности // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3. С. 187–199.

Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста, 2009. 234 с.

dKon mchog ‘jigs med dbang po. Phyi nang gi grub mtha’i rnam bzhag mdor bsdus rin po che’i ‘phreng ba zhes bya bzhugs so (Кёнчог Чжигмэ Ванпо. Драгоценное ожерелье: Краткое изложение концепций буддийских и небуддийских философских школ). Ксил., 26 л.

‘Jigs byed smon lam bzhugs so (Молитва Ваджрабхайраве). Ксил., 4 л.

Jam dbyangs bzhad pa’i rdo rjes mdzad pa’i drang nges rnam ‘byed kyi zin bris bzhugs so (Жамьян Шадба. Записки по герменевтике). Ксил., 22 л. Б/м. Б/г.

БУДДИЗМ КАК ФАКТОР МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС БУРЯТИИ¹

В статье анализируется роль буддизма как одного из важнейших факторов межцивилизационного взаимодействия России с миром Внутренней и Восточной Азии, освещается связь буддизма и «панмонголизма», а также рассматривается значение буддизма как цивилизационного и стратегического ресурса Бурятии.

Ключевые слова: буддизм; интеллигенция; «пан-монголизм»; национализм; «внутренняя» наука.

Urbanaeva Irina Safronovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

BUDDHISM AS A FACTOR OF INTERCIVILIZATIONAL INTERACTION AND A STRATEGIC RESOURCE OF BURYATIA

The article analyzes the role of Buddhism as one of the most important factors of intercivilizational interaction between Russia and the world of Inner and Eastern Asia, highlights the relationships between Buddhism and "Pan-Mongolism", and examines the importance of Buddhism as a civilizational and strategic resource of Buryatia.

Keywords: Buddhism; intellectuals; "Pan-Mongolism"; nationalism; "inner" science.

На протяжении XX столетия титульный народ Республики Бурятия вместе с остальным полиэтническим населением России прошел сложный путь. Из *бурят-монголов* – народа, являвшегося ярким представителем кочевого мира Внутренней Азии и известного благодаря своей интеллигенции, буддизму и тибето-монгольской медицине, бурятский народ на рубеже XX–XXI вв. превратился в миноритарную общность, почти неизвестную в стране и за рубежом и все более теряющую свои этнокультурные, экономические, геополитические позиции в глобализирующемся мире.

Буддизм, до революции бывший одним из важнейших факторов этнокультурной консолидации бурят и межцивилизационного взаимодействия России с миром Внутренней и Восточной Азии, в годы советской власти подвергся гонениям с катастрофическими для него и для бурят последствиями, но в постсоветский период получил возможность возрождения. Буддизм и Байкал – это два главных сокровища и стратегических ресурса нашей республики, являющихся ее уникальным брендом. И это накладывает особую ответственность за использование этих ресурсов не только на руководство Республики Бурятия и страны, но и на интеллигенцию. Поэтому предлагаю осмыслить, в каком смысле буддизм является нашей глобальной надеждой и нашим главным стратегическим ресурсом.

Буряты были хорошо известны в мире еще на заре новоевропейской цивилизации, где описывались в контексте теории «добраго дикаря». В царской же России буряты стали играть заметную роль – благодаря своей интеллигенции, блистательные представители которой были и в Российской Академии наук, и при дворе, и в ведущих университетах страны. Все они, даже Д. Банзаров, первый бурятский ученый европейского типа, о котором русские ученые говорили, что он мог бы с честью носить ученый колпак в любом университете мира, были носителями буддийской культуры. О многом говорит также факт возведения в Санкт-Петербурге буддийского храма. Представители русской интеллигенции, декабристы и другие политические ссыльные,

которые соприкасались с бурятами, давали их умственному и культурному развитию лестные характеристики [Прыжов, 1985, с. 140]. Н. Бестужев даже сравнивал бурят с «древними греками Гомеровыми» – по образу жизни, быту, материальной культуре и мифологии [Бестужев, 1975, с. 151]. О. М. Ковалевский уподоблял обряд освящения обо олимпийским играм [См.: Шапов, 1956, с. 156] и вообще нередко сравнивал бурят по образу жизни и нравам с древними эллинами [Ковалевский, 1829, с. 206]. А по мере все более глубокого знакомства с мировосприятием и характером бурят ему открылись глубина и своеобразие старобурятского мировоззрения – тэнгрианства. «Философ, занимающийся исследованием человеческих поступков, в беседах забайкальского пастуха открыл бы новый еще источник для своей теории», – писал он [Ковалевский, 1829, с. 191]. Русские интеллектуалы, называвшие бурятские, монгольские и тибетские монастыри «Гейдельбергами Центральной Азии» и понимавшие, что все это «далеко от европейских путей науки и философской мысли» [Козьмин, 1923, с. 77], уважали этот непохожий на европейский путь развития цивилизации и активно исследовали его.

После того как Хубилай ушел в Китай, перенесся туда центр культурной жизни монгольского мира, народные массы остались в степях, по выражению Н. Н. Козьмина, «со своими легендами-эпопеями, сказочно-исторически воспетыми и смутной мечтой и тоской по культуре». На Западе разгорался свет новоевропейской цивилизации. «Но не он первый бросил свои лучи в степи Халхи и Южной Сибири. Со своеобразным светильником, взятым из буддийского храма, явился первый в эти степи лама – и лама тибетский. Он принес пищу для алкавшей мысли кочевника в священных книгах Тибета, заключавших и религиозные, и философские, и научные трактаты», – писал Н. Н. Козьмин в своей работе о туземной интеллигенции [Козьмин, 1923, с. 75]. Эта высокая оценка цивилизующей роли буддизма для бурят-монголов, чей уровень культурного развития к тому времени уже был в России и мире оценен благодаря запискам путешественников, академическим науч-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4 «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

ным экспедициям и исследованиям российских буддологов, в том числе бурятских ученых, была типичной для первой трети XX в.

Благодаря, главным образом, российским востоковедам, начиная с О. М. Ковалевского, а также декабристам, бурят-монголы в качестве культурных акторов и партнеров межцивилизационного взаимодействия России с Востоком были достойно оценены российской интеллектуальной элитой. В свою очередь, Д. Банзаров, Г. Ц. Цыбыков, Ц. Жамцарано, Б. Барадин, М. Н. Хангалов, М. Н. Богданов, П. Бадмаев, А. Доржиев и другие научные и общественные деятели Бурятии и буддийское духовенство внесли огромный вклад во взаимное понимание и сближение буддийского Востока и православной России.

Известно, что во многом благодаря буддийским принципам толерантности и открытости для межэтнического диалога взаимодействие бурят и русских на протяжении первых столетий после вхождения бурят в состав России в целом характеризовалось психологической совместимостью и активным культурным обменом. Если бы не деградация основы традиционного образа жизни бурят, а также не жесткая русификаторская политика, курс на которую был взят царизмом в конце XIX в., «национальный вопрос» бурят, возможно, не встал бы с той остротой, с какой он проявился в начале XX в. Не только и не столько экономические факторы (расхищение природных ресурсов и землеустроительная политика, проводившаяся не в пользу бурятского населения, принуждение бурят к изменению хозяйственного уклада) стали главными причинами появления «национального вопроса» бурят. Главной причиной стала имперская русификаторская политика, пришедшая в конце XIX – начале XX вв. на смену политике «кроткого», патерналистского, обращения с «иностранцами», которой придерживались российские императоры эпохи просвещенного абсолютизма. Вместе с этой новой политикой возросла и роль миссионерской деятельности Русской Православной церкви. Но чем была вызвана эта новая политика? Дело было не просто в стремлении обеспечить демографический перевес русской этнической массы в России. Само это стремление имело под собой вполне определенную причину и диктовалось целью интеграции полиэтнической массы населения Российской империи на общих цивилизационных основаниях в единую сильную империю, способную противостоять панисламизму и паназиятизму. В русле этой новой имперской политики в начале XX в. в роли главного оппонента центральной власти в ее политике интеграции населения страны в единую цивилизационную общность оказались буддизм, позиционировавший себя как в качестве тибето-монгольской традиции, и «панмонголизм» – скорее, как мифический «враг с Востока» (В, с. Соловьев), нежели как реальная опасность, которую могло представлять для Москвы как «Третьего Рима» движение за духовное единение монгольских этносов в начале XX в.

Я не затрагиваю здесь политических аспектов панмонгольского движения, а обращаю внимание на особую роль буддизма в этой объединительной тенденции внутри монгольского мира. Хотя возможность государственно-политического объединения разных монгольских групп в новое монгольское государство или их «собрания» вокруг созданной в 1921 г. МНР была реальной до некоторой степени и до некоторого времени (до 1945 г.). Гораздо более перспективной и в цивилизационном плане обоснованной целью было до-

стижение духовного единения монгольского мира на основе буддизма. Это была стратегия, которую, казалось, можно претворить независимо от наличных политических условий и государственных границ. Большевики поняли это, и сталинский режим радикально искоренил «панмонголизм», подвергнув тотальной репрессии политических лидеров, светскую и буддийскую интеллигенцию и даже простых бурят, а также и их религию. Буддизм, в отличие от православия, был полностью ликвидирован советской властью как религиозная конфессия, как социокультурная традиция и образ жизни людей. После войны он был лишь частично реабилитирован в виде разрешения на открытие Иволгинского дацана, долгие годы являвшегося единственным действующим буддийским храмом в Бурятии.

Здесь следует сказать, что бурятские лидеры, стоявшие у истоков Республики Бурятия, в частности, М. Н. Ербанов, осознавали принципиальное значение той внутренней связи, которая имела между буддизмом и панмонгольской цивилизационной тенденцией. В сложившихся исторических обстоятельствах превращение бурятского народа в миноритарную общность было неизбежным, и, следовательно, были неизбежны ассимиляционные процессы. Это побуждало бурятских лидеров к тому, чтобы создать механизм защиты глубинных цивилизационных и ценностных оснований национальной идентичности бурят в условиях полиэтнического государства. Именно поэтому эта часть бурятской политической элиты была ориентирована на использование всего полезного в буддизме для развития национальной культуры, а также, по мысли М. Н. Ербанова, на «создание единого культурного фронта монгольских племен» [Ербанов, 1926]. Эти установки совпадали с подходом к модернизации буддизма, представленным Агваном Доржиевым и «обновленцами». А. Доржиев на 1-й международной буддийской выставке в 1926 г. в Ленинграде говорил, что буддизм – это культурное явление, несводимое к религиозно-бытовой культуре. Буддизм дал человечеству «неподражаемые по глубине, широте и самобытности образцы общечеловеческих идей, философских, гносеологических, методологических и прочих систем и отдельных теорий, которые даже для современных представителей цивилизованной Европы имеют не только историческое, но и теоретическое значение» [Страницы, 1993, с. 28]. Эти идеи остаются актуальными и сегодня, в условиях современных межцивилизационных взаимодействий и общего дефицита взаимопонимания.

Говоря о сегодняшней роли буддизма в контексте происходящих в России и мире событий, надо учесть небывалое расширение процессов глобализации и одновременный рост национализма и тенденций формирования многополярного мира. В этой общей атмосфере для мыслящих людей снова стал актуальным вопрос о том, что же является движущей силой мировой истории и придает ей единство и направленность, и не наступил ли конец истории, не пришло ли время «последнего человека». Снова стал актуальным поиск тех связей и ценностей, которые имеют по-настоящему универсальный характер и способны стать фундаментом новой человеческой реальности, свободной как от стереотипов глобального противопоставления Востока и Запада, так и от ограниченных концептов национализма всех форм, от дуалистических схем, служащих гносеологическими корнями общественных и межличностных конфликтов. Конечно, теория «открытого общества» и множественности отдельных цивилизаций, народов или разных

аспектов человеческой жизни, как и идея о многополярности и плюрализме мирового развития, предпочтительнее, чем нивелирующая экспансия Запада. Однако это релятивизация истории и человеческой идентичности, и она имеет свои негативные последствия и придает особую остроту старой проблематике природы человека, смысла человеческой жизни и человеческой истории, возможности обоснования абсолютных ценностей человеческого бытия. Их осмысление необходимо для достижения интеллектуального консенсуса разных цивилизаций и служит условием подлинного единения человечества через признание плюрализма и многообразия форм выражения универсальных характеристик человеческой идентичности.

Буддизм располагает универсальными ресурсами обоснования человеческой идентичности не только в аспекте единства мирового человеческого сообщества, но и в ее взаимозависимости со всем живым. Он свободен от тех противоречий, развертывание которых определяет историю западной цивилизации. Он выше противоположности материализма и идеализма, дуализма и монизма, будучи наиболее глубоко и подробно разработанной наукой о сознании в его взаимозависимости с материей. Мировая интеллигенция XXI в., которая рождается в результате межцивилизационных взаимодействий и межкультурного диалога, в котором буддизм является одним из самых активных субъектов, уже начинает открывать для себя те богатые внутренние ресурсы, которые содержит буддизм. С точки зрения массового сознания буддизм махаяны, наверное, воспринимается как религиозная догматика или как утопия, а не как реальный антропологический, социальный, этический и тем более научный проект. Но этика бодхисаттв отнюдь не является утопией или формой религиозной веры: это наиболее адекватное выражение нормальной человеческой природы. Поэтому когда Его Святейшество Далай-лама XIV призывает людей разных рас, национальностей и религиозной веры к духовной революции, то «это не призыв к революции религиозной» [Тэнзин Гьяцо, 2005, с. 31]. Скорее, это призыв к радикальной переориентации мировоззрения и системы

ценностей в направлении осознания фундаментального единства человеческой расы и развития по-настоящему глобального мышления, учитывающего взаимозависимое происхождение и всех проблем, и всех позитивных изменений. Буддизм имеет опыт и интеллектуальные ресурсы, имеющие общечеловеческое значение и не сводимые к религиозной и национальной составляющей. Хотя сегодня некоторые националистические движения пытаются использовать буддизм в своих целях, на самом деле наиболее востребованными человечеством XXI в. являются не его национальные проекции или религиозные ритуалы, а философия и «внутренняя» наука, значимые в планетарном масштабе, особенно с точки зрения успокоения агрессивных энергий как на личностном, так и социальном уровне.

Буддизм как цивилизационный ресурс Бурятии дает ей шанс подняться из состояния заброшенной национальной окраины большой страны в новый духовный центр мирового значения, арену межцивилизационных взаимодействий нового типа и в площадку для ведения Россией глобального межкультурного диалога. Буддийские принципы также могут оказаться весьма эффективными для глобальной перестройки экономики, политики, экологии. Но для реализации этого шанса необходимо, чтобы люди в своем восприятии буддизма поднялись от состояния религиозного «материализма», в котором пребывает большинство буддийских верующих, до понимания настоящих ценностей буддизма как науки о реальности, как методов позитивной трансформации сознания и личности, как системы оздоровления людей и общества. Не только от наличия высокообразованных и духовно развитых лам зависит становление буддизма в Бурятии подлинным буддизмом, соответствующим интеллектуальному, научному, технологическому уровню XXI в. Академическая буддология также может сыграть важную роль в открытии подлинных сокровищ буддизма – «внутренней» науки и ментальных технологий, которые помогают обуздать негативные эмоции и агрессивные энергии и реализовать творческий потенциал человеческого сознания с максимальной пользой для индивидов и общества.

Литература

- Бестужев Н. Очерки забайкальского хозяйства // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975, с. 136–160.
- Ербанов М. Н. Вопросы культурно-национального строительства Бурятии: крат. очерк. Верхнеудинск: Изд-во Бурбкома ВКП (б), 1926. 52 с.
- Ковалевский О. М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. Ч. 27. Кн. IX–X. 1829, с. 152–215.
- Козьмин Н. Н. Туземная интеллигенция Сибири // Сибирская живая старина. Этнографический сборник / Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. I. Иркутск, 1923, с. 72–89.
- Прыжов И. Г. Декабристы в Сибири на Петровском заводе. Из фонда И. Г. Прыжова / Подготовка текста, ввод. статья и примечания Л. Н. Пушкарева. М.: Наука, 1985. 252 с.
- Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993.
- Тэнзин Гьяцо (Его Святейшество Далай-лама XIV). Этика для нового тысячелетия / пер. с англ. Т. Голубевой, ред. А. Терентьев. СПб.: Нартанг, 2005.
- Шамов Г. Ф. Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 118–180.

МАЛОФОРМАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРАМАНАВАРТТИКА ИЗ ТИБЕТСКОГО ФОНДА ИМБТ СО РАН¹

Статья посвящена исследованию коллекции малоформатных изданий из тибетского фонда ИМБТ СО РАН. Особое внимание уделяется тексту Праманаварттика, написанному в VII в. выдающимся индийским логиком Дхармакирти.

Ключевые слова: малоформатные тибетоязычные издания; буддизм; Бурятия; Праманаварттика.

Bazarov Andrei Aleksandrovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

“POCKET BOOK” EDITIONS OF PRAMANAVARTTIKA FROM TIBETAN COLLECTION OF IMBTS SB RAS

The article is devoted to the study of «pocket book» editions from Tibetan collection of IMBT SB RAS. Special attention is paid to the text of Pramanavarttika (7th century) by Dharmakirti.

Keywords: Tibetan «pocket book» editions; Buddhism; Buryatia; Pramanavarttika.

Книжный репертуар частных библиотек буддистов Восточной Сибири многообразен. Анализ данного репертуара позволит реконструировать не только его структуру, но и уровень книжной культуры среди местных буддистов в XIX–XX вв. Материалом для реконструкции может служить коллекция малоформатных тибетоязычных изданий (КМТИ) из фондов Центра восточных рукописей и киелографов ИМБТ СО РАН. Данная коллекция является своеобразной репрезентацией многочисленных частных библиотек (ЧБ), широко распространенных среди буддистов Забайкалья. Книги из ЧБ относились и относятся к разным областям буддийского знания: религиозная доктрина, философия, филология, астрология, медицина. Одна из наиболее крупных областей – это философия. Что она из себя представляет? Известный отечественный буддолог Оттон Оттонович Розенберг, предлагавший отталкиваться от буддийских этнографических и культурологических реалий, в начале XX в. н.э. впервые выдвинул мысль об аналитическом выделении функционально различных уровней в литературе буддизма. Как утверждал Розенберг, религиозно-доктринальный уровень конфессии сосредотачивается в текстах – сутры, а философский уровень в систематических комментариях – шастры [Розенберг, 1918, с. 43–44]. Данная историко-философская позиция является актуальной и в наши дни. Изучение малоформатных тибетоязычных изданий ЦВРК ИМБТ СО РАН подтвердило вышесказанное.

Буддийскую философскую литературу уровня «шастры» в коллекции малоформатных тибетских изданий (МТИ) ЦВРК ИМБТ СО РАН представляет знаменитый трактат «Праманаварттика» (Комментарий относительно источника истинного знания) (тиб. *Tshad ma rnam 'grel gyi tshig le'ur byas pa*, бур. *Намдэл*), написанный в VII в. н.э. выдающимся буддийским ученым Дхармакирти (~600–660 гг. н.э.) (тиб. *Chos kyi grags pa*). Текст представляет собой системный комментарий к работе более раннего буддийского логика Дигнаги (~480–540 гг. н.э.) (тиб. *Phyogs glang*) – Праманасамуччая (тиб. *Tshad ma kun las btus pa zhes bya ba*). В данном фундаментальном философском произведении рассматриваются проблемы эпистемологии, логики, теории

аргументации и буддийского мировоззрения. Академик Федор Ипполитович Щербатской писал, что эта работа лежит в основе всех монастырских образовательных программ Центральной Азии и обладает исключительным положением в буддийской комментаторской литературе [Щербатской, 1988, с. 109].

В работе Праманаварттика приблизительно 2000 строф (шлок). Данный текст состоит из четырех глав, называемых: «умозаключение для себя» (*свартанумана*), «установление истинного знания» (*праманасиддхи*), «чувственное восприятие» (*пратьякша*) и «умозаключение для другого» (*парартханумана*).

В первой главе обсуждается структура и типы формальных умозаключений, исходящих из собственных тезисов. В главе также уделяется большое внимание теоретическим вопросам об образовании значения в слове с помощью абстрактного исключения (*апоха*) всего того, чем данное слово не является. Это доказательство позволило Дхармакирти во второй половине главы раскритиковать позицию брахманизма, утверждающую вечность священного Слова, подвергнуть сомнению авторитет любого высказывания, не базирующегося на логике.

Вторая глава посвящена стремлению защитить авторитет Будды как истинного источника знания. Дхармакирти использует тезис о бесконечном сострадании Будды к живым существам (*каруна*) в качестве основы для доказательства того, что он является надежным источником знания. Опираясь на тезис о бесконечном сострадании Будды, Дхармакирти критикует индийскую школу Чарвака, отрицавшую теорию воздаяния и перерождения.

В третьей главе Дхармакирти утверждает, что существует только два истинных источника знания: восприятие (*пратьякша*), которое является основой для умозаключения (*анумана*), которое в свою очередь базируется, но не сводится к восприятию. Эти два источника истинного знания (*прамана*) имеют в качестве своих объектов только две сущности: единичный признак (*свалакшана*) и общий, универсальный признак (*саманьялакшана*). Также в этой главе рассматриваются вопросы восприятия медитирующего человека (*йогуина*).

¹ Статья подготовлена выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

В последней главе обсуждаются проблемы правильности или неправильности логических оснований, перечисляются способы строительства доказательств «от обратного», рассматриваются логические уловки, используемые в качестве аргумента.

В КМТИ ЦВРК ИМБТ СО РАН было обнаружено пять экземпляров данного произведения [Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН: ТТ-2294, ТТ-2692, ТТ-5446, ТТ-5782, ТТ-5863] в виде ксилографов. Поскольку для их публикации использовалась русская бумага, можно утверждать, что все они были изданы в России. Исходя из библиографических справочников (гарчиков), доступных современной науке, известно, что только два монастыря дореволюционной Бурятии публиковали малоформатные издания Праманаварттики. Это Гусиноозерский дацан (текст на 230 листах) и Агинский дацан (текст на 294 листах) [Сыртыпова, 2006, с. 95, 98]. В КМТИ из пяти экземпляров четыре принадлежат гусиноозерскому изданию. Примером служит экземпляр текста под номером 2629 из КМТИ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Издание на русской бумаге (водяной знак отсутствует), размер 21,7×6,8 см (внутренняя рамка 17,0×5,0). На листах 1а и 2б имеются: четыре рисунка – Бодхисаттв Манджушри, Учителя Дигнага, Дхармакирти и Цзонкапа; название текста на санскрите (тибетская транслитерация) и на тибетском; ритуальная цитата о преклонении перед Манджушримулакалпа (визуализация Бодхисаттвы Манджушри в Криянтантре). В конце текста отсутствует библиографическое послесловие (колофон), вместо колофона запись *kha che'i pandita chen po skal ldan rgyal po dang, bod kyi lo tstsha ba chen po'i dge slong blo ldan shes rab kyi bsgyur ba'o* 'кашмирский великий учитель Гаденгьялло и тибетский великий переводчик монах Лодзшейраб перевели'. Кайма листов книги окрашена в желтый цвет.

Буддийские монастыри Центральной Азии и Восточной Сибири – это, прежде всего, центры схоластического образования. Основная часть монахов – это либо учащиеся, либо учителя. Образовательный процесс в монастырях проходит постоянно, с утра до вечера². В современном буддизме Бурятии, Забайкальского края и Иркутской области существуют два официальных буддийских учебных заведения – Иволгинское и Агинское. Тем не менее, учеба как основной элемент жизни буддийского монаха на разных уровнях существует во всех монастырях региона.

В структуре местного монастырского образования базовым и важнейшим по образовательному значению считался факультет философии и схоластики – цанид дацан. В систему цанид дацанов входила, прежде всего, жестко фиксированная учебная программа, которая

включала в себя изучение пяти основных дисциплин (тиб. *po ti lnga* 'пять книг'), знание которых полагалось необходимым для буддийского монаха. Первая из этих дисциплин – прамана (тиб. *tshad ma*) – изучала «эпистемологию и логику». Вторая дисциплина – праджня-парамита (тиб. *pharphyin*) – была связана с изучением «запредельной мудрости». Третья дисциплина – мадхьямака (тиб. *dbu ma*) – представляла собой изучение наиболее авторитетной в тибетском буддизме философской системы «срединный путь». Четвертая дисциплина – абхидхарма (тиб. *mngon mdzod*) – состояла в изучении «сокровищницы дхарм». И, наконец, пятая дисциплина – виная (тиб. *'dul ba*) – была посвящена рассмотрению «кодекса монашеского поведения». Поскольку не все монастыри обладали возможностями предложить полный образовательный курс, они могли ограничиваться преподаванием только первого – «эпистемологии и логики». Этим можно объяснить наличие нескольких изданий Праманаварттики в Восточной Сибири и массовым распространением данного текста в бурятской культуре. Тем не менее, наличие в культуре бурят (в регионе Восточной Сибири) нескольких изданий Праманаварттика, фундаментального логико-эпистемологического сочинения, является удивительным историческим фактом. Это сравнимо с несколькими изданиями аристотелевского Органона в одной из европейских культур. Еще более интересным фактом является малый формат изданий. Это говорит о повседневной востребованности данного философского текста в местной культуре.

В результате исследования необходимо подчеркнуть, что благодаря наличию в КМТИ текстов Праманаварттика можно реконструировать не только репертуар частных библиотек буддистов Восточной Сибири, но и элементы повседневной буддийской культуры. В данной культуре религиозно-доктринальные тексты были задействованы в ежедневной ритуальной деятельности, философские в системе образования. Текстов Праманаварттика (5 экз.) в соотношении, например, к текстам «Алмазной сутры» (48 экз.) имеется в КМТИ приблизительно 10 %. Это показатель может указывать как на примерное соотношение религиозно-доктринальных книг к философским в данной коллекции, так и на реальное соотношение количества монахов и мирян в дореволюционный период в Бурятии [Сыртыпова, 2006, с.15]. Таким образом, можно утверждать, что «карманые» религиозно-философские библиотеки буддистов (каждый сверток исследуемой коллекции) – это интереснейший источник разнообразной научной информации о книжных реалиях буддийской культуры в Восточной Сибири.

Литература

- Розенберг О. О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991. 254 с.
Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – нач. XX вв. Улан-Батор, 2006. 222 с.
Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 427 с.
Demi'ville P. Le Concile de Lhasa. В., 1952. 407 p.
Dreyfus G. The sound of two hands clapping: the education of a Tibetan Buddhist monk. University of California Press, 2003. 445 p.
Onoda Shunzo. Monastic Debate in Tibet. A study on the history and structure of bsdusgrwa logic. Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde. Heft 27. Wien, 1992. 257 p.
Perdue Danel Elmo. Debate in Tibetan Buddhism. N.Y., 1992. 984 p.

² Об образовательном процессе в буддийских монастырях см. ряд современных работ [Demi'ville, 1952; Dreyfus, 2003; Onoda, 1992; Perdue, 1992].

БУРЯТСКОЕ РЕЛИГИОЗНО-ДИДАКТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ «ЗЕРЦАЛО МУДРОСТИ»: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

В статье представлены краткие сведения о произведении ламы-просветителя Эрдэни-Хайбуна Галшиева «Зерцала мудрости», а также осуществлен конфликтологический анализ ряда положений данного сочинения. Выявлено, что ряд идей «Зерцала мудрости» можно выразить в терминах конфликтологии.

Ключевые слова: «Зерцало мудрости»; Эрдэни-Хайбзун Галшиев (1855-1915); конфликтология; противоречие.

Tsyrenov Chingis Tsybikdorzhievich
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Badonov Alexey Malanovich
 Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

BURYAT RELIGIOUS-DIDACTIC WORK THE «MIRROR OF WISDOM»: THE CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS

The article contains brief information about the work of an enlightener Erdani-Khaybzun Galstiev "Mirrors of Wisdom". The authors do conflict analysis of a number of thesis of this work. It is revealed that some ideas of the "Mirror of Wisdom" could be expressed in terms of conflictology.

Keywords: "Mirror of wisdom"; Erdeni-Khaybzun Galshiev (1855-1915); conflictology; contradiction.

В данной статье сделана попытка выявить основы воззрений бурятского дореволюционного ламы-просветителя Эрдэни-Хайбуна Галшиева на проблему социальных межличностных конфликтов, путей их предупреждения и конструктивного разрешения. Взгляды Галшиева по этой проблематике нашли свое полное отражение в его поэтико-дидактическом произведении под названием «Зерцало мудрости» («Бэлигэй толи»), наиболее крупном и представительном сочинении бурятской дореволюционной литературы. Выбор данного сочинения в качестве основы и источника реконструкции идеального образа буддиста-мирянина был обусловлен тем, что оно было написано именно для мирян-буддистов (простолудинов, нойонов, купцов и т.д.) и тем самым сыграло значительную роль в эволюции бурятской культуры и религии.

«Зерцало мудрости» представляет собой уникальное явление бурятской литературы. Яркие образы и психологическая точность сочетаются здесь с глубиной поставленных автором религиозно-философских и социально-этических проблем духовного общественного бытия. Полное название этого произведения – «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам».

Наибольший вклад в исследование и перевод этого произведения внесли такие видные бурятские ученые, как монголовед Ц.-А. Дугарнимаев, в 1966 г. он выполнил полный перевод «Зерцала мудрости» и составил подробные к нему примечания [Галшиев, 2006], а также тибетолог Д. Б. Дашиев, который провел большую работу по выявлению первоисточников «Зерцала мудрости» [Дашиев, 1997; Дашиев, 1985, с. 89–101]. Считается, что первоначально данное произведение было написано на тибетском языке в жанре под названием «субхашита»², а затем оно по воле автора было переведено на монгольский язык учеником Галшиева по имени Чойдок Ванчуков. Жанр субхашита берет свое начало в индийской художественной литературе, затем в этом жанре начали писать тибетские и монгольские авторы.

Структуру «Зерцала мудрости» можно представить в виде нижеприведенной таблицы 1.

Как видно из таблицы 1, конфликтологическая проблематика наиболее подробно рассмотрена в четвертой и пятой главах («Как вести себя с врагами и близкими», 130 субхашит, № 409–538 и «Как предусматривать далекое будущее», 136 субхашит, № 539–674).

Конфликтологический анализ произведения Галшиева показал, что в пятой главе автор уделил большое внимание проблемам социально-этического и религиозного характера, он в изящной афористической форме подробно рассмотрел проблемы гармоничной коммуникации людей в самых различных статусно-ролевых ситуациях (высший – низший, старший – младший, богатый – бедный, гость – хозяин и т.д.), включая конфликтные выигрышные и конфликтные проигрышные ситуации. Галшиев чувствовал нарастание социальной напряженности в дореволюционном бурятском обществе. Он предложил свои стратегии по предупреждению потенциальных и разрешению обострившихся конфликтных ситуаций, вызванных межличностными и внутриличностными противоречиями объективного и субъективного характера.

В различных ситуациях всякий человек может быть выше и ниже кого-либо, старше и младше кого-либо, богаче и беднее кого-либо и т.д. Автор «Зерцала мудрости» подробно рассматривает особенности таких ситуаций и дает читателю свои рекомендации по разрешению конфликтов на различных стадиях их развития.

В результате анализа текста сочинения мы пришли к выводу о том, что советы Галшиева можно свести к двум вариантам – либо принять что-либо или кого-либо, либо отвергнуть, или согласиться с чем-либо, или отказаться, что полностью согласуется с полным названием самого произведения – «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам».

По объяснению переводчика «Зерцала мудрости» Ц.-А. Дугарнимаева, под двумя законами Галшиев под-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

² Субхашита (санскр. *su-bhasita*, тиб. *legsbshad*, монг. *sayin ögülegsen*) букв. 'хорошо сказанное или изящное изречение, афоризм'.

Структура произведения «Зерцало мудрости»

Номер главы	Порядковый номер сужахит	Кол-во сужахит в главе	Заголовки глав	Основные понятия и принципы
Глава первая	1–137	137	Как беречь тело и имущество свое	Трудолюбие. Аккуратность. Почитание родителей как богов. Гостеприимство. Богатство и добродетель. Здоровье и болезни
Глава вторая	138–270	133	Как совершенствовать разум	Вежливость в беседах и спорах с друзьями и врагами. Правила познания и размышления. Советы отправившимся в чужие страны, Правила воспитания детей
Глава третья	271–408	138	Как действовать бдительно	Правила поведения с врагами друзьями. Осуждение гнева, тщеславия и опрометчивости. Правила поведения в чужих странах
Глава четвертая	409–538	130	Как вести себя с врагами и близкими	Правила поведения с врагами(сильные, равносильные и слабые, близкие, срединные и дальние). Великодушие по отношению к побежденным врагам. Правила выбора друзей Тщательное изучение внешних внутренних качеств человека. Классификация друзей и врагов
Глава пятая	539–674	136	Как в действиях предусматривать далекое будущее	Сдержанность в проявлении радости и гнева как реакций на похвалу и порицания. Осуждение торопливого доверия и склонности к сплетням. Правила поведения с сильным, равным и слабым врагом. Манера поведения. Правила ответа на возражения и изложения своих мыслей в кругу собравшихся
Глава шестая	675–788	114	Как без хитрости и без вреда другим действовать прямо	Осуждение зависти к более способным людям. Чувство сострадания и благодарности ко всем живым существам. Осуждение показных благодеяний, восхваление скрытых благодеяний (№775, 750, 988). Помощь ослабшему лютому врагу. Искоренение собственных пороков
Глава седьмая	789–860	72	Как в действиях воздерживаться от прегрешений	Ахимса. Недопустимость убийства всех живых существ. Личная ответственность за каждое смертоубийство. Важность раскаяния за совершенные и отказа от последующих прегрешений
Глава восьмая	861–1000	139	Как претворять добродетели	Важность осознания неизбежности смерти и ее постоянной угрозы. Правила совершения молитвы. Важность накопления добродетели. Осуждение скупости и необходимость помощи бедным и нищим

разумевал «два рода нравственных законов – мирской и духовный» [Галшиев, 2006]. Очевидно, что под духовным законом Эрдэни-Хайбзун Галшиев понимал буддийскую этику ламаизма, что же касается мирского закона, то, по нашему мнению, под ним Галшиев подразумевал государственные юридические законы, о чем неоднократно говорится в ряде сужахит «Зерцала мудрости».

Данное полное название изучаемого произведения можно проиллюстрировать в виде таблицы 2.

В тексте «Зерцала мудрости» можно выделить две бинарные оппозиции: о дружба и вражда, победа и поражение. Бинарная оппозиция понятий «дружба» и «вражда». Эти понятия автор рассматривает в диалектическом ключе, что свидетельствует о глубине рассмотрения данного вопроса. Так, он говорит, что близкий друг может стать опаснейшим врагом, а лютой враг (если у него есть добродетели), напротив, может стать хорошим другом. Кроме того, Галшиев говорит, что враждебное или дружественное отношение других людей во многом зависит от самого человека и неприязнь других людей может быть результатом разного рода недоразумений (превратное толкование действий, слов и даже выражения лица). Для обозначения опасного врага автор использует метафорический образ острия ядовитой стрелы.

Бинарная оппозиция понятий «победа» и «поражение». Эти понятия автор также рассматривает диалектически, всякий фактор победы в определенный момент и в определенных условиях может превратиться в фактор поражения. Главной причиной утраты победы является непомерная гордыня сильной стороны, и ее презрение к

проигрывающему противнику. Лучшей победой считается та, после которой у побежденного врага не остается чувства мести. Слабая сторона может рассчитывать только на осторожность в словах и поступках, а также на тщательную подготовку к борьбе (достижение полноты знаний и т.д.). Кроме того, Галшиев выдвигает требование, согласно которому всю славу победы необходимо уступать другим, а ответственность за поражения надо брать на себя. Все неудачи и поражения, по мысли Галшиева, происходят от недостатка добродетели.

В нижеприведенных сужахитах говорится о разных категориях врагов и о том, как вести себя с каждым из них: 461. Перед сильным врагом веди себя так, словно имеешь многих защитников и поддерживающих тебя друзей. Люди воздерживаются бить и ругать даже сторожевую собаку у хозяев, исполненных силы.

462. Перед менее сильными или равносильными врагами веди себя так, будто ты имеешь большую силу. Устрашить врага без борьбы – поступок человека искусных способностей.

492. К врагу, близкому и срединному – ко всем относись, как подобает спокойному и мягкому. Разве кто-нибудь не осудит тебя, если станешь торчать, как скотские рога?

349. Хотя ты и дал обещание, найдя нужный предлог, откажись от возможно преступного дела. Рассудительные знатоки похвалят тебя за осмотрительность и не будут укорять.

На основе вышеприведенных сужахит мы реконструировали классификацию врагов в изучаемом произведении в виде таблицы 3.

Структура названия произведения «Зерцало мудрости, разясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам»

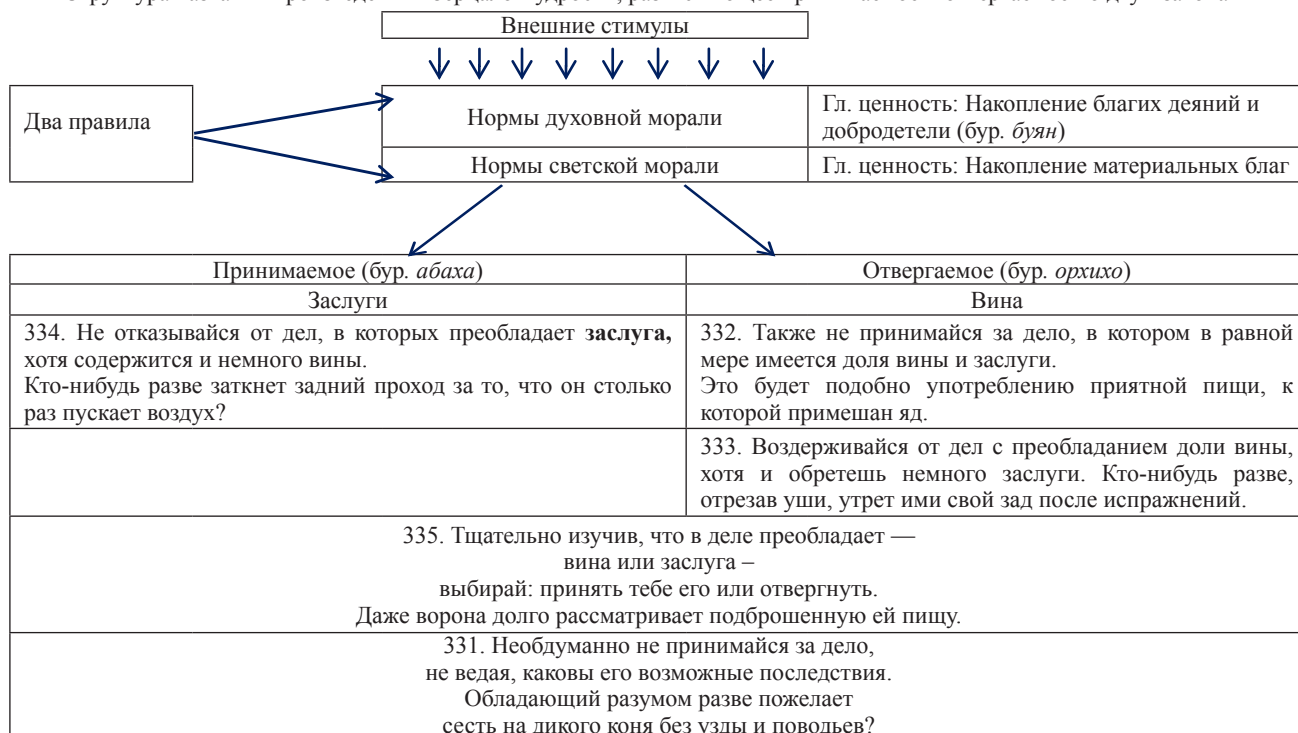


Таблица 3

Классификация врагов

	Ближний	Дальний
Сильный	Сильный ближний	Сильный дальний
Равносильный	Ближний равносильный	Дальний равносильный
Слабый	Слабый ближний	Слабый дальний

Необходимо отметить, что, согласно мнению Галшиева, истинный буддист должен свести к минимуму все возможные причины межличностных конфликтов со своей стороны. Что же касается уже возникших конфликтов, то при их разрешении не следует впадать в крайности страха перед сильным противником и гордыни перед слабым, самая успешная стратегия – это мягкость и срединный путь (т.е. мадхьямика), так как они уместны при любом исходе конфликтной ситуации (глава 3, субхашиты № 368 и 374).

368. Созидание или разрушение — все совершай большей частью мягко.

Мягкостью побеждают все – и мягкость, и жесткость, поэтому мудрые говорят, что только мягкость остра.

388. Познай, как другие люди совершают оскорбительные поступки, сам воздерживайся от них.

Высшие говорят, что лучше умереть, чем жить, терпя оскорбления от других.

374. Чтобы рассеять сомнения в задуманном деле, спрашивай у мудрых с широким кругозором.

Они укажут средний путь, избегающий крайностей страха и кичливости.

434. Всегда рассказывай другим о достоинствах своего гневного врага. Это условие весьма удобно во всех случаях — в раздоре и в перемирии, при победе и при поражении.

Таким образом, из конфликтологического анализа вышеприведенных субхашит «Зеркала мудрости» можно сделать следующие выводы. Во-первых, в «Зерцале мудрости» отразились гуманистические буддийские идеалы автора, который выступает за гармоничные дружественные взаимоотношения между людьми, а также искоренение вражды и ее причин. Во-вторых, фактически при раскрытии сущности типичных поведенческих ситуаций и сценариев Э.-Х. Галшиев применил методологию буддийского учения о срединности (мадхьямика), а также свой богатый житейский опыт. В-третьих, бурятский мыслитель предложил рассматривать житейские проблемы с точки зрения философии «срединного пути» (санскр. *мадхьямика*), как универсального метода снимающего противоречия, которые могут возникнуть в межличностных отношениях.

Литература

Галшиев Э.-Х. Зерцало мудрости / пер. Ц.-А. Дугарнимаева. Улан-Удэ, 2006. 352 с.
 Дашиев Д. Б. Бурятская дидактическая литература: проблемы жанрового состава: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 15 с.
 Дашиев Д. Б. Традиции "нитишастр" в тибетской афористической литературе // Буддизм в литературно-художественном творчестве народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985, с. 89–101.
 Цыренов Ч. Ц. Основные концепции и понятия сочинения Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости» // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. 2013, с. 40–44.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫХ ШКОЛ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА¹

В статье рассматриваются основные особенности главных школ тибетского буддизма (ньюнгма, сакья, кагью и гелуг) и анализируются факторы, которыми определяются эти направления.

Ключевые слова: тибетский буддизм; ньингма; сакья; кагью; гелуг.

Ayusheeva Dulma Vladimirovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

SPECIFIC FEATURES OF THE MAIN SCHOOLS OF TIBETAN BUDDHISM

The article examines the main features of the main schools of Tibetan Buddhism –Nyingma, Sakya, Kagyu and Gelug and analyzes the factors that determine these directions.

Keywords: Tibetan Buddhism; Nyingma; Sakya; Kagyu; Gelug.

Буддийское учение, получившее распространение в Тибете, есть не что иное, как индийское учение в его чистом виде, иными словами, в тибетском буддизме наиболее полно представлены формы индийского буддизма, распространенные сегодня в разных странах мира. В настоящее время основными школами тибетского буддизма считаются ньингма, сакья, кагью и гелуг. Для них характерно слияние элементов хинаяны и махаяны (сутраыны), включая ваджраяну, что делает тибетский буддизм уникальным среди прочих мировых буддийских школ, и в настоящее время учение получило широкое распространение на Западе.

Хинаяна – путь, на котором человек стремится к освобождению от сансары только ради себя самого. Практикующие берут за основу свод этических правил в сочетании с твердым намерением выйти из круговорота бытия и на основе этого вырабатывают единство безмятежности и особого постижения, устремленного к пустоте. Тем самым они избавляются от скверн и достигают освобождения. Последователи этой колесницы должны пройти пять путей: накопления, применения, видения, медитации и путь без обучения [Далай-лама XIV, 1991, с. 31].

Последователи махаяны стремятся достичь состояния Будды ради спасения других, а не только себя. Практикующий проходит те же самые пути, что и в хинаяне. Однако между ними есть огромная разница, которая кроется в их исходных мотивах, отчего возникли расхождения в основной структуре путей, и особенно в их методах или приемах. Эти пути дополняются специальным методом – шести совершенств или парамит, ступеней, которые должен пройти адепт, чтобы достичь состояния бодхисаттвы. Опираясь на них, последователи махаяны преодолевают не только препятствия скверн, но и сложности пути к всеведению. Когда оба типа препятствий преодолены, достигается состояние Будды.

Основной махаяны является учение о пустоте (шунья), центральной концепции абсолютной несубстанциональности в буддийской философии. Ее постижение приводит к видению иллюзорной природы всех вещей, возникающему благодаря некоей причине и состоящему из частей, включающих философские системы и само индивидуальное «я». Благодаря этому становится возможным опытное постижение природы и сущности просветления, изначально скрытой во всех явлениях. Важнейшей составной частью этого постижения является сострадание,

систематическое развитие которого лежит в основе всей практики махаяны.

Ваджраяна считается в тибетской традиции высшей колесницей и получила высочайшее и наиболее значительное развитие. Вступая на путь ваджраяны, практикующий должен пройти пути хинаяны и махаяны, т.е. пройти практики постижения пустоты и бодхичитты (*бодхи* ‘полное просветление’, *читта* ‘сознание’). В тантрае данные практики сопровождаются специальными методами медитации. Это отождествление созерцателя с избранным божеством, на котором сосредотачивается практикующий и затем полностью отождествляет себя с божеством в ходе своей медитации. Этот путь является более глубинным и быстрым как раз потому, что все тантрийские практики базируются на этом уникальном и специфическом методе медитативного самоотождествления, поскольку сознание находится в зависимости от тела. Медитирующий сосредотачивается на различных каналах, по которым текут кровь, семя или только потоки энергии (ветры). Затем поскольку потоки энергии заставляют сознание устремляться к объектам, практикующий поворачивает эти потоки в обратном направлении, и таким образом ничто не может более возбуждать его сознание, которое не тревожится и не устремляется к другим объектам. Поскольку такой опыт достигается только внутренней практикой, задействующей каналы и потоки энергии, а не посредством внешних приемов, сознание должно обладать значительной силой сосредоточения на объекте. С целью приобретения такой способности, а также по некоторым другим причинам, тексты учат созерцанию на теле божества и т.п. Многочисленные изображения божеств в тантре являются образами, отображающими методы очищения загрязненных психофизических совокупностей (скандх), элементов (дхату) и источников (аятана). При этом мирный или гневный облик божества, количество ликов и рук, число главных и сопутствующих фигур и т.п. отвечают различиям в наклонностях, образе мышления и способностях обучаемых.

Всю совокупность тантр принято разделять на четыре класса: крия-, чарья-, йога- и ануттарайога-тантры. В традиции школы ньингмапы принято деление на девять классов, носящих иные названия, однако по существу и это деление совпадает с четырьмя общепризнанными. Из четырех классов тантр последний – ануттарайога-тантра – наиболее сокровенный. Крия-тантра подходит тем, кто

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

больше внимания уделяет внешней деятельности, например, соблюдению физической чистоплотности, нежели внутренней активности в сфере сознания. Практикам, которые уделяют равное внимание и внешней и внутренней деятельности, подходит чарья-тантра, а йога-тантра – тем, кто культивирует в большей степени внутреннюю активность, чем внешнюю. Те, кто считает внутреннюю активность превыше всего прочего, практикуют высшую ануттарайога-тантру. Таким образом, видно, что тантрой могут заниматься люди с разным духовным и интеллектуальными уровнями развития. Особенность ануттарайога-тантры, отличающая ее от трех низших тантр – чарья-, чарья- и йога-тантры и от сутраяны, заключается в том, что благодаря ее практике люди с высокими достижениями могут обрести состояние Будды за одну жизнь.

В других системах огромное количество времени тратится на накопление силы добродетели, необходимой для того, чтобы сделать действенной мудрость, постигающую пустоту и преодолевающую препятствия к всеведению. В отличие от них, в ануттарайога-тантре применяются особые практики, усиливающие сознание-мудрость благодаря использованию тонкого ума для постижения пустоты и последующего проявления иллюзорного тела. Эти практики опираются на каналы, праны и бинду, существующие в теле человека.

Таким образом, ваджраяна обладает особенностями, отличающими ее от других путей достижения цели. Во-первых, путь махаяны долгов для достижения Просветления, а на пути ваджраяны при помощи специфических внутренних медитативных действий последователь может достигнуть реализации в течение одной жизни. Во-вторых, в ваджраяне представлено обширное многообразие методов, которые подразделяются соответственно четырем классам тантр и соответствуют потребностям и возможностям человека любого типа. В-третьих, методы ваджраяны предъявляют больше требований, чем методы махаяны. Поэтому практик тантры должен обладать более острыми, отточенными интеллектуальными способностями. Практика Тантры считается тайной, потому что требует гораздо больших усилий и большей веры [Карма Агван Йондан Чжамцо, 1993, с. 22–40]. Благодаря этим особенностям ваджраяна получила большую популярность среди западных адептов.

Согласно тибетским учителям, методы хинаяны, махаяны и ваджраяны следует осваивать именно в этой последовательности. «Если не начать с первой группы методов, то вполне возможна опасность внедрения в сознание верующего пуганицы, опасность отношения к практике как к некоему развлечению, времяпровождению в «мистических даях», что приведет лишь к еще большей самонадеянности и, соответственно, большей невротичности» [Карма Агван Йондан Чжамцо, 1993, с. 4].

Школа в тибетском буддизме определяется рядом факторов. Наиболее важным из них является наличие «линии преемственности учений». Центральная линия школы включает последовательность учителей – от Будды через индийских наставников вплоть до современных тибетцев, – которые передавали от старшего к младшему устные и письменные наставления. Особые линии преемственности в пределах основной школы включают учителей, передававших наставления к тем практикам, которые особым образом выделяются в данной школе. Эти линии могут включать некоторых, но не всех учителей центральной линии преемственности. Так, в школе ньингма линия преемственности идет от Падмасамбхавы (VIII в.), почитаемого сторонниками этой школы как «второй Будды». Школа кагью возводит свою линию преемственности к индийским наставникам X–XI вв. Тилопе

(988–1069) и Наропе (1016–1100), а в качестве иерархов-основателей фигурируют тибетцы Марпа (1012–1097) и Миларепа (1040–1123). С их деятельностью происходит социокультурное закрепление традиции кагью, и Гампопа (1079–1153) явился основателем школы. Традиция школы сакья непосредственно связана с переводческой деятельностью тибетского буддийского ученого, паломника и наставника Брогми Сакья Йеше (1034–1102), к фигуре которого восходит линия учительской преемственности в этой традиции. Историческим основателем школы считается ученик Брогми из аристократической семьи Кхон – Гончог Чжалпо (1034–1103). Школа гелуг, преемница религиозной традиции кадам, была основана Цонкапой Лосанг Дракпой (1357–1419), а линия учительской передачи восходила к индийскому знатоку текстов сутр и тантр Атише (982–1054).

Другой особенностью является состав устных и письменных наставлений, созданных членами этих линий преемственности. В их число входят индийские и тибетские трактаты, а также и другие комментарии, разъясняющие тексты и руководства по ритуалам. Основными писаниями для всех школ тибетского буддизма являются буддийские каноны Кангьюр и Тенгьюр, а также – тексты основных учителей своей школы.

Основным канонем школы ньингма является «Драгоценная сокровищница кладов». В традиции передачи учения этой школы огромное значение имеют «терма», в нужное время обнаруживаемые тертонами, «открывателями кладов», которые обладали особым рода сакральным знанием и способностями «открыть» текст. Авторство терма приписывались Падмасамбхаве, Сронцангампо и даже тибетским императрицам. Приверженцы школы утверждают, что частично эти тексты были спрятаны самим Падмасамбхавой в различных местностях Тибета, поскольку в его время тибетцы еще не могли понять их, а частично – буддистами во время гонений Лангдармы. Терма стали активно «открываться» в XIV в. и большинство этих произведений были сведены в 61 том, что вместе с житием Падмасамбхавы составило своеобразный канон школы Ньингма, не признаваемый новыми школами [Железнов, 1995, с. 57]. Впоследствии канон пополнился в XIX в., и собрание «терма» было сведено в издание Жамгон Конгула «Драгоценная сокровищница кладов», составившее около 111 томов.

Одним из наиболее влиятельных в наследии ньингма является учение *дзогчен* ‘великое совершенство’. В учении дзогчен говорится об изначальном состоянии, изначальной неотъемлемой природе каждого существа. Изначальное состояние не имеет собственной формы, но способно проявлять, воспринимать, переживать, отражать или выражать все возможные формы. Считается, что эта «природа» или природа ума является пустой, чистой, ясной, всеобъемлющей. Методы учения дзогчен позволяют раскрыть это состояние.

В кагью особое внимание обращалось на аскетические психофизические техники, описанные в одном из базовых текстов под названием «Шесть йог (доктрин) Наропы». В нем рассматриваются возможные способы достижения просветления посредством шести видов практик: «йога внутреннего огня», «йога иллюзорного тела», «йога сновидений», «йога ясного света», «йога бардо» и «йога перемещения сознания». Эти шесть практик предназначены для того, чтобы практикующий научился сохранять ясность сознания всегда, в каком бы состоянии ни находились тело и ум, в частности: бодрствование, сон со сновидениями, глубокий сон, медитация, умирание и период между смертью тела и зачатием следующего. Эти практики в своей совокупности получили название

махамудра ‘великая печать’, которое заключается в непосредственном пребывании практикующего в состоянии истинной природы ума.

В качестве центрального в школе сакья выступает учение «Путь-плод», теоретической основой которой является базовый текст «Хеваджра-тантра». *Путь* – это определенные практики для достижения просветления, а *плод* – это само просветление. Эти две категории неразрывно связаны. Согласно этой концепции, к просветлению (*плоду*) толкает *причина*, которая сама является *плодом*, т.е. состояние Будды внутренне присуще каждому, но оно закрыто загрязнениями эго. Поэтому *путь* заключается в том, чтобы удалить эти загрязнения и тем самым реализовать внутреннее изначальное просветление (*плод-причину*).

Базовыми трактатами школы гелуг являются два фундаментальных труда Цзонкапы «Ламримченмо» и «Аgrimченмо», в которых он подробнейшим образом обосновывает и излагает всю совокупность путей, известных по Сутрам и Тантрам. Главные идеи Цзонкапы изложены в его трактате «Ламримченмо» («Большое руководство к этапам пути пробуждения»), написанном как комментарий на текст Атиши «Бодхипатхапрадипа». Этот трактат проводит мысль о необходимости поэтапного изучения Дхармы, сопровождающегося принятием все более строгих обетов, начиная с мирских и заканчивая монашескими, поскольку именно монашеский статус открывает возможность во всей полноте следовать обетам бодхисаттвы и применять тантрические практики. Обучение тантре проводится с помощью углубленного текста «Аgrimченмо» («Большое руководство по этапам пути тантры»).

Школы характеризуются также и своим специфическим стилем практик. Так, школы кагью и ньингма уделяют значительное внимание созерцанию, особенно тантрической ритуальной практике, поскольку исторически религиозные традиции этих школ представляют собой социокультурную форму бытования буддийской тантры в Тибете.

Сакья и гелуг отличаются большим акцентом на интеллектуальную форму передачи знаний (интеллектуальной дисциплине). Духовный авторитет основателей этих школ базируется прежде всего на их энциклопедической образованности, т.е. всестороннем знании доктрины, философии, теории познания и логики, а также психотехники. Учителя сакья и гелуг делают упор не на обретении мистического опыта и паранормальных способностей, а на необходимости накопления в соответствии с индубуддийским образовательным стандартом [Островская-мл., 2002, с. 235–236].

Наконец, отличительной чертой каждой школы является присутствие духовных лиц, называемых тулку или ринпоче (перерожденцами) высокого ранга, которые достигли определенных успехов в личной практике и обладают глубокими знаниями. Тщательно разработанная система, включающая в себя предсказания как предшествующих лам, так и тех, кто выбран для поисков их новой реинкарнации, легитимирует статус тулку. Из их числа каждой школой выбирается лидер всего направления.

В Тибете традиция ньингма не имела одного главы всей школы. Но по прибытии в Индию после известных событий представители этой школы признали Дуджоме Ринпоче (1904–1987), инкарнацию известного тертона Дуджоме Лингпы (1835–1904), высшим иерархом линии. До 2011 г. школу по решению специального комитета возглавлял Трулшик Ринпоче (1923–2011), один из известных мастеров ньингма современности. В настоящее время школу сакья возглавляет 41-й Патриарх Сакья Тринзин Ринпоче. В данной школе лидер традиционно выбирается из членов двух семейств, ладрангов. Их представители из поколения в поколение попеременно занимают место на троне. Представитель другого семейства Пунтсок Потранг Тугсей возглавляет данную школу в Америке. Руководители школы сакья были первыми священниками-царями Тибета, пока власть не перешла к школе гелуг и ее главе – Далай-ламе, который считается общепризнанным лидером всех школ. Духовным авторитетом традиции кагью является Шестнадцатый Кармапа Рангджунг Ригпе Дордже (1924–1981), третий иерарх тибетского буддизма (после Панчен-ламы и Далай-ламы). В последнее время из-за кончины главы школы кагью возникли споры, кто будет возглавлять ее. Традиционно школу гелуг возглавляет 102-й Ганден Трипа Тхубтен Ньима Лунгток Тензин Норбу. Ганден Трипа («Держащий Золотой Трон») является титулом духовного лидера этой школы. В отличие от других школ титул Ганден Трипа является выборной должностью, а не линией реинкарнации.

Таким образом, несмотря на все эти отличительные черты, в вопросе истинного знания тибетцы не отдают предпочтения ни одной из школ. Особенность тибетской буддийской культуры состоит, прежде всего, в признании принципиального плюрализма школ и направлений в рамках единой буддийской традиционной идеологии. Средневековый буддизм на всем ареале распространения буддийской культуры не знал деления на ортодоксию и ереси. Все школы и направления буддизма проявляли лояльность к основным буддийским догматам, придерживались единых космологических представлений и в равной степени располагали правом развивать собственные системы религиозно-философских интерпретаций Учения [Введение в буддизм, 1999, с. 351]. Однако каждой присущи свои особенности, касающиеся философской концепции, монастырской жизни и созерцательной практики. Различия между школами не всегда были глубокими. Они происходили большей частью из-за определенных особенностей методов реализаций, различия в теоретических предпосылках, предпочтения той или иной тантрической практике или различия в интерпретации опыта самадхи [Туччи, 2005, с. 68]. Некоторые известные тибетские учителя считают, что лучше всего практиковать все четыре школы одновременно [Тай Ситупа, 1997, с. 18]. Так, например, Цзонкапа обязан своей ученостью и духовной подготовкой посещением самых известных учителей своего времени без какого-либо предубеждения относительно принадлежности их к различным школам [Туччи, 2005, с. 68–70].

Литература

- Введение в буддизм. Серия «Мир культуры, истории и философии» / ред. В. И. Рудой. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 384 с.
Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. М.-Рига: Нартанг-Угунс, 1991. 103 с.
Железнов А. И. О тибетских традициях в бурятском буддизме // Тибетский буддизм: теория и практика. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. С. 54–79.
Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч Уверенности. СПб.: ОРИС, ЯНА-ПРИНТ, 1993. 238 с.
Островская Е.А.-мл. Тибетский буддизм. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 400 с.
Тай Ситупа. Относительный мир, Абсолютный ум. М.: ТОО «Путь к себе», 1997. 192 с.
Туччи Джузеппе. Религии Тибета / Пер. с итал. О. В. Альбедиль. СПб: Евразия, 2005. 448 с.

СВЯТИЛИЩЕ ЯНЖИМЫ В БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЕ: РАЗВИТИЕ КУЛЬТА БОГИНИ

В статье рассматриваются развитие культа богини Янжимы в Бурятии, формирование ритуально-обрядовых практик, связанных со святилищем богини в Баргузинской долине, как примеры этнокультурных процессов, происходящих в республике.

Ключевые слова: Сарасвати; Янжима; Баргузинская долина; буддийская богиня; развитие культа; ритуально-обрядовые практики.

Krinskaya Zoya Andreevna
National Museum of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russian Federation

THE SHRINE OF YANZHIMA IN THE BARGUZIN VALLEY: DEVELOPMENT OF THE GODDESS'S CULT

The author considers the development of the cult of the goddess Yanzhima in Buryatia, the formation of ritual practices associated with her shrine in the Barguzin valley as the examples of ethno-cultural processes taking place in the republic.

Keywords: Saraswati; Yanzhima; Barguzin valley; Buddhist goddess; cult development; ritual practices.

Культовые места буддизма Бурятии и ритуалы, связанные с ними, часто имеют привязку к сакральным зонам, возникшим в более ранние исторические периоды, нежели время распространения буддизма на территории республики: принесенные в XVIII в. бурятами буддийские культовые практики наслаиваются на эвенкийские сакральные места. В XIX в. буддийское духовенство пытается адаптировать доминировавшие культы и включает их в пространство дацанной обрядности.

На протяжении XX в. религиозная ситуация постоянно менялась: начало века охарактеризовано начавшемся еще в середине XIX в. противодействием буддизма и шаманизма с православием; в 20-е гг. буддизм, как и другие религии, подвергался гонениям; в годы Великой Отечественной войны наблюдалось оживление религиозности жителей Бурятии. О ситуации 60-70-х гг. бурятский этнограф Т. М. Михайлов писал: «различные обо тахилга, маани, сангарил, тайлган, хэрэг и другие ламаистские и шаманские обряды, ожившие в годы Великой Отечественной войны, во многих бурятских улусах снова ушли в прошлое. Если они и устраиваются еще в отдельных местах, то уже без прежнего энтузиазма и размаха» [Очерки истории и культуры Бурятии, 1974, с. 544].

В первой четверти XXI в. мы наблюдаем обратную ситуацию. Расширяется сфера влияния религиозного сознания, духовные практики играют важную роль в жизни общества. Эти процессы начались еще в 2000-х гг. и продолжают по нынешний день. Происходит возвращение к архаическим верованиям, возрождение буддийских и добуддийских обрядовых практик в новых эклектичных формах. Особенно ярко это проявляется в Баргузинском и Курумканском районах Республики Бурятия, расположенных на территории Баргузинской долины. Одной из главных причин эклектичности бурятский исследователь Б. Ц. Гомбоев называет полиэтничный характер населения Баргузинской долины, многолетние этнокультурные и этноконфессиональные взаимовлияния [Гомбоев, 2004, с. 42].

Пожалуй, одно из самых почитаемых культовых мест этого региона – изображение богини Янжимы, проявившееся на камне в местности Униган у подножья горы Уулзаха (бур. ‘встреча’) [Ванчикова, 2008, с. 456]. Первоначальное, ведическое, имя Янжимы – Сарасвати. Из вед богиня проникает и в буддийский пантеон, вместе с буддизмом переходит из Индии в Тибет, где становится известна под именем Янгченма. Затем она попа-

дает в Монголию и Бурятию. Культы многих тибетских божеств и взаимосвязанные культы, трансформируясь, адаптируются к системе локальных культов, сближаются с местными верованиями. Лик богини был обнаружен в 2005 г. Несколько позже началось облагораживание территории вокруг священной скалы и активные действия для популяризации культа: в конце 2009 г. вокруг камня с изображением был возведен стеклянный павильон с крышей, рядом с местом проявления лика богини у дороги началось возведение Цогчен-дугана Баргузинского дацана – «Дворца богини Янжимы» (бур. *Янжима бурханай ордон*). Пожалуй, в этот период времени святилище приобретает широкую известность.

24-й день месяца Дракона по лунному календарю – День проявления лика богини Янжимы или, как его часто называют ламы и последователи буддизма, «День рождения Сарасвати», «День рождения Янжимы». Именно в этот день с 2005 г. проводятся большие молебны богине. Интересно, как менялась осведомленность жителей Бурятии об этом дне. В 2013 г. большинство последователей буддизма, опрошенных нами, не знали, когда проводится хурал богине, лишь один отметил, что День проявления лика празднуется 4 мая. Т.е. респонденты не представляли, когда проводится главный хурал богине, тем более им не была известна точная дата по лунному календарю. Сейчас же дату легко узнать даже в сети Интернет.

К 2015 г., к десятилетию проявления лика богини на камне, было завершено строительство дугана Янжимы. В этот же год 24-го числа в месяц Дракона, помимо ежегодного большого молебна, прошли обширные празднования. Такие праздники стали проводиться ежегодно, они традиционно собирают большое количество верующих.

В 2017 г. дата празднования выпала на 20 мая. Обычно программа праздника длится один день и достаточно обширна. Она включает не только визит в дацан важных гостей (например, Пандито-хамбо-ламы, всех шэрээтэ-лам этнической Бурятии, Забайкальского края и Иркутской области), молебен, но и торжественный обед, ярмарку баргузинской кухни, выступления музыкантов, танцоров и спортивных состязания «Три игрища мужей» (бур. *Эрын гурбан наадан*). Спортивные состязания состоят из турниров по национальной борьбе в разных весовых категориях, стрельбе из лука, конным скачкам. В конце происходят торжественное закрытие, награждение призеров и праздничный ужин.

Разумеется, торжественные мероприятия – лишь сопровождающая часть к большому молебну и ритуально-обрядовым практикам, связанным со священным изображением на камне.

Подробное описание разнообразий ритуалов прошения о ребенке мы привели в статье «Через два месяца она забеременела»: конструирование культа богини Янжимы в Баргузинской долине» в 2014 г. Просители привозят с собой детские игрушки в качестве подношений богине, после ритуала игрушку нужно либо оставить, либо сохранить у себя, либо отдать в детский дом, многодетную или нуждающуюся семью. С тех пор самым популярным становится третий вариант ритуала: «нужно привезенную куклу положить в детскую колыбельку <...> и пройти 1, 3, 7, 21 круг *гороо* и сделать 1, 3, 7, 21 полное простирание на специальных досках, произнося мантру богини Янжимы мысленно или вслух. После нужно увезти куклу домой и по истечении трех дней подарить детям из многодетной семьи, в детдом» [Богиня Янжима: Что включает обряд поклонения]. Ламы дацана приводят следующую мантру: «Ом нама Сара садже сухаа». «Сара садже», как это очевидно, измененное «Сарасвати». А ведь еще несколько лет назад и жители, и многие ламы затруднялись произнести мантру богине.

Культе развивается, вместе с этим возникают новые ритуалы. Наиболее часто к Янжиге обращаются с просьбой о чадоподатии и надежном, хорошем супруге. Если раньше описывались лишь различные варианты ритуала, необходимого при молитве о ребенке, то в последнее время появляются указания и для просителей о

замужестве: в этом случае подношением станут украшения. «Бусы или серьги, свои или новые – не так важно, важна искренность, с которой вы молитесь» [Кому помогает богиня Янжима?]. Вероятно, в скором времени и этот ритуал может стать более определенным и сложным, приобрести новые черты.

После завершения строительства Дворца Янжимы, помимо ритуалов, совершаемых непосредственно на святилище, возле изображения на камне, стали необходимы ритуалы, связанные с посещением дуганов и распространенные повсеместно: «Перед тем как войти в дуган-храм, нужно провести обряд – *гороо*, то есть обойти дуган три раза по ходу солнца, оставляя на углах фундамента монетки, рис. Во время *гороо* – круга покаяния и очищения – нужно мысленно повиниться в своих нехороших поступках, словах, мыслях. В дуган нужно входить без головного убора, внутри также обойти по ходу солнца, оставить «сэржэм» и «далга» на специальном столике...» [Богиня Янжима: Что включает обряд поклонения]. Таким образом, формирование ритуально-обрядовых практик на святилище богини Янжимы не прерывается.

На примере святилища мы можем фиксировать различные этнокультурные процессы: становление, развитие нового культа, появление обрядов и ритуалов, их видоизменение и распространение, и даже взаимовлияния различных народов, ведь, как говорят, богиня Янжима помогает не только бурятам и буддистам, но и представителям других народов и конфессий.

Литература

- Богиня Янжима: Что включает обряд поклонения // URL: https://vk.com/topic-90030941_33582625 (дата обращения: 18.01.2018).
- Ванчикова Ц. П., Жамсуев Б. Б. Земля Ваджрапани: Буддизм в Забайкалье. М.: Изд-во Феория. 2008. 598 с.
- Гомбоев Б. Ц. Почитание культовых мест в северной части Баргузинской долины в полиэтничных условиях // Этнографическое обозрение. 2004. № 6. С. 42–58.
- Кому помогает богиня Янжима? // URL: <https://www.infpol.ru/news/asia/127866-komu-pomogaet-boginya-yanzhima/> (дата обращения: 28.02.2018).
- Очерки истории и культуры Бурятии. Т. 2: Советский период. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 646 с.

ШАМАНИЗМ И ЕГО МЕСТО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

В статье предпринимается попытка объяснить истоки возникновения традиционной культуры и религии. Дается характеристика шаманизма как наиболее архаичной формы религии, описывается значимость его изучения для развития культурологической, этнографической и теологической наук. Обозначается огромная значимость шаманизма в традиционной культуре бурят. Дается оценка разработанности данной проблематики в трудах этнографов, историков, культурологов. Обосновывается важность изучения бурятского шаманизма для более глубокого понимания генезиса традиционной и религиозной культур вообще и для рефлексии и идентификации бурятского этноса в частности.

Ключевые слова: буряты; культура; культ; религия; традиция; шаман.

Khingeeva Larisa Mikhailovna
East-Siberian State Institute of Culture
Ulan-Ude, Russian Federation

SHAMANISM AND ITS PLACE IN TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS

The article attempts to explain the origins of the emergence of traditional culture and religion. Shamanism is described as the most archaic form of religion, the significance of its study for the development of cultural studies, ethnography and theology is described. The great importance of shamanism in the traditional culture of the Buryats is indicated. An assessment of the development of this problem in the works of ethnographers, historians, and culturologists is given. The author substantiates the importance of studying Buryat shamanism for a deeper understanding of the genesis of traditional and religious cultures in general and for the reflection and identification of the Buryat ethnos in particular.

Keywords: Buryats; culture; cult; religion; tradition; shaman.

Традиционная культура – это то, что отличает культуры различных этносов друг от друга. Традиционная культура – это наиболее постоянная часть культуры, которая происходит из традиций, обычаев, уклада жизни конкретного этноса, пришедшая из исторического прошлого и закрепленная в устойчивые, испытанные временем формы. История развития любого народа есть объективная реальность, она неизменна в силу того, что уже произошла и не способна к изменению. Отдельные события могут уточняться, дополняться, может меняться точка зрения о них, может пересматриваться психологическое и социальное отношение к ним, но сами исторические факты при этом не могут измениться. Таким образом, традиционная культура, происходящая из исторического прошлого конкретного народа, является наиболее неизменной частью культуры этого народа и идентифицирует этот конкретный народ как особенный, сформировавшийся в ходе исторического развития и отличающийся от других. Изучение традиционных культур важно для рефлексии этносов, самопознания и понимания истоков своего существования.

С самых древних времен формирования человеческого общества, когда само выживание человека как вида не было очевидным, требовался механизм закрепления различных полезных практик, способствующих выживанию рода. К примеру, способы и методы добычи пищи, добыча и поддержание огня, термическая обработка пищи, производство орудий труда и одежды, зачатки санитарных норм. В силу того, что человек разумный обладает памятью, механизм сохранения полезных практик осуществлялся в создании и передаче последующим поколениям традиций. Так формировался культ как совокупность традиций, обычаев, социальных норм, внутриродовых отношений. Культура – более широкая категория, и кроме культа включает себя науку, искусство, духовные практики, все то, что прямо не способствует сиюминутному выживанию, но приводит к развитию общества и как следствие этого процесса к более высокой степени жизнеспособности всего этноса [Маркарян, 2000].

Кроме безусловно полезных и необходимых практик, существовало великое множество действий, событий, вещей, ставящих под угрозу существование рода, и в этом случае использование подобных практик ограничивалось запретами или табу. Таким образом, сформировалось дуалистическое восприятие окружающей среды: хорошо – плохо, надо – нельзя, добро – зло. И даже некоторое символическое «окрашивание» двух противоположностей белое – черное или инь – янь как метод маркировки явлений по признаку хорошо – плохо.

Можно утверждать, что культ в первобытном обществе, а позже и культура в более развитых и крупных социальных группах несет функцию обеспечения, прежде всего, выживания конкретной социальной группы. Причем мифологические и теологические представления об окружающем мире изначально также органично включались в решение задачи обеспечения жизнеспособности рода. Мифы, легенды, сказки являются начальными формами творческой деятельности, и зарождалось подобное первичное творчество вслед за возникновением языка как средства передачи информации от индивидуума индивидууму в рамках рода, в немалой степени способствуя развитию самого языка.

Разумеется, внутри общины появились личности, у которых подобная творческая деятельность получалась лучше, чем у других. Очевидно, что эти представители рода пользовались уважением сородичей. Скорее всего, из подобных личностей должны были выделиться те, кто возложил на себя функцию управления событиями, на которые повлиять или трудно, или вообще невозможно. К таким событиям относится удача в охоте, исцеление болезней, обеспечение благоприятных климатических условий. «Управлять» подобными явлениями приходилось через сложные обряды и даже театрализованные представления, главное условие – это сложность самого процесса и недоступность его для обычного соплеменника. Благоприятный исход ставился в зависимости от многочисленных, часто трудновыполнимых условий, чтобы в случае неудачи воспользоваться ими для оправдания. Таким образом, появились первые шаманы.

Являясь творческими личностями, для обеспечения иллюзии собственной исключительности, они использовали существующие мифы и легенды, а также создавали новые, в повествование которых вплетали собственные личности в качестве непосредственных участников или посредников в общении мифологических существ с сородичами. Так формировались первые примитивные религии. В течение времени подобная деятельность передавалась через поколения, непосредственно от родителей потомкам или через создание специализированных каст служителей религии. Сами теологические теории совершенствовались, обрастали новыми подробностями и деталями, персонажи увеличивались численно, описывались их взаимодействия и отношения. В результате в течение веков создавались сложные религиозно-мифологические теории со сложными, многочисленными и иерархически структурированными пантеонами богов. К примеру, религия древнего Египта или греко-римская мифология. Наиболее сложной и развитой религиозной теорией можно назвать индуизм, в котором число персонажей пантеона исчисляется тысячами.

В бурном историческом процессе формирования религиозно-мифологического разнообразия мировоззрений человечества, на современном этапе сохранились как развитые теории, так и идиопатические. Связано это с разным временем существования различных этносов. К последним относится шаманизм. Несомненный интерес для теологии представляет изучение шаманизма как наиболее архаичной религиозной теории, важной для понимания причин и истоков возникновения самого явления религии.

В современном мире трудно найти хорошо сохранившиеся шаманские культы, исповедуемые достаточно крупным социумом. Одним из действительно существующих культов с весьма большим числом исповедующих его людей является бурятский шаманизм. Культурные тенденции современного общества России в полной мере касаются и бурятского народа, который неотъемлемо интегрирован в российское общество. Тем не менее, память народа сохранила традиционную культуру, в которой шаманизм выступает как основная религиозно-мировоззренческая теория. Значение всестороннего изучения данного явления для культурологической науки трудно переоценить.

Основными источниками о мировоззрении бурят являлись устные рассказы (*улигеры*) представителей народа, главным образом, шаманов как наиболее сведущих в этой области носителей знаний. В разное время многие историки, этнографы и фольклористы записывали и систематизировали полученную у улигершинов информацию. Наиболее существенный вклад в этот процесс внесли М. Н. Хангалов, Ц. Ж. Жамцарано, С. П. Балдаев, П. П. Баторов и др. Благодаря труду этих исследователей мы сейчас можем составить представление о религиозных воззрениях бурят.

К сожалению, в рамках данного доклада невозможно дать описание всей сложной, иерархически многоуровневой религиозной системы бурятского шаманизма. Но это уже выполнено многочисленными исследователями религиозной традиции бурятского народа, такими как Г. Н. Потанин [Потанин, 1883], Д. А. Клеменц, Л. Я. Штернберг, Д. К. Зеленин [Зеленин, 1936], Г. В. Ксенофонтов, М. Н. Хангалов, В. П. Гирченко, И. А. Манжигеев, С. А. Токарев, М. Элиадэ, Е. Д. Прокофьева [Прокофьева, 1971], Т. А. Бертагаев, Н. А. Алексеев, Т. М. Михайлов [Михайлов, 1980, 1987], Д. С. Дугаров [Дугаров, 1991], Т. Д. Скрынникова, Г. Р. Галданова, М. Д. Зомонов, современными – С. Б. Болхосоев, З. Ц. Будажапов и др. М. Н. Хангаловым впервые было дано описание шаманского пантеона бурят [Хангалов, 2004]. Немалый вклад в данную область знаний внесли также менее известные исследователи традиционной культуры бурят, в частности, М. Маласагаев [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 362. Оп. 1. Д. 24. 14 л.].

В заключение отметим, что феномен шаманизма столь прочно вошел в повседневную жизнь бурят, что на протяжении всей истории развития бурятского общества играет определяющую роль в их мировоззрении. Теологические представления, неразрывно связанные с шаманизмом, в современном мире остаются актуальными в культурном пространстве бурятского этноса, косвенно, а весьма часто и непосредственно, оказывая существенное влияние на повседневную жизнь народа. Соответственно, нельзя разобраться в традиционной культуре бурят, как в настоящее время, так и в исторической ретроспективе, не уделив самого пристального внимания его традиционным религиозным верованиям.

Литература

- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. М.: Наука, 1991. 300 с.
- Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири // Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов / Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии: XIV. Этнографическая серия. Вып. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
- Маркарян Э. С. Наука о культуре и императивы эпохи. К обоснованию ключевой роли знаний о способе социокультурного типа самоорганизации в условиях современного планетарного кризиса. М.: Прогресс, 2000. 126 с.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
- Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV, сост. Г. Н. Потаниным. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1883 // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003899984#?page=1> (дата обращения: 15.03.2018).
- Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири. Сб. МАЭ. Т. XXVII. Л.: Наука, 1971. С. 3–100.
- Хангалов М. Н. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1 / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. 508 с.

САКРАЛЬНЫЕ МЕСТА ЭВЕНКОВ БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЫ¹

Жизнь эвенков в прошлом полностью зависела от природы, поэтому для них характерна традиция сакрализации гор, перевалов, озер, рек и других мест. До недавнего времени в научной литературе не было полной информации о сакральных местах эвенков Бурятии. Данная статья является продолжением серии уже опубликованных статей, посвященных сакральным местам эвенков Баунтовского и Северобайкальского районов Республики Бурятия.

Ключевые слова: Бурятия; Баргузинская долина; эвенки; сакральные объекты; памятники природы; памятники культуры.

Buraeva Olga Vladimirovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

SACRAL PLACES OF THE EVENKS OF THE BARGUZIN VALLEY

Historically life of the Evenks completely depended on nature, so they have a tradition to sacralize mountains, passes, lakes, rivers and other places. Until recently there was no complete information about the sacred places of the Evenks of Buryatia in the scientific literature. This article continues a series of published works devoted to the sacred places of the Evenks of the Bauntovsky and Severobaikalsky regions of the Republic of Buryatia.

Keywords: Buryatia; Barguzin valley; Evenks; sacral objects; monuments of nature; cultural monuments.

Введение. Данная статья является продолжением серии уже опубликованных статей, посвященных сакральным местам эвенков Бурятии (Баунтовского, Северобайкальского районов) [Бураева, 2016; Бураева, 2017], поэтому подробно останавливаться на классификации и значимости изучения сакральных мест здесь не будем. Отметим только, что современные Баргузинский и Курумканский районы находятся в долине реки Баргузин (или в Баргузинской долине), поэтому мы сочли возможным рассмотреть культовые места эвенков долины, кочевавших здесь когда-то и проживающих ныне.

Вдоль дороги Алла – Улюнхан насчитывается четыре священных места: Х(х)ухтхиин дугии (кусты возле моста, увешанные лоскутами ткани); Сухая речка (эвенкийские захоронения); Ягдыг (между озерами); Кучигер (Кучигерский аршан). Местные жители придерживаются устоявшихся правил. Если ехать в сторону с. Улюнхан, то можно брызгать водкой, а едущим в обратном направлении не рекомендуется часто делать возлияния спиртными напитками. Кара хозяев эвенкийских культовых мест наступает нарушителей моментально. Хозяева могут вредить людям, если те начинают чем-то пренебрегать (проехали, не побрызгав, или упомянули имя божества все и т.д.) [Гомбоев, 2006, с. 92].

В окрестностях с. Улюнхан имеются культовые места: Самахай, Ягдыг, Ниндхэк, Аллинский источник, Ямаагана, Тэрмээ, Болон Тумур, Сэюй, Умхей. Эвенки молятся в местностях Мунучо, Болон Тумур, Самахай раз в два года. В качестве жертвы приносят барана, молочную пищу, водку, сигареты. Наряду с этим местные жители молятся хозяйке ущелья Улгана Тэрмээ, шаманке эвенкийского происхождения (*одигон, ортон изии*), духам-хозяевам Кучигерского, Умхейского и Сэюйского источников [Гомбоев, 2006, с. 92]. Проводятся обряды почитания духов-хозяев местностей Ниндхэк, Х(х)орюур, Ягдыг, Аяан, Умхей, Сэю [Гомбоев, 2006, с. 90]. По левобережью р. Баргузин вокруг пос. Майский и с. Арзгун находится множество шаманских культовых мест [Гомбоев, 2006, с. 93].

Памятники природы

Священные горы, скалы, сопки, перевалы, пещеры. Бархан-уула (с. Барагхан). Гора является четвертой по

высоте (2585 м) вершиной Баргузинского хребта. Гора почиталась древними эвенками-охотниками. Они проживали на левой стороне р. Баргузин, на просторах Куйтунских степей, у подножия Икатского хребта [Гомбоев, 2006, с. 73]. Горные хребты назывались эвенками *бар(к)хан хада* ‘величественная гора’.

Гора Дэдэ-бабэ (бур. *Дээдэ баабай*) ‘отец-небожитель’ или ‘отец, проживающий в верховьях реки’ (с. Шаманка). Священная гора находится в 12 км от с. Курумкан. Хозяин горы является хозяином местности в верхнем течении р. Баргузин [Гомбоев, 2006, с. 76]. «Дээдэ баабай относится, прежде всего, к Сахули, где существовал очень сильный древний шаманский культ хозяев этой местности, которым приносили жертвы и эвенки, и буряты, и русские. ... буряты восприняли этот культ от эвенков, именуя главного хозяина Дээдэ баабаям ‘верховным отцом’» [Герасимова, 2006, с. 71].

Женщины не участвовали в молебнах Дэдэ-бабэ, бурятские и эвенкийские шаманы запрещали им переходить речку Шаманку (бур. *Алтан горхон*). Эвенкийские шаманы разрешали делать это только в случае крайней необходимости и обязательно с березовой веткой или палкой (ламы сняли этот запрет) [Герасимова, 2006, с. 69].

Полуостров Святой нос (пос. Усть-Баргузин), бур. *Хэльдэн хушуун* ‘хребет осетра’. В отвесных скалах Святого носа и восточного побережья Байкала расположено много пещер-гrotтов. Один из наиболее крупных гrotтов находится на северо-восточном побережье Байкала, в 50 м южнее устья р. Малая Черемшана. На острове Большая Ушканья, у подножия известковых скал на северо-восточном берегу известны три небольшие пещеры. Прибайкальские пещеры считаются культовыми памятниками и святилищами курумчинской культуры [Гомбоев, 2006, с. 75].

Аллинские голцы (между с. Сахули и с. Алла) (2841 м). Некоторые жители Баргузинской долины считают, что хозяевами горы и местности являются две скалы у входа в ущелье, у берегов р. Алла. Духи-хозяева Аллинских гор брат и сестра Буралтар и Сахилтар, согласно мифу, отказались возвращаться на небо и остались в данной местности, чтобы помогать людям. Другие жители полагают, что хозяевами священной горы вблизи с. Алла являются два скальных

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

образования на левом берегу р. Алла, которые четко видны со стороны Аллинского курорта [Гомбоев, 2006, с. 149].

Во время лечения пациенты молятся и приносят им в жертву обрядовую пищу [Гомбоев, 2006, с. 76]. Жители близлежащих сел поклоняются духам-хозяевам Аллинских гольцов при наличии веских причин, обусловленных календарной обрядностью, промыслово-хозяйственной деятельностью, обрядами жертвоприношения, привязанными к определенным датам, перед выездами в дорогу [Гомбоев, 2006, с. 90].

Шастин-Ундэр (Шестая высота) (с. Улюкчикан). В селе находится культовое место *Нухэтэй хада*. Жители долины стараются не проезжать мимо, не побрызгав ритуальным напитком.

Гора Даван находится близ с. Бодон Баргузинского района. У горы Даван имеется святое место Карамино. Здесь в 1930-е гг. был похоронен со всеми почестями шаман Дакучан. Он приходится родным дедом Андрею Куркановичу Елбонову, Александре Николаевне Наргулевой, старейшинам рода баликагир, проживающим в с. Суво. У подножия горы на ветках лиственницы висят железные атрибуты шаманского одеяния. Рядом сложена огромная чаша из тяжелых камней, где зажигается ритуальный огонь. По бокам от этой чаши стоят каменные глыбы в виде пятерни человека, видна морда дракона и других мифических животных. По рассказам старожилов, молебны в этом месте совершаются раз в три года. Никто не знает об этом месте, и они его не каждому показывают.

Почитают хозяйку **Икатского хребта** Укуннок, которая обитает у начала отрогов (возле красной горы) Икатского хребта [Гомбоев, 2006, с. 90]. Интересными формами выделяются скалы вдоль Икатского хребта. Эти скалы-останцы взяты на учет как геологические памятники природы: Грибок (Сфинкс), Камнига, Голова, Птенчик, Ухэршулун.

Местность Таза. Почитается гора (сопка) в Тазах. Место считается священным, так как туда были отнесены шаманские ритуальные принадлежности, или же он сам был там похоронен. Ни один эвенк ничего не может об этом сказать. Металлические подвески были изготовлены из железа заводской плавки, искусно обработанные кузнецом [Шубин, 2006, с. 135]. По материалам А. С. Шубина [Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). ОФ. Д. 2389. Дневник № 1. Л. 54], в Тазах имелись три горки – болдокол (эвенк. ‘выступ, возвышение’). На горках «болдокол», которые считались священными, в 1962 г. находились шаманские металлические вещи. Он отмечал, что в своем детстве видел эти вещи – фигурки животных, лодок, металлические бляхи, нанизанные на металлическую проволоку. Никто из старых людей не знал, кто их туда положил. Однако они утверждали, что эти вещи именно эвенкийских шаманов далеких времен.

Сувинские скалы (Сувинская Саксония) (с. Суво) – самая красивая гряда долины. Ее размеры внушительны: длина 300-400 м, высота 40-50 м. Среди местных жителей бытует мнение, что эти скалы были последним бастионом баргутов. Скалы напоминают громадные башни с бойницами [Гомбоев, 2006, с. 79]. Культовое место в Суво имеет, по мнению К. М. Герасимовой, вероятно, баргуто-эвенкийское происхождение, по-эвенкийски оно называлось Сувойя (от эвенк. *суви* ‘вихрь’) [Герасимова, 2006, с. 69]. По местным преданиям, хозяин Суво распоряжался ветрами, которые в этой местности отличаются особой силой [Герасимова, 2006, с. 69].

Священные камни. Буха-шулун (Бухай-шулуун) ‘бык-камень’. Святой барисан, находящийся недалеко от

с. Бодон, издавна почитается верующими людьми. Здесь проводятся главные обряды шаманистов Баргузинской долины. С ним связаны народные легенды: говорят, монголы-охотники захоронили своего вождя на горе над этим местом. Считается, что его дух витает над этой землей, а камень-бык – его тотем. По словам иностранных туристов, аналог окаменелого быка в таком же виде есть в Америке. Его копия поразила приезжих, рассказывают местные жители.

У бурят существует другая легенда. Бык является одним из тотемов бурят, символом могущества. Когда буряты расселялись по долине, то на зиму они угоняли скот в соседний Забайкальский край. Один бык не хотел уходить. Его трижды насильно уводили, но он возвращался обратно, пока не превратился в камень и не остался навсегда на этой земле. С тех пор местные жители поклоняются камню.

Ининский сад камней (с. Ина) расположен в юго-западной части Баргузинской долины на участке выхода р. Ина из Икатского хребта. Часть (8 км²) располагается на правом берегу р. Ина и выдвигается в долину от гор более чем на 5 км. Здесь, как бы вырастая из земли, возвышаются глыбы гранита размером до 4-5 м в поперечнике [Гомбоев, 2006, с. 78].

Целебные источники (аршаны). Эвенки почитают источники. Они часто посещаемы, существуют особые правила посещения и принятия лечения.

Холодные источники (ниже 20° С): Тазинский, Барагханский, Буксыхенский.

Буксыхен (эвенк. ‘перепутье’). Источник находится на северо-западе Баргузинской впадины, около с. Элысун. Начало источник берет из-под скального выступа четырьмя грифонами и сливается в единый поток, образуя чудодейственный аршан. Второе название аршана – серебряная вода. Здесь лечат заболевания опорно-двигательного аппарата, периферической и центральной нервной системы, органов пищеварения, болезней органов обмена.

Субтермальные источники (20-36° С): Алгинский, Инский, Улюнханский и др.

Термальные источники (37-41°С): Болотный, Нечаевский.

Гипертермальные источники (выше 41°С): Змеиный, Сэюйский, Гусихинский, Умхэйский, Кучигерский и др.

Умхэй располагается на самом севере Баргузинской долины. Курорт находится в 100 км от с. Курумкан и в 17 км от с. Улюнхан. Бальнеолечебница расположена посреди р. Баргузин на стыке двух горных массивов Баргузинского и Икатского. Каждый приезжающий сюда лечиться или отдохнуть проводит ритуал подношения духам местности. Когда-то древний культ эвенков подвергся ламаизации, здесь установлена скульптура Белого старца, отведен уголок досточтимому Соодой-ламе. Охотники эвенки, возвращаясь домой, отдыхали у аршана, угощали и благодарили духов местности за удавшуюся охоту. Сейчас древние предания о хозяевах святого места забыты.

Кучигерские гидротермы выходят у северо-западного борта Баргузинской впадины на правом берегу р. Баргузин в урочище Кучигер.

Местность Сэю. По речкам, ключам уходили охотники на свои излюбленные промысловые уголья. Возвращаясь, останавливались восстановить силы у целебного аршана. Название происходит от эвенк. *сэю, хэю, хэюдерэн* ‘кипит’. Хозяйкой местности считается ороchonка. В легенде о ней сказано, что она жила в этой местности, камлала и помогала людям – исцеляла от недугов, принося людям радость выздоровления. Шаманка выхаживала маленького олененка, оставшегося в лесу без матери. Новорожденный

не мог питаться травой. Здешнюю траву не едят даже коровы. Ему нужно было молоко. Она вскормила грудью детеныша, и малыш, питаясь молоком тунгуски, быстро окреп. Подростивший олененок еще долгое время прибегал к своей приемной маме, по привычке прося молоко. Не смея отказать малышу, шаманка баловала и нежила лесного зверя. От укуса пошло заражение, и шаманка покинула этот мир. Счастливое начало, да грустный конец у легенды. С тех пор эвенки поклоняются духу этой ороchonки, прося у нее покровительства, защиты и силы.

Аллинские источники находятся недалеко от Кучигерских в 8 км к западу от с. Алла. Горячие воды с температурой 55-77° С выходят на поверхность в долине р. Алла при выходе ее из Баргузинского хребта. Зафиксировано 46 выходов горячей воды сульфатно-гидрокарбонатного состава [Иметхенов, 1990, с. 60].

Источники с температурой воды 74-79°С: Уринский, Гаргинский.

В с. Алла молебен эвенков проходит в живописном природном месте у подножия гор, рядом бурлит горная речка Алла, горячий аршан и малые термальные источники дарят здоровье людям. В эти места приезжают бесплодные пары просить потомства у хозяйки местности ороchonки Дарису, о которой известно совсем немного. «У Аллы-реки эвенкийские божества – хозяева реки», – писал А. С. Шубин в 1962 г. [Шубин, 2007, с. 115].

Водоемы (речки, ручьи, озера). Многие культовые места эвенков находятся возле горных рек и ручьев, озер, их почитание связано с промысловым культом (необходимо отметить, что эти места почитаются и русскими, и бурятами). Озеро Байкал и все впадающие в него реки (акватория Байкала) весьма почитаемы всем местным населением, что объясняется наличием традиционных типов хозяйства – скотоводства, охоты, рыболовства.

Река Баргузин с притоками Гарга, Аргада, Ина и др. Баргузин от эвенк. *баргу* ‘противоположный’, *барга* ‘предсказание’, *барги* ‘противоположное пространство’, *баргаган* ‘заречный житель’ [Гомбоев, 2006, с. 74]. На протяжении всего течения р. Баргузин (верхнее течение, среднее течение, нижнее течение) имеются шаманские культовые места, причем не менее двух-трех на каждом участке. Болон тумур (исток р. Баргузин) и Аллинские горы (с. Алла); Дээдэбаабай (с. Шаманка), Бархан-Ундэр (баабай) (с. Барагхан), Хээр-шошого (Шинагальжин); Шастин-Үндэр (с. Улюн), Буха-шулуун (с. Бодон), Суво (с. Суво), Хилман-хушуун (пос. Усть-Баргузин). Эти основные культовые объекты и почитаемые места Баргузинской долины определяют шаманскую конфессиональную составляющую эвенков и бурят в линейном освоении пространства [Гомбоев, 2006, с. 89].

Озера – Байкал, Амут, Ехэ-нур, Саганур и др. Озеро Байкал особо почитается, так как дух-хозяин озера контролирует все происходящее, особенно в части вылова рыбы и безопасности на озере. Ручьи – Галгатайский, Барагханский, Хухтинский и др.

Болон Тумур является хозяином истока р. Баргузин. В местности **Хухтхи** в ущелье до прихода бурятских родов обряды совершали эвенкийские охотники. Хозяин ущелья появлялся в разных образах. Он покровительствовал охотникам, избранным людям, в основном эвенкам [Гомбоев, 2006, с. 91]. Хозяйкой шаманской рощи в местности **Хорюур** выступает Балма, которая в первой половине XX в. считалась одной из сильнейших шаманок в округе [Гомбоев, 2006, с. 91].

Эвенкийские шаманы совершали моления в течение двух-трех суток, которые сопровождалось обильными жертвоприношениями коров и баранов. По поверьям, от

хозяев Болон Тумура зависят своевременные и обильные дожди. На обряды съезжались все баргузинские эвенки и оленные эвенки с верховьев реки Ангары. Из-за отдаленности (около 100 км) этот обряд проводится в другом месте – Мунучо. Оттуда шаманы призывают и приносят жертвоприношения духам Болон Тумура. Раз в два года в качестве жертвы приносят барана, молочную пищу, водку, сигареты. Наряду с этим местные жители молятся «хозяйке» ущелья Улгана – Тэрмээ, шаманке эвенкийского происхождения (*оdigон, ортон изии*) [Гомбоев, 2006, с. 92].

Существует легенда о прилетевшем с неба инопланетном раскаленном камне. Был ли это метеорит или отколовшийся космический осколок, неизвестно. Это было во времена падения тунгусского метеорита. Знающие люди сказали, что эта земля будет отныне местом великого молебна. Бур. *Бөөлэн түмэр* ‘камлающее железо’. Со временем слово приняло форму Болон Тумур, означающую ‘железный камень’. Шаман Ороchon Степанович Берельтуев называет это место Голан-төм (эвенк. ‘плот’) [Гомбоев, 2006, с. 144].

Местность Х(h)орюур (возле р. Х(h)эбхэжээн). В этой местности до прихода бурятских родов совершали обряды эвенкийские охотники. Везло не всем охотникам, а определенным (талантливым) и в строго определенном месте. Хозяин ущелья Х(h)ухтхи покровительствует в основном охотникам-эвенкам (хамниганам) [Гомбоев, 2006, с. 91].

Лес (роща), деревья (необычные и одиноко стоящие), урочища, чащи, шаманские рощи. В качестве ритуального дерева почитались одиноко растущие в окрестных урочищах или вблизи священных минеральных источников деревья с пышной развесистой кроной или выделяющиеся своей величиной и необычной формой. Чаще это была береза, но нередко почиталась и сосна, красная ива (тамариск), ель и лиственница. Почитание этих деревьев переходило из поколения в поколение, а когда от старости или пожаров они засыхали или погибали, то их функции переносились на другие, растущие вблизи деревья, или на том месте из кучи камней сооружали обо [Гомбоев, 2006, с. 82].

Береза – святое место поклонения эвенков Белых Вод. Эту местность старые эвенки называют Эдигэн. По их словам, раньше здесь было большое обо, где они молились. На этой земле росла береза, к которой приезжали молиться эвенки со всей округи. Со временем дерево иссохло, и теперь даже корней невозможно найти. На новом месте поклонения, на которое указал шаман Ороchon Степанович Берельтуев, растет одинокая сосна, теперь она будет ориентиром для следующих встреч. Белые Воды – прародина многих тунгусских родов: Гальдэгир, Баликагир, Асивагат, Тэпкогир, Чильчагир, Тукалин. Недалеко от этой сосны 9 июня 2017 г. посажены три березы. Место посадки и обряд указал и провел шаман О. С. Берельтуев [записано от А. Л. Балугева, 1965 г.р.].

Места проживания предков или родителей. Местность, в которой когда-то проживали предки, или сейчас проживают родители.

Памятники культуры

Археологические памятники (стоянки, писаницы). Эвенки особо почитали стоянки и захоронения племен, живших на данной территории с эпохи неолита.

Лысая гора – стоянка (мезолит – бронзовый век) – расположена на левом берегу р. Баргузин в 1,5 км ниже села, у подножия Лысой горы [Лбова, 1999, с. 37]. Гора является объектом культа. Дорога Баргузин – Улан-Удэ пролегает мимо этого священного места.

Душелан. Писаница I (Кладово). Петроглифы (II–I тыс. до н.э.) расположены на скалах у самой дороги в село Душелан, на левом берегу р. Баргузин. Писаница II (Алга)

– петроглифы (I тыс. до н.э.) – находится на левом берегу р. Баргузин, на скалах к югу от бывшей деревни Алга. Рисунки сохранились в нише гранитных останцев и изображают сцены охоты [Лбова, 1999, с. 43–44].

Местность Онкули. Погребения эпохи ранней бронзы. Местные жители относятся как к культовым местам, капают напитками [Гомбоев, 2006, с. 86]. В 1930-е гг. в Онкулях обряды проводил шаман Куликан Атакин. У него были длинные волосы, дети того времени помнят, что он высоко прыгал над костром и вызывал у ребят страх. Потомки его рода асибагат проживают в селах Алла, Улюнхан Курумканского района.

Улюкчикан. Петроглифы (местность Гульмакта) (I тыс. до н.э.) находятся на правом берегу р. Баргузин, севернее улуса, слева от автомобильной дороги Улан-Удэ – Турунтаево – Курумкан.

Куйтунские степи (Верхние, Нижние, Сувинские Куйтуны). Самый крупный Верхний Куйтун на севере ограничен долиной р. Гарга. От склона Икатского хребта он отделен долиной р. Аргада, пролегающей прямо по контакту песчаного покрова с кристаллическим фундаментом. К долине этой реки Верхний Куйтун обрывается 100-140-метровым уступом, тянущимся почти вдоль всего ее северо-восточного отрезка. На водоразделе рек Гарги и Аргады песчаный массив поднимается на нижнюю часть склона Икатского хребта. На протяжении всей степи археологи обнаруживали стоянки, плиточные могилы [Гомбоев, 2006, с. 84].

Шаманские священные места и шаманские захоронения. Шаманские захоронения являются объектами культа. В прошлом шаманов в долине было очень много. Они вымерли еще до Октябрьской революции [Шубин, 2006, с. 135]. Чукен и Куркадэй считались самыми сильными шаманами, имели огромный авторитет у тунгусов и бурят. Известно, что они даже выезжали за пределы долины [Шубин, 2006, с. 135].

Культовое место возле с. Шаманка считалось особо почитаемым у шаманистов (эвенков и бурят). Право переходить через речку имели только мужчины, а женщины обьезжали данное место с правой стороны (внизу, по Куйтунскому косогору). Другое священное место, которое почитали только шаманы и шаманки, находится недалеко от въезда в село, его называли Узкое место (бур. *Гурбан нархан* ‘три сосны’). Главным ориентиром служит дерево – сосна с тремя сросшимися стволами [Гомбоев, 2006, с. 94].

В **Сахули** (эвенк. Хакули) была похоронена известная шаманка из рода шамагир, который кочевал в XVII в. в районе дер. Шаманка (совр. Майский). Этот род славился своими шаманами, т.е. имел сильный шаманский корень (эвенк. *утка* ‘предки, происхождение’). В местности Сахули существовал очень сильный древний шаманский культ хозяев местности, которым делали жертвоприношения и эвенки, и буряты, и русские [Герасимова, 2006, с. 71].

Местность Самахай (12 км от с. Алла). Один из самых важных объектов культа в верхней части р. Баргузин – исток реки под названием Болон Тумур. В 2001 г. в местности Самахай представители шести эвенкийских ро-

дов – асибагат, баликагир, гальдэгир, тыпкагир, чангалир, чалкагир – в количестве около 60 человек совершили обряд жертвоприношения родовым покровителям, хозяевам местности и хозяину р. Баргузин. В 1962 г. А. С. Шубин во время экспедиции отмечал, что в местности Самахай есть еще остатки культовых мест (вырезанные идолы из дерева). Очевидно, писал он, поэтому место названо Хамахай-шаммахэл-самахэл (место шамана) [Шубин, 2007, с. 136].

В начале июня, когда лист березы вырастает размером с пятирублевую монету, в местности Чалбук на заимке Самахайской земли проходит ежегодный молебен эвенков Курумкана. Время выводит и назначает шаман Ороchon Степанович Берельтуев. Местность, по преданию, принадлежала в прошлом тунгусам из рода лимагир, позднее – тэпкогир. На месте молебна можно увидеть принадлежности и атрибутику прежних шаманов, это в основном хорошо сохранившиеся металлические предметы их одежды. Шаман Ороchon Степанович Берельтуев говорит о девяти родовых местах, где молились его предки тэпкогиры.

Нинтэжэк находится посередине между улусами Улюнхан и Алла, далее дорога ведет к горам. В местности Нинтэжэк находятся два культовых места, здесь покоятся великие шаманы эвенкийских родов тэпкогир (именуемая в народе «бабушка») и баликагир («дедушка»). Друг от друга их разделяет примерно километр. Из обрядового облачения осталась одна атрибутика с символами образов зверя, птицы, развешанная на дереве. Ранее шаманские шапки несли на себе настоящие олени рога, а не железные модели. Ритуальный костюм изображал того духа животного, от которого вел свое происхождение шаман, начало всего рода. Тотемы родов у всех разные. У тэпкогиров ворон (эвенк. *тураки*). Не путать с вороной – *оли*. У гальдэгиров – белая лебедь, тотем баликагиров – медведь, у киндигиров – волк, чолкогиры поклоняются могучему орлу. В настоящее время выявлено около 20 родовых тотемов. Родовые места поклонений посещают только родственники. Естественно, во время посещений ничего нельзя трогать. Название Нинтэжэк переводится с эвенкийского языка как ‘корень’. Это одно из девяти сакральных мест, которым издавна поклоняются тэпкогиры.

Места захоронений.

Старые стоянки (оленоводческие, охотничьи).

Места почитания и хранения масок божеств.

Заключение. Мы завершаем серию публикаций, посвященных сакральным местам эвенков Бурятии. Поскольку о таких местах было принято рассказывать, тем более показывать их посторонним людям, а информация перестала передаваться из поколения в поколение, мы оказались в ситуации, когда информация о священных местах могла полностью исчезнуть. Проведение экспедиций в 2012–2015 гг., возможность общения с последними носителями традиций эвенкийского этноса позволили восстановить, хотя и не полностью, знание о таких местах и посетить часть из них. Классификация священных мест и описание позволяют придать им статус охраняемых объектов, имеющих особую ценность не только для эвенков Бурятии.

Литература

- Бураева О. В. Сакральные места эвенков Бурятии (Северобайкальский район) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II междунар. науч. конф., посв. 80-летию д.и.н., проф. П. Б. Коновалова, г. Улан-Удэ, 4-6 дек. 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 269–274.
- Бураева О. В. Сакральные места эвенков Бурятии // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. Т. 8. С. 182–189.
- Герасимова К. М. Култ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 51–71.
- Гомбоев Б. Ц. Культовые места Баргузинской долины. М.; Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 287 с.
- Иметхенов А. Б. Памятники природы Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 160 с.
- Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.

КОРЕЙСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ¹

В данной статье рассматривается процесс протестантизации с участием корейских миссионеров, активно развернувшийся в Республике Бурятия в 1990-2000-е гг. Автор отмечает вклад корейских миссионеров в становление и распространение протестантизма в Республике Бурятия.

Ключевые слова: Республика Бурятия; корейский протестантизм; миссионерские практики; религиозные организации.

Grigorieva Yulia Gennadievna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

KOREAN PROTESTANTISM IN THE POST-SOVIET BURYATIA

Abstract: This article deals with the process of protestation involving Korean missionaries in the Republic of Buryatia in 1990-2000. The author notes the contribution of Korean missionaries in the formation and spread of Protestantism in the Republic of Buryatia.

Keywords: Republic of Buryatia; Korean Protestantism; missionary practices; religious organizations.

Миссионерское движение корейских протестантов началось в начале 1900-х гг. с целью обслуживания корейских диаспор за границей. Особенно массовый характер корейская иммиграция приобрела после усиления положения Японии в Корее. Многие корейцы были вынуждены жить в различных странах за рубежом, включая Китай, Маньчжурию, Сибирь, Японию, Соединенные Штаты Америки. Так, с 1900 по 1945 гг. 256 корейских миссионеров были посланы в места проживания корейских диаспор в восемь стран: 172 – в Маньчжурию, 32 – в Японию, 21 – в Россию (Сибирь), 9 – в США, 4 – в Китай, 2 – в Монголию, 1 – на Кубу [Ковальчук, 2008, с. 85]. К 1989 г. число корейских миссионеров в других странах превосходит численность миссионеров из зарубежных стран, проживающих в Республике Корея. И с каждым годом число миссионеров, отправляющихся в другие страны, неуклонно увеличивалось, достигнув к концу 2009 г. 19413 человек в 168 странах мира.

В постсоветской Бурятии особое распространение получили протестантские организации, которые дополняют традиционные верования и религии, укоренившиеся на ее территории. Согласно данным Управления министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия, на 1 января 2017 г. в Республике Бурятия зарегистрированы 48 религиозных протестантских организаций. Наиболее многочисленные из них: Христиане веры евангельской (26), Пресвитерианская церковь (7), Евангельские христиане (4).

Миссионеры из Кореи начали свою деятельность на территории Бурятии в 1994 г. Были созданы 10 пресвитерианских церквей, действовали несколько групп Йодо Фул Госпел, религиозное движение «Церковь Объединения». Популярность протестантских организаций из Южной Кореи, по мнению отечественных исследователей протестантизма в Бурятии, объясняется этническим фактором [Бадмаев, 2004, с. 10]. Гипотеза о родственности бурят и корейцев базируется на данных генетического анализа, обнаружившего близкие генетические «расстояния» между бурятами и корейцами, а также на археологических находках в древних погребениях на берегах Байкала культовых предметов, сосудов и украшений с особенностями характерными и для древних культур Кореи.

В связи с этим протестантские церкви, основателями которых являются южнокорейскими проповедники, рассматриваются бурятами как «азиатские, соответственно более близкие, в отличие от других протестантских церквей» [Ахмадулина, 2017, с. 59]. Другой причиной распространения протестантских организаций послужила активная деятельность корейской диаспоры, имеющей весомое влияние в Республике Бурятия [Ковальчук, 2008, с. 85].

Корейские миссионеры внесли большой вклад в становление и распространение протестантизма в Республике Бурятия. Одни из самых крупных протестантских организаций были основаны именно корейскими миссионерами. Так, в 1995 г. южнокорейские миссионеры основали Пресвитерианскую церковь Союза Христианских Пресвитерианских Церквей России. В 1997 г. было приобретено здание, в котором разместился молитвенный дом. В семи поселках в разных частях республики действуют филиалы церкви. В церкви республиканской столицы Улан-Удэ примерно 70 % прихожан составляют проживающие в Бурятии корейцы и буряты. Всего эта церковь объединяет больше 100 человек. В феврале 2003 г. с приездом доктора теологии пастора Вон Сон Уп при церкви была открыта Библейская семинария, первый выпуск которой был в феврале 2003 г. По мнению Владимира Никифорова, пастора, проповедующего в республике, об отдельной бурятской миссии можно будет говорить только в том случае, если Библия будет издана на бурятском языке. При этом будут сохранены традиционные обычаи и культура бурят. Как утверждает пастор, к так называемым «нетрадиционным» конфессиям насторожено относятся власти, а средства массовой информации зачастую публикуют «антисектантские» статьи. В качестве примера приводится Тарбагатай, где власти помешали провести концерт минской христианской группы «Поздний дождь» и не позволили работать палаткам церкви «Слово Жизни». Раздражение местных властей вызывают деревенские проповеди. Доходило даже до предупреждений о

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

необходимости покинуть населенный пункт и отказов миссионерам в аренде помещений. Противодействуют работе миссий и представители православной церкви.

С ноября 2003 г. в Бурятии действует Христианская Пресвитерианская Церковь «Шалом». Она была открыта выходцами из Южной Кореи Ким Кым Гон и Ли Чан Бэ. Пастор Ли стал основателем этой церкви и вел активную правоведаческую деятельность среди бурят. Он совершил множество поездок по республике со своей командой и выступал с проповедями в деревнях. На сегодня церковь продолжает осуществлять миссионерскую деятельность на территории Бурятии. Пастор Игорь Игумнов утверждает, что ее представители оказывают помощь бурятским школам и интернатам, помогают нуждающимся продуктами питания, медикаментами, одеждой, а также организуют проведение концертов христианской музыки и просмотров художественных фильмов.

В 1990-х гг. активную деятельность развернула «Церковь Объединения Преподобного Муна», основанная южнокорейским религиозным деятелем Мун Сон Мёном. Однако в 1998 г. прокуратура Бурятии обратилась в суд с просьбой отменить регистрацию в республике общественной организации «Федерация семей за мир во всем мире», которая известна как дочерняя структура так называемой «Церкви объединения», возглавляемой «преподобным» Мун Сон Мёном. В документе, направленном прокуратурой в суд, отмечается, что мунистская «Церковь объединения» признается тоталитарной сектой целым рядом организаций, включая Государственную думу России. Однако главным поводом для отмены регистрации мунистской организации в Бурятии является то, что, объявляя себя общественной структурой, «Федерация семей за мир во всем мире»

проводила массовые религиозные обряды, вовлекая в них даже несовершеннолетних. А в ряде школ Улан-Удэ представители секты пытались организовать преподавание по мунистским учебникам.

На сегодняшний день в связи с введением безвизового режима между Россией и Республикой Корея заметно активизировались миссионерские группы из Южной Кореи. Особое внимание южнокорейских миссионеров привлекают сельские районы республики. В большинстве случаев миссионеры приезжают по туристической визе, скрывая факт истинной цели поездки. В 2017 г. 4 южнокорейских миссионера-баптиста были задержаны в Бурятии и выдворены из России за незаконное ведение миссионерской деятельности в Джидинском районе Бурятии. Миссионеры, двое мужчин и две женщины, прибыли в село Петропавловка Джидинского района республики из Иркутска для распространения религиозного учения и вовлечения новых членов в Церковь евангельских христиан-баптистов. При этом в ходе паспортно-визового контроля пассажиров авиарейса Сеул – Иркутск миссионеры заявили, что их официальная цель посещения России – туризм. Прибыв в село Петропавловку, южнокорейские граждане начали обходить дома местных жителей с целью разъяснения им основ религиозного учения баптистов. При этом иностранцы не получали разрешений на ведение миссионерской деятельности ни у одной из четырех баптистских общин, зарегистрированных на территории Бурятии.

Таким образом, можно заключить, что процесс обращения в протестантизм населения Бурятии продолжается, и корейский протестантизм в ближайшие годы не снизит свое влияние в регионе ввиду активной деятельности миссионеров из Южной Кореи.

Литература

Ахмадулина С. З. Корейский протестантизм в Бурятии в 1990-2000-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 4. С. 56–61.

Бадмаев А. А., Маншеев Д. М. О протестантских общинах г. Улан-Удэ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, ч. II. С. 9–13.

Ковальчук Ю. С. Корейский протестантизм и его миссионерские практики в азиатской части Российской Федерации. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 192 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

<i>Базаров Б. В.</i> БУРЯТИЯ В XX–XXI ВВ.: ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ К СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	3
<i>Дамешек И. Л.</i> СИБИРСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИДЕОЛОГИИ ОБЛАСТНИКОВ.....	7
<i>Курас С. Л.</i> СПЕЦИФИКА НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ССЫЛКОЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	9
<i>Шиловский М. В.</i> ПРЕДПОСЫЛКИ И СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ БУРЯТ НАКАНУНЕ И В 1917 Г.....	11
<i>Курас Л. В.</i> В. И. ЛЕНИН И БУРЯТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.....	14
<i>Жалсанова Б. Ц.</i> «НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ БЫТЬ...».....	17
<i>Санжиева Т. Е.</i> РОЛЬ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛА БУРНАЦКОМА В ОБРАЗОВАНИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В СОСТАВЕ РСФСР.....	20
<i>Варнавский П. К.</i> РОЛЬ БУРЯТСКИХ КОММУНИСТОВ В ОБРАЗОВАНИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР.....	23
<i>Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В., Шаповал Е. Ю.</i> БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРИ ВЦИК РСФСР КАК СЕГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.....	26
<i>Аюшеева М. В., Ванчикова Ц. П.</i> АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦВРК ИМБТ СО РАН ПО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ СОВЕЩАНИЮ 1926 Г.....	29
<i>Цыпилова С. С.</i> ИСТОРИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В НАУЧНЫХ ТРУДАХ А. А. БАРТАНОВОЙ.....	31
<i>Дугаров В. Д.</i> ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ МОНГОЛЬСКОЙ ЭТНОСФЕРЫ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1911–1924 ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	33
<i>Батунаев Э. В.</i> РОЛЬ БУРЯТСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ МОНГОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	35
<i>Мададаева Г. И., Чимитдоржиева Г. Н.</i> НЕИЗВЕСТНЫЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЭРДЭНИ БАТУХАНА (К 130-ЛЕТИЮ).....	38
<i>Барданов Н. С.</i> РОЛЬ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В ИСТОРИИ БУРЯТИИ.....	42
<i>Минаева В. Ю.</i> ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЛЕГИОНА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (МАЙ 1918 – ФЕВРАЛЬ 1920 Г.).....	44
<i>Баикуев В. Ю.</i> БОРЬБА С ТУБЕРКУЛЕЗОМ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1920-Е – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.).....	48
<i>Хомяков С. В.</i> ВНЕДРЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1930-Е ГГ.....	50
<i>Протасов Е. Т.</i> ОРГАНЫ ВЛАСТИ БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 ГГ.).....	53
<i>Балдано М. Н.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ В 1990-Х ГГ.....	56
<i>Дагбаев Э. Д.</i> ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ.....	59
<i>Дондоков З. Б.-Д.</i> О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА.....	62
<i>Дамдинов Б. Д.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АГИНСКОГО И УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКИХ ОКРУГОВ).....	63
<i>Баикуева Е. Ю.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	65
<i>Анисимов И. В., Нолев Е. В.</i> ОБЩЕРОССИЙСКИЙ НАРОДНЫЙ ФРОНТ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ.....	67

РАЗДЕЛ 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Гармаев Е. Ж., Андреев С. Г.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	70
<i>Дондоков З. Б.-Д.</i> СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БУРЯТИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ЛИКИ БУДУЩЕГО.....	74
<i>Кальмина Л. В.</i> «ПОКУПАТЕЛЕЙ...СЪЕХАЛАСЬ МАССА, И ТОРГОВЛЯ БЫЛА ОЖИВЛЕННОЙ» (Забайкальская ярмарочная торговля в последней четверти XIX – начале XX в.: динамика и специфика).....	76
<i>Шахеров В. П.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ.....	79
<i>Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.</i> КЯХТА В XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	81
<i>Будаева Т. В.</i> ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1923 Г.).....	85
<i>Зайцева Л. А., Дамбаев Д. Н.</i> ПЕРВЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВУЗЫ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ.....	87
<i>Ихенова Л. Р.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ БМАСР (1920–1930 ГГ.).....	90
<i>Ильина Н. А.</i> СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.).....	92
<i>Очирова В. Н.</i> ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОГО ТЫЛА В 1941–1945 ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	95
<i>Жалсанова Б. Ц., Шаповал Е. Ю.</i> ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КУРОРТА «АРШАН» (1923–1990 ГГ.).....	97
<i>Одорова Т. Л.</i> КНИГОТОРГОВЫЕ КАДРЫ БУРЯТИИ В 1960–1980-Е ГГ.....	101
<i>Катаицев М. С.</i> РЕОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАДИКАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1991–1993 ГГ.).....	103
<i>Цыбенков Б. А.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	105
<i>Беломестнов В. Г.</i> ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	109

<i>Перова Е. Ю.</i> ИННОВАЦИОННАЯ ЭТНОЭКОНОМИКА КАК ОСНОВА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ.....	111
<i>Цыремпилова В. Э.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КИТАЙ–МОНГОЛИЯ–РОССИЯ».....	113
<i>Дугаржапова Д. Б.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	116
<i>Убонова Д. З.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	119
<i>Родионова Д. Н., Эрдынеева Т. Д.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ.....	120
<i>Борисов Г. О.</i> РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ БУРЯТИИ.....	123
<i>Федотова Н. П.</i> СОВРЕМЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЫ.....	126
<i>Шапошников Г. М.</i> УЧАСТИЕ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И РОСТ ПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ.....	130
<i>Арьянов А. Д.</i> ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕНЫХ ВУЗА ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	132

РАЗДЕЛ 3

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ, СОВРЕМЕННЫХ И БУДУЩИХ ИЗМЕНЕНИЙ

<i>Батоева Д. Б.</i> ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА ЭТНОКУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В XVI–XVII ВВ.	134
<i>Нанзатов Б. З.</i> ВЕРХНЕОКИНСКИЕ БУРЯТЫ В XIX В.: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ.....	137
<i>Плеханова А. М.</i> ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ В 1920-Е ГГ.	140
<i>Кириченко С. В.</i> СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ г. ВЕРХНЕУДИНСКА / УЛАН-УДЭ: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	143
<i>Тихонов А. Л.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ КАДРОВ В БУРЯТСКОЙ АССР В 1960–1980-Е ГГ.	147
<i>Семенов Е. В.</i> ИСТОРИЯ ПОЛЯКОВ В БУРЯТИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ.....	150
<i>Молонова Е. П.</i> ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И МещАНСКОЕ СОСЛОВИЕ ВЕРХНЕУДИНСКА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ.....	152
<i>Бюраева Ю. Г.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В СРАВНЕНИИ С РЕГИОНАМИ СФО.....	155
<i>Боронова М. М.</i> БУРЯТЫ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	157
<i>Дагбаева С. Д.-Н., Хандажапова Л. М., Лубсанова Н. Б.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В ОЦЕНКЕ НАСЕЛЕНИЯ.....	158
<i>Данилова З. А.</i> СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА.....	160
<i>Миткинов М. К.</i> КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ БИОН ПО ПРОБЛЕМАМ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	162
<i>Жамбалова С. Г.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ.....	165
<i>Жалсанова В. Г.</i> ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ В 2000-Х ГГ.....	168
<i>Ван И. Д.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	170
<i>Бильтрикова А. В.</i> ФАКТОРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	173
<i>Бадараев Д. Д.</i> ПОЛИЭТНИЧНЫЙ РЕГИОН КАК ТЕРРИТОРИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ.....	175
<i>Бильтрикова А. В., Бреславский А. С., Жалсанова В. Г.</i> МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ СРЕДИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА.....	178
<i>Очирова Л. И., Борисенко Т. В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРЕРЫВАНИЯ ЖЕНЩИНАМИ БЕРЕМЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	181
<i>Кузнецова Я. А.</i> МИГРАЦИИ В БУРЯТИИ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	183
<i>Очиров Ц. С.</i> ШЭНЭХЭНСКИЕ БУРЯТЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕЭМИГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	185

РАЗДЕЛ 4

КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ

<i>Гарри И. Р.</i> БУРЯТИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО СХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУР.....	188
<i>Номогоева В. В.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ БУРЯТИИ В 1920–1930-Е ГГ.: УРОКИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.....	190
<i>Гречаник Л. Е.</i> ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ТАНСКИХ.....	193
<i>Соболева А. Н.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР.....	196
<i>Затеева Н. Ал., Татарова С. П.</i> КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В БУРЯТИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В 20–30-Е ГГ. XX В.....	199
<i>Шагдарова Б. Б.</i> ГАЗЕТА МОЛОДОЙ РЕСПУБЛИКИ «БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ ПРАВДА».....	201
<i>Банзарацзаева Е. В.</i> ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕОБУЧА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	203
<i>Цыремпилова И. С.</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА БУРЯТИИ.....	205
<i>Дашибалова И. Н.</i> ПРЕДСТАВЛЯТЬ И ТРАНСЛИРОВАТЬ: ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ БУРЯТ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА.....	208
<i>Русинова О. А.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОЗИТОРСКАЯ ШКОЛА БУРЯТИИ: К 80-ЛЕТИЮ СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ.....	210
<i>Санжиева Л. Н.</i> МУЗЫКА КОМПОЗИТОРОВ БУРЯТИИ В СТРАНЕ И МИРЕ.....	213

<i>Соломенникова В. И., Банзаракцаева Е. В.</i> ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ БУРЯТИИ И Г. УЛАН-УДЭ В ОПЕРАХ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ.....	217
<i>Чимитдоржиева Л. Ш.</i> ИЗ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В БУРЯТИИ.....	219
<i>Базарова Г. Д., Лыскова В. Ц.</i> ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ НАУЧНОГО ЦЕНТРА В БУРЯТИИ.....	222
<i>Полянская О. Н.</i> РОССИЙСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ: ЭКСПЕДИЦИИ Н. Н. ПОППЕ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.	225
<i>Бильдурева С. В.</i> НОВЫЙ ДОКУМЕНТ Б. БАРАДИНА О РАБОТЕ Ф. А. КУДРЯВЦЕВА.....	228
<i>Ринчинов О. С.</i> ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ВЫСШИХ ТИБЕТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (СИНТС): «КУЗНИЦА КАДРОВ» ТИБЕТСКОЙ ОБЩИНЫ В ИНДИИ.....	230
<i>Кучмурукова Е. А.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КНИГОИЗДАНИЯ БУРЯТИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	232
<i>Ринчинова Ю. С.</i> БИБЛИОТЕКИ БУРЯТИИ: ДОСТУПНОСТЬ, МОБИЛЬНОСТЬ, ВОЗМОЖНОСТИ.....	234

РАЗДЕЛ 5

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БУРЯТИИ: МЕЖДУ ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ

<i>Содномпилова М. М.</i> ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ.....	263
<i>Петрова Е. В.</i> ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СЕМЕЙСКИХ (СТАРООБРЯДЦЕВ) В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	239
<i>Миягашева С. Б.</i> ОБУВЬ В ТРАДИЦИОННОМ КОСТЮМЕ БАРГУТОВ ХУЛУН-БУИРА.....	242
<i>Рассадин И. В.</i> СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ У СОЙОТОВ ДО ПЕРЕХОДА НА ОСЕДЛОСТЬ.....	245
<i>Базаров Б. А.</i> ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	248
<i>Базаров Б. А., Миягашев Д. А., Именохов Н. В.</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЯ «СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМБТ СО РАН.....	251
<i>Бураев А. И.</i> ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ.....	255
<i>Константинов М. В.</i> ДРЕВНОСТИ БУРЯТИИ: НАУКА, КУЛЬТУРА, ТУРИЗМ.....	258
<i>Симухин А. И.</i> МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ.....	260

РАЗДЕЛ 6

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ СТАРЫХ И НОВЫХ ФОРМ БЫТОВАНИЯ

<i>Цыренов Б. Д.</i> ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ КИРИЛЛИЗАЦИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА (XIX В.).....	262
<i>Дырхеева Г. А.</i> К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ МОЩНОСТИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА.....	264
<i>Бадмаева Л. Д.</i> ПРОБЛЕМЫ АСИММЕТРИИ РУССКО-БУРЯТСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А. С. ПУШКИНА).....	266
<i>Сундуева Е. В.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ВЫПУКЛОГО / ВОГНУТОГО С ПОМОЩЬЮ КОРНЕВОГО СОГЛАСНОГО L В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ.....	268
<i>Бадмаева Л. Б.</i> ЯЗЫК МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОЦЕССЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕАРХАИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ.....	270
<i>Дугаров Б. С.</i> ГЭСЭРИАДА В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ БУРЯТ.....	272
<i>Николаева Н. Н.</i> СМЕНА ОБЛИКА И ТРАВЕСТИЙНЫЕ МОТИВЫ В ЭПОСЕ БУРЯТ.....	274
<i>Аюшеева Э. Б.</i> МОТИВ БУДДИЙСКОГО ХРАМА В ЭПОСЕ.....	277
<i>Дампилова Л. С., Дамбийхорлоо Н.</i> МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ О ЧИНГИСХАНЕ.....	279
<i>Цыбикова Б.-Х. Б., Мягмарсүрэн О.</i> МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАСТ В УСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ БУРЯТ.....	282
<i>Тихонова Е. Л.</i> ПРЕДАНИЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БУРЯТИИ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ С КОНКРЕТНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТАТАР, МОНГОЛОВ, КИТАЙЦЕВ.....	284

РАЗДЕЛ 7

ДУХОВНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: БУДДИЗМ, ШАМАНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

<i>Янгутов Л. Е.</i> ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО В БУРЯТИИ.....	287
<i>Амоголонова Д. Д.</i> БУДДИЗМ В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.).....	290
<i>Пащинин А. В.</i> ИСТОЧНИКИ ПО ГЕНЕАЛОГИИ КРЕЩЕННЫХ ИНОРОДЦЕВ В МАТЕРИАЛАХ ТРУДОВ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ЗА 1862–1883 ГГ.....	293
<i>Жамсуева Д. С.</i> ЧЕСАНСКИЙ (ЧЕСАНОВСКИЙ) ДАЦАН: АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ ВОЗВЕДЕНИЯ ХРАМА.....	297
<i>Дамбаева В. Б.</i> ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ХРАМОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ЦОНГОЛЬСКОГО ДАЦАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.....	300
<i>Абаева Л. Л.</i> ВОССТАНОВЛЕНИЕ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ БУРЯТИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (В КОНТЕКСТЕ «ПОЛОЖЕНИЯ О БУДДИЙСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ СССР» 1946 Г.).....	302
<i>Мазур Т. Г.</i> БУДДИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ И КИТАЕ.....	305
<i>Батуева А. Б.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БУДДИСТОВ В 1960–1970-Х ГГ.....	307
<i>Нестеркин С. П.</i> ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ БУДДИЗМ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ.....	310
<i>Урбанаева И. С.</i> БУДДИЗМ КАК ФАКТОР МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС БУРЯТИИ.....	312
<i>Базаров А. А.</i> МАЛОФОРМАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРАМАНАВАРТТИКА ИЗ ТИБЕТСКОГО ФОНДА ИМБТ СО РАН.....	315

<i>Цыренов Ч. Ц., Бадонов А. М.</i> БУРЯТСКОЕ РЕЛИГИОЗНО-ДИДАКТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ «ЗЕРЦАЛО МУДРОСТИ»: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	317
<i>Аюшеева Д. В.</i> ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫХ ШКОЛ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА.....	320
<i>Кринская З. А.</i> СВЯТИЛИЩЕ ЯНЖИМЫ В БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЕ: РАЗВИТИЕ КУЛЬТА БОГИНИ.....	323
<i>Хингеева Л. М.</i> ШАМАНИЗМ И ЕГО МЕСТО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ.....	325
<i>Бураева О. В.</i> САКРАЛЬНЫЕ МЕСТА ЭВЕНКОВ БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЫ.....	327
<i>Григорьева Ю. Г.</i> КОРЕЙСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ.....	331

РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ – 95 ЛЕТ

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Макет обложки – Д. Т. Олоев
Верстка, макет – Т. Т. Гармаева

Подписано в печать 21.05.2018. Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 40,02. Уч.-изд. л. 61,9. Тираж 250. Заказ № 14.

РИО Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.